

Марк Юсим

МАКИАВЕЛЛИ

Мораль • Политика • Фортуна

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЮСИМ М. А.

МАКИАВЕЛЛИ.
*Мораль, политика,
фортуна*

**Этика Макиавелли.
Макиавелли в России**

МОСКВА
«КАНОН+»
2011

УДК
ББК
Ю

Юсим М. А.

Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. *Этика Макиавелли. Макиавелли в России.* /
М. А. Юсим. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.
с.: ил.

ISBN 978-5-88373-259-3

Политики, как и другие люди часто говорят одно, а поступают по-другому. Все знают, например, что нехорошо брать взятки, но коррупция процветает. Макиавелли часто воспринимают как человека, который теоретически узаконил принцип «не пойман - не вор». Автор двух переиздаваемых монографий показывает, что это представление, по меньшей мере, поверхностно; он также опровергает расхожее положение о разделении политики и морали у Макиавелли. Отправным пунктом служит тезис о том, что флорентийский секретарь впервые на заре Нового времени стал учитывать фактор человеческой субъективности, общественного мнения, расхождений между сферой действия и сферой оценки в политике и в жизни; в рамках ренессансных этических представлений переосмыслил феномен власти как одновременно и нравственного, и безнравственного учреждения.

Первая часть, озаглавленная «Этика Макиавелли», может служить введением к чтению сочинений итальянского мыслителя, здесь рассматриваются ключевые проблемы его творчества. Во второй части, «Макиавелли в России», дан обзор мнений о Макиавелли, высказывавшихся в нашей стране или имеющих отношение к ее истории, начиная со времен Ивана Грозного и Петра Первого и до середины истекшего десятилетия.

ББК

ISBN 978-5-88373-259-3

© Юсим М. А., 2011
© Издательство «Канон+»
РООИ «Реабилитация», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот том представляет собой переиздание двух книг, с момента первой публикации каждой из которых уже прошло немало лет.

«Этика Макиавелли» была задумана в начале 70-х гг. прошлого века, основная часть текста восходит к 1980 г., а издание было осуществлено только в 1990 г. (хотя ряд глав до этого был опубликован в виде статей).

Монография «Макиавелли в России» издана небольшим тиражом в 1998 г.

За это время случилось немало перемен, о Макиавелли написано с тех пор очень много, и каждый год во всем мире и в России выходит великое множество новых книг и статей, в том числе электронных, так что в текстах, где значительное место уделено историографии, вероятно, следовало бы как-то отразить эти перемены и написать об этих новых (хотя новизна в данном случае почти всегда условна) прочтениях флорентийского секретаря.

Тем не менее такая работа была проделана автором лишь в малой степени, отчасти в силу ее необъятности, отчасти поскольку историографический и библиографический обзор были все-таки сопутствующей задачей, а главным образом потому, что внесение радикальных изменений, особенно в первую книгу, потребовало бы ее полной переделки, фактически создания новой.

Вместе с тем взгляды автора кардинально не изменились, и хотя отдельные фразы и положения «Этики Макиавелли» выглядят сегодня слишком прямолинейными или наивными, я решил сохранить их в том виде, в котором они были высказаны первоначально, за исключением некото-

рых уточнений или поправок. Это своего рода введение в чтение Макиавелли, а не чисто историческая работа.

Макиавелли является в наше время вполне востребованным автором, сейчас имеется множество самых разных изданий его сочинений в разных переводах с комментариями разных публикаторов и толкователей. Среди этих комментариев и толкований последних есть оригинальные, любопытные и иногда очень странные, что характерно для современной умственной атмосферы с ее раскованностью. Отчасти это отражено в дополнительной главе к «Макиавелли в России», где приведен краткий обзор литературы о Макиавелли примерно до 2004 г.

Смысл совместного издания двух монографий о Макиавелли заключается в том, что они дополняют и помогают понять друг друга; в целом они отражают авторский взгляд на идеи флорентийского секретаря, на их значение в истории и на их восприятие в нашей стране.

М. Юсим

МАКИАВЕЛЛИ: НАУКА, МОРАЛЬ, ПОЛИТИКА

С течением времени образ Макиавелли стал одним из символов в истории европейской и мировой культуры и в качестве такового неизбежно должен вызывать к жизни все новые научные и художественные интерпретации. Кроме того, современным мыслителем делают Макиавелли беспощадная острота и масштабность общечеловеческих противоречий, сталкивающихся в его творчестве. Историки, изучавшие итальянское Возрождение, всегда уделяли Макиавелли первостепенное внимание; с каждым годом появляются новые работы с такими, например, названиями: «Макиавелли – антихрист», «Макиавелли – революционер».*

В советской историографии за последние годы вырос интерес к его творчеству, но до сих пор исследования, посвященные великому флорентийскому мыслителю, можно пересчитать по пальцам*.

Резкие суждения Макиавелли о политической нравственности, более четырехсот /вот уже около пятисот/ лет

* *Prezzolini G.* Machiavelli antichristo. Roma, 1954; *Procacci G.* Machiavelli rivoluzionario // Machiavelli N. Opere scelte / A cura di G. F. Berardi. R., 1973 (2 ed.); *Malarczyk J.* Myśliciele włoskiego Renesansu o potrzebie rewolucyjnego przewrotu w Italii // *Czasopismo prawno-historyczne.* Poznań, 1985. T. 37. Z. 1, 25–41.

За последние годы усилилась и обратная тенденция – изображать Макиавелли вполне ортодоксальным верующим, см., например, некоторые статьи из отечественного сборника: Максима Макиавелли. Уроки для России XXI в. М., 2001.

* Разумеется, картина за прошедшие двадцать-тридцать лет радикально изменилась, о чем подробнее будет говориться во второй части.

волновавшие умы, за первые три века навлекли на его труды большей частью морализирующее порицание. Позитивизм прошлого столетия остановился на более снисходительном к Макиавелли разграничении нравственности и «нейтральной» политической науки. Для XX в. характерна потребность переосмыслить эти взгляды с точки зрения этики, возведенной в ранг научной дисциплины. Что касается двадцать первого века, я бы сказал, что наблюдается новый всплеск общественного интереса к Макиавелли, связанный с разочарованиями в прогрессе и утратой надежд на изобретение идеального общества (разумеется, не только в России). К сожалению, в политике и общественном мнении этот феномен нередко сочетается с пониманием Макиавелли как автора, «научно» оправдывающего любые неблагоприятные поступки, что совершенно неверно.

Предметом данной книги является обзор творчества и деятельности Макиавелли на основании его этики – подразумевается этика в широком смысле – не столько положительные или отрицательные предписания, сколько представления о мотивах поступков людей, об отношениях ценности, на которых строится общественная механика – это дает возможность соотнести его сочинения с идейной историей эпохи: ведь и политическое теоретизирование Средних веков опиралось на моральные установки, главным образом религиозные, и первое преимущественно светское культурно-философское течение идейное движение – гуманизм – было проникнуто нравственными раздумьями; отсюда и интерес к ним у самого Макиавелли.

Таким образом, эта книга не столько может подробно познакомить с сочинениями и жизнью флорентийского политика, сколько рассматривает. В все творчество Макиавелли рассматривается здесь под углом зрения нравственности, то есть оценивает что позволяет понять его наследие в целом. Это своего рода «введение в изучение Макиавелли», следовательно, оно может быть полезно тому, кто уже имеет представление о его трактатах и политической биографии, или тому, кто вовсе незнаком с ними. Попросту

говоря, его можно читать до или после трудов Макиавелли, но не вместо них.

* * *

Чтобы понять философский смысл данного у Макиавелли решения нравственно-политической проблемы, нужно сказать два слова о принципиальной возможности научного подхода к «субъективной сфере» морали, тем более что Макиавелли до сих пор сплошь и рядом объявляется иногда «чистым» политиком, разделившим политику и мораль. В свое время тезис о разделении политики и морали послужил для идейной реабилитации Макиавелли в позитивистском духе как ученого, открывающего объективные законы, и освободил его от прямолинейного обвинения сыграл положительную роль, поскольку он апеллирует к научности и снимает с Макиавелли как ученого обвинение в аморализме.

Но сегодня очевидно, что от одного противопоставления политической реальности и нравственных норм для науки пользы мало. Нужно объяснить их расхождение, тем более, что и государство и мораль вызваны к жизни общим интересом.

Сам Макиавелли выдвинул главный тезис, послуживший потом главным аргументом от науки для всем защитникам научности защитников его смелых высказываний, – требование «действительной истины». Поэтому вопрос об истине становится ключевым в разговоре о Макиавелли. Его собственные взгляды на истину рассматриваются ниже, а пока сопоставим предписания морали и научные истины: чем они отличаются, «что есть истина» в сфере морали? Какова мера объективности науки и субъективности морали? И наоборот, присуща ли науке субъективность, а морали – объективность?

Если представлять науку как совершенно безликое и неподвижное отображение мира, то никакой субъективности в ней нет места. На самом же деле познание тем больше приближается к подлинной глубине, чем больше оно учитывает свой человеческий характер, свою историческую ограниченность и свою субъективность. Сама наука является процессом,

и задачи науки – это задачи своего рода практической деятельности, создание, условно говоря, «технологии», способов достижения известных целей. Следовательно, в любой науке заложен ценностный подход, по сути своей субъективный, хотя это может быть субъективность не отдельного человека, и не группы людей, а всего человечества.

Что касается морали, то утверждение общеобязательности, абсолютной объективности ее предписаний было преимущественно делом религиозных и идеалистических учений, отдалявших сферу человеческих отношений, регулируемую моралью, от всех прочих видов деятельности или, как мы сказали, «технологий», хотя и в них есть общечеловеческое, а в морали – временное. В борьбе с абсолютизацией морали многие мыслители подчеркивали ее субъективный и преходящий характер, относительность нравственных критериев. Такая точка зрения может подкрепляться функционалистским противопоставлением морали и политики – у каждой своя область, свои цели и законы. Но мораль занимает особое – по отношению ко всем видам человеческой деятельности, ко всем «технологиям» – место. Мораль – это способ, «технология» быть человеком в конкретной социальной обстановке времени и среды. Уже поэтому нелепо противопоставлять ее политике, с которой она имеет общий предмет – отношения людей. Что же касается субъективности нравственных предписаний, то они на деле столь же объективны, как и практические выводы любой науки, поскольку имеют общечеловеческий критерий; и столь же субъективны, поскольку конкретны, изменчивы, определяют условиями места и времени.

Заслуга Макиавелли состояла не в освобождении «науки» от морали, а в освобождении ее от непререкаемых догм абстрактного морализирования. Нравственные проблемы политики можно и должно решать только в пределах этики, ставя при этом вопросы о происхождении моральных норм, о том, как люди к ним относятся, что о них думают, как используют и как поступают. Желание Макиавелли разрешить эти вопросы определило, как будет видно из дальней-

шего изложения^{*}, особенности его этических, а также политических и религиозных идей.

^{*} Некоторые главы опубликованы в виде статей, здесь они воспроизводятся с изменениями.

ИСТИНА У МАКИАВЕЛЛИ И У ГУМАНИСТОВ

Когда у философов заходит речь о действительности, можно обмануться точно так же, как когда видишь на витрине лавки старьевщика вывеску «Стирка белья». Какое же испытаешь разочарование, если принесешь старьевщику белье в стирку. Эта вывеска висит там только для продажи.

С. Кьеркегор

Понятие истины занимает обычно одно из центральных мест в анализе любого философского течения. Но когда речь идет о гуманизме эпохи Возрождения, оно требует особенно пристального внимания как средоточие рациональных и нравственно-эстетических элементов.

Для гуманистов постижение истины – это путь к нравственному совершенству: вслед за Аристотелем они считают разум главным свойством человека и поэтому мудрость – высшей его добродетелью¹. Это позволяет видеть в гуманистах провозвестников научной революции, хотя предмет, методы и формы познания эпохи Ренессанса коренным образом отличаются от более поздних, не говоря уже о нынешних.

Истина у гуманистов выступает как онтологическое понятие, основа бытия, ее познание является высшей целью само по себе, оно чуждо утилитарных целей; в первую очередь его задачи познания – в первую очередь нравственные и эстетические. Одновременно в этике и эстетике роль знания поднимается на небывалую со времен античности высоту; не случайно в конце XV в., широко распространяется учение о познании Платона о познании, трактующее любовь как постижение прекрасного. Выдвижение истины на первое место в системе цен-

¹ Rice E.E. The Renaissance idea of wisdom. Harvard Univ. Press, 1958.

ностей приводит к полному ее отождествлению с благом, что в предельной форме выражает следующее высказывание главы флорентийских платоников Марсилио Фичино; «Во всех наших делах лишь знание само по себе – благо, лишь незнание само по себе – зло»¹ – эта примечательная фраза отражает общую склонность гуманистов сближать понятия хорошего и истинного. Первенство в познании, нравственных задач и вера во всемогущество знания немало способствовали неразборчивости гуманистов в усвоении всевозможных противоречивых традиций и тех далеких от сегодняшней науки форм, которые имели у них права гражданства (в частности, магия, астрология). Культ истины, составлявший своего рода исповедание веры гуманистов, для позднейшей интеллигенции явился одной из заповедей, связавших современное понимание гуманизма с ренессансным.

Какова же была основная сфера приложения умственных сил гуманистов, сфера их преимущественного интереса? В их сочинениях учение о природе, космологии, описание человека и его свойств занимали подчиненное, хотя и важное место, составляя «естественнонаучную базу» эстетики и этики. Здесь господствовала отвлеченная мысль, опиравшаяся на авторитеты и не вступавшая в заметное противоречие с господствующей церковной идеологией, даже когда она обращалась к античной традиции. Однако одним из главных результатов культурной деятельности гуманистов явилась разработка светских принципов этики, которые не вступали в открытое противоречие с традиционной и проповедуемой церковью моралью, но нарушали монополию последней, пусть и не вопреки религиозной морали, и это оказалось довольно опасным для последней.

¹ «Sola igitur ex omnibus rebus nostris sapientia per se bonum est, sola insipientia per se malum» // *Ficini M. Florentini insigni philosophi platonici, medici atque theologhi clarissimi Opera...* Basileae, 1576. P. 608.

Интенсивные размышления над нравственными вопросами свидетельствуют обычно о начавшейся в обществе переоценке ценностей и о приближении перемен. А поскольку любая религия претендует на монополию в области нравоучения, новые веяния неизбежно вступают в противоречие с ее официальной доктриной. Другое дело, что формы этого столкновения могут быть весьма разнообразными, так же, как и степень разногласий. Возможности критики достаточно велики в рамках самой морали, освященной церковью, и с такой критики начинались все ереси и обновленческие движения начинались если не с ниспровержения традиционных ценностей, то, по меньшей мере, с критики их хранителей и наставников. Во что выливаются общественные настроения, породившие новые нравственные проблемы, зависит уже не от степени радикализма критиков, а от ряда социальных причин. И если гуманистическое движение не сопровождалось глубокими общественными сдвигами и борьбой, характерными для Реформации, то это не умаляет его преобразовательной роли в духовной жизни Европы. Причины следует искать в особенностях национального, государственного и культурного развития отдельных частей Европы, в первом приближении, ее Севера и Юга.

Гуманисты, даже самые радикальные из них, не собирались ниспровергать основы освящаемой церковью как известно, не выступали против основ религиозной морали,; они скорее хотя в «практической» этике напали на ее средневековое истолкование; возрождали и признавали право на существование других, преимущественно античных, нравственных идеалов, будь то гражданственность (Колюччо Салютати), эпикуреизм (Лоренцо Валла), философская созерцательность (Платоновская академия)¹. В теории этика итальянских гуманистов оставалась идеалистической, покоясь на той же вере в метафизическое про-

¹ См.: Брагина Л. М. Итальянский гуманизм: Этические учения XIV–XV веков. М., 1977.

исхождение нравственных истин, которая присуща развитым религиям, на вере в абсолютное объективно существующее благо. Для христианских философов мысль о том, что только благо истинно существует, была одной из основополагающих. «Если все сущее, поскольку оно таково, благо, то всякое зло, поскольку оно таково, есть несущее»¹, – писал Фома Аквинский. Но приблизиться к этому благу человеческий разум может лишь с помощью благодати, исходящей от бога, запредельного для человеческой мысли источника. Поэтому и основы морали, данные богом, не подлежат обсуждению, установлены навечно.

Расхождение гуманистов с христианской доктриной начинается с полного отождествления истины и блага, хотя сама по себе такая идейная установка не несет в себе ничего революционного. Если не толковать ее буквально, то есть не требовать последовательного проведения мысли о тождестве разумного и хорошего, то окажется, что она не будет чуждой представителям совершенно разных течений. Все дело в том, что понимается под истиной и под благом. Для средневекового философа «божественная истина есть мера всякой истины»², здесь преобладает религиозно-нравственный подход. У гуманистов истина выступает как итог человеческого познания, как рациональное начало. Противопоставление блага и зла выглядит теперь, как противостояние знания и невежества – новое содержание постепенно наполняет старую форму этого противопоставления. Гуманисты указывают путь к тому же благу, но путь, уже не совпадающий с предписаниями религии, путь сомнения, а не путь веры. Это поиски истины, больше основанные на недоверии, чем на вере. Не случайно в то время зарождается историческая критика (Флавио Бьондо) и филологическая критика текстов (Лоренцо Валла), выступающая в форме борьбы чистого знания с невежеством.

¹ Цит. по: *Боргош Ю.* Фома Аквинат. М., 1975. С. 175

² Там же. С. 102.

Последним критерием истины для гуманистов был фактически сам разум, сама истина; отвергая одни авторитеты, они часто чересчур преклонялись перед другими, которые представлялись источниками независимых истин (иллюстрацией может служить сам факт известного спора о Платоне и Аристотеле в середине XV в.), поскольку последние представлялись им оракулами абсолютных истин. Правда, ренессансные мыслители обращаются и к опыту, причем главным наставником в этом отношении является для них в это же время на передний план выдвигается и другой критерий истинности — естество, природа, в которой заключены разумность и соразмерность. Что естественно для человека, то и разумно в его поступках, заложенные природой стремления – оправдание его действий. Вершину же естества человека и залог его самостоятельного положения в мире, его свободы, гуманисты видели в разуме. Такова, например, постановка вопроса в речи «О достоинстве человека» выдающегося мыслителя Джованни Пико делла Мирандолы. В ней творец заявляет: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанности ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению»¹.

В превознесении свободы человека на основании его разумности можно видеть начало современного отношения к человеку и собственно «гуманистическое» существо гуманизма. Открытие индивидуальной ценности каждого человека стало возможным на основе слияния античного антропоцентризма с глубоким проникновением в психологию, подготовленным христианством. Не случайно корни главных завоеваний гуманизма многие исследователи находят в воззрениях ренессансных мыслителей на истину и знание².

¹ Брагина Л. М. Указ. соч. С. 225–232.

Однако было бы неправильно считать последним словом ренессансного гуманизма – постольку, поскольку можно говорить о нем в целом, – признание множественности или относительности проявлений бесконечной истины. Гуманисты верили именно в единую человеческую истину, в объективно существующие прекрасное и благое, поэтому для них первостепенное значение имел факт принадлежности всех многочисленных выражений абсолютной истины к огромному сверкающему зданию разума, а причастность к этому храму для человека означала высшее оправдание и цель жизни.

* * *

«Теперь нам осталось посмотреть, какого поведения должен придерживаться государь в отношении подданных и друзей. А так как я знаю, что многие писали об этом, то не уверен, что не буду выглядеть самонадеянным, взявшись за перо, ибо, обсуждая этот предмет, я больше всего расхожусь с другими. Но поскольку я намереваюсь написать нечто полезное для того, кто способен это понять, мне показалось правильнее следовать настоящей, а не вообразимой правде вещей. Многие воображали себе республики и княжества на деле невиданные и неслыханные, ведь между тем, как люди живут, и тем, как они должны были бы жить, – огромная разница, и кто оставляет то, что делается, ради того, что должно делаться, скорее готовит себе гибель, чем спасение, потому что человек, желающий творить одно только добро, неминуемо погибнет среди стольких чуждых добру. Поэтому государю, желающему сохранить свою власть, нужно научиться быть недобрым и пользоваться этим умением в случае необходимости.

Итак, я оставляю воображаемых государей и, переходя к настоящим, скажу, что всем людям, о которых судят, а в

² *Баткин Л. М.* Итальянский гуманистический диалог XV века // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976; *Кузнецов Б.Г.* Данте, Галилей, Эйнштейн // Философские науки. 1976. № 1.

особенности государям, стоящим выше прочих людей, приписывают некоторые качества, выражающие похвалу или порицание: так, одного считают щедрым, другого скупым, если взять тосканское название (потому что по нашему жадный – это и тот, кто зарится на чужое, а скупым мы называем того, кто слишком неохотно пользуется своим); кого-то считают склонным к благотворительности, кого-то – к стяжанию; кого-то жестоким, кого-то сострадательным; одного вероломным, другого верным; одного изнеженным и трусливым, другого свирепым и отважным; одного человечным, другого надменным; одного сластолюбивым, другого целомудренным; одного прямодушным, другого хитрым; одного упрямым, другого покладистым; одного серьезным, другого легкомысленным; одного набожным, другого неверующим и тому подобное. И я знаю, каждый объявит, что для государя самое похвальное – придерживаться вышеописанных качеств, то есть тех, которые почитаются хорошими, но поскольку невозможно ни иметь, ни соблюдать их полностью, ибо этого не позволяют условия человеческого существования, ему следует быть достаточно благоразумным, чтобы избежать дурной славы тех пороков, которые могут отнять у него государство, и остерегаться тех, которые не так опасны, если это возможно, если же невозможно, на них не стоит обращать особого внимания. А тем более не стоит волноваться о дурной славе пороков, не впадая в которые трудно спасти государство, ибо если как следует все рассмотреть, найдется нечто, что покажется добродетелью, но ведет к гибели, и нечто, что покажется пороком, но, следуя ему, можно достичь безопасности и благополучия»¹.

¹ Государь. XV. Р. 69–70. Здесь и в последующих главах цитируется по: *Machiavelli N. Opere scelte / A cura di G.F. Berardi. R., 1973* (Далее: без отсылки или Оп. В). Полностью этот перевод «Государя», а также «Рассуждений» (см. следующую сноску) опубликован впервые в издании: Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., Росспэн, 2002.

Приведенная глава XV трактата «Государь», как и многие другие пассажи в сочинениях Макиавелли, благодаря афористичности его стиля и емкости мысли является своеобразной характеристикой творчества Макиавелли в миниатюре. Речь идет как раз о правде вещей и нравственной оценке.

Как и в других случаях, тему раскрывает подзаголовок: «О том, за что хвалят или порицают людей, особенно государей». Но автор не приступает сразу к своему предмету, а развивает сначала ряд противопоставлений. Первое противопоставление – себя и других писателей – вытекает из следующего и главного: «настоящей и воображаемой правды вещей». Почему именно здесь сравниваются две истины? Речь идет о жизни людей и об их поступках. Представления о том, как люди должны жить, как они должны поступать, говорит Макиавелли, далеки от реальной жизни и реальных поступков, как небо от земли. Предпосылка, между прочим, вполне совместимая с христианской доктриной. Ведь Макиавелли не отказывается от идеала, а только объявляет его недостижимым: слишком много вокруг «чуждых добру». Правда, вывод, который он делает, продиктован чисто светскими интересами, это совет государю в случае необходимости научиться быть недобрым. Заложенный здесь нравственный принцип можно сформулировать так: признание творимого зла действительным злом и оправдание его неизбежности злом окружающим.

Однако, раскрывая свою мысль, Макиавелли придает ей совершенно иной оборот. Поскольку мораль – область мнения, людям *приписывают* качества, *выражающие* похвалу или порицание (оценку). Хотя на первый взгляд два ряда противоположных качеств однозначно противопоставлены друг другу, в их трактовке Макиавелли отходит от понятий абсолютного блага или зла: качества, *почитаемые* хорошими, невозможно сохранить полностью; то, что ведет к гибели, лишь *кажется* добродетелью. Здесь можно увидеть элементы нравственного релятивизма.

Наконец, третий вариант объяснения нравственной концепции Макиавелли – оправдание творимого зла, (на которое

мы идем сознательно) с точки зрения высшего критерия, оправдание зла добром. В данном случае таким критерием выступают интересы государства в лице нового государя.

Напомним, что свои необычные высказывания Макиавелли объясняет желанием раскрыть истину. В другом случае он защищает свое особенное мнение (касающееся политических преимуществ народа перед единоличным государем) таким образом: «Как бы то ни было, я не считаю и никогда не буду считать преступлением защиту каких-либо мнений с помощью разумных доводов, лишь бы при этом не пользоваться властью или силой»¹. Исповедуя гуманистический идеал свободного познания, Макиавелли делает громадный шаг к научному описанию общественных отношений, шаг революционный, за который его сравнивали с Галилеем².

Большинство ученых признает сейчас новизну и ценность поисков реальной истины у Макиавелли. Но каковы были результаты этих поисков, на века закрепившие за именем первооткрывателя дурную репутацию первооткрывателя? Крайнее их выражение до сих пор становится камнем преткновения в любом исследовании, посвященном Макиавелли. Многие его высказывания последнего звучат резким диссонансом оптимистическим представлениям-заявлениям гуманистов о природе человека и о гражданской доблести, хотя есть и созвучные им. Не был ли флорентийский секретарь своего рода декадентом гуманизма? Отвечая на этот вопрос, нужно учесть внешнюю противоречивость многих его идей, породившую разногласия мнений о самом Макиавелли. Уже в приведенном отрывке самого

¹ Рассуждения о первых десяти книгах Тита Ливия. Кн. 1, гл. 58. Op. В. P. 243. Части, которые не вошли в издание Берарди, цитируются по: *Machiavelli N. Opere complete. Firenze, 1833. Vol. unico* (Далее: Op. cit).

² *Cassirer E. The Myth of the state. Fortune, June 1944. P. 167; Olschi L. Machiavelli the scientist. Berkeley, 1945, P. 22, 54.* На русском языке анализ идей Макиавелли в контексте научной революции XVI–XVII вв. см.: *Кузнецов Б.Г. Идеи и образы Возрождения. М., 1979.*

знаменитого трактата «Государь», намечались три разные этические концепции.

Об этом склонном к парадоксам писателе высказывались совершенно противоположные предположения, в частности, что Макиавелли был скрытый монархист или скрытый республиканец, или, что он хотел в завуалированной форме показать народу беспринципность государей, наконец, о том, что он просто мистифицировал читателей-каторстве Макиавелли.. Некоторые его высказывания просто ставят в тупик и могут заронить сомнения в искренности пишущего. В самом деле, в известном письме своему другу Франческо Веттори от 10 декабря 1513 г. Макиавелли сообщает, что закончил брошюру *de principatibus* (о княжествах), то есть прославленный в будущем трактат «Государь», где речь наряду с прочим шла и о том, как государь должен соблюдать верность. «Благоразумный правитель не может и не должен быть верен обещанию, если это оборачивается против него и исчезли причины, побудившие его дать слово. Если бы все люди были добры, это был бы дурной совет, но так как они склонны ко злу и не будут верны тебе, ты не обязан быть верен им»¹. В том же письме Макиавелли говорит, что с помощью этой книги, свидетельствующей о его политическом опыте, он хочет поступить на службу к новым правителям Флоренции и поэтому собирается поднести ее Джулиано Медичи². «Ему, – пишет он о Джулиано, – не следует сомневаться в моей верности, ведь всегда ранее соблюдая верность, я не могу теперь вдруг научиться ее нарушать, и кто был верным и честным, как я, сорок три года, не изменит свою природу в один миг. Свидетельство моей честности

¹ Государь. XVIII. P. 80.

² Письма Макиавелли приводятся по изданию *Machiavelli N. Opere complete / Con introduzione di G. Procacci. Milano, 1961. Vol. 6: Lettere / A cura di F. Gaeta. P. 305.*

сти и верности – моя бедность»¹. Добавим, что это пишет человек, прослуживший, по его собственным словам, верой и правдой пятнадцать лет республиканскому правительству Флоренции, в котором он занимал ответственный пост секретаря второй Канцелярии и которое было свергнуто сторонниками Медичи менее чем за год до описываемого момента. Сам же Макиавелли в то время только недавно вышел из заключения, где подвергся пытке как предполагаемый участник республиканского, антимедичейского заговора. В этом письме он рассуждает как профессиональный политик, потерявший работу, но, с другой стороны, как будто бы забывает собственные рецепты политической мудрости – предлагает услуги недавнему врагу и ссылается при этом на свою верность врагу этого врага. Можно ли увидеть здесь что-то иное, кроме крайней наивности или крайней беспринципности? Мы еще попробуем ответить на этот вопрос, рассказывая о жизни Макиавелли, но сейчас нам нужно решить, следует ли доверять написанному им хотя бы настолько, насколько принято доверять трудам любого добросовестного автора?

Уже из нескольких приведенных высказываний Макиавелли явствует, как близок ему был идеал свободного познания, источниками которого он называл современный опыт и изучение истории. «Общение» с античными авторами, представленное в том же письме к Веттори как некое священнодействие, тоже сближает Макиавелли с гуманистами. Но какие выводы с точки зрения нравственности и политики сделал он из усвоенных им истин?

Некоторый нравственный принцип усматривается уже в предпочтении Макиавелли «низких истин» – если здесь уместны слова Пушкина – «возвышающему обману». Во-

¹ Ibid. Недавно опубликованы новые материалы, свидетельствующие о том, что Макиавелли считал современных ему Медичи неспособными управлять без помощи опытных политиков. См.: *Stephens J.N., Butter H. C. New light on Machiavelli: The english historical review, 1982. Vol. 97. N 382 (1). P. 54–69 (P. 60).*

прос в том, какое преломление нравственные принципы получают у такого «политизированного» насквозь политического писателя, как Макиавелли. Как понимать, в частности, известное замечание Маркса, что «начиная с Макиавелли, Гоббса, Спинозы и т. д. и т. д. в новейшее время, не говоря уже о более ранних авторах, сила изображалась как основа права; благодаря этому теоретическое рассмотрение политики освободилось от морали, и был выставлен постулат самостоятельного подхода к политике»¹? По-видимому, освобождение теоретического анализа политики от морали заключалось в том, что было признано существование независимых от тех или иных нравственных установок законов политической жизни; но это не значит, что теоретическое рассмотрение политики вообще исключило мораль, а тем более оценочные суждения людей из поля зрения науки.

Даже признавая несостоятельность определенных моральных критериев в политике, Макиавелли ориентируется тем самым на более высокий моральный критерий – «настоящую правду вещей». Изучая Макиавелли и вообще историю политической мысли, мы не можем ограничиться ссылками на одну только политическую и экономическую реальность, на которую опираются политические идеологии, мы должны исследовать и ее отражение в сознании действующих лиц, в том числе его этические компоненты. Это поможет нам понять, почему в разных идейных системах государство оказывалось то выше, то ниже, то вне морали.

Не следует забывать, что со времен античности политика считалась общим делом (*res publica*), средоточием общих интересов, то есть имела те же основания, что и мораль, а главное, всегда была проникнута оценочными суждениями. Проблема истинности таких суждений посто-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 814.

янно занимала Макиавелли, правда, скорее в практическом плане.

Возьмем, например, одно из первых известных писем Макиавелли от 4 (или 2) декабря 1497 г., с латинской припиской на латыни о тяжбе, которую вела его семья: «Так как мы, пигмеи, боремся с гигантами, победа дает нам куда больше, чем им, ведь если им позорно судиться, то уступить еще позорнее; для нас же не столько стыдно проиграть, сколько почетно судиться с тем, кто решает здесь все кивком головы. Поэтому, какая ни выпадет нам участь, все равно не придется раскаиваться, что мы пошли на такой риск»¹. Своеобразная моральная диалектика позволяет здесь сделать неожиданные выводы. Учет нравственной оценки поступков действующих лиц со стороны дает возможность переиначить весь смысл борьбы, обратить вывод, который напрашивается из расстановки сил, в его противоположность.

В теории и практике политики Макиавелли всегда задается вопросом о нравственной оценке поступка, человеческого действия, оценке, часто определяющей его смысл. Кажется, что такое утверждение противоречит общепринятому взгляду на Макиавелли как на реального мыслителя, призывавшего действовать и заботиться не о моральной стороне, а только об успехе предприятия. На деле, однако, вопросы добра и зла никогда не выпадали из поля зрения флорентийского секретаря. Вот одно из высказываний Макиавелли о суждениях и поступках людей: «Ни один чело-

¹ Эта латинская записка, точный адресат которой неизвестен, дополняет письмо к кардиналу Хуану Лопесу, приближенному папы. В последнем послании выражается благодарность за помощь в тяжбе с одним из богатейших в городе семейств, Пацци, по поводу прав, связанных с патронатом прихода Пьеве ди Фанья в окрестностях Флоренции (Р. 27). По поводу возможной принадлежности этого письма перу другого Никколо ди Бернардо (ди Якопо) Макиавелли, современнику флорентийского секретаря, см. *Martelli M. L'altro Niccolò di Bernardo Machiavelli. Firenze, 1975* и рец.: *Bertelli S. // Renaissance Quarterly. V. 29, No 2 (Summer 1976). P. 226–231.*

век никогда не будет таким безумным или таким мудрым, таким дурным или таким добрым, чтобы из двух противоположных человеческих качеств не похвалить достойное похвалы и не осудить достойное порицания. Тем не менее, почти все люди, ослепленные ложным благом или ложной славой, склонны сознательно или неосознанно перейти на сторону тех, кто заслуживает скорее порицания, чем похвалы»¹.

Начало приведенного отрывка можно понять таким образом, что моральные суждения и качества, по мнению Макиавелли, чисто земной человеческий атрибут, то есть им присуща субъективность. Только высшая мудрость или крайнее безумие находятся за пределами общепринятой морали. Буквальный же смысл высказывания другой: нравственные критерии для всех людей одинаковы, объективны, поскольку они люди. Ниже писатель говорит о пользе изучения истории для государя: «если он родился человеком, то устрашится примера дурных времен и восплачет жаждой следовать хорошим». Но людей ослепляют ложные ценности, наружность, поэтому в оценке своих и чужих поступков они далеки от истины. Флоренция, например, город, «судящий о вещах по их успеху, а не на основании здравого размышления»². Ее правитель Козимо Медичи не зря старался выглядеть подобно рядовому гражданину, «ибо он знал, что, чрезмерно выделяясь внешне, вызовешь большую зависть, нежели когда прикрываешься наружной скромностью»³. Именно в политике многое зависит от мнений, психологии деятелей и масс: «Один из способов,

¹ Рассуждения. 1, 10. Р. 169.

² История Флоренции. Кн. VIII, гл. 22 // *Op. cit.* Р. 127; рус. пер.: *Макьявелли Н.* История Флоренции. Л., 1973. С. 322. Это одно из характерных для Макиавелли и неоднократно повторяемых им суждений. См. *Юсим М.А.* Последовательность Макиавелли // *Макьявелли Н.* Рассуждения..., 2002. С. 445–468. Мы лишний раз видим, что оценивать поступки по их успеху или неуспеху в глазах Макиавелли, склонны поверхностные люди.

³ История Флоренции. VII, 5. Р. 103. С. 265.

с помощью которого можно удерживать власть в новом государстве и либо укрепить колеблющихся, либо сохранять в них состояние нерешительности и неизвестности, это держать их постоянно в ожидании, возбуждая в людях желание узнать, чем закончатся новые предприятия и начинания»¹.

Из подобных рассуждений Макиавелли видно, что он не столько разделил политику и мораль, сколько взглянул со стороны на ценностные ориентиры, которыми проникнута вся политическая жизнь. Но он лишь фиксирует постоянный разрыв между декларациями и поступками государей, а не призывает устранить его. Этим объясняется и нетерпимое отношение к нему церкви в период Контрреформации — научный взгляд на мораль еще менее совместим с религиозным, чем научный подход к природе.

Макиавелли постоянно помнит о том, что высказываемые им истины содержат или внутренне предполагают элемент оценки, особенно в историческом труде: «...я хотел узнать от Вас, не перехожу ли я границу, чрезмерно превознося или принижая вещи; впрочем, я постараюсь быть правдивым, и тогда никто не сможет пожаловаться»². Но в действии, там, где только предстоит выбрать правильную линию поведения, мало применимы моральные рецепты не всегда помогают, и даже за «истиной», подсказываемой доводами разума, не всегда остается последнее слово. «Поскольку все людские дела пребывают в движении и не могут стоять на месте, то они либо идут в гору, либо клонятся к упадку, и необходимость приводит ко многим вещам, к которым не приведет нас рассудок»³. Природе людей недостает гибкости: «...во-первых, они хотят жить день за днем и не верят, что наступит то, чего не

¹ Письмо к Ф. Веттори без даты (Р. 257).

² Письмо к Ф. Гвиччардини от 30 августа 1524 г. (Р. 417).

³ Рассуждения. I, 6 // Op. cit. P. 183.

было; они никогда не меняют своего образа мыслей о ком-либо»¹.

Даже изощренному в политической науке человеку трудно проследить за истинным ходом вещей и сделать правильный выбор. «Сскладывается столько положений, сколько существует провинций и государств. Но так как времена и вещи и в целом, и в частностях подвержены изменениям, а люди не меняют ни своего воображения, ни образа действий, им то сопутствует удача, то их преследует невезение. И поистине, если бы был человек настолько умный, чтобы постичь все времена и положения и приспособиться к ним, то ему всегда везло бы и он не жаловался бы по меньшей мере на судьбу, тогда оправдалась бы поговорка, что мудрый повелевает звездами и роком. Но поскольку таких мудрецов не видно, в силу людской близорукости и неумения подчинить себе собственную природу, судьба непостоянна и распоряжается людьми, она держит их под своим гнетом... Новому правителю стоит создать свою репутацию жестокостью, коварством и безверием в провинции, где человечность, доверие и религия давно в избытке. Точно также там, где некоторое время правили жестокость, коварство и безверие, пригодны человечность, доверие и религия, ибо как горечь возмущает вкус, а сладости приедаются, так людям наскучивает добро, а зло причиняет страдания»².

Приведенный отрывок вновь при всей сжатости глубоко характеризует единство всего учения Макиавелли. Речь идет о достижении поставленных целей, о везении – прежде всего, в политической жизни. К одним и тем же целям ведут разные, часто противоположные, средства, чтобы найти их, нужен идеальный мудрец. Несмотря на отчаяние, в которое Макиавелли и его друзей приводит иногда сложность и ненадежность политических прогнозов, себя он не

¹ Письмо к Ф. Веттори от 10 августа 1513 г. (Р. 280).

² Об этом письме, озаглавленном автором «Фантазии, адресованные Содерини» (Ghiribizzi al Soderini), см. в следующей главе.

без гордости считает одним из людей, одаренных политической мудростью: «Если вам надоело рассуждать о политике, потому что происходящее часто выходит за рамки рассуждений и соображений, то вы правы, ведь то же самое случается и со мной». Но «волею судеб я ничего не смыслю ни в производстве шерсти, ни в доходах, ни в убытках, и поэтому должен либо молчать, либо рассуждать о государстве»¹. И друзья действительно признают за ним такую способность².

Присущий размышлениям Макиавелли пессимизм часто оборачивается призывом к активности. Он цитирует Боккаччо: «Лучше делать и раскаиваться, чем не делать и все равно раскаиваться»³. Для достижения цели нужно действовать и «повернуться лицом к судьбе, сообразуясь с ее случайностями, потому что действие рождает новые решения, которые остались бы незамеченными в бездействии»⁴. Действуя же, лучше полагаться на себя и не ждать помощи извне, поскольку, «если ты сам себе поможешь, тебе станут помогать все»⁵. Следует даже замахиваться на большее, чтобы достичь меньшего: «так как люди все время идут по путям, проложенным другими, и подражают им в своих поступках, но не могут целиком следовать чужим путем и достичь той же доблести, что и образцы, то разумный человек должен все время шествовать по тропинкам, протоптанным великими людьми и подражать выдающимся, чтобы в отсутствие равной доблести сохранялось хотя бы ее подобие. Так поступают опытные лучники: зная удаленность места, в которое целят, и дальнобойность своего лука, они выбирают цель гораздо выше мишени, не для то-

¹ Письмо к Ф. Веттори от 9 апреля 1513 г. (Р. 239–240).

² Например, Франческо Веттори в своих письмах от 27 июня и 12 июля 1513 г. (Р. 263–266).

³ Письмо к Ф. Веттори от 25 февраля 1514 г. (Р. 330).

³² Письмо к Макиавелли от 18 мая 1521 г. (Р. 408).

⁴ История Флоренции. VI, 13. Р. 89; с. 280.

⁵ Письмо к сыну Гвидо от 2 апреля 1527 г. (Р. 498).

го чтобы пустить стрелу на такую высоту, а для того, чтобы прицелившись столь высоко, достичь желаемого»¹. Впрочем, не следует забывать, читая рассуждения Макиавелли о подражании великим и доблести, что понятие о них у него весьма своеобразно — доблесть в его понимании может сочетаться со злодейством, которое, по Макиавелли, требует иногда величия души. Образец такой доблести – не останавливающийся ни перед чем тиран, герцог Валентино (Чезаре Борджиа).

Сам Макиавелли прекрасно сознавал необычность своих взглядов, которую он отстаивал, ссылаясь на свободу мнений. Интересные замечания – хотя и в шутовском тоне – делает он по поводу порученного ему выбора священника: «...в этом я хочу быть упрямым, как и в других своих мнениях... Правда, я знаю, что расхожусь, как и во многом ином, с мнением наших граждан... по-моему, самый надежный способ попасть в рай, это выучить дорогу в ад, чтобы избежать ее»². Кстати, нередко можно встретиться с утверждением, что на фоне своего времени Макиавелли не так уж выделялся и его советы не казались тогда столь аморальными ввиду их соответствия жизненной практике эпохи. Конечно, всякие идеи порождены временем, но в данном случае и современники хорошо сознавали самобытность Макиавелли. Так, Франческо Гвиччардини, писатель, идейно ему близкий³, писал бывшему флорентийскому секретарю Макиавелли: «...вы всегда были человеком, придер-живающимся по преимуществу экстравагантных мнений, несходных с общими, и изобретателем нового и необычного»⁴. Надо думать, что именно этот факт, несмотря на все превратности исторической судьбы, сохранил имя Макиавелли до наших дней.

¹ Государь. VI. P. 25.

² Письмо к Ф. Гвиччардини от 17 мая 1521 г. (P. 403).

³ См.: *Рутенбург В.И.* Титаны Возрождения. Л., 1976. Гл. «Макьявелли и Гвиччардини».

⁴ Письмо к Макиавелли от 18 мая 1521 г. (P. 408).

* * *

В религиозной системе ценностей понятие высшего, абсолютного блага вынесено за пределы человеческого разума. У гуманистов разумное и благое совпадают: чтобы следовать благу, достаточно двигаться по пути постижения истины. Пафос гуманистической мысли составляют поиски истины о человеке, то же можно сказать и о Макиавелли. Но Макиавелли отдает предпочтение действительным истинам общественной практики перед истинами, диктуемыми моралью. Его интересует не то, как люди должны были бы поступать, а как они поступают – здесь есть свои законы, которые не совпадают с пожеланиями, даже самыми благими, действующих лиц. Для него реально совершившиеся и совершающиеся события протекают как бы автономно, в параллельной по отношению к сознанию самих участников этих событий плоскости, истина постигается действием, в котором она и реализуется – об этом стоит помнить, если мы хотим разобраться в трудах Макиавелли, в событиях его жизни и в том, что о них написано.

ГРАЖДАНИН ФЛОРЕНЦИИ

Предел и граница для Макиавелли заключались только в том, что он был «частным лицом», писателем, а не главой государства или предводителем войска, тоже отдельной личностью, но имеющей в распоряжении мощь государства или армии, а не только батальоны слов. Поэтому называть и его «безоружным пророком» было бы слишком дешевым остроумием.

Почему же считать стремление Макиавелли «утопическим» вследствие его революционности и не утопическим стремление тех, кто защищает существующий порядок?

В Макиавелли есть «якобинская страсть».

А. Грамши

Жизнь Макиавелли, как и его творчество, дает обильный материал для размышлений об устойчивости стереотипов, преодолеть которые каждому историку, несмотря на множество предшественников, приходится заново. На первый взгляд эта судьба не богата великими и романтическими событиями, и если наш герой участвовал в делах, оставивших след в истории, то сам он всегда был как бы в тени, в стороне. Но за скромным фасадом фактов кроется весьма сложная биография, которая, как и творчество Макиавелли, дала жизнь совершенно противоположным толкованиям.

Первая проблема заключается в своеобразном сочетании в Макиавелли политика и писателя, если ставить вопрос шире, – человека действия и мыслителя, практика и теоретика. В этом отправная точка для философского осмысления истории его жизни.

Судьба всякой выдающейся личности являет собой «приключение» большого мира, то есть отдельные ее моменты приобретают выходящее за рамки обычного значе-

ние исторического события (это относится и к творческим озарениям). Особенность биографии Макиавелли состоит в противоречивом сочетании событий его политической и духовной деятельности. Я не хочу этим сказать, что часть своей жизни флорентиец был политиком, а другую мыслителем: «Главной чертой его личности было тесное и постоянное переплетение действия и мысли: его энергичная политико-дипломатическая деятельность была источником его теорий и опытным полем их применения, а античных авторов, к советам которых он прибегал, он не покидал и в своих поездках по государственным делам»¹. Но судьба Макиавелли сложилась так: 14 лет бурной политической работы, затем неожиданный крах, изгнание, литературный труд, посмертное издание главных сочинений, окутанных всевозможными выдумками; растущая двусмысленная популярность в последующие столетия, лишь в XX веке сменившаяся серьезным анализом; споры, продолжающиеся до наших дней.

Сам великий флорентиец ставил на первое место политическое действие – если оно невозможно, тогда следует обучать других, подчиняя теорию практике. «Обязанность каждого честного человека – научить других тому, что не смог сделать сам из-за противостояния времени и судьбы, тогда с помощью небес кто-нибудь из множества способных преуспееет в своем начинании»². Собственное призвание Макиавелли видел в политической деятельности, но каковы его реальные достижения на этом поприще? Рассказ о Макиавелли начинают обычно с костра религиозного реформатора Савонаролы, знаменовавшего поворот в политике республики. События предшествующих лет его

¹ Рутенбург В.И. Жизнь и творчество Макьявелли // *Макьявелли Н. История Флоренции*. Л., 1973. С. 353.

² Рассуждения, Вступление к кн. II (Р. 252). Сходную мысль высказывает главный герой диалогов Макиавелли «О военном искусстве», Фабрицио Колонна, мечтающий о возрождении античной военной доблести (Кн. VII // *Op.* В. Р. 363).

жизни нам почти неизвестны, биографы ограничиваются чаще всего описанием исторической обстановки в Италии, особенно во Флоренции – «лаборатории политического опыта»¹; замечаниями о семье Макиавелли – довольно знатной, но небогатой; о его образовании и знании древних языков и т. п. Первые шаги Никколó в политике освещены, выражаясь метафорически, отблесками костра, на котором сгорели останки великого доминиканца. Новоизбранному секретарю Второй канцелярии было 29 лет – ровно половина жизненного пути осталась за его плечами (он родился 3 мая 1469 г., умер 21 июня 1527 г., назначен на должность Советом восьмидесяти 28 мая 1498 г., через пять дней после казни Савонаролы). Макиавелли появился на исторической сцене, отмечает биограф, пользуясь изысканным сравнением, «как мифический герой, родившись из лона своего народа вооруженным и готовым к битве»².

Сам факт избрания Макиавелли удивителен еще и тем, что его, ничем, насколько до сих пор известно, не проявившего себя молодого человека, предпочли опытным политикам и гуманистам, соперничавшим с ним. Гипотезы, существующие на этот счет (антисавонаролианство³, покровительство влиятельных лиц в новом правительстве, стечение благоприятных обстоятельств), не прояснили дело до конца. Для нас здесь важнее отметить характеристичность вступления Макиавелли на политическую арену, откуда и название этой главы. Речь идет о том, что основные вехи биографии великого флорентийца совпадают с политическими поворотами в судьбе его родного города: помимо избрания, совпавшего с крахом режима Савонаролы,

¹ *Косминский Е. А.* Историография средних веков. М., 1963. С. 56.

² *Ridolfi R.* Vita di Niccoló Machiavelli. 7 ed. accresciuta e riveduta. Firenze, 1978. P. 26.

³ Например, резкий отзыв Макиавелли о Савонароле в известном письме к Риччардо Бекки от 4 марта 1498 г. Дж.Б. Скалья объясняет именно его желанием составить себе определенную политическую репутацию. См.: *Scaglia G.B.* Machiavelli e Savonarola. In margine a una lettera famosa // Accademie e biblioteche d'Italia. Roma, 1982. N 415. P. 261–267.

Макиавелли. Бюст XVII в.

и «деятельного периода», когда Макиавелли был в гуще флорентийской политики, это относится прежде всего к падению республики в 1512 г. Оно заставило бывшего второго канцлера посвятить себя почти исключительно литературе, разделив вторую, сравнительно известную нам половину жизни Макиавелли, опять-таки пополам (1498–1512; 1513–1527)¹. В период вынужденного бездействия Макиавелли создал все свои шедевры. Здесь нас поджидает еще один парадокс – хронологический порядок их создания до сих пор остается не полностью выясненным, несмотря на наличие множества писем и других связанных с ним документов. Душой Макиавелли по-прежнему весь в политике. Заговор против нового режима Медичи в 1513 г. обошел его стороной, хотя он и не был его участником. Наконец, смерть Макиавелли последовала за восстановлением в 1527 г. республики антимадичейского направления и его неудачной баллотировкой на прежнюю должность.

¹ Это отмечает Р. Ридольфи. См.: *Ridolfi R. Maclavellana // Bibliofilia. 1970. Vol. 72. P. 95.*

Стремление Макиавелли принимать живое участие в событиях несомненно, тщетность своих попыток он приписывал судьбе и обстоятельствам, но не переоценивал ли он свои возможности как практического деятеля, не здесь ли причина его неудач? Впервые мы знакомимся с будущим секретарем республики в феврале 1498 г., он делает первые шаги в политике и сразу предстает перед нами в качестве пронизательного наблюдателя: в письме к Ричардо Бекки, послу в Риме, мы находим тонкое и остроумное описание проповедей Савонаролы. С этого момента Макиавелли не покидает такой позиции; в своих дипломатических поездках он выступает большей частью как человек «заднего плана», не имеющий важных полномочий, но готовящий почву для дальнейших действий. Он наблюдает и оценивает, и за эти таланты его самого ставят чрезвычайно высоко. Чаще всего флорентийский секретарь стремится выступать в роли мудрого советника, как она обрисована в «Государе»¹. Не такую ли роль играл он при гонфалоньере Пьеро Содерини, главе флорентийского правительства?

Этот тезис правдоподобен, но доказать или отвергнуть его можно только исходя из всей политической философии Макиавелли и его высказываний о собственных делах.

Успех политического деятеля – главная проблема творчества Макиавелли. По сути это конкретизация того же универсального вопроса – о соотношении мысли и действия – человеческих расчетов, желаний, способностей – и реальности, достигаемых результатов. Успех политика, согласно Макиавелли, определяется двумя факторами – доблестью (вирту) и судьбой (фортуной). Первый из них до некоторой степени управляем, второй же олицетворяет везение, удачу, случайность (хотя это не статистическая случайность, а некоторое почти постоянное отношение между человеком и капризной судьбой). Борьба доблести и судьбы как содержание политического «приключения» –

¹ Государь. XXII. P. 103–104.

примечательнейшая черта макиавеллиевой прозы, которая и выводит ее за рамки чисто политического теоретизирования. Эта борьба драматизирует политические события и обеспечивает Макиавелли особое место в огромной литературно-художественной традиции как певцу политической страсти (что опровергает, кстати, ходячие представления о Макиавелли как холодном политике). Эта же борьба соединяет большой мир политики и маленький мирок приватной жизни, служит мостом между серьезными делами и легкомысленными забавами, по выражению самого флорентийского секретаря¹, поскольку любовь в маленьком мире является важнейшим приключением и столкновением тех же двух сил – человеческой сущности и судьбы. Поэтому антропоморфный женский образ судьбы у Макиавелли, появляющийся, в частности, в «Государе», в его стихах – капитоло «О фортуне», представляет собой не просто художественное сравнение или подражание античности, но символическое выражение совокупности идей, лейтмотив всего творчества Макиавелли².

Хорошо известно, как флорентийский политик жалуется на свой жребий в период изгнания: «...я даю излиться всей злобе судьбы и подставляю себя ее ударам, чтобы посмотреть, не станет ли ей стыдно»³. Но неблагоприятность фортуны мучила его, как видно, гораздо раньше; в этом отношении интересно его письмо к другу Луиджи Гвиччардини от 8 декабря 1509 г. из Вероны о вещах явно «несерьезных». Рассказанная Макиавелли новелла, базируясь, быть может, на реальном событии, является литературным «нравоучительным» построением*, имеющим вполне опреде-

¹ *Feroni G.* Le «cose vane» nelle lettere di Machiavelli // *Rassegna della letteratura italiana*. 1972. Vol. 76. N 2–8.

² Ср.: *Pitkin Hanna F.* Fortune is a woman: Gender and politics in the thought of Nicolló Machiavelli. Berkeley, 1984.

³ Цитированное уже письмо к Ф. Веттори от 16 декабря 1513 г. (Р. 303–304).

* Нравоучительным в макиавеллиевском смысле – в смысле рассуждений о намерениях и результатах.

ленные художественные параллели¹. Примечательно начало письма: «Черт побери, Луиджи! Подумай только, как по-разному волею Судьбы завершаются у людей одинаковые предприятия». Упомянув о любовных успехах Луиджи, известных ему, очевидно, из предыдущего письма, Макиавелли рассказывает о своем приключении: «...а я, находясь здесь несколько дней и за недостатком супружеских отношений сделавшись неразборчивым, натолкнулся на старуху, которая стирала мне белье. Она живет в полуподвале, куда свет проникает только через входную дверь. Однажды, когда я проходил мимо, она меня узнала, и, обрадовавшись, пригласила заглянуть, посулив немалое удовольствие – у нее якобы была красивая рубашка на продажу». Под предлогом показа рубашки старая сводня устроила в потемках свидание для своего покупателя. Несмотря на грубо анекдотический характер описания этой истории, она, если вдуматься, принимает вид аллегорической притчи, где судьба, обманывающая “ослепленного” героя, предстает в самом неприглядном обличье: “После этого, пожелав увидеть купленный товар, я взял из очага горящую головню и зажег висевший сверху светильник. Едва он загорелся, факел чуть не выпал у меня из рук. О ужас! Эта женщина была столь уродлива, что я чудом не испустил дух на месте. Сперва в глаза бросились лохмы волос, не черных и не седых, но с проседью, и хотя на макушке у нее была лысина, где свободно прогуливались одинокие вши, немногочисленные и редкие пряди достигали бровей, а в середине узкого и морщинистого лба была выжжена отметина, как будто ее заклеямили у рыночного столба (где публично метили скот во время ярмарки. – *Прим. издателя писем*). Брови были покрыты кустиками волос, облепленных гнидами, из глаз один был выше, а другой ниже и меньше второго; они слезились и источали гной, веки были голыми, нос курносый; одна из сопливых нозд-

¹ IV Новелла восьмого дня в «Декамероне» Боккаччо, см.: *Ferroni G. Le «cose vane»... P. 228.*

рей обрезана; рот был большой, как у Лоренцо Медичи, но кривой на одну сторону, откуда стекала слюнь – из-за отсутствия зубов она не могла сдерживать слюнь. Верхнюю губу покрывали довольно длинные, но редкие волосы; вытянутый подбородок торчал немного кверху, на нем росла бородка, доходившая до основания шеи. Потрясенный, я растерянно взирал на это чудовище; заметив это, женщина хотела сказать: “Что с вами, сударь?”, но будучи косноязычной, не смогла это произнести, и как только она открыла рот, оттуда пахло таким зловонием, что мой желудок не в силах был сдерживать отвращение, вызванное оскорблением двух нежнейших чувств, которому подверглись их врата – глаза и нос, и меня тут же над ней стошнило.

И отплатив той монетой, которую она заслужила, я вышел. Клянусь небом, я не верю, чтобы в нынешний приезд здесь, в Ломбардии меня еще раз навестила похоть. Однако, как Вы благодарите Господа в надежде вновь испытать раз испытанное удовольствие, так и я благодарю его, потому что меня теперь не пугает никакое разочарование»¹.

В этом письме переплетены фантазия и реальность, гротеск и философическое размышление на любимую тему Макиавелли – о том, что одинаковый образ действий приводит к разным результатам и, наоборот, противоположные поступки иногда позволяют достичь одной и той же цели. До недавних пор можно было утверждать, что грустные рассуждения о невозможности изменить свой образ действий и с успехом приспосабливаться к непостоянству Фортуны навеяны печальной судьбой самого флорентийского секретаря и относятся только к периоду ссылки, когда они отразились в «Государе», «Рассуждениях о первых десяти

¹ Письмо к Л. Гвиччардини от 8 декабря 1509 г. (Р. 204–206).

* Стоит обратить внимание еще на мотив ослепления, которое на руку фортуны, и на несоответствие результата ожиданиям. Говоря о правителях, Макиавелли обычно более прямолинеен и не столь меланхолично настроен. Рассказ завершается характерным для него парадоксальным выводом: неудача тоже утешительна, она показывает правду во всей неприглядности.

книгах Тита Ливия» и в широко известном письме (уже цитированном выше) под названием «Фантазии, адресованные Содерини». Считалось, что оно написано в 1513 г. и послано бывшему гонфалоньеру, главе правительства и покровителю Макиавелли Пьеро Содерини, укрывшемуся в Рагузе (ныне Дубровник). Передатировка письма в корне изменила положение. Любопытна история этого открытия в изложении Роберто Ридольфи, она показывает, какие значительные находки возможны там, где, казалось бы, все многократно исследовано тщательнейшим образом поколениями ученых.

Набросок письма, к Содерини дошел до нас, пишет Ридольфи, в копии, сделанной Джулиано Риччи¹ с автографа, по словам самого переписчика, полного вычеркиваний и пострадавшего не столько от времени, сколько от небрежного обращения, почему Риччи и «просит у читателей прощения за ошибки. Но его ошибки ничто в сравнении с ошибками, добавленными издателями»². Однако, как это ни удивительно, автограф письма сохранился, его недавно отыскал в Ватиканской библиотеке швейцарский исследователь Ж.-Ж. Маршан. Ридольфи, страдающий плохим зрением, стал готовить его к публикации с помощью своего друга Паоло Гильери, изучавшего эволюцию почерка Макиавелли. «Последний, – рассказывает Ридольфи, – не без удивления и растерянности обратил мое внимание на то, что автограф отражал черты, присущие макиавеллиевскому почерку в 1505–1506 гг. Все же в правильности традиционной датировки никто не усомнился, и это казалось естественным, как с точки зрения местонахождения адресата, судя по замечанию – “в Рагузу”, так и по содержанию, в котором критики усматривали чувства поражения, боли и смятения, заставляющие относить документ, по всей оче-

¹ Джулиано Риччи – внук Макиавелли, собрал его рукописные сочинения и письма в конце XVI в. и объединил их в списке, известном под названием «копия Риччи» (*apografo Ricci*), многие из них известны только по этому источнику.

² *Ridolfi R. Vita...* P. 477.

видности, к периоду *post res perditas*¹. Наконец, озарение, освободившее меня от затруднений и вернувшее моему другу Гильери веру в метод, который никогда прежде не подводил, наступило. Когда в энный раз я перечитывал письмо, в глаза мне бросились слова (странно, что их никто не заметил, в том числе и я): “Вителли в Каstellо и *нынешний* герцог Урбинский в своих владениях разрушили крепости, чтобы удержать государство”. Как известно, герцог Урбинский, разрушивший крепости (1502) – это Гвидобальдо, умерший в 1508 г., следовательно, этот год – предел, *non post quem*² написаны “Фантазии”. После этого нетрудно было прочесть вместо «Рагуза» «Перуджа» и определить, что письмо навеяно наблюдениями за папой Юлием II, безрассудная смелость которого в Перудже опрокидывала все «мудрые» прогнозы.

В конце концов письмо, восстановленное в своем оригинальном виде, опубликовано итальянскими исследователями³. Этот набросок, сделавшийся крупнейшим открытием в макиавеллистике за последние сто лет, поражает зрелым предвосхищением идеи «Государя» и «Рассуждений» еще при старой датировке, отмечает Ридольфи, теперь же возникновение этих идей отодвигается еще не менее чем на шесть лет⁴.

Установлен адресат письма, это Джованбаттиста Содерини, племянник гонфалоньера, впрочем, Макиавелли, может быть, рассчитывал, что его мысли дойдут и до высокопоставленного родственника его корреспондента, ведь политическая судьба флорентийского секретаря была с ним тесно связана⁵.

¹ После крушения (*лат.*).

² Не позднее которого (*лат.*).

³ Rldolfi R., Ghiglieri P. I «Ghiribizzi» al Soderini // *Bibliophilia*. 1970. Vol. 12. P. 53–74.

⁴ Rldolfi R. *Vita...* P. 478.

⁵ Так полагает Ридольфи. Формальный же адресат впервые назван в статье М. Мартелли. См.: *Martelli M.* I «Ghiribizzi» a Giovan Battista Soderini // *Rinascimento*. Ser. 2. 1969. Vol. 9. P. 147–180.

Можно было бы удивляться всеобщей изменчивости, замечает Макиавелли в начале письма, «если бы судьба не приучила меня к многообразию и изменчивости вещей, так что я вынужден почти ничему не удивляться или признать, что ни чтение, ни опыт ничего мне не поведали о поступках и образе действия людей». Здесь упомянуты оба источника политической мудрости Макиавелли, на которые он постоянно ссылается в своем творчестве¹. «Итак, по примеру большинства (в отличие от вашего, где все – благоразумие), я думаю, что в делах важнее исход, а не средства, потому что одного и того же добиваются разными способами и различные действия ведут к одной цели; если я еще мог в этом сомневаться, то поступки нынешнего папы и их последствия убедили меня окончательно. Ганнибал и Сципион, оба выдающиеся военачальники, одержали бесчисленные победы: один из них, будучи в Италии, поддерживал единство в войсках жестокостью, коварством и непочитанием заветов благочестия и при этом настолько привлек к себе народы, что они восстали против римлян. Другой добился от народа того же самого постоянством, милосердием и благочестием. Но поскольку на римлян ссылаться не принято – Лоренцо Медичи разоружил народ, чтобы удержать Флоренцию; мессер Джованни Бентивольи ради сохранения Болоньи вооружил его; Вителли в Кастелло и нынешний герцог Урбинский разрушили крепости в своих владениях, чтобы удержать государство, граф Франческо в Милане и многие другие строили их для безопасности», Практически все из приводимых тут примеров использованы позднее в сочинениях Макиавелли, на полях письма набросаны афористические примечания, которые автор, по-видимому, собирался развить позднее. (Это он и сделал годы спустя в «Государе», «Рассуждениях» и других работах.) По поводу действий папы Юлия II он замечает: «Кто не умеет фехтовать, собьет с толку опытного

¹ Ср. в «Государе»: «...многолетний опыт современных дел и постоянное изучение древних» (Посвящение. Р. 3).

фехтовальщика». Противоположность Ганнибала и Сципиона подсказывает вывод: «Наконец /не следует/¹ никому давать советы и пользоваться чужими советами, кроме общего совета /правила/ каждому – следовать велениям души и действовать смело». Здесь же (очевидно, об изменчивости настроения масс): «Людам наскучивает добро, а зло причиняет страдания; горечь противна вкусу, а сладость приедается». Эта мысль получает свое развитие в конце черновика, который уже цитировался в предыдущей главе.

В следующем замечании на полях Макиавелли проводит мысль, вытекающую из его «общего совета» применительно к Фортуне; через семь лет это место почти дословно повторено в «Государе»: «Искушать судьбу, она дружит с молодыми, и применяться к требованиям времени. Но нельзя и обладать крепостями, и не иметь их; нельзя быть /сразу и/ жестоким и милосердным». Впоследствии, однако, Макиавелли пришел к понятию «милосердной жестокости».

«Император Тит, – продолжает он письмо; – в тот день, когда не был кому-нибудь благодетелем, считал государство под угрозой; другой увидел бы угрозу в тот день, когда сделал бы кому-либо приятное. Многие, семь раз отмерив и взвесив, успевают в своих замыслах.² Нынешний папа, который действует всегда наобум, случайно, безоружный, добивается того, что навряд ли удалось бы ему, действуй он по плану и военной силой.³ Как показывают деяния всех выше описанных и бесконечного числа других, кого можно привести в пример в прошлом и настоящем, они приобретали, умирляли и теряли царства по воле случая, и при неудаче осуждению иногда подвергался тот же образ действий, который превозносили в дни успеха. Иной

¹ В цитатах здесь и далее в косых скобках слова автора.

² Конъектура Ридольфи: «не успевают». *Ridolfi R. Vita...* P. 480.

³ Юлий II оказался во власти тирана Перуджи Джованпаоло Бальони, которого он намеревался сместить, но тот не решился выступить против папы.

Моисей. Гравюра Ю. Шнорр фон Карольсфельда

раз также, когда наступает конец длительному процветанию, причину ищут не в себе, а обвиняют небеса и расположение светил. Я полагаю, что как природа дала людям разные лица, так они получают от нее и разные ум и воображение, которыми руководствуется каждый. И поскольку, с другой стороны, времена и обстоятельства изменчивы, тому, кто идет навстречу времени, все замыслы удаются *ad votum*¹, и он счастлив; напротив, несчастлив тот, кто отклоняется от времени и обстоятельств...».² В этих положениях – вся философия Макиавелли, вся суть размышлений о свободе, необходимости, судьбе; и здесь же на полях резюме: «Когда судьба изнемогает, человек, семья, город переживают крах; удача в судьбе каждого основана на его образе действий и всегда обречена на истощение, в этом случае нужно вернуть ее другим способом».

¹ По желанию (*лат.*).

² Цит. по: *Ridolfi R., Ghiglieri P.* Op. cit. P. 58 e sgg.

Кир

В конце письма Макиавелли объясняет смысл поговорки о том, что мудрец управляет звездами и роком: он сам меняется и тем воздействует на судьбу; появление этой темы не случайно, ту же мысль приписывает Макиавелли его приятель Бартоломео Веспуччи в письме от 4 июня 1504 г.: «...в высшей степени верна твоя мысль, что древние, единодушно восхваляющие мудреца, способного изменить даже течение планет, говорят не о светилах, ибо в вечном невозможны изменения, но о нем самом – он постоянно чередует и принаравливает к ним свою поступь»¹.

Итак, проблема цели и средств волнует Макиавелли как проблема действия: каким образом и насколько можно воздействовать на исход событий, следовательно – и на судьбу. Флорентийский политик приводит примеры и указывает на других, но разве не ясно, что это было и его личной

¹ Lettere. P. 129–130; см. также: *Sasso G.* Qualche osservazione sui «Ghiribizzi al Soderino» di Machiavelli // *Cultura*. Giugno 1973. Vol. 11, fasc. 2. P. 155 sgg.

проблемой на протяжении всей жизни? Если судьба уготовила Макиавелли участь всегда находиться в числе «благо-разумных»¹ наблюдателей и, в лучшем случае, мудрых советчиков, это не значит, что он не хотел сам применить свои способности и познания на практике.

Тезей и Минотавр. Скульптура А. Кановы

В литературе длительное время был распространен тезис о том, что Макиавелли был неудачливым политиком и не умел воплотить в жизнь собственные идеи. В современных исторических работах политической деятельности флорентийского секретаря уделяется достаточно места, но общая оценка его политических качеств вызывает споры. Залогом ее правильности должен быть реальный и истори-

¹ Таким эпитетом он награждает самого себя (по обычаю времени, ссылаясь на себя, как на третье лицо) при описании визита Юлия II в Перуджу в книге I главе 27 «Рассуждений» // Ор. В. Р. 208, н. 7.

ческий подход: не можем же мы требовать, чтобы, раз Макиавелли называют гениальным политиком, он вершил судьбы Европы или проделал головокружительную карьеру наполеоновского (или борджиевского) размаха. (Интересно, что принижение политических успехов Макиавелли сочетается с осуждением его «утопической и слепой веры» в великую личность. А ведь он, напротив, видел, каковы великие люди на деле, и еще пытался вразумлять их – но уж этого они не любят.) Оценивать роль Макиавелли нужно с точки зрения тех целей, которые он мог себе ставить и которых добивался на деле. Говорить, что этой целью было освобождение и затем объединение Италии, было бы неправильно: великий флорентиец мог желать подобных вещей, но он понимал, что реальной надежды на их осуществление, особенно второго, мало. Этому утверждению как будто противоречит глава XXVI «Государя» – «Воззвание об освобождении Италии от варваров». Я не хочу сказать, как делает, в частности, Ф. Гилберт, что «Воззвание» присутствует здесь в качестве чисто риторического украшения¹. Оно и ничуть не более утопично, чем любое место из сочинений Макиавелли, все лейтмотивы которых здесь налицо.

Политическая «материя» Италии ожидает, по мнению Макиавелли, нового государя, «благоразумного и доблестного»², который дал бы ей новую форму. Парадоксальная благоприятность ситуации состоит именно в том, что Италия обезглавлена, ее народам нужен вооруженный пророк, подобный Моисею, Киру, Тезею, который поднял бы их на борьбу. До сих пор такие попытки были неудачны (вероятно, намек на Чезаре Борджа – бастарда папы Александра VI). Программа Макиавелли изложена как всегда четко. Новый государь должен ввести новые порядки и законы, «им найденные», прежде всего – создать взамен наемного собственное войско. Макиавелли подробно описывает, ка-

¹ *Gilbert F. Machiavelli e il suo tempo. Bologna, 1977. P. 197.*

² Государь. XXVI. P. 115.

кие качества нужны итальянской армии, чтобы противостоять испанской и швейцарской пехоте. По отдельности итальянцы обладают достаточной доблестью, но им недостает руководства, «Все это происходит из-за слабости вождей; ведь разумных советов не слушают, и каждый живет своим умом, так что до сих пор никому не удалось убедить с помощью своей доблести и удачи других, чтобы они уступили»¹. Политику, помимо разума, нужны доблесть и поддержка судьбы. Описанию итальянских дел у Макиавелли нельзя отказать в реализме, он ставит конкретные задачи, ему известны и главные препятствия – например, вынужденная политика папства, о которой подробнее говорится в других местах. Могли ли осуществиться надежды автора «Государя»? В истории трудно рассуждать по принципу «если бы...» Во всяком случае, Макиавелли боролся за свои идеалы всегда, как только получал возможность действовать, в том числе накануне своей смерти. Но насколько ограниченными были эти возможности, видно из письма Франческо Гвиччардини, относящегося к лету 1526 г.: «Макиавелли находится здесь. Он прибыл реорганизовать ополчение², но, обнаружив, сколь оно разложилось, не надеется снискать этим чести: ему остается высмеивать людские заблуждения, раз нельзя их исправить»³. В тогдашней Италии говорить о практической политике как о политике общеитальянской было почти невозможно. Немалая заслуга итальянцев, подобных Макиавелли, в том, что искры национального самосознания не погасли вплоть до Рисорджименто.

Однако писать о Макиавелли нужно как о флорентийском политике – даже общеитальянские дела затрагивали его постольку, поскольку касались прежде всего родного города. Причина – не столько во флорентийском патрио-

¹ Там же. Р. 117.

² Войско франко-итальянской Священной лиги, в которую входила и Флоренция, против Карла V.

³ Цит. по: *Ridolfi R. Vita...* Р. 357.

тизме Никколó, который, впрочем, бесспорен и хорошо известен, сколько в итальянской действительности с ее внутренним соперничеством малых государств в условиях иноземных вторжений. Правда, патриотизм Макиавелли лучше всего выразился именно в критике современной ему Флоренции.

Пьеро Содерини

Вспомним: исходная точка политической карьеры Макиавелли представляет собой значительный успех – никому не известный молодой человек занимает ответственный пост во флорентийском правительстве. Какова же роль Макиавелли в политических событиях последующих 14 лет? Хотя на взгляд нашего современника может показаться, что деятельность флорентийского секретаря в те годы принесла скромные плоды, его роль не была чисто служебной, исполнительской, особенно с момента избрания пожизненным гонфалоньером (главой правительства) Пьеро Содерини, на которого наш герой возымел известное влияние

и благодаря которому стал «первым умом» в государстве¹. Но ни сам Содерини, ни тем более Макиавелли не определяли политику флорентийской республики, по крайней мере, в стратегических вопросах. И не то было время, не та была республика, чтобы энергичный и способный человек мог пробить себе в ней дорогу на самый верх благодаря личным качествам. Скорее, наоборот, избыток талантов внушал подозрения; Содерини, например, тем и устраивал власть имущих, что был честен, но пассивен, благоразумен, но нерешителен, слабоволен. Не отсюда ли не совсем заслуженно приписываемый Макиавелли республиканскому строю недостаток талантливых людей: слишком много воли в нем дается «глупцам»?² Флоренцией управляли представители богатых семей, олигархии, которая по своей социальной природе во всех политических делах предпочитала средний путь, стремилась прибегать прежде всего к дипломатическим и финансовым средствам, «пользоваться преимуществами времени», как иронически говорил об этом Макиавелли, вместо того чтобы решительно действовать. Он вовсе не отрицал законности такого образа действия – если его требовало время, но с годами все острее чувствовал гибельность умеренных рецептов, составлявших арсенал «мудрецов нашего времени»³. Постоянной полемикой с ними проникнуты сочинения флорентийского мыслителя, особенно по поводу военных дел: «Не золото, как заявляет всеобщее мнение, а хорошие солдаты составляют нерв войны, потому что золота недостаточно, чтобы найти хороших солдат, зато хороших солдат довольно, чтобы найти золото»⁴.

Флорентийские правители высоко ценили Макиавелли и давали ему самые ответственные поручения, которые он с блеском выполнял, но повлиять на содержание политики

¹ См.: Рутенбург В.И. Указ. соч. С. 357.

² История Флоренции. IV, I. P. 444.

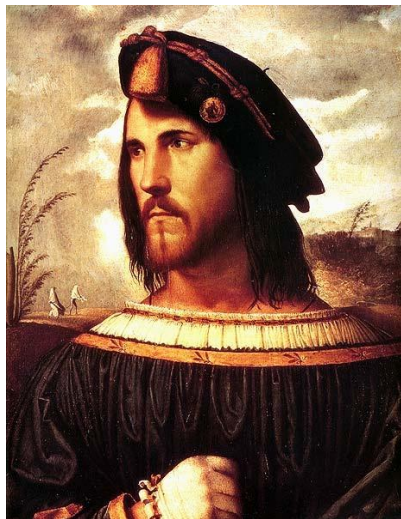
³ Государь. III. P. 13.

⁴ Рассуждения. II, 10. P. 271.

он не мог, к тому же она была во многом вынужденной. Подобная политика не могла не ставить республику в зависимость от более крупных и сильных государств; в самом деле, политические перемены в ее истории того времени, смены правительств вытекают из перипетий борьбы между Испанией и Францией. Нельзя сказать, чтобы Макиавелли был одинок в своем стремлении изменить это положение, более того, глава правительства Пьеро Содерини поддерживал его, и в те годы были сделаны реальные шаги к воплощению любимой идеи Макиавелли – созданию народного ополчения. Замечательным подтверждением правильности его взглядов явилось взятие Пизы (1509 г.), тщетные попытки овладеть которой предпринимались в течение пятнадцати лет. Имя Макиавелли, который был организатором и душой ополчения, участником осады, не упоминалось в победных реляциях, но друзья отмечали, что его заслуга была главной в этой победе¹. Таким образом, важнейшим успехом своей внешней политики в период деятельности Макиавелли Флоренция обязана именно ему. Основной род занятий, оставивших заметный след в биографии Макиавелли в то время, являют собой посольства. От них трудно было бы ожидать столь же значительных побед, тем более, что Макиавелли был чаще всего не полномочным послом, а посланником-наблюдателем. Плоды этих наблюдений – многочисленные записки и отчеты – прообразы будущих политических сочинений и, что не менее важно, ценнейшие обобщения текущих проблем флорентийской политики.

Макиавелли делал все, что мог, для укрепления позиций родного города, оно было целью его политической активности, и благодаря своей энергии он совершил больше, чем любой другой смог бы на его месте. Иногда его упрекают в том, что он не предусмотрел падения правительства и не позаботился о своей личной судьбе на этот случай. Очевидно, в таких суждениях выражаются ходячие пред-

¹ *Ridolfi R. Vita... P. 172–173.*

Чезаре Борджиа

ставления о Макиавелли-политике как о тонком дипломате, даже оппортунисте, который при всех властях остается на поверхности, что-то вроде итальянского Талейрана. Но не в том ли беда, что Макиавелли был действительно глубоким политиком, то есть принципиальным человеком, человеком с убеждениями, без которых возможен личный успех, но не успех дела? К сожалению, власть во Флоренции покоилась на столь шатком основании, что падение могло быть неожиданным, как и случилось. Одновременно Макиавелли обвиняют в том, что он предложил свои услуги Медичи, врагам республики и режима, при котором он работал, а одному из Медичи даже посвятил знаменитого «Государя». Но ведь он служил флорентийскому государству, то есть делу, а не лицам, и мог служить вопреки личным пристрастиям, если видел в этом пользу для дела. Вот чем объясняется цитированное выше письмо к Франческо Веттори (см. первую главу, стр.19), в котором он жалуется на вынужденное бездействие.

*Папа Александр VI Борджиа.
Портрет Кристофоро Делль'Альтиссимо*

Такая позиция Макиавелли проливает свет на его отношение к Чезаре Борджиа, сумевшему в начале 1500-х гг. энергичными и жестокими мерами очистить для себя немалые владения к тому моменту, пока он не был, по выражению Макиавелли, «отвергнут фортуной». Эту выдающуюся личность Никколо противопоставлял нерешительным флорентийским «мудрецам» и рекомендовал всем подражать как образцу «нового государя». Следует ли видеть здесь восхищение теоретика, человека, умеющего лишь рассуждать, перед человеком действия?

Иногда символический – применительно к характеру Макиавелли – смысл усматривают в истории, рассказанной новеллистом Маттео Банделло¹, в 1526 г. вместе с флорен-

¹ Russo L. Machiavelli. Bari, 1975. P. 19.

тийским политиком, находившимся в лагере кондотьера Джованни делле Банде Нере, одного из последних деятельных героев, с которыми Макиавелли связывал надежды на освобождение Италии от «варваров». (Вскоре и этот знаменитый военачальник из рода Медичи погиб.) Благодаря своему сочинению «Об искусстве войны» Никколо считался крупным военным авторитетом, и Джованни дал ему возможность проявить свои способности на практике – он должен был проиллюстрировать схемы названной книги, изображавшие античные боевые порядки, с помощью трех тысяч пехотинцев. Два часа, по рассказу Банделло, продержал Макиавелли солдат и зрителей под палящим солнцем, но, как ни бился, ни одно из построений ему не удалось. Наконец, Джованни предложил прийти ему на помощь, заметив, что пора обедать, и в мгновение ока продемонстрировал под звуки труб и барабанов всевозможные варианты строя – к восторгу всех присутствовавших. Четверть века отделяет этот эпизод от тех дней, когда Макиавелли с изумлением следил за успехами Чезаре Борджиа, но мораль применима и к той ситуации, не случайно один русский писатель отнес эти события к периоду пребывания флорентийского посланника при дворе герцога Валентино (титул Чезаре)¹.

Не все считают рассказ Банделло достоверным², но это и не столь важно. В пользу практической беспомощности Никколо можно привести не столь анекдотический пример,

¹ *Мережковский Д. С.* Полн. собр. соч. В 24 т. М., 1914. Т. 3. Трилогия «Христос и Антихрист». Ч. 2. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). С. 138.

² *Rldolfi R. Vita...* P. 581. Ридольфи склонен считать его подлинным, однако следует заметить, что этот сюжет, вероятно, имеет литературное происхождение и навеян трактатом Цицерона «Об ораторе» (2, 18, 75–76), где идет речь о Ганнибале и философе Формионе: «что может быть нахальнее болтовни, в которой какой-то грек, никогда не видавший ни врага, ни лагеря, никогда не исполнявший даже самой ничтожной общественной должности, смеет учить военному делу самого Ганнибала, который в продолжение стольких лет оспаривал власть у победителя всех племен – римского народа?» Пер. М.Л. Гаспарова.

хотя бы сослаться на то, что флорентийское ополчение обнаружило все-таки свои недостатки при осаде и потере Прато в 1512 г. (что и стало причиной несчастий самого Макиавелли вследствие падения республики). На подобный упрек отвечает французский историк: «Нетрудно показать, какую выгоду принесло Флоренции ополчение, и в то же время перечислить его слабости. Выгода заключалась в чисто военной силе, слабости носили прежде всего политический характер»¹. Действительно, идея Макиавелли, намного пережившая свое время, состояла в том, чтобы создать войско принципиально новое по духу, в этом главное преимущество *своей* армии, которого нельзя добиться никакой военной выучкой². Политическая уязвимость флорентийской республики объясняется тем, что она не могла руководствоваться общеитальянским интересом, ее политика не доросла до национальной идеи, хотя требования времени диктовали необходимость выдвижения новых общенациональных целей. Иначе малым итальянским государствам были суждены поражения от соседей, и они их действительно терпели. Неужели Макиавелли должен был сотворить чудо? Впрочем, ни на что другое нельзя было больше уповать.

Никто не отрицает организаторского таланта Макиавелли, что же касается его командирских способностей, то ясно, что у него не было такого рода навыков, но они доступны развитию. Нашли бы способности флорентийского секретаря лучшее применение в другой обстановке? Кто

¹ *Guillemain B.* Machiavel: L'antropologie politique. Genève, 1977. P. 112. Здесь же приведены данные о том, что в защите Прато участвовала всего тысяча ополченцев на три тысячи гарнизона (P. 130, not. 24). Причиной сдачи был именно низкий боевой дух.

² Кстати сказать, свою собственную армию пытался создать и Чезаре Борджиа, рассчитывавший закрепиться в качестве государя в Романье. Но флорентийское ополчение, продолжающее традиции народных ополчений итальянских и других средневековых городов, может считаться и прообразом будущих национальных армий. Не случайно военная реформа во Флоренции носила имя *ordinanza*, что напоминает ординансные роты Людовика XI во Франции.

знает... Тех, кто может противостоять судьбе, «она либо губит, либо лишает способности действовать» – наверное, эти слова Макиавелли относил и к себе¹.

Можно быть практиком в теории, то есть прагматиком, и теоретиком практики, то есть человеком, исповедующим философию, которую А. Грамши назвал в широком смысле «философией практики»². Макиавелли принадлежит ко второй категории, его младший современник, приятель и покровитель Франческо Гвиччардини – к первой; в этом одно из немногих различий между ними, может быть, самое существенное. Оно объясняет недоумение Гвиччардини, наблюдавшего отчаянную защиту Флоренции республиканцами в 1530 г.: откуда эта неожиданная вспышка любви к свободе? В дни, когда исход осады не был еще решен, флорентийский магнат даже усомнился в правильности своих расчетов³. «Случается иногда, что безумцы творят более великие дела, чем мудрецы; происходит это оттого, что мудрый, которого не гнетет необходимость, крепко полагается на разум и слабо на судьбу; дела же, кои вершит судьба, часто кончаются образом непостижимым. Флорентийские мудрецы /знакомая терминология!/ уступили бы буре, разразившейся сейчас, а безумцы решили бороться с ней наперекор всякому рассудку, и никто бы не поверил, что наш город способен на подвиги, которые они до сих пор совершили. Это и говорит пословица *audaces fortuna juvat*»⁴⁵.

Макиавелли, наверное, поверил бы. Более того, это была та самая вспышка античной доблести, на которую он так

¹ Рассуждения. II. 29 // Op. cit. P. 249.

² *Gramsci A. Note sul Machiavelli, sulla politica e sullo stato moderno.* Torino, 1975. P. 152. Грамши так объясняет здесь анекдот Банделло: «Макиавелли не был профессиональным военным, только и всего».

³ *Rossi A. Francesco Guicciardini e il governo fiorentino dal 1527 al 1540 (con nuovi documenti).* Bologna, 1896. Vol. 1. P. 156 e sgg.

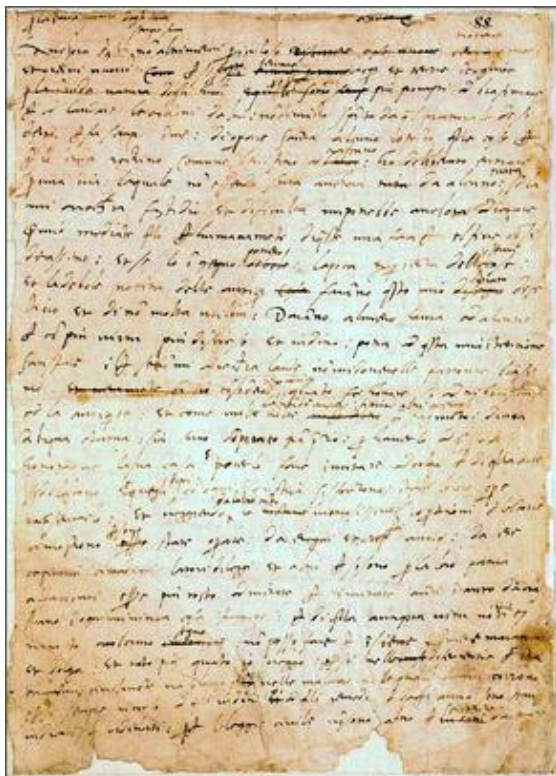
⁴ Смелым помогает судьба (*лат.*).

⁵ *Гвиччардини Ф.* Соч. М., 1934. С. 76 (Заметки о делах политических и гражданских).

надеялся и которую так страстно призывал. «Исторический» период жизни Макиавелли по иронии судьбы оказался разделенным на две половины – деятельную и теоретическую, однако сам он был настолько человеком Возрождения, что, рассуждая о дистанции между теорией и практикой, мы рискуем попросту впасть в анахронизм. Мысль и дело еще не начали раздельного существования, хотя гуманизм, может быть, сделал первый шаг в этом направлении. Какой бы мрачной ни казалась действительность, вопрос «быть или не быть» для Макиавелли предрешен в ее пользу. Воплощение является для него естественным продолжением существования идеи. Если мы сегодня вправе делать вывод о трагическом разладе между мечтой великого флорентийца и возможностью ее осуществления, то сам он его, вероятно, не ощущал. Стоял вопрос, как лучше действовать, а не как оправдать действие или действовать ли вообще (потому что «досуг» и «бездействие» у Макиавелли – лишь другая форма деятельности, созерцание). Между природой и человеком, а главное, человеком и его природой нет антагонизма. «Недостатки природы может восполнить воспитание»¹. Ум направлен на действие, он существует в действии, невозможность действенного приложения заставляет его страдать. Трактаты Макиавелли проникнуты этим чувством, их предмет не столько наука, сколько искусство – будь то искусство управления, искусство языка или искусство войны.

Не случайно главные политические сочинения Макиавелли – «Государь» и «Рассуждения о первых десяти книгах Тита Ливия» – написаны им в начальный период изгнания (1513–1517), когда все помыслы автора были обращены к текущей политике и когда он питал надежды в скором времени вернуться к политической деятельности.

¹ Капитоло о честолюбии // *Op. cit.* P. 538.

*Макиавелли Н. Предисловие к «Рассуждениям
о первой декаде Тита Ливия», ок. 1518*

В литературе до сих пор обсуждается вопрос о точной соотносительной датировке этих трактатов, поскольку на основании такой датировки можно судить об эволюции политических взглядов Макиавелли¹. Пока нет бесспорных и подтвержденных документами указаний на обстоятель-

¹ *Baron N. Machiavelli: the republican citizen and the author of the Prince // English historical review. 1961. Vol. 72. P. 217–253; Sasso G. Niccolò Machiavelli: Storia del suo pensiero politico, Napoli, 1958.*

ства работы Макиавелли над этими сочинениями в Сан-Кашано, где он жил в изгнании, вопрос не может быть решен. В настоящее время наиболее правдоподобной является так называемая теория «интерполяции», опирающаяся на известные нам сведения относительно трактата «Государь». Судя по цитировавшейся выше переписке Макиавелли, «Государь» создан во второй половине 1513 г. Вторая глава этого произведения начинается словами: «Я оставляю размышления о республиках, потому что много занимался этим в другом месте»¹. Это явная ссылка на «Рассуждения», которые, следовательно, должны быть написаны раньше. С другой стороны, в «Рассуждениях», законченных в 1516 или 1517 г., есть – начиная со второй книги – ссылки на «Государя». Гипотеза о промежуточности «Государя», развиваемая итальянскими учеными, заключается в том, что предположительно летом 1513 г. Макиавелли были написаны сначала первые восемнадцать глав трактата «О республиках». Они образуют самостоятельную и отличную от всего корпуса «Рассуждений» часть. Затем Никколó, уповая, очевидно, на возможность своего участия в политической жизни в новой ситуации, применительно к ней составляет краткий компендиум своего государственного опыта, с тем чтобы поднести его Медичи (Джулиано, но позднее посвящение было сделано Лоренцо, внучатому племяннику Лоренцо Великолепного). Когда надежды развеялись, Макиавелли продолжил свои труды уже в форме систематизированных комментариев к истории Тита Ливия и на их основе написал трактат «о республиках» по настоянию друзей из садов Ручеллаи (Orti Oricellari, вилла, где собирались флорентийские гуманисты, члены Академии). Друзьям он и посвятил новую книгу.

В любом случае навряд ли можно на основании этих двух главных сочинений Макиавелли, написанных почти одновременно, делать выводы о развитии его политических

¹ Государь. II. P. 7.

идей. С точки зрения содержания между ними нет принципиальных расхождений. «Государь» выводится целиком из всех прочих произведений Макиавелли, в первую очередь из «Рассуждений»; вообще идеи флорентийского мыслителя вызревали, как становится все более ясным, с самой ранней молодости, когда «История» Тита Ливия была его любимым чтением¹. Различие в «Посвящениях» обоих трактатов (в «Государе» Макиавелли подробно объясняет мотивы своего подношения единоличному правителю, в «Рассуждениях» же он осуждает этот обычай) никак не может свидетельствовать о том, что «Государь» был отходом писателя от республиканизма, последний термин вообще применим к Макиавелли с большими оговорками. Слова второго «Посвящения» можно понимать как закономерное свидетельство разочарования: государям можно было бы посвящать сочинения, не будь достойные люди исключением среди них. А это, между прочим, один из лейтмотивов творчества Макиавелли – «профессия» государя на деле редко сочетается с выдающейся доблестью, не говоря уже о нравственности. Вот собственные слова флорентийского писателя: «...я избрал тех, кто не принадлежит к государям, но по своим бесконечным достоинствам заслуживает принадлежности к ним; не тех, кто может осыпать меня званиями, почестями и богатствами, а тех, кто не может, хотя желал бы этого. Ведь люди, чтобы судить правильно, должны уважать действительно щедрых, а не тех, кто в состоянии проявить щедрость; точно так же и тех, кто умеет править государством, а не тех, кто будучи невеждой, в состоянии это делать»². Стоит подчеркнуть, что здесь, как во многих других местах, Макиавелли отмежевывается от «толпы», которая судит о вещах по внешности, требует от государя только успеха и т. п.

¹ *Ridolfi R. Vita...* P. 15, n. 7.

² Т.е. удерживается на троне благодаря случаю и обстоятельствам. *Рассуждения. Посвящение.* P. 122.

От сочинения к сочинению меняется не фундамент макиавеллиевских воззрений, а лишь конкретное их приложение, впечатление непостоянства возникает как раз в силу практической направленности этой мысли. Впрочем, практические выводы, к которым приходит Макиавелли в «Государе» и в «Рассуждениях», вовсе не противоречат друг другу. В главе XVIII книги I «Рассуждений», после которой, как предполагается, он перешел к написанию «Государя», отмечено: «...нельзя отыскать такие законы или порядки, чтобы они остановили всеобщее разложение»¹. Испорченному народу суждена потеря свободы, но предпочтительнее, чтобы вождем его стал доблестный герой, а не тиран. В любом случае неизбежны крайние меры, диктаторская власть, которую Макиавелли описывает в «Государе», имея в виду не только обобщение практики «новых правителей», но прежде всего спасение Италии.

Основы своей политической теории Макиавелли изложил в «Государе» и «Рассуждениях», к практической же программе он возвращается и позднее, в трактате «О военном искусстве» (1519–1520). Не зря некоторые усматривают в нем синтез и обобщение политических задач, выдвинутых в «Рассуждениях» и «Государе»². Высказывания Фабрицио Колонны, главного действующего лица диалогов «О военном искусстве», проливают свет и на итоги макиавеллиевской самооценки. По словам Фабрицио, он сумел бы воспользоваться случаем и применить свои знания об античном военном искусстве, к чему он всю жизнь готовился. Но: «Поверьте, что вернуть уважение к итальянскому оружию можно только указанным мной путем и с помощью обладателей крупных владений в Италии, ибо желательную форму можно запечатлеть в собственных людях, простых и непрехотливых, но не в дурных и ненадежных, каковы иностранцы. Не бывало хорошего скульптора, который предпочел бы для прекрасной статуи избрать

¹ Там же. I, 18. P. 199.

² *Paparell G. Feritas. Humanitas. Divinitas: Le componenti dell' umanesimo.* Messina; Firenze, 1960. P. 203 sgg.

плохо отесанный кусок мрамора вместо вовсе не обработанного. Наши итальянские государи, пока не разразилась налетевшая из-за гор гроза, думали, что государю довольно знать, как составить, сидя в кабинете, изящное письмо, обдумать удачный ответ, высказать в беседах, в метких словах остроумие и находчивость; как плести интриги, красоваться золотом и драгоценными камнями, соревноваться со всеми в роскоши стола и платья, потворствовать окружающему разврату, проявлять жадность и высокомерие по отношению к подданным, изнывать от безделья, раздавать без разбора военные звания, *пренебрегать похвальными советами*, желая, чтобы их речи принимали завешания оракулов; в своем ничтожестве они не замечали что готовили себя в жертву первому захватчику»¹. Макиавелли противопоставляет современным государям знаменитых людей древности: Цезаря, Александра, «Если им, хотя бы отчасти, можно поставить в упрек чрезмерное властолюбие, то в изнеженности или в чем-либо, говорящем о слабости и невоинственности, их никак нельзя упрекнуть». Но для итальянцев не закрыта дорога подражания им, которая изменила бы судьбы страны. «И я утверждаю, что кто из итальянских государей первым пойдет по этому пути, тот прежде других станет властителем этой провинции»². Реальность этого, заключает Фабрицио Колонна, а его устами Макиавелли, следует из того, что «эта страна как будто бы рождена, чтобы воскрешать давно умершие искусства, как показали поэзия, живопись и скульптура. Что до меня, то будучи уже пожилым, я не питаю больших надежд. Но если бы раньше судьба предоставила мне такое положение, которое необходимо, чтобы предпринять подобное, я думаю, мир в кратчайшее время убедился бы, чего стоят древние обычаи. Без сомнения, я победил бы со славой или достойно погиб»³.

¹ О военном искусстве. VII. P. 361–362.

² Там же. P. 363.

³ Там же.

Итак, говорить об эволюции воззрений Макиавелли или даже о его непоследовательности представляется с течением времени все более затруднительным. Внешние обстоятельства влияли на его творчество больше с формальной, жанровой стороны, в этом плане можно даже усмотреть некоторую закономерность и эволюцию: за политическими трактатами (1513–1516) следуют художественные произведения – «Осел» (1517, неоконченная поэма), комедия «Мандрагора» (1518), перевод комедии Плавта «Девушка с Андроса» (1517, 1519), новелла «Бельфагор» (1518–1520?), «Жизнь Каструччо Кастракани» (1520) и крупнейший исторический труд Макиавелли «История Флоренции». Это наблюдение, разумеется, весьма условно, речь идет даже не об эволюции, а о постепенном переключении творческого внимания, при том, что к работе над историей Макиавелли «готовил себя» опять-таки с ранней молодости¹, а необходимость ее изучения упоминается во всех его главных сочинениях, это один из краеугольных камней макиавеллиевской концепции. Последнее положение с кристальной ясностью отражено в начале книги I «Рассуждений», которое перекликается с только что цитированным заключительным отрывком «Военного искусства». «Хотя вследствие завистливости человеческой природы находить новые порядки и способы действия не менее опасно, чем искать неизведанные земли а моря, – ведь люди скорее склонны осуждать, а не хвалить поступки других; все же побуждаемый своим всегдашним естественным желанием трудиться для общего блага невзирая ни на какие препятствия, я решил ступить на путь, неисхоженный пока никем; если он доставит мне хлопоты и трудности, то одновременно может и вознаградить от лица тех, кто взглянет на цель моих стараний с человеческим сочувствием. И если скудные силы ума, недостаточный опыт в нынешних делах и скромные познания о древних обесценят и сведут на нет мою попытку, они по крайней мере откроют дорогу тем, кто сумеет

¹ *Ridolfi R. Vita...* P. 350–351.

исполнить мое намерение с бóльшим талантом, с бóльшей силой суждения и разума: так что, не снискав хвалы, я не должен подвергнуться и порицанию.

Итак, размышляя над тем, каким почетом окружена древность, и как часто какой-нибудь осколок античной статуи, не говоря о множестве других примеров, покупают за огромную цену, чтобы иметь его у себя, прославить им свой дом и дать образец тем, кто увлекается этим искусством, а они всеми силами стараются подражать ему в своей работе; наблюдая, с другой стороны, что блистательные деяния, о которых рассказывает история, совершенные в древних монархиях и республиках царями, полководцами, гражданами, законодателями и прочими отдававшими силы родине, вызывают всеобщее восхищение, но не подражание, так как их, напротив, столь ревностно избегают, что от античной доблести не осталось и следов – я не могу удержаться от удивления и скорби»¹.

История представлена здесь как «учительница жизни», как материал для практических выводов. Подлинно же исторический труд создан Макиавелли в последние, наиболее зрелые годы. Во всех трех областях творчества – политической, художественной и исторической – Макиавелли оставил гениальные произведения. Одно из его писем 1525 г. подписано: «Никколó Макиавелли, историк, комик и трагик». Но в театре Макиавелли нет трагедий: все пьесы – комедии; это противоречие с «устремленностью к трагическому», которую находят в его прозе, требует объяснения. В «Мандрагоре», лучшей пьесе Макиавелли, исследователи усматривают то же столкновение человека с судьбой, которое питает все трагические коллизии, присутствующие в трактатах флорентийского писателя², но факт остается фактом – театр Макиавелли камерный, он не выносит на сцену тех общественно-политических страстей, которыми

¹ Рассуждения. I. Вступление. P. 123–124.

² Например, *Ferroni G.* «Mutazione» e «riscontro» nel teatro di Machiavelli. Roma, 1972.

полны и «Государь», и «Рассуждения», и «История Флоренции». Это тем более примечательно, что в дальнейшем, немногие десятилетия спустя, политическая трагедия переживает свой расцвет, ее сюжеты настолько близки «Государю», что, кажется, перекочевали из трактата прямо на сцену. Изменилась форма, но над теми задачами, которые приводит в своем «государственном учебнике» Макиавелли, бьются теперь драматурги. Собственно говоря, из пьес итальянских и английских авторов второй половины XVI в.¹ можно составить задачник к этому учебнику, ибо в них проигрываются всевозможные варианты решения нравственно-политической проблемы. Интересно, что авторы политических драм вполне осознанно «отталкиваются» от Макиавелли, правда, зачастую неверно понятого и известного им из третьих рук.

Как бы то ни было, если говорить о внутренних причинах «недраматургичности» макиавеллиевской трагедии, то первая из них вытекает из его новаторства: главная, любимая его идея – возможность разумной, доблестной, достойной политики в самом безвыходном положении и какой угодно ценой – вплоть до отказа от любого из компонентов этой политики. Реализм, пересмотр нравственных постулатов – все это средства, которые не вызывают у Макиавелли особых сомнений, хотя он подчеркивает свое первооткрывательство. Сомнения и колебания порождены другим: неспособностью современников подняться до такой политики, отсутствием лиц такого масштаба. Может быть, в Италии было слишком тесно, чтобы могли вырастать национальные вожди, хотя Макиавелли утверждал, что чем больше государств, тем больше доблестных людей. Во всяком случае, флорентийского политика не смущает, что

¹ См.: Андреев М.Л. Итальянская трагедия позднего Возрождения и *ragion di stato* // Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981. С. 76–86; Комарова В.Я. Макьявелли и макьявеллизм в некоторых английских драмах эпохи Шекспира // Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979. С. 93–105.

Добро вынуждено пользоваться Злом, – противоречие, мучившее позднейших драматургов; трагичность его выводов состоит в том, что Добро в данной конкретно- исторической ситуации оказывается слабее Зла (по Макиавелли, сумма добра и зла в мире остается неизменной, но доблесть или добродетель перетекает из страны в страну).

Вторая причина, близкая к первой, заключается в недостаточном интересе к судьбе личности самой по себе, пусть это прозвучит парадоксально. Такого интереса к индивидуальности, какой выработало Новое время, у Макиавелли – историка и политика – нет: государи, кондотьеры, вельможи показаны им как образчики рода человеческого. В качестве «трагика» Макиавелли ярче всего выступает в своем историческом сочинении, кстати, письмо, где он аттестует себя этим званием, заканчивается сообщением о том, что он приступает к продолжению «Истории»: «Я изливаю свою горечь, обвиняя государей, приложивших совместные усилия, чтобы довести нас до этого»¹. В «Истории Флоренции» немало драматических страниц, немало трагедийных сюжетов и даже эпизодов, которым недостает лишь соответствующей переработки для сцены, чтобы быть развернутыми в драматургическое произведение. Укажем хотя бы на описание у Макиавелли заговора Олджати и убийства миланского герцога Галеаццо Марии Сфорца, состоящее из ряда красочных сцен, стремительно ведущих действие к развязке². Но, по-видимому, внимание Макиавелли, и в этом его заслуга перед исторической наукой, привлекала психология групп. Недаром из полутора десятков вставных речей, произносимых в «Истории Флоренции» по примеру античных историй действующими лицами (ср. монологи в трагедиях), половина вложена в уста анонимных персонажей, в том числе знаменитая речь чомпи, предводителя восставших чесальщиков шерсти, к кото-

¹ Письмо к Ф. Гвиччардини, датируемое концом октября 1525 г. (Р. 444).

² История Флоренции. VII. 33–34, Р. 115–117.

рой мы еще вернемся. Эти речи не являются, как иногда полагают, выражением мнения автора по поводу тех или иных событий; они служат характеристике самих деятелей, не будучи, конечно, в большинстве случаев, их подлинными высказываниями. Искать в них четкие идеологические формулировки было бы анахронизмом, но в них есть психологические характеристики, причем относящиеся к психологии различных общественных слоев и групп, которую автор «Истории» широко использует для объяснения событий. Так, в главе XXI книги III Макиавелли излагает позиции и настроения грандов, пополанов, членов старших цехов, младших цехов, «тощего» народа, и, используя эту основу, рисует политические перемены во Флоренции. Большинство речей служит этой же задаче, в том числе и слова реальных исторических лиц, поскольку они представляли отдельные партии и группы.

Эти соображения в немалой степени объясняют, почему К. Маркса так привлекла «История Флоренции», и в частности, помогают истолковать пометки на экземпляре сочинений Макиавелли из библиотеки основоположника научного социализма¹ в речи предводителя чомпи. Прежде всего, на странице 92, в начале главы XIII книги III (по принятому сейчас делению) есть надпись рукой Маркса: «Речь Макиавелли /здесь и далее подчеркнуто Марксом/ в роли трибуна плебейских низов». И по поводу самой речи: «Истинные причины (грабежей? – неразборчиво, – прим. ред.) младшего народа он сам изложил выше». Очевидно, Маркс имеет в виду сплошь подчеркнутый им абзац в предыдущей главе, объясняющий причины восстания. Самая важная из этих причин – подчиненное положение младших цехов и низов, из нее вытекают все остальные: политическое бесправие, ненависть к хозяевам из старших цехов и магистратам, недовольство и пр. В заметках Марк-

¹ Ex libris K. Marx und F. Engels. Schicksal und Verzeichniss einer Bibliothek. B., 1967. S. 134, 136; vgl. S. 218. См. текст указанной речи на с. 97–99.

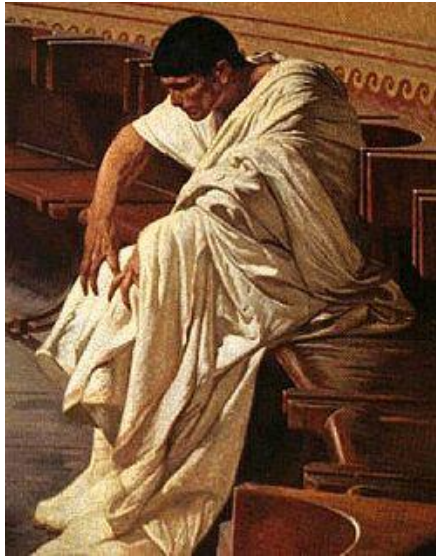
са об историческом труде Макиавелли на первый взгляд рассмотрение сути – «истинных причин» – противопоставляется традиционному риторическому украшению в виде речи, позаимствованному из античных образцов. Но не случайно самой речи предводителя чомпи теоретик классовой борьбы уделил столько внимания. Во-первых, в ней в качестве мотивов изложены те же самые причины, хотя о цехах почти не упоминается. Во-вторых, слово «истинные» можно понять в смысле «более глубокие», непреходящего порядка, в сравнении с временными причинами, о которых сказано в начале речи – страх наказания, необходимость продолжить начатое дело. Кроме того, если верно прочитано слово «грабежи», то слова «истинные причины» могут противопоставляться Марксом предполагаемому истолкованию грабежей с точки зрения противников чомпи как желания толпы нажиться на беспорядках, проявления ее анархических наклонностей и т. п. В-третьих, в уста предводителя чомпи нельзя было, конечно, вложить более глубокого анализа социальных причин восстания, который присутствует у самого флорентийского историка. Зато вождь чесальщиков шерсти говорит о взглядах рабочих на богатство и бедность, на пороки общественного устройства.

В следующей фразе Маркс отмечает: «Макиавелли делает из оратора нецеховых пролетариев своего рода Катилину. Речь местами¹ напоминает Катилину у Саллюстия». Эта параллель определяет собой оценку данной речи у Маркса, однако она оставляет место для совершенно разных толкований. Можно предположить даже, что Маркс считает отношение Макиавелли к чомпи резко отрицательным, поскольку Катилина, отчасти благодаря Саллюстию, стал символом беспринципного демагога и «в течение ряда столетий не было такого контрреволюционного историка и публициста, который не воспользовался бы образом Катилины в своей борьбе с революционным движением»². Не высту-

¹ Местами – *stellenweise* – вставлено Марксом сверху.

² От издательства // Саллюстий Гай Крисп. О заговоре Катилины. Цицерон Марк Туллий. Речи против Катилины. М.; Л., 1934. С. 8.

пает ли здесь и Макиавелли, столь высоко ценимый Марксом, в качестве «контрреволюционного историка»?

*Катилина. С фрески Чезаре Маккари
«Цицерон и Катилина» (1882–1888)*

Попытки оправдания Катилины, перетолкования его образа действительно начинаются только в XIX в., например, в период революции 1848 года у Ибсена. Но это не значит, что Саллюстий изобразил Катилину только черной краской, как пишет, несколько преувеличивая, в примечаниях к советскому изданию С.П. Гвоздев: «В глазах Саллюстия он изверг, какое-то исчадие ада, развратник, авантюрист, сумасшедший анархист, одержимый манией разрушения»¹. У Саллюстия мы встретим и такую фразу: «Смелость и духовная мощь царили в армии Катилины»².

¹ Там же. С. 328.

² Там же. С. 175

Соответственно, оценка бунтовщика у Макиавелли также не была столь однозначной (напрашивается параллель с его тезисом о пользе народных выступлений для укрепления Римской республики), что, видимо, и привлекло внимание Маркса¹.

У Макиавелли повторяются некоторые мысли из книги Саллюстия, например, о необходимости сохранения первоначальных основ власти, о вреде праздности, о том, что в испорченном обществе государство бедно, а граждане богаты; впрочем, это не доказывает прямого заимствования. О Катилине Макиавелли отзывался скорее с осуждением, но это осуждение падает на Катилину по аналогии с Цезарем, причем Цезарь, по мнению Макиавелли, заслуживает более сурового осуждения как человек, действительно совершивший антиреспубликанский переворот, чем того, кто только «хотел сделать зло» (Катилину²). Наверяд ли это мнение сложилось под влиянием цезарианца Саллюстия. К вождю же чомпи флорентийский историк не проявляет явной антипатии, напротив, речь открывается соображениями, близкими самому Макиавелли: о необходимости изменять образ действий соответственно изменившимся обстоятельствам.

Действительно, прямое сходство обнаруживается не в социально-политической характеристике, а в логике речей Катилины, порожденной подобием ситуации. И в том, и в другом случае ораторы апеллируют к «крайней нужде, делающей трусов храбрецами» (вторая речь Катилины)³. Ряд доводов Катилины совпадает с доводами оратора чомпи: «Само дело, благоприятно сложившаяся обстановка, рискованное положение, в котором вы находитесь, ваша крайняя бедность, роскошная военная добыча должны вас убе-

¹ Интересно, что тираноубийцы XV в. вдохновлялись, по сообщению хроник, саллюстиевым Катилиной как героем. См.: *Maček J.* Il rinascimento italiano. Roma, 1974. P. 293.

² Рассуждения. I, 10. P. 170.

³ *Саллюстий Гай Крисп.* Указ. соч. С. 172.

дить лучше, чем мои слова»¹. Но это относится к доводам психологическим, а не социально-психологическим – последние мы находим уже только у Макиавелли, но не в речах героев Саллюстия. То, что Марксу бросилась в глаза именно черта скорее художественного свойства, сближающая флорентийца и римлянина как историков-драматургов, подтверждается еще одной пометкой, сделанной Марксом на английском языке у слов: «...если так, то вы не те, за кого я вас принимал...»², здесь он привел текстуально близкую цитату из Шекспира, понятую, очевидно, как риторический прием, попытка воздействовать на самолюбие слушателей³. Ясно, что если позиция Макиавелли не допускает отождествления с позицией чомпи, то в ней нет и явной враждебности. Политический радикализм у Макиавелли уживается с осуждением крайностей политической борьбы.

Что касается совпадения слов Макиавелли и Шекспира, отмеченного Марксом, то само по себе оно весьма примечательно. В данном случае оно частное и взято из комедии, но вполне правомерно сопоставлять драматургию Макиавелли с лучшими образцами политической трагедии нового времени – от ближайшего к нему англичанина Шекспира до русского Пушкина⁴. Шекспир, по-видимому, знал Макиавелли только в изложении «антимакиавеллистов», кроме того, время Шекспира было уже другим; но мироощущение величайшего драматурга было, очевидно, близко в каких-то определяющих пунктах мироощущению осуждаемого в его трагедиях итальянского политика, об

¹ Там же (Первая речь Катилины). С. 117.

² Tell them, that they are not the men you took them for (Shak).

³ Ex libris... S. 134. Это неточная цитата из комедии «Много шума из ничего», акт III, явление 3. Сюжет комедии восходит, между прочим, к одной из новелл Банделло.

⁴ А.С. Пушкин положительно отзывался о Макиавелли, сочинения которого были в его библиотеке. См.: *Модзалевский Б.А.* Библиотека А.С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 278. Подробнее об этом во второй части.

этом свидетельствуют строки, на которые вдохновил Тургенева шекспировский «Гамлет»: «Отрицание Гамлета сомневается в добре, но во зле оно не сомневается и вступает с ним в ожесточенный бой. В добре оно сомневается, то есть заподозривает его неискренность и нападает на него не как на добро, а как на поддельное добро, под личиной которого опять-таки скрываются зло и ложь, его исконные враги...»¹. Вопросы, которые ставил Макиавелли, – это главные вопросы позднейшей трагедии.

Трагический сюжет, если лишить его масштабности, превращается в комедию. В этом случае автор изображает чувства действующих лиц мелкими. Стоит напомнить, что «Мандрагора» и «Отелло» написаны на одну тему – о супружеской неверности. Вообще суждения Макиавелли окрашены горькой иронией, трагический исход вызывает усмешку, так как писатель не находит в истории, особенно современной, благородных побуждений действующих лиц и значительных поступков.

Парадокс судьбы Макиавелли в том, что его собственная жизнь все-таки дает материал для трагедийного осмысления, и не один писатель им воспользовался, хотя каждый привнес, разумеется, свою долю вымысла. Как бы то ни было, напрасно Макиавелли сокрушался, что судьба не дала ему свершить великие дела: история опровергла это утверждение.

Взгляды Макиавелли помогают истолкованию его биографии в неменьшей степени, чем биография, обстоятельства жизни помогают истолкованию взглядов – политических и, особенно, этических. В отношении последовательности жизнь и творчество Макиавелли являются образцовыми для своего времени, ключ же к ним дает его этика.

¹ *Тургенев И.С.* Гамлет и Дон Кихот // Собр. соч.: в 12 т. М., 1956. Т. 11. С. 178.

ИСТОРИКИ ОБ ЭТИКЕ МАКИАВЕЛЛИ

Находить новые порядки и способы действия не менее опасно, чем искать неизведанные земли и моря...

Н. Макиавелли

Авторы множества специальных исторических трудов — книг, обзоров и статей исследуют «судьбу Макиавелли (*la fortuna di Machiavelli*)», по выражению итальянских историков, в отдельных странах и в разные эпохи¹. Всякое общее обозрение моря литературы о Макиавелли рискует быть поверхностным и односторонним, тем более, что и сегодня нельзя считать достаточно изученными некоторые стороны творчества, биографии, судьбы манускриптов великого флорентийца, нет даже полного критического издания его сочинений². Поражает, однако, изобилие общих работ — факт сам по себе удивительный, отражающий потребность в цельном восприятии феномена Макиавелли, его связи с «макиавеллизмом» и «антимакиавеллизмом», проделавшими в истории свой собственный путь³.

История «макиавеллизма» и то, что под ним понималось, — вопрос особый, малоизученный, к творчеству Макиавелли относящийся лишь косвенно, но каждый, кто изучает историческую судьбу Макиавелли, не может не спросить себя, чем вызвано и нужно ли постоянное «пер-

¹ *Procacci G.* Studi sulla fortuna del Machiavelli. Roma, 1965; *Malarczyk J.* La fortuna di Niccolò Machiavelli in Polonia. Wrocław, 1969; *Cherel A.* La pensée de Machiavel en France. P., 1935; *Raab F.* The english face of Machiavelli. L., 1964; *Scoretti F.* Machiavel et les suisses. Neuchâtel, 1942; *Pausini A. J.* Machiavelli and the U. S. A. N. Y., 1970. 6 vol.; *Stuparich G.* Machiavelli in Germania: (Contributo alla storia delle relazioni del Machiavelli con la letteratura e col pensiero tedesco, 1915). Roma, 1985.

² *Ridolfi R.* Vita di Niccoiò Machiavelli. 7 ed. accresciuta e riveduta. Firenze, 1978.

³ Ср.: *Lefort C.* Le travail de l'oeuvre Machiavel. P., 1972.

вооткрывательство» этого писателя? Почему, когда впервые читаешь его сочинения, кажется, что никто из комментаторов его не понял, зато потом, когда углубляешься в книги о нем, кажется, что все возможное уже сказано? Как отыскать истину в разноголосице мнений об этом многостороннем и оригинальном мыслителе, и будет ли эта истина «научно» обоснованной? Не лучше ли отказаться от общих оценок и ограничиться исследованием фактов биографии Макиавелли и «биографии» его сочинений? Попробуем наметить свой подход к решению этих вопросов.

Отдельные факты истории мысли не могут быть рассмотрены вне истории интерпретации этих фактов. Макиавелли сегодня – это не только то, что сказано им, но и то, что сказано о нем. Поэтому невозможно механически отделить истинное от ошибочного. Исключив долю ошибочного у каждого из ранее писавших, мы вовсе не получим правильного суждения о Макиавелли, хотя некоторая доля истины присутствует, вероятно, в каждой точке зрения. Знание различных мнений дает то же преимущество, что и знание истории при оценке происходящих событий – открывает глаза на их суть, позволяет сравнивать последствия, результаты с тем, что планировалось, декларировалось и ожидалось. Истина о Макиавелли сегодня включает все его оценки, высказанные в историко-культурном диалоге: через них мы узнаем Макиавелли, через истолкование Макиавелли – писавших о нем. Это, возможно, и имел в виду итальянский историк Дж. Преццолини, заявляя, что все суждения о Макиавелли в свое время были верны (тезис, вызвавший недоумение у Р. Ридольфи)¹.

Определяя свои пристрастия, мы не обязательно погрешим против истины. Окрашившись накопившимися за века эмоциями, образ Макиавелли предстает более ярким. Просто отмечая старые ярлыки, отбрасывая груз старых концепций и отказываясь от старых оценок, мы рискуем обеднить прошлое и, может быть, вообще не понять его. В слу-

¹ *Ridolfi R.* Op. cit. P. 591.

чае с Макиавелли старые ярлыки и споры незаметно отошли на второй план, а проблемы остались; вся долгая история искажений, непонимания, разоблачений, откровений и обвинений Макиавелли подтверждает сохраняющуюся актуальность его мысли. Все писавшие о флорентийце и о судьбе его идей в историографии так или иначе отбирали и располагали материал в соответствии с каким-то главным принципом. В данном случае мы не будем вникать во все перипетии историографии, речь пойдет об общих оценках Макиавелли с учетом прежде всего отношения тех или иных авторов к «нравственно-политической проблеме».

Авторы старых и новых обзоров историографии ориентируются на разные принципы отбора – Ф. Гилберт выделяет источниковедческую и документальную сторону изучения Макиавелли, Ф. Фидо строит свою работу по проблемно-антологическому принципу, Д. Йенсен («Макиавелли – циник, патриот или ученый-политик?») – по феноменологическому, Я. Гучковски делит всех писавших о Макиавелли на приверженцев различных мифов, Р. Кларк – на сторонников или противников тезиса о литературной и методологической ценности его творчества¹. В не столь давней работе А. Бонадео историки, писавшие о Макиавелли, объединены в группы в зависимости от того, признавали ли они наличие у последнего этической концепции². Но под этической концепцией здесь подразумевается «моральность» Макиавелли, смысл же исследования этики неизмеримо шире. Особая ценность творчества Макиавелли в том, что он ставит вопрос о социальном и политиче-

¹ *Gilbert F. Machiavelli in modern historical scholarship // Italian Quarterly. 1970. Vol. 16. P. 9–26; Fido F. Machiavelli. Palermo, 1965 (Storia della critica. Vol. 10); Jensen de Lamar. Machiavelli: cynic, patriot or political scientist? Boston, 1966; Góckowsky J. Il principe moderno: Gramsciego recepcja idei Machiavelliego // Paradoksy losów doktryny. Warszawa, 1973. S. 205–248; Clark R. C. Machiavelli: Bibliographical spectrum // Review of national literatures. 1970. Vol. 1. P. 96–135.*

² *Bonadeo A. Corruption, conflict and power in the works and times of Niccolò Machiavelli. Los Angeles, 1973. P. 123–126.*

ском поведении людей, о его соотношении с нормами, идеалами, пытается объяснить противоречия и найти закономерности этого поведения. Не случайно обращение к Макиавелли часто связано с глубокими философско-политическими¹ и философско-методологическими² размышлениями, с размышлениями над принципами³.

Учитывая приблизительность всякой периодизации литературы о Макиавелли, мы ограничимся лишь делением на период «досовременный», когда преобладал венаучный подход и только в конце стали складываться основы представлений об историзме, близких сегодняшним; и период современный, в котором главный интерес привлекают новейшие работы, в том числе советские.

Первый период характеризуется тем, что взгляды на Макиавелли большей частью отражали воззрения самого излагавшего их, конкретные идеи флорентийского политика воспринимались как политически актуальные, вызывали резкое осуждение или одобрение, часто искажались, и не только политическими деятелями, но и историками. Точки зрения отдельных авторов зачастую исчерпываются их принадлежностью к тем или иным идейно-политическим течениям.

Второй период требует более подробной характеристики историографии отдельных стран, хотя мировоззренческие и прочие особенности по-прежнему объединяют историков независимо от их принадлежности к национальным школам.

Хронологически первый период охватывает время с XVI до XIX в., а второй – преимущественно конец XIX и XX в., где выделяется вторая половина и 70-е гг., когда интерес к Макиавелли возрос, в частности, после пятисотлетнего юбилея писателя. Впрочем, в 80-е гг. поток публикаций еще вырос.

¹ *Gramsci A. Note sul Machiavelli, sulla politica e sullo stato moderno, Torino, 1975.*

² *Lefort Cl. Op. cit.*

³ *Strauss L. Thoughts on Machiavelli. Glencoe (Ill), 1958.*

Условность классификации сочинений о Макиавелли очевидна – столь пестрым был состав писавших, столь оригинально – до курьезов, восприятие парадоксов творчества Макиавелли. Но в любом случае необходимо опираться на обобщения. Самое простое деление авторов на «макиавеллистов» и «антимакиавеллистов» проводится в библиографии от фон Моля¹ до наших дней. Дальнейшая систематизация внутри этих двух групп наталкивается на большие затруднения, впрочем, невозможно строго провести и само деление на два лагеря. Для большинства писавших определяющим было отношение (свое – и подразумеваемое отношение Макиавелли) к политическим институтам, республике, монархии, классам и партиям, религии, национальной идее. Суждения менялись также в зависимости от господствующей идеологической моды. Но неоднозначность толкований Макиавелли приводила к тому, что единомышленники в политике оказывались в разных лагерях по отношению к великому флорентинцу, а политические противники – в одном. При этом часто самые рьяные хулители Макиавелли на словах на деле были склонны к тому, что они называли «макиавеллизмом».

Неоспоримо, что дебаты вокруг имени Макиавелли начались уже в период Контрреформации. Первые издания «Государя» в 1532 г. печатались с одобрения папы Климента VII, а через двадцать лет Павел VI осудил Макиавелли как «непристойного и порочного писателя»². В 1559 г. «Государь» был внесен в Индекс запрещенных книг.

В религиозно-политической борьбе XVI в. имя Макиавелли оказалось среди двух огней – и католические и протестантские писатели обвиняли его в развращенности ума и атеизме, хотя политическая подоплека этих обвинений была разной. Кардинал Реджинальд Пол, объявивший, что

¹ *Mohl R. von. Die Machiavelli-Literatur // Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. Erlangen, 1855–1858. Bd. 1–3.*

² *Chevallier J.-J. Les grandes oeuvres politiques de Machiavel à nos jours. P., 1970.*

«Государь» написан рукой сатаны, возлагает на Макиавелли ответственность за раскол в английской церкви, то есть за реформу. Для протестантов, французских кальвинистов, главным пунктом критики Макиавелли была приписываемая ему защита тирании. Эта критика была связана с апологией дворянских вольностей, например у швейцарского гугенота Жантйе, написавшего один из основных антимакиавеллических трудов этого времени – «Рассуждение о средствах доброго правления, ...против Никколо Макиавелли»¹.

В короткий срок имя Макиавелли стяжало дурную репутацию, и мы встречаемся с его осуждением у таких крупных мыслителей того времени, как Жан Боден и Томмазо Кампанелла². Репутация Макиавелли, имя которого стало лишь средством очернить политических противников, уже в тот период покоилась на плохом знании самих его книг, как в случае с Поссевином, рьяным иезуитским критиком Макиавелли³, почерпнувшим свои сведения о «Государе» из книги Жантйе, что показано комментатором XVII в. Конрингом.

В то же время множество сочинений на политические темы воспроизводит мысли Макиавелли, не называя его по имени (так было еще при жизни флорентийского писателя, в частности, в 1523 г. вышел плагиат «Государя», принадлежавший Агостино Нифо⁴). Среди этих авторов немало хулителей Макиавелли (см. об этом работы Прокаччи и Тоффанина⁵). Отсюда можно заключить, что политические идеи Макиавелли, обладавшие высокой актуальностью и

¹ *Gentillet I. Discours sur les moyens de bien gouverner et maintenir en bonne pay un royaume... contre Nicolas Machiavel Florentin. Lausanne, 1576.*

² *Bodin J. Les six livres de la Republique. P., 1578; Campanella T. Atheismus Triumphatus. Lutetiae, 1636.*

³ *Possevino A. Bibliotheca selecta. Roma, 1593.*

⁴ *Nifo A. De regnandi peritia. Napoli, 1523.*

⁵ *Procacci G. Op. cit.; Toffanin G. Machiavelli e il tacitismo: La «politica storica» al tempo della Gontroriforma. Padova, 1921.*

глубиной, не были непосредственным объектом спора. Осуждению подвергалась, в первую очередь, его необычная моральная позиция, упрощенно истолкованная как требование вседозволенности для государя. Но именно к последнему приблизились теоретики *ragione di stato* («государственных соображений») Ботеро, Парута и авторы католических трактатов, закладывавшие идеологические основы абсолютизма. На словах они открещивались от Макиавелли и заменяли его Тацитом¹. Об этом прямо говорит крупнейший «тацитист» Юст Липсий, упоминая Макиавелли с одобрением².

Сочинения самих антимакиавеллистов и их поведение хорошо иллюстрируют тот факт, что они действительно заслуживали взаимные упреки в так называемом «макиавеллизме». Гугеноты и католические лигёры меняли свои воззрения на божественность прав королевской власти, как спортивные команды меняют ворота, – в зависимости от того, кто на эти права претендовал, Генрих III или Генрих Наваррский³. Джованни Ботеро призывает государя руководствоваться только интересом, прибегать к притворству, миловать тех подданных, которые могут использоваться на галерах; испанские иезуиты Рибаденейра и Мариана сходным образом советуют «при необходимости» использовать обман, но непременно в сочетании с «христианским благоразумием», например, при подавлении волнений⁴.

Некоторая тенденция к реабилитации Макиавелли как наставника государей проявилась в XVII в. Кардинал Ришелье заказал своему библиотекарю Машону «Апологию» Макиавелли, в симпатиях к Макиавелли обвиняли другого французского правителя, Мазарини; «Государь» вызвал

¹ *Toffanin G.* Op. cit.

² *Fido F.* Op. cit. P. 21.

³ *Chabod F.* Scritti su Machiavelli. Torino, 1974. P. 121, not. 4.

⁴ *Ibid.* P. 129.

интерес у шведской королевы Кристины¹. Впрочем, открещиваться от Макиавелли было выгоднее, недаром Вольтер позднее замечал, что первая вещь, которую должен сделать макиавеллист, это написать «Антимакиавелли»². Его высокогородный ученик, в дальнейшем король Пруссии Фридрих II, невольно проиллюстрировал это замечание, осудив в молодости безнравственную политику в своей книге «Антимакиавелли», которая вышла с предисловием Вольтера в 1741 г.³ Позднее он принял деятельное участие в циничных разделах Польши. Просвещенный монарх был одним из первых, кто обвинил Макиавелли, поборника «настоящей правды вещей», в отсутствии дедукции, антинаучности и неверном рассуждении.

До конца XVIII в. антимакиавеллизм господствовал в общественном мнении и внедрялся трудами, подобными сочинению иезуита Луккезини «О глупости Никколо Макиавелли, доказанной с помощью простых и естественных суждений»⁴, которое книгопродавцы рекламировали как «глупости падре Луккезини»⁵. В Англии это положение вещей отразилось на литературном восприятии Макиавелли в елизаветинской драме. Шекспир в «Ричарде III» упоминает «преступного Макиавелли», Кристофер Марло выводит его с «макиавеллическими» речами в прологе одной из пьес. Интересно, что Макиавелли утверждает здесь – «единственным грехом является невежество» – об этом популярном в гуманистическую эпоху тезисе мы уже говорили. М. П. Алексеев считает, что в уста Макиавелли «Марло

¹ См.: *Рутенбург В.И.* Жизнь и творчество Макьявелли // Макьявелли Н. История Флоренции. Л., 1973. С. 374.

² *Clark R. C.* Op. cit. P. 100.

³ См.: *Шаркова И. С.* «Анти-Макьявелли» Фридриха II и его русские переводы // Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979. С. 107–109.

⁴ *Lucchesini L.* Delia sciocchezza di Niccolò Machiavelli scoperta eziandio col solo discorso naturale. Roma, 1697.

⁵ *Fido F.* Op. cit. P. 32.

вложил многие свои излюбленные материалистические и атеистические взгляды...»¹.

В Англии было немало выдающихся людей, которые, как Монтень, Монтескье во Франции, сумели оценить трезвость взгляда флорентийца, среди них Бэкон, Уолтер Рейли, Болингброк.

Френсис Бэкон усмотрел в методе Макиавелли начатки индуктивного принципа: «... значительно больший результат достигается тогда, когда рассуждения и размышления вытекают из примеров, чем тогда, когда пример лишь иллюстрирует рассуждение»². Но Бэкон, как впоследствии Болингброк, который отчасти сам себя опровергает, отдавая Макиавелли должное³, не обходится без оговорок об «извращенной мудрости», указывающей всегда более короткой, но и более грязный путь⁴. Знаменитые слова Бэкона в похвалу Макиавелли, который рассказывает, «как поступают люди, а не о том, как они должны поступать»⁵, следует понимать таким образом, что Макиавелли живо изобразил зло в назидание людям. Следовательно, и Бэкон примыкает к традиции, видевшей в Макиавелли разоблачителя тиранов, а в «Государе» – политическую сатиру. Еще до Бэкона такую точку зрения высказал итальянский юрист Альберико Джентиле (книга вышла в Лондоне в 1585 г.), а до него – Джованни Маттео Тоскано (1578)⁶. Эта традиция, родившаяся из вопроса: кому выгодна политическая откровенность Макиавелли в «Государе», долгое время преобладала у защитников флорентинца, примерно до кон-

¹ История зарубежной литературы: Средние века и Возрождение. М., 1978. С. 480. Ср.: Комарова В.Я. Макьявелли и макьявеллизм в некоторых английских драмах эпохи Шекспира // Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979. С. 93–105.

² Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Соч.: в 2 т. М., 1971. Т. 1. С. 467.

³ Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 213–214.

⁴ Бэкон Ф. Указ. соч. С. 490.

⁵ Там же. С. 420.

⁶ Gentile A. De legationibus libri tres. L., 1585; Fido F. Op. cit. P. 20.

ца XVIII в., и дожила до наших дней, своеобразно отразившись на концепции Антонио Грамши¹. Не так давно толкование «Государя» как пародийного политического памфлета предложил Гаррет Маттингли².

В начале XVII в. против воззрения на «Государя» как учебник тиранов выступил Гаспар Шоппе; Траяно Боккалини в «Известиях с Парнаса» пишет, что Макиавелли сделал для овец вставные зубы, так что пастухи не могут расправляться с ними по-прежнему³. Один из первых серьезных исследователей Макиавелли, Иоанн Фридрих Крист⁴, указал на своеобразии обстоятельств написания трактата. Нелепо считать, пишет он также, что правители действуют под влиянием Макиавелли, «как будто несправедливости можно научиться только из умных книг и человеческий рассудок не может сам дойти до подобного зла»⁵. В то время стали уделять больше внимания «Рассуждениям о первых десяти книгах Тита Ливия» и родилась теория о скрытом республиканизме Макиавелли. В этом духе его понимает Спиноза, внимательно изучавший труды великого флорентинца⁶.

Новая волна идей, расшатывавших феодальные устои, принесла с собой и новую оценку Макиавелли как врага клерикалов; в его творчестве открылись новые грани. Жан-Жак Руссо в «Общественном договоре» называет Макиавелли наставником народов в борьбе с тиранией, сходная точка зрения высказана в статье «Макиавеллизм» французской «Энциклопедии», которая была написана, вероятно,

¹ Gramsci A. Op. cit.; Chemotti Saveria. Umanesimo, Rinascimento, Machiavelli nella critica gramsciana. Roma, 1975.

² Mattingley G. Machiavelli's Prince: political science or political satire // American scholar. 1958. Vol. 27. P. 482–491.

³ Schoppe G. Paedia politicae. Roma, 1623; Boccalini T. Ragguagli di Parnasso. Venezia, 1612–1613. Vol. 1. P. LXXXIX.

⁴ Christ J.F. De Nicolao Machiavello libri tres. Halle, 1731.

⁵ Chabod F. Op. cit. P. 134. N. 1.

⁶ Gallicet Calvetti C. Spinoza lettore del Machiavelli. Milano, 1972.

Дидро. Согласно этой статье «Государь» представляет собой свод правил, которыми руководствуются тираны, но опубликован с целью их разоблачения¹.

Уже в XVIII в. пытались объяснить двойственность, которую стали усматривать в творчестве Макиавелли по мере роста исторической дистанции. Появилось и желание лучше познакомиться с ним. В 70–80-е гг. в Италии издают собрания сочинений великого флорентийца по манускриптам, сохранившимся в семье Риччи. Пробуждающееся национальное итальянское самосознание в лице писателей Альгаротти, Альфьери требовало безоговорочной реабилитации Макиавелли как сторонника объединения страны. Атеизм, республиканизм, патриотизм были заново открыты в Макиавелли и подняты на щит демократическими революционерами и патриотами, особенно в Италии в эпоху Рисорджименто. Макиавелли было воздано должное, но к подлинному пониманию его новая эпоха была ненамного ближе, чем предыдущая. Ее деятели еще жили теми процессами, истоки которых следует искать во времени Макиавелли. Несмотря на проницательность отдельных суждений, они оценивали его сочинения так, как будто перед Макиавелли стояли те же проблемы, что и перед ними. Это относится к Фихте и Гегелю не в меньшей степени, чем к Фосколо и Феррари², даже отчасти к Де Санктису, суждения которого о Макиавелли выходят за рамки своего времени.

Гегель одним из первых говорил о несостоятельности критики Макиавелли, приписывающей ему теорию «цель оправдывает средства» на основании утверждений типа «война справедлива, когда необходима». Впрочем, это еще

¹ *Gilbert F. Machiavelli in modern historical scholarship...* P. 9–10.

² *Fichte J.G. Über Machiavelli als Schriftsteller aus seinen Schriften.* Königsberg, 1807; *Hegel G.W.F. Die Verfassung Deutschlands.* 1802–1803; *Foscolo U. Della vita e delle opere di Niccolò Machiavelli // Opere.* Firenze, 1850. Vol. 11; *Ferrari G. Machiavel juge des revolutions de notre temps.* P., 1849.

не доказывает тождества позиции Макиавелли и немецких философов-классиков, идеализировавших цивилизаторскую роль государства. После Великой Французской революции перед историками открылись новые горизонты, но в их книгах не могли ужиться одна с другой те идеи, семена которых мирно соседствовали у Макиавелли. Поэтому принимать или не принимать флорентинца целиком стало труднее. Загадкой казалось в нем сочетание противоречий, и эта загадка породила на протяжении столетий много разгадок, как будто речь шла о решении головоломки, а не о человеке, оставившем после себя тысячи писем и документов¹.

Впрочем, уже в начале XIX в. исследователи не ограничивались осуждением или оправданием Макиавелли с указанием на то, чей он «предшественник». Еще Маколей, а до него Винченцо Куоко призвали изучать условия, в которых жил Макиавелли². Сам английский историк объяснял противоречия итальянца особенностями национального характера. Ростки историзма дали богатые всходы, особенно в итальянской – Виллари, Томмазини и немецкой – Ранке, Гервинус – историографии³. Ранке ярко сформулировал свое объяснение идейного компромисса у Макиавелли как принятие «необходимого зла»: «Чтобы спасти Италию, Макиавелли прописал ей яд». Впрочем, это сравнение с медиком, восходящее к самому Макиавелли, проводили и другие, среди них первый издатель «Государя» Джунта.

¹ *Sarolli G. R.* The unpublished Machiavelli // Review of national literatures. 1970. Vol. 1. N 1. P. 78–96.

² *Macaulay Th. B.* Machiavelli // Edinburg review. March 1827; *Cuoco V.* Viaggio in Italia nel secolo di Leone X // Giornale italiano, 1804.

³ *Tommasini O.* La vita e gli scritti di Niccolò Machiavelli nella loro relazione con machiavellismo. Torino, 1883–1911. 2 vol.; *Villari P.* Niccolò Machiavelli e i suoi tempi. Firenze, 1877–1882. 3 vol.; *Ranke L. von.* Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber. B., 1824; *Gervinus G. G.* Geschichte des Florentinischen Historiographie bis zum 16. ten Jahrhundert nebst einer Charakteristik des Machiavelli. Wien, 1871.

В целом, как представители германского историзма, так и историки либерально-католического направления в Италии (Кантú, Бальбо, Джоберти), которые главенствовали в XIX в., колебались между осуждением политического «имморализма» Макиавелли с позиций католического морализирования и его оправданием как патриота и нравственной личности. Гениальным исключением из этого правила явился Де Санктис, поднявший наблюдения своих предшественников (Куоко, Феррари, Кине) на новый уровень.

Историзм Де Санктиса уже не сводится к тому, чтобы найти оправдание учению Макиавелли как «продукту разложения старого мира» или документальному свидетельству эпохи, но видит в нем «мысль и совесть своего времени», как пишет Ф. Фидо¹. В этом интерпретация Де Санктиса сохранила свое значение до наших дней и является более современной, чем сочинения его эпигонов².

Хотя и у Де Санктиса есть элементы модернизации национально-патриотических идей Макиавелли, с этого момента попытки решить головоломные «загадки» наследия флорентийского секретаря в оценке историков постепенно сменяются серьезным анализом его значения как «основателя нового времени».

В концептуальном плане труды последователей Де Санктиса, историков-позитивистов, заметно уступают ему, хотя важнейшие из них сыграли свою роль благодаря впервые произведенному источниковедческому анализу сочинений Макиавелли и документов, связанных с ним. В первую очередь это относится к самой популярной книге этого направления, книге П. Виллари «Никколó Макиавелли

¹ *Fido F.* Op. cit. P. 85.

² *De Sanctis F.* Storia della letteratura italiana. Napoli, 1870–1871. 2 vol.; рус. пер.: *Де Санктис Ф.* История итальянской литературы: в 2 т. М., 1962.

и его время»¹. Виллари признает за Макиавелли научные достижения в области политического реализма², но не может принять его «недостаточно моральные средства», досадуя по поводу (скорее, воображаемых им) противоречий Макиавелли. Впрочем, эти выводы Виллари, за которые он получил прозвища савонаролианец и плакса (так звали последователей Савонаролы)³, тонут в море исследуемых фактов, как и у Оресте Томмазини⁴, последний, однако, гораздо тоньше показывает взаимосвязь «логического» и «нравственного» порядков у Макиавелли и отмечает преобладание первого над вторым.

Основные принципы современного изучения Макиавелли были заложены в XIX в., выдвинувшем те требования к исторической науке, которые сохранились до сих пор. Соответственно, большинство суждений и предрассудков, бытующих ныне в литературе, особенно в популярной, а также научной, но не имеющих дело непосредственно с Макиавелли, восходят к XIX – началу XX в. Принципиально нового сказано мало, новы скорее сочетания у разных авторов многократно сказанного.

Аксиомы об апологии сильной личности у Макиавелли, о его ренессансном индивидуализме, а с другой стороны, об эстетической сути его творчества восходят к общей концепции Возрождения швейцарца Якоба Буркхардта⁵. Теоретиком абсолютизма флорентийский политик представлен еще в «Путешествии» В. Куоко. Что касается превознесенного поколениями мыслителей макиавеллиевского реализма и закладки основ политической науки, то подоб-

¹ *Villari P.* Op. cit.; на русском языке вышел первый том: *Виллари П.* Никколо Макиавелли и его время. Вступ. ст. М.М. Ковалевского. СПб., 1914. Т. 1.

² Там же. С. XXX.

³ *Russo L.* Machiavelli. Bari, 1975 (1 ed. 1945). P. 254.

⁴ *Tommasini O.* Op. cit.

⁵ *Burkhardt J.* Die Cultur der Renaissance in Italien. Leipzig, 1860; *Буркхардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения: в 2 т. Пер. С. Бриллианта. СПб., 1904–1906.

ные идеи, как выше уже было сказано, восходят к Бэкону, впрочем, еще Гвиччардини порицает любовь Макиавелли к обобщениям, и это можно считать признанием за ним попытки сделать из истории науку.

Но самой важной, с точки зрения этики, и чрезвычайно распространенной в литературе доныне является идея о разделении у Макиавелли политики и морали.

Здесь в порядке отступления следует еще раз заметить, что ни мнение Бэкона, ни Куоко, ни Буркхардта, ни кого бы то ни было из писавших о Макиавелли не были открытиями в полном смысле слова, поскольку идеи Макиавелли, раскрывшиеся перед ними, жили уже в сочинениях флорентинца с момента их написания¹. Однако понимание этих идей каждым мыслителем определяется, помимо степени таланта, условиями его времени, ведь по выражению Макиавелли «время – отец истины». Да и сам он не изобрел ничего нового, но лишь объяснил действие существующих общественных механизмов. Здесь напрашивается частое сравнение Макиавелли с ученым-естествоиспытателем. Например, Ян Малярчик пишет, что нельзя отождествлять макиавеллизм с учением Макиавелли, как нельзя считать Р. Коха создателем бациллы, которой он дал свое имя, открыв ее². Польский историк прав в том отношении, что у Макиавелли общего с «макиавеллизмом» одно только имя, но прямая параллель может послужить здесь лишь к опровержению мнимой объективности биологии как «чистой науки» – попробовал бы Кох объявить бациллы «необходимым злом», в лучшем случае его назвали бы клерикалом. Тем менее можно было ожидать объективного принятия политических идей Макиавелли. «Недаром давно уже сказано, что если бы истины математики задевали интере-

¹ Ср. *Russo L.* Op. cit. P. 233.

² *Malarczyk J.* U źródeł włoskiego realizmu politycznego. Machiavelli i Guicciardini: Rozprawa habilitacyjna'. Lublin, 1963. S. 236.

сы людей (интересы классов в их борьбе, вернее), то эти истины оспаривались бы горячо»¹.

Те находки человеческой науки, которые полезны людям, не пропадают зря, будь то математика или этика, хотя им иногда долго приходится ждать своего часа. Объективность этого процесса вытекает из его закономерности, благодаря которой можно видеть и в Макиавелли рупор – не мирового духа, конечно, но исторической необходимости.

Сказанное помогает понять значение и ограниченность тех концепций, которые были выдвинуты в начале нашего века для решения макиавеллиевского противоречия между нравственностью, моральным сознанием и политическим действием; после Гегеля и Де Санктиса мысли Майнеке и Кроче явились последним словом буржуазной науки. Их заслуга – развитие великой попытки Де Санктиса охватить цельность фигуры Макиавелли, изучив его этику, недостаток же в том, что новая попытка удалась им меньше, чем выдающемуся историку.

Сама идея о разделении сфер политики и морали у Макиавелли была выдвинута на первый план во времена немецких философов-романтиков и получила принципиальное осуждение Канта, не допускавшего превознесения «государственных соображений» над моральными. Фридрих Майнеке в своей книге «Идея государственных соображений в новой истории» посвятил Макиавелли страницы, которые, по словам Луиджи Руссо, можно было бы озаглавить «этика Макиавелли»². Майнеке принимает Макиавелли за основоположника теории «государственных соображений», хотя и не вполне осознавшего выдвинутые им принципы. Этот спорный тезис немецкий историк обосновывает сравнительно новыми доводами: Макиавелли пришел к созданию метода «натуралистической диалектики», который обнаруживает сложную внутреннюю взаимосвязь

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 46.

² Meinecke F. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. München; Berlin, 1924; Russo L. Op. cit. P. 263.

«независимых» миров политики и морали и в конечном счете рассматривает политику как высшую предпосылку самой морали.

Еще сильнее подчеркивает моральность Макиавелли, кроющуюся за внешним отрицанием морали, Бенедетто Кроче¹. Кроче стоит, можно сказать, на грани теоретического решения проблемы, когда исходит из таких посылок – «политик, не имеющий дела с моралью, не мог бы быть даже циником» или «неверно думать, что может существовать государственный человек, не являющийся человеком», – то есть из положения о формообразующей роли этики в обществе. Однако в стремлении установить диалектическую взаимосвязь политики и этики как двух моментов развития человеческого духа Кроче сам возводит между ними непроходимую, вечную стену, отталкиваясь от расхожего тезиса о Макиавелли – «символе чистой политики», «первооткрывателе политической техники». Последнее слово Кроче – автономия политики, «которая по ту или, вернее, по эту сторону морального добра и зла, которая имеет свои законы, и бесполезно восставать против них и пытаться изгнать с помощью заклятий и святой воды»².

Взгляды Майнеке и, особенно, Кроче послужили основой для разнообразных концепций, часто в сильно искаженном виде. Например, фашистские историки превозносили Макиавелли за то, что он якобы считал силу самоцелью политики, в то время как его хулители, в частности неотомист Жак Маритэн, осуждали Макиавелли за то же самое³.

В сегодняшнем изучении Макиавелли исследователей привлекает, упрощенно говоря, не столько то, что сказал Макиавелли, сколько то, как он это сказал. Первое хорошо изучено, да и трудно изложить идеи писателя лучше, чем он сам это сделал. Споры вызывает, скорее, второй момент:

¹ Croce B. *Elementi di politica*. Bari, 1925.

² Ibid. P. 60.

³ Maritain J. *La philosophie morale*. P., 1960.

мировоззрение, способ отношения к миру можно сказать, феномен творчества Макиавелли. Для одних Макиавелли «безоружный пророк», для других – писатель и трагический поэт, для третьих – техник политики или патриот, но все служит объяснению нравственного вопроса, поставленного Макиавелли: как примирить разрыв между бытием и долженствованием (*essere* и *dovere essere*).

В XX в. многие книги, посвященные не только Макиавелли, но проблемам итальянского Возрождения вообще, стали выходить на английском языке. Эта англоязычная литература имеет две особенности: 1. Довольно четкое деление на критическую, интерпретирующую идеи и историко-фактографическую литературу. 2. Тенденцию к извлечению непосредственных уроков из творчества Макиавелли, которая приводит к появлению таких, проникнутых американским прагматизмом, опусов, как курьезная книга Баскерка или более серьезное сочинение Э. Джея о политике в жизни корпораций, где размышления о Макиавелли служат для проведения параллелей с проблемами современных международных торгово-промышленных компаний¹.

Историки политических учений также часто грешат модернизацией, стараясь приблизить Макиавелли к нам – например, Дж. Хекстер считает, что «Государь» Макиавелли вместе с «Утопией» Т. Мора были источниками социалистической теории Маркса².

Критики Макиавелли зачастую оказывались более проницательными, чем его католические защитники, не решающиеся оторваться от религиозной морали. Это подтвердила книга Дж. Аллена, где рассматриваются взгляды Макиавелли на происхождение добра и зла. «Абсолютного блага не существует», правила морали возникли из опыта,

¹ *Buskirk R.H.* Modern management and Machiavelli. Boston (Mass.), 1974; *Jay A.* Management and Machiavelli. An inquiry into the politics of cooperative life. N. Y., 1968.

² *Hexter J.H.* The vision of politics on the eve of the Reformation: More, Machiavelli and Seyssel. N. Y., 1973.

поэтому их некритическое восприятие, особенно в политике, приводит к бессмыслице¹. В понимании человеческой природы Макиавелли, по мнению Аллена, следует путем Марсилия Падуанского, не признавая существования вечных естественных или божественных законов. Аллен критикует Макиавелли за непоследовательность и утилитаризм, а также за бесчувственность, в отличие от Шекспира, «к ядовитой природе зла». Некоторые противоречия самого Аллена отмечены Р. Кларком². Примером модернизации идей Макиавелли в англоязычной литературе может служить сборник статей «Макиавелли и природа политической мысли» под редакцией М. Флейшера. Само название говорит о намерении признать философское значение наследия Макиавелли и выйти за пределы столь распространенного в англо-американской литературе представления о Макиавелли как о «технике»³. Однако склонность к умозрительным построениям, особенно опасная при двусмысленности терминов флорентинца, приводит к уклонениям в сторону от его идей и к полной разноголосице мнений, как показывает дискуссия, отраженная в той же книге.

Двумя крайностями англо-американской историографии, затронувшими и наиболее интересные исследования, являются сверхкритицизм, присущий книге Лео Штрауса, или чисто фактографический комментарий, сам по себе полезный, особенно если он не сопровождается морализированием по поводу теории «цель оправдывает средства»⁴.

Может быть, не только ретроспективное значение имеет возрожденный английскими и американскими историками, в частности Г. Бароном, спор о соотношении «Государя» и «Рассуждений». Отчасти соглашаясь с тезисом о единст-

¹ *Allen J.W.* A history of political thought in the XVI century. L., 1941, P. 452, 453, 472.

² *Clark R. C.* Op. cit. P. 105.

³ *Wolin Sheldon.* Political theory as a vocation // Machiavelli and the nature of political thought. L., 1973.

⁴ *Walker L.J.* The Discourses of Niccoló Machiavelli. L., 1950. 2 vol.

ве этих двух главных сочинений Макиавелли, Барон подерживает предположение о том, что «Рассуждения» были вторым этапом идейной эволюции Макиавелли к «гуманизму» после реалистического «Государя»¹. В этом он расходится с такими крупными исследователями, как итальянцы Шабó и Сассо, и с американцем Гилбертом. Этот спор важен тем, что поднимает вопрос об отношении Макиавелли к гуманизму. Но если принять во внимание, что пресловутый «реализм» Макиавелли был не чем иным, как новым выражением и продолжением гуманизма (все зависит от того, как понимать последний), то можно согласиться с Ридольфи, который осуждает чрезмерное пролитие чернил по этому поводу².

Вопросу о связях Макиавелли с гуманистами и их идеями были посвящены три работы, вышедшие в 30-е гг.: статья Д. Кантимори и труды двух однофамильцев А. Г. Гилберта и Ф. Гилберта³. Книга первого из Гилбертов показывает, насколько типичен был «Государь» в качестве «зеркала правителя», статья Феликса Гилберта отличается от нее, по словам самого автора, двумя моментами – первое, она не приписывает Макиавелли намерения создать образец этого жанра, второе – Ф. Гилберт исследует прямую связь Макиавелли с его предшественниками. Выводы Ф. Гилберта, как и Д. Кантимори, который подчеркивает преобладание риторики в политических сочинениях гуманистов Кватроченто, определяются рамками поставленной задачи – сравнить Макиавелли с гуманистическими представителями политической литературы, и сводятся к тому же противопоставлению «реализма», «риторики» и «нацио-

¹ *Baron H.* Op. cit. P. 240.

² *Rldolfi R.* Op. cit. P. 512–513.

³ *Cantimort D.* Rhetoric and politics in Italian humanism // Journal of the Warburg Institute. 1937–1938. Vol. I. P. 83–102; *Gilbert A.H.* Machiavelli's «Prince» and its forerunners. The «Prince» as a typical book de Regimine Principum. Durham; North Car., 1938; *Gilbert F.* The humanist concept of the prince and the «Prince» of Machiavelli // Journal of Modern history. 1939. Vol. 2. P. 449–483.

нальной идеи»¹. Указанные работы сохраняют свое значение, но они недостаточны для ответа на вопрос об отношении идей Макиавелли к гуманизму, который должен быть поставлен в такой форме: явились ли эти идеи развитием или отрицанием принципов, выдвинутых гуманизмом прежде всего в сфере этики, а не только политики, ведь гуманизм был как социальным, так и духовным явлением.

Литературу на французском языке, посвященную Макиавелли, составляют по большей части популярные издания, среди них немало отличающихся сравнительно высоким уровнем, вниманием к нравственным вопросам и критическим подходам к традиции. Среди издававшихся и переизданных в 70-е гг. можно назвать книги Клода Руссо, Ж.-Ф. Дювернуа, Ж.-Ж. Шевалье. Первый автор утверждает, что революционные взгляды Макиавелли «не выходят за рамки и не отрицают этики, но ослабляют ее предписания...»². Книга Дювернуа интересна тем, что отправным пунктом в ней служит тезис о материализме флорентийского мыслителя, рассматриваемом как философия свободы на фоне традиции начиная с Эпикура. Говоря о проблеме морального суждения в политике – «главной... для всех сочинений и комментариев к Макиавелли»³, автор приводит ряд мнений современных французских историков и публицистов, но ни на одном не останавливается и ограничивается лишь ссылкой на то, что наследие большинства великих мыслителей – Декарта, Дарвина, Павлова – воспринималось противоречиво. У Шевалье удачно написан сжатый очерк исторической судьбы Макиавелли, в нем показано, как «веселый товарищ, колкий и остроумный собеседник, добросовестный чиновник, примерный отец и (несмотря на многочисленные

¹ *Gilbert F. Machiavelli and Guicciardini*. Princeton, 1965. P. 197.

² *Rousseau Cl. Le «Prince»*. Machiavel. Analyse critique. P., 1973. P. 66.

³ *Duvernoy J.-F. La pensée de Machiavel*. P., 1974. P. 172.

шалости) супруг уступил место мрачной и сатанинской фигуре, окруженной ореолом адского сияния»¹.

Заслуживают упоминания труды французских марксистов о Макиавелли. Книга Элен Ведрин относится к популярному ныне жанру антологий². Дважды переизданный труд Ж. Мунена³ выделяется редким для книг левого направления негативным отношением к Макиавелли; этим, а также склонностью осовременивать историческую обстановку он близок позиции итальянского теоретика марксизма Антонио Лабриолы. Противопоставление Макиавелли и Маркса, хотя и весьма смягченное, находим в книге Наира Сами «Макиавелли и Маркс. Фетишизм власти и социальная страсть»⁴.

Серьезным вкладом в макиавеллистику можно считать два издания на французском языке: книгу уже упоминавшегося швейцарского историка Ж.-Ж. Маршана, посвященную первому периоду жизни и деятельности Макиавелли и обобщающую материалы архивных разысканий⁵, и капитальный труд К. Лефора о творчестве Макиавелли. Последняя работа подтверждает, что требование историзма в подходе к Макиавелли не исключает философских устремлений, которые «одновременно ведут к исследованию сущности произведения мысли и сущности интерпретации»⁶. Автор исходит из необходимости освобождения интерпретации от идеологии, понимая первое как процесс, а второе – как бы его предел. Но в результате он приходит

¹ *Chevallier J.-J.* Les grandes oeuvres politiques de Machiavel à nos jours. P., 1970. P. 34.

² *Védrine H.* Machiavel, ou la science du pouvoir. P., 1972. Cf. *Arocena Luis A.* El maquiavelismo de Maquiavelo. Madrid, 1975; *Sforza C.* The living thoughts of Machiavelli. Presented by count Sforza. Westport, 1975.

³ *Mounin G.* Machiavel. P., 1958. Подробнее см. в моей статье «Сталин и Макиавелли».

⁴ *Naïr Sami.* Machiavelli et Marx: Fétichisme du pouvoir et passion du social. P., 1984.

⁵ *Marchand J.-J.* Niccolò Machiavelli: i primi scritti politici (1499–1512). Nascita di un pensiero e di uno stile. Padova, 1975. Vol. 1.

⁶ *Lefort Cl.* Op. cit. P. 18.

к невозможности окончательного освобождения; «нескончаемый труд интерпретации», который, судя по книге, состоит в непрерывном отчуждении вновь найденных смыслов, оказывается целиком проникнут идеологией, выход же заключается в разомкнутости, незавершенности исторического диалога. Значение творчества Макиавелли, по Лефору, заключается в преодолении стереотипа гуманистической идеологии¹.

Несколько слов нужно сказать о германоязычной литературе, которая в XIX – начале XX в. наряду с итальянской занимала ведущее место в макиавеллистике. Ущерб, нанесенный ей годами гитлеровского режима, выразился, с одной стороны, в изобилии книг, фальсифицирующих наследие великого флорентийца, с другой – в эмиграции крупных историков (из упоминавшихся – Ф. Гилберт, Г. Барон, Л. Штраусс). Одним из последних значительных трудов о Макиавелли была книга Герхарда Риттера². В ней, в частности, проводится мысль о сходстве взглядов Макиавелли и Томаса Мора, с учетом различий национально-исторической обстановки. Сочинение Риттера не принадлежало к национал-социалистской историографии, но продолжало линию Майнеке, подчеркивавшего роль силы в политике.

На немецком языке написаны труды ряда швейцарских историков католического направления, которые приняли участие в «христианизации» Макиавелли (Кэги, Вальдер –

¹ Ibid. P. 771–774. В 2005 году на русский язык в серии ЖЗЛ была переведена уже упоминавшаяся книга Кристиан Жиль о Макиавелли (*Gil Ch. Machiavel. Fonctionnaire florentin*. Paris, 1993), основная идея которой заключается в том, что флорентийский секретарь был рядовым чиновником, и демонизация его образа в позднейшей публицистике ничем не оправдана, вызвана к жизни стечением обстоятельств. См. мой отзыв на эту публикацию в журнале «Новая и Новейшая история». 2006. № 5.

² Ritter G. Die Dämonie der Macht. Betrachtungen über Geschichte und Wesen des Machtproblems im politischen Denken der Neuzeit, Leipzig; München, 1948.

ср. итальянца Альдеризио)¹. Большой интерес представляет попытка Р. фон Альбертини рассмотреть историю флорентийского политического самосознания на фоне эволюции государственной власти от республики к единовластию. Его точка зрения отражает уже достаточно распространенный в исторической литературе взвешенный взгляд на этику Макиавелли: «Сегодня все согласятся с допущением, что Макиавелли и не думал о том, чтобы стереть различие, вернее, вечную противоположность добра и зла, и что он признавал нормативную ценность этических принципов. Макиавелли постоянно подчеркивает это противостояние бытия и того, что должно быть; но добавляет, что на почве политической реальности необходимо ориентироваться на бытие, не забывая все же о значении должного»². В целом фон Альбертини, сближая флорентийского политика с Савонаролой, приписывает «веру в обновление» городской республики, питаемую как религиозными, так и политическими гуманистическими источниками, то есть рассматривает Макиавелли скорее как фигуру, заключающую Средневековье.

Перейдем теперь к основному центру макиавеллистической литературы, которым является Италия. Историю современной итальянской историографии следует начинать с 20–30-х гг., с полемики времен фашизма, когда «всевозможные Витторио Чан и Плинио Карли, как пишет Луиджи Руссо, обвиняли в антипатриотизме историков, возражающих против того, чтобы приписывать Макиавелли намерения и прозрения, которых у него не могло быть»³.

¹ *Kaegi W.* Vom Glauben Machiavellis. Historische Meditationen. Zürich, 1942; *Walder E.* Gesammelte Studien zur Geistessgeschichte der Renaissance. Basel, 1932; *Alderisio F.* Machiavelli: L'arte dello stato nell'azione e negli scritti. Torino, 1930.

² *Albertini R. von.* Das florentinische Staatsbewußtsein im Übergang von der Republik zum Prinzipat. Bern, 1955. Ital.: Firenze dalla repubblica al principato. Torino, 1970. P. 50.

³ *Russo L.* Op. cit. P. 214, n. 16.

Фашистские историки придерживались следующих тезисов: Макиавелли сводил политику к голой силе, использованию слабостей человека, верил в его изначально дурную природу¹. Значительных книг националистическое направление не дало, за редким исключением; в частности, до сих пор в литературе цитируется труд Ф. Эрколе, тщательнейшим образом систематизировавшего взгляды Макиавелли на базе этики. Эрколе утверждал, что различие частной и общественной морали совершенно незнакомо Макиавелли, так же, как и различия между моралью и политикой. Этот любопытный сам по себе тезис послужил автору фактически для подмены мыслей Макиавелли идеями фашистской этики, в которой государство, отождествляемое с родиной, как высший источник ценностей полностью растворяет в себе личность². Полемика со стороны историков либерального и прогрессивного направлений велась в косвенной форме, книга Эрколе подверглась критике за чрезмерную систематизацию идей Макиавелли. Крайности огосударственной этики оспаривались и католическими историками, например, Джованни Джентиле, который называл подход Макиавелли к политике преимущественно эстетическим³.

Для характеристики антиклерикальной, но не марксистской критики можно рассмотреть сочинения Джузеппе Преццолини. Его книга «Макиавелли – антихрист» отличается прекрасным стилем, ценными историографическими сведениями, в том числе и о «судьбе Макиавелли» в России, но не лишена противоречий и неточностей. Преццолини видит в Макиавелли «противоположность тем, кто считает государство всего лишь агентством по обеспече-

¹ См. об этом: *Malareczyk J. U źródeł... S. 230–231.*

² О полемике с Эрколе см.: *Ciliberto M. Appunti per una storia della fortuna di Machiavelli in Italia // Studi storici. 1969. N 4. P.815 sgg.*

³ *Gentile G. Religione e virtù in Machiavelli: L'etica di Machiavelli // Studi sul Rinascimento. Firenze, 1923. Критика у Руссо: Russo L. Op. cit. P. 176–178.*

нию благосостояния индивидуумов»¹. Вместе с тем пишет он: «...государство и родина для Макиавелли – это последняя цель, к которой может обратиться индивидуум, желающий вознестись над человеческим стадом и оставить свой след в мире с помощью того несовершенного подобия вечности, обещанной евангелием, каким является слава». Преццолини делает важные наблюдения по поводу роли законов у Макиавелли, критически анализирует семантическую конструкцию «цель оправдывает средства». Главный тезис Дж. Преццолини – идеи Макиавелли несовместимы с христианской доктриной (по крайней мере, той, которая проповедовалась в XVI в.)². Политика флорентийца противоречит христианской морали, но не морали вообще. С другой стороны, «инженер, предмет которого – сопротивление металлов или бетона, никогда не задается вопросом, будет ли здание, выстроенное из металла или бетона, школой или борделем, потому что их способность выдерживать нагрузки и сотрясения остается всегда одинаковой»³. Но Макиавелли не инженер и даже, несмотря на то, что он изучает жизнеспособность государств, не медик, хотя бы поэтому бессмысленно приписывать ему такой объективизм!

При известном разнообразии течений и направлений для итальянской литературы характерно, что попытки принципиального осуждения великого соотечественника отошли в прошлое, но в понимании его наследия существуют значительные разногласия.

В послевоенной историографии большое место заняли работы историков, принадлежащих, по их собственному признанию, к идеалистической линии критики. Федерико Шабó поставил перед собой задачу проследить формирование взглядов Макиавелли, понятого в духе Кроче, с помощью строго исторического метода, но без морализа-

¹ *Prezzolini G. Machiavelli antichristo. Roma, 1954. P. 16.*

² *Prezzolini G. The cristian roots of Machiavelli's moral pessimism // Review of national literatures. 1970. Vol. 1, N 1. P. 26–37.*

³ *Prezzolini G. Machiavelli... P. 42.*

ции, присущей его предшественникам-романтикам¹. Результаты этих исследований обобщил в своей известной работе «Никколо Макиавелли. История его политической мысли» ученик Шабó – Дженнаро Сассо². Он исследовал генезис и «ритм» развития макиавеллиевских идей и пришел к выводу о цельности наследия Макиавелли, отвергая положение Барона об эволюции флорентийского писателя от «реализма» к «гуманизму».

Из многочисленных работ, которые питаются идеями Б. Кроче, стоит упомянуть недавно переизданную книгу Г. Квадри «Никколо Макиавелли и политическое строительство морального сознания» (1947 г.)³. Квадри рассматривает этику Макиавелли на чрезвычайно богатом историческом фоне, он поминает и «Артхашастру» и Альберта Великого, Вагнера и даже Александра Дюма-отца. Квадри критически относится к идее Кроче об автономии политики, в конечном счете он, в духе Майнеке, склоняется к дуалистической трактовке этики Макиавелли как двойственного понимания «вирту́» – доблести, питаемой государственной идеей.

Примечательное отклонение от строгой линии «автономии политической науки» и «героической этики» явила собой работа Луиджи Руссо «Макиавелли» (1945 г.)⁴. Л. Руссо предложил новую формулу, включающую тезис Джентиле, – «Макиавелли – художник и герой политической техники». Глубокие замечания Руссо затрагивают самое существо политико-моральной проблемы. «Возрождение в лице Макиавелли разработало иное понимание технической добродетели (*virtù*), активной добродетели, которая благо всякого действия отождествляет с бла-

¹ *Chabod F. Scritti su Machiavelli. Torino, 1974 (4 ed.)*.

² *Sasso G. Niccolò Machiavelli: Storia del suo pensiero politico. Napoli, 1958; Idem. In margine al V centenario di Machiavelli. Napoli, 1972.*

³ *Quadri G. Niccolò Machiavelli e la costruzione politica della coscienza morale. Firenze, 1947 (2 ed. 1971).*

⁴ *Russo L. Op. cit.*

гом и мудростью средств, помогающих развернуться этому действию. Действие хорошо, если оно технически правильно и внутренне последовательно...». «Не цель оправдывает средства... (эта фраза принадлежит не Макиавелли, а является порождением времен Контрреформации), но правильные средства в конечном итоге оправдывают цель». Отсюда вывод о глубокой моральности идей Макиавелли – вопреки домыслам «антимакиавеллистов» – о «новой и более конкретной моральности, внутренне присущей поступку; технической моральности, моральности ученого, соблюдающего закон и авторитет своей науки, художника, религиозно поклоняющегося своему писательскому искусству, политика, который должен хорошо ориентироваться в делах управления». Вытекающее из ограниченности этой «профессиональной морали» противоречие Л. Руссо очевидно: «...чистая мысль, – говорит он, – создает только новую культурную атмосферу в обществе, но никогда не призывает к прямым практическим действиям». В то же время Макиавелли, по его мнению, сделал из политики не только науку и искусство; Макиавелли – основатель религии чистой науки¹. Попытка изгнать утилитарный момент обращается у Л. Руссо возведением утилитаризма в абстрактный абсолют, зеркальным обращением теории «цель оправдывает средства». Л. Руссо пишет о «моральной суровости» политической науки Макиавелли и тут же, рядом, о том, что «наука совершенно невинна и бескорыстна» – утверждение, тысячу раз опровергнутое современной историей. Адаптированный в тезисе Л. Руссо образ Макиавелли-художника включает в себе зерно опровержения первой половины этого тезиса – о чистой науке политики, и нельзя не видеть, что его ростки дали всходы в наметившемся ныне новом направлении литературы о Макиавелли. Дж. Сассо видит опасность этого филологически-эрудитского направления в отказе от при-

¹ Ibid. P. 215–218, 222, 223.

знания философской и вообще научной ценности идей Макиавелли, в стремлении изучать преимущественно «личность, фигуру», тексты; свои размышления по этому поводу Сассо заканчивает так: «Макиавелли философ – философ, а не живой и колоритный инженер /политической/ техники (или науки, сведенной к технике), обнаруживать которую в нем иногда находили удовольствие!»¹. Конечно, в области литературно-художественного изучения Макиавелли, вехами которого стали работы Ориани и Де Санктиса, создаются и сегодня весьма интересные концепции (работы Кьяппелли, Раймонди, Феррони)², но выводы авторов, противопоставляющих Макиавелли-писателя и Макиавелли-ученого, человека и мыслителя, выглядят спорными (например, Дж. Барбери-Скваротти, а также некоторые положения в книге Р. Ридольфи – по общему признанию лучшей биографии Макиавелли)³. Особое место в итальянской историографии занимают идеи Антонио Грамши, связанные с Макиавелли. На эту тему написано немало специальных работ⁴. Особенность концепции Грамши в том, что он не только предложил свою трактовку учения Макиавелли, но использовал его для развития марксистско-ленинской теории. При этом итальянский коммунист подверг критике как фашистские перетолкования Макиавелли, так и либеральную историографию (Б. Кроче, Л. Руссо). Общеизвестно, какое значение имела

¹ *Sasso G.* In margine... P. 43, 44, 58.

² *Chiappelli F.* Nuovi studi sul linguaggio del Machiavelli. Firenze, 1969; *Raimondi E.* Politica e commedia: Dal Beroaldo al Machiavelli. Milano, 1972; *Ferрони G.* «Mutazione» e «riscontro» nel teatro di Machiavelli. Roma, 1972; *Idem.* Appunti sull'Asino di Machiavelli // Letteratura e critica. Roma, 1975. P. 1–33.

³ *Barberi-Squarotti G.* La forma tragica del Principe e altri saggi sul Machiavelli. Firenze, 1966; *Ridolfi R.* Op. cit. P. 395–396, 602–603.

⁴ *Paggi L.* Machiavelli e Gramsci // Studi storici. 1969. N 4. P. 834–876; *Chemotti S.* Op. cit.; *Gòdkowsky J.* Op. cit.; *Sanguineti F.* Gramsci e Machiavelli. Roma; Bari, 1982; *Masiello V.* Classi e stato in Machiavelli. Bari, 1971.

теория «нового государя» для разработки идеи Грамши о политической партии как воплощении «коллективной воли». Важно подчеркнуть, что философские и публицистические рассуждения, отправным пунктом для которых является творчество Макиавелли, Грамши сочетает со строгим историзмом. Макиавелли он рассматривает как теоретика эпохи формирования национальных государств, значение его наследия видит в революционности, не оставшейся без влияния на последующие поколения. (Еще Эдгар Кине называл Макиавелли «якобинцем XVI века».)

Принимая тезис об освобождении у Макиавелли политики от морали, Грамши сделал ряд существенных оговорок об абстрактном и неисторическом характере этого тезиса и фактически отверг мнимый объективизм Макиавелли. Формально, пишет Грамши, Макиавелли открывает максимы политической науки, которые могут служить и народу и тиранам, но на деле вторым они и без того известны, следовательно, Макиавелли писал для «того, кто не знает», для народа¹. При известной уязвимости этой позиции, она представляет собой шаг вперед по сравнению с руссоистским тезисом: «Государь» – книга республиканцев», обличение тирании. Грамши критикует антиномию Кроче, противопоставляя диалектике различий в развитии моментов духа диалектику уровней надстройки. О морали в собственном смысле итальянский марксист не размышляет, но некоторые его выводы, выраженные, к сожалению, в конспективной и незавершенной форме, объясняют загадки и противоречия человеческого поведения, взаимоотношения и целостность базиса и надстройки: «Политика представляет собой постоянную деятельность и порождает постоянно существующие организации именно постольку, поскольку она отождествляется с экономикой. Но она также и отличается от экономики, и поэтому можно говорить об экономике и политике отдельно и можно говорить о

¹ Gramsci A. Op. cit. P. 12.

«политической страсти» как о непосредственном импульсе к действию, которое, рождаясь на «органической и постоянной» почве экономической жизни, превосходит ее, вводя в игру такие чувства и устремления, в накаленной атмосфере которых самый расчет человеческой жизни подчиняется законам, отличным от законов выгоды индивидуума»¹.

Некоторые идеи А. Грамши спорны – например, его понимание сущности гуманизма – см. книгу Э. Гарэна², но в целом прогрессивные итальянские историки по достоинству оценили их роль, о чем пишет, в частности, Джулиано Прокаччи в своей блестящей статье «Макиавелли – революционер»³.

Статьи итальянских историков-марксистов, появившиеся в связи с юбилеем Макиавелли, наметили перспективы новых исследований. В сборнике «Studi storici» примечательна статья «Природа и общество у Макиавелли» Н. Бадалони, отправляющегося от гуманистической этики XV в. Сходным образом построена юбилейная статья о Макиавелли Э. Гарэна, который подчеркивает мировоззренческую масштабность великого флорентийца: «Следовательно, это не столкновение или размежевание политики и морали, частного и внешнего, но признание того, что в условиях кризиса старых верований, ниспровержения всех богов, единственным правилом жизни может быть лишь правило, вытекающее из суровых требований градов земных в их исторической определенности»⁴. Дж. Прокаччи в упомянутом выше очерке возводит революционность Макиавелли к революционности его эпохи.

До недавнего времени Макиавелли был несколько обделен вниманием в марксистской исторической литера-

¹ Ibid. P. 16. Рус. пер. *Грамши А.* Избр. произведения. М., 1959. Т. 3. С. 125.

² *Garin E.* L'umanesimo italiano. Bari, 1952.

³ *Procacci G.* Machiavelli rivoluzionario... P. XVI.

⁴ *Garin E.* Aspetti del pensiero di Machiavelli // Dal Rinascimento all'Illuminismo. Pisa, 1970.

туре, особенно вне Италии, хотя по отдельным замечаниям Маркса и Энгельса можно судить о большом интересе, проявленном основоположниками марксизма к Макиавелли¹.

Обращают на себя внимание работы польских историков². В 1954 г. А. Клоковска издала книгу с характерным названием «Макиавелли как гуманист на фоне итальянского Возрождения». Главный тезис этой книги и некоторые положения, его обосновывающие, например критика теории об индивидуализме Макиавелли, придают ей значение и сегодня, особенно с учетом более поздних выводов автора в сборнике статей, посвященном Макиавелли: «Макиавелли принадлежал к тем предшественникам, которых имел в виду Маркс, когда заявлял, что ему не нужно было открывать явление классовой борьбы, хорошо известное уже писателям прошлых эпох»³.

В упомянутом сборнике «Парадоксы учения о судьбе» интересны статьи Я. Гучковского, Ф. Рышки и Я. Малярчика, автора ряда работ о Макиавелли, в том числе книги «Макиавелли и Гвиччардини. У истоков итальянского политического реализма» (1963 г.). Малярчику принадлежит и очерк историографии творчества Макиавелли в России⁴.

Начало исторического изучения Макиавелли в нашей стране связано с опубликованием «Государя» и «Рассужде-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3; Энгельс Ф. Диалектика природы // Там же. Т. 20; Маркс К. Выписки из сочинений Макиавелли // Архив Маркса и Энгельса. М.-Л., 1929. Т. 4. С. 332–351; Ex libris K. Marx und F. Engels. Schicksal und Verzeichniss einer Bibliothek. В., 1967. S. 92–93.

² См. также книгу чеха Я. Кудрны: *Kudrna J. Machiavelli a Guicciardini: K typologii historicko-pořitického mysleni pozdni italské Renesance*. Brno, 1967.

³ *Paradoksy losów doktryny* / Red. A. Tomasiak-Brzost. Warszawa, 1973. S. 130.

⁴ *Малярчик Я. Политическое учение Макиавелли в России и в русской и советской историографии* // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodovska. Sec. G. Lublin*, 1960. Vol. 6. P. 1–20.

ний» в переводах Н. Курочкина и Ф. Затлера¹. В 1880 г. вышла первая отечественная монография о Макиавелли, написанная А. С. Алексеевым. Автор ее попытался дать систематизированное изложение учения Макиавелли «в связи с его философскими воззрениями»². Должное место в этой системе заняли этические взгляды: «Макиавелли – первый из писателей нового времени развил то воззрение на мораль, по которому нравственные начала не прирождены человеку, то есть не абсолютны, а являются последствием и необходимым условием сожителства людей в государстве». «Нравственность подобно праву, государству, религии есть явление историческое, обуславливающееся потребностями общежития, она вызвана недостатками человеческой природы и имеет целью сгладить эти недостатки и вооружить человека качествами, которые необходимы для совместной жизни в государстве и которыми природа обделила человека»³. Чрезмерная систематизация взглядов Макиавелли в изложении А. Алексеева заставляет его несколько преувеличивать роль государства в концепции флорентийского политика.

Как уже говорилось, идеалистические критики Макиавелли часто бывали более смелыми в своих выводах, чем его либерально-позитивистские защитники, и иногда их суждения отличались большей точностью. Одна из таких оценок Макиавелли в дореволюционной России принадлежит В.Е. Вальденбергу. О соотношении права и морали в представлениях Макиавелли он пишет следующее: «До издания закона содержание права определялось исключительно силой: люди выбирали сильнейшего, делали его

¹ *Макиавелли П.* Государь и Рассуждения на первую декаду Тита Ливия / Пер. Н. Курочкина. СПб., 1869; *Макиавелли П.* Монарх / Пер. Ф. Затлера. СПб., 1869. До этого в 1839 г. был издан трактат «О военном искусстве». См. также: *Шаркова И. С.* Указ. соч.

² *Алексеев А. С.* Макиавелли как политический мыслитель. М., 1880. С. 26.

³ Там же. С. 229, 245.

своим вождем и подчинялись ему, веления его были обязательны только потому, что за ними стояла сила. Затем ходячие воззрения на справедливость были выражены в законе, который и стал определять собой содержание права». Сравнивая Макиавелли со Спинозой и Декартом, Вальденберг усматривает в воззрениях всех троих материализм, каковой «отрицает существование некоторого начала, предьявляющего к человеку известные требования»¹.

Закономерно, что после Великой Октябрьской социалистической революции внимание советских историков привлекло стремление Макиавелли объяснять ход событий естественными причинами, изображение классово-борьбы в его трудах. Анализ этих воззрений Макиавелли дан в работах В.В. Максимовского, опубликовавшего выписки Маркса из сочинений Макиавелли. «Макиавелли понял, – пишет Максимовский, – что политика – это борьба классов, непримиримых по существу,.. /которая/ не может не быть жестокой»².

Для историков того времени характерна тенденция к проведению прямых аналогий, грешащих нарушением исторической перспективы³. Хотя автор лучшей работы 30-х гг. о Макиавелли А.К. Дживелегов не называет Макиавелли «теоретиком буржуазной диктатуры», но и он иногда оперирует вневременными формулировками; впрочем, эта работа отличается глубиной мысли и знаний автора⁴.

В литературе последних десятилетий новое открытие Макиавелли принадлежит В.И. Рутенбургу, который в статье «Гвиччардини» полемизирует с авторами, связываю-

¹ Вальденберг В.Э. Основания макиавеллизма // *Вопр. филос. и социол.* 1897. Т. 37. С. 229, 237.

² Максимовский В. В. Идея диктатуры у Макиавелли // *Историк-марксист.* 1929. Т. 13. С. 82.

³ Здесь было сделано примечание по поводу отношения Сталина к Макиавелли, о котором, как и вообще о восприятии флорентинца в России, см. подробнее во второй части книги.

⁴ Дживелегов А.К. Никколó Макиавелли // *Макиавелли.* Соч. М.-Л., 1935. Т. 1.

щими взгляды Макиавелли непосредственно с интересами определенной группы флорентийского «попола»¹.

Под редакцией В.И. Рутенбурга в 1972 г. вышел первый перевод на русский язык «Истории Флоренции» Макиавелли. В очерке «Жизнь и творчество Макьявелли» и в книге «Титаны Возрождения» В.И. Рутенбург показывает Макиавелли «прогрессивным мыслителем своего времени», сочинения которого «как высшая точка развития политической мысли позднего Возрождения сыграли большую роль в истории идеологического и политического развития многих стран Европы»². В «Титанах Возрождения» главное историческое значение признается не за конкретными политическими идеями Макиавелли, содержание которых, кстати, подвергается здесь известному пересмотру, а за «элементами интеллектуальной и моральной революции», о чем писал Грамши.

В прошедшие десятилетия «этическая проблема» Макиавелли в марксистской литературе широко не дебатировалась – для историков, считающих, что общественное сознание определяется развитием общественного бытия, неуместность морализирования, которым вооружались «антимакиавеллисты», очевидна. Но стремление понять две стороны исторического процесса в единстве привело сегодня к углубленному изучению явлений духовной культуры и идеологии. Бесспорная сложность этих явлений и, если говорить о Макиавелли, некоторая «новизна» теми для нашей историографии приводит к совершенно неодинаковой трактовке ее разными авторами. Не случайно В.И. Рутенбург вспоминает давно обветшавшие обвинения в адрес Макиавелли, связанные с «фантастическим приписыванием ему личных отрицательных качеств»³. Рецидив таких обвинений мы находим в книге А. Ф. Лосева «Эстетика Возрождения». Упрощенное толкование взглядов Макиавелли

¹ Рутенбург В.И. Франческо Гвиччардини // Итальянское Возрождение. Л., 1966. С. 110.

² Рутенбург В.И. Жизнь и творчество Макьявелли... С. 380, 374.

³ Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. Л., 1976. С. 117.

приводит автора к выводу об «анти-возрожденчестве» этих взглядов, правда, с оговорками, что это все же гуманизм «в виде цели» и что эстетика Макиавелли «продиктована идеалами полноценного Ренессанса»¹. Последние утверждения, на наш взгляд, верны постольку, поскольку А.Ф. Лосев опирается на некоторые подлинные мысли Макиавелли и не дает им произвольного толкования. Собственно, приведенные у него цитаты говорят сами за себя – можно ли тезис об изначальном равенстве людей (в речи вождя чомпи) отождествить с приравниванием личности к «арифметической единице»? Как понять, что, «несмотря на полное пренебрежение к тем или другим личным идеалам, личность здесь все-таки продолжает выдвигаться на первый план»? В популярной книге Ф.М. Бурлацкого «Загадка и урок Никколó Макиавелли» образ флорентинца гораздо ближе к реальному, хотя попытка автора совместить сразу три точки зрения – историка, писателя и социолога, приводит к внутренним противоречиям, колебаниям, в частности, в вопросе о приписываемой Макиавелли теории «цель оправдывает средства», что, к сожалению, не было отмечено рецензентами².

Упомянем еще два своеобразных мнения о Макиавелли, первое из них принадлежит Р.И. Хлодовскому, положение которого о патриотическом «антиэтатизме» Макиавелли, сочетающемся с отрицанием ренессансного титанизма, представляется в некоторых пунктах спорным, как и трактовка «Мандрагоры», где проводится параллель между Лигурио и шекспировским Яго³.

Л.М. Баткин задается вопросом о противоречиях ренессансной культуры в мироощущении Макиавелли, творчество которого он, как и большинство современных исто-

¹ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 563.

² Бурлацкий Ф.М. Загадка и урок Никколó Макиавелли. М., 1978. Рец.: Ашин Г. Книга о великом флорентийце // Новый мир. 1978. № 12. С. 275–278; Левандовский А. Разгаданная загадка // Лит. обозрение. 1978. № 5. С. 52–53; Каленский В. Г. Загадка... // Сов. государство и право. 1979. № 6. С. 181–183.

³ Хлодовский Р.И. Никколо Макиавелли // История всемирной литературы. М., 1973. Т. 3. Вып. 3.

риков, включает еще в рамки гуманистической традиции, но как критический ее момент, трагическое преодоление синкретизма Возрождения. Проблема нравственности у Макиавелли предстает как проблема совмещения ценностного и рационального моментов; заслуга флорентийца заключается здесь в указании на конкретность выбора, перед которым стоит действующий в политике индивидуум, сверхличностный характер политических отношений порождает зыбкость нравственных критериев: «нравственность рождается в момент выбора»¹.

В издании «Избранных сочинений» Никколо Макиавелли, вышедшем в 1982 г., помещен подробный обзор политической философии Макиавелли, принадлежащий К.М. Долгову. Отправляясь от воззрения классиков марксизма и Антонио Грамши, автор приходит к выводу, что взгляды Макиавелли были «своеобразным завершением, вершиной ренессансного гуманизма, были формой неогуманизма, близкого гуманизму философии практики»². Ни один из писавших о Макиавелли не обошел вниманием этические проблемы, волновавшие великого флорентийца.

Разнообразие точек зрения в этой области настолько велико, что не поддается описанию в полном объеме. Каждая эпоха предлагает свое прочтение, точнее даже, прочтения Макиавелли, и надеяться на окончательное разрешение волновавших его вопросов нельзя – несмотря на пространственно-временные рамки, ограничивающие обстоятельства их постановки, они отличаются философской глубиной. Чтобы дать цельное представление о наследии Макиавелли, необходимо выделить в нем главные аспекты, от которых может отталкиваться исследование. Такими аспектами-определениями служили и служат для разных авторов патриотизм Макиавелли, его безнравственность, демокра-

¹ Баткин Л.М. Макьявелли: опыт и умозрение // Вопросы философии, 1977. № 12. С. 105–118.

² Долгов К.М. Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 126. См. также: Новый мир, 1981. № 7, 8.

тизм, пессимизм, художественный талант, научный гений, республиканизм, монархизм, отношение к гуманистической традиции, утилитаризм и прочие качества в разных комбинациях. Чаще всего к Макиавелли подходили как к политику – первому политическому мыслителю нового времени, первооткрывателю основ политической науки. Это положение, очевидно, справедливо, но при анализе морально-политической антиномии у Макиавелли оно автоматически предрешает вопрос в пользу политики, и это решение стало традиционным, хотя ведет при ближайшем рассмотрении ко многим недоразумениям.

Другие авторы отмечали, что идеи Макиавелли были поворотным моментом в истории самой этики и, может быть, эта сторона его творчества куда значительнее, чем иные достоинства, которыми пытались извинить его «аморальность». В истории нетерпима приблизительность оценки, поэтому этические воззрения Макиавелли подлежат тщательному изучению на фоне идейных явлений его времени, с точки зрения их места в развитии этики как науки.

ЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МАКИАВЕЛЛИ

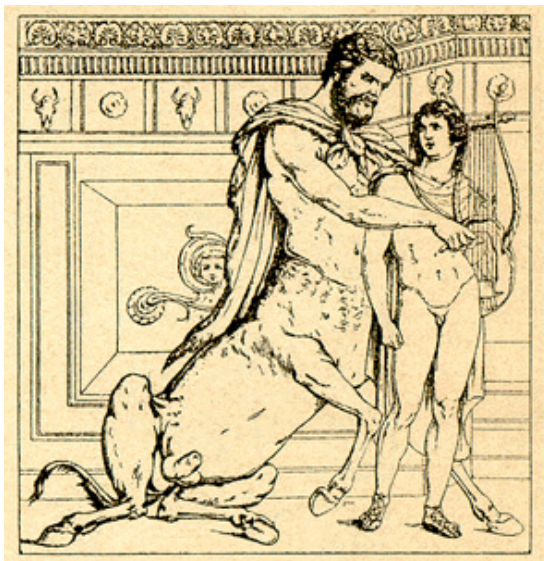
Недолговечные вожди перевернутого вверх дном государства правили посредством террора среди неслыханных опасностей. По большей части они были менее жестоки и беспощадны, чем властители и судьбы, которых Ягве насадил в земных царствах. Однако они казались более свирепыми, потому что судили во имя человечности. К несчастью, они склонны были умиляться и отличались большой чувствительностью. А люди чувствительные легко раздражаются и подвержены припадкам ярости. Они были добродетельны, добронравны, то есть весьма узко понимали моральные обязательства и судили человеческие поступки не по их естественным следствиям, а согласно отвлеченным принципам. Из всех пороков, опасных для государственного деятеля, самый пагубный – добродетель: она толкает на преступление.

А. Франс

Чтобы понять смысл чьих-либо политических, религиозных и даже художественных высказываний, нужно опираться на ту этическую систему, к которой они принадлежат, поскольку всякое произведение творческой мысли, будь то мысль философа, художника или ученого, имеет дело с нравственностью.

В литературе вопрос об этике Макиавелли, даже когда признают наличие у флорентийского мыслителя этической концепции, часто подменяется вопросом о его идеалах, о принятии или неприятии им определенных нравственных норм, как будто бы существует мораль, пригодная для всех времен и народов. Но отрицание известных норм, сколь бы нигилистическим и ниспровергающим основы

оно ни выглядело, всегда вытекает из какого-то этического контекста, и чем более оно обосновано теоретически, тем это очевиднее его социальная значимость.

*Кентавр Хирон и Ахилл.
По фреске из Геркуланума*

В теоретическом и художественном творчестве Макиавелли вопросы этики выходят на первый план не потому, что он поставил своей задачей их систематическую разработку, приписывать ему такие цели было бы преувеличением. Но этика составляла начало и конец тогдашней науки, видевшей в истории действие вполне сознательных сил – выдающейся личности человека и надисторической личности бога. Этика, заменяя социологию, социальную психологию, господствовала в экономике и политике, и Макиавелли, внесший, правда, свою лепту в изменение такого положения, был все же сыном своей эпохи. Труды его дают достаточный материал для реконструкции целой

этической теории, с оговорками, разумеется, относительно того метода, с которым Макиавелли подходит к этике, ведь, по-своему расчлняя изучаемый текст, мы неизбежно что-то теряем.

Центральные проблемы этой теории можно сформулировать так: происхождение и существо морали, ее роль в обществе и в судьбе отдельного человека, система ценностей Макиавелли и логика ее взаимоотношений с действительностью.

О философской основе взглядов Макиавелли или хотя бы о философских тенденциях этих взглядов правомерно было бы говорить после анализа его идей, но поскольку эти тенденции определяют фундамент этики и связаны с вопросом о творческом методе Макиавелли, попробуем дать их предварительную оценку.

В литературе о Макиавелли наряду с направлением, усматриваемым в его политическом реализме основы политической науки Нового времени, возникла другая тенденция – перенести внимание с анализа чисто идейного содержания трудов Макиавелли на его подход к познанию, на метод. Полезность такого исследования несомненна, но иногда анализ стиля Макиавелли приводит к отрицанию объективной значимости его творчества. Например, Дж. Барбери-Скваротти приходит к следующим выводам: Макиавелли ограничивается дедуктивным ходом мысли; противопоставляя старой политической доктрине должностования (*il dovere essere*) «настоящую правду вещей» – в чем реалисты видят новую концепцию истины, – он ставит на это место только новое *dovere essere*, строит другую иерархию ценностей, которая руководит героической борьбой человека с инертной и враждебной ему действительностью, борьбой «ума и вещей». Следовательно, Макиавелли не открывает «доморального момента политики, понятой как науки», а, скорее, возвещает о «множественности этических систем»¹.

¹ *Barberi-Squarotti G. La forma tragica del Principe e altri saggi sul Machiavelli. Firenze, 1966. P. 203.*

Между тем анализ суждений Макиавелли об истине показывает, что весь его пафос заключается в поисках нового взгляда на соотношение ума и вещей. Уже одна эта попытка оправдывает сравнение Макиавелли с Галилеем, которое проводят Л. Руссо и другие «реалисты». Пусть Макиавелли говорит не просто об *essere*, а о *dovere essere*, но разве понятие должностования не приложимо и к познанию вещей? Задача опытного познания, которую Макиавелли не мог провозгласить, так как изучал не физику, а жизнь государств, тоже состоит в определении должного, ведь закон это и есть, с точки зрения сознания, должное – то, что необходимо присутствует в таких-то вещах в таких-то обстоятельствах. С помощью категории должностования сознание «переваривает» действия сил, обладающих совершенно различной степенью необходимости. В свое время Макиавелли попытался разобраться в этих различиях, в подлинных причинах исторических и политических событий и поступков, в чем и заключается его заслуга. Пусть эта попытка ограничивается обнародованием факта, что люди в ряде случаев неизбежно «должны» делать зло, а объяснение его Макиавелли не мог довести до конца, – все равно это был шаг вперед, связанный с новым взглядом на роль общественной практики в познании,

Описывает Макиавелли или рекомендует, открывает законы действительности или предъявляет к ней человеческие претензии? Если считать науку чистым описанием, безликим отображением действительности, то Макиавелли далек от всякой научности. Но любая, самая абстрактная наука вытекает из человеческой потребности, в каждом ее достижении заложены потенциально все возможности ее применения, технологии; наука отделяет допустимое и подвластное человеку в природе от неподвластного.

Поэтому с точки зрения, объявляющей макиавеллиевскую «правду вещей» псевдоистинной, правомерно было бы всю технологию, все достижения ума, всю культуру объявить обманом природы, прикрывающим бессилие человека

и ведущим к трагедии¹. На самом деле познанный закон ценен не тем, что сковывает собой, а тем, что как бы освобождает от себя; определяясь в собственных границах, он начинает подчиняться человеку в его целесообразной деятельности.

Макиавелли обобщает политическую практику в форме размышлений над судьбами лиц, в «Государе» он проследживает путь некоторых героев от их вступления на политическую сцену до успешного упрочения власти или падения или гибели. В этом смысле можно говорить о художественном образе, воплощенном в этой книге, о мифо-творческом порыве макиавеллиевской антропологии, которую венчает личность государя-кентавра². Но это нисколько не отменяет факта, что перед нами произведение, стоящее у истоков политической науки.

Что до противоречивости, часто обнаруживаемой у Макиавелли, то это впечатление вытекает из тесной связи рекомендательных выводов Макиавелли с конкретными примерами и в силу этого непригодности их на все случаи жизни, которую сам автор иногда подчеркивает, ссылаясь на изменчивость обстоятельств. Кроме того, изменчивость и реальные противоречия вообще присущи психологии людей, которая составляет главный предмет внимания Макиавелли. Таким образом, видимая противоречивость мнений великого флорентинца часто скрывает под собой более глубокий общий принцип и вовсе не свидетельствует об оппортунизме.

Когда речь идет о философских основаниях этики, возникает необходимость выяснить соотношение общих начал, к которым возводятся рассуждения о человеке. Применительно к идеям Возрождения среди таких самых общих начал выделяются два – естественное и божественное. Как свидетельство о преобладающем интересе к первому

¹ Сегодня подобная точка зрения выглядит вполне правомерной.

² Об этом см.: *Raimondi E. Politica e commedia: Dal Beroaldo al Machiavelli.* Firenze, 1969. P. 265–286.

из них в характеристике творчества Макиавелли появилось слово «натурализм»¹. Своеобразное преломление этого «натурализма» у Макиавелли и недостаточная его изученность² заставляют поставить этот термин в кавычки. У Макиавелли есть черты общественнонаучного натурализма, переносящего на общество биологические черты и законы, немало медицинских и биологических сравнений, ссылок на природу как критерий нравственности, на естественный характер перемен в обществе³. Подобные высказывания можно интерпретировать как попытку натурфилософского истолкования общественной жизни, однако натурализм Макиавелли не ограничивается только биологическими рамками. Слово «природа» в устах Макиавелли – чаще всего синоним внутренней сущности явления; закона, набора постоянных черт или принципа изменения вещи. Если он говорит о естественных свойствах человеческой природы или рассуждает о людях вообще, это не исключает представлений о разнообразии и изменчивости природы, наконец, – идеи о существовании и использовании человеком двух природ – животной и человеческой, то есть известного противопоставления человека и природы⁴.

В результате выделяются два главных образа природы у Макиавелли – образ живой природы-мира, объединяющей все законы и перенимающей некоторые функции, приписывавшиеся средневековыми философами богу, и образ

¹ На античные источники этого интереса указывает открытый С. Бертелли список трактата Лукреция «О природе вещей», сделанный рукой Макиавелли. См.: *Bertelli S. Noterelle machiavelliane. – Un codice di Lucrezio e di Terenzio // Rivista storica italiana. 1961. Vol. 73. P. 544–553; Idem. Noterelle machiavelliane: Ancora su Lucrezio e Machiavelli // Ibid. 1964. Vol. 76. P. 774–790.*

² *Ferroni G. «Mutazione» e «riscontro» nel teatro di Machiavelli. Roma, 1972. P. 23. N. 9.*

³ Государь. III, P. 13; История Флоренции. V. P. 70. Lettere. P. 374. Рассуждения. III, 7, 8.

⁴ Cp. *Ferroni G. Appunti sull'Asino di Machiavelli // Letteratura e critica. Roma, 1975. P. 1–33.*

природы – частного закона вещи, природы, начисто лишенной антропоморфных черт. Эти образы не столь противоположны, чтобы не сливаться в одном фундаментальном философском принципе, выступающем в тех редких случаях, когда Макиавелли принимается за рассуждения о всемирно-исторических процессах.

Замечательна в этом отношении глава V книги II «Рассуждений», которая начинается с опровержения (много!) взглядов неких философов, утверждающих, что мир существовал вечно. (Это утверждение было одной из революционных идей натурфилософии Возрождения¹). Опровержение, приводимое Макиавелли, состоит в указании, что память о древности, восходящей ко временам более пяти тысяч лет назад (время сотворения мира по христианским представлениям), не сохранилось.

Но это опровержение немедленно превращается в свою противоположность с присущей гуманистическим опровержениям быстротой, потому что вся глава посвящена фактически опровержению опровержения, и таким образом Макиавелли становится в ряды философов, которые «желали бы видеть мир вечным». Причины забывчивости человечества, по Макиавелли, заключаются, во-первых, в его собственных стараниях – каждая новая религия заботится прежде всего о том, чтобы стереть с лица земли всякую память о прежней. В качестве примера Макиавелли весьма смело указывает на то, как христианская «секта» расправилась с языческой, «а поскольку за пять-шесть тысяч лет эти секты сменяются по два или три раза, память о более ранних событиях исчезает, и если все же остаются какие-нибудь следы, сведениям о них не верят и почитают баснями...»².

Во-вторых, существуют причины забывчивости, зависящие от «неба» – чума, голод, наводнения, они уменьшают численность населения до минимума. Упомянув о небе

¹ См.: Горфункель А. Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М., 1977. С. 213 и сл.

² Рассуждения. II, 5 // Op. cit. P. 227.

и наводнениях, Макиавелли, казалось бы, подошел к вопросу о божественном вмешательстве, тем более, что ниже говорится об исправляющем нравственном воздействии этих бедствий. Но не тут-то было: обосновав своими оригинальными доводами необходимость таких явлений, Макиавелли выводит на сцену природу: «Не думаю, чтобы можно было усомниться в действительном существовании этих потоков, эпидемий и голода, потому что о них сплошь и рядом упоминают все историки, да и ввиду отсутствия памяти о древности, а еще потому, что в этом виден разумный смысл: ведь как природа заставляет многократно сокращаться простые тела и ради их собственного здоровья извергать излишек накопившейся материи, то же и в смешанном теле человечества, когда все области переполняются жителями, так что им негде жить и некуда уйти ввиду повсеместного избытка населения, а человеческие лукавство и злоба дошли до крайности, возникает необходимость очищения мира одним из трех способов, чтобы оставшиеся в малом числе люди после пережитых испытаний стали лучше и жили спокойно»¹.

«Биологическая» социология, к которой апеллирует Макиавелли в случаях, когда он сталкивается с общефилософскими проблемами жизни «смешанного тела» человеческого рода, при всей второстепенности таких случаев в рамках его творчества, позволяет говорить о наличии у него хотя бы в неразработанном виде натурфилософских представлений. Достоинства и недостатки этих идей он мог разделять с другими мыслителями своего времени, но развитие их материалистических тенденций в приложении к морали и конкретным проблемам общественной жизни дало богатые и своеобразные плоды.

Какова истинная природа морали? Это первый вопрос, который надлежит задать этике Макиавелли. Ответ на него мы находим в следующем отрывке, где Макиавелли прямо говорит о происхождении морали и нравственности. При-

¹ Там же.

мечательно, что он, этот отрывок, находится в начале самого фундаментального труда флорентинца – «Рассуждений о первых десяти книгах Тита Ливия» и является отправным пунктом для размышлений о праве и государстве для всего последующего изложения.

«Это чередование форм управления возникло среди людей стихийно: в начале мира, когда обитателей было мало, они жили рассеявшись по свету наподобие зверей; по увеличении их числа люди стали соединяться вместе и в целях наилучшей защиты начали отличать в своей среде тех, кто был сильнее и храбрее, назначая их предводителями и подчиняясь им. Из этого, родилось представление о разнице между делами с одной стороны, хорошими и пристойными и, с другой – вредными и преступными. Когда кто-либо наносил ущерб своему благодетелю, между людьми возникали ненависть и сострадание, они порицали неблагодарных и почитали тех, кто проявлял признательность. Думая о том, что подобная обида может быть нанесена и им, люди пришли к установлению законов во избежание подобного зла и к назначению наказаний для нарушителей, откуда явилось понятие справедливости. Все это привело к тому, что при избрании государя обращались уже не к самому смелому, а к тому, кто был благоразумнее и справедливее»¹.

Следует подчеркнуть основные моменты, определяющие, по Макиавелли, это «эволюционное» происхождение морали: естественное неравенство людей и их способность к сопоставлению, развитие этих качеств при объединении людей в общество, при появлении новой цели – создания общей силы.

Рассмотрим теперь характерные черты, проступающие в рассказе Макиавелли о возникновении общества и одновременно морали и нравственного чувства.

Ко всем метафизическим учениям, предъявляющим природе нравственные требования, применим вопрос: каков, с их точки зрения, человек по природе? Макиавелли

¹ Там же. I, 2 // Op. cit. P. 179.

таким вопросом не задается, но обычные в его устах грустные замечания о людях вообще, об их склонности ко злу, о завистливой человеческой природе подсказывают ответ – «человек по природе зол». Они как будто бы навеяны христианским пессимизмом, которому можно противопоставить мнение гуманистов, а тем более мыслителей Просвещения, полагавших, что человек добр от природы. Во всяком случае, распространено мнение, что Макиавелли был убежден в неизменности человеческой природы, со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками: в числе первых – возможность обобщений, в числе вторых – отсутствие представлений о прогрессе. В самом деле, вспомним многократно цитированные строки главы XXXIX книги I «Рассуждений»: «...во всех обществах и у всех народов бытуют одни и те же настроения, присутствовавшие у них всегда. Таким образом, тому, кто прилежно изучает дела минувшего, легко предвидеть будущее всякой республики и пользоваться, по сходству происшествий, теми средствами, которые использовали древние, а не находя их, подумать о новых»¹. В начале этой книги Макиавелли также сожалеет о нежелании его современников использовать опыт античности: «Как будто бы небо, солнце, стихии и люди изменили свои пути, качества и положение в порядке вещей»². Но можно ли принять предложенные выводы? Вспомним, что теоретические обобщения в конечном счете за Макиавелли приходится формулировать его исследователям – это должно удвоить их бдительность.

Учение Макиавелли неметафизично прежде всего в том смысле, что в нем отсутствует апелляция к какому бы то ни было трансцендентному, сверхприродному началу. Говорить о статичности понятия «природа» в его учении на основании вышеприведенных цитат это все равно, что констатировать – природа для Макиавелли – универсальное и последнее основание мира, к которому неизбежно прихо-

¹ Там же. 39 // *Op. cit.* P. 206.

² Там же. Введение // *Op. cit.* P. 177.

дят все его рассуждения. Но это универсальное начало может быть бесконечно многообразным, изменчивым, и таково оно в представлении Макиавелли. Кстати, разве с современной точки зрения законы природы подвержены изменениям?

Применительно к обществу идеи Макиавелли тоже не укладываются в пессимистическое представление о дурной человеческой природе. Он пишет о том, что есть в обществе, и преимущественно о том, какие взгляды в нем есть. Поэтому, излагая свою точку зрения, он почти всегда ссылается на чье-то мнение. Это приложимо и к вопросу о природе человека. Ее порицают те, кому это выгодно. Убийства и грабежи под властью мелких государей Романы происходили «из-за дурных свойств этих правителей, а не вследствие дурных наклонностей человеческой природы, как они говорили». Еще лучше освещает позицию Макиавелли в этом вопросе начало III главы I книги «Рассуждений»: «Как утверждают все размышлявшие о гражданском общежитии и как учит на своих примерах история, основателю республики, сочиняющему для нее законы, необходимо исходить из присущих людям дурных наклонностей, которые проявятся при любых благоприятных обстоятельствах; если такие преступные склонности долго никак себя не выказывают, это говорит лишь об отсутствии видимых причин для их проявления; но время, прозванное отцом истины, все равно удостоверит обратное»¹. Политик должен исходить из того, что люди злы, потому что его первоочередная задача – воздвигнуть преграды, подавить это предполагаемое зло.

Если теперь отвлечься от «прикладной» постановки вопроса и вернуться к изложению собственных взглядов Макиавелли, то из отрывка о происхождении морали, цитированного выше, следует, что человек природный, до-социальный не добр и не зол, ввиду отсутствия критериев для такого различения вне общественной жизни. В другом

¹ Там же. Op. cit. P. 180.

месте «Рассуждений» говорится, что нравственные качества зависят от образа жизни и воспитания.

Здесь необходимо заметить, что мысли Макиавелли чужда метафизичность и в том смысле, что он отказывается от абсолютных критериев морали. По его утверждению, мораль возникает с появлением общественного интереса, из элементарных разумных актов обобщения и оценки; и воплощается в понятии «справедливость».

В рассказе о возникновении общества обращает на себя внимание еще один из важных принципов макиавеллиевского анализа: привычка рассматривать события с точки зрения соотношения сил. В отличие от таких постоянно готовых слететь с языка писателя терминов, как «судьба, необходимость», понятие «сила» редко упоминается у Макиавелли под собственным именем. Но если природа – главный режиссер в спектакле, изображаемом флорентийским драматургом, то сила и бессилие под разными масками исполняют в нем все роли.

Борьбе сил природы присуща стихийность из-за их слепоты, но исход борьбы определяется непреложными законами, которые вносят своего рода порядок, «меру вещей». Люди силой тех же законов обречены на борьбу за существование, их толкает к ней отсутствие устойчивости в частной и государственной жизни¹. Однако эта борьба ведется по новым правилам и в нее включаются качественно новые силы – люди действуют сознательно, им доступно знание меры вещей. В обществе с самого начала к чистой силе присоединяется момент организации, дающий новую силу. Затем этот второй момент приобретает неизмеримо большее значение, чем первый; благоразумие, отмечает Макиавелли, становится важнее физической силы.

Природный закон заменяет закон человеческий, он не обладает непреложностью первого, поэтому люди договариваются о наказании за его нарушение, подкрепляя закон силой. Важность этих положений для учения Макиавелли

¹ Там же. 6; III, 29 // Op. cit. P. 183, 274.

состоит именно в утверждении субъективности человеческих истин и законов (субъективности в силу их «надприродного» происхождения, которое ее же и ограничивает своим социальным и общечеловеческим характером).

Требования морали и человеческого закона всегда под угрозой нарушения, если не опираются на материальную силу. Отсюда в конечном счете вывод, что «все вооруженные пророки одержали победу, все безоружные погибли»¹.

С другой стороны, ум становится подлинной силой в обществе, опирающемся на человеческие законы и общественное мнение, этим, между прочим, объясняется появление у Макиавелли размышлений о значении видимости, обмана в политике, изобретательности вообще².

Введение понятия «сила» позволяет ответить на вопрос, какова, согласно Макиавелли, суть морали, каковы ее смысл и пределы? В соответствии с вышесказанным мораль можно определить как общее выражение ряда сил, действующих в обществе, а именно – идеальных сил, размеры и границы которых зависят от возможностей мнения. Специфика моральных воззрений состоит в том, что они претендуют на безусловную, абсолютную ценность, поскольку отражают общий нравственный опыт людей, общий интерес в отношениях между индивидом и обществом. В этом же заключается их внутреннее противоречие: моральные нормы не обладают материальной силой естественного закона, и у людей есть не одни только общие интересы, поэтому в действительности, где ценности конкурируют между собой, отвлеченные моральные истины не только начинают противоречить друг другу, но и превращаются, если следовать их букве, в собственную противоположность.

¹ Государь. VI. P. 27.

² Государь. XVIII; Рассуждения. II, 11. «Без дара изобретательности не было еще великих людей ни в одной области» // О военном искусстве. I // Op. cit. P. 407.

Особая сложность заключается в том, что и не следовать букве морали очень трудно, так как моральные принципы, в первую очередь, самые общие и глубокие, становятся сущностью человека, мерой его человечности. С другой стороны, жизнь не подчиняется абстракциям и не создает таких нравственных ситуаций, которые полностью повторяли бы одна другую. В поисках разумного разрешения этого противоречия один из путей, которым идет Макиавелли, возвращает к истокам морали – общему интересу. (Имеются в виду логические истоки, а не мнение большинства.) Право, законы, государство выражают, хотя бы по видимости, этот интерес и составляют его опору. В принципе государственная деятельность должна соответствовать морали более, чем любая другая, она может себя мыслить только как конкретное воплощение морали. На деле же во многих случаях необходимость (хотя не только необходимость), как заявляет Макиавелли, заставляет от нее отступать в большей или меньшей степени.

Изложенная схема помогает правильно понять, в частности, главу 53 книги III «Рассуждений», в которой приведен пример того, как ради спасения государства приходится жертвовать его достоинством (идти на позорную сдачу римского войска), а достоинство и честь – главные нравственные критерии Макиавелли, как будет показано ниже. «Следует знать, – пишет Макиавелли, – что, когда на весы положено спасение родины, его не перевесят никакие соображения справедливости или несправедливости, милосердия или жестокости, похвального или позорного, наоборот, предпочтение во всем следует отдать тому образу действий, который спасет ее жизнь и сохранит свободу. Подобным способом поступают и рассуждают французы, защищая величие своего короля и мощь королевства, и ничто их так не раздражает, как слышать от кого-нибудь: “Совершить то-то и то-то для короля позорно”, потому что, как они говорят, их король не может испытывать стыда, какое бы решение он ни принимал; в благоприятных или неблагоприятных обстоятельствах – побеждает он или тер-

пит поражение – это все, по их мнению, не роняет королевского достоинства»¹. Что же лежит в основе провозглашенного здесь морального иммунитета – патриотизм, «идея государственных соображений» или теория «цель оправдывает средства»? Ни то, ни другое, ни третье. Государство, в глазах Макиавелли, является практическим воплощением тех нравственных идей, из которых вытекает и мораль; исторически и логически государство и мораль имеют общее происхождение. Это нисколько не возвышает первое над второй и тем более не означает «независимости» политики от морали, которую так часто находили у Макиавелли. Государство зависит от тех же общих принципов, что и мораль, но оно ближе к действительности и в его деятельности яснее выражена противоречивость этих принципов – борьба общего и частных интересов, необходимость насилия для противостояния насилию.

Эта противоречивость видна на примере характеристики наемных солдат, дурные качества которых социально обусловлены: «Государства, если только они благоустроены, никогда не позволят какому бы то ни было своему гражданину или подданному заниматься войной как ремеслом, и ни один достойный человек никогда ремеслом своим войну не сделает. Никогда не сочтут достойным человека, выбравшего себе занятие, которое может приносить ему выгоду, если он превратится в хищника, обманщика и насильника, и разовьет в себе качества, которые необходимо должны сделать его дурным»².

Посмотрим теперь, какое место занимает мораль в ряду тех мотивов и побуждений, которые действуют в обществе, показанном Макиавелли.

Макиавеллиевские обобщения основных мотивов человеческих поступков возвращают нас к натурфилософской антропологии, напоминающей изыскания гуманистов Ква-

¹ Рассуждения. III, 41 // *Op. cit.* P. 288.

² О военном искусстве. I. P. 332; Рус. пер.: *Макиавелли Н. О военном искусстве.* М., 1939. С. 30–31.

троченто: «...две главные силы движут людьми – любовь и страх...»¹. На основе этих главных сил – естественных, они по сути дела те же, что и у животных, возникает все многообразие стремлений и страстей человеческой истории. Эту теоретическую мысль Макиавелли с поразительной последовательностью подтверждает в своих исторических сочинениях. Впрочем, правильнее сказать обратное – повторяет исторические наблюдения в теории.

Из собственно человеческих мотивов поведения на первом месте у Макиавелли ставятся два: страсть к приобретению, собственничество и честолюбие или более пассивное его выражение – чувство собственного достоинства². Эти мотивы, как и другие, принимаются у Макиавелли в расчет не только при рассмотрении действий отдельных личностей, но и при анализе поведения масс. В последнем случае собственнический инстинкт преобладает над «честью». Государь не должен покушаться на «имущество своих сограждан и подданных и на их жен», но особенно следует остерегаться ненависти, вызванной нанесением имущественного ущерба, «потому что скорее забывают о смерти отца, чем о потере наследства». Благодарность и чувство чести не свойственны толпе – так Макиавелли считал всегда, пусть даже горечь следующего излияния вызвана личным несчастьем: «О людях вообще можно сказать, что они притворщики, бегут от опасностей, жадны до наживы. Когда делаешь им добро, они навек твои, они готовы пожертвовать для тебя жизнью, имуществом и детьми – если, как уже сказано, надобность в этом не предвидится – при первом ее появлении их как не бывало»³. Тут следует подчеркнуть абстрактный, так сказать, статистический характер подобных рассуждений Макиавелли. В цитированном месте речь идет о том, что большинство людей (именно численное большинство – так следует понимать слово «во-

¹ Рассуждения. III, 21 // *Op. cit.* P. 274.

² История Флоренции. IV. *Op. cit.* P. 59; V. P. 73; Государь. III. P. 15; XXI. P. 102.

³ Государь. XVII. P. 21.

обще», *generalmente*) не обладает стойкими нравственными достоинствами. Причины этого не в том, что люди таковы вообще от природы, то есть все таковы. Мнение Макиавелли мы можем лишь предполагать, реконструировать по своему, но исходя из всей его концепции: причина такого положения в производности морали, в ее социально-политической детерминированности, которую Макиавелли пытался выразить, следовательно, в необходимости определенных условий и определенных усилий для создания «неразвращенного» общества. Эти усилия прилагаются выдающимися людьми, возможности которых, в свою очередь, определяются историческими факторами, в том числе – моральным состоянием общества.

Общество является, по Макиавелли, ареной борьбы страстей, в которой неблагоприятные для общественной жизни, то есть с точки зрения морали, страсти преобладают так, как хаос преобладает над гармонией, если на ее поддержание не затрачивается энергия, если вредным страстям не противостоят усилия самих людей, направленные на укрепление общественной нравственности. Однако эта борьба подчиняется определенным законам, законам природной изменчивости, которые не дают окончательно одержать победу ни одной из сторон – ни добру, ни злу. Возможности людей зависят от понимания ими законов перемен и от умения выбрать образ действия. В неразвращенном обществе невозможно установить тиранию, поэтому попытка стать царем Манлия Капитолина, не понимавшего, что римское государство еще далеко от такой подлой¹ государственной формы, была обречена на провал². В то же время «монархическое государство никогда не может достичь свободы, хотя бы государь был уничто-

¹ Этот эпитет (в оригинале – *vile*), взятый из старого перевода «Рассуждений» подразумевает, что монархия – *низшая* государственная форма.

² Рассуждения. III, 8 // Ор. с. Р. 264. Рус. изд. 1869 г. (С. 403).

жен со всем своим родом: это ведет только к смене одного государя другим». Все определяется состоянием политической «материи» – людей.

Возможность действия открывается перед человеком не просто в силу знания незыблемых законов политической статики, а скорее в силу знания законов перехода, условий перехода противоположностей друг в друга, в силу понимания «качества времени».

Интересно исследовать вопрос, существует ли для Макиавелли в том или ином виде неподвижный мир божественной идеи? Во всяком случае, в трудах великого флорентийца нет метафизических размышлений, его мысль направлена на мир изменчивый, и это заставляет рассматривать взаимоотношения главных понятий макиавеллиевой этики под знаком диалектики¹. Первостепенное значение в этой системе приобретает время как символ вечных, неизбежных перемен, неустойчивости и неожиданных поворотов в развитии событий, время – «отец истины». «...Со временем могут произойти любые перемены, добро становится злом, зло добром». Добро и зло чередуются в круговороте времени именно таким образом, что одно принимает обличье другого. «*Природа* не позволяет вещам *этого мира* пребывать в покое, поэтому, достигнув предела своего совершенства, выше которого нельзя подняться, государства вступают на обратную дорогу; точно так же при движении вниз, дойдя до крайнего упадка вследствие беспорядков, они не могут пасть еще ниже и по необходимости переходят к возвышению, таким образом, от добра все спускается до зла и от зла восходит к добру»².

Макиавелли не говорит о том, возможно ли и нужно ли знание вечных истин, пребывающих в покое за пределами

¹ Она проявляется, в частности, в излюбленных парадоксах Макиавелли: «...дружественное войско ведет себя более невыносимо, чем войско противника». Письма к Ф. Веттори от 18 апреля 1527 г. // *Lettere*. P. 507.

² Государь. III. P. 14. История Флоренции. V. P. 66. Ср.: Рассуждения, I, 6.

«этого мира», так же, как он не размышляет об их соотношении с абсолютным разумом. Но абстрагирующие качества человеческого разума подвергаются критике, особенно в этике. Из государственных форм, перечисленных Макиавелли в главе II книги I «Рассуждений», по его мнению, три хорошие и три плохие, но основатель любой из трех первых «устанавливает ее на малое время, потому что никакое средство не удержит ее от превращения в свою противоположность из-за подобия, которое в этом случае существует между добродетелью и пороком». Здесь, кроме временного параметра взаимоперехода добра и зла, налицо понимание их качественной близости, которая и делает возможным этот переход¹.

Размышления о сходстве добра и зла, об их связи с ситуацией еще раз подтверждают вторичность, производность «от человека» этих категорий в глазах Макиавелли; в то же время, как он пишет в книге V «Истории Флоренции», их круговорот – в природе вещей, в конечном итоге он независим от людей, которые могут только изучать силы, управляющие добром и злом, и в каких-то пределах влиять на них.

В отрывке о происхождении морали упоминалась, пожалуй, главная из таких сил – необходимость. Понятие необходимости вносит новый оттенок во взаимоотношения природного закона и человеческих возможностей, поскольку необходимость не синоним некой абстрактной силы, а результат сложения равных объективных сил в конкретной ситуации, предстающий перед сознанием в форме необходимости. Вспомним тот отрывок из «Рассуждений», где говорится о необходимости идти по пути завоеваний. Идеальным, то есть разумным (производное от идеи абстракции), для государства было бы не воевать. «Я полагаю, что без сомнения такое равновесие обеспечило бы подлинно политическую жизнь и подлинный покой для государства. Но так как все людские дела пребывают

¹ Рассуждения. I, 2 // Op. cit. P. 179; III, 37. P. 286.

в движении и не могут стоять на месте, то они либо идут на подъем, либо клонятся к упадку, и необходимость приводит ко многим вещам, к которым не приведет нас рассудок, так что, основав республику, способную не выдвигать территориальных притязаний, мы будем вынуждены нарушить ее принципы, когда необходимость направит ее на путь расширения, и тем обречем ее на верную гибель»¹. В данном отрывке необходимости противостоит не вообще рассудок, а только формально-логическая, можно сказать, морализирующая его часть, с помощью которой рассудок предьявляет действительности свои требования. Необходимость выражает как раз другую сторону взаимоотношений рассудка и действительности, постигая необходимость, разум усваивает «настоящую правду вещей». Следовательно, этическое значение необходимости состоит в ее надэтическом или доэтическом характере, в том смысле, что она не зависит от связанного с ней добра и зла, приносимого людям, а напротив, их существование зависит от необходимости.

Общественный эффект необходимости, по Макиавелли, положительный, свобода же выступает чаще в виде своеволия. Положительные проявления свободного выбора заключаются в создании искусственной необходимости. Таков смысл рассуждения о выборе места для основания государства, где Макиавелли утверждает, что «люди действуют по необходимости или по выбору... и где выбор имеет меньшее значение, там налицо большая доблесть»². Проявление мудрости основателя – в уменьшении возможности членов общества действовать по произволу, воспитать в них доблесть с помощью необходимости, упорядоченной в законе. Благоприятные для человека стороны не-

¹ Там же, 6. Р. 183.

² Там же. I. Р. 178. В русском издании 1869 г. противоположный по смыслу перевод, видимо, неверен, что подтверждается содержанием главы и общей концепцией Макиавелли: «Люди действуют по необходимости или по свободному выбору, чем свободнее они в своих поступках, тем больше обнаруживается их достоинство» (С. 123).

обходимости выражают ту меру объективной возможности добра, которая заложена в природе, в частности, в природе общества. «Множество людей никогда не договорится о принятии нового закона, если не убедится в его необходимости, а эта необходимость наступает только в виду опасности, и республика легко может погибнуть, прежде чем придет к совершенному порядку». Через опасности, даже гибель государства или через его спасение в трудной ситуации необходимость всегда пробьет себе дорогу, но негативные условия, которыми сопровождается ее выход на сцену, у Макиавелли позволяют одновременно проявиться высшим способностям человека, свободе его воли, как об этом свидетельствует знаменитый призыв к освобождению Италии в главе XXVI «Государя».

Богиня случая.

(Здесь и далее гравюры из кн.:

Андреа Альчати «Книга эмблем», 1536)

В целом необходимость – законная и поэтому разумная сила, которая определяет движение общества, его взлеты и падения. Однако категория необходимости, с одной сто-

роны, несколько расплывчата и несамостоятельна, будучи сводимой в каждом случае к определенным законам, с другой – она недостаточно антропоморфна и слишком отчуждена от человека, чтобы Макиавелли оставил за ней последнее слово в истории; если бы все решала необходимость, направление движения было бы всегда очевидно и выбор стал бы чересчур простым. Поэтому группу понятий, противостоящих в этико-социальной концепции Макиавелли усилиям человека, возглавляет и объединяет другая сила – судьба.

Судьба, как и случай, действует в той же сфере, что и доблесть, – «в промежутке» между жесткими данностями природы и человеческим произволом. Наверное, ни одно слово не встречается у Макиавелли так часто, как «фортуна». Смысл его точнее всего было бы передать как «удача», именно та составляющая удачи, которая не зависит от человека.

Необходимость прокладывает себе дорогу в форме случайности, через случайности исторических событий – судьба, отталкиваясь от той же случайности, выражает другую ее сторону, необязательную, вытекающую из незакономерности, существующей в природе вещей, и потому она иногда противостоит природе в узком смысле слова, как закон отдельной вещи и характеру человека¹.

В действиях судьбы нет внутренней необходимости и разумности², поэтому ее можно считать олицетворением иррационального в природе – постольку, поскольку Макиавелли вообще допускает иррациональное, то есть в узких, как у многих гуманистов, границах. Поступки судьбы непредусмотримы и когда человек «обращается лицом к судьбе», это связано с риском. Смысл этого частого у Макиавелли выражения и состоит, собственно, в риске, в отказе от трусливого самообмана, прикрытого надеждой «использовать преимущества времени»³, что всегда на устах «нынешних мудрецов».

¹ История Флоренции. III. P. 45; Lettere. P.257.

² Капитоло о судьбе. Op. cit. P. 533.

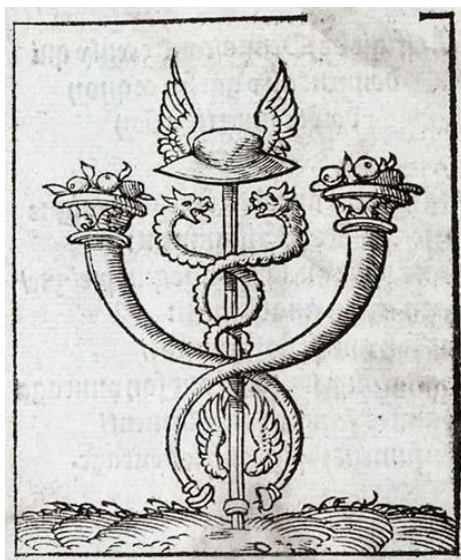
³ Государь. III. P. 13.

Фортуна, побеждающая доблесть

В образе судьбы у Макиавелли самое примечательное – ее антропоморфные черты, восходящие не столько к средневековой, сколько к древнеримской историографии, и носящие преимущественно метафорический характер. Судьба часто враждебна людям, примеры чему в «Истории Флоренции» мы встречаем на каждом шагу. Судьба «воспротивилась похвальному предприятю Велизария», «судьба была враждебна графу в этом походе», «судьба – подруга наших распрей». У судьбы есть устойчивые привязанности и антипатии, даже друзья и враги – вторым она вредит, используя их дурные качества и непостоянство человеческой природы – свойства, противостоящие емкому макиавеллиевскому понятию вирту́ – доблести¹.

¹ История Флоренции. I. P. 4; V. P. 77; IV. P. 63; VI. P. 85. Капитоло о судьбе (К Джованбаттисте Содерини): «Судьба/ бушует в своем царстве, если ее не усмирит исключительная доблесть» // Op. cit. P. 533.

Фортуна – спутница доблести

Над антропоморфным образом судьбы, сознательно или по своему капризу помогающей или приносящей вред людям, у Макиавелли преобладает все же идея судьбы как изменчивой, стихийной силы природы. В качестве таковой она оставляет людям свободу действия, да и судьба как личность требует от людей активности: «Я вам говорю, что судьба не меняет своего приговора там, где порядки не изменились, и небеса не захотят и не смогут поддерживать дело, которое само обрекает себя на гибель»¹.

Из всех сил, выступающих от имени природы, судьба – единственная «одушевленная», единственная, которой человек не безразличен; она ближе всех человеку, потому что олицетворяет ту долю непознаваемости, которая присуща вещам ввиду их изменчивости, ввиду невозможности пол-

¹ Проект речи об изыскании денежных средств: введение и обоснование. Ор. В. Р. 500.

ностью предвидеть результаты поступка, будущее соотношение добра и зла. Одним словом, судьба у Макиавелли – единственная богиня гуманистического пантеона, сохраняющая не одно только художественное значение.

Известнейший образ судьбы создан Макиавелли в заключительных главах «Государя», сюжет которого вообще строится на противоборстве фортуны и виртú, если учесть преимущественно политический характер того и другого понятия у Макиавелли¹. В знаменитой главе XXV Макиавелли обращается к центральным вопросам своего творчества: о возможности борьбы со стихией судьбы (предстающей здесь в образе бурной реки) и о наилучшем образе действий с этой точки зрения. Что касается первого, то Макиавелли противопоставляет судьбу («фортуна и Бог!»)², с одной стороны, и человеческую способность («благоразумно справляться с мирскими делами») – с другой. Вопреки мнению «многих», Макиавелли отказывается признать бессилие последней, хотя, обозревая «великое непостоянство нашего времени», он «отчасти склоняется к их мнению». Но существование, точнее, нравственная потребность в существовании свободы воли («чтобы наша свободная воля не угасла») заставляет Макиавелли постулировать, что «судьба наполовину распоряжается нашими поступками, но другую половину или почти столько оставляет нам»³.

Относительно наилучшего образа действий Макиавелли приходит к выводу, что наилучшим является тот, который соответствует времени и следует переменчивости судьбы – иногда нужно быть осмотрительным, иногда напористым, но «осмотрительный человек не сумеет действовать напо-

¹ В стихотворении «О судьбе» политический характер фортуны подчеркнут словами о том, что в ее владения легко войти, но трудно выйти // *Op. cit.* P. 534. Смысл жизни вне политики вообще мало интересует Макиавелли.

² В одном из сохранившихся списков «Государя» слово «Бог» отсутствует.

³ Государь. XXV. P. 111.

ристо, когда придет время, – отсюда его погибель, а измени он свою *природу* вместе со временем и обстоятельствами, счастье ему не изменило бы».

Правда, Макиавелли не хочет остановиться на теоретическом равенстве активного и осторожного образа действий, ему нужен практический вывод: «Я полагаю все-таки, что лучше быть напористым, чем осмотрительным, потому что судьба – женщина, и чтобы одержать над ней верх, нужно ее бить и толкать. В таких случаях она чаще уступает победу, чем когда проявляют к ней холодность. И как женщина, она склонна дружить с молодыми, потому что они не столь осмотрительны, более пылки и смелее властвуют над ней»¹. Наверное, во всех сочинениях великого флорентийца нет более характерного места, чем этот несколько неожиданный в политическом учебнике пассаж, в котором наибольшей глубины достигают макиавеллиевские мотивы борьбы человека с силой природы как предопределенности. Он возвращает нас к одному из главных вопросов макиавеллиевской этики (и христианской тоже) – о роли насилия в человеческих отношениях. Двойственность и двусмысленность этой роли, с одной стороны, и с другой – вся гуманистическая традиция, от Петрарки и Боккаччо до платонизирующих трактатов XVI в., вызвали к жизни этот образ судьбы, символический для Макиавелли.

Из сказанного до сих пор ясно, что Макиавелли не только приемлет насилие, но в некотором смысле выводит из него – путем создания искусственной необходимости – все общественное благоденствие. В то же время у него есть и резко отрицательная моральная оценка насилия, например, в приводившейся характеристике наемничества, которое делает войну «частным ремеслом». В государственной жизни критерий правомерности насилия – общественный интерес. Если устроитель государства действует для общего блага, он может прибегать к чрезвычайным мерам, ибо «только те насилия заслуживают порицания, цель которых

¹ Там же. Р. 114.

не исправлять, а портить»¹. Но не отбрасывает ли сам Макиавелли этот критерий, когда, увлекшись борьбой с капризной фортуной, советует добиваться успеха чуть ли не любой ценой? Гуманистическая доктрина активности получает у него своеобразное преломление; отвергая даже «достойную» праздность, Макиавелли прямо сокрушается о распространении христианства: «современный образ жизни людей при господстве христианской религии не создает для них необходимости вечной самозащиты, как это было в древности», когда побежденных истребляли или делали рабами. «Наша религия, если и желает нам силы, то больше не на подвиги, а на терпение. Этот новый образ жизни, как кажется, обессилил мир и передал его в жертву мерзавцам. Когда люди, чтобы попасть в рай, предпочитают скорее переносить побои, чем мстить, мерзавцам открывается обширное и безопасное поприще»². Но не забывает ли Макиавелли, давая свои нейтральные или сомнительные в моральном отношении рекомендации, о риске уподобиться «мерзавцам», к которым Фортуна, по его словам, благоволит? Для ответа на этот вопрос нужно углубиться в систему его ценностей.

В отдельных случаях критерием оценки для Макиавелли служит цель, ради которой предприняты действия, Об этом говорят такие высказывания, как: «цель всех людей – слава и богатство», «истинная и совершенная цель всех государств» и даже «истина и истинный путь, указываемый нам нашей религией», которые «заставляют нас меньше ценить светские почести»³. Эти цели как аристотелевский критерий блага заложены в природе человека и каждого рода его деятельности, они несводимы к абсолютному благу, даже в случае истины, преподанной христианской религией, которую Макиавелли перетолковывает

¹ Рассуждения. I, 9. Op. cit. P. 186; рус. пер. С. 149.

² О военном искусстве, рус. пер. С. 93; Рассуждения. II, Op. cit. P. 224. Здесь рус. пер. 1869 г. (С. 273).

³ Рассуждения. II, 2 // Op. cit. P. 224.

вает в духе активности, несмотря на то что «небеса разоружились и мир стал изнеженным».

Понимание цели дает возможность ориентироваться при оценке ситуации, но не исчерпывает эту оценку, так как цель является только частью действия, завершением, исходом. У Макиавелли не всегда даже можно отграничить понятие цели от исхода, дело в том, что в итальянском слове (*il fine*) во времена Макиавелли значения «конец» и «цель» были равноправны. Это позволяет уточнить отношение флорентийского мыслителя к теории о благой цели, которая оправдывает дурные средства.

«Каждый видит, чем ты кажешься, мало кто понимает, что ты есть на самом деле, и эти немногие не решатся выступить против мнения большинства, на стороне которого авторитет государства, так что в действиях всех людей, а в особенности государей, кои никому не подсудны, смотрят на конец (*si guarda al fine*). Пусть государь победит и сохранит государство: средства будут всегда сочтены достойными и всякий их станет хвалить, потому что толпа поглощена видимостью и исходом событий, а на свете всюду одна лишь толпа, и мнение немногих имеет вес, когда большинству не на что опереться»¹. Здесь употреблено слово «конец», так как дальше стоит синоним «исход», но по смыслу можно перевести и «цель»².

Как видим, почитать, что державные интересы или успешный исход предприятия оправдывают любые средства, присуще, по мнению Макиавелли, профанам. Каким же должно быть подлинное соотношение целей и средств по Макиавелли? Их взаимоотношения не могут не быть противоречивыми, ведь, как мы уже знаем, из зла возникает добро, из добра зло, и люди в конечном счете бессильны

¹ Государь. XVIII. P. 81.

² Ср.: в «Мандрагоре» аналогичную фразу фра Тимотео: «На цель (*al fine*) следует смотреть во всех поступках..., дочери Лота не согрешили, ибо намерение их было добрым», звучащую как формулировка злой теории // Op. cit. P. 452.

перед лицом времени изменить этот закон, хотя их деятельность и направлена на это. Не все цели достигаются, и не все достижения соответствуют целям, поэтому макиавеллиевский мудрец считает нужным до поры до времени хранить свои намерения в тайне. Ведь приписываемая Макиавелли теория обмана заключается в наблюдении, что в политической игре побеждает тот, кто дальновиднее, кто умеет выдать ближайшую общую цель за конечную для всех участников предприятия.

За великолепной или добронравной внешностью очень часто кроется «звериная» суть, это не случайность, а закономерность положения государя, который становится вне общества и вне закона, когда человеческого образа действий – «сражаться с помощью законов», становится недостаточно. Но ссылка на необходимость не только не исчерпывает нравственной оценки поступка, но является лишь отправной точкой для нее.

С точки зрения расхожих представлений о Макиавелли неожиданным кажется тот факт, что в своих главных сочинениях – и в «Государе» и в «Рассуждениях» – он перечисляет моральные качества и идеалы, к которым должны стремиться люди. Нравственные качества так или иначе входят в идеал поведения, но Макиавелли подчеркивает, в частности, в главе XV «Государя», их относительность – уже самим подбором в перечислении, ссылкой на происхождение из области мнений, а главное – неявным (только в данной главе) сопоставлением двух отправных этических систем, христианства и классической древности.

Полемический задор Макиавелли направлен против первой как господствующей. Макиавелли не отвергает полностью христианских добродетелей, но именно они, как выясняется в «Государе», требуют от правителя скорее внешнего почтения, несоблюдение же их не влечет потери государства, напротив, оно часто неизбежно. «Я решусь сказать даже, что при постоянном их наличии и соблюдении они становятся вредны, а когда кажется, что они есть, – полезны. Так нужно казаться милосердным, верным,

человечным, набожным, прямодушным – и быть, но следует подготовить свой дух к тому, чтобы при необходимости ты мог и умел стать противоположным. И надо понять, что государь, особенно новый, не может соблюдать всего, за что людей почитают хорошими, бывая часто вынужден во имя спасения государства действовать против веры, против милосердия, против человечности, против религии. Однако его помыслы должны повиноваться воле переменчивого ветра судьбы и, как я сказал выше, не отклоняться от блага, но уметь приступить к необходимому злу»¹. Несколько иначе относится Макиавелли к нравственным принципам античности, которые его современникам «кажутся бесчеловечными», но более соответствуют его представлениям о политической жизни; все это отразилось на его отношении к тем или иным нравственным ценностям.

Главное моральное качество, которое объединяет у Макиавелли все прочие и является самоцелью – к нему Макиавелли наиболее расположен – это честь. Этический смысл чести вытекает из того, что она мыслима только у человека, только в обществе, и проявляется преимущественно в государственных делах. Она продукт мнения, косвенно выражающий зависимость человека от общества. В диалектике понятия чести и других, связанных с ней, – славы, гордости, достоинства, самолюбия, тщеславия – отразилась диалектика морали, совпадения и расхождения интересов индивида и общества.

Отрицательные качества именно тем опасны для государя, что влекут за собой дурную славу. Это качества, которые делают его презираемым – изнеженность, легкомыслие, нерешительность, трусость, низость. Особняком стоит жадность, которая затрагивает собственнические инстинкты людей и навлекает на государя самое опасное со стороны подданных чувство – ненависть. Отношение к жадности у Макиавелли двойственное, как и к честолюбию: «Разумеется, желание приобретать – вещь вполне

¹ Государь. XVIII. Р. 80–81.

обычная и естественная, и когда люди стремятся к этому в меру своих сил, их будут хвалить, а не осуждать, но когда они не могут и все же добиваются этого любой ценой, в этом ошибка, достойная порицания»¹. Впрочем, честолюбие – тоже проявление своего рода страсти к приобретению, приобретению чести, здесь соприкасаются две главные цели людей – «слава и богатство», «У древних авторов существует изречение, что зло причиняет людям боль, а добро приедается, и оба этих чувства дают один и тот же результат... *Природа создала людей* таким образом, что они могут желать чего угодно, но не всего могут добиться, и поскольку желание приобретать превышает силы, возникает недовольство тем, чем уже владеют, и неудовлетворенность. Отсюда проистекают перемены в их судьбе, потому что люди частью хотят большего, частью боятся потерять приобретенное, и от вражды переходят к войне, которая губит одно государство и возвышает другое»².

Из прочих качеств, имеющих хождение в системе оценок Макиавелли, следует упомянуть еще разумность и религиозность. Они поставлены здесь рядом, так как обе определяют выбор линии поведения. Набожности Макиавелли придает большое значение, но скорее как средству; религиозное чувство нигде не выступает у него как источник или высший идеал морали, это самое большое – показатель социально-нравственного развития. Например, о наемниках: «Как могут они, глумясь над Богом, уважать людей?»³ Однако для выдающейся личности религиозное чувство не имеет самостоятельного морального значения. Роль религии для политика исполняют «добродетели разума», если использовать выражение Аристотеля, но Макиавелли интересуется деятельный, а не созерцательный разум, то есть не та мудрость, которая принадлежит к сфере дос-

¹ Там же. III. P. 15.

² Рассуждения. I, 37 // Op. cit. P. 204.

³ О военном искусстве, рус. пер. С. 211.

тойного досуга, поэтому и добродетели разума возглавляет благоразумие.

Из противопоставления активной деятельности праздности и досугу можно понять существенные особенности сложного термина «вирту́» у Макиавелли. Как воплощение энергии и творческой способности человека вирту́ носит особенно двойственный характер, она не является целиком положительным качеством, да и вообще лишь частично соприкасается с моральной сферой. Впрочем, все моральные понятия для Макиавелли не абсолютны, так что именно слабая связь вирту́ с областью моральной оценки, в которой Макиавелли тяготеет к конкретности суждений, объясняет постоянство высокой объективной ценности, которую имеет в его глазах это качество. Проще говоря, вирту́ в малой степени является продуктом личных заслуг человека и потому – в малой степени основой для нравственных суждений о нем. В большей степени эта «доблесть» является природным свойством, исходными данными, потенциальными возможностями силы и ума, которые могут привести к тому или иному результату. Так, государю (новому государю) в любом случае необходимо сочетать форту́ и вирту́. «Полуморальный» характер вирту́ виден на примере тирана Агафокла: «Нельзя ведь называть доблестью (вирту́) убийства своих сограждан, предательство друзей, отказ от веры, сострадания, религии: такое поведение может принести власть, но не *славу*. Однако, рассмотрев доблесть Агафокла в рискованных и опасных делах и величие его духа, претерпевшего и преодолевшего столько невзгод, мы не заметим ничего, что позволило бы поставить его ниже любого самого выдающегося полководца»¹.

Все же у Макиавелли есть тенденция сохранять за вирту́ репутацию положительного морального качества и отделять его в противопоставлении от пороков и злодейств.

¹ Государь. VIII. P. 38.

Вопрос о вирту́ тесно связан с проблемой идеального поведения у Макиавелли – слово «идеальное» здесь означает только «предпочтительное», рекомендуемое, а такого рода представления есть у любого человека – независимо от его отношения к морали окружающей социальной среды; речь идет о том образе действий, который служит для него эталоном и мысленной опорой для суждений, в большей или меньшей степени отождествляется с собственным поведением.

Безусловно, что в том созвездии качеств, которые образуют доблестного человека, для Макиавелли на первом плане его разумные достоинства, тем более, что их флорентийский секретарь хотел бы и мог, не опасаясь особой нескромности, приписывать себе.

Макиавелли не отождествлял однозначно познание истины с движением к благу. Он неоднократно говорит, что полное постижение добра и зла в бесконечно меняющемся мире вещей невозможно. Эта волновавшая Макиавелли проблема привела его к идее «встречи с судьбой», на основе которой интересную концепцию макиавеллиевского мудреца выдвинул Дж. Феррони. Из этой концепции следует равная значимость благоприятных и неблагоприятных ситуаций для разумного человека, находящего свое место и в тех и в других¹. Но здесь нужно сделать оговорки, отклоняющие возможные обвинения Макиавелли в оппортунизме или нравственном равнодушии.

Познание добра и зла, по Макиавелли, конечно, не освобождает человека от второго полностью уже потому, что они бывают так тесно связаны, что «невозможно пользоваться одним, не прикасаясь к другому»², но ум, не являясь в полном смысле слова, как и религия, источником и целью нравственности, представляет собой мощное средство в борьбе с судьбой; это положение объясняет, почему Макиавелли смог сохранить определенную систему нрав-

¹ *Ferroni G.* «Mutazione» e «riscontro»...

² Рассуждения. III, 37 // *Op. cit.* P. 286.

ственных критериев поведения человека, отразившуюся в иерархии видов человеческой деятельности, как она предстает в главе X книги I «Рассуждений»: «Среди всех людей, достойных похвалы, достойнейшими являются родоначальники и устроители религий, затем основатели республик и монархий, а после них знамениты те, кто во главе войска расширил владения своей родины или собственные. К ним добавляются образованные люди, чья известность зависит от их положения, потому что они бывают многих родов. Всем прочим людям, которым несть числа, снискивают в разной мере хвалу их ремесло и искусство.

Напротив того, подлежат позору и осуждению люди, разрушающие религии, разлагающие царства и республики, враждебные доблести, учености и прочим искусствам, приносящим пользу и честь человеческому роду, каковы нечестивцы и насильники, невежды, бездельники, подлецы и ничтожества»¹.

На первом месте у Макиавелли деятельные герои, а не гуманисты – «образованные люди», и это весьма характерно, этим предопределяется появление гамлетовской проблемы политической ответственности во всей ее неразрешимости с точки зрения отвлеченной морали. Альтернатива здесь такая – достойная гибель или полная опасностей борьба, а главная из этих опасностей – потеря нравственного критерия и в конечном счете – чести. Первый мотив звучит в речи Бенедетто Альберти, который в своем одиноком положении хорошего человека «среди многих дурных» советует «вести себя так, чтобы, если с Вами случится беда (а случатся многие беды), каждый мог сказать, что его вины в этом нет»².

Этому совету противопоставляется другой выбор: Отец Александра Великого перегонял жителей, как баранов, – «этот образ действий чрезвычайно жесток и противен не

¹ Там же. I, 10. P. 186.

² История Флоренции. III. P. 49.

только христианским, но вообще человеческим основам жизни; всякий должен его избегать и предпочитать лучше остаться частным лицом, чем государем, приносящим людям такую погибель. Тем не менее, кто не хочет избрать эту первую дорогу добра, обязательно должен вступить на путь зла, если хочет удержаться. Но люди выбирают средние тропинки, которые чрезвычайно вредны, не будучи целиком плохими или хорошими». Аналогичная мысль, затрагивающая соотношение целей и средств: «Так как возродить республику (*una città*) к политической жизни может только хороший человек, а стать ее государем путем насилия может только дурной человек, то в высшей степени редко случается, чтобы хороший человек захотел прийти к власти дурным путем, хотя бы и ради благой цели»¹.

Выбор Макиавелли склоняется к принятию ответственности, к «чрезвычайным мерам», в чем и проявляется часто величие души, подкрепляемое «необыкновенной доблестью». Вывод, который здесь напрашивается, такой: Макиавелли не рассматривает нравственный облик деятеля в отрыве от общества, от общественных потребностей, которые формируют этот облик, и одновременно не строит никаких иллюзий относительно современных ему государей.

При подобном подходе к политическим делам любые качества отдельной личности, невзирая на их отталкивающий или привлекательный вид, могут превращаться в противоположность, преломляясь через социальное и государственное осмысление поступка. Отсюда нравственная нейтральность или двойственность тех качеств, которыми в основном пользуется Макиавелли в своих оценках: доблесть, величие, честь – все они характеризуют политическую деятельность. Блестящим примером может послужить глава XXVII книги I «Рассуждений» («Людам очень редко удается быть вполне добрыми или вполне дурны-

¹ Рассуждения. I, 18 // *Op. cit.* P. 197.

ми»). Макиавелли считает, что в описываемой им ситуации неслыханное для христианского мира преступление, покушение на папу, увеличив масштаб злодеяния тирана Бальони, затмило бы его прежнюю низость в общественном мнении и привело бы к величию. Но «Джованпаоло, которого не смущала репутация кровосмесителя и отцеубийцы, не сумел, или лучше сказать, не отважился, имея законный повод, на предприятие, которое заставило бы всех восхищаться силой его духа и оставило бы после себя вечную память, потому что он первый показал бы прелатам, сколь малого уважения заслуживают те, кто живет и правит, как они, и величие его деяния превзошло бы всякий позор, всякую опасность, из него вытекавшие»¹. Но одно дело восхищаться, объяснять, оправдывать подобные поступки со стороны, и другое – сделать, объяснить и оправдать свой собственный выбор, осознавая его неприглядность пусть с точки зрения отвлеченных, но все же действующих принципов морали. В силу абсолютной формальной ценности всех моральных норм никакая логика оправдания поступков, из тех, что встречаются у Макиавелли, не является вполне правомерной, ни оправдание «от блага», ни «от зла» – он сам это вполне осознавал. К первому относятся ссылки на успех, на государственные и патриотические соображения; ко второму – на развращенность общества, требующую «подлой государственной формы», на зло вообще, на необходимость, которая ближе к оправданию «от зла», хотя и нейтральна, ибо она отменяет выбор и, следовательно, ответственность за вызванные ею поступки, а в социально-философской теории Макиавелли необходимость играет положительную роль. Только относительность этических антиномий, их взаимопереход, выразившийся в причудливом понятии «милосердной жестокости» объясняют, оправдывают, раскрывают смысл парадоксов Макиавелли, складывающихся в картину всеобщего круго-

¹ Там же. 27. Р. 198.

ворота добра и зла, расцвета доблести в смутные времена, появления героев в разобщенных мелких государствах и даже проблесков величия души в злодействе.

Для обобщения этических идей Макиавелли обратимся еще раз к вопросу об истине. Понятие истины как закона, истины в отвлеченном виде не предполагает временного измерения – истина одна для прошлого, настоящего и будущего, всегда безоговорочно обязательна. Для нравственной истины временное измерение имеет значение – она утверждает долженствование в настоящем и будущем. Требования нравственности тоже безапелляционны, поскольку они претендуют на истинность, но они не осуществляются неотвратно ни в настоящем, ни в будущем и потому вступают в противоречие с подлинной истиной, с тем что есть и будет на самом деле.

Если нравственное сознание продолжает настаивать на своей истине, тогда правда превращается в обман. Так можно сформулировать подспудный логический тезис, который лежит в основе рассуждений Макиавелли.

В политических трудах этот тезис служит средством для исследования раскрывшейся перед Макиавелли пропасти между видимостью и действительностью в политике, а это расхождение обусловлено тем (заметим мы, раскрыв скобки, которые Макиавелли не смог полностью раскрыть в свое время), что государство, право и мораль имеют общечеловеческий вид, но классовый характер, то есть служат определенным людям.

Если этот вывод применительно к Макиавелли кажется натянутым, то вспомним отрывок из описания восстания чомпи, в какой-то мере объясняющий, почему Маркс назвал «Историю Флоренции» шедевром. Это речь предводителя восставших, о которой уже говорилось выше. «Если бы нам приходилось теперь решать, нужно ли взяться за оружие, чтобы жечь и опустошать дома граждан, грабить церкви, я был бы одним из тех, кто советовал не торопить-

*Статуя предводителя
чоппи Микеле ди Ландо,
Лоджия Меркато Нуово,
Флоренция*

бежать кары за содеянное в последние дни, во-вторых, добиться большей свободы и благоденствия в будущем. Для этого мы, по-моему, должны стремиться к прощению за старые ошибки, совершая новые /диалектика/, удваивая зло и умножая пожары и грабежи, а также вовлекая в это все

ся с этим и, возможно, предпочесть мирную нищету опасному завоеванию. /Предпочтение законопослушной линии поведения, даже ценой нищеты./ Но поскольку оружие обнажено и совершено много зла, мне кажется, следует подумать, стоит ли разоружаться и как избежать опасности наказания за содеянное зло. /Времена изменились, надо повернуться лицом к судьбе./ Я уверен, что за неимением другого, *необходимость научит нас*, как поступить. Вы видите, что весь город полон возмущения и ненависти к нам, горожане объединяются. Синьория не расстается с магистратами, поверьте, что нас хотят заманить в ловушку и готовят на наши головы новые напасти. Поэтому мы должны желать двух вещей и иметь две цели: во-первых, из-

новых товарищей, потому что, где ошибаются многие, не наказывают никого. /То же в «Рассуждениях»: «когда ошибается масса и трудно найти виновника, нельзя наказывать всех, их слишком много». Характерная для Макиавелли тема, связанная с сопоставлением действий государя и народа – у первого большая *видимость* свободы действий и выбора, следовательно, ему приписывают большую вину и ответственность./ За мелкие проступки карают, за крупные и серьезные награждают и когда страдают все, мало кто пытается отомстить, потому что общую обиду переносить легче, чем частную. /Диалектика общественной психологии./ Итак, приумножая зло мы скорее получим прощение и откроем себе путь к желанной свободе. И мне кажется, что мы выиграем, потому что те, кто может нам помешать, разобщены и богаты – их разобщение принесет нам победу, их богатства став нашими, помогут нам укрепиться. /Анализ преимуществ активности. Далее следуют классические доводы в защиту равенства./

Пусть не смущает вас древность их происхождения, которой они кичатся перед вами, все люди имеют единое происхождение, и потому одинаково древнее, природа создала их равными. Разденьтесь – вы точно такие же; поменяйтесь с ними одеждой – без сомнения, вы окажетесь аристократами, а они нет, потому что нас разделяют только бедность и богатство. /Симптоматичное наблюдение./ Мне больно слышать, что многих среди вас мучит совесть из-за содеянного, так что вы не хотите больше ни в чем участвовать. Если это так, я, разумеется, ошибся в вас, принимая за людей, которым не страшны позор и упреки совести, потому что победа не вызовет стыда, какой бы ценой она ни была одержана. О совести мы не можем вспоминать, ведь кому, как нам, угрожают голод и заточение, тот не может и не должен бояться ада. /Здесь Макиавелли переходит к аргументации от окружающего зла./

Если вы рассмотрите людские дела, то увидите, что те, кто достиг великих богатств и власти, добились их силой или обманом, и захваченное с помощью лжи и насилия

они приукрашивают фальшивым именем «заработанного», чтобы скрыть мерзость своего приобретения. И те, кто по наивности или по глупости избегает такого рода действий, остаются навечно в рабстве и нищете, ибо верный раб – все равно раб, а добрые люди всегда бедны; из рабства помогает выйти только измена или отвага, а из бедности – погоня за наживой и обман.

Ведь Бог и природа предоставили людям в собственные руки их судьбу, но благополучие более доступно для хищничества, чем для честного труда, для злых дел скорее, чем для добрых, поэтому люди питаются чужими соками и худо тому, кто на это не способен.

Итак, нужно действовать силой, когда предоставляется случай... это смелая и опасная игра, но когда принуждает необходимость, смелость считается благоразумием, и в великих делах отважные люди не обращают внимания на опасность, такие предприятия начинаются с опасности, а кончаются наградой, от опасности нельзя освободиться безопасным путем, так что я полагаю перед угрозой тюрьмы пыток и казней опаснее бездействие, а не попытки обеспечить безопасность – в первом случае зло очевидно, во втором сомнительно...»¹.

Остается еще раз подивиться умению Макиавелли вложить в несколько строк почти все свои основные идеи. В данном случае они служат для характеристики то ли смелого преступника, то ли революционера – трудно сказать, проводит ли Макиавелли здесь грань между ними, и на чьей стороне его симпатии и антипатии. Видимо, ни на чьей, так как бунтовщики ничем не отличаются от своих противников. Это ренессансное суждение, как бы со стороны, включающее в себя возможность разных толкований.

Наметим теперь, хотя бы схематично, отношение взглядов Макиавелли к предшествовавшей этической традиции, в особенности традиции итальянского гуманизма. Пристальное внимание Макиавелли к идеалам античной по-

¹ История Флоренции. III. Р. 43.

лисной гражданственности бесспорно, но бесспорен и его скептицизм по отношению к государству – «граду земному», иногда даже в деталях совпадающий с позицией столпа христианского учения Августина. В результате, как это было со многими гуманистами, возникает независимость от того и другого. Общей для всех трех (античность, христианство, гуманизм) идейных систем и сохраняющейся у Макиавелли чертой является преобладание этического подхода, безусловно, плодотворного и необходимого, но недостаточного для правильного понимания событий. Макиавелли пытается преодолеть эту ограниченность, но преимущественно в рамках самой этики, в которых это сделать невозможно. Отсюда проявляющиеся у него иногда пессимизм и сетования на упадок нравов в современной ему Италии.

Этические взгляды Макиавелли близки к гуманистическим, так как опираются на идею достоинства человека, которая, возможно, распространила на все человечество средневековое представление о ценности каждого индивида в своей роли. Новое заключается у Макиавелли в попытках вывести на всеобщее обозрение социальное зло, показать, что не мораль создает общество, а общество мораль. Соответственно не от формы государства и не от правителя зависит «правильное развитие» общества, а от его собственного состояния; эта мысль выразилась у Макиавелли в морализованной форме – в учении о «развращенном» и «неразвращенном» народе, но сочеталась с зачатками представлений о классовой борьбе.

Наконец, по мысли Макиавелли, отличающей новый идейный этап от традиции христианства и в известной мере от гуманизма, хотя пришедшей от последнего – в познании добра и зла заключены возможности преобразования зла в добро, знание зла человек способен использовать не во зло. Связанное с этим у Макиавелли «отрицание» морали означает на деле шаг к высшему, более сознательному пониманию нравственности.

РЕЛИГИЯ В ЭТИКЕ МАКИАВЕЛЛИ

Нельзя править государствами по совети; если вдуматься в их происхождение, окажется, что все они порождены насилем – свободны от насилия только республики, да и то лишь в пределах родного города и не далее. Я не делаю из этого правила исключения для императора, а еще менее для духовенства, которое творит двойное насилие, так как принуждает и светским, и духовным оружием.

Ф. Гвиччардини

Постановка религиозных проблем в творчестве Макиавелли непосредственно связана с его этическими идеями, исходя из которых и можно объяснить противоречивое отношение флорентийского политика к религии. Общеизвестны критическая направленность и смелость высказываний Макиавелли в этой области, и в то же время очевидно, что как политический мыслитель и ученый он не мог не считаться с тем влиянием, которое религия имела в обществе. Нельзя сказать, что Макиавелли просто видел положительные и дурные стороны религии или что он признавал ее значение в теории, но отвергал современное ему воплощение этого института в лице католической церкви, хотя это второе положение кажется не лишенным основания. Отношение Макиавелли к религии было двойственным по внутренней структуре, на всех уровнях, включая те случаи, когда требовалось дать определенную оценку отдельных явлений или лиц – в конкретных оценках Макиавелли довольно последователен, но за ними кроется та же глубинная противоречивость. Главную причину этой внутренней двойственности мнений Макиавелли, связанных с религией, можно видеть в начавшемся тогда процессе самоизживания религии как основной идеологической силы в обществе – итальянский гуманизм был исторически

первым крупным духовным движением, которое отклонилось в своих идейных исканиях от религиозного руслу. Макиавелли, чрезвычайно чуткий к социальной действительности, не мог не отразить противоречий упомянутого процесса в своих теоретических и конкретных суждениях. Противоречивость взглядов Макиавелли породила разногласия в историографии, в которой флорентийский мыслитель объявлялся то антихристианином, то поборником истинного христианства в его первоначальном виде, хотя дело не только и не столько в христианстве и не в противоречии макиавеллиевских идеалов и действительности.

Место религии в учении Макиавелли определяется ее ролью в разрешении конфликта, стоящего в центре этого учения – конфликта истины и морали, разума и нравственности. Причины разногласий этих в общем-то родственных сторон сознания Макиавелли, как говорилось выше, находит в изменчивости природы вещей и в ее противоречивости: абсолютные моральные истины не соответствуют действительности и недостаточно отражают ее. Понимание практической непригодности нормализованных моральных суждений для изучения жизни государства отлучает позицию Макиавелли от позиции верующего христианина.

В христианстве Бог является воплощением истины в ее нравственной ипостаси, с точки зрения психологии он предстает как объективированный субъект. Субъективная сторона этой божественной истины определяется ее нравственным содержанием, сверхъестественная личность наделяется идеальными моральными чертами. Объективная сторона – в обобщении и абсолютизации коллективного опыта в сверхприродном существе.

Внимание Макиавелли сосредоточено на посягательстве на истину, которая в его глазах является единственно объективной. Эта истина лишается назидательных моральных черт, вместе с тем нравственность освобождается от облика абсолютной истины, теряет потустороннюю опору и источник долженствования. Если признать справедливым,

что таков был ход мысли Макиавелли, то ничто не мешает предположить, что ему для познания «истины и истинного пути» не нужны ни Бог, ни вера в Бога. Правда, процитированные нами уже вторично слова как раз и относятся к «нашей религии», которая и указывает якобы истинный путь, но проводимая в этой главе мысль совершенно обратная, возлагающая на христианство ответственность за упадок гражданского духа в мире. Поэтому заверения Макиавелли в истинности христианского учения выглядят по меньшей мере двусмысленно, а оговорки – неубедительно. Ему самому для решения всех вопросов достаточно пользоваться доводами разума. Но обладают ли разумные доводы силой убеждать массы? Можно ли с их помощью воспитать человека, укрепить гражданское общество? Другими словами, в чем существо и каковы пределы компромиссов, заставивших Макиавелли связать выполнение этих функций с религией? Не составляет труда убедиться, что для Макиавелли религия, вернее, религиозный культ служит опорой общественной нравственности. «Государия и республики, которые стремятся избежать разложения, должны прежде всего позаботиться о поддержании на должном уровне обрядов их религии и избегать их нарушения, потому что пренебрежение богопочитанием, как ничто другое указывает на губительное состояние государства... там, где существует религиозное благочестие, можно всегда ожидать хорошего, но там, где оно отсутствует, следует ожидать обратного»¹. Недаром основателей религий в своей цитированной классификации выдающихся людей Макиавелли ставит на первое место.

Выделение нравственного и социального аспекта религии означает, что Макиавелли ценит в ней способность представлять общий интерес, объединять людей, что косвенно подтверждают замечания в «Истории Флоренции» о борьбе христианства и язычества: «столкновение старой привычной веры с чудесами новой породило между людь-

¹ Рассуждения. I, 12 // *Op. cit.* P. 189.

ми глубочайшие раздоры и волнения. Если бы, однако, христианство было единым, не возникло бы стольких беспорядков; но греческая, римская и равеннская церковь, сражавшиеся между собой, и, кроме того, множество еретических сект, боровшихся с православными, сеяли горе по всему свету... И у людей, живущих среди постоянных гонений, во взорах отражался страх душевный, ведь не говоря обо всем, что им приходилось бесконечно переносить, многие не могли искать помощи у бога, на которую обычно уповают несчастные, ибо в большинстве своем они сомневались, к какому богу следует обращаться, и плачевно оканчивали свои дни, беспомощные и отчаявшиеся»¹.

Во второй части приведенного отрывка Макиавелли затрагивает моменты, проливающие свет на причины всеисилия религии. Ее сила не в том, что религия объясняет устройство мира, но в том, что она учит, как жить и дает нравственную опору. Вместе с тем, как явствует уже из той же цитаты, средства, которые она использует, особенно средства христианской религии, свидетельствуют скорее о слабости – исходя из общей системы оценок Макиавелли. Отказ от размышления, обращение к вере, к эмоциям, в частности, к «страху божью» в этой системе пригодны только для слабых душ.

Другое объяснение важности религии в политическом учении Макиавелли кроется в том, что он не находит в обществе действительной и постигаемой умом базы для упорочения моральных истин, напротив, ход общественной жизни не подчиняется законам разума. Неизбежную борьбу страстей можно обуздывать только силой, и религия оказывается такой силой, опорой жестко упорядоченной морали, оплотом страха божьего. «Как соблюдение богопочитания составляет причину величия республик, так и пренебрежение им является причиной их падения. Ибо, чтобы государство, в котором отсутствует страх божий, не погибло, его должна поддерживать боязнь наказания со стороны

¹ История Флоренции. I. P. 3.

государя, который устранил бы недостаток религии»¹. Жизнь государя недолговечна, поэтому необходимо заложить основы общественного порядка, используя наряду с прочим и религию, заключает Макиавелли.

Не стоит упрощать позицию Макиавелли, понимая ее как компромисс такого рода: религия нужна как обман масс, чтобы держать их в повиновении, не допустить революционных взрывов, хотя истинно просвещенный деятель может втайне избавиться от этой узды. Во-первых, Макиавелли не боялся революционных потрясений общества, а наоборот, признавал их в ряде случаев полезными. Во-вторых, в социальной теории Макиавелли религия как реальность общественной жизни, как важнейший элемент нравственного воспитания и консолидации общества занимает во всех отношениях важнейшее место. Бесспорно, что у Макиавелли, как практически у всех гуманистов, немало иронических отзывов о церковниках, но флорентийский мыслитель не ограничивается ими.

Вопрос не исчерпывается противопоставлением веры и разума или невежества и просвещения – очевидно, есть более глубокие корни религии в обществе. «Хотя новые порядки и учения легче ввести у диких народов, это не значит, что невозможно воздействовать с их помощью на цивилизованных людей, которые считают себя просвещенными. Граждане Флоренции думают, что их нельзя отнести к числу невежественных или диких, тем не менее брат Джироламо Савонарола убедил их, что он беседовал с богом. Я не стану обсуждать, правда то была или нет, потому что о таких людях должно говорить с уважением², скажу одно, что поверивших в это было бесконечное множество и для подкрепления веры ничего необыкновенного не потребовалось. Образ его жизни, учение и предмет, избранный им, обладали достаточной силой убеждения, чтобы

¹ Рассуждения. I, 11 // Оп. В. Р. 177 и сл.

² В примечании к этому месту издания Берарди сказано, что Макиавелли отзываясь здесь о доминиканце наиболее почтительно. На мой взгляд, в словах о Савонароле сквозит скорее издевка.

они уверовали»¹. В этом отрывке, при обычной двойственности макиавеллиевского отношения к религии, хорошо видна положительная ее оценка, в том числе, когда она обеспечивает здоровое государственное устройство, от которого, в свою очередь, зависят удача и успех. Двойственность же вытекает из насмешливого тона по отношению к «просвещенным» флорентийцам и к Савонароле, якобы разговаривавшему с богом. Как наследник гуманистических идей Макиавелли не мог не видеть, что религия покоится на невежестве масс, что ее учение не выдерживает спора с разумом. Значит ли это, что, включая ее в свою политическую доктрину, он поступал, как «циничный атеист» (в изображении некоторых верующих историков)? Обвинение Макиавелли в атеизме, возможно, не лишено оснований, но решающих доводов за или против не существует (к этому вопросу мы еще вернемся в следующей главе). Что до цинизма, то такая оценка упрощает позицию Макиавелли. Трудно установить, насколько далеко он заходил в критике религиозных представлений. Судя по сочинениям, бог у Макиавелли совершенно отделен от реального мира, в котором его заменяют природа, необходимость, Фортуна. Слово «бог» в устах Макиавелли имеет, скорее, стилистическое значение, либо служит прикрытием для иронии, когда речь идет о делах современной ему церкви, впрочем, прикрытием прозрачным, как например, в рассуждении о церковных государях: «Они владеют государствами, но их не обороняют, владеют подданными, но ими не управляют /тут Макиавелли переходит на подобающий тон, которым он повествует как бы о чуде, почти пародировав благочестивое умиление/, и государства за отсутствием обороны у них не отнимаются; и подданные за отсутствием правления ни о чем не беспокоятся – они не мыслят и не могут быть отчуждены от них. Таким образом, только этот вид государственного управления дает счастье и покой, но, поскольку ими руководит высшая причина, недоступная

¹ Рассуждения. I, 11. P. 178.

человеческому уму, я не стану говорить об этом, ибо лишь самонадеянный и безрассудный человек отважился бы разглагольствовать на эту тему, ведь их возвышает и охраняет бог»¹.

Тем не менее сразу после этого Макиавелли, по обыкновению, принимается рассуждать именно о причинах возвышения папской власти.

Кое-где Макиавелли даже полемизирует с религиозной точкой зрения на божественное вмешательство: из-за распространения в Италии наемничества «французский король Карл получил возможность захватить Италию с помощью одного мела, и прав был тот, кто указывал в качестве причины наши грехи, только это были не те грехи, что он думал, а те, о которых я рассказал»². (Квартирмейстерский мел – синоним бескровного завоевания. Здесь снова достается Савонароле.) В главе XXIV «Государя» проводится аналогичная мысль, но на место бога, которому Савонарола приписывал инициативу наказания за грехи, ставится Фортуна – в несчастье следует обвинять не судьбу, а собственное ничтожество, то есть два понятия – бога и судьбы – стилистически совпадают. Любопытно, что когда бог упоминается одновременно с фортуной, он представляет, скорее, доброе начало, а судьба – злое. В нижеследующем отрывке эти два понятия почти синонимичны. «Хотя до сих пор кое у кого можно было наблюдать проблески /доблести/, указывавшей на то, что обладатель избран богом для ее /Италии/ спасения, потом выходило, однако, что судьба отвергала его в самый разгар его деятельности»³.

Когда Макиавелли обращается к историко-философским рассуждениям, он обычно и не вспоминает о боге, даже если предмет рассуждения – сама религия. Такова первая глава III книги «Рассуждений» «О необходимости часто возвращать к началу республики и религии (sette),

¹ Государь. XI. P. 51.

² Там же. XII. P. 56.

³ Там же, XXVI. P. 115–116.

чтобы они жили долго». «В высшей степени справедливо, что существование всех вещей на свете ограничено известным пределом¹, но весь путь, предначертанный для них небом в целом, из них проходят лишь те вещи, которые сохраняют свой внутренний порядок, и те, что не претерпевают перемен, а если претерпевают, то переменны идут на пользу, а не в ущерб для них». Далее говорится о том, что «смешанные тела» государств и «сект» нужно возвращать к началу, в котором «непрерывно заключается нечто хорошее».

Отголоски представлений о неупоминающемся здесь боге можно видеть в идеях обобщенных предначертаний вещей и изначального блага, в них заложенного, но эти отголоски столь расплывчаты, что их можно отнести и на счет природы.

Косвенным образом о религиозности Макиавелли можно судить по тем высказываниям, где речь идет о церкви как организации, и о ее деятелях. Критичность этих высказываний выходит за рамки отдельных оценок, потому что Макиавелли, при его любви к обобщениям, в теории всегда следует за своими конкретными наблюдениями.

Наиболее характерно в этом отношении его мнение о папстве. Как это часто бывает у Макиавелли, он выдвигает вопреки суждению «многих» два соображения, согласно которым благополучие Италии не только не связано с римской церковью, но напротив, церковь довела страну до такого разлада и бессилия, что она становится жертвой лютого завоевателя. «Первое, за что мы должны благодарить церковь и попов, это за то, что итальянцы потеряли всякое уважение к религии и стали дурными, но они в ответе еще

¹ В примечании издания Берарди (1973) здесь, как и в главе V книги II, усматривается полемика с философами, «которые желали бы видеть мир вечным». Это неверно, поскольку, во-первых, ограниченность бытия отдельных вещей не доказывает ограниченности существования мира, а во-вторых, и в указанной главе, как мы видели, Макиавелли фактически подтверждает доводы этих философов.

за нечто большее, в чем вторая причина нашей гибели – дело в том, что церковь держала и продолжает держать страну разобщенной... /Она/ находясь в Италии и имея здесь светские владения, не обладала такой мощью и доблестью, чтобы установить свою тиранию в Италии и стать во главе ее, но и не была столь слаба, чтобы из страха потерять светские владения не призывать для себя защитников против тех, кто слишком возвысился в Италии...»¹. Макиавелли называет две причины, но тесно взаимосвязанные – обе состоят в нарушении нравственных функций религии, которая должна объединять людей и страну в целом. Для доказательства он предлагает своего рода эксперимент: отправить римскую курию в Швейцарию, народ которой «сегодня единственный в отношении религии и военных установлений живет в соответствии с античными образцами: тогда бы все увидели, что безнравственные обычаи этого двора в кратчайшее время наделали бы там больше беспорядков, чем любые другие несчастья, когда бы они ни произошли»². Отношение к папству в «Истории Флоренции» совершенно такое же, хотя в прошлом Макиавелли признает за ним некоторую моральную силу, например, говоря о всеобщем одушевлении, вызванном проповедью крестовых походов: «Столь велики тогда были возможности религии воздействовать на души людей, взволнованные примером ее предводителей»³. Но и в те времена папство способствовало разъединению страны. «Таким образом папы, то исходя из интересов религии, то по собственному честолюбию не переставали вызывать в Италии перемены и разжигать новые войны. А так как они, возвысив одного государя, начинали в этом раскаиваться и искать его гибели, никто не мог занять в этой стране власть, на которую сами папы по своей слабости не могли претендовать»⁴. Не-

¹ Рассуждения. 1, 12. Р. 182.

² Там же.

³ История Флоренции. I. Р. 8.

⁴ Там же. Р. 10.

достатки Римской церкви Макиавелли видит прежде всего в том, что она обращает социальные функции религии в их противоположность. Он подмечает и другие недостатки папского государства, которые мешают ему укрепиться, – это отсутствие наследственной передачи власти, что в те времена было залогом жизнеспособности монархии. Итак, если мы вспомним иронию Макиавелли в главе о церковных государствах, то напрашивается вывод о сомнительной политической целесообразности существования такого государства вообще. Но не будет ли такой вывод противоречить мыслям Макиавелли о нравственной роли религии в политической жизни? Для ответа на этот вопрос нужно подробнее остановиться на конкретном сравнении существовавших религий, которое делает Макиавелли – здесь он наиболее детально разбирает политическое значение религии. Предварительно сразу же заметим, что из симпатий Макиавелли к древнеримскому язычеству не следует, что он намеревался возродить умершую религию.

«...всякая религия, – говорит Макиавелли, – располагает своим жизненным основанием в виде некоторого главного установления. Жизненность религии язычников коренилась в речениях оракулов и в существовании корпорации прорицателей и жрецов-гаруспиков: все остальные церемонии, жертвоприношения и обряды зависели от этого, потому что им (язычникам) легко было поверить в то, что бог, который может предсказать тебе, что с тобой случится в будущем хорошего или дурного, может и распоряжаться этим»¹. Нравственность народа поддерживалась такими предсказаниями богов, но «так как они стали потом вещать на пользу власть имущих, народы обнаружили их ложность, люди стали недоверчивы и склонны к нарушению всех добрых порядков. Итак, государи в республиках и монархиях должны поддерживать основы их религии, тогда республика сохранит религиозность, а следовательно, добрые нравы и единство. Они должны также лелеять и приумножать все

¹ Рассуждения. I, 12. P. 179.

то, что благоприятствует религии, даже если речь идет о вещах, которые им самим представляются ложными. И чем более они разумны, чем более проникнуты знанием природы вещей, тем больше должны соблюдать это правило. Мудрые люди так и поступали, отсюда родилось представление о чудесах, которые являются даже в *ложных* религиях – умные люди поддерживают молву о них, невзирая на источники, и их авторитет придает им повсюду убедительность»¹. Суть религии, как мы видим, заключается в руководстве общим мнением. Макиавелли не отвергает использование в ней обмана, он осуждает лишь его неверное использование в частных интересах, которое подрывает доверие к религии вообще. Одобрив веру в чудеса, Макиавелли переходит к христианству со следующими словами: «Если бы государи христианской республики сохранили это благочестивое отношение к религии в соответствии с установлениями ее основателя, христианские державы и республики были бы куда более едины и счастливы, чем сейчас. Об их упадке легче всего судить по тому, сколь мало благочестия у народов, наиболее близких к Римской церкви, возглавляющей нашу религию. Если рассмотреть, как изменились ее обычаи и основы, нетрудно сделать вывод, что близится ее гибель или наказание»². Примечательно, что, говоря здесь о сущности религий и о способах их воздействия на людей, Макиавелли нисколько не отделяет христианство от язычества и, видимо, по его мнению, сила христианства тоже покоится на вере в распоряжающегося судьбами бога и на искусном использовании этой веры. В приведенном отрывке Макиавелли скорбит об измене первоначальному христианству, но достаточно ли было бы «вернуть его к началу»? Об этом идет речь в связи с деятельностью нищенствующих орденов: «... с помощью обета бедности и ссылок на примеры из жизни Христа они возродили в людях угасшее религиозное благочестие, и их но-

¹ Там же. Р. 179–180.

² Там же. Р. 180–181.

вые порядки обладали такой силой, что сумели помешать крушению религии, несмотря на нечестие ее глав и прелатов. До сих пор живущие бедно монахи пользуются таким доверием у исповедующихся и слушающих их проповеди людей, что с успехом разъясняют им, как дурно говорить дурно о дурном, и что следует подчиняться прелатам, а если те ошибаются, то пусть их наказывает бог, так что попы предаются наихудшим из возможных занятий, ибо не боятся наказания, которое для них неведомо и сомнительно. Итак, упомянутое обновление позволило сохранить и донныне поддерживает эту религию»¹. Как видим, Макиавелли не высказывает никакой радости по поводу обновления христианской религии, а за его насмешливым тоном кроется, скорее, недовольство по этому поводу. Следовательно, в христианстве есть нечто неприемлемое для Макиавелли вообще?

Наиболее подробно автор «Рассуждений» занимается сравнительным анализом религий во главе II книги II. «Размышляя над тем, отчего в древние времена жили более свободолюбивые народы, чем теперь, я полагаю, что причина в том же, отчего люди стали слабее: она заключается в различии нашего и античного воспитания, вытекающего из разницы между нашей и античной религией. Наша религия, указавшая нам истину и истинный путь, учит нас пренебрегать светской честью, язычники же, весьма ценившие мирские почести и видевшие в них высшее благо, в своих поступках были более жестоки. Это видно по многим их установлениям, начиная с жертвоприношений, грандиозных у них, а у нас скромных, поражающих скорее изяществом, чем великолепием, за отсутствием каких-либо жестоких или возбуждающих храбрость обрядов. Там было в избытке великолепных и грандиозных ритуалов, дополнявшихся кровавым и жестоким жертвоприношением множества животных, и это ужасное зрелище воспитывало в людях соответственные качества. Кроме того, религия древ-

¹ Там же. III, I. P. 287.

них почитала блаженными людей, преисполненных мирской славы, полководцев и государей, наша же религия прославила людей смиренной и созерцательной, а не активной жизни. Высшее благо она видит в смирении, униженности, в презрении к людским заботам, древние же полагали, что оно – в величии духа, в крепости тела и во всем, что придает человеку силу. А когда наша религия требует от тебя крепости, это значит, что ты должен проявить ее в терпении, а не в великом деле. Мне кажется, что этот образ действия ослабил мир и отдал его негодьям на растерзание. Когда большинство людей, чтобы попасть в рай, предпочитает переносить побои, а не мстить, для негодяев открывается обширное и безопасное поприще¹. Здесь Макиавелли по существу разворачивает и дополняет сравнение «жизненных оснований» и «главных установлений» двух религий, начатое в главе XII книги I. Но если там он остановился только на их общей черте – политической полезности с точки зрения поддержания добрых нравов, то здесь речь идет как раз о различиях христианской и античной этики. Нельзя сказать, что эти рассуждения были исчерпывающими, ведь Макиавелли только подводит этическую базу под свой ответ на политический вопрос, почему в древности было больше республик, то есть государств с более свободным внутренним устройством². Христианство, как явствует из продолжения цитированной главы, более пригодно к тому, чтобы быть религией рабов, и это вызывает осуждение Макиавелли, хотя он чувствует гибкость христианского учения: «Если кажется, что мир обессилел и небеса разоружились, это несомненно произошло из-за низменных качеств людей, истолковывающих нашу религию в праздном духе, не в пользу доблести. Ведь если бы они подумали, насколько она располагает к любви и за-

¹ Там же. II, 2. P. 255–256. Выше мы частично цитировали этот отрывок в переводе Н. Курочкина (1869 г.).

² В главе 55 книги I Макиавелли указывает и социально-экономическую причину этой свободы – отсутствие дворянства.

щи те родины, то увидели бы, что наша религия призывает любить ее, почитать и быть готовыми к ее защите»¹.

Макиавелли не лицемерит, говоря о возможности другого истолкования христианства, он ссылается на примеры Германии и Франции и навряд ли представляет себе возможным и желательным возврат к язычеству. Макиавелли на самом деле не был утопистом, он готов использовать и религию рабов при условии, что попы будут поставлены на место – сами по себе религиозные идеи, будучи орудием в руках людей, не решают дела.

Не меньше, чем общие оценки, религиозные взгляды Макиавелли характеризует сарказм, проявляемый им при характеристике религиозных деятелей. Известнейший пример – письмо о проповедях Савонаролы, отношение к которому выражается только в тоне и стиле письма. В первой проповеди в Сан Марко Савонарола «выстроил две шеренги: в первую входят воинствующие под водительством бога, вторая сражается под водительством дьявола – сюда относятся его враги»². В изложении Макиавелли мысль монаха обнажена совсем немного, без отклонений, но вне текста всей речи выявляется грубая политическая подоплека, которая производит комический эффект. «...он сказал, что Бог сообщил ему о намерении одного человека во Флоренции стать тираном и что этот человек прибегал к разным уловкам и строил козни, чтобы добиться успеха, потому что стремление изгнать брата (Савонаролу), отлучить брата, преследовать брата означает не что иное, как стремление стать тираном; и что нужно соблюдать законы». Пристегнутое в конце придаточное предложение создает впечатление некоторой суетливости и боязни оратора. «И он столько наговорил, что днем публично было провозглашено предложение, избличающее одного человека, каковой так же близок к тирании, как вы к небесам. Но когда после Синьория направила папе послание в его (Саво-

¹ Рассуждения. II, 2. P. 256.

² Цитированное письмо от 4 марта 1498 г. (P. 31).

наролы) защиту, и он увидел, что его противников во Флоренции больше нечего бояться... то, не упоминая больше ни о тиране, ни о подлости своих врагов, он стал настраивать всех против папы и, изливая на него свою желчь, говорит теперь о нем то, что можно сказать о самом последнем негодяе. Так он, на мой взгляд, приспособливается к обстоятельствам и приукрашивает свое вранье»¹.

Отношение Макиавелли к Савонароле определяется тем, что последний был религиозным политиком, монахом; это отношение было определено негативно, несмотря на некоторые официальные реверансы. Верно, что кое-какие политические идеи и качества доминиканца были близки флорентийскому политику: враждебность к папству, республиканизм, способность распознавать «качество времени». И все же фра Джироламо нигде не снискал подлинно сочувственных слов² своего великого соотечественника, и вовсе не по личным мотивам, не потому что падение первого способствовало карьере второго. Монахи всегда отталкивали Макиавелли как лицемеры и лжецы, такими они предстают в его письмах, комедиях, политических сочинениях. Но опять-таки не сама по себе ложь отталкивает в Савонароле флорентийского политика – если бы он думал, что доминиканец сам верит в свою божественную силу, последний, вероятно, пал бы в глазах Макиавелли гораздо ниже. Эта ложь в данном случае относительная, даже необходимый, часто обязательный прием. Такие вещи подвергаются осуждению со стороны Макиавелли только с учетом прочих обстоятельств. Если отчасти он уважал Савонаролу, то исключительно за его политические таланты, например, за его стремление уничтожить своих противников. «Эту необходимость отлично сознавал брат Джироламо Савонарола... он не одержал победы, *потому*

¹ Там же. Р. 33.

² В главе 45 книги I «Рассуждений» сказано, что Савонарола продемонстрировал в своих сочинениях ученость, благоразумие и доблесть духа, но все же и здесь он фигурирует как пример ошибочного поведения // *Op. cit.* Р. 209.

что не имел власти исполнить свое намерение, будучи монахом, а те из его последователей, кто обладал достаточной силой, не поняли вовремя, к чему он клонит»¹.

Зато Макиавелли презирал Савонаролу как монаха, занимающегося политикой, – как двойного обманщика. Напомним, что Макиавелли считал (вполне справедливо) христианское учение гораздо менее совместимым с современной ему политической практикой, чем религию древности. Это противоречие становилось вопиющим, если речь шла о деятеле, подобном Савонароле. Вынужденное положение «безоружного пророка» чрезвычайно уменьшает его шансы на успешную борьбу: «Все вооруженные пророки победили, все безоружные погибли, потому что, помимо всего прочего, народ обладает изменчивой природой, его легко в чем-либо убедить, но трудно удержать в этом убеждении. Поэтому нужно быть готовым заставить верить силой тех, кто потерял веру»². Новые порядки, введенные Савонаролой, продолжает Макиавелли, были обречены на гибель, так как у него не было сил поддержать доверие к ним. Итак, ложные послышки придают такого рода деятельности в целом вредный характер, даже если деятель преследует полезную для государства цель.

К этим темам Макиавелли возвращается в главе V незавершенной поэмы «Осел», где он, как и во многих других случаях, в немногих стихах затрагивает почти весь комплекс своих философских, исторических и политических идей, объединенный размышлениями о диалектике добра и зла в вечно меняющемся мире:

Так было, будет и всегда бывает –
Зло следует добру, потом обратно
Добро себе на смену призывает.
Признаться, я слышал неоднократно,
Как губит образ жизни непотребный
Царей и государства безвозвратно,

¹ Рассуждения. III, 30 // Op. cit. P. 280.

² Государь. VI. P. 27.

И как для них, наоборот, целебны,
Основы их величья воздвигая,
Посты, благотворительность, молебны.
Однако есть теория другая –
Что плотский грех держав еще не рушит
И не спасает набожность благая.
А вера в то, что можно бить баклуши,
Взывая к божьей милости смиренно,
Уже сгубила много царств на суше.
Нужны молитвы, это несомненно,
И тот безумец, кто народ лишает
Обрядов его веры сокровенной,
Ведь польза, верно, есть от них большая –
Без них рождаются смуты и раздоры,
Единство же судьбу держав решает;
Но если сыщется глупец, который
Под ветхой крышей ждет спасенья свыше,
Не думая искать другой опоры,
Он будет погребен под этой крышей¹.

В объяснении необходимости существования религии Макиавелли опирается на социальные предпосылки возникновения культа, здесь он продолжает гуманистическую традицию, которая провела достаточно заметную грань между утонченной религией интеллектуалов и верованиями простого народа. Гуманисты XV в. создали для себя религию разума, сохранив единственный культ – культ истины. Это противоречивое сочетание, поставившее их взгляды на грань отрицания веры, открывало, с одной стороны, пути для религиозной терпимости, для свободы мнений, для синкретизма религий. С другой стороны, противоречивость гуманистической доктрины вела к ее саморазрушению, к омертвлению течения: безразличие к вере мешало создать собственное религиозное учение, а глубокие корни религии в обществе мешали полностью отказаться

¹ Поэма «Осел» (ранее ее называли «О золотом осле»). Гл. V: стихи 103–127 // *Op. cit.* P. 529.

от веры в Бога. Макиавелли, для которого преимущественное значение имел как раз социальный вес религиозной идеологии, пытался разобраться в этом противоречии. Рассматривая религию как общественный механизм, служащий строительству нравственности, он констатировал неисправность этого механизма в современном ему обществе. Более того, у Макиавелли вырабатывается четкое представление об ограниченности политической роли религии как орудия в руках государственного деятеля, во всяком случае он на стороне тех граждан, которые предпочитают защиту родины спасению души¹. Сочетание религиозного авторитета с политической властью в одном лице вызывает его прямое осуждение. Такое сочетание порождает нравственный хаос и лишь усугубляет противоречие между видимостью и действительностью в политике.

Макиавелли в теории еще не видит возможности существования нравственно здорового общества без религии, существования морали, не опирающейся в масштабах всего государства на веру в божественный авторитет, хотя сам он находит истоки морали, как и религии, и государства в человеческом обществе. Но в заботах о «рушащемся доме» Италии Макиавелли адресует свои призывы не к Богу, а к человеческой активности, и в этом заключалась его историческая правота. Значение этой позиции выясняется в сравнении с другим пророком XVI в. – Мартином Лютером.

¹ История Флоренции. III. Р. 40. Ср.: письмо к Ф. Веттори от 18 апреля 1527 г. (Lettere. Р. 505). В издании. Op. cit. Р. 909, здесь купюра.

МАКИАВЕЛЛИ И ЛЮТЕР. ХРИСТИАНСКАЯ МОРАЛЬ И ГОСУДАРСТВО

Уже освободившись от теологии и охватив в едином объятии все религии и всю культуру, Италия Пико и Помпонаццо утвердилась на руинах Средневековья и не могла строить фундамент нового здания на теологии; им могла стать только наука. И Лютером Италии стал Никколо Макиавелли.

Ф. Де Санктис

Судьбы двух выдающихся умов XVI в., обстановка, в которой они действовали и, главное, направление мысли каждого из них были столь несхожими, что попытка провести параллель может показаться натяжкой; если эти два имени и ставятся рядом, то чаще чтобы подчеркнуть различие их носителей¹.

Между тем, Макиавелли и Лютер были современниками, их пути могли бы пересечься в Германии или Италии, а тем более могли пересечься пути развития мысли двух «титанов Возрождения», недаром они упомянуты рядом в знаменитой характеристике, данной Энгельсом в «Диалектике природы»². Сравнение Макиавелли и Лютера будет оправданным только тогда, когда мы станем рассматривать не просто две выдающиеся личности, но двух представителей главных движений эпохи – Возрождения и Реформации, наделенных «таким величием духа и доблестью», если использовать здесь слова Макиавелли, «что судьба избрала их... для свершения великих дел»³. Иначе

¹ Например, в книге *Allen J.W. A history of political thought in the XVI century. L., 1957. P. 29: «Luther connects no more with Bodin than he does with Machiavelli».*

² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 346–347.*

³ *Рассуждения. II, 29. P. 249.*

говоря, если мы увидим в творчестве каждого из них общественно-историческую необходимость.

Не случайно путь обоих к разработке узловых вопросов своего времени был достаточно тернист. Макиавелли стремился к практической политической деятельности, вынужденное бездействие заставило его углубиться в теорию государственного управления; Лютера, который был искателем религиозной истины, привела к рассуждениям о государственной власти развернувшаяся вокруг него борьба. В результате мы можем проанализировать сходство и различие политических взглядов представителя итальянского Возрождения и германской Реформации, с учетом закономерности этих сходных и различных черт.

Долгое время общими местами исторических работ о Макиавелли были рассуждения о том, что он изолировал политику от морали, а о Лютере, что он изолировал религию от морали. Несмотря на узость и некорректность этих положений, они указывают на то, что в этике можно искать отправную точку для понимания политических и религиозных взглядов обоих, а также и на то, что в центре внимания этих мыслителей оставались традиционные морально-политические проблемы – нравственной роли светской власти, нравственного облика государя и подобные, хотя решения были предложены не совсем обычные. В этике кроется объяснение сходства воззрений Макиавелли и Лютера по важнейшему для их времени вопросу – о взаимоотношениях религии и государственной власти, а это сходство – именно идейное, в ходе мысли, столь велико, что позволяет увидеть в Макиавелли в некотором смысле итальянского Лютера, а в Лютере немецкого Макиавелли.

Тут возникает недоумение: Макиавелли – теоретик светской власти, поклонник языческого Рима, рассуждающий о религии как инструменте государственного управления, трезвый и смелый политический мыслитель, Лютер же, хотя и признал примат светской власти над церковью, в своем презрительном отношении к «земному граду» за-

шел еще дальше, чем Августин, оставаясь всегда и прежде всего глубоко верующим христианином, противником всякого насилия. На первый взгляд, если что-то и могло объединять их, это только неприязнь к папству, заставившая позднее вечного исторического спутника Макиавелли Франческо Гвиччардини признаваться в любви к Лютеру¹.

Обратимся, однако, к теоретическим положениям обоих мыслителей, в частности, по такому коренному вопросу, как нравственные требования к государю. Лютер по этому поводу заявляет следующее: «Государь осмотрительный и дурной лучше доброго, но неосторожного: ибо добрый не будет управлять, а будет управляем, главным образом, наихудшими людьми, осторожный же и мудрый государь, хотя он и повредит (быть может) благочестивым, все же будет сдерживать и злых, а это особенно важно в мире сем, который есть скопище злых»². Что это, как не четкое изложение главного тезиса макиавеллиевского «Государя» о необходимости в ряде случаев отступать от таких добродетелей, как набожность, милосердие, верность со сходной аргументацией и одинаковым оправданием вынужденного зла окружающим злом, существующим в мире? Отправным пунктом для обоих служат сходные представления о существовании государственной власти: «Правительство есть совокупность средств для поддержания подданных в повиновении» (Макиавелли). «Власть начальства покоится на насильственном искусственном господстве» (Лютер)³. Когда

¹ «...arei amato Martino Luther quanto me medesimo...» (цит. по: *Albertini R. von. Firenze dalla repubblica al principato. Torino. 1970. P. 231*). Ср. *Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. Л., 1976. С. 100*.

² Русский перевод сочинений Лютера цитируется по: *Источники по истории Реформации. М., 1906. Вып. 1: Взгляд Лютера на светскую власть / Пер. Д.Н. Егорова. С. 40*. Ссылки переводчика на немецкий текст устранены. Оригинальные цитаты из произведений Лютера даны по: *Luther M. Werke. Erlangen, 1826–1862. Bd. 1-67* (Далее: ЕА).

³ *Рассуждения. II, 23. P. 243*. Здесь перевод Н. Курочкина. С. 333. Более точно: «Правление – не что иное, как удержание подданных в таком положении, чтобы они не могли и не должны были тебе вредить». Лютер цит. по: *Источники ... С. 53*.

Лютер отстаивает автономию светской власти перед духовной, когда он рассматривает ее как чисто светское дело, приемлемое для христианина настолько же, насколько любое другое мирское занятие, он следует совершенно тем же путем, что и Макиавелли. Замечательно в этом отношении наблюдение о преимуществе язычников в государственных делах, по сути тождественное мыслям Макиавелли из «Рассуждений», в частности, из главы II книги II, где проводится сравнение, как мы видели, не в пользу христианства. «Светская власть, – пишет Лютер, может лишь ведать дела постигаемые разумом,... посему язычники, например, оказались гораздо искуснее христиан; мирские дела они начали и окончили и более счастливо и в более широких размерах, нежели божьи святые... вот почему римляне имели такие превосходные законы и право»¹.

Подчеркнутое различие сфер светской и духовной власти, о котором Лютер не устает твердить, ссылаясь на «скопище злых» в мире², как и аналогичные высказывания Макиавелли, сопровождается двойственным отношением к государству.

Макиавелли, объясняя и оправдывая необходимостью те или иные поступки государей, не забывает, что в большинстве случаев «они заслуживают всяческого осуждения». Пессимизм этой позиции состоит в том, что в теории она признает идеалы, совершенно неосуществимые на практике. Отношение Лютера к «палачам Господа», как он называет государей, подобно этому. «Знай также, – замечает Лютер, что с сотворения мира мудрый князь – птица редкая, и еще более редок князь благочестивый. Обыкновенно они либо величайшие глупцы, либо отчаянные злодеи»³. Ремесло князей насилие, но насилие для обоих мыслителей несовместимо с человечностью.

¹ ЕА. 35, 382–383; Источники... С. 39.

² «Если бы весь мир состоял из настоящих христиан, то есть из истинно верующих, то не нужно было бы ни князей, ни королей, ни господ, ни меча, ни закона» // ЕА. 22, 66; Источники... С. 23.

³ Рассуждения. Посвящение. Р. 122; ЕА. 22, 89; Источники... С. 28.

Вместе с тем пессимизм того и другого не помешал позднейшим исследователям считать обоих с большей или меньшей долей правоты апологетами государственной власти. Макиавелли, объявив, что христианская религия предала мир на растерзание «мерзавцам», неожиданно выдвигает тезис, что ее можно истолковать «согласно доблести» и тогда она потребует «превознесения и защиты родины». Лютер как бы взял на себя исполнение этого заказа – согласовать задачи государства с христианским учением и с гордостью отмечал, что никто так ясно не рассмотрел и не прославил права светской власти, как он, еще «с апостольских времен»¹.

Итак, двойственное отношение к государственной власти послужило обоим мыслителям для того, чтобы разработать исторически перспективную точку зрения в кардинальном для Европы XVI–XVII вв. вопросе – о соотношении духовной и светской власти, то есть для того, чтобы обосновать главенствующую роль второй. Но это обоснование произошло как бы через отрицание государства, путем отстранения от него, отказа от иллюзий по поводу его религиозно-нравственных потенций. Разумеется, эта общая черта лишь оттеняет коренные разногласия в воззрениях итальянского политика и немецкого монаха, которые к одному и тому же выводу подходили с противоположных сторон. Но здесь и сказалась историческая закономерность, потребовавшая такой – религиозно-нравственной, постановки вопроса о государстве и такого противоречивого, особенно у Лютера, ответа. Объяснение этих противоречий и различий Макиавелли и Лютера мы найдем в этико-политической концепции каждого из них.

«Отрицание морали», в той или иной мере приписывавшееся и Макиавелли и Лютеру, было своеобразным разви-

¹ Рассуждения. II, 2. P. 256. О Лютере см. книгу П. Менара, который отмечает сходство его взглядов на функции государя – в смысле их независимости от религии – со взглядами Макиавелли. (*Mesnard P. Il pensiero politico rinascimentale. Bari, 1963. P. 353, 358.*)

тием самого «передового» принципа того времени, выдвинутого гуманистами – принципа духовной свободы, вылившегося в отрицание абстрактных, раз навсегда данных законов, своеобразно понятых и у Лютера и у Макиавелли, и у обоих получивших как и государство двойственную оценку. Положительные свойства закона играют первостепенную роль особенно в концепции Макиавелли, у которого большинство людей на путь добра направляет лишь необходимость, а государственные и общественные законы и порядки являются искусственно созданной необходимостью. (Примечательно, что вопрос ставится так у Макиавелли именно в социальном контексте: речь идет о создании в ходе борьбы народа Древнего Рима со знатью института трибунов для обуздания нобилей; дурные наклонности этого последнего сословия, страсть к угнетению других непременно проявятся, если предоставить выбор поведения им самим.) Но добро не есть необходимость, закон и мораль представляют собой только относительное благо, это инструменты, которыми вынуждает пользоваться отсутствие блага абсолютного. «Если что хорошо и без закона, само по себе, тогда закон не нужен, но, когда добрый обычай отсутствует, тут необходим закон»¹.

Насколько эта двойственность близка Лютеру, говорят его собственные рассуждения в трактате «О светской власти», со ссылкой на апостола, что закон положен не для праведника, а для беззаконного (I Тим., 1, 9): «Хорошее дерево не нуждается ни в законах, ни в поучениях, чтобы давать хорошие плоды, но сама его природа заставляет их давать без законов и поучений, таково его свойство»².

И у Лютера и у Макиавелли двойственное отношение к закону, в широком понимании этого слова, связано с самим существом мировоззрения каждого, но одинаков ли

¹ Рассуждения. I. 3 // Op. cit. P. 180.

² ЕА. 22, 67. Менар (P. 317) называет это сравнение «чудовищным» по неудачности. Он цитирует раннее сочинение Лютера: «И хотя, по мнению апостола, закон не являет собой греха, несомненно, все же, что мир закона – это именно мир греха» (P. 286).

вывод, порожденный этим отношением? Лютер «отрицает» светскую мораль как вторичную, для спасения христианина ненужную, «ибо ничто не может повредить его спасению»¹. Царство подлинной свободы и истины – внутренний мир верующего, свобода в понимании Лютера – это свобода религиозного переживания истины в мире идей, недостижимая в несовершенном реальном мире, где следует покорствовать властям предрождающим. «Христианин всегда страдает от властей и только от властей... Но насилие ты претерпи, истину же не дозвошь исторгнуть, ибо сила – одно, истина же – нечто совершенно отличное»². Так Лютер объявляет насилие недействительным с точки зрения сверхнравственной истины.

Макиавелли, напротив, если и освобождает политического деятеля от неперемного следования моральному закону, то это происходит в силу гражданской необходимости и объясняется противоречиями социальной действительности. Происходящая в ней реальная борьба и есть истина, интересующая флорентийского мыслителя.

Если пренебречь некоторым схематизмом предлагаемого вывода, то в логике обоих мыслителей можно усмотреть проявление опять-таки общего принципа – тенденцию противопоставить дело и личность, которая объясняет парадоксы и Макиавелли и Лютера. Разумеется, нельзя понимать эту тенденцию как буквальное противопоставление, хотя Лютер довольно решительно формулирует тезис о бесполезности добрых дел для спасения. Как и «отрицание» морали, с которым упомянутая тенденция тесно связана, это противопоставление весьма относительно. К тому же Макиавелли и Лютер проводят его в направлениях, противоположных друг другу. Первый закрывает глаза на внутренние качества личности, они его попросту не интересуют, точнее, по Макиавелли, не они определяют собой ход и исход событий. Не случайно шкала нравственных

¹ ЕА. 27, 185; Источники ... С. 14.

² Источники. С. 56.

качеств, за которые людей хвалят или порицают, оказывается непригодной для политических суждений (глава XV «Государя»), а свою собственную шкалу оценок Макиавелли строит на основе общественных функций, выполняемых деятелями – «каждому приносит хвалу его дело и искусство»¹. В глазах Макиавелли социальная роль фактически и исчерпывает существо личности, подлежащее оценке, оно складывается из дел, сумме поступков постоянно подводится итог. Отсюда итоговая оценка жизни политических деятелей, производимая Макиавелли на манер римских историков. Неверно было бы утверждать, что он совсем игнорирует «внутреннего человека», но разница здесь только в масштабах, приватная жизнь складывается из таких же одинаковых для всех людей элементов, как и общественная.

Лютер стремится воздвигнуть еще более высокую стену между общественно-политической деятельностью индивида и его религиозно-нравственной сущностью, что позволяет обосновать тезис о божественном происхождении всякой власти – и власти турецкого султана, и даже власти римского папы, которому должно подчиняться, ибо и папа – орудие в руке божьей, хотя он незаконно присвоил права светской власти. Этим объясняется и парадоксальная логика самооправдания Лютера в письме к герцогу Георгу, которого реформатор окрестил «службой дьявола». «Я, называя его апостолом дьявола, все же не обижаю его и не глумлюсь над его княжеской честью и светским величием, а говорю лишь горькую истину... Мы истинно допускаем, что герцог Георг облечен княжеской честью в глазах мира, что он имперский князь, достойный (быть может), всякой похвалы, но пред Господом... нет ему чести», кроме чести Иуды, Пилата, Ирода. Все это говорится в защиту Георга и в поучение его подданным – протестантам, чтобы они не терзались угрызениями совести и «верили бы, что противятся лишь дьяволу, оставаясь все время добрыми, послушными начальству»². Разницу в позиции Макиавелли

¹ Рассуждения. I, 10.

² ЕА. 31, 231–232; Источники... С. 45.

и Лютера хорошо иллюстрирует отношение каждого из них к военным наемникам. По Макиавелли, наемничество – занятие, которое неизбежно делает человека дурным. Сравним высказывание Лютера по такому же поводу: следует отделять личность от занятия, потому что дело и занятие могут быть сами по себе хорошими и праведными и, однако, стать дурными и незаконными, когда личность и деятель не являются ни добрыми, ни праведными или не исполняют их правильно»¹.

Лютер, как и Макиавелли, был достаточно проницательным мыслителем, чтобы заметить и оценить политические тенденции своего времени, но условия, вызвавшие к жизни его учение, были другими. В отличие от флорентинца Лютер был религиозным реформатором, этим и объясняется расхождение его и Макиавелли этико-социальных концепций.

Возникшие на итальянской почве идеи последнего не были ни атеистическими, ни антирелигиозными². Вопрос об отношении Макиавелли к религии остается до сих пор нерешенным: серьезных доказательств в пользу его атеизма или, наоборот, набожности нет, а само существование столь противоположных точек зрения свидетельствует о недостаточной последовательности Макиавелли – по современным понятиям. С одной стороны, как мы уже отмечали, он видел в религии фундамент общественной нравственности и, следовательно, залог процветания государства, с другой – мы находим у него высказывания, мало совместимые с верой. Главное, что привлекает его в религии, это представление о «страхе божьем», то есть о существовании высшей справедливости и высшего судии, который следит за земными делами – эта вера, по Макиавелли, составляет главный стержень морального воспитания. Между тем именно этой веры и этого бога мы не встречаем в рассу-

¹ Ob Kriegsleute auch in einem seligen Stande sein können // EA. 22, 247.

² А. Тененти говорит о «позитивном атеизме» Макиавелли, но атеизм требует активного отрицания идеи бога. См.: *Tenenti A. La religione di Machiavelli* // *Studi storici*. 1969. N 4. P. 718.

дениях великого флорентинца о политическом искусстве, так сказать, для собственного пользования, в его мыслях совершенно нет для них места, что признают и сторонники «католической реабилитации» Макиавелли, например Р. Ридольфи, не говоря уже о его католических противниках. Он не устает повторять, что сами люди, их бездействие приносят беды, а не грехи; только естественными и социальными причинами Макиавелли объясняет все события, сама религия рассматривается у него как общественный феномен, подверженный историческому развитию.

Труд Макиавелли, дело всей его жизни, свидетельствует против тезиса о набожности мыслителя. Нужно ли сделать из этого вывод, что в собственном творчестве и жизни Макиавелли дело и личность так разошлись, что одно стало маской, а другое истинным лицом? Это весьма удобный способ разъяснения действительных и мнимых противоречий Макиавелли, и им воспользовались многие исследователи, невзирая на то, что он заводит слишком далеко – в увлечении легко назвать неподлинным то, что не соответствует концепции историка, и то, что ей соответствует – подлинным.

По этому пути пошел автор одной из лучших биографий Макиавелли Роберто Ридольфи, который и посчитал нужным «отделить теоретика от человека», ссылаясь, в частности, на слова флорентинца: «Я скрываю правду среди вороха лжи». Но эти слова относятся как раз к китайской ситуации, а не к сочинениям Макиавелли¹. Именно дела, как уже говорилось выше, отражают для Макиавелли истинную сущность человека, применительно же к нему самому – беседы с античными писателями, размышления на равных с ними – вот та правда, которая скрывалась за жалким образом жизни в изгнании, уготованным ему судьбой. Конечно, эта жизнь тоже правда, и дать перевес одной из правд над другой в данном случае означало бы из области фактов вступить в область фантазии. Но не грешит ли этим

¹ Письмо к Ф. Гвиччардини от 17 мая 1521 г. (Р. 405).

отчасти Р. Ридольфи, посчитавший нарочитое пренебрежение к спасению души маской Макиавелли, за которой он скрывает свое христианство от самого себя? «Мы видим, – пишет Ридольфи, как к этому христианству, осужденному теоретиком государства и философом истории, тянется человек, надломленный разочарованием и неудачами»¹. Разумеется, интересы истины не требуют защиты Макиавелли и его последовательности любой ценой, но они не требуют и искусственно драматизировать его противоречия.

Единственное новое доказательство набожности Макиавелли, по Ридольфи, это наличие в черновиках писем к Веттори слов «Иезус Мария», которых нет в оригинале². Эта сама по себе любопытная деталь ничего не доказывает, как и подлинность или недостоверность рассказа о предсмертном сне Макиавелли, в котором он предпочел оказаться вместе с великими язычниками в аду, или письма, сообщающего о его последней исповеди. Более серьезного рассмотрения заслуживает ссылка на «Увещание о покаянии, или Рассуждение на моральную тему», в котором даже «весьма осведомленные ученые, утверждавшие тезис о моральности и религиозности Макиавелли», усмотрели лишь шутку³.

«Некоторые, – пишет Ридольфи, – видят в нем вершину христианской мысли писателя, а я вижу в нем отпечаток жизни, наполненной человеческим страданием».

«Увещание о покаянии» действительно поначалу способно вызвать недоумение даже у читателя, привыкшего к парадоксам Макиавелли, настолько его направление расходится с остальными сочинениями этого писателя. Причина отчасти в том, что оно написано в необычном для Макиавелли жанре – это проповедь, предназначенная для прочтения в собрании религиозного братства. При ближайшем рассмотрении, однако, мы убеждаемся, что она

¹ *Ridolfi R. Vita di Niccolò Machiavelli. Firenze, 1978. P. 563.*

² Это стандартный зачин официальных документов эпохи Макиавелли. Возможно, последний по привычке составлять письма от имени Синьории включил его в черновик, а затем убрал.

³ *Ibid. P. 397.*

несет характерные для Макиавелли черты не только по построению и стилю (дедуктивная классификация грехов, сложные периоды, эмоциональность, слитая со строгой логической последовательностью), но и по духу, с одной только оговоркой. Это, безусловно, не шутка, но это и не крик страдающей души, разочаровавшейся в идеале. Это скорее анализ нравственного учения христианства «с точки зрения доблести, а не праздности», как того требовал Макиавелли; анализ, отвечающий задачам общественного воспитания, долгу «внешнего» человека. Здесь нет ничего, что было бы несовместимо с догматами, но нет и самих догматов церкви; ничто не мешает предположить, что «Увещание» написано человеком, не считающим христианстве наилучшей из возможных религий или считающим любую религию делом рук человеческих, следовательно, несовершенным. Ничто не мешает также предположить, что автор «Увещания» пытался увязать в нем собственные взгляды с официальной идеологией, считая заключающиеся в ней мифические сведения неизбежным или даже полезным злом. При этом он мог верить в нехристианского, философского бога, в бога-творца, в непознаваемого бога, мог и вообще не верить в бога – все это лучше согласуется с совокупностью идей Макиавелли, чем толкование Р. Ридольфи. В «самом христианском» сочинении Макиавелли мало что сближает его с Лютером. Все проступки и ошибки людей, требующие покаяния, Макиавелли делит на две группы, тесно связанные между собой. Первая включает извращения природы, означающие неблагодарность к богу, «создавшему все для блага и для чести человека», эти проступки «превращают разумное животное в бессловесную скотину». Другая группа – отсутствие любви к ближнему, иначе говоря, божественной любви или милосердия, на нем, милосердия, подчеркивает Макиавелли, основана вера Христова, это главная добродетель, предполагающая, кроме помощи, утешения ближнего, поучение невежественных

и наказание злых¹. Вопросы о спасении души, о роли в нем благодати, о первородном грехе не затрагиваются, сказано лишь, что ошибки и грехи в этом мире неизбежны. Для прощения мало одного раскаяния, нужно обратиться к добрым делам (не с тем, чтобы загладить вину, но чтобы сойти с пути зла). Как аллегорический призыв к таким делам, к благодеяниям ближнему Макиавелли толкует пример Св. Франциска и Св. Иеронима, умерщвлявших плоть, чтобы отвратиться от греха.

Как видно, текста «Увещания» недостаточно, чтобы судить о религиозно-этических взглядах Макиавелли, но его главные положения сближают автора, скорее, с христианскими гуманистами², чем с реформаторами – раскаяние ведет к добрым делам. Однако развитие гуманистических идей пошло у Макиавелли иным путем, чем у его современников-гуманистов вне Италии, от которых его, как и Лютера, отличает отсутствие стремления все согласовать и примирить. В смелой постановке вопросов Макиавелли близок Лютеру, в ответах же он далек и от последнего и от Эразма Роттердамского.

Коренные различия наблюдаются уже во взглядах на «настоящую правду вещей». Для гуманистов с самого начала было характерно согласование естественной и божественной истины, даже религиозное познание представлялось, при всех оговорках, продолжением познания естественного, так же как христианство вершиной в развитии

¹ Увещание о покаянии // *Op. cit.* P. 441.

² К сходным во многом выводам в специальной работе на эту тему пришел Дж. Каттани. См.: *Cattani G. La vita religiosa nella Esortazione alla penitenza e nella Mandragora di Niccolò Machiavelli.* Faenza, 1973. Автор другой статьи П. Нортон идет еще дальше, он считает, что в «Увещании» Макиавелли иллюстрирует свое понимание «пути в Рай» – изучить дорогу к дьяволу, чтобы избежать ее. См.: цитированное письмо к Гвиччардини от 17 мая 1521 г. В отличие от проповедуемых Христом жертв и страданий Макиавелли предлагает действовать, а уж потом раскаиваться – в силу несовершенств земного бытия. См.: *Norton P.E. Machiavelli's Road to Paradise: «The Exhortation to penitence»: History of political thought // Exeter. 1983. Vol. 4, N 1. P. 31–42.*

«естественной религии»¹. Соответственно и в этике и в богословии разум был путеводной звездой человека. XVI в. принес с собой потребность гораздо более сильного осознания факта, что мир человеческий живет отнюдь не по божественным законам. Переживание этого факта лежит в основе и этики Лютера и этики Макиавелли, оно определяет подход каждого из них к вопросу об истине. В отношении бога Лютер признает только истину веры, в его учении религиозная идея противопоставляется миру и преобладает над ним, она чужда и человеческому разуму и человеческой морали. Эразм в своем знаменитом споре с Лютером остается на позициях гуманистической истины, утверждаемой с помощью критики, сопоставления текстов, мнений². Все, что выходит за пределы возможностей разума, – постижение бога, истолкование догматов, таинств – вызывает у него сомнения, объявляется непознаваемым. Это позиция гуманиста, которую можно представить и как исходный пункт для понимания религиозной проблемы у Макиавелли, только последний ушел неизмеримо дальше. Если Макиавелли и считал нужным исповедовать католическую веру, как бы следуя общественному долгу, то его суждения о смене религий исключают представление о единственной правоте католического учения, а в его сочинениях понятие бога совершенно вытеснено понятиями «природа», «судьба», «необходимость». Следовательно, если в глубине души Макиавелли и верил в непознаваемого, «неведомого» бога, такая вера могла быть, скорее всего, иррациональной, отвергающей человеческие измышления на эту тему³. Совместима ли такая вера с провозглашенным

¹ См.: Черняк И.Х. Свободомыслие и атеизм эпохи итальянского Возрождения: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. / ЛГУ. Л., 1978.

² Boisset J. Erasme et Luter: Libre ou serf arbitre. P., 1962. Ch. 1. P. 73.

³ Все же, демонстративно отказываясь судить о «сверхъестественном», Макиавелли невольно дает ему «естественное» толкование в единственном упоминании о небесных умах (intelligenze). Рассуждения. I, 56 // Op. cit. P. 217. См. об этом: Badaloni N. Op. cit. P. 678–681; Tenenti A. Op. cit. P. 743.

Макиавелли поиском «настоящей правды вещей» в обществе? На этот вопрос можно смело отвечать положительно, потому что нелепо судить о мыслителе XVI в. по современным меркам. Вместе с тем отсутствие апелляции к религиозным ценностям в истолковании этико-политических явлений у Макиавелли, объясняющееся национальными и историческими причинами, говорит о начале непримиримого спора религии и науки, что наглядно иллюстрирует сравнение с аналогичными положениями Лютера.

В основе концепции последнего лежит тезис о бессилии человека и его ничтожестве пред лицом господ, свобода воли поэтому объявляется свободой творить зло¹. «Свобода воли, после грехопадения – пустой звук, и когда она проявляется сама по себе, то совершает смертный грех». Лютер признает свободу человека по отношению к миру вещей, но эта свобода означает на деле рабство, как и подчинение закону; добрые дела, если их творят не из любви к богу и ближнему, а в надежде заслужить спасение, тоже рабство². Люди бессильны, потому что бог всемогущ, число спасенных предопределено. На вопрос Эразма: «Кто же в таком случае захочет исправиться /гуманист считает, что затронул слабое место/?» Лютер с торжествующим сознанием своей правоты отвечает: «Никто... Избранные станут лучше с помощью благодати Божией и его Духа, прочие погибнут без всякого исправления»³. В любом случае человек остается рабом – «рабом зла или рабом Бога».

Знаменательно, что Макиавелли прямо связывает распространение христианства с процветанием тиранических государств (и монархий и республик), где граждане –

¹ «Свободная воля может творить добро благодаря помощи извне, а зло – самостоятельно» / EA. Opera latina. XXXI; Assertio omnium articulorum. Art. 14. P. 225.

² Boisset J. Op. cit. 52; Mesnard P. Op. cit. P. 291–293.

³ «Nullus hominum, neque etiam ullus poterit, nam correctores tuos sino spiritu Deus nihil moratur, cum sint hipocritae. Corrigentur autem electi et pii per Spiritum Sanctum, caeteri incorrecti peribunt» // *Lutheri M. ... omnium operum...* Witebergae, 1549. T. 3. P. 467.

рабы¹. Свобода в чистом виде, по Макиавелли, как и по Лютеру, не существует, то есть это не свобода, а произвол, свобода творить зло. При этом Макиавелли выходит и за пределы гуманистического понимания зла как ошибки, заблуждения, и за пределы христианского представления о зле как свойстве человеческой природы, как о следствии отращения от бога. Флорентийского мыслителя не интересуют вообще ни спасение души, ни взаимоотношения человека с богом. В борьбе с судьбой у человека есть все шансы победить, и большего сказать нельзя о свободе воли, которая не означает прямолинейного выбора между Добром и Злом, потому что всегда, «если как следует все рассмотреть, найдется нечто, что покажется добродетелью, но ведет к гибели и нечто, что покажется пороком, по следуя ему, можно достичь безопасности и благополучия»². Основное понятие свободы у Макиавелли – понятие политическое, эта свобода совпадает с хорошими государственными законами, как явствует из следующего отрывка: «Города, управляемые под именем республики, особенно не имеющие хорошего внутреннего устройства, бывают часто подвержены переменам правительств и режимов власти, которые не означают перехода от свободы к рабству или наоборот, как многие полагают, а лишь – чередование режимов рабства и своеволия. Ведь от свободы, которую прославляют и сторонники произвола, пополаны, и защитники рабства – нобили, остается одно название, потому что ни те, ни другие не желают подчиняться ни людям, ни законам. Правда, когда все же случается так (это случается редко), что на счастье такого города в нем появится мудрый, добрый и могущественный гражданин, который издаст законы, умеряющие страсти нобилей и пополанов или ограничивающие их таким образом, чтобы они не могли причинять зло, тогда этот город можно назвать свободным государством с прочным и надежным фундаментом власти, ибо, основываясь на хороших законах и порядках, оно не

¹ Рассуждения. II, 2 // Оп. В. Р. 258.

² Государь. XV. Р. 70.

нуждается в доблести одного человека для своей прочности, как это бывает в других случаях»¹.

Итак, свой политический идеал Макиавелли основывает на ценностях земного града, его толкование свободы соединено, как и у Лютера, с подчинением, но с подчинением «хорошим законам». Здесь уместно отметить, что идеала в полном смысле слова у Макиавелли нет, или этот идеал, если можно так выразиться, не идеальный, так как относится к настоящим, а не «воображаемым» государствам. Уже одно это демонстрирует неверность постановки вопроса, долгое время занимавшего историков: «Макиавелли – республиканец или монархист»? Хотя при единоличном управлении не может быть свободы в собственном смысле слова, тирания республики бывает гораздо худшей, писал Макиавелли. В его сочинениях зреют будущие проблемы эпохи буржуазных революций, но ставить писателя XVI в. перед выбором – республика или монархия – неисторично, не это определяло отношение к государству не только Макиавелли, но и авторов, писавших о «воображаемых» государствах, – Мора, Кампанеллы, не говоря уже о Лютере.

Вопрос о выборе государства для писателей того времени был внешним и производным по отношению к социально-этическим вопросам: о равенстве людей – природном, религиозном, политическом, о способностях и роли личности и масс (народа). Макиавелли и Лютера здесь опять объединяет внешняя противоречивость: оба защищали новые (по сравнению со средневековьем) идеалы равенства, в то же время обоих историки часто зачисляли по ведомству субъективизма и индивидуализма. Но нигде различия их не выступают так четко, как в этой области. Лютер сделал новые выводы из тезиса о равенстве всех перед богом, всеобщее священство означало духовное равенство на земле, но эти революционные выводы сопровождались оговоркой о предустановленном нравственном неравенстве – о делении людей на вечно осужденных и спасенных, на добрых и дурных. А главное, сфера относительно-

¹ История Флоренции. IV // Ор. В. Р. 443.

го, земного равенства была резко ограничена у Лютера отрицанием естественного права и естественного разума: «Если бы естественное право и естественный разум находились бы во всех головах, если бы все людские головы были одинаковы, то и дураки, и дети, и женщины могли бы управлять не хуже Давида и Августа... впрочем, все люди должны бы тогда быть одинаковыми, и никто бы не мог властвовать над другим»¹. Отсюда обожествление светской власти и лютеранский конформизм, подобного которому в XVI в. не было и у католических идеологов, в среде которых зародились идеи монархомахов.

Равенство, о котором пишет Макиавелли, это как раз гуманистическое понимание общности всех людей по природе, отрицаемое Лютером². Гуманисты, и в том числе Макиавелли, заслуживают куда меньше упреков в индивидуализме, чем тот же Лютер, если понимать под индивидуализмом противопоставление личности группе, коллективу. Гуманисты еще не выработали представлений об обществе как конгломерате отдельных, независимых от друга индивидуумов, такие представления стали базой «индивидуализма» гораздо позже. С другой стороны, средневековый корпоративизм оставлял место для своеобразного религиозно-этического индивидуализма – поиск идеала вне общества и вне мира мы как раз и наблюдаем у Лютера. В Средние века поступки человека определялись его принадлежностью к группе и соответственно были оцениваемы, функции, пост обуславливали выбор (этим можно объяснить, например, постоянство позиций пап и императоров в их многолетнем споре, независимо от их симпатий и антипатий до избрания). У гуманистов группа вырастает до размеров человечества, по природе все равны, в деятельности разных людей Макиавелли видит проявление одинаковых черт, общих законов, общечеловеческих свойств, которыми все наделены в разной мере. От этой природной меры и от капризов, случайностей судьбы зависит ход ис-

¹ ЕА. 39, 284–285; Источники... С. 48.

² Здесь и далее ср.: *Баткин Л.М.* Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978. С. 52–55.

торического спектакля, сводящегося к многообразию дел, поступков, событий. Для Лютера это многообразие несущественно, так как все предопределено. Высокая оценка индивидуума как члена рода человеческого – не отделившегося и замкнутого в келье – отличает теоретический демократизм гуманистов от религиозного демократизма, который знали и Средние века, и Реформация¹. Первый был шагом вперед по сравнению со вторым, хотя и не исключал элитарности, так как на практике, на деле гуманисты не мыслили общества, в котором достигнуто полное равенство, даже в утопиях, зато неравенство не возводилось в божественный закон, напротив, борьба с ним получает одобрение.

В сочинениях Макиавелли мы находим массу подтверждений этого теоретического демократизма, или демократизма теории, выразившегося прежде всего в выдвижении на первый план общественного критерия политической этики – действия государя оправдываются тем, что совершаются в интересах общества, «...развращение и неспособность к свободной жизни происходят от гражданского неравенства, и для восстановления равенства необходимы самые крайние меры»², хотя эти меры под силу только одному гражданину. «Народ умнее и постояннее государя» именно потому, что он более восприимчив к истине – имеется в виду нравственная оценка³. Важным теоретическим следствием такой мировоззренческой установки была у Макиавелли своего рода реабилитация исторической роли народа, связанная с признанием полезности смут, говоря по-современному, классовой борьбы. В отличие от Лютера Макиавелли не только и не столько противопоставляет правителей и народ, сколько изучает их взаимовлияние, нравственное и политическое⁴. Важнейшее практическое

¹ См.: Вульфийус А.Г. Проблемы духовного развития: Гуманизм. Реформация. Католическая реформация. Пг., 1922. С. 60 и сл.

² Рассуждения. I, 18. Цит. пер. Н. Курочкина (С. 176); ср.: Рассуждения. I, 10; Государь, XVII.

³ Рассуждения. I, 58 // Ор. В. Р. 243.

⁴ У Макиавелли форма государства зависит от «материи» народа (Рассуждения. III, 8, 19, 22, 29). По Лютеру, власть и народ не зависят друг от друга (Источники ... С. 52).

следствие и подтверждение того, что в лице Макиавелли демократический гуманизм вступил в свою новую стадию, это, на мой взгляд, проявление полускрытого сарказма в тех случаях, когда историк позволяет себе высказать собственное отношение к описываемому. Этот сарказм имеет явную антигероическую направленность, Макиавелли как бы дает понять, что сильные мира сего, увлекаемые страстями, в конце концов оказываются лишь шутами в трагикомедии, разыгрываемой историей. Изредка, когда флорентийский писатель напрямую высказывает свое возмущение или симпатию, можно быть уверенным, что речь идет об общественном благе, печальную же усмешку вызывают капризы судьбы отдельных лиц, но тут Макиавелли сохраняет позицию стороннего наблюдателя, сама нелепость событий, ничтожество и подлость их участников превращают трагедии в фарс.

В заключение этой главы стоит подчеркнуть, что не случайно имена Лютера и Макиавелли все чаще ставятся историками в один ряд, ведь задачей обоих был пересмотр этики, понятий о добре и зле. Объявляя, что зло господствует в мире, они лишь выразили назревшую общественную потребность в его переделке. Для оценки творчества каждого из них необходимо различить местное, конкретно-историческое значение идей, и их общее значение в истории мысли. В первом случае история продемонстрировала парадоксальность своей логики – идеи Лютера, столь далекие от земных забот, должны были всколыхнуть всю Европу, а призывы Макиавелли, устремленные исключительно к действию, остались без ответа. В этом сказалось различие национально-исторической ситуации в Германии и Италии, которое, кстати, хорошо сознавал Макиавелли. Впрочем, он знал и то, что одного понимания и желания недостаточно, напротив, история использует людей вопреки их желанию и разумению.

В этике гуманистов XV в. бог преимущественно человечен и благ, в этике Лютера суров, в этике Макиавелли он вообще отсутствует, откуда вся ее новизна.

МАКИАВЕЛЛИ И ГУМАНИЗМ

Значение Макиавелли определяется через его отношение к гуманизму. Но определение осложняется разноречивостью понимания гуманизма у современных исследователей, Попытаемся сначала ориентироваться на самые общие черты итальянского гуманизма, такие, как идея обновления, использование античного наследия, увлечение филологией и моральной философией.

Идея возрождения, возврата к началу занимает, как известно, одно из центральных мест в политической философии Макиавелли, В первой главе книги III «Рассуждений» он обосновывает эту теорию: «...всякая религия и государство несет в своем начале нечто хорошее, посредством чего происходит их первичный рост и приобретает значение, Но поскольку с течением времени это хорошее разрушается, если не вернуть его в прежние рамки, то оно с необходимостью становится губительно для данного тела»¹.

Применительно к государству этот процесс сводится к упадку нравов и к их исправлению путем внешнего воздействия или внутренних мер (например, завоевание, восстание, реформы). Теория обновления вытекает из нравственно-натуралистической философии Макиавелли, сама по себе она недостаточна, чтобы судить о его принадлежности к гуманизму.

Сходная картина наблюдается при выяснении роли античных классиков у Макиавелли. Знаменитое письмо к Веттори стало хрестоматийной иллюстрацией общего для гуманистов восхищения классической древностью. Но достаточно ли уважения к ней, чтобы считаться гуманистом, тем более, что отношение Макиавелли к античности достаточно своеобразно? Во Введении к книге I «Рассуждений» Макиавелли так аргументирует необходимость изучения истории, недостаток которого ослабил итальянские госу-

¹ Рассуждения. I, 3 // Оп. В. Р. 283–284.

дарства больше, чем «тщеславная праздность» и «нынешняя религия»: «...я вижу, что в спорах, возникающих в гражданской жизни, и в болезнях, которым подвержены люди, постоянно прибегают к тем решениям и к тем лекарствам, которые были вынесены и предписаны древними (потому что гражданские законы суть не что иное, как приговоры древних правоведов, сборники которых служат для обучения наших юристов. Медицина же есть не что иное, как опыт античных врачей, на котором наши лекари обосновывают свои суждения)»¹. Вывод Макиавелли клонится к изучению опыта древних и в государственной жизни, то есть античной истории. Любопытно, что, по Петрарке, приметой времени является как раз забвение тех наук, на которые ссылается Макиавелли, и повальное увлечение поэзией: «Чем, думаешь, заняты правоведы, чем – врачи? Юстиниана и Эскулапа они уже знать не знают, ... ошеломленные громкими именами Гомера и Вергилия... плотники, суконщики, земледельцы, забросив плуги и прочие орудия своих искусств, бредят музами и Аполлоном»². Юстиниан и Эскулап тоже представители античной традиции, именно те, что были почитаемы в Средние века. Не свидетельствуют ли такие предпочтения Макиавелли об отрыве от ренессансных деятелей, стремившихся к возрождению прежде всего искусств, изящной словесности? Впрочем, последняя вовсе не чужда Макиавелли, достаточно вспомнить его теоретические размышления в «Диалоге о языке», посвященном национальной литературе, филологические заметки в письмах, согретый подлинно гуманистическим пафосом пассаж, прославляющий слово в трактате «О военном искусстве»: «...слово рассеивает страх, зажигает души, укрепляет стойкость, раскрывает обман, обещает награду, разоблачает опасность и указывает пути к спасению, восхваляет или клеймит, вообще, вы-

¹ Там же. Введение. Р. 124.

² Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. 1. С. 44; Ср.: Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. Л., 1976. С. 128–131.

зывает на свет все силы, способные воспламенить или уничтожить человеческую страсть»¹. Этот панегирик возвращает нас к вопросу об отношении Макиавелли к нравственной философии, которая занимала главенствующее положение в гуманизме².

Достаточно ли анализа этики Макиавелли для вывода о его мировоззренческом гуманизме или негуманизме? Если понимать под этикой только теоретизирование о том, как надо жить, а под историей этики – историю этических учений, то навряд ли. Но с давних пор этика понимается как практическая философия, можно сказать, философия, приложенная на практике. Поэтому история этики должна рассматривать и поступки людей, постольку поскольку они осознанны. Отличие от собственно истории, которая является как бы «экспериментальным пространством» этики, состоит в том, что первая делает упор на реальные события, а последняя – изучает преломление событий в сознании людей. С этой точки зрения этический анализ взглядов писателя, художника, мыслителя совпадает с анализом мировоззрения, включая и анализ типа мышления, логики самопостроения культуры, применительно к итальянскому гуманизму разрабатываемый Л.М. Баткиным. Это совпадение, по крайней мере в узловых моментах, неизбежно потому, что мышление, логика и сознание ценностны в своих первоосновах («идеологичны»? – «на гораздо более протяженном, повторяющемся, тонком «молекулярном» уровне»³). Без учета этой ценностной компоненты анализ мироотношения на любом уровне будет, на наш взгляд, неполным и недостаточно историчным, если вместе с Л.М. Баткиным признать, что «только в зависимости от принятого в данном обществе способа кристаллизации человеческих

¹ О военном искусстве. IV // *Op. cit.* P. 383. Здесь цитируется русский перевод 1939 г. (С. 140).

² См.: *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм: Этические учения XIV–XV веков. М., 1977.

³ Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978. С. 132.

переживаний и мотивов поведения их ритуализации и осознания мы в состоянии судить, ...в чем состояла их подлинная социально-культурная суть»¹.

История культуры пытается понимать ее явления в их специфике, не забывая об отличиях разных этапов в развитии сознания. Вместе с тем из этих этапов складывается единый процесс, отдельные стадии которого нельзя считать навсегда перевернутыми страницами. Справедливо, что, когда речь идет об итальянском гуманизме, предметом исторического изучения должно быть «конкретное и неповторимое западноевропейское духовное явление», а не «приятные и туманные вещи, которые сегодня называют гуманизмом»². Но понять гуманизм Возрождения не имея в виду того значения или значений, которые приобрело слово «гуманизм» сегодня, невозможно, поскольку эти понятия взаимосвязаны и второе идет от первого. Для истории с любой точки зрения не все равно, считать Макиавелли гуманистом – в смысле принадлежности к идейному течению эпохи Возрождения, или ставить его сочинения в один ряд с трудами иезуитов.

Говорить ли о гуманизме, как о начале освобождения человеческого разума или начале отпадения от мифа западноевропейской духовной жизни³, явление Макиавелли было необходимым моментом в его развитии. Творчество великого флорентинца не отрицание или конец гуманизма как специфически итальянского духовного течения или новой системы ценностей. Правильнее считать его пределом восходящего развития итальянского и, точнее, флорентийского гуманизма; пределом, знаменовавшим невозможность дальнейшего существования замкнутой среды, деятели которой закрывали глаза на неустроенность мира, выдавали ее за благоустройство, за необходимое условие устроенности.

Но с этого момента гуманизм начал свою историю как отвлеченная идея; для гуманистов XV в. существовало единство

¹ Там же. С. 115.

² Слова П.О. Кристеллера, приводимые Л.М. Баткиным (там же. С. 11).

³ Там же. С. 93.

людей в культуре, то есть в знаниях, пока они занимались риторикой, филологией, искусством, они сохраняли веру в святость этого единства и знания. С Макиавелли связана утрата веры, он начинает традицию научного «разоблачительства», столь важную для нового времени; это не критика чего-то внешнего, но теоретизирование, разоблачение всеобщего, природы, следовательно, саморазоблачение».

По-видимому, пора отказаться от некоторых распространенных в литературе о Макиавелли тезисов, как, например, о «технизме» его подхода к политике, а также от использования для характеристики конкретно-исторических явлений таких популярных в конце прошлого века категорий, как «индивидуализм» или «кризис нравов», абстрактная оболочка которых может скрывать принципиально разное содержание. Поэтому неправомерно сближение Макиавелли, например, с выведенными у Платона теоретиками насилия, с Калликлом в «Горгии», логика которого заставляет, правда, заподозрить карикатурность этой фигуры, оттеняющей правоту Сократа. Во всяком случае, посрамление Калликла было бы невозможно, если бы он не принял главный тезис Сократа: «Никто не чинит несправедливости по доброй воле»¹. Этот тезис, характерный и для гуманистов, у Макиавелли снят, что не доказывает еще его специфического индивидуализма.

Что касается положения о кризисе нравов², то оно исходит из представлений о нравственности, как некоторой неизменной материи, то арифметически прибывающей, то убавляющейся; такие представления не чужды самому Макиавелли, но для исторического исследования, предметом которого должно быть философское, мировоззренческое содержание этики, они непригодны.

Чтобы остаться на исторической почве в суждениях об этике гуманизма и Макиавелли, нужно иметь в виду ту роль, которую сыграло в них отношение к природе. Эволюция этого отношения во флорентийском гуманизме на-

¹ Платон. Соч. М., 1968. Т. 1. С. 343.

² Критику этого тезиса см.: Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974. С. 222–223.

чинается с «контрабандного» увлечения природой в условиях господства сверхприродных идеалов христианства. Затем философия природы гармонически сочетается с платонизирующим христианством – искусство не противостоит, но следует природе. Наконец, прекрасный ореол природы тускнеет, и у Макиавелли усилия человека направлены уже в основном на то, чтобы противостоять природе. Но «искусство никогда не пересилит природу»¹. Взгляды Макиавелли отражают такой момент в развитии гуманизма, когда исчезает вера в изначальную гармонию взаимоотношений человека и природы – человека в природе и природы в человеке, гуманизм перестает быть ренессансным гуманизмом. Дистанция между природным и человеческим становится все заметнее, даже если это выражается в признании большей зависимости человека от природы. Это мы можем наблюдать, сравнивая Макиавелли с утопистами, например с Кампанеллой, у которого евгенические построения определяются концепцией врожденных нравственных качеств, то есть природой.

Основой этики гуманистов и Макиавелли постольку, поскольку они вообще тяготели к какой-то философской основе, была философия природы, которая могла сочетаться с представлениями о влиянии планет на человеческие судьбы, о существовании духовных субстанций, с теми или иными представлениями о боге. Но мировоззренческие установки гуманизма, усвоенные Макиавелли, дали замечательные плоды: были заложены основы подлинно научного подхода к этике.

В этом смысл раздумий о нравственности политического деятеля, о целях и средствах, о правде вещей – эти идеи стяжали Макиавелли столь печальную славу и широкую известность. Однако на деле эпиграфом к его творчеству могли бы стать слова, сказанные им по поводу «Истории Флоренции»: «...я ни разу не пожелал прикрыть неблагоприятный поступок благовидным предлогом или очернить похвальное дело из-за того, что оно предпринято ради дурной цели»².

¹ Диалог о языке // *Op. cit.* P. 426. Ср.: *Баткин Л.М.* Указ. соч. С. 89.

² История Флоренции. Посвящение Клименту VII. *Op. cit.* P. XXXVII.

ANTONII
POSSEVINI
E SOCIETATE
IESV

IVDICIIUM,
De Nuz militis Galli, Ioannis Bodini, Philippi
Morzi, & Nicolai Machiavelii quibusdam

scriptis quorum Catalogum inuicta
pagina indicabit.

ITEM
Defensio veritatis aduersus assertiones Catholicae fidei
reputantes eiusdem Nuz libris assertas, auctore
Petro Corro Tornaci Canonico.

ITEM
Eiusdem Antonij Possivini de Confessione Augustiana,
ac num admittendi sua heretici ad colloquium publi-
cum de fide, De Desiderio Erasmo, & facta Picardica
negotium.

Accessit Index capitulorum in his presertim, & aliorum
sine rerum omnium copiosissimus.

LVGDNI,
APVD IOANNEM BAPTISTAM BVISSON.
M. DC. CIII.
Invenitum permissis.

«Суждение» Поссевино

Лоренцо Медичи герц. Урбино

Казнь сыновей Брута. Ж. Л. Давид. «Ликторы приносят Бруту тела его сыновей». 1789. Лувр. Париж.

МАКИАВЕЛЛИ В РОССИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**ВОКРУГ МАКИАВЕЛЛИ.
О НЕКОТОРЫХ ПУТЯХ И ПРОВОДНИКАХ
ЗАПАДНОГО ВЛИЯНИЯ
В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XVI в.**

О судьбах наследия Макиавелли можно говорить в тройном смысле: 1) об издании, переводах, восприятии его сочинений; их чтении, хранении, наконец, хотя бы упоминании; 2) о косвенных и предполагаемых связях с ним: через третьих лиц, через неявные цитаты и сходные высказывания; 3) в плане общего идейного сходства и – что может выглядеть наиболее спорно – исторической практики в самом широком понимании. Особенность разговора о Макиавелли состоит еще и в необходимости разграничить восприятие его собственной мысли и распространение «легенды о Макиавелли», как сформулировал один видный польский историк¹. В истории мы постоянно сталкиваемся с тем, что учение отделяется от «основоположника» и живет самостоятельной жизнью, зачастую ему чуждой, но случай с Макиавелли – особенный. «Макиавеллизм» стал просто именем нарицательным, чаще всего обозначением коварной политики – и до сих пор спорят, дал ли для этого повод сам писатель или не дал², – но в сущности, обозна-

¹ *Barycz H.* Myśl i legenda Machiavella w Polsce w. XVI i XVII // *Nauka i sztuka*, 1946, № 2. Этот же очерк в: *Spójrzenia w przeszłość polsko-włoska*. Warszawa, 1965. Ср.: *Danti A.* Machiavelli e l'Europa Orientale // *Accademie e biblioteche d'Italia*. A. XXXVIII (21 Nuova Serie), № 3, Roma, maggio-giugno 1970. P. 181; *Malarczyk J.* La fortuna di Niccolò Machiavelli in Polonia. Varsavia, 1969 (2 ed.). (Руск. вар-т: *Маларчик Я.* Политическое учение Макиавелли в Польше / *Правоведение*. М., 1959. № 2. С. 153–162).

² Например, см.: *Бурлацкий Ф.М.* Загадка и урок Никколо Макиавелли. М., 1977. С. 211.

чением достаточно произвольным, обросшим к тому же такими ответвлениями, как «антимакиавеллизм», «премакиавеллизм» и др.

Как бы то ни было, в России XVI века трудно отыскать следы присутствия не только мысли, но и каких-либо упоминаний о Макиавелли, что естественно для страны, в религиозном и политическом отношении отгороженной от Запада. Если же говорить о возможных параллелях и ассоциациях в духе второго и третьего из вышеназванных направлений, то заявленная тема выглядит чересчур расплывчатой и ее границы даже для этого времени теряются в бесконечности. Тем не менее два довода оправдывают ее постановку. Во-первых, имя Макиавелли часто склоняется в литературе о русской публицистике XVI в. и даже вызывает дискуссии. Во-вторых, можно ограничить идейную сторону разысканий преимущественно так называемой нравственно-политической проблемой, которая вызвала наибольший отклик в общественной мысли последующих столетий. Эту сторону макиавеллиева наследия мы изберем, как наиболее существенную, не пренебрегая, разумеется, и другими сторонами, если встретится материал для сопоставления. Правда, и это ядро макиавеллиевской мысли породило массу разных точек зрения, ведь именно на нем паразитировал миф о «макиавеллизме», и по сей день флорентийскому политику приписывают идеи, имеющие к нему лишь косвенное отношение – о благой цели, оправдывающей дурные средства; о необходимости разделять, чтобы властвовать; о вседозволенности для государей. Прочие толкования, провозглашающие Макиавелли апологетом абсолютизма, сильной власти, зарождающейся буржуазии; учителем тиранов (все это особенно важно для XVI в.) или атеистом – с плюсом и минусом, революционером, якобинцем, предшественником марксизма, являются производными и больше отражают воззрения писавших, нежели того, о ком писали.

Дать формулировку основной идеи Макиавелли очень трудно. Расхожий тезис о том, что он отделил политику от

морали, слишком поверхностен, да и по существу неверен¹. Макиавелли обратился к одной из странностей человеческой психики, или говоря тогдашним языком – человеческой природы: противоречию между «тем, как поступают, и тем, как следовало бы поступать»². Нравственным («доблестным», как говорит флорентийский мыслитель) оказывается не тот государь, который соблюдает букву всех заповедей, а тот, кто обеспечивает мир и согласие. Безнравственным – тот, кто спасая свою душу, губит множество других. Общечеловеческий критерий в политике сохраняется, но его применение становится очень непростым делом³. Прошедшие после Макиавелли пять столетий, к сожалению, подтверждают, что самые благородные идеи, став политической идеологией, часто обращаются в свою противоположность. Это и возрождает постоянный интерес к трудам флорентийского секретаря.

Главные произведения Никколо Макиавелли, вначале ходившие в немногих списках, были опубликованы после смерти автора (1527 г.), за исключением комедии «Мандрагора», изданной впервые около 1519 г. и трактата «О военном искусстве» (1521 г.)⁴. «Рассуждения о первых десяти книгах Тита Ливия», «Государь» и «История Флоренции» увидели свет в 1532 г.⁵. Распространившись в многочислен-

¹ Отзвуки этого положения слышны и в некоторых пассажах Л.М. Баткина, в общем ему противоположных: *Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С. 211–217.*

² Государь. XVIII.

³ «Ни один человек никогда не будет таким безумным или таким мудрым, таким дурным или таким добрым, чтобы из двух противоположных человеческих качеств не похвалить достойное похвалы и не осудить достойное порицания. Тем не менее почти все люди, ослепленные ложным благом или ложной славой, склонны сознательно или неосознанно перейти на сторону тех, кто заслуживает скорее порицания, чем похвалы» (Рассуждения о первой декаде Тита Ливия, кн. 1, гл. 10. Далее: Рассуждения, № книги и № главы).

⁴ *Martelli M. La tradizione delle opere di N.Machiavelli // Cultura e Scuola. A. XIX, Firenze, 1970, No 33–34. P. 28–29.*

⁵ *Ibid. P. 25–29.*

ных переизданиях, они встречали не всегда однозначный прием, но первые публичные выступления против Макиавелли прозвучали только на заре Контрреформации, в 50-е гг. XVI в.¹ При папе Павле IV, в 1559 г. его сочинения попали в Индекс запрещенных книг, подтвержденный в 1564 г. Пием IV². Впрочем, не все папы отвергали Макиавелли, начиная с Климента VII, одоббившего первые издания 1532 г. В 70-е–80-е гг. внуки Макиавелли пытались добиться разрешения на «очищенное» издание его трудов, но речь могла идти только об анонимной публикации, на что они не согласились³. Имя же великого флорентийца стало приобретать одиозный оттенок как раз в это время, в ходе идейной борьбы протестантов и католиков во Франции. Тогда появился и термин «макиавеллизм» как обозначение политики, в которой гугеноты обвиняли Екатерину Медичи, ее коронованных сыновей и окружавших ее итальянцев⁴. Затем это обвинение было перенесено на отцов ордена Иисуса, которые не могли не ответить кальвинистам тем же, и таким образом Макиавелли оказался между двух огней.

Суровая критика не помешала переизданию, часто полуполюгальному, и широкому распространению сочинений Макиавелли в оригинале и в переводах⁵. Переводы делались и на национальные языки, и на латынь, что немало способствовало известности флорентийца во всех европейских странах. Из них для нашей темы наибольший интерес представляет Польша, теснейшим образом связанная как с католическим миром, прежде всего с Италией и Францией, так и с Россией: достаточно напомнить, что значительные русские территории входили в состав объединенного польско-литовского государства, а русские монархи в периоды польских

¹ Bertelli S., Innocenti P. Bibliografia Machiavelliana. Verona, 1979 (Opere di N. Machiavelli, vol. 10). P. LIV.

² Ibid. P. XLI.

³ Ibid. P. XLV–XLIX.

⁴ Barycz H. Myśl... S. 269. Ср. прим. 64.

⁵ Bertelli S., Innocenti P. Bibliografia..., Introduzione.

междоусобиц постоянно выступали претендентами на польский престол. Хотя уровень знаний о Макиавелли в Речи Посполитой оценивается по-разному¹, бесспорно, что Польша в XVI в. была одной из стран, наиболее открытых для макиавеллиевской проблематики, уже благодаря уровню политической полемики, не менее оживленной, чем во Франции. Любопытно, что первые переводы главных трудов Макиавелли на латынь были посвящены полякам. Перевод «Государя» Сильвестро Теллио, изданный в 1560 г. в Базеле, имел посвящение Абрахаму Збонскому, польскому магнату, в то время связанному с французскими протестантами²; первое латинское издание «Рассуждений» (Мумпельгардт, 1588 г.) посвящалось переводчиком Ступаном его ученику, шляхтичу Я. Осмульскому³. Через Польшу книги Макиавелли попадали в западнорусские и украинские земли. Например, на экземпляре переиздания латинских «Рассуждений» с посвящением Осмульскому (1591 г.) наряду с прочими читается надпись: «Куплена во Львове 25 февраля 1595 г.»⁴.

Разговор о «макиавеллизме» часто начинается со времен, намного предшествующих рождению самого термина. Некоторые мыслители конца века, в частности, получили титул «премакиавеллистов», и что любопытно, их деятельность была связана с Восточной Европой. Напомним, что

¹ М. Чиккарини считает, что «Государь» Макиавелли оказался «полностью отвергнутым» в Польше: *Чиккарини М.* Западные источники польско-русских фаворитов XVII в. // Труды Отдела Древнерусской Литературы. Т. XLII. Л., 1989. С. 174. При этом она ссылается на Я. Малярчика, который, однако, приводит в своей статье длинный ряд польских авторов, знакомых с Макиавелли: *Малярчик Я.* Политическое учение Макиавелли в Польше... С. 156 и след. Ср.: *Tamborra A.* Machiavelli... P. 142–146; *Danti A.* Machiavelli... P. 183–184.

² *Barycz. H.* Myśl... S. 274; *Cantimori D.* Gli eretici italiani del Cinquecento. Firenze, 1939. P. 215, 217; *Tamborra A.* Machiavelli... P. 143.

³ *Barycz H.* Myśl... S. 275; *Малярчик Я.* Политическое учение Макиавелли в Польше... С. 155.

⁴ ОРК ГПБ, О-18760. Leopoli emptus Anno D/omi/ni 1595 Mensis Februarii Die 25.

в 1472 г. произошло важнейшее событие в истории русско-западных отношений: женитьба великого князя Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог, способствовавшая обмену посольствами и присылке итальянских мастеров в Москву. С.М. Соловьев так пишет об этом: «...итальянские художники, украшая Москву, делали одно дело с полугречанкою, полуйталианкою Софиею Палеолог, воспитанною в Италии, в той среде, где воспитались Макиавелли, Екатерина Медичи, королева Бона»¹. На первый взгляд, северная держава была бесконечно далека от тонкостей итальянской политики зрелого Ренессанса; в этой связи историк взаимоотношений России и Ватикана, иезуит Павел Пирлинг, замечал: «Учение Макиавелли было в большей, чем следует, чести на его родине. Порою его начала проводились в жизнь самым циническим образом. Разумеется, напрасно стали бы мы искать чего-нибудь подобного в Москве. Здесь еще никто не поднимался на высоту абстрактных теорий дипломатии»².

Тем не менее именно тогда на Русь проникло сказание о «справедном тиране» – «Повесть о Дракуле». Его создателем считается дьяк Федор Курицын, еретик и сторонник церковной реформы, принадлежавший к партии враждебной Софье невестки Ивана III, молдаванки Елены Стефа-

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 13. М., 1962. С. 49. Бона Сфорца (1494–1559), жена Сигизмунда I, итальянка, которую обвиняли в «макиавеллизме», см.: *Малярчик Я.* Политическое учение Макиавелли в Польше... С. 155. Ср.: *Лурье Я.С.* Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 126, где сказано о Софье, что «идеи Возрождения не были восприняты ею».

² Пирлинг П. Россия и папский престол. Т. I. Спб., 1912. С. 233–234. Я.С. Лурье отмечает, что успехом своих интриг Софья была обязана итало-византийскому опыту. («Русские современники...»). С. 126–127). Любопытно, что Маркс называет в «Хронологических выписках» Ивана III. ее мужа, «великим макиавеллистом»: Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. М., 1946. С. 159. Очевидно, это определение навеяно неоднократными высказываниями Ф. Сегюра, которого Маркс читал (см. там же. Предисловие. С. III): *Segur de Ph. Histoire de Russie et de Pierre-le-Grand. P., 1835 (2 Ed.). P. 151, 167, 172, 177 etc.*

новны и ее сына, в 1482 г. ездивший с посольством к венгерскому королю Матияшу Корвину¹. Примечателен не только сам факт появления повести на русской земле, но и ее происхождение; пребывание автора в Молдавии и столице Венгрии – «Будине», совпадение его интереса к жестокому валашскому князю, «греческой веры христианину», с интересом к этому же персонажу итальянца Антонио Бонфини, придворного венгерского короля, историка и одного из «премакиавеллистов»² (там же действовали и другие писатели этого круга: Андрей Панноний и Филипп Каллимах)³. Под пером Курицына Дракула, прозвище которого он переводит как «Дьявол», выглядит государем, добившимся совершенного порядка путем устрашения подданных неслыханными жестокостями. Например, «...в пустынном месте, где протекал горный источник с прекрасной ключевой водой, Дракула велел оставить золотую чашу и никто не смел ее унести; иноземный купец мог спокойно ночью оставлять свои товары посреди улицы: Дракула ручался за безопасность его имущества»⁴. Я.С. Лурье считает, что Курицын видит в мутьянском воеводе не образец для подражания, а предостережение слушникам, чтобы не доводили власть до крайности⁵. И все же автор книги «Русские современники Возрождения» относит своего ге-

¹ Лурье Я.С. Русские современники... С. 95–106.

² Там же. С. 95.

³ Ср.: *Danti A. Machiavelli...* P. 182; *Tamborra A. Machiavelli...* P. 138–139. А. Тамборра, который ссылается на Лурье (Повесть о Дракуле / под ред. и с пред. Я.С. Лурье. М., 1964), замечает в связи с распространением Макиавелли в Восточной Европе: «Достоинно скорее удивления, что Макиавелли был /здесь/ известен довольно мало. Может быть, причина заключается в том, что там, где самодержавный абсолютизм утверждался с помощью обычных средств, как в московских или габсбургских владениях, или южнее, в Рагузе, будучи орудием олигархии, заботящейся о сохранении государства, правительственная «практика» была слишком проникнута родственным Макиавелли духом, чтобы нуждаться в особом превознесении» (Р. 139).

⁴ Лурье Я.С. Русские современники... С. 107.

⁵ Там же. С. 108.

роя, Федора Курицына, к «сторонникам искоренения зла насильственными средствами», стремившимся к преобразованиям сверху, «путем чудодейственного подчинения государственной власти своим планам», заведя себе собственного Дракона¹. Это стремление советский историк считает утопичным, напоминая о самом «ярком воплощении» Дракулы в XVI ст., Иване Грозном². «Дьяволом можно грозить – но вызывать его не следует», – пишет он³.

Параллели, которые проводит Я.С. Лурье, в том числе и с Макиавелли⁴, не лишены убедительности. Дракула у Бонфини сочетает в себе «неслыханную жестокость и справедливость» – вспоминается «милосердная жестокость» Макиавелли⁵. Мнение Я.С. Лурье о последнем таково: «Как и Федор Курицын, флорентийский философ вовсе не был поклонником жестокой политики государя – он просто исходил из политической реальности своего времени, из того факта, что сама по себе проповедь верности, любви к ближнему и человечности не приводит государственного деятеля к успеху, что для достижения победы проповедник справедливости должен быть “вооруженным пророком”»⁶.

¹ Там же. С. 141.

² Там же. С. 139. В статье А.М. Панченко, Б.А. Успенского Иван Грозный и Петр Великий: концепция первого монарха // ТОДРЛ. Т. XXXVII. Л., 1983. С. 62–63 проводится параллель между «Повестью о Дракуле» и сочинениями Пересветова, с одной стороны, которые могли быть запрещены при Иване Грозном из-за «официозной прямоты», и трудами Макиавелли – с другой, не издававшимися в Италии с середины XVI в. Предположение остроумное, даже чересчур, и трудно доказуемое. Фактическая точность требует заметить, что Макиавелли продолжал издаваться в XVI в. и в Италии (главным образом, в Венеции), хотя чаще анонимно; очень распространены были и издания с указанием итальянских городов и выходных данных, но на деле зарубежные. См. *Bertelli S., Innocenti P. Bibliografia...* P. XLIX e sgg.

³ *Лурье Я.С. Русские современники...* С. 138.

⁴ Там же. С. 138–140.

⁵ Государь. XVII. Этот термин у Макиавелли, как и некоторые другие, не поддается однозначному истолкованию. Ср.: его применение в гл. XXI «Государя» к действиям Фердинанда Католика.

⁶ *Лурье Я.С. Русские современники ...* С. 138.

Оправдание Макиавелли и гуманистов XV в. автор этой очень точной характеристики видит в их наивном уповании на то, что «благая тиранья», сделав свое дело, должна исчезнуть¹. Трагедия же «провозвестников тираньи», по его мнению, в том, что, как ни открещивались от них позднее абсолютные монархи, «история навсегда связала их вместе»².

Макиавелли действительно не чужда была подобная и даже не столь наивная постановка вопроса: «Так как возродить республику к политической жизни может только хороший человек, а стать ее государем путем насилия может только дурной человек, то в высшей степени редко случается, чтобы хороший человек захотел прийти к власти дурным путем, хотя бы и ради благой цели»³. Возможно, вера в такие «редкие случаи» утопична, но похоже, что другие способы примирить реальность и утопию в политике по сей день не найдены. Хотя «Повесть о Дракуле» иллюстрирует, скорее, обратный случай: слишком буквальное исполнение закона обращает его в противоположность, в несправедливость.

История самого выдающегося «премакиавеллиста», Филиппо Буонаккорси Каллимако (Каллимаха) также оказалась тесно связанной с Восточной Европой⁴. Видный флорентийский гуманист был обвинен в антипапском заговоре и в 1468 г. бежал через Константинополь в Польшу⁵. В своих странствиях он неоднократно попадал и на русскую землю⁶. По всей видимости, на выбор страны, куда Каллимах отправился из Италии, повлияли его родствен-

¹ Там же. С. 139.

² Там же.

³ Рассуждения. I, 18.

⁴ *Garbacik J.* Kallimach jako dyplomata i polityk. Kraków, 1948; *Danti A.* Machiavelli.... P. 182.

⁵ В диссертации Смирновой Т.И. высказывается мнение, что заговора на самом деле не было. Смирнова Т.И. Каллимах Эсперiente – гуманист и политик XV в. М., 1994. Автореф. канд. дис. С. 16.

⁶ *Gukowski M.* Il Rinascimento italiano e la Russia/Rinascimento europeo e Rinascimento veneziano. Firenze, 1967. P. 134.

ные и дружеские, а также, как предполагают¹, деловые связи с флорентийским семейством Тедальди, издавна имевшим контакты в Польше. Об этой семье речь еще пойдет ниже. Каллимах подписывался в своих бумагах de Thedaldis², он состоял в переписке с известным флорентийским гуманистом Латтанцио Тедальди, знакомым, между прочим, с Макиавелли, который был на поколение моложе. Большую помощь Каллимаху в Константинополе, а затем при переезде во Львов и в Польшу оказал Айнольфо Тедальди³, с 1465 г. имевший откуп на соляные копи и таможенные сборы в Белоруссии и на Западной Украине⁴. Айнольфо имел значение при дворе (старые энциклопедии называют его даже вице-королем Польши)⁵ и помог устройству Каллимаха, назначенного воспитателем детей короля Казимира. Хотя взаимоотношения Айнольфо с Каллимахом позднее испортились⁶, последний в 1496 г. был похоронен в склепе Тедальди в Кракове, где в 1505 г. упокоился и Айнольфо⁷.

Пребывание Каллимаха в Польше оставило заметный след, он собрал вокруг себя любителей античного просвещения и, став приближенным короля Яна Ольбрахта, влиял на политическую жизнь Польши в духе усиления центральной власти. Главным макиавеллистическим сочи-

¹ *Ptaśnik J. Kultura włoska wieków strzednych w Polsce*. Warszawa, 1959 (2 wydanie); Id., *Un precursore di Machiavelli in Polonia: Filippo Buonaccorsi detto il Callimaco // Europa Orientale*, 1938.

² *Ptaśnik J. Kultura...* S. 110. N. 51.

³ *Голенищев-Кутузов И.Н.* Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия). М., 1963. С. 9 называет его братом Латтанцио, по всей видимости, ошибочно, так как имена отца и деда по фамильной линии у них разные. Ср.: *Pociecha W. Królowa Bona (1494–1557) – Czasy i ludzie Odrodzenia*. Т. II, Poznań, 1949. S. 4.

⁴ *Ibid.*; *Голенищев-Кутузов И.Н.* Гуманизм... С. 9.

⁵ *Gamurrini E. Istoria genealogica delle famiglie nobili toscane et umbre*. V. VI. Firenze, 1668. P. 356.

⁶ *Ptaśnik J. Kultura...* S. 111; *Zeissberg von H.B. Kleinere Geschichtsquellen Polens im Mittelalter. Eine Nachlese*. Wien, 1877. S.70.

⁷ *Ptaśnik J. Kultura...* S. 114.

нением Каллимаха считаются «Советы» (*Rady Kallimacha*), самые ранние рукописи которых относятся к 40-м годам XVI века, когда основные труды Макиавелли уже вышли в свет. Достоверность «Советов Каллимаха» оспаривается, но многие историки не сомневаются в их принадлежности, по меньшей мере идейной, Филиппо Буонаккорси, и именно благодаря им его называли «Макиавелем до Макиавелли»¹. Параллели, которые можно проводить между автором «Rad» и автором «Государя», достаточно отдаленные: они отражают скорее их социальные симпатии – направленность против дворян и духовенства, опора на купцов и мещан. Одна любопытная деталь позволяет строить гипотезы о возможности прямых связей между Каллимахом и Макиавелли: ближайший друг и сослуживец последнего (правда, в 1499–1512 гг., уже по смерти Филиппо), Бьяджо Буонаккорси, был родным племянником Каллимаха². Я. Пташник прибавляет к этому, что с 1484 г. у Каллимаха в Польше жил некий мальчик из Флоренции по имени Никколо³. К сожалению, опубликованные позднее воспоминания отца Макиавелли, Бернардо, хотя и не изобилуют биографическими сведениями, все же указывают, что Никколо Макиавелли жил и учился во Флоренции⁴.

Младшим современником Макиавелли был Павел Иовий Новокомский (Паоло Джовио), автор трактата «Московия», написанного, как утверждал сам автор, по рассказам дьяка Дмитрия Герасимова, посланца Василия III к папе Клименту VII в 1525 г. О флорентийском секретаре Джовио отзы-

¹ *Estreicher S. Rady KallimachaZ / Studia 2 dziejow kultury polskiej. Warszawa, 1949. S. 173–178; Ptašnik J. Kultura... S. 241; Lempicki S. Renesans i humanizm w Polsce. Kraków, 1952. S. 102–103.*

² *Ptašnik J. Kultura... S. 244.*

³ *Ibid. S. 245, n.78.*

⁴ *Machiavelli B. Libro di ricordi/ a cura di C. Olschki. Firenze, 1954.* Как любопытную деталь можно отметить, что Макиавелли назвал Каллимахом героя своей знаменитой комедии «Мандрагора», который добивается любви Лукреции, а ведь имена писатель подбирал со значением. Пьеса впервые была сыграна на свадьбу Лоренцо Медичи, отца будущей королевы Франции Екатерины, которому посвящен «Государь».

вался в своей книге «Похвалы ученым мужам, прославленным в словесности» вполне в духе времени: он снисходительно одобрил его увлечение древними и исторический стиль, но заключил свою характеристику такими выводами: «Сочинения /Макиавелли/ напитаны медом сладкого красноречия, проникнуты же тайным ядом... Поэтому он всегда жил в нужде, как безбожный насмешник»¹.

В России конца XV вв. только отдельные лица были знакомы с западной образованностью; Федор Курицын, Дмитрий Герасимов, Максим Грек, Федор Карпов были современниками Возрождения, но в полной мере не могли воспользоваться его идеями, распространению которых мешали языковые, конфессиональные и культурные различия. Таких преград не было между латинским миром и Польшей, чья дворянская молодежь с XV в. во множестве ездила учиться в Италию, прежде всего в университеты Падуи и Болоньи². Духовная жизнь Италии становилась во многом и духовной жизнью Польши; гуманизм, реформация, контрреформация привились и на здешней почве, а через нее их отголоски достигали и России.

Судьбы Макиавелли в Польше, которым посвящено уже немало исследований³, в целом сродни итальянским. В «макиавеллизме», или может быть, точнее, в «каллимахизме» обвиняли королеву Бону Сфорца (1518–1559), итальянку, вторую жену Сигизмунда I (1506–1548), как, впрочем, и его самого⁴. Такие же упреки адресовались их

¹ P. Jovii Novocomensis... episcopi Nucerni Elogia (doctorum) virorum, litteris illustrium... Basileae, 1577. P. 104–105.

² В XVI в. в Италии побывали ради учебы 1400 поляков. См.: *Malarczyk J. Machiavellismo e antimachiavellismo nell'Europa Orientale del Cinquecento // Machiavellismo e antimachiavellici nel Cinquecento. Firenze, 1969. P. 108.*

³ См.: цитированные сочинения Х. Барыча, Я. Малярчика, А. Тамборры, А. Данти, а также приведенную в них библиографию.

⁴ *Малярчик Я. Политическое учение Макиавелли в Польше... С. 155. О Боне и литовско-русском дворянстве в ее окружении см. также: Голенищев-Кутузов И.Н. Гуманизм... С. 16–17.*

сыну, Сигизмунду II Августу (1548–1572)¹. Но примерно до 90-х гг. XVI в. обвинение в макиавеллизме еще не стало обычным приемом политической борьбы, и прямые ссылки на Макиавелли были нередко благожелательными.

Пожалуй, первая цитата из Макиавелли в польской книге – это упоминание трактата «Государь» в анонимно изданном в Вильно «Разговоре поляка с литвином»². Автором книги, вышедшей примерно в 1565–1566³ гг. был, как установили польские историки⁴, известный гуманист Августин Ротундус (Мьелески) (около 1520–1582), выходец из Польши, но патриот Литвы и автор первой (несохранившейся) ее истории.

В юности Ротундус пережил увлечение реформой и посещал Виттенбергский университет, но впоследствии всегда был ревностным католиком и даже боролся с протестантизмом⁵. Учился он и в Италии, в Падуе, а с 1551 г. занимал должность королевского судебного чиновника – войта в Вильно. Это был высокообразованный человек, общавшийся с высшими духовными сановниками Польши

¹ *Малярчик Я.* Политическое учение Макиавелли в Польше... С. 155. Среди сохранившихся и опубликованных описаний библиотеки Сигизмунда II, находившейся в Вильно, книги Макиавелли не упоминаются: *Hartleb K.* Biblioteka Zygmunta Augusta. Lwów, 1928; *Barycz H.* Myśl... S. 269. Ср.: *Савельева Е.А.* Книги польского короля Сигизмунда II Августа // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги (БАН). Вып. 3. 1985. Л., 1987. С. 223–246.

² *Rozmowa polaka z litwinem, z ktorej tu znajduie kazdy obaczyc moze co jest prawa wolnosc abo swoboda i jacoby unija Korona Polska z Ksiestwem Litewskim przyjac miła, przeciw sromotnemu i omylnemu Stanisławu Orzechowskiego pisaniu... 1564(7); Rozmowa... / Wydał J. Korzeniowski. Krakow, 1890.*

³ *Baryczowa M.* Augustin Rotundus Mielieski, wojt wilenski, historyk i apologeta Litwy// *Ateneum Wilenskie*. Vol. XI, Wilno, 1936. S. 135.

⁴ *Baryczowa M.* Augustyn... . Vol. XI, s. 137; *Jakubowski P.* Nowe przyczynki do zyciorysu Augustina Rotunda// *Litwa i Rus*. T. III, 1912. Z. I. S. 42. Якубовский считает, что Ротунд написал диалог по поручению Н. Радзивилла вместе со своим приятелем, протестантом А. Воланом. Ср.: *Апушкин А.* На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс, 1970. С. 37–38, где использованы данные издателя 1890 г. И. Корженевского.

⁵ *Baryczowa M.* Augustin... // *Ateneum...* . Vol. X. 1935. S. 73–80.

и, что часто совпадало, крупными гуманистами: Самуилом Мацейовским, Станиславом Хозием, испанцем Петром Роизием (Росцием, – Руис де Морос)¹.

Поводом для публикации «Разговора», посвященного вопросу о готовящейся унии между Польшей и Литвой, послужила книжка польского писателя западнорусского происхождения² Станислава Ожеховского «Квинкункс», задевавшая национальное чувство литовцев. Автор ответа ему выступает за автономию Литвы и вместе с тем против выборности монарха, которая ставит его в зависимость от произвола шляхты. В пользу наследственной власти, собственно, во втором диалоге, и приводится ссылка на Макиавелли³. «Не приходилось ли тебе читать на итальянском Николая Макиавелли, который писал *de principe* (лат. «о государе»)? Во второй главе он рассуждает о наследственном княжестве, для которого родившийся в нем государь лучше и полезнее, чем чужой или приглашенный откуда-то; и там же приводит несколько современных примеров этого. Но оставим и Макиавелли». Хотя название «Государя» дано здесь по латыни, отмечено, что трактат написан «на итальянском», и это заставляет усомниться в правильности предположения, что Ротунд читал его в латинском издании перевода Теллио 1560 г.⁴

¹ *Ibidem*, vol. X, XI. Между прочим, Хозий переписывался с Франческо Гвичардини, см.: *Barycz H. Studia włoskie Stanisława Orzechowskiego// Studia z dziejów kultury polskiej*. Warszawa, 1949. S. 223.

² См. о нем: *Голенищев-Кутузов И.Н.* Гуманизм... С. 13–14.

³ «Nie czytałeś kiedy Nicolaum Maciavellum po włosku, który pisał *de principe*? Ten wywodzi in cap.2 iż dziedziczny a w onym państwie wrodzony pan jest lepszy i pozyteczniejszy rzeczy polspolitej, niż cudzy albo z inąd nabyty, i dawa tam przykładów kilka naszego wieku o tym. Wszakże opuścimy i Maciavella» – *Rozmowa...* S. 62.

⁴ *Barycz H.* Мысль... S. 273; *Tamborra A.* Machiavelli... P. 143. Ротундус мог бы познакомиться с «Государем» и в библиотеке Сигизмунда II Августа (если, конечно, эта книга там все-таки была). В мае 1571 г. Ротунд записывал завещание этого короля в Варшаве; согласно завещанию виленская библиотека перешла к здешней иезуитской коллегии (позднее Виленский университет); несколько десятков книг попали в конце концов в Библиотеку АН СССР (БАН); ср.: прим. 51. См.: *Baryczowa M.* Augustin... Vol. X. S. 92.

К Московии Ротунд относился без особой симпатии и еще в «Разговоре» писал о необходимости отнять у нее литовские земли¹. Впоследствии он принимал косвенное участие в войне с Москвой, собирая войско, и писал о том, что не следует доверять Ивану IV, которого он называет варваром². Однако писатель был не чужд западнорусской культуре, судя по тому, что именно ему доверили перевод Второго Литовского статута с белорусского на латинский язык³.

После смерти Сигизмунда Августа, последнего Ягеллона, перед Польшей встала проблема выбора нового монарха. Во время этого первого междуцарствия Августин Ротунд выступал против Ивана Грозного, бывшего одним из соискателей, и участвовал во встрече в Кракове нового избранного короля, французского принца Генриха Валуа (впоследствии тот сменил польскую корону на французскую), который в споре с ландграфом Гессенским по дороге в Польшу якобы ссылался на Макиавелли, оправдывая Варфоломеевскую ночь⁴. Во всяком случае его мать, Екатерина Медичи, была для французских протестантов, как мы уже говорили, живым воплощением «макиавеллизма» (кстати, «Государь» имел посвящение ее отцу, Лоренцо Медичи, герцогу Урбинскому)⁵.

В последней четверти XVI в. страсти вокруг имени Макиавелли стали достаточно накаленными, так что польско-шведскому королю Сигизмунду III Вазе уже было посвящено латинское издание антимакиавеллиевского трактата испанского иезуита Педро Рибаденейры⁶. Что не помешало

¹ Rozmowa... S. 45.

² *Baryczowa M.* Augustin... Vol. X. S. 88: «barbarzynca, ogołoconym z wszelkiej wiary».

³ Ibid. Vol. XI. S. 156–157.

⁴ *Barycz H.* Myśl... S. 269.

⁵ Ibidem; *Малярчик Я.* Политическое учение Макиавелли в Польше... С. 155.

⁶ *Barycz H.* Myśl... S. 282; *Малярчик Я.* Политическое учение Макиавелли в Польше... С. 156.

сторонникам «рокоша» (восстания) 1606–1607 гг., возглавленного Миколаем Зебжидовским, обвинить короля вместе с иезуитами в макиавеллизме, используемом для укрепления тирании¹.

Если иезуиты, вопреки утверждениям знати, никогда не «исповедовали Макиавелли открыто»², ибо сразу поняли невыгодность этого, то несколько иначе обстояло дело с публицистами, защищавшими корону. «Легенда о Макиавелли», распространявшаяся в общественном мнении, ставила под удар любого политика, который осмелился бы провозгласить себя его последователем. (Что подтверждало, кстати, мысль великого флорентийца о том, что господствующие суждения, суждения большинства, чаще всего поверхностны³.) Однако эрудированные и европейски образованные вельможи имели возможность познакомиться с подлинным Макиавелли, и доля правды была в словах о том, что при дворе его читают больше, чем государственные законы⁴.

Подобным обвинениям подвергался коронный канцлер и великий гетман Ян Замойский (1542–1605), который учился в Италии и даже был ректором Падуанского университета⁵. Латинский перевод «Рассуждений» Макиавелли был вторично издан в 1620 г. учителем сына Замойского, Томаша, с посвящением этому последнему. Здесь издатель, Йост Рейфенберг, вспоминает, как они с учеником читали Макиавелли⁶. Сохранилась запись о беседе Яна За-

¹ *Malarczyk J. Machiavellismo...* P. 113.

² *Ibid.* P. 114; *Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego 1606–1608/ Wydał Jan Czubek. Kraków, 1916. T. III. S. 226.*

³ Государь. XVIII.

⁴ *Malarczyk J. Machiavellismo...* P. 113.

⁵ *Ciampi S. Notizie dei secoli XV e XVI sull'Italia, Polonia e Russia, raccolte e pubblicate da Sebastiano Ciampi colle vite di Bona Sforza de'duchi di Milano, regina di Polonia e di Giovanni de Medici detto delle Bande Nere. Firenze. 1833. P. 7–8.*

⁶ *Barycz H. Myśl...* S. 275.

мойского в 1596 г. с посланником из Рима, в которой канцлер хвалил Тацита, а о Макиавелли заметил, что тот высказывает «слишком вольные мнения»¹. Что касается роли Замойского в связи с русской историей, то не говоря о его активном участии в войне и мирных переговорах между Стефаном Баторием и Иваном IV в 80-е гг., следует упомянуть, что он был противником поддержки Дмитрия Самозванца в 1604–1605 гг.² Его преемник на посту канцлера, Феликс Крыйский, был автором листовки о причинах войны с Московией³, и другой, с одобрительным отзывом о Макиавелли⁴.

В польской политической литературе второй половины XVI в. можно обнаружить знакомство с идеями Макиавелли, но не прямые ссылки на него, чем и объясняются расхождения в оценках «присутствия» Макиавелли в Польше у разных историков⁵. Влияние неназванного Макиавелли находят у Лаврентия Госьлицкого (ок. 1530–1607)⁶, автора трактата «Об образцовом сенаторе»⁷, переиздававшегося в Англии⁸.

¹ Ibidem; *Malarczyk J. Machiavellismo...* P. 110. Вспоминаются слова Макиавелли: «Я не считаю и никогда не буду считать преступлением защиту каких-либо мнений с помощью разумных доводов...». Рассуждения. I, 58.

² *Pierling P. La Russie et le Saint Siège.* Т. III. P., 1901. P. 103.

³ Ibid. P. 267.

⁴ *Pisma...* Т. II. S. 313–317; *Barycz H. Myśl...* S. 288; *Malarczyk J. Machiavellismo...* P. 113.

⁵ *Danti A. Machiavelli...* P. 181.

⁶ *Jarra E. Wawrzyniec Goślicki jako filozof prawa // Themis Polska. Ser. III. Vol. VI. Warszawa, 1930. P. 92–160.*

⁷ *De optimo senatore libri duo, in quibus magistratum officia, civium vita beata. rerum publicum foelicitas explicantur. Venetiis. 1568.*

⁸ В 1598 г. (The counsellor exactly portraited in two books...), в 1607 г. (A commonwealth of good consaile) и 1733 г. См. *Wielka encyclopedia powszechna PWN. Т. VI. Warszawa, 1965. S. 690; Encyclopaedia Britannica, v. X. L., 1965. P. 592.* Есть даже предположение о том, что Шекспир воспользовался этим трактатом для изображения Полония в «Гамлете». См.: *Голенишев-Кутузов И.Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI веков. М., 1963. С. 65; Teslar J.A. Shakespeare's worthy counselor // Sacrum Poloniae Millennium. Vol. VII. 1960.*

Госылицкий писал и о польско-русских войнах¹. Сомнительным считает большинство историков влияние Макиавелли на крупного политического мыслителя Анджея Фрыч Моджевского², чье сочинение «Об исправлении государства» (1551) было известно на Руси в XVII в.³ Если Моджевский и знал труды флорентийца⁴, которого он не упоминает, их позиции достаточно далеки друг от друга⁵.

Сложнее обстоит дело с другим плодovitым писателем XVI в., Кшиштофом Варшевицким, получившим в одной статье звание «польского Макиавелли»⁶. В пользу сходства говорят опять-таки отдельные отрывки из трактатов Варшевицкого⁷, в особенности то место, где он советует королю добиваться успеха любой ценой⁸. Во всяком случае, исследователи отмечают это сходство с большими оговорками⁹, называя Макиавелли одним из многих источников Варшевицкого¹⁰. Варшевицкий последовательно выступал

¹ Его первое сочинение *De victoria Sigismundi Augusti... ex Moschorum 40 millibus caesis parta. Patavii, 1564.*

² *Barycz H. Myśl...* S. 270; *Skarzyński W. Andrzej Frycz Modrzewski // Roczniki towarzystwa przyjaciół nauk Poznanskiego. Vol. XXVI, Poznań, 1898; Маларчук Я. Политическое учение Макиавелли в Польше...* С. 156.

³ *Danti A. Machiavelli...* P. 187; *Соболевский А. Переводная литература Московской Руси. Спб., 1903 (2-е изд.).* С. 15.

⁴ *Tamborra A. Machiavelli...* P. 143.

⁵ Существенно, что Моджевский критиковал Каллимаха, защищая интересы дворянства: «...еще хуже ...Каллимах: все его советы клонились либо к уничтожению высших сословий, либо к уменьшению их достоинства». Об исправлении государства, кн. I. Гл. IX, 8 // *Польские мыслители эпохи Возрождения. М., 1960.* С. 82.

⁶ *Leśnodorski B. Polski Makiawel // Studia z dziejów kultury polskiej. Warszawa, 1949.* S. 257–279.

⁷ *Tamborra A. Machiavelli...* P. 144; *Christophori Varsevitii Opuscula inedita... / Collecta ac edita a Theodoro Wierzbowski. Varsoviae, 1883.*

⁸ *Malarczyk J. Machiavellismo...* P. 113; *Tamborra A. Machiavelli...* P. 144.

⁹ *Barycz H. Myśl...*, s. 271; *Boczek B.K. Warszewickiego nauka o panstwie i dyplomacji // Studia imaterialy z dziejów nauki polskiej. Vol. 5, 1957.* S. 81–199. В кн.: *Barycz H. Myśl...* S. 271; (за ним?) *Tamborra A. Machiavelli...* P. 144 ошибочно указан Т. 6, 1958 г.

¹⁰ *Tamborra A. Machiavelli...* P. 145–146. См. Также: монографию *Tamborra A. Krzysztof Warszewicki e la diplomazia del Rinascimento in Polonia. Roma, 1965*, которой не было в моем распоряжении.

за концентрацию власти в руках короля и против шляхетской «золотой вольности»; при этом он, как и многие его современники, мог рассматривать автора «Государя» в качестве своего союзника. Открыто назвать его таковым, однако, ревностный католик уже не мог, ввиду полемики, развернутой против безбожного Макиавелли иезуитами; наилучшим выходом оставалось умолчание¹.

В своей дипломатической деятельности Варшевицкий не обошел и России: как представитель шведского короля, хотя без официальных полномочий, он участвовал в заключении Ям-Запольского перемирия в 1582 г. между Стефаном Баторием и Иваном Грозным². Затем он ездил с сообщением об этих переговорах в Стокгольм, где его брат, кстати сказать, воспитывал наследника шведского престола. Не очень лестную характеристику Варшевицкому как дипломату дает Б. Лешнодорский, который называет его двурушником, личностью, нравственно ничтожной, и пособником иезуитов³.

Подобные отзывы можно встретить и о человеке, которому Варшевицкий действительно мог помогать во время переговоров, человеке, сыгравшем немаловажную роль в истории Польши и России, как впрочем, и Швеции, и Франции, и, естественно, Италии, и известном как один из главных «антимакиавеллистов» – речь идет об отце-иезуите Антонии Посевине. Вот что записал о нем А.С. Пушкин: «Езуит Посвин, столь известный в нашей истории, был один из самых ревностных гонителей памяти Макиавелевой. Он соединил в одной книге все клеветы, все нападения, которые навлек на свои сочинения бессмертный флорентиец, и тем остановил новое издание оных. Ученый Conringius, издавший “II Principe” в 1660 г., доказал, что Посвин никогда не читал Макиавелли, а толковал о нем понаслышке»⁴.

¹ *Tamborra A. Machiavelli...* P. 144–146.

² *Pierling P. La Russie...* Т. II. P., 1897. P. 113, 134.

³ *Leśnodorski B. Polski Makiawel...* S. 261. Не сказала ли на этой характеристике и «легенда о Макиавелли»?

⁴ *Пушкин А.С. Полн.собр. соч. Т. 12. М.; Л., 1949. С. 156.*

В самом деле, несколько страничек, посвященных Поссевином флорентийцу, стяжали ему славу непримиримого противника Макиавелли.

Но так ли справедлива эта известность? Пушкин, по всей очевидности, опирался на предисловие к сочинениям Макиавелли из имевшегося у него французского издания Перьеса¹, в свою очередь почерпнувшего сведения из статьи аббатов Танцини и Фоллини, предпосланной ряду итальянских изданий конца XVIII – начала XIX вв.²

Германн Конринг, на которого все они ссылаются, показал, что Поссевин, написавший «свое так называемое „Суждение“ о четырех авторах: Филиппе Лану, Иоанне Бодене, Филиппе Морнэ и Николае Макиавелли по велению папы Иннокентия IX»³, даже не читал «Государя», ибо полагает, что этот трактат разделен на три книги. Отсюда следует, что сведения о Макиавелли иезуит почерпнул из анонимного труда, опубликованного кальвинистом Жан-тийе, который как раз и разделен на три книги⁴.

Но можно предположить, что этот факт, столь возмущивший потомков-историков⁵, не очень беспокоил самого автора, который, собственно, и не заботился о его сокрытии. Ведь «Суждение» Поссевина направлено фактически

¹ *Machiavelli N. Oeuvres complètes de Machiavel/ Traduites par J.V. Périès. P. 1823–1826. 12 tt. T. L. Préface. P. IX–XIV.*

² *Ibid. P. XXXVII.*

³ *Antonii Possevini e Societate Jesu Judicium de Nuae militis Galli scriptis, quae ille Discursus politicos et militares inscripsit. De Joannis Bodini Methodo historiae; libris de Republica et Daemonomania. De Philippi Mornaei libro de Perfectione Christiana; De Nicolao Machiavello. Roma, ex Typographia Vaticana (apud Domenicum Basam), 1592.*

⁴ *Nicolai Machiavelli Princeps, aliaque nonnulla, ex italico latine nunc demum partim versa, partim infinitis locis... castigata/curante Hermanno Conringio. Helmestadii, 1660. P. 8–10.*

⁵ *Bayle P. Dictionnaire historique et critique. Vol. 3. Ed.4-ème. Amsterdam-Leide, 1730. P. 246–247; Benoist Ch. Le machiavélisme. Vol. III. Le machivélisme après Machiavel. P., 1935. P. 33–35; De Mattei R. Dal premachiavellismo all'antimachiavellismo. Firenze, 1969. P. 240.*

против пяти писателей, и раздел, посвященный Макиавелли, озаглавлен так: «Предостережение относительно писаний как Макиавелли, так и того, кто написал против него “Антимакиавелли”, имя же свое не указал»¹. Впрочем, этому «еретику» посвящено в «Предостережении» буквально три фразы.

Все указывает на то, что выступление Поссевина не было подготовленным и принципиально выношенным, а диктовалось, скорее, сиюминутными соображениями и готовилось в спешке². Обстоятельства публикации его книги так изложены в предисловии к лионскому изданию 1593 г.: «...когда эти сочинения /против которых выступает Поссевин/ были занесены французами в Италию, они попали в руки Его Святейшества папы Иннокентия IX, еще до того, как он взошел на престол, и дона Антония Поссевина, и те сочли их достойными своей критики и предостережения. Папа приказал Поссевину, чтобы тот, частью по его указаниям, частью по отрицательным отзывам самого Поссевина, которыми он поделился с папой, написал нечто, опровергающее вредоносные книги»³. Несколько иначе рассказывает об этом сам Поссевин, судя по изложению его биографа о. Дориньи⁴. Мысль написать труд против Макиавелли подсказал иезуиту некий инквизитор из Падуи, затруднявшийся в объяснении пастве церковного запрета на сочинения флорентийского секретаря⁵. Этот же инквизитор способствовал тому, что труд Поссевина дошел через его начальство до папы, который решил опубликовать книгу в Риме. Одновременно с просьбой осудить

¹ «Cautio de iis quae scripsit tum Machiavellus, tum is, qui adversus eum scripsit Antimachiavellum, cui nomen haud ascripsit».

² Ср.: *Tommasini O.* La vita e gli scritti di Niccolo Machiavelli. Vol. I. Roma, 1883. P. 21, который цитирует слова Данте: «La fretta dismaga l'onesta ad ogni atto».

³ *Antonii Possevini e Societate Jesu Judicium...* . Lugduni, Buysson 1593 (2 ed.), f.2v.

⁴ *Dorigny J.* La vie du père Antoine Possevin de la Compagnie de Jésus. P. 1712.

⁵ *Ibid.* P. 512–513.

Макиавелли к Поссевину обратился герцог Баварский, в чем тот увидел особое знамение¹.

Надо сказать, что после 1587 г. бывший блестящий дипломат пребывал как бы в опале, и его возврат к более активной политической деятельности произошел как раз одновременно с изданием «Суждения... о Макиавелли»². Конечно, акцентировать этот карьерный момент в воспоминаниях о событии Поссевину не было смысла. Интересно, что речь здесь идет об одном Макиавелли, хотя в пересказе Дориньи мельком упомянуты и остальные объекты «сатиры» Поссевина³.

На самом же деле антимакиавеллиевская кампания, развернувшаяся одновременно с антипротестантской и имевшая целью защитить политическую деятельность римского престола, была усилена по инициативе папы; для Поссевина же это мог быть удачный повод напомнить о себе. В этом ему помогли друзья в Риме, тот же кардинал Бароний, фигурирующий в рассказе Дориньи⁴. Участниками названной кампании были, кроме Поссевина, многие лица, группировавшиеся, в частности, вокруг ораторианской конгрегации в Риме, руководимой св. Филиппом Нери. Прежде всего нужно упомянуть священника Томмазо Боцио да Губбио, автора четырех антимакиавеллиевских книг, выглядящих куда весомее восьмистраничной брошюры дона Антонио, на две трети заполненной отсылками к церковным историкам и Фоме Аквинату.

Не случайно само авторство Поссевина было поставлено под вопрос А.С. Барби в книге о флорентийском литераторе Джован Баттисте Строчи, в начале 1590-х гг. подвизавшемся среди ораторианцев⁵. Джованни Баттиста

¹ Ibid. P. 513.

² *Kartunen Liisi*. Antonio Possevino. Un diplomate pontifical au XVI-e siècle. Lausanne, 1908. P. 234.

³ *Dorigny J.* La vie... P. 511, 513.

⁴ Ibid.. P. 513.

⁵ *Barbi A.S.* Un accademico mecenate e poeta Giovan Battista Strozzi. Firenze, 1900. P. 42–44. Ср.: *De Mattei R.* Dal premachiavellismo... P. 240, п. 4 и Procacci G. Studi sulla fortuna del Machiavelli. Roma, 1965. P. 165, п.3, которые ссылаются на неизвестное мне издание книги Барби 1943 г.

ди Лоренцо ди Федерико Строцци Младший или Слепой (1551–1634)¹ вспоминает в письме к Якопо Гадди, скорее всего, на старости лет², что Иннокентий IX избрал его «написать против Макиавелли и г-на де Лану»³. Сохранилось и письмо Поссевина Строцци от февраля 1592 г., отчасти подтверждающее это сообщение: «Хотя я полагаю, что Ваша Милость получила мое письмо, отправленное вместе с оставшимися для перевода тетрадями, как Вы просили, тем не менее хочу прибавить эти несколько строк, чтобы сказать Вам, что Вы окажете мне великую любезность, если по окончании перевода книги, каковой, я надеюсь, уже выполнили, пришлете мне его... Напишите мне также, угодно ли Вам поставить под работой свое имя, или нет, и думаете ли Вы о возможном ее посвящении, вместе с прибавлением уже переведенного Бодена, новому папе Клименту VIII»⁴. Определенно можно сделать вывод только о том, что Строцци перевел книгу или ее часть на латынь⁵. Возможно, он был и автором, но только части, иначе зачем было **посылать** ему тетради на перевод. Входило ли в эту часть «Предостережение... против Макиавели»? Позднее Строцци сам издал трактат, опровергающий мысль последнего о том, что государь должен внушать

¹ Это перечисление имен и прозвищ необходимо, чтобы отделить Строцци от его омонимов, которые тоже занимались литературой примерно в это же время. См.: *Strozzi G.B. Madrigali / A cura di L. Sorrento. Strassburg, 1909. P. 10–11.*

² Так как Гадди, эрудит XVII в. (ум. в 1677 г.) делал первые шаги на литературном поприще в 20-е гг. Ср.: *Bertelli S., Innocenti P. Bibliografia... P. LXXXVII–XCII.*

³ Гадди написал об этом в «Похвале» Строцци, не называя Макиавелли, к которому он питал симпатию: «Иннокентий IX избрал его /Строцци/, чтобы выступить в защиту христианской религии против великих писателей». *Gaddi J. Elogiographus scilicet Elogia omnigena Jacobi Gaddii Academici Suogliati. Florentiae, 1638. P. 129; Barbi A.S. Un accademico... P. 42.*

⁴ *Barbi A.S. Un accademico... P. 43.*

⁵ Ср.: указание Дориньи, что Иннокентий IX хотел издать книгу на латыни и итальянском одновременно: *Dorigny J. La vie... P. 513.*

скорее страх, чем любовь, своим подданным. Но в нем он, по словам Барби, говорит больше о правильном понимании этого положения Макиавелли¹, так как он был склонен к защите своего великого соотечественника от искажений антимакиавеллистов². Поэтому состав и резкий характер высказываний о Макиавелли в «Предостережении» заставляют усомниться в собственном авторстве Строцци.

Пора упомянуть еще об одном, видимо, главном участнике всей акции. У нас есть недвусмысленные указания на инициативу, проявленную папой: об этом пишут Конринг, Дориньи, издатели книги в 1592 г. и 1593 г.³, причем речь идет и о каких-то материалах, переданных папой Поссевину. Кроме того, известно, что Иннокентий IX сам написал «Анти-Макиавелли», но, как будто, не успел опубликовать⁴, вероятно, в силу краткости своего правления (2 месяца в конце 1591 г.). Об этом свидетельствует и Дориньи, со слов о. Антонио: папа «сам сочинил опровержение Макиавелли, как он сказал Поссевину»⁵.

Справедливости ради следует привести и утверждение о благосклонном отношении Иннокентия IX к Макиавелли, которое принадлежит Гаспару Шоппе: «папа весьма доброжелательно судил о Макиавелли и предполагал, что оказанная ему несправедливость была вызвана завистью окружающих»⁶. Шоппе ссылается на Томмазо Боцио, но по добным сведениям от него он мог получить разве что в приватном разговоре, потому что в своей книге Боцио пишет обратное: папа поручил именно ему опровергнуть

¹ Barbi A.S. Un accademico... P. 43–44.

² Ibidem.

³ Ср. Machiavelli N. Oeuvres ... Vol. I. P. XIII.

⁴ Pastor L. Geschichte der Päpste. Bd.X. Freiburg, 1926. S. 580; Ciacconius A. Vitae et res gestae pontificum romanorum. Romae, 1677. T. IV, col. 245.

⁵ Dorigny J. La vie... P. 513.

⁶ «...Quamvis etiam Innocentium Nonum magnae prudentiae ac virtutis pontificem longe benignius de Machiavello judicasse ac de injuria per aliorum invidiam ei facta suspicatum fuisse ex Thomae Bozii indicio cognoverim». Цит. по: Tommasini O. La vita... Vol. I. P. 26.

«нечестивые, вредные и противные истине» сочинения Макиавелли¹.

И все же сомнительное утверждение Шоппе находит неожиданное подкрепление в «Записках» Иннокентия IX, опубликованных в начале нашего века². Здесь имеется бесспорная скрытая цитата из «Государя» о том, как проверять советников, и как обращаться с ними – Макиавелли при этом не назван³. Выходит, что папа пользовался мыслями Макиавелли, но считал нужным организовать против него кампанию в печати. Кстати, и Поссевин упрекает флорентийца не в недостатке ума, а в недостаточном благочестии.

Книга, вышедшая под именем известного иезуита, была вызвана к жизни необходимостью дать отпор протестантам, которым Макиавелли служил поводом для нападок против апостольского престола. (Все это усугублялось неприязненными отношениями последнего с Францией именно в тот момент.) Не зря непосредственным поводом публикации стали трактаты четырех французов; Макиавелли в данном случае участвовал лишь косвенно, он был именем, от которого следовало отмежеваться. Поэтому автором «Предостережения» мог быть и Строщи, и Иннокентий IX, и сам Поссевин: личное отношение каждого из них к великому флорентийцу играло второстепенную роль. Как ни парадоксально, но то, что иезуит из всех трех меньше всего знал Макиавелли, говорит в пользу его авторства – ведь в трактате все сведения взяты у Жантйе. Возможно, Строщи переводил «Предостережение», а Иннокентий IX подал идею для этого, как и для других разделов книги.

¹ Bozii Thomae De robore bellico, diuturnis et amplis catholicorum regnis liber unus adversus Machiavellum. Coloniae Agrippinae, apud J. Gymnicum, 1594. Epistola dedicatoria ad Clementem VIII.

² Ricordi di 2 papi / A cura di L.Frati// Archivio Storico Italiano. Serie 5. Vol. XXXII. Firenze, 1905. Disp. 2a.

³ Ibid. P. 452. Л. Фраги, опубликовавший отрывки, не заметил цитаты из Макиавелли.

Но Поссевин включал «Предостережение против ...Макиавелли» и в другие свои издания¹, в том числе и в итальянском варианте². Имя его, как известного церковного писателя, служило противовесом имени Макиавелли, и, может быть, действительно помешало переизданию трудов последнего, о котором хлопотали его внуки³. Правда, эти хлопоты начались еще в 70-е гг. и не увенчались успехом, так как внуки, как уже было сказано, не соглашались на безымянное издание сочинений своего великого деда. Возможно, и в этом деле не обошлось без Поссевина; известно, что в 1583 г., сопровождая московских послов из Рима в Польшу, он беседовал «с неким Макиавелли»⁴. Все говорит за то, что для курии было важно не содержание книг Макиавелли, а дурная слава о них, которую ее противники решили распространить и на защитников римского престола. Случай с Поссевином только подтверждает этот тезис; его поверхностное и конъюнктурное выступление закрепило за ним довольно двусмысленную известность в веках.

Деятельность иезуита из Мантуи на востоке Европы протекала преимущественно до этого выступления и как будто ничем не связана с критикой Макиавелли. Но уже в лионском издании «Суждения» помещено письмо Станислава (Карнковского, 1520–1603, примас Польши с 1580⁵),

¹ Antonii Possevini Mantuani Societatis Jesu Bibliotheca selecta de ratione studiorum in Historia, in Disciplinis, in salute omnium procuranda... Pars secunda, qua agitur de ratione studiorum in Facultatibus, quae in pagina sequenti indicantur... Romae, ex typ.Vaticana, 1593; A. Possevini Mantovani S.J. Apparatus ad omnium gentium historiam. Venetiis, 1597. См. также итальянское издание последнего в 1598 г. (ср. ниже, прим. 124 о публикации 1604 г.) и переиздания «Библиотеки» 1593, 1603, 1607 гг.

² Discorso sopra l'impietà e perniciosissimi consigli del Machiavello. Venezia, 1685. Первое итальянское издание вышло в 1604 г., по Bozza T. Scrittori politici italiani dal 1550 al 1650. Roma, 1949. P. 77.

³ Ср.: прим. 10.

⁴ Шмуцло Е. Россия и Италия. Т. 2. Вып. 1. Спб., 1908. С. 132.

⁵ Korytkowski J. Arcybiskupi gnieznienscy, prymasowie i metropolicy Polscy. Poznań, 1868. Т. 3. S. 474.

архиепископа Гнезненского. к «дражайшему другу» Поссевину от августа 1592 г. с благодарностью за присланную книгу¹, где говорится следующее. «Уже и нас настигла эта чума, и повсеместно наши соотечественники корпят над изданиями Бодена, Макиавелли и прочих, причем с таким рвением, будто, по их мнению, человеческий ум не в состоянии произвести на свет ничего более мудрого для управления государством, ничего более пригодного для излечения теперешних недугов нашего отечества; напивавшись их ядовитыми соками, они стараются своими дурными советами соединить разделившиеся между собой секты со святой римско-католической церковью под ложным предлогом примирения...»². Эти слова косвенно подтверждают, во-первых, интерес, проявляемый к Макиавелли в Польше, а во-вторых, то, что его критика со стороны идеологов католического лагеря была следствием их борьбы с протестантизмом, в которой Поссевин принимал живейшее участие.

Семена Брест-Литовской унии, заключенной, как пишет Дориньи, стараниями архиепископа Карнковского, заронил о. Антоний³. Знакомство же с примасом, который когда-то учился в Перудже⁴, а некогда заседал в краковском надворном суде с А. Ротундусом⁵, он свел, вероятно, в 1583 г., во время основания иезуитской семинарии в Калише⁶.

Отголосок споров о вере, которые Поссевин вел в Московии, в том числе с царем Иваном, звучит и в «Суждении», в разделе, посвященном Лану, когда автор упрекает протестантов в претензиях на монополию. «Что же сказать

¹ *Malarczyk J.* U źródeł włoskiego realizmu politycznego. Machiavelli i Guicciardini. Rozprawa habilitacyjna. Lublin, 1963. S. 242, n.6.

² A. Possevini... Judicium..., 1593. P. 7v-8r. Видимо, здесь содержится намек на планы примирения с Римом нового французского короля Генриха IV Наваррского, вернувшегося в католицизм в июле 1593 г.

³ *Dorigny J.* La vie... . P. 521.

⁴ *Korytkowski J.* Arcybiskupi... Т. 3. S. 474.

⁵ *Jakubowski P.* Nowe przyczynki... S. 41.

⁶ *Korytkowski J.* Arcybiskupi... Т. 3. S. 439.

о русинах (Ruthenis) и московитах, которые только себя считают истинными христианами?»¹. Деятельность Поссевина в России дала пищу историкам для изображения его, как и других иезуитов, носителем некоторых качеств, которые они приписывали «макиавеллистам». Даже о. П. Пирлинг, сравнивая с ним другого посланца папы в Россию, не удержался, чтобы не помянуть Макиавелли: «... ничего макиавеллического не было в аббате Александре Комуловиче... он не хитер, не лукав, в нем нет даже утонченности Поссевина»².

Миротворческая деятельность иезуита из Мантуи во время переговоров русских и поляков приобретала иногда столь двусмысленный характер, что вызывала нарекания на него с обеих сторон³. Конечно, Польша была надежной опорой папского престола, но и в отношении России его представитель питал немалые надежды, если не сказать иллюзии. Они были связаны с двумя родственными планами: организации антитурецкого блока и обращения России в католичество. При этом папский дипломат был не очень высокого мнения о московитах, которые «произошли от смешения скифов с татарами», но подобно эфиопам, могут быть обращены, ибо «провидение допускает, чтобы вперед шло не только то, что одухотворено, но и то, что оживлено»⁴.

Для спасения России от татар и турок Поссевин считал пригодными и насильственные средства, принимая участие в военном походе Стефана Батория на Московию в 1586 г.⁵. Хотя этим планам не суждено было сбыться,

¹ A. Possevini... Judicium..., 1593. Theorema et cautio de theorematibus politicis et militaribus Nuae Galli. P. 21.

² Pierling P. La Russie... Vol. II. P. 332.

³ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. Предисловие Л.Н. Годовиковой. С. 11–12.

⁴ Там же. С. 35–36.

⁵ Там же. С. 219, прим. 70; Винтер Э. Натиск контрреформации на Россию и польские королевские выборы 1575 и 1587 гг. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 409.

о. Антоний и после своего отъезда из Польши следил за событиями в России, которые отчасти способствовали оживлению надежд с началом Смутного времени¹. Он написал записку о Лжедмитрии для Павла V, где предлагает опираться на идеи свободы и просвещения московитов. Здесь же упоминается о книге, которую Дмитрий просил у него «с посвящением»². Лжедмитрий хотел получить, по-видимому, Библию на русском языке, но Поссевин, полагавший, что новый царь знает латынь (хотя тот лишь собирался изучать ее) выслал ему другие книги³. Кто знает, не было ли в них и его собственных антимаквиавеллиевских писаний!

Через Поссевина до нас дошло и известие о Московии в высшей степени колоритной фигуры XVI в., флорентийского купца, торговавшего в Польше и в России, Джованни Тедалди⁴. Поссевин беседовал с ним в 1581 г. в городе Дисне, куда тот прибыл по просьбе польского короля, возможно, в связи с мирными переговорами. Ему было 78 лет, и по словам о. Антонио, с 1551 по 1565 г. он более 10 раз ездил в Россию, даже жил там три года⁵, знал Ивана Грозного и пользовался его расположением, путешествовал через Астрахань в Персию, а теперь обитал в Гданьске⁶.

Напрашивается предположение о связи Джованни с упоминавшейся выше семьей Тедалди, с которой состоял в родстве Филиппо Буонаккорси Каллимако (она была породнена со многими известными семействами Флоренции, в первую очередь, Медичи, а также Макиавелли⁷). Е. Шмур-

¹ *Pierling P.* La Russie... Vol. III. P. 344.

² *Ibid.* P. 237 и App. II.

³ *Ibid.* P. 195.

⁴ *Шмурло Е.* Известия Джованни Тедалди о России времен Ивана Грозного // ЖМНП, СПб., 1891. № 5–6. С. 122–134. Цит. по отдельному изданию с итальянским оригиналом, см. прим. 143.

⁵ *Шмурло Е.* Известия Джованни Тедалди о России времен Ивана Грозного. СПб., 1891. С. 24, пр. 5 предполагает, что это было в 1551–1554 гг.; ср. с. 25, пр. 10.

⁶ *Шмурло Е.* Известия... С. 6.

⁷ *Gamurrini E.* Istoria genealogica... P. 361; *Fournier L.* Les Florentins en Pologne. Lyon, 1893. P. 221.

ло обратил внимание на материалы, связанные с участием некоего Джованни Тедальди в посольстве, отправленном папой Львом X Медичи в 1519 г. к Сигизмунду I и Василию III. Этот человек назван в письме папы его родственником, рыцарем золотой шпоры и благородным мужем¹, а в одном из писем Сигизмунда – «сиятельным послом»² (хотя возглавлял посольство нунций Захария Феррери)³. Тедальди должен был выяснить, действительно ли московский великий князь хочет перейти в католичество и получить от него пропуск для посольства епископа Феррери, чтобы вести переговоры о мире с Польшей⁴. Но до Москвы не добрался и сам Тедальди, видимо, потому, что изменились намерения польского короля⁵.

Шмурло высказывает сомнения в том, что это был тот самый Джованни Тедальди, который беседовал в 1581 г. с Поссевином; во-первых, в 1519 г. ему было всего 16 лет, во-вторых, он упомянул бы иезуиту об этом посольстве, если бы в нем участвовал⁶. В самом деле, другие авторы связывают названные события с лицом, бывшим на 8 лет старше, Джованни Баттистой Тедальди, сыном уже знакомого нам Латтанцио⁷. Хотя даты жизни Джованни Баттисты известны (1495–1565)⁸ и отождествить его с «нашим» Джованни Тедальди на самом деле невозможно, его личность

¹ Шмурло Е. Известия... С. 9: «consanguineus noster, eques auratus, nobilis vir». Theiner A. Vetera monumenta Poloniae et Lituaniae. Vol. II. Roma, 1860. P. 403; Acta Tomiciana. TV. Posnaniae, 1855. P. 187.

² Шмурло Е. Известия... С. 9. Theiner A. Vetera monumenta... P. 408; Acta Tomiciana... P. 326.

³ Acta Tomiciana... T. V, No CXLII.

⁴ Ibid.. P. 187.

⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 2. М., 1896. С. 268; Пирлинг П. Россия... С. 309.

⁶ Шмурло Е. Известия... С. 9.

⁷ *Pociecha W. Królowa Bona...* Vol. II. S. 5; Id., *Z dziejów stosunków kulturalnych polsko-włoskich// Studia z dziejów kultury polskiej.* Warszawa, 1949. S. 189–190; *Ptaśnik J. Kultura...* S. 210.

⁸ *Ciampi S. Notizie...* P. 22. Здесь приведен текст надгробной надписи, указывающей возраст Джованни – 70 лет, но ошибочно поставлен 1575 г.

небезынтересна для сюжетов, касающихся Макиавелли и России.

Его отец Латтанцио был, судя по всему, неплохо знаком с Никколо Макиавелли. Рукой последнего составлены черновики патентов, которыми республика назначила Тедальди наместником в Фоконьяно¹ в 1498 г. В 1507 г. Латтанцио Тедальди входил в состав комиссии Десяти, чьим секретарем был Макиавелли, а годом ранее он помог защитить его авторские права на стихотворный обзор «Десятилетия», незаконно переизданный через 20 дней после выхода в свет. Друг и сослуживец Никколо, Агостино Веспуччи, куратор законного издания, писал ему (сам Макиавелли был в это время в Романье, при папе Юлии II) по этому поводу: «Я бы просил Вас написать несколько строк либо Восьми³, либо в особенности Латтанцио Тедальди, qui pavavit bonam opem in hac re (“который оказал великую помощь в этом деле” – лат.); таким образом Вы сумеете отблагодарить его, как пожелаете»².

До нас дошло также письмо Латтанцио за октябрь того же, 1506 г., в котором он просит передать послание кардиналу Франческо Содерини, брату гонфалоньера Пьеро и покровителю Никколо. «Благородному мужу господину Никколо Макиавелли, флорентийскому секретарю при папе. Иисус Христос, 11 октября 1506 г. Ниже следует письмо кардиналу Содерини, прошу тебя, передайте (так!) ему от меня и притом в подходящий момент, чтобы он хорошенько прочел его; попроси ответ и поторопи отправить его мне, покорнейше тебя прошу. Кроме того, если понадобится, сообщи ему, что я *senserim de ponteflce* (“думаю

¹ *Machiavelli N. Legazioni. Comissarie. Scritti di governo/ A cura di F. Chiappelli. Vol.1. 1498–1501. Bari, 1971. P. 664.* Здесь же упомянуты черновики правительственных писем к Латтанцио, составленные Макиавелли. P. 675.

² Комиссия *Otto di Guardia* занималась судебными делами, в нее, судя по контексту, входил в это время Латтанцио Тедальди.

³ Письмо от 15 марта 1506 г. *Machiavelli N. Opere / A cura di S. Bertelli. Vol. V. Verona, 1969. P. 126.*

о папе” – *лат.*), как об этом неоднократно говорил с тобой, *similiter quid de cometa publice in consilio locutus fuerim. Et vale et me illi commenda* (“а равно и то, что я говорил в совете по поводу кометы. Будь здоров и кланяйся ему” – *лат.*)»¹.

Находясь при дворе упомянутого здесь Юлия II, Макиавелли наблюдал часто безрассудные, но успешные действия этого папы, боровшегося с тиранами Романьи, и у него рождались идеи, через 7 лет повторенные в «Государе». Как видим, не один Макиавелли следил за поступками папы, от которых зависели судьбы Италии, но и Тедальди, которого, видимо, больше увлекали астрологические выкладки².

С ними связано и второе из известных нам писем Латтанцио Тедальди к Макиавелли. Речь идет о предстоящем (8 июня) вступлении в Пизу, после долгих лет осады сдавшуюся 4 июня 1509 г. Важнейшую роль при этом сыграло ополчение, созданное в 1506 г. по проекту и при активном участии Макиавелли, поддержанного, в частности, кардиналом Содерини³.

«Уважаемому мужу Никколо ди мессер Бернардо Макиавелли. В лагерь. Иисус, 5 июня 1509 г. Никколо, дражайший брат, привет тебе и пр. Я хочу, чтобы ты сказал комиссарам, что если нужно будет вступить во владение Пизой в четверг, чтобы они ни в коем случае не входили ранее 12 час. с половиной, а если можно, чтобы вошли чуть позже 13 час.: это благоприятнейшее для будущего время. А если это будет не четверг, а пятница, то тоже чуть-чуть

¹ *Ibid.* P. 152–153.

² Как раз в переписке Макиавелли за эти годы встречаются рассуждения о необходимости изменять свой образ действий в согласии с обстоятельствами, в том числе и с расположением светил. См. «Фантазии, адресованные Содерини» и письмо к Макиавелли Бартоломео Веспуччи 1504 г. Sasso G. *Qualche osservazione sui «Ghiribizzi al Soderino» di Machiavelli* // *Cultura*. Giugno 1973. Vol.11, fasc. 2.

³ *Pesman Cooper, Roslyn. Machiavelli, Francesco Soderini and don Michelotto*// *Nuova Rivista Storica*. Milano, 1982, fasc.3/4. P. 342–357.

позже 13 часов, но не раньше 12 с половиной. То же относится к субботе утром, если не в пятницу. А если невозможно соблюсти ни этот день, ни час, то пусть занимают, когда смогут, *in nomine Domini* (“во имя Господне” – лат.). Передай это от меня Антонио да Филикайя¹. Поклон тебе и да хранит тебя Христос от дурного. Будь здоров. Латтанцио Тедалди во Флоренции»².

Сын Латтанцио, Джованни Баттиста в конце 1512 г., незадолго до своего восемнадцатилетия, отправился в Польшу, где надеялся получить какой-нибудь бенефиций, как явствует из переписки его отца со знакомыми в Польше, в частности, будущим канцлером и примасом Мацеєм Джевицким³. Впоследствии Джованни Баттиста жил во Флоренции, был сенатором и в последние годы жизни комиссаром Пизы⁴. О своих поездках в Россию (Червоную Русь) он вспоминал на старости лет, в трактате об одном известном в древности пахучем растении⁵, виденном им там⁶.

С Макиавелли он должен был быть знаком, так как служил младшим секретарем Джованни Медичи делле Банде Нере, в лагере которого тот представлял Флоренцию в 1526 г. Можно, однако, усомниться, что именно Джованни Баттиста участвовал в посольстве папы Льва X в Польшу. Ведь был еще один Джованни Тедалди, хорошо знавший тамошний язык и страну – как сказано в грамоте⁷. Это племянник Айнольфо Тедалди, арендатора соляных копей на Западной Украине, вместе со своим братом Пьеро помогавший дяде начиная не позднее чем с 1488 г. и до его смерти в 1505 г.⁸ Джованни ди Бальдо ди Пьероццо Те-

¹ Антонио да Филикайя – комиссар флорентийцев в лагере под Пизой в 1509 г.

² *Machiavelli N. Opère... Vol. V. P. 190–191.*

³ *Ciampi S. Notizie... P. 17.*

⁴ *Ibidem.*

⁵ «Аспалато» – греческое название растения дрок колючий.

⁶ *Pociecha W. Z dziejów... S. 190; Ciampi S. Notizie... P. 109–124.*

⁷ *Acta Tomiciana... Vol. V. P. 187.*

⁸ *Fournier L. Les Florentins... P. 217; Pociecha W. Królowa Bona... Vol. II. S. 4.*

дальди в 20-е–30-е гг. занимал видные посты во Флоренции, и папа вполне мог довериться ему, да и рыцарское звание к 1519 г. он мог скорее получить, чем 25-летний племянник. И самое главное, в документах везде упоминается Джованни – «Иоханнес де Тедальдис», а не Джованни Баттиста¹.

Можно только предполагать наличие связей между итальянскими Тедальди и их родственниками, продолжавшими дело Айнольфо в Польше и на Украине, в частности, Гуччи и Кальвани². Л. Фурнье опубликовал сведения о Джованни Тедальди, участвовавшем в судебных процессах в Кракове в 1563, 1582–1584 гг.³. Он отделяет его от «Поссевинова» Тедальди, так как тот постоянно жил в Гданьске. Но ведь нет ничего невозможного в том, чтобы неутомимый путешественник, ездивший в 78-летнем возрасте в Дисну, через год-два отправился или вовсе переехал в Краков. Как бы то ни было, Джованни Тедальди оставил любопытнейшее «Известие» о Московии в изложении Поссевина, отличающееся от многих других симпатиями к Ивану Грозному: ниже мы еще воспользуемся его сведениями.

Перейдем теперь к русским публицистам, в той или иной степени знакомым с западной культурной средой. Центральное место среди них в первой половине века занимает знаменитый просветитель, черпавший одновременно из источников византийской, западной и русской традиции – Максим Грек (Михаил Триволис, ок. 1470–1555). Он был почти ровесником Макиавелли и находился в Италии как раз в те годы (с 1492 примерно по 1506)⁴, когда тот набирался политического опыта на посту второго секретаря Флорентийской республики.

¹ Acta Tomicianana... Vol. V. P. 187–190 etc.

² См.: *Quirini-Popławska Danuta*. Działalność włochów w Polsce w połowie XVI wieku na dworze królewskim, w dyplomacji i hierarchii kościelnej. Wrocław i dr., 1973, s. 59; *Falconi E.* Gli archivi in Polonia e la cultura italiana. Warszawa, 1971. P. 27; *Pašnik J.* Kultura... S. 116–117.

³ *Fournier L.* Les Florentins... P. 220.

⁴ *Denisoff E.* Maxime le Grec et l'Occident. Paris-Louvain, 1943.

Хотя упоминание этих двух имен в одном контексте связано обычно с какими-то третьими предметами: тогдашней модой на астрологию, интересом обоих к Савонароле¹, иногда проводятся и аналогии и даже ставится вопрос об их прямом идейном контакте². А. Данти, в частности, полагает, что Максим Грек «мог слышать о сере Никколо», будучи во Флоренции³.

Как бы то ни было, малейшее свидетельство Максима Грека об итальянском Возрождении необычайно ценно, так как он, с одной стороны, знал его изнутри, входя в круг греческих гуманистов, а с другой, правда, в ретроспективе, видел глазами русского старца. Его отношение к этой среде не было однозначным, как, впрочем, не была однородной и духовная жизнь Италии этого времени. Протест греческого монаха вызывают светские и языческие начала в гуманизме, судя по его отзывам об образе жизни и кончине Анджело Полициано, Лелио Космико⁴, но он сочувствует религиозно-реформационным исканиям, охватившим часть образованных итальянцев на рубеже веков. Хотя он провел почти два года в монастыре Сан Марко, официально католицизму остался чужд и так отзываясь о папе Александре VI: «...неправданием и злобою превзыде всякого законопреступника»⁵. Зато «безоружный пророк» (по выражению Макиавелли) Джироламо Савонарола навсегда остался для Михаила-Максима образцом вдохновенного проповедника слова божия («Повесть страшна и достопамятна»).

¹ Иконников В.С. Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 102, 262, 562.

² См.: Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985. С. 106; Она же. Русская политическая и правовая мысль// История политических и правовых учений. М., 1986. С. 219, прим. 19 отмечает, что Максим Грек, как и Макиавелли, защищает право собственности от посягательств власти.

³ Danti A. Machiavelli... P. 187.

⁴ Сочинения преподобного Максима Грека. 4.1. Казань, 1859. С. 463; Denisoff E. Maxime le Grec... P. 429.

⁵ Соч... Ч. III. Казань, 1862. С. 201; ср.: Орлов А.С. Древнерусская литература XI–XVII вв. М.; Л., 1945. С. 294.

Не могли пройти для него бесследно и несколько лет службы (1498–1502) у графа Джованни Франческо Пико делла Мирандола, еще одного сверстника Макиавелли (1469–1533), савонаролианца и обличителя языческой древности (в трактате «Испытание суетности науки язычников и истинности христианского учения» – *Examen vanitatis doctrinae gentium et veritatis disciplinae cristianae*).

Пожалуй, единственное лицо из знакомых Михаила Триволиса, как-то связанное с Макиавелли, это Агостино Нифо из Сессы, у которого молодой грек учился в Падуе, скорее всего, весной-летом 1496 г.¹ В ту пору Нифо был аверроистом, и его бывший ученик позже с негодованием вспоминал, упрекая латинян в лицемерии: «...Сеса философ неаполитский. уже толико зазрел вашей вере и обычаем, яко глаголати своим друзьям, егда в церкви хождаше, да идем и мы ко всеобщей прелести»². Но к тому времени и сам Нифо давно исправился, осудил свое сочинение «О разуме и бесах», написал по заказу Льва X в 1519 г. антиаверроистский трактат о бессмертии души, а в 1521–1526 гг. издал несколько книг, в которых копировал неопубликованного еще «Государя» (в рукописях *De principa-tibus*) Макиавелли, и одновременно подверг его перелицовке с позиций благочестия³. Люди меняются, и Михаил Триволис, в юности увлекавшийся эпикуреизмом (как и Макиавелли, переписывавший Лукреция) и разделявший многие взгляды гуманистов⁴, не был столь непреклонен, как старец Максим Грек. Но навряд ли он и тогда мог одобрить богохульство Лелио Космико, который «... умирая глаголаше учеником и другом своим: Радуйтесь со мною, о любимцы, завтра бо почию в елисеях полях с Сократом и Платоном и всеми прочими. Толико прельстило есть его языческое учение!»⁵

¹ *Denisoff E. Maxime le Grec...* P. 406, 477, 480.

² Соч... Ч. 1. С. 463.

³ *Bertelli S., Innocenti P. Bibliografia...* P. XXXII; Sorrentino A. *Storia dell'antimachiavellismo europeo*. Napoli, 1936. P. 5–10.

⁴ *Denisoff E. Maxime le Grec...* P. 175, 184.

⁵ Соч... Ч. 1. С. 463. Ср.: *Denisoff E. Maxime le Grec...* P. 429.

А ведь слова Космико почти совпадают с рассказом о предсмертном сне Макиавелли, упомянутом и у Паоло Джовио (ср. выше, стр. 208), в котором флорентийский насмешник высказывает предпочтение аду с Платоном, Плутархом и Тацитом перед раем, населенным божьими нищими¹. Главный водораздел между двумя мыслителями проходит здесь. Для Максима Грека власть – орудие небес, царь земной – образ царя небесного². По Макиавелли – религия является инструментом власти, учреждением, которое может действовать и во зло, и во благо. Максим Грек стремится согласовать заветы веры, требования «правды» и необходимость «царской грозы»³, а у Макиавелли все это вещи разноплановые, поэтому политик, ссылающийся на боговдохновение – обманщик, а если это монах, формально отрекающийся от мира, то он двойной обманщик. В оценке Александра VI флорентийский политик не столь далек от Максима Грека: этот папа «не занимался ничем иным, и не помышлял ни о чем, кроме того, чтобы обманывать людей»⁴; но Савонарола в глазах Макиавелли – точно такой же политик⁵.

Из этого вовсе не следует, что Макиавелли был совершенно неверующим человеком, а тем более – лишенным нравственного чувства. Основополагающие нравственные принципы у многих публицистов XVI в., воспитанных в европейской христианской традиции, были сходными. К идее о том, что царь должен подражать богу, Максим Грек, ссылающийся как мыслитель ренессансной школы на некоего «философа от еллинских» (имеется в виду, вероятно, Платон), ведет через лестницу благ, подобную которой мы находим и у Макиавелли: «Среди всех людей, до-

¹ *Ridolfi R. Vita...* P. 391–392.

² Ср.: *Золотухина Н.М. Русская...* С. 220.

³ По мнению Н.М. Золотухиной, Максим Грек, как и Иван Пересветов, кое-где противопоставляет гражданскую «правду» бездеятельной вере. См.: там же. С. 219.

⁴ Государь. Гл. XVIII.

⁵ Ср.: письмо Макиавелли от 4 марта 1498 г.

стойных похвалы, достойнейшими являются родоначальники и устроители религий, затем основатели республик и монархий, а после них знамениты те, кто во главе войска расширил владения своей родины или свои собственные. К ним добавляются образованные люди (uomini litterati – ученые), чья известность зависит от их положения, потому что они бывают многих родов. Всем прочим людям, которым несть числа, снискивают в разной мере хвалу их ремесло и искусство»¹. У Максима: «Многим убо и различным сущим в человецех художеством и хитростем и вельможным саном, каждо человек безпрестани печется и всею душою тщится достигнути край конец, его же желает, художества или хитрости или вельможного сана, аки на образ некий, на возсиявших древле в неких сих взирая, да яко той сам сподобится тех же им получитьи хвалений и да от всех славится во еже по нем время»².

Не говоря уже о излюбленном у Макиавелли подражании древним, следование великим образцам вытекает здесь из аристотелевской идеи о внутренне присущем всякой деятельности благе, цели-совершенстве³; влияние этой идеи заметно и в предшествующем отрывке из «Рассуждений». Итак, при несомненной общности обоих мыслителей в каких-то моментах их формирования, что определяло резкое расхождение их религиозно-политических позиций?

Прежде всего, надо думать, различие историко-политической ситуации в каждой из стран, хотя она имела и общие для эпохи становления национальных государств черты: усиление центральной власти, формирование государственного аппарата абсолютизма, религиозное обособ-

¹ Рассуждения, I, 10.

² Соч... Ч. II. Казань, 1860. С. 347–348. Послание ко благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу всяя Руси.

³ Ср.: пример с лучником, посылающим стрелу выше цели, в гл. VI «Государя», навеянный, возможно, началом «Никомаховой Этики» Аристотеля (кн. 1, 1094а): «И словно стрелки, видя мишень перед собою, разве не вернее достигнем мы должного?» *Аристотель*. Соч. Т. 4. М., 1984. С. 55.

ление. В ряде стран утвердились свои варианты протестантизма, как в Англии, Германии; в других местах церковь стала более самостоятельной в рамках католицизма, как во Франции. В политической структуре, если воспользоваться примерами Макиавелли из главы III «Государя», наметился переход от «французской» формы правления: слабая центральная власть и множество сильных баронов, к «турецкой» – один господин и все остальные слуги. В России закреплению такой восточной формы помогало православие, обретшее здесь основную опору с падением Константинополя.

В Италии наблюдалась иная картина: ни одно из больших государств не могло взять верх, чему мешали и бесконечные нашествия извне – Франции, Испании, императоров. Папа был международным духовным главой, и хотя итальянцы могли ощущать католицизм своей национальной религией, апостольский престол преграждал путь к объединению в политическом отношении, о чем писал и Макиавелли¹. Симптоматично, что католицизм одержал победу в тех странах, которые впоследствии утратили независимость и вошли в состав империй: Венгрии, Чехии, Польше. В России XVI в. переходу от относительно ограниченной (наличием удельных князей – «баронов») великокняжеской власти к самодержавию способствовало национально-религиозное обособление, которое царями поддерживалось и в дальнейшем. Платой за единение и независимость была несвобода, по крайней мере в глазах западных наблюдателей.

Конечно, и они различали свободу и «произвол»; Макиавелли, в частности, противопоставляет тирании не только республику, но и «золотое время» правления «добрых императоров», когда государь пользуется уважением и славой, а народ живет в любви и безопасности, когда «каждый может иметь и защищать какое угодно мнение»².

¹ Рассуждения. I, 12; Государь. XI; История Флоренции. I.

² Рассуждения. I, 10. Ср.: прим. 72.

Такая свобода, гарантии которой западные мыслители искали в уравнивании общественных групп и смешанном республиканско-монархически-аристократическом правлении, в России, по крайней мере, послемонгольского периода, не успела сложиться. В глазах западноевропейцев Московия была монархией восточно-деспотического типа, где само мышление подданных (как сказал бы Макиавелли, «материя») было ей подстать.

Подобная точка зрения ясно выражена в записке спутника Поссевина в 1582 г., иезуита Джан Паоло Кампани. «О себе москвиты имеют самое высокое мнение, остальные же народы, по их мнению, достойны презрения. Они считают, что их страна и образ жизни самые счастливые из всех». Царя почитают до обожествления. «Они заявляют, что все является собственностью их государя, своим домашним имуществом и детьми они владеют по милости великого князя». Так называемые князья – по сути дела его рабы. «Верность и покорность этого народа делают более понятной жестокость его царей, которые вдруг приказывают убивать самых знатных людей и самого почтенного возраста или наказывать их палками как рабов». «Они настолько привязаны к князю, что не испытывают к нему никакой неприязни и не бранят за глаза, напротив, когда представляется случай, прославляют милосердие князя, пространно хваля его... Столь большого влияния у народа государи добиваются более всего показным благочестием... Все это настолько застилает глаза народу, что он либо совсем не видит пороков своих правителей, либо прощает их и истолковывает в лучшую сторону»¹. Надо сказать, что эти замечания рисуют картину скорее с внешней точки зрения, отражая желательную для царя идеологию. Но подобные суждения высказывает и Поссевин² (ср. выше, стр.224). Можно привести пример из противоположного лагеря: мнение Жана Бодена, который видел в Московии вотчинную монархию, где хотя и соблюдаются

¹ Цит. по кн.: *Поссевино А.* Исторические сочинения... С. 207–208.

² Там же. С. 23, 32, 35, 36.

законы, но все подданные являются крепостными государя¹.

Тем не менее в русской публицистике до конца XVII в. не встречается восходящая к установлениям Юстиниана идея о тождестве закона с волей монарха², популярная в Европе со времен болонских легистов (ее отголосок можно видеть в словах Макиавелли о французах, отказывающихся прилагать к своему королю обычные мерки: Рассуждения, кн. III, гл. 41). Вопрос ставился в иной плоскости – поскольку волю государя ограничивал божественный закон, споры в XVI в. шли вокруг взаимоотношений церковной и светской властей³. При этом были высказаны идеи мирской направленности, ставящие под сомнение достаточность веры, терпения и милосердия, то есть упования на высшую силу, в гражданской жизни.

Федор Иванович Карпов, собеседник Максима Грека, автор «Послания к митрополиту Даниилу», написанного до 1539 г., цитирующий Аристотеля и Овидия, развивает созвучную Макиавелли мысль: «Дело народное в градах и царствах погибает долготерпением терпения, долготерпение в людех без правды и закона общества добро разрушает и дело народное ни во что изводит, злыя нравы в царствах вводит и творит людей государем непослушных за нищету»⁴. Кроме разительного сходства с известной фразой Макиавелли об обессилевшем мир терпении, обращает на себя внимание терминология Карпова: «дело народное» (государство, *res publica*), общества добро (*bonum publicum*), «град» как свободный город, республика – в отличие от «царства» – у Макиавелли часто *città*. Н.М. Золотухина не исключает возможность знакомства Карпова

¹ См. об этом: Плеханов Г.В. История русской общественной мысли// Сочинения. Т. XX. М., 1925. С. 164–165.

² См.: Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 56–57.

³ Там же. С. 219 и след.

⁴ Памятники литературы Древней Руси. Кн. 6. Конец XV – I пол. XVI в. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М., 1984. С. 510.

с идеями итальянского мыслителя¹, а А.И. Клибанов пишет о том, что Карпов «выводил государственные законы из разума и опыта, а не из богословия»² – тут мы имеем дело со скрытой цитатой из Маркса, в которой речь идет как раз о Макиавелли³. Однако для таких выводов Карпов оставил слишком мало подтверждений. Сходство может объясняться знакомством с общими источниками.

Но прямых сравнений с Макиавелли удостоился другой автор первой половины XVI в., «затейник», как его называл Карамзин, воин и публицист Иван Семенович Пересветов⁴. Не будь эта фигура столь спорной, но отчасти и благодаря этому, его можно было бы назвать «русским Макиавелли». Само существование этого человека, а тем более авторство его сочинений оспаривались⁵. Сходство предлагаемых Пересветовым реформ с тем, что на деле осуществило правительство Ивана Грозного, привело к появлению гипотезы о том, что подлинным автором был сам царь, который мог воспользоваться именем реального дворянина, подавшего ему челобитную⁶. Недавно Д.Н. Альшиц выдвинул предположение, что «Сказание о Магмет-салтане» было написано Алексеем Адашевым, а позднее переработано в виде Большой Челобитной Иваном Грозным⁷, – неясно, однако, для чего последнему надо было защищать свою политику в та-

¹ Золотухина Н.М. Русская... С. 224.

² Клибанов А.И. «Правда» Федора Карпова // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 146.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. I. С. 111.

⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. XI, Спб., 1821, прим. 849.

⁵ Там же; см.: Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли сер. XVI в. М., 1958.

⁶ См.: Полосин И.И. О челобитных Пересветова // Ученые записки МГПИ им В.И. Ленина. Т. 35. Кафедра истории СССР. Вып. II. М., 1946. С. 25–55. Против этого предположения высказался А. Зимин: Зимин А.А. И.С. Пересветов... С. 273. Ср.: Малярчик Я. Политическое учение Макиавелли в России... С. 3.

⁷ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 73–84.

кой форме, тем более, что сочинения Пересветова, как полагают некоторые, были в XVI в. запрещены¹.

И.И. Полосин пытался обосновать утверждение, что автор пересветовских сочинений – сам Пересветов или Иван Грозный, был непосредственно знаком с трудами Макиавелли². Однако доводы его выглядели не очень убедительно. Например, он пишет, что Макиавелли тоже интересовался македонскими щитами³. Действительно, такое упоминание в трактате «О военном искусстве» есть, но Макиавелли говорит о невозможности сочетать щит и длинное копьё, поэтому он выражает сомнение по поводу «некоторых писателей», причислявших щиты к вооружению македонской фаланги⁴. Кроме того, Полосин пишет о контактах России с Западом, в частности, о том, что сочинения Макиавелли мог привезти в Москву Джованни Тедалди и что они могли быть также в двух книжках, поданных царю Пересветовым⁵.

Как справедливо замечает А.А. Зимин, создатель фундаментальной монографии об Иване Пересветове: «Никаких данных в пользу этого предположения, кроме общих соображений о культурных связях России с Западом и сходстве идеи о «сильном государе» в трудах Макиавелли и Пересветова автор не привел»⁶. Тем не менее сам Зимин

¹ См. прим. 25.

² Полосин И.И. О челобитных... С. 45–50.

³ Там же. С. 26.

⁴ Макиавелли Н. О военном искусстве. М., 1939. С. 58.

⁵ Полосин И.И. О челобитных... С. 45–49. Этому утверждению противоречит текст Большой Челобитной, из которого следует, что она является копией («противнем») двух ранее поданных книжек, в том числе, судя по содержанию, сказаний о Магмет-салтане и о царе Константине. Смысл просьбы Пересветова вернуть все три книжки, если они «не полюбятся», в том, что он как бы настаивает на определенном ответе, потому что прежние «речи и дела легли в казне». См.: Пересветов И.С. Сочинения И. Пересветова / Подготовил текст А.А.Зимин; под ред. Д.С. Лихачева; прим. Я.С. Лурье. М.-Л., 1956. С. 171, 173.

⁶ Зимин А.А. И.С. Пересветов... С. 273; Малярчик Я. Политическое учение Макиавелли в России... С. 3.

посчитал сравнение русского публициста с его современниками на Западе вполне правомочным. Все эти мыслители, по его мнению, были врагами дворянства, клерикалов, сторонниками суверенной монархии. «...Одушевленные гуманистическим представлением о всесиили человеческой личности, создатели этого учения полагали, что достаточно доброй воли монарха, чтобы переделать жизнь на новых основах»¹. В характеристике Макиавелли, данной Зиминым, наряду с неизбежными стандартными фразами об интересах «части буржуазии» и «исторической ограниченности» ее представителя, есть и более точные суждения, например, о том, что тот – «принципиальный противник тирании, то есть господства личного произвола, основывающегося на военной силе»² (а об этом часто забывают). В конечном счете, по А.А. Зимину, учение Макиавелли «было выше социологических представлений Жана Бодена, Ульриха фон Гуттена, Анджее Фрыч-Моджевского и Ивана Пересветова»³.

Надо сказать, что сходство Макиавелли и Пересветова сводят обычно к нескольким пунктам. Это уже упоминавшаяся защита сильной власти, изображение турецкой империи в качестве образца такого государства⁴, провозглашение главенства политики над верой⁵. Если такие па-

¹ *Зимин А.А.* И.С. Пересветов... С. 224, цит. с. 440.

² Там же. С. 435.

³ Там же. С. 439.

⁴ *Егоров Д.Н.* Идея «турецкой реформации» в XVI в. // *Русская мысль*. М.; 1907, кн. VII. С. 1–14; *Ржигза В.Ф.* И.С. Пересветов и западная культурно-историческая среда // *Известия ОРЯС имп. АН. Спб.*, 1911. Т. XVI, кн. 3. С. 169–181.

⁵ «Также и основное учение Пересветова о том, что действия князя должны исходить из его политической позиции, не связанной религиозными соображениями, было впервые применено в современной Италии и выражено Макиавелли». *Philipp W. Ivan Peresvetov und seine Schriften zur Erneuerung des Moskauer Reiches* // *Osteuropäische Forschungen*. N.F. Bd. 20 Königsberg-Berlin, 1935. S. 88–89. Ср.: *pec. Masloh A. Politische Kräfte im Russland des XVI Jahrhundert. (Eine Anregung durch und zum Studium der Schrift... von Dr. W. Philipp)* // *Zeitschrift für öffentliches Recht*. Bd. XX. Wien, 1940. S. 418–437.

раллели и справедливы, то они чересчур расплывчаты. Итальянский историк А. Данти полагал, что эти аналогии поверхностны и не дают еще оснований ставить Пересветова на одну доску с западными политическими теоретиками¹. В то же время он считает, что Зимин недооценил влияние западных источников на пересветовскую мысль и что необходимо более подробное изучение этого вопроса², чем мы здесь отчасти и занимаемся.

Независимо от оценки авторства группы сочинений, приписываемых Ивану Пересветову, современные историки, как правило, признают, что основой хотя бы для их обрамления послужила биография реального лица, западнорусского дворянина, служившего «у трех королей». Челобитные Пересветова выстраивают определенную канву его жизненного пути, довольно необычного (сравнить разве с Максимом Греком) для русского публициста первой половины XVI в.³ В отличие от А.А. Зими́на, подчеркивавшего роль московского периода в формировании взглядов Пересветова⁴, некоторые историки причисляли его к кондотьерам, искавшим счастья при дворах разных государей⁵. Судя по отдельным выражениям, Пересветов

См. также *Cherniavsky M. Ivan the Terrible as Renaissance Prince // Slavic Review. Washington, 1968. Vol. XXVII, No 2, June. P. 195–211*, где проводится параллель между Иваном Грозным и Пересветовым, с одной стороны, и Макиавелли – с другой. Благодарю Н. Хрисидиса за указание на эту статью.

¹ *Danti A. Ivan Peresvetov: osservazioni e proposte // Ricerche slavistiche, XII. Firenze, 1964. P. 59–60.*

² *Ibid. P. 60.* Впоследствии Данти ссылался в подтверждение отсутствия связи Пересветова с исходящими от Макиавелли идеями на точку зрения И.Н. Голенищева-Кутузова. Но он неправильно понял выражение последнего «пресловутый “макиавеллизм” Ивана Пересветова», как «премакиавеллизм». (*Голенищев-Кутузов И.Н. Гуманизм... С. 24*). См.: *Danti A. Machiavelli... P. 189, n. 17.*

³ *Орлов А.С. Древнерусская литература... С. 360–361.*

⁴ *Зимин А.А. И.С. Пересветов... С. 338.*

⁵ *Ключевский В.О. Соч. Т. II, М., 1957. С. 182–183; Голенищев-Кутузов И.Н. Гуманизм... С. 26; Danti A. Ivan Peresvetov... P. 23.*

действительно усвоил психологию этой «рыцарской» среды, видевшей воинский идеал в том, чтобы «смертною игрою играти и чти (чести) себе добывати»¹, не бояться смерти².

По собственным словам Пересветова, сначала он служил три года венгерскому королю в Гусине (как полагают, в Буде, Будине) с Фредериком Сапегой. (Зимин обратил внимание на некоего Ивана Есмановича, судившегося с последним³.) Есть сведения, что этот Иван Есманович (Eismanowicz) был, как и Федор-Фредерик Сапега, и Пересветов, господарским дворянином, то есть служил королю⁴, он отнял у Сапеги 100 дворов и за это в 1533 г. должен был поплатиться своим имуществом⁵. Дата совпадает с переходом Пересветова в другой польский отряд, к Тенчинскому, и могла бы объяснить его дальнейшие скитания; в то же время разночтение в именах, а также неплохое имущественное положение Пересветова в этот момент – он стал служить «на семи коней», а потом вывез в Россию «собинку», заставляют усомниться в тождестве этих двух лиц.

Если точно следовать указанию Пересветова, что он служил три года в Буде, то их надо отсчитывать с осени 1529 г., потому что король Ян Запольяи, у которого находился его отряд, только 3 сентября с помощью войск султана занял город, а уже 31 октября, после ухода турок, его осадил противник Запольяи, чешский король и претендент на венгерский престол Фердинанд I Габсбург. Осада продлилась до декабря 1530 г., после чего было заключено перемирие⁶. Участие Пересветова в более ранних боевых

¹ Пересветов И.С. Соч... С. 158.

² Там же.

³ Зимин А.А. И.С. Пересветов... С. 319, прим. 160.

⁴ Там же. С. 218. Объяснение термина на с. 315–316.

⁵ Sapiehowie. Materiały historyczno-genealogiczne i majątkowe. T. I. Petersburg, 1890. S. 58–59.

⁶ Stanisława Laskiego wojewody sieradzkiego prace naukowe i dyplomatyczne. Wydanie z rękopismów Muzeum Wileńskiego, z przedmową Mikołaja Malinowskiego... Wilno, 1864. S. 39–40. Ср.: Philipp W. Ivan Peresvetov... S. 4–5.

действиях сомнительно, так как он прямо пишет о своей службе «с королевского вedomа», а в 1527 г. поляки сражались в войске Запольяи без вedomа короля¹. В начале 1528 г. посланник Фердинанда Сигизмунд Герберштейн добился от польского короля запрета на помощь Запольяи со стороны шляхты². Только после того, как Запольяи бежал в Польшу, получил поддержку султана, вернулся в Венгрию и начал одерживать успехи, польский король мог сквозь пальцы смотреть на помощь своему шурина (до Боны Сфорца Сигизмунд I был женат на сестре Запольяи, которая умерла в 1515 г.; кстати, последний женился позднее на дочери Сигизмунда и Боны, то есть стал еще и зятем польского короля). Во всяком случае, Пересветов мог отправиться в Венгрию, самое раннее, 1 августа 1528 г., вместе с отрядом в 300 всадников³.

Его настоятельные заверения, что он воевал и на стороне Запольяи, и в последующие три года (см. ниже) на стороне Фердинанда с королевского вedomа не просто подчеркивают перед царем факт, что он состоял на королевской службе. Когда во втором случае Пересветов говорит, что служил «с вedomо полского короля, коли грамоты его с нами были»⁴, это похоже на самозащиту от обвинений, возводимых, может быть, его противниками по тяжбам⁵.

Итак, наиболее вероятные даты службы Ивана Пересветова при Запольяи: 1528/1529–1531/1532 гг. В свое время И.Н. Голенищев-Кутузов пробовал объяснить «пре-словутый “макиавеллизм”» будущего русского публициста его польско-балканскими странствиями: «В окружении Запольяи, а затем в Вене, Кракове и Праге Пересветов познакомился – как можно полагать с достаточной вероятно-

¹ Stanisława... S. 34.

² Ibid. S. 39.

³ Philipp W. Ivan Peresvetov... S. 5.

⁴ Пересветов И.С. Соч... С. 164.

⁵ В сочинениях Пересветова вообще заметно внимание к судебным вопросам, обостренное, вероятно, собственным горьким опытом. См.: Зимин А.А. И.С. Пересветов... С. 287.

стью – с далматинскими гуманистами Антоном Вранчичем и Транквиллом Андроником, которые также перешли потом на сторону Фердинанда I. Он, несомненно, имел дело в Венгрии и во владениях Габсбургов с братьями Ласки: блестящим и хитроумным дипломатом Иеронимом и Яном, будущим апостолом Польши, учеником Эразма Роттердамского»¹. Действительно, среди восточных «макиавеллистов» упоминается² Антал Веранчич (Антон Вранчич, Веранций, 1504–1573), который учился в Падуе, впоследствии был священником в Буде и епископом Трансильвании³, был он и секретарем Запольяи, а в 1537 г. сватал за него дочь Сигизмунда I и Боны Изабеллу⁴. Другом и соучеником Вранчича в Падуе был другой венгерский «макиавеллист» Ференц Зай (1505–1570), также королевский придворный⁵.

Голенищев-Кутузов выражает уверенность⁶, что Пересветов был знаком еще с одним приятелем Вранчича, поэтом Андроником Транквиллом (Парфением из Трогира, 1490–1571), также секретарем Запольяи, который учился в Италии, водил службу с семейством Ласких, был знаком с Тенчинскими⁷ (Пересветов у Фердинанда I был в отряде А. Тенчинского). Парфений Андроник ездил послом в Константинополь, служил туркам и их ставленнику Гритти, и еще в 1518 г. подал императору Максимилиану I записку, где говорилось, что султан щедро награждает за подвиги; доверяет высокие должности выходцам из других стран;

¹ Голенищев-Кутузов И.Н. Гуманизм... С. 25.

² Danti A. Machiavelli... P. 180.

³ Kastner E. Cultura italiana alla corte transilvana nel secolo XVI // Corvina. VIII. Budapest, 1922. P. 4 (43).

⁴ Pocięcha W. Królowa Bona... Vol. IV, 1958. S. 142, 185, 208–210, 223.

⁵ Kaposi M. Le prime tracce deirinfluenza di Machiavelli nella letteratura ungherese// Italia ed Ungheria. Dieci secoli di rapporti letterari. Budapest, 1967. P. 173–183. Ср.: Danti A. Machiavelli... P. 185.

⁶ Голенищев-Кутузов И.Н. Ренессансные литературы Западной и Восточной Европы (Сопоставительный обзор)// Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967. С. 268.

⁷ Там же.

не разбирает сословных привилегий¹. Эти утверждения прямо совпадают с рассказами Пересветова, что заставляет заподозрить в Транквилле одного из «дохтуров» и философов, на которых тот ссылается. Правда, надо отметить, что Андроник плохо отзывался о герое Большой Челобитной Пересветова, Петре Рареше: «Петр, воевода Молдавии, самый отвязленный негодяй из всех двуногих»².

Что касается братьев Ласких, то для нас важнее возможность знакомства Пересветова с неназванными Голенищевым-Кутузовым Ярославом и особенно Станиславом (р. в конце XV в. – ум. в 1550 или 1551 г.), активно помогавшими Запольяи в 1529–1531 гг.³. Станислав Лаский, учившийся вместе с братьями в Париже, воевал в Италии на стороне французского короля Франциска I. Как и Ярослав, он вербовал для Запольяи наемников в разных странах Европы, причем бывал в Литве, Подолии, Червоной Руси, на Украине и на Волыни⁴. А. Данти так выражается о предположительном знании Ласким трактата Макиавелли, опубликованного в 1521 г.: «На основании некоторых существенных подробностей можно, наверное, определенно сделать допущение о знакомстве с сочинением “О военном искусстве” Станислава Лаского, автора известного (в свое время) военного трактата, впервые изданного в 1593 г.»⁵. (Сохранилась рукопись 1534 г., включающая, между прочим, и «Записки янычара» Константина из Островицы, перекликающиеся с Пересветовым⁶.) Еще три года Пересветов прослужил «четцкому королю Фодыналу», то есть Фердинанду, сопернику Запольяи, в составе отряда

¹ Егоров Д.Н. Идея... С. 10; Ржигз В.Ф. И.С. Пересветов... С. 177.

² Acta et epistolae relationum Transilvaniae Hungariaeque cum Moldavia et Valachia/ Coll. et ed. A.Veress. Koloszwär-Budapest, 1914, (Fontes rerum Transilvanicarum. Vol. IV). Vol. I, 1485–1540. P. 245: «Petrus vaivoda Moldaviae, homo bipedum omnium sceleratissimus».

³ Stanisława... S. 37.

⁴ Ibid. S. 27.

⁵ Danti A. Machiavelli... P. 185, 189, n. 12.

⁶ Stanisława... S. CLVI.

в 500 человек, возглавляемого Андреем Тенчинским, которого Пересветов называет старостой Бельским¹. Известно, что краковский мечник А. Тенчинский прибыл в Вену 9 сентября 1532 г. с сотней всадников²; в более поздней грамоте императора Фердинанда I (1561 г.) сказано, что с ним сражались в 1532 г. 300 человек³. Возможно, что Пересветов был в этом отряде не с самого начала, таким образом, его служба приходится примерно на 1533–1535 гг. Общение с Тенчинскими также должно было пойти на пользу Пересветову, так как их двор в Кракове был одним из центров польской образованности⁴.

Наконец, пять месяцев Иван Пересветов провел в Сучаве, у молдавского воеводы Петра Рареша, куда он выехал «из Югор». Очевидно, это произошло не ранее января 1535 г., когда Рареш, до того союзник Запольяи, заключил против него и против турок тайный договор с Фердинандом⁵. Вскоре после этого будущий публицист, отказавшись от службы при молдавском дворе, выехал на Русь, может быть, непосредственно из Молдавии⁶. При дворе Петра Ра-

¹ Пересветов И.С. Соч... С. 164.

² *Acta Tomiciana*. Т. XIV. Poznan, 1952. P. 633; *Pociecha W. Królowa Wona...* Vol. IV. S. 134.

³ *Paprocki B. Herby gycerztwa polskiego, przez Bartosza Paprockiego zebrane i wydane r.p. 1584. Wydanie K.J. Turowskiego. Kraków, 1858. S. 81–82. Ср.: Ржига В.Ф. И.С. Пересветов... С. 180. Но из текста, приведенного у Папроцкого, скорее можно заключить, что с отрядом в 300 чел. Тенчинский воевал в Испании до приезда к Фердинанду.*

⁴ *Голенищев-Кутузов И.Н. Гуманизм... С. 25.*

⁵ Другой точки зрения придерживается В. Филипп, относящий пребывание Пересветова в Молдавии к 1532 г. См.: *Philipp W. Ivan Peresvetov...* S. 13. Ср.: *Рогов А.И. Основные проблемы изучения культурных взаимосвязей России и Дунайскими княжествами в XV–XVII вв. // Балканские исследования. Вып. 9. М., 1984: И. Пересветов «пять месяцев жил в Сучаве (конец 1534 – нач.1535 г.) в качестве русского посла (так!) именно к Петру Рарешу».* С. 296.

⁶ А.А. Зимин считает это невозможным, так как сношения Молдавии и Москвы с 1535 г. были затруднены из-за ссоры Рареша с Польшей (*Зимин А.А. И.С. Пересветов... С. 314*). Но все же московское правительство через Крым пыталось обмениваться посольствами со своим

реша Пересветов слушал много речей греческих философов и латинских докторов, предсказывавших малолетнему русскому государю Ивану Васильевичу великое будущее. Известных гуманистов при дворе православного воеводы не было, но в документах упоминаются образованные люди – «литераты», послы и приближенные Рареша¹.

Итак, даже судя по немногим известным фактам, Иван Пересветов соприкасался с той средой, где распространялись западные идеи и, в частности, ходили сочинения Макиавелли; более того, он вывез из-за границы, по собственным словам, «речи царские», поданные Ивану IV в двух книжках и повторенные в Большой Челобитной. Тем с большим вниманием следует отнестись к моментам сходства в текстах обоих писателей. Прежде всего их сближает особенный интерес к военному делу, которое у Пересветова стоит чуть ли не на первом месте. Он выступает от имени «воинников», сам предлагает конкретную службу (изготовление щитов); рассуждает об организации постоянного войска, о его содержании и связи с государем, о вреде богатой праздности и примате силы перед богатством², о военных задачах России на Востоке. Макиавелли же заявляет: «Государь не должен иметь других мыслей и забот, не должен упражняться в ином искусстве, кроме военного дела, его постановки и изучения; ибо это единст-

вассалом, каковым считался П. Рареш. См. История Молдавии. Т. I. Кишинев, 1961. С. 41–46; Исторические связи народов СССР и Румынии. Т. I. М., 1965: Документы о переговорах М. Захарьина с польскими послами; Очерки внешнеполитической истории молдавского княжества XIV–XIX вв. Кишинев, 1987. С. 124. Ср.: прим. Я.С. Лурье в кн.: *Пересветов И.С.* Соч... С. 316.

¹ Acta et epistolae... Р. 150, 158, 218, 221.

² «Что и многоценно найдется кому даром той не мило живет, а мир как может крепок быть, коли щита не разщипил и копия не преломил в недрузах?» Сказание о царе Константине // *Пересветов И.С.* Соч... С. 167. Между прочим, сентенции, навеянные античными изречениями male parva male dilabuntur, si vis pacem para bellum.

венное искусство, подобающее тому, кто правит»¹. Он неоднократно предостерегает против праздности; утверждает, что «не золото, а хорошие солдаты – истинный нерв войны»².

Предложение Пересветова перенести «стол царской» в Нижний Новгород³, до сих пор необъясненное⁴, можно истолковать, как один из способов, предложенных Макиавелли для удержания новой территории⁵, что, правда, не доказывает еще заимствования. Интересно, что пример, приводимый Макиавелли, относится к любимому герою Пересветова, Магмет-салтану, перенесшему свою столицу в Константинополь⁶. Есть у него и противопоставление султана греческому императору, хотя оно сведено к тому, что последний сам пригласил вначале турок себе на помощь, чем и подготовил свой крах⁷. Но главное сопоставление следует провести с тем местом «Государя», где Макиавелли рассуждает о своеобразии политического устройства Турции и египетского султаната, где правителей выбирает привилегированное войско⁸. Судя по содержанию главы, такая форма государственного устройства не вызывает больших симпатий автора, хотя прямой оценки здесь нет. Пересветов, напротив, всячески восхваляет турецкий образец

¹ Государь. XIV.

² Рассуждения. II, 10. Надо сказать, что поговорку «золото – нерв войны» приводит С. Заборовский, которого В. Ржига называет возможным предшественником Пересветова. Ржига В.Ф. И.С. Пересветов... С. 174.

³ Первое предсказание философов и докторов // *Пересветов И.С. Соч...* С. 162.

⁴ См. прим. Я.С. Лурье там же. С. 296; *Danti A. Ivan Peresvetov...* P. 46.

⁵ Государь. III, V и VI.

⁶ Государь. III: «...так поступил султан в Греции; не переселившись туда, он не удержал бы ее, несмотря на все прочие принятые меры».

⁷ Государь. XIII.

⁸ Государь. XIX.

и не говорит об опасности, коренящейся в нем для государей (легкость переворотов); его критика направлена против вельмож, которые «крест целуют, да изменяют»¹. Но косвенный признак понимания «преторианской» угрозы можно усмотреть в том, что Пересветов настаивает на жестоком подавлении всех нарушений² и наказании их смертной казнью, применимой и к изменникам, и к трусам, и к еретикам-чародеям, и обманщикам, и поработителям свободных людей, неправедным судьям, ворам, разбойникам и их укрывателям³.

Конечно, Магмет-салтан у Пересветова играет вовсе не ту роль, что воображаемый государь в теоретических построениях Макиавелли, которые тот иллюстрирует примерами историческими и современными. Магмет – это в значительной мере вообще художественный образ, как и Петр Рареш, заменивший его в Большой Челобитной, очевидно, как православный государь и родственник Ивана Грозного⁴. Макиавелли, впрочем, не был чужд подобный прием, как видно на примере «Жизни Каструччо Кастракани из Луки».

В системе понятий Макиавелли и Пересветова можно найти немало общего, начиная с особого употребления обычных терминов – таково многообразное использование у второго из них слова «мудрый», «мудрость», особенно «воинство мудрое», чье значение близко к макиавеллиевской *virtù* – доблести-добродетели⁵.

¹ Большая Челобитная // *Пересветов И.С.* Соч... С. 173.

² Ср.: Государь. XVII: «...когда государь занят войском и управляет множеством солдат, необходимо совершенно не обращать внимания на упреки в жестокости, без которых никогда не удавалось поддерживать в войске единство и боеспособность».

³ Ср.: прим. 231.

⁴ См.: *Тихомиров М.Н.* Петр Рареш и Иван Грозный // *Omăgiu lui Căstăntinescu. Jasi-Bucuresti*, 1965. P. 193–195. Ср.: Он же. Иван Грозный и Сербия // Доклады и сообщения истор. ф-та МГУ. Вып. 1. М., 1945. С. 3–9; Он же. Страница из жизни Ивана Пересветова // Русско-европейские литературные связи. Л., 1966. С. 399–402.

⁵ Ср. в переводе на современный язык: «воинство мудрое» как «воинственный дух», «воинская мудрость» как «воинская доблесть». Сочин-

Требование свободы и равенства («Братья, все мы дети Адама...»), говорит Магмет-салтан), сочетается у Пересветова с описанием «порабощенной земли», где «все зло сотворяется» – у Макиавелли этому соответствует «развращенный народ», который покоряется только жестокому единоличному правлению. Превознесение царской «грозы» перекликается с советом государю не опасаться прослыть жестоким¹ (но при этом избегать ненависти и презрения – об этом часто забывали комментаторы), укоры Константину за то, что он внял призывам бояр к кротости и смирению – с утверждением Макиавелли о христианстве, обессилившем мир. Наконец, примат правды над верой напоминает об общеевропейском процессе секуляризации государства того времени.

Но Макиавелли прямо выводит слабость духа и утрату свободы его современниками из распространения христианства (истолкованного, как он говорит, вопреки доблести и в пользу праздности)²; при этом, рассуждая о «правильном использовании религии», он идет гораздо дальше утверждения, что «Бог не веру любит, правду». Его образ мыслей иной, чем у Пересветова, хотя направление их одинаковое. Все понятия и ценности у Макиавелли ставятся под сомнение, сталкиваются, но не только отрицают, а и переходят друг в друга. В мире Пересветова существует возможность объединения веры, правды и грозы, в нем больше сотворенной гармонии; Макиавелли же смотрит на эти вещи как бы со стороны, в его мире, включая и человеческие отношения, правят природные стихии и полное

нения Ивана Семеновича Пересветова // Памятники литературы древней Руси. М., 1984. С. 598–603. Подробнее об этом см. мою статью «Мудрость царева» у Ивана Пересветова и ренессансная доблесть государя. Идеальный государь и чужая вера // Россия и Италия. Вып. 4. М., 2000. С. 53–69.

¹ Государь. XV.

² Макиавелли говорит: «**Кажется**, что небеса разоружились» (Рассуждения, 11, 2); Пересветов же подчеркивает, что архангелы не выпускают оружия из рук (*Пересветов И.С. Соч...* С. 178).

обуздание страстей невозможно. (Он вовсе не столь рационалистичен, как иногда представляют.)

Эти два мира пересекаются больше на уровне внешних проблем, стоявших перед всеми странами Европы: турецкой опасности, необходимости укрепления власти, защиты национальной и духовной независимости. Уже набор инструментов, которыми оперируют два писателя: итальянский политик и литовско-русский дворянин, различается в силу местного своеобразия; у Пересветова, в частности, отсутствует представление о самостоятельном «народе», так много места занимающем в построениях Макиавелли.

Попытки сближения России с Западом, начавшиеся в послемонгольский период при Иване III, были неизбежны; но вызвавший их к жизни интерес смешивался с опасениями, да и некоторым пренебрежением к чужому опыту, к утраченному авторитету двух первых Римов. Политические споры, кипевшие в западных странах в XVI в., могли бы восприниматься с достаточной остротой и на Руси, но их отзвуки и отголоски, долетавшие сюда, не составляли самостоятельного идейного источника, хотя бы отдаленно сопоставимого со Священным Писанием и церковной традицией. Это справедливо и по отношению к самой знаменитой полемике века – переписке между Грозным и Курбским.

Не один автор прибегал к заманчивому сравнению политики Ивана Грозного с «Государем» Макиавелли, понятым как апология сильной власти; говорили, как мы видели, даже о том, что итальянский трактат мог быть известен царю¹. Но не говоря уже об отсутствии каких-либо факти-

¹ См.: Полосин И.И. О челобитных...; а также по поводу его статьи : Зильберман И.Б. Политические взгляды Ивана Грозного. Л., 1953 (диссертация). С. 127: «Не исключается, что Иван IV читал Макиавелли...». Ср.: Мальярчик Я. Политическое учение Макиавелли в России.... С. 3. См.: также ст.: Беляев Л.Н. Изменение структуры нравственного сознания России XVI века (на примере переписки Ивана Грозного с А. Курбским). М., 1986 (Деп. в ИНИОН): «Формулировки методов управления Грозного и их нравственная оценка фактически буквально

ческих указаний на это, сама возможность чтения «Государя» Грозным выглядит теоретически сомнительной. С одной стороны, высшее сословие России не чуждалось западной образованности; Курбский, например, ссылается на страны, «идеже некоторые человецы обретаются, не токмо в граматических и риторских, но и в диалектических и философских учениях искусные»¹. Апелляция к ним, видимо, не должна была оставить равнодушным царя, следившего за чужеземными событиями, в частности, за религиозной полемикой².

С другой стороны, все «латинское», особенно новейшего происхождения, по традиции вызывало подозрение. Как пишет Курбский, Иван Грозный «затворил царство»; военное противостояние привело к взаимному блокированию связей³. Правда, в первой половине царствования Ивана IV продолжались контакты, напоминающие нам о том, что Россию для Запада «открыли итальянцы»⁴. Джованни Тедадьди сообщал, что царь любит итальянцев, составлявших большинство чужеземной колонии в Москве⁵. Но итальянский язык знали немногие: некоторые поляки, служившие Грозному, и бывшие русские пленные, выучившие его от итальянцев на галерах в совместном плену у турок⁶. Сам царь, говорил Тедадьди, не знает не

совпадают со многими из тех советов, которые давал государям Макиавелли». С. 22. Здесь имеются ссылки на гл. IV, IX, XIII, XV, XVIII, XXII, XXV «Государя». Ср.: *Cherniavsky M. Ivan the Terrible as Renaissance Prince...* P. 205–208; *Malarczyk J. Machiavellismo...* P. 107; *Danti A. Machiavelli...* P. 140; *Durand-Cheyne Catherine. Ivan le Terrible, ou la démesure du pouvoir.* P., 1981. P. 149.

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 101.

² *Лурье Я.С.* Иван IV Васильевич Грозный // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* II пол. XIV–XVI вв. (Вып. 2) Ч. 1. Л., 1988. С. 375.

³ См.: *Полосин И.И.* О челобитных.... С. 44, 50.

⁴ *Шаркова И.С.* Россия и Италия. Торговые отношения XV – I четв. XVIII в. Л., 1981. С. 15; *Она же.* Русско-итальянские отношения XV–I трети XVI в. // *Средние века.* Вып. 34. М., 1971. С. 202.

⁵ *Шмурло Е.* Известия... С. 18.

⁶ Там же. С. 20.

только итальянского, но и латыни. По сведениям Поссевина, латынь знали только несколько поляков, переводчиков Посольского приказа¹.

А. Курбский стал изучать латынь, «книги этические», античных авторов только оказавшись в Литве, с целью защиты православия, которое в 60-е гг. начало подвергаться угрозе со стороны иезуитов². Книги Макиавелли, хотя они и были уже известны в Польше и Литве, не попадали в сферу подобных интересов. Конечно, переписка князя с Грозным посвящена морально-политическим темам, но слово «макиавеллист» звучало в польской политической полемике только в 80-е гг.³.

Что касается знаменитой библиотеки Грозного, то если и существовала какая-то не дошедшая до историков ее часть, о ней принято говорить, как о собрании античных сочинений, доставшихся царю от его предшественников⁴. В этой связи любопытно, что в 1565 г. Иван Васильевич хотел получить перевод Тита Ливия⁵, столь любезного Макиавелли и послужившего основой одного из главных его трудов.

¹ Там же. С. 21; *Поссевино А.* Исторические сочинения... С. 20.

² Жизнь А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849. Т. II. С. 310; *Орлов А.С.* Древнерусская литература... С. 366; *Freidank D.* Zwischen griechischen und lateinischen Tradition: A.M. Kurbskij's Reception der humanistischen Bildung // *Zeitschrift für Slavistik*. В., 1988. S. 805–815.

³ *Малярчик Я.* Политическое учение Макиавелли в Польше... С. 155.

⁴ *Лихачев Н.П.* Библиотека и архив московских государей. Спб., 1894; *Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899; *Амосов А.А.* «Античная» библиотека Ивана Грозного // *Книжное дело в России в XVI–XIX вв.* Л., 1980; Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание (Н.Н. Зарубина). Л., 1982; *Дрбоглав Д.А.* История неоконченного поиска (К проблеме библиотеки Ивана Грозного) // *Встречи с историей*. М., 1987. С. 96–100; *Waugh D.C.* The unsolved problem of tsar Ivan IV's library // *Ivan the Terrible. A Quatercentenary celebration of his death // Russia history=Histoire russe*. Irvine, 1987. P. 395–408; *Горфункель А.Х.* Гуманистические источники легенды об «античной» библиотеке московских государей // *ТОДРЛ*. Т. XLVIII. Спб., 1993.

⁵ *Жданов И.Н.* Сочинения. Т. I. Сочинения царя Ивана Васильевича. Спб., 1904. С. 136.

Личность и сочинения Ивана Грозного для темы «Макиавелли в России» в любом случае представляют перво-степенный интерес, так как первый царь был одновременно и «новым государем» (правда, лишь отчасти – хотя его власть была наследственной, зато он сильно изменил «порядки»)¹; и теоретиком, оправдывающим собственные поступки. Как государь законный и наследственный, Иван IV считает свою власть далеко превосходящей все прочие режимы: польского короля «худейша худейших рабов суца, понеже от всех повелеваем, а не сам повелевая»², Елизаветы английской и шведского короля, зависимых от сословий, не говоря о прочих странах, где всем владеют не главы государств, а «работные их»³. Макиавелли, напротив, отдаёт предпочтение республике, как по идейным соображениям – она соответствует свободному гражданскому обществу (*vivere civile*), так и «техническим»: характер единоличной власти слишком зависит от качеств правителя, которые не передаются по наследству. Но в некоторых случаях, для преобразования государства, необходима именно такая власть⁴. В «Посланиях» к Курбскому Грозный тоже объясняет ее преимущество: где нет царя, подданные беспрестанно воюют между собой, «там особь кождо о своем попечении имея»⁵.

Всякая власть, пишет царь, имеет божественное происхождение, даже если ее «кровми и браньми приемлют»⁶. Христианину поэтому пристало всегда покоряться

¹ Ср.: Государь. XXVI: «...ничто не приносит столько чести новому человеку у власти, как новые законы и порядки, найденные им. Эти вещи, если они заложены основательно и несут отпечаток величия, заставляют уважать государя и восхищаться им...».

² Переписка... С. 23. 72–73.

³ Там же. С. 16; ср.: *Альшиц Д.Н.* Начало... С. 93, 97–98.

⁴ Рассуждения: I, 9: О том, что для введения в республике **новых порядков** или полного преобразования старых, необходимо действовать одному.

⁵ Переписка... С. 47. Ср.: *Альшиц Д.Н.* Начало... С. 94.

⁶ Переписка... С. 14.

ей и скорее претерпеть обиду, нежели изменить. На этом, собственно, и строится обвинение против Курбского в «Первом Послании». Но приглашение пострадать относится только к подданным, для царя такая линия поведения непригодна: одно дело царство, а другое священство, царю неприлично подставлять под удар вторую щеку, в отличие от святителя¹. Правитель вынужден действовать в несовершенном мире: «Ино бо человечество есть, аще перфиру носит, ино же боже-ственно есть»².

Но даже царь, погрязший в грехах (этот мотив звучит в начале «Второго Послания»), есть орудие божье. «...Ино убо еже свою душу спасти, ино же многими душами и телесы пещися»³. Молитва и кротость – дело священства, но царство требует иного. Здесь Грозный вполне сходится с Макиавелли, а также обращается к пересветовским аргументам: «Нигде же бо обрящещи, еже не разоритися царству от попов владому. Ты же убо по что ревнуеши, иже в грецах царствие погубиша и турком повинующимся?»⁴. Но в споре о проступках Сильвестра, пугавшего молодого царя «детскими страшилами», чтобы наставить его на истинный путь, логику Макиавелли больше напоминают доводы Курбского. Последний защищает «благочестивый обман» Сильвестра точно так же, как автор «Рассуждений» мудрых законодателей, «прибегающих к Богу»⁵, «льстец он был, коварен и благокозен, понеже лестию ял тя, исторгнувши от сетей диявольских и от челюстей мысленного льва...»⁶. Здесь же Курбский использует сравнение Сильвестра с врачом, очень популярное в апологиях Макиавелли, начиная с первого издателя «Государя» Бернардо Джунты до Л. фон Ранке: «То же воистине и врачеве премудрые

¹ Там же. С. 24.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Рассуждения, I, 11.

⁶ Переписка... С. 107.

творят, дикие мяса и неудобь цедимые гагрины бритвами режут аж до живого тела...».

Все это говорит о том, что изощренность полемики, вероятно, не уступает крутизне поворотов макиавеллиевской мысли. Но есть существенная разница. В понимании Ивана Грозного царь – действительно высшее существо, наделенное властью небом (Курбский этого не опровергает, он уповает, главным образом, на загробный суд). Все подданные – царские рабы: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя»¹. Благо государства, а следовательно, и подданных, равнозначно благу государя, всякое же умаление и ограничение независимости и самостоятельности его власти преступно, противно не только человеческому, но и божественному закону. Не зря Курбский упрекает царя за то, что тот последовал «ложному сикованцию» Вассиана Топоркова: не держать «советника ни единого мудрейшего себя, понеже сам еси всех лучше»².

Конечно, Грозный признает в теории разницу между мудрым правлением и тираническим произволом: «Который папа не по Христовому учению и не по апостольскому преданию почнет жити, и тот папа волк есть, а не пастырь»³. Но толкователем соответствия царских поступков Христову учению выступает сам царь, поэтому он пользуется всем арсеналом испытанных средств их оправдания. В числе этих средств и разные вариации на главную тему Макиавелли: о всеобщей изменчивости и необходимости применяться к обстоятельствам, следовать за вре-

¹ Там же. С. 26.

² См.: Орлов А.С. Древнерусская литература... С. 370. У Макиавелли подобная мысль звучит в гл. XXIII «Государя»: «Как избегать льстецов». Его вывод следующий: «Хорошие советы должны рождаться из благоразумия государя, а не его благоразумие из хороших советов».

³ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 4.1. Т. X. Памятники дипломатических сношений с папским двором и с итальянскими государствами (с 1580 по 1699 гг.). Спб., 1871. С. 307–308. Ср.: Поссевино А. Исторические сочинения... С. 245; а также сравнение тиран – волк в трактате 1505 г.: Вальденберг В.Е. Древнерусские учения... С. 241.

менем. «Сие ли убо сопротивно разуму, еже по настоящему времени жити?»¹. Макиавелли говорит о невозможности сочетать в себе две природы, Иван Грозный о том, чтобы избегать крайностей: «Како же сего не могл еси разсудити, яко подобает властелем не зверски яриться, ниже безсловесно смиряться?... И повсегда убо царем подобает обозрительным быти: овогда кротчайшим, овогда же ярим: ко благим убо милость и кротость, к злым же ярость и мучение»².

Отсюда обычное объяснение насилия и жестокости: из необходимости наказывать злых – «Не хотением убо сие творя, ни желая, но по нужде: злаго ради их преступления и наказание им бывает»³. Жестокость в государственном деле может превратиться в благочестие («милосердная жестокость» Макиавелли), так же, как и благочестие в преступление: «И се ли убо благочестие, еже не строити царства, злодейственных человек не зустити и к разорению иноплеменных подати?»⁴.

То же самое царь сказал и Джованни Тедальди, когда тот, после долгих упрашиваний, выдал, что его называют «немного жестоким»: «Это правда, но таковым я бываю для злодеев, а не для добрых»⁵. Разумеется, чтобы приводить подобные доводы, не обязательно читать Макиавелли. Впрочем, царь Иван ссылается и на чужой опыт: «А в ыных землях сам узриши, елика содеваетца злым злая: тамо не по здешнему!...казнят их, да тем и утверждаютца»⁶. В то же время нельзя осуждать его за жестокости, говорит

¹ Переписка... С. 18.

² Там же. С. 18–19.

³ Там же. С. 19. Ср. аналогичное рассуждение в Послании митрополита Московского Даниила монахам Св. Николая на Волосове: «Аще бы все блази были, милости единая потреба была бы, аще ли же строптивы и грехолюбезны, тогда страха потреба достоин быти, яко да милость утверждает блага, страх же возражает злыя...» (Цит. по: *Жданов И.Н.* Соч. Т. I. С. 150, где проводится параллель с Грозным). У Макиавелли вспоминается «Государь». XV.

⁴ Переписка... С. 15.

⁵ *Шмурло Е.* Известия... С. 18.

⁶ Переписка... С. 18.

он «одному немцу», за которые западных государей сочтут тиранами: «...те де повелевают людям, а он – скотам»¹.

Макиавелли смотрит на жестокость, как на необходимое в иных случаях зло, которое, однако, в руках единоличного правителя чаще всего выходит за рамки необходимости и служит его прихотям. Для Грозного же самодержец есть главный источник небесного правосудия на земле: «Тшу же ся со усердием люди на истину и на свет наставить, да познают единого истиннаго бога и от бога данного им государя, а от междоусобных браней и строптиваго жития да престанут, ими же царствия разтлеваются»². Задачей его политики было создание режима личной власти, не зависящей ни от «баронов» – князей и бояр, ни от народа, ни от собственного «аппарата». Для этого царю понадобилось уйти, чтобы вернуться – демонстративный отказ в 1564 г. от не устраивавших его полномочий был тактическим отступлением ради получения затем неограниченной полноты власти. Способствовали достижению этой цели и войны, традиционное средство «держать подданных в напряжении»³. И наконец, создание опричного корпуса – одновременно гвардии и тайной полиции, позволило устрашать противников казнями и ссылками. Но Иван Грозный видел и опасность такого режима, который описан Макиавелли на примере Турции – зависимого от армии; поэтому расправы не миновали и его ближайшие слуги – прием, хорошо известный и в современной истории.

Если жестокую борьбу за передел территории Европа видела и в XX в., то для XVI-го вопрос о существовании отдельных государств прямо стоял на повестке дня, что и влекло за собой тенденцию к усилению центральной влас-

¹ Переписка... С. 26.

² Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. С лат. перевел Алексей Станкевич. М., 1906. С. 117. Ср.: Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 81. Здесь же подобные высказывания Петра I.

³ Переписка... С. 34.

⁴ См. например, Государь. XXI; письмо к Веттори от 29.04.1513. Ср.: Альшиц Д.Н. Начало... С. 111.

ти. К последнему вели разные пути. Хорошо устроенной Макиавелли считал французскую монархию, где противоречивые интересы подданных – аристократии и народа – королю помогал примирять парламент¹. Россия же времен Ивана Грозного превращалась в вотчинную монархию восточного типа, что с точки зрения жизнеспособности имело свои недостатки. Во-первых, если вспомнить мысль Макиавелли, слишком многое зависело от личности правителя: случайности, пресечение династии могли влиять на сохранение порядка и мира в стране; власть, сосредоточенную в одном лице, легче узурпировать, отсюда отчасти и бедствия Смутного времени. Даже такой разумный «новый государь», как Борис Годунов, не нашел опоры для создания прочной династической власти, не совладал с амбициями «грандов» и неблагоприятными обстоятельствами.

Во-вторых, закрытость от внешнего мира и консерватизм порядков поставили Россию в положение постоянно отстающей и рывками догоняющей державы, причем инициатива таких рывков должна была идти сверху. В послемонгольский период вплоть до Петра I не было, может быть, более благоприятного времени для сближения с Европой, чем середина XVI в.: намечались реформы, дистанция не была столь велика, обсуждались те же политические проблемы: взаимоотношения власти и закона («правды»), оправданности государственного насилия, места церкви в государстве. Но даже мыслители, знакомые с западными источниками, – Максим Грек, Пересветов, тем более Грозный и Курбский оставались на чисто русской почве, склоняясь в решении этих проблем скорее к «турецкой» модели властной пирамиды, чем к западной, – с большей независимостью сословий и отдельных граждан. Хотя политическая жизнь здесь была не менее суровой и драматичной, она не требовала такого всестороннего осмысления разных государственных форм и, соответственно, отстраненно-светской постановки вопроса о государстве, которые мы находим у Макиавелли.

¹ Государь. XIX.

Савонарола

Дракула

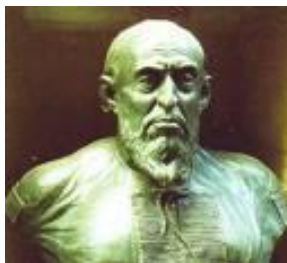
Максим Грек

Поссевино

Папа Иннокентий IX

Иван Грозный

ОТГОЛОСКИ МНЕНИЙ ЧУЖЕЗЕМНЫХ ЭРУДИТОВ

Если принять за основу не чисто хронологический, а исторический подход к нашей теме, то период, обозначенный как XVII в., сведется к эпохе первых Романовых – от Смутного времени до Петровских реформ. В целом этот период примыкает к XVI в., во всяком случае он не превосходит предшествующее столетие по интенсивности идейных контактов с Западом. Объяснение можно видеть в том, что более ранние попытки сближения завершились войнами Смутного времени, поставившими Россию под угрозу потери национально-государственной и религиозной независимости. В результате должна была возобладать тенденция к замкнутости, довольно сильная и прежде. Время от Михаила Романова до Петра I характеризуется настроенным отношением к западным влияниям. Вместе с тем их подспудному распространению способствовали некоторые явления, усилившиеся особенно при Петре и в дальнейшей перспективе: стремление использовать технические достижения западной культуры и связанное с этим привлечение все большего числа иностранцев на русскую службу.

XVII в., как и XVI, не принес России сколько-нибудь существенного знакомства с Макиавелли; сюда почти не доходили отзвуки разразившейся на Западе вакханалии политического теоретизирования, в которой политика еще обсуждалась в терминах макиавеллиевской эпохи, хотя сам способ стал уходить в прошлое. Умножение античных цитат и исторических примеров, рассуждения о типах государств и случаях, встречающихся в управлении, изображение нравственных качеств идеальных государей и правильной политической жизни вообще уступают место дроблению и систематизации, рассмотрению государственно-правовых и государственно-

экономических вопросов; специальные знания сменяют ренессансное искусство управления. В средневековом понимании личность государя имела значение по меньшей мере в связи с выражением воли божьей, награждающей и карающей; политика ренессансного монарха еще больше выражала его индивидуальность подобно тому, как творения художников индивидуальность их творцов; в XVII в. личность правителя вновь отделяется от его профессиональных качеств; государь становится средоточием связей сложной бюрократической машины, ее воплощением.

Идеи Макиавелли, или приписываемые ему, в это время живо обсуждаются и оспариваются. Но между участниками дискуссии и ее предметом появилась дистанция, он уже не воспринимается как факт сегодняшней политической жизни (что еще было во Франции в конце XVI ст.); обвинение в «макиавеллизме» стало дежурным, само понятие — нарицательным символом, а это позволяло ставить два вопроса: к чему в действительности клонились советы Макиавелли, и как нужно его толковать — объяснять, комментировать. Поэтому в XVII в. мы не встречаем «макиавеллических» фигур (в смысле сходства или связи с проблематикой), и, соответственно, не можем проследить их отношение к России, зато находим здесь первые упоминания этого имени в культурно-историческом контексте.

Главным путем для проникновения западных идей на русскую почву оставалась, как и прежде (и в большой мере до конца Петровского времени), Польша. В начале XVII в. Макиавелли был известен в Польше, пожалуй, не менее, чем на Западе. В каталоге книготорговой лавки в Кракове 1613 г. числилось 30 экземпляров книг Макиавелли (3 «Государя», 17 «О военном искусстве», 6 «Историй Флоренции», 4 «Рассуждения») и еще 2 «Анти-Макиавелли»¹. Принципы Макиавелли обсуждались в политических листовках и трактатах о государстве, причем в поддержку

¹ *Malarczyk J. Machiavellismo... P. 106.*

итальянского писателя выступают некоторые известные публицисты и политические деятели. В их числе коронный канцлер Феликс Крыйский (1562–1618), сторонник и активный участник войн с Москвой, по поводу которых он или его секретарь написал листовку «О причинах и целесообразности Московской войны»¹. В другой приписываемой ему листовке он защищает Я. Замоиского и с одобрением отзывается о «Рассуждениях» Макиавелли и о трактате «Государь», который уподобляет цветущему лугу, где растут и лекарственные и ядовитые растения². Заслуживают упоминания также положительный отзыв известного публициста первой половины XVII в. Лукаша Опалиньско-го в «Разговоре приходского священника с помещиком»³ и полемика с Поссевином, развернутая в защиту Макиавелли в книге мещанина из Веховы, протестанта Яна Сахса (Саксен) «Воспоминания светлейшего мужа Андрея Оссовского...», 1666 г.⁴ Сочинения Макиавелли были в библиотеке подканцлера литовского Льва Казимира Сапеги⁵, ими интересовался король Владислав IV (1632–1648)⁶, одно время небезуспешно претендовавший на московский престол.

Обвинение королей в макиавеллизме стало в Польше ходовым, мы уже говорили об этом применительно к Сигизмунду III⁷, которому одновременно посвящался латинский вариант антимакиавеллического трактата Педро Рибаденейры (1603). Фактическим переложением последнего занялся брест-литовский воевода, участник

¹ *Causae consiliumque belli moscovitici*. Pierling P. *La Russie...*, v.III. P. 267. Ср.: *Diskurs słusznej wojny z Moskwą, rationes pro et contra*. Polski słownik biograficzny. Wrocław et al., 1970, t. XV. S. 484.

² *Malarczyk J. Machiavellismo...* P. 110.

³ *Barycz H. Myśl...* S. 278; *Danti A. Machiavelli...* P. 183.

⁴ *Malarczyk J. La fortuna...* P. 16; *Barycz H. Myśl...* S. 280; *Kot S. Rzeczpospolita Polska w literaturze politycznej Zachodu*. Kraków, 1919. S. 133, 141.

⁵ *Barycz H. Myśl...* S. 280.

⁶ *Ibidem*.

⁷ *Pisma polityczne z czasyw rokoszu Zebrzydowskiego 1606–1608*. T. II. S. 317. *Deklaracya pisma p. Wojewody krakowskiego*.

войны с Москвой 1633–1634 гг. Кшиштоф Пекарский (ум. в 1672 г.) в своем сочинении «Цель добродетели не та, на которую уповают Макиавелли и прочие политики его выучки» (1662)¹. И в эту эпоху звучали упреки в макиавеллизме еще одной королевской особы, Михаила Вишневецкого (1669–1673)². Некоторые отголоски полемики долетали и до Москвы. Но сначала скажем несколько слов о восприятии западного образования в России XVII в. Наивысшим всплеском официального интереса к нему была в начале века попытка отправить за рубеж (во Францию, Англию и Любек) до 18 молодых людей для учебы, предпринятая Борисом Годуновым³. Она оказалась неудачной, поскольку почти все эти студенты стали «невозвращенцами». Подобную же идею высказывал в свое время А. Поссевин, предлагавший направлять в Рим русских юношей для изучения греческих отцов церкви, латинского и итальянского языков⁴ (такую школу, кстати, прошли многие деятели Петровского просвещения первого призыва из украинского духовенства). В Москве начала XVII в. предпочли, как мы видим, протестантские центры, может быть, менее опасные, чем «латинство». Тот же Борис Годунов, по слухам, собирался открыть университеты⁵, впрочем, до дела так и не дошло. Эта идея получила свое реальное воплощение после долгой борьбы только в конце столетия

¹ Cnoty cel nie ów, do którego zmierzą Makiawel i inni w akademii jego promowany politycy. Warszawa, 1662. *Barycz H.* Myśl ... S. 290; *Malarczyk J.* La fortuna ... P. 18.

² *Malarczyk J.* La fortuna ... P. 10.

³ *Пекарский П.* Известие о молодых людях, посланных Б. Годуновым для обучения наукам в Англию в 1602 г. // Сб. ст. Отдела русского языка и словесности Академии наук. Т. I. Спб., 1867. С. LXVI–LXXI; *Арсеньев А.В.* История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. Спб., 1887; *Голицын Н.* Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII в. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Спб., 1898. Кн. 4.

⁴ *Durand-Cheynet Catherine.* Ivan le Terrible ou la dîmesure du pouvoir. P., 1981. P. 496–497.

⁵ *Голицын Н.* Научно-образовательные сношения... С. 32.

в виде Славяно-Греко-Латинской Академии в Москве, да и то первоначально в грекофильском варианте¹.

Любопытно, что Привилегия на создание Академии, поданная западником Сильвестром Медведевым царю Федору Алексеевичу, строго монополизировала изучение иностранных языков и запрещала обучение им на дому, хотя в целом была проникнута либеральным духом². Такие ограничения были связаны, возможно, с тем, что к проекту, составленному Симеоном Полоцким, «приложил руку» его идейный противник, патриарх Иоаким³, жаловавшийся на некоторых юношей, учившихся в Польше и усвоивших тамошние обычаи⁴. Как бы то ни было, наряду с языками, вошедшими в название Академии, в ней предполагалось изучать и польский⁵, самый распространенный из иностранных на Руси. Этому способствовала, в частности, тринадцатилетняя русско-польская война в середине века, после которой в Москве осели сотни пленных⁶. Еще в 80-е–90-е гг. в Посольском приказе преобладали переводчики, знавшие латинский, польский, немецкий, голландский,

¹ Любопытна агитация в пользу образования, которую вел, в частности, подвизавшийся в Москве митрополит Газский Паисий Лигарид (переводчиком у него был Симеон Полоцкий). В «Опровержении челобитной попа Никиты» 1666 г. он вспоминает слова Алкивиада о том, что для войны нужно три вещи – золото, золото и золото. (Макиавелли, кстати, полемизировал с этим мнением.) «Аз же – пишет митрополит, вопрошен о сани церковном и гражданском, кии бы были столпы и завесы обою, рекл бых: первое – училища, второе – училища, третье – училища пренужна бытии». Одним словом, учиться, учиться и учиться. *Галкин А.* Академия в Москве в XVII столетии. М., 1913. С. 15.

² *Смирнов С.К.* История Московской Славяно-Греко-Латинской Академии. М., 1855. С. 13.

³ *Еремин М.П.* Симеон Полоцкий – поэт и драматург// Симеон Полоцкий. Избр. соч. М.; Л., 1953. С. 229.

⁴ *Татарский И.* Симеон Полоцкий. Его жизнь и деятельность: опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII в. М., 1886. С. 186.

⁵ *Еремин М.П.* Симеон Полоцкий... С. 229.

⁶ *Чечулин Н.Д.* К вопросу о распространении в Московском государстве иноземных влияний. М., 1902. С. 7, 8.

французский языки¹. (Роль польского была, естественно, первостепенной при А.Л. Ордин-Нащокине, стороннике союза с Польшей.) Итальянский даже не фигурирует среди языков, с которых делались переводы, хотя среди служащих упоминается Н. Спафарий, знавший итальянский². М.И. Сухомлинов отмечал, что при русском посольстве, отправленном в Венецию в 1656 г., переводчиком состоял «природный русский» Тимофей Топоровский, знавший итальянский язык³. Тем не менее в Италии к посольству был прикомандирован отставной поручик (*locum tenens*) Иоанн Сакс, австриец, занимавшийся мелкой торговлей и единственный человек в Ливорно, «говоривший немного по-московски»⁴. Он переводил, как указано в документах, с польского на латынь, и в подписи называл себя австрийцем⁵. Сакс был переводчиком и при посольстве 1659 г. и довольно нелестно отзывался о русских дипломатах⁶.

Возникает вопрос о том, не имеет ли он отношения к упомянутому выше Яну Сахсу, писарю Торуня, автору апологетических отзывов о Макиавелли в книге об Оссовском и в другом труде, где он под псевдонимом Франческо

¹ Морозов Б.Н. Из латинско-русских переводов научной и технической книги в последней четверти XVII – начале XVIII в. (Архив переводчиков Посольского приказа)//Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 107–124.

² Там же. С. 122 и Белоброва О.А. Личность и научно-просветительские труды Н. Спафария // Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978. С. 7.

³ Сухомлинов М.И. О языкознании в древней России// Ученые записки II Отделения Императорской Академии Наук. Кн. I. Спб., 1854. С. 194. Он ссылается на документы, опубликованные в «Русском историческом сборнике», т. III, кн. 4 (М., 1840). С. 325. (Описание посольства 1659 г.) С. 363.

⁴ Бумаги флорентийского центрального Архива, касающиеся России / Издал гр. М.Д. Бутурлин. 4.1. М., 1871. С. 158 (письмо А. Серри-стори).

⁵ Там же. С. 207–208, его подписи.

⁶ Там же. С. 249, 250.

Марини полемизирует со своим учителем, известным нам Германном Конрингом, по поводу судеб Польши¹? Отождествление этих двух Саксов, по всей видимости, невозможно, так как второй из них родился в 1641 г. и 1656 г. ему было всего 15 лет². Он находился позднее на службе голландских Генеральных Штатов и в 1670 г. отправился на Цейлон, по пути куда умер³.

Несмотря на ограниченность круга лиц, знавших чужие языки, западные книги попадали на Русь и существовали здесь чаще в виде рукописных переводов. Печатные издания в подавляющем большинстве относились к духовной литературе (в XVI в. все 17 названий, в XVII – 476 из 483)⁴. 483)⁴. Официально заказываемые царем переводы носили прикладной характер, в основном это были пособия по военному делу. Известные в России труды Фроншпергера (использован в «Воинской книге» Михаила Юрьева и Ивана Фомина, 1606 г. и в «Уставе ратных дел» Онисима Михайлова, 1606–1621 гг.)⁵ и Вальгаузена («Учение и

¹ De scopo reipublicae Polonicae, adversus Hermannum Conringium... dissertatio auctore Francesco Marinio Polono. Vratislaviae, 1665. P. 54 («Lectu dignissima Historia Florentina Nicolai Machiavelli, illius politicorum artium cymbali...»); Kot S. Rzeczpospolita... S. 133–141.

² Jöcher Ch.G. Allgemeine Gelehrten-Lexikon. IV Bd. Lpz. 1751, col. 16. Zernecke Ch.H. Geehrtes und gelehrtes Thorn... 1727. S. 363.

³ Ibidem.

⁴ Tazbir J. Les livres manuscrits en Pologne et en Russie // Revue des études slaves. P., 1988. V. 60, f. 4. P. 797–811; ср.: Луннов С.П. Книга в России в XVII в. Л., 1970; Сапунов Б.В. Московское барокко – феномен русской книжной культуры XVII в. (По описям библиотек и владельческим припискам на книгах) // Книга: исследования и материалы. Сб. LVII. М., 1989, где приведены данные по книжному фонду России – в конце XVI в. 250–300 тыс. книг, через 100 лет – ок. 1 млн. (с. 71). Светские книги составляли около 10 % (с. 70).

⁵ Райнов Г.И. Наука в России XI–XVII вв. М.; Л., 1940. С. 340–344; Петров Н.И. Влияние западноевропейской литературы на древнерусскую // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1872. Апрель–август. С. 730.

хитрость ратного строения пехотных людей», 1647)¹ не содержали явных заимствований из Макиавелли, хотя и весьма популярного в военной литературе.

Большинство переводов этого времени оставались рукописными; в этом случае они не подвергались цензуре и стоили дешевле, причем такое положение сохранялось до Петровской эпохи включительно; сходной была ситуация и в Польше². Реально датируемые рукописные переводы книг, в которых упоминается Макиавелли, относятся к XVIII в., но они существовали, вероятно, и в XVII в., а с еще большей уверенностью можно говорить о наличии в России XVII в. их оригиналов. Почерпнуть глубокие сведения о Макиавелли из этих политических и публицистических сочинений было невозможно, но читатель хотя бы узнавал об этом писателе, вызывающем и резкие упреки, и горячие похвалы. Подробнее о подобных книгах мы будем говорить в разделе, посвященном XVIII ст., здесь же назовем только их авторов, это Юст Липсий, Сааведра Фахардо, Фр. Бэкон, Траяно Боккалини, А.М. Фредро, Джованни Ботеро³. В конце XVII в. в России был распространен рукописный перевод «Космографии» последнего, Макиавелли же этот проповедник государственности и «иезуитского макиавеллизма»⁴ критикует в труде «О государственном интересе» 1589 г. Однако в Предисловии к части II «Космографии» Ботеро излагает свою политическую теорию, в которой он, по мнению некоторых историков, иногда следовал за Макиавелли, иногда же перетолковывал его в духе

¹ *Архангельский А.С.* Из лекций по истории русской литературы. Казань, 1913. С. 109.

² *Tazbir J.* Les livres... P. 797.

³ *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVIII вв. СПб., 1903: *Архангельский А.С.* Из лекций... С. 85; *Санынов Б.В.* Московское барокко... С. 69. А. Данти прибавляет к этому списку переводы сочинений А. Фрыч Моджевского и Рейнхарда Лорихия (*Danti A. Machiavelli...* P. 187).

⁴ Так его книга охарактеризована в работе: *Cronia A.* La conoscenza del mondo slavo in Italia. Padova, 1958. P. 208.

вышеупомянутой формулировки¹. Любопытно, что польский вариант «Космографии», с которого делались и русские переводы, принадлежал Павлу Ленчицкому, работавшему над ним в заключении в Москве (1608 г.)².

А. Данти считает появление в России книг с мимолетным упоминанием Макиавелли малосущественным³. Но они рождали у читателя представление об этой фигуре по меньшей мере как о спорном писателе, и поскольку русские читатели XVII в. при своей малочисленности принадлежали к людям образованным и думающим, расположенным к западной культуре (что само по себе требовало преступить внутренний запрет), то любое упоминание, надо полагать, вызывало интерес к Макиавелли. К сожалению, сведения о распространении таких книг и о наличии их в библиотеках очень скудны. В известных нам описаниях библиотек любителей просвещения XVII ст., составленных по случаю продажи, конфискации и тому подобного, слишком много неточностей, мешающих определить авторство книг. Например, в библиотеке митрополита Павла находилась «Политика венгерская или чесская»⁴, у В.В. Голицына книга «О гражданском житии, или о направлении всех дел, яже надлежат обща народу»⁵; а в собрании царя Михаила Федоровича «Манархия», но здесь есть и такие описания, как «33 книги на иноземных

¹ *Münkler H.* Im Namen des Staates: die Begründung der Staatsräson in der früheren Neuzeit. Frankfurt-am-Main, 1987. S. 59–65. Ср.: *Вреден Э.* Государствоведение Сансовино и всемирные реляции Ботеро. Спб., 1866. Об использовании Макиавелли. С. 42, 157. В упомянутом Предисловии ко части II книги I о Макиавелли наминает сравнение предприимчивости и предусмотрительности (там же. С. 72).

² *Bielanski S.* Le edizioni polacche dell'opera di Giovanni Botero «Le relazioni universali» // *Studia italo-polonica.* Т. 3. Warszawa-Krakow, 1987, S. 43–53.

³ *Danti A.* Machiavelli... P. 187.

⁴ Временник ОИДР. М., 1850. Кн. 5. С. 66.

⁵ Розыскные дела о Ф. Шаковитом и его сподвижниках. Спб., 1893. Т. 4. С. 32.

языках»¹. Из частных библиотек иностранные книги в большинстве случаев попадали в конце концов в три основных собрания с западными фондами в Москве XVII в.: библиотеку Посольского приказа, Патриаршую (позднее Синодальную) и библиотеку Московского Печатного Двора (позже Синодальной типографии). Дошедшие до нас переписи относятся уже к XVIII в., но более ранние издания хранились там, как отмечает С. Белокуров, уже с XVII в.² Таким образом, можно заключить о наличии в Москве некоторых книг, упоминающих Макиавелли.

В Посольском приказе была хорошо известна одна из них – сборник «Польская лирика и эпиграммы» под общим названием «Небездельное безделье» Веспасиана Иеронима Коховского (1633–1700)³. Появление ее в Посольском приказе объясняется тем, что русское правительство в лице своего «резидента» в Варшаве В.М. Тяпкина следило за соблюдением своих интересов в польской печати⁴. Данную книгу привез подьячий Прокофий Возницын как бесчестящую Москву. В марте–сентябре 1677 г. был выполнен перевод довольно объемистого отрывка⁵. В одной из эпиграмм (не вошедшей в перевод) этой же книги достается и Макиавелли:

Вблизи от скал Кавказа, в жалком буераке

¹ *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1915. Т. I. Ч. 2. С. 599.

² *Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899.

³ *Wespazyana Kochowskiego liryka polskie w niepryóznującym próżnowaniu, napisane r.r. 1674; Wespazyana z Kochowa Kochowskiego Epigrammata polskie, po naszymu, fraszki/* Wyd. Kazimierza Józefa Turowskiego. Kraków, 1859.

⁴ *Николаев С.И.* Поэзия и дипломатия. (Из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-е гг.) // Труды ОДРЛ. Т. XLII. Л., 1989. С. 145; *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. Стрыйковский и его хроника. М., 1966. С. 261.

⁵ *Николаев С.И.* «Посмеятельные слова» В. Коховского в русском стихотворном переводе // Русская литература. 1980. № 1. С. 121; см. также: *Он же.* «Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 285–286.

Лежат останки флорентийского писаки.

Не знаю, нужно ли бранить его коварство,

Разве за то, что он и мертвый губит царства¹.

Макиавелли похоронен здесь почему-то «у подножия Кавказа»². Причина, может быть, заключается в представлении о Кавказе, как о дикой стране, незнакомой с началами права. Именно такой отзыв о «суровых скалах Кавказа» мы находим у А. Фрыч Моджевского³. Коховскому принадлежит еще одна подобная эпиграмма, относящаяся к 1668 г. и имеющая антикоролевскую направленность, из книги «Камень великого свидетельства»⁴. Это издание в перепечатке 1859 г. переплетено вместе с «Лирикой и эпитагмами» 1674 г., откуда вероятность, что и в XVII в. они могли попасть в Москву вместе. Макиавелли здесь обрисован не менее мрачными красками:

На государственное дело званы,
Спешат по приглашению властей
Оратор Демосфен, Киней, Сеяны,
Старозаветный сонм чужих гостей
И сам клевет правителей Тосканы,
Макиавелли из бездонных пропастей,
За привиденьем, что всю Польшу страхом
Залило, флорентинцем Каллимахом⁵.

¹ Liryka... S. 142. Kędy pionna skalistym pod Kaukazem skiba Tu swe złożył zewłoki z Florencyi skriba.

Niewiem, czy o przewrotność mu się godzi,

Chyba, że martwy syny przewrotności rodzi.

² Ср. *Barycz H.* Мысль... S. 295.

³ *Моджевский А.* Об исправлении государства. Кн.1 // Польские мыслители эпохи Возрождения. М., 1960. С. 113.

⁴ Kamień świadectwa wielkiego w koronie polskiej senatora niewinności, przez jednego szlachcica polskiego wydany Roku pańskiego 1668. Ср.: *Polski słownik...* Т. XIII, 1967. S. 219.

⁵ Kamień świadectwa... S. 10 (№ XXV). Киней – советник царя Пирра, Сеян – придворный императора Тиберия.

Особо нужно сказать о таком канале известности и влияния Макиавелли, как военные трактаты. В XVI–XVII вв. многие их авторы видели в флорентийском писателе общепризнанный авторитет, хотя и не ссылались на него, так как это не всегда было удобно. По крайней мере одно из подобных сочинений было известно на Руси и в 1700 г. даже издано на русском языке в Амстердаме под названием «Краткое собрание Льва Миротворца» в переводе Ильи Копиевского¹. Источником этого издания послужили «Наставления по военному делу в VIII книгах» (*Institutorum rei militaris libri VIII*. Amsterdam, 1641). Их автором был западнорусский шляхтич из-под Луцка Шимон Старовольский (1588–1656), который сам указывал Макиавелли в числе своих источников, но «мало что почерпнул из него»². Действительно, в тексте трактата, по крайней мере, русском (сокращенном) явных следов влияния Макиавелли не заметно.

Автором первой книги, содержащей суждение о Макиавелли и созданной в России, а именно, в сибирской ссылке, был человек, добравшийся сюда из тех же южных стран, что некогда Максим Грек и Поссевин. Это знаменитый хорват, учившийся в Италии и ставший католическим священником, сторонник русской самобытности и одновременно западного просвещения, Юрий Крижанич (ок. 1618–1683). Этот поклонник самодержавия был вместе с тем и обличителем тиранов-«людодерцев», к коим он относил и царя Ивана Васильевича Грозного, которого бог наказал пресечением династии³. Во взглядах Крижанича можно усмотреть противоречия, которых он, возможно, и не ощущал. Осуждая Ивана Грозного и восточных деспотов

¹ Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий, напечатанных на кириллице. 1689–1725. М., 1958. С. 204–205.

² Bielak F. Działalność naukowa Szymona Starowolskiego // *Studia i materiały z dziejów nauki polskiej*. Warszawa, 1957, n.5. S. 307. Ср. *Barycz H. Myśl...* S. 278; *Danti A. Machiavelli...* P. 189.

³ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973. С. 400.

(турецкого султана, персидского шаха)¹, он является сторонником абсолютной власти наследственного монарха и предвосхищает некоторые мероприятия Петра, проводившиеся, как известно, жесткими методами (вообще Крижанич высказывает мнение, что реформы пристало проводить именно наследственному государю, и в этом, не совсем обоснованно, видит пункт своего расхождения с Макиавелли)². Мысли Крижанича, как полагают³, отразили двусмысленность его положения по отношению ко двору Алексея Михайловича и последовавший трагический поворот – ссылку. Как всякий неопит, Крижанич остро переживал эту двойственность. Крайний национализм уживается в нем с пониманием необходимости быть принятым в чужой для него религиозно-этнической среде.

В частности, Крижанич проповедует национальную замкнутость, как у китайцев и евреев, рассуждает о том, «как чужестранцы обманывают русский народ и как следует от них обороняться»⁴. Одновременно ученый хорват является сторонником церковной унии под главенством римского папы⁵.

В своем крупнейшем трактате «Политика» или «Беседы о государстве (Разговоры об владательстве)», написанном в сибирской ссылке, Крижанич дважды цитирует «Историю Флоренции» Макиавелли: «Один итальянский историк (“изпоминник”) говорит: “Города, королевства, народы от доброго устройства переходят к испорченному и от испорченного к доброму. Крепость сотворяет людям покой, покой заводит праздность или беспечность; праздность рождает порчу; порча имеет следствием упадок и погибель. А от упадка опять чинится возвращение к

¹ *Kamñiski J.M. de, Nápred i Nápad se ogledat. «Razgowori ob wladatelistwu (1663–1666) Juraja Križanicia i ich spójnošć tematyczno-argumentacyjna. Uppsala, 1987. S. 27.*

² *Вальденберг В.Е. Государственные идеи Крижанича. Спб., 1912. С. 220.*

³ *Kamñiski J.M. de, Nápred... S. 174.*

⁴ *Пушкарев Л.Н. Юрий Крижанич: очерк жизни и творчества. М., 1984. С. 132.*

⁵ *Гольдберг А.Л. Новое о Юрии Крижаниче // Вопросы истории. М., 1973. № 5. С. 197.*

добрым законам; от добрых законов к крепости и пр.» К этому прибавлена ссылка «Nicol. Machiavel. Hist. Flor, lib.5»¹. Цитата передает одно из важных положений Макиавелли о круговращении общественной нравственности, а следовательно, добра и зла, как универсальном законе природы. Дважды повторенная цитата² наводит на мысль о том, что Крижанич хорошо знал Макиавелли и даже подвергался его влиянию³. Но как установил А.Л. Гольдберг, в данном случае Крижанич цитирует из вторых рук, по сочинению знакомого нам Шимона Старовольского «Реформация обычаев польских», изданному в Кракове в 1649 г.⁴ Книг самого Макиавелли у автора «Разговоров» в Сибири не было, хотя среди доступных ему в Тобольске писателей называют некоторые имена упоминавшегося выше круга: Дж. Ботеро, П. Паруты, Юста Липсия, «премакиавеллиста» Филиппа Коммина; кроме того, Крижанич хорошо знал труды (по крайней мере, посвященные Московии) недоброжелателей флорентийского секретаря Поссевина и Джовио⁵.

Уяснить отношение панслависта XVII в. к Макиавелли позволяют выдержки о «макиавеллизме» из его главного сочинения, в том числе находящиеся в неопубликованной части рукописи⁶.

«На свете всегда было много королей и государей, которые использовали данную им Богом власть не ради славы Божьей, справедливости и народного блага, а ради удовлетворения собственных вожделений (libidines)...

¹ Брикнер А. Юрий Крижанич // Русский вестник. 1887. № 7. С. 46. Он цитирует Крижанича по изданию Бессонова «Русское государство в половине XVII в.» Вып. 2. М., 1859. С. 145.

² Гольдберг А.Л. Сочинения Юрия Крижанича и их источники // Вестник истории мировой культуры. М., 1960. № 6. С. 126.

³ Дацюк Б. Юрий Крижанич. М., 1946. С. 104.

⁴ Starowolski S. Reformacja obyczajow polskich. Krakow, 1649. См.: Гольдберг А.Л. Соч... С. 126.

⁵ Крижанич Ю. Политика / Пер. и ком. А.Л. Гольдберга. М., 1965. С. 704.

⁶ ЦГАДА, ф.381, ед.хр. 1799 (ниже «Разговоры... с...»); раздел «De politica doctrina Machiavellistarum».

Некий нечестивец (отродье дьявола) Макиавелли сочинил книги об этом мнимополитическом учении, в которых он проповедует гнусные уловки и безбожие. Нам следует коротко коснуться сих нечестивых наставлений, с тем, чтобы читатель не столько проникся ими, сколько ужаснулся»¹. Далее Крижанич излагает 9 положений «макиавеллизма». Во-первых: «Политик не может и не должен соблюдать евангельский закон, но должен соблюдать его внешне и прикидываться благочестивым, чтобы народ больше любил и почитал его». Здесь уже заложена некоторая передержка, так как в главе XVIII «Государя», о которой, по всей видимости, идет речь, Макиавелли говорит по поводу нравственности политика: нужно и быть таким, но уметь поступать и вопреки закону благочестия.

Затем повторяются упреки в проповеди своекорыстия, внешней и только внешней религиозности, притворства. Отсутствие каких бы то ни было прямых цитат из «макиавеллистов» заставляет заподозрить, что Крижанич и здесь пользуется сведениями из вторых рук, в том числе приписывая Макиавелли утилитаризм: «Что для тебя полезно, то и есть достойно и дозволено. Политик всегда должен задаваться вопросом, выгодно ли это, и никогда, позволительно ли».

Несколько пунктов никак не соответствуют положениям Макиавелли:

«7. Не старайся разбирать возникшие между твоими подданными ссоры и распри, а наоборот, сей плевелы между ними и раздувай неприязнь. Тогда они станут больше в тебе нуждаться.

8. Никому не отказывай определенно. В том случае, когда кто-то заслуживает вознаграждения (если только это не твой сообщник), ты должен измучить его постоянным притворством и, поддерживая в нем вечное ожидание, довести до отчаяния. Никогда не отказывай, но никогда и

¹ Цит. по Вальденберг В.Е. Государственные идеи... С. 89, прим. 1 и Разговоры... С. 508.

не расточай наград». Здесь Макиавелли выглядит скорее родоначальником бюрократизма. Девятый пункт состоит в перетолковании суждений Макиавелли о том, как приобретать и удерживать сторонников: «Те, кто заслуживает наград (*beneficia*), приписывают их обычно не только тебе, но и своим добродетелям и достоинствам, а те, кто их не заслуживает, будут приписывать их только тебе и больше зависеть от тебя. Это нечестивое правило тиранов соблюдал король Людовик XI и жестоко в нем обманулся. Ибо его восхваляли немногие дурные, а множество достойных людей осуждало его. Немногие дурные признавали этого короля, а большинство добрых его покинуло».

Далее о лицемерии: «10. Ты должен знать только одно основание всех предписаний и поступков политиков, сиречь атеистов, а именно, притворство. Всегда должен быть вооружен двусмысленными ответами и загадочными прорицаниями. Ни с кем определенно не соглашайся, даже если будешь благосклонен к чьей-то просьбе, таким образом придашь своей лжи больше веры. Ведь люди подумают, что это происходит не от пренебрежения, а что такова твоя природа. Никогда не следует проявлять внутренних движений души, изменяясь в лице или другими подобными знаками.

В лице и в жестах всегда соблюдай стоическое бесстрашие, как будто ты лишен чувств, словно побеленная стена. /С. 510/. Все свои помыслы, решения и чувства содержи в постоянном сомнении и неопределенности. Пусть друг и враг, твой слуга и твой господин всегда встречают у тебя одинаковое выражение лица, одинаковые жесты и речи. Пусть никакие слова не смущают покой твоего чела. Будь холоден и несговорчив со всеми. Не внимай мольбам и уговорам, допускай их до слуха, но не впускай в душу, и храни в уме. Важно лишь то, что служит твоей выгоде, удовольствию и репутации; все прочее не имеет значения»¹.

¹ Там же. С. 89–90 и Разговоры... С. 508–510.

Самое интересное, что заклеив нечестивое учение («Эти наказания лжеполитиков и безбожников явно направлены против справедливости, милосердия и почитания Божия, и ведут к бесовскому нечестию и тирании»), Крижанич, подобно некоторым иезуитским теоретикам, здесь же говорит о допустимости притворства и двоемыслия, ссылаясь на довольно плоские примеры: «Следует однако, заметить, что притворяться и выражаться двусмысленно не всегда грех, а часто и необходимо. 1. Следует и уместно притворствоваться и давать неясный ответ, если того требует общественное благо и для сокрытия царской тайны. Лгать же не следует, особенно к ущербу ближнего. 2. Если я потерплю ущерб от обнародования истины, то не обязан открывать ее, хотя лгать все равно не следует. Когда мы, побуждаемые дружбой, отвечаем спрашивающему /о ком-то/ “Его нет дома”, или “Он спит”, то это следует понимать как двусмысленность, то есть “Он спит для тебя” или “Его нет дома, чтобы сейчас с тобой разговаривать”. 3. Итак, притворство и двусмысленность являются грехом тогда, когда мы прибегаем к ним не ради общественной, а ради частной выгоды, и притом с ущербом для третьего лица. А также в тех случаях, если мы действуем с учетом только собственного блага, не взирая на выгоду или невыгоду для других»¹.

Подобного различия между нравственным и безнравственным обманом (грехом) нет у Макиавелли, который объясняет допустимость притворства, по обыкновению, окружающим злом и политической практикой: «Кто лучше использовал лисьи повадки, тому больше везло»².

При внешнем сходстве флорентийский секретарь далек еще от теоретического постулирования государственно-политического обмана, которое появилось на свет вместе с идеологами «государственного интереса». Отступление от нравственного закона у него объясняется

¹ Там же. С. 90, прим. 1 и Разговоры... С. 510.

² Государь. XIX.

несовершенством бытия вообще и близорукостью толпы, которая чаще дает себя увлечь обманщикам и негодяям: «...люди столь недалеки (*semplicí*) и столь погружены в насущные заботы, что обманщик всегда найдет, кого ему обманывать»¹. Соответственно, сам Макиавелли не склонен разделять заблуждения масс относительно великих предприятий, затеваемых под благочестивыми предложениями. (В этом можно видеть его «ренессансность», которая оценивает государей прежде всего по их человеческим качествам, а на государства смотрит, как на некоторые естественные образования). Характерно его суждение о Фердинанде Католике: «Некий современный нам государь, которого здесь не стоит называть, постоянно только то и проповедовал, что мир и верность слову (*fede*), которым он на самом деле заклятый враг, и если бы он соблюдал эти две заповеди, то давно распростился бы с властью и влиянием»². Об этом же самом Фердинанде II Арагонском Макиавелли дальше отзывается так: «...чтобы приступить к еще более великим деяниям под покровом религии, он обратился к благочестивой жестокости, очистив свое королевство от марранов, и это далеко не самый вопиющий и исключительный пример (*né può esser questo esempio più miserabile né più raro*)»³.

Крижанич находил поступок Фердинанда весьма похвальным⁴, что подкрепляется его положениями следующего рода: «/государь/, если он расточает царскую казну, а также народные почести и награды на инородцев (*alienigenas*), то нарушает справедливость»⁵.

В общем, позиция Крижанича вписывается в усвоенную им иезуитско-католическую традицию восприятия Макиавелли, точнее даже легенды о нем, что не исключало знакомства с несколькими подлинными мыслями

¹ Там же.

² Там же.

³ Государь. XXI.

⁴ *Брикнер А.* Юрий Крижанич... С. 46.

⁵ Цит. по *Вальденберг В.Е.* Государственные идеи... С. 88, прим. 2. 89 (*De providentia divina*... P. 166).

флорентийца (не всегда по первоисточнику) и их переложения в собственных трудах. Последнее характерно для теоретиков «государственных соображений», к которым принадлежали знакомые Крижаничу Ботеро и Парута (первого из них он даже предлагал перевести для царя)¹.

Как мы видим, первые суждения о Макиавелли, высказанные на российской территории, были не в его пользу и отражали укоренившуюся к XVII в. в западном политическом теоретизировании, и особенно в публицистике, манеру открещиваться от «макиавеллизма» как скопища пороков, но при этом пользоваться отдельными мыслями Макиавелли, не называя его, или стыдливо обозначая сло-вами «один писатель». В любом случае, хотя существовала некоторая полемика о том, осталось ли произведение Крижанича вовсе не востребованным, или оно получило небольшое распространение², откликов на него не зарегистрировано.

Строились предположения, что «Политика» была привезена из Сибири митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу, от него попала во дворец, а после смерти Федора Алексеевича – к Сильвестру Медведеву. Он мог получить ее и от самого Крижанича, во всяком случае пометка Медведева есть на дошедшей до нас рукописи, которая попала после ареста хозяина на Печатный двор, а затем в библиотеку Синодальной типографии (ныне рукопись РГАДА, ф. 381, ед. хр. 1799)³.

На судьбе Крижанича сказалось то, что он был, хотя и славянский патриот, но чистый «латинник», почему и пришлось в Москве не ко двору. Больше повезло другому поборнику западной образованности, иеромонаху Симеону Полоцкому, который был, по крайней мере в глазах властей, вполне православным (хотя на своих книгах в Москве он

¹ Пушкарев Л.Н. Юрий Крижанич... С. 85.

² Там же. С. 187; Гольдберг А.Л. Юрий Крижанич и Шимон Старовольский // *Slavia*, 1965, ser. 1. S. 338–340; Алексеев М.П. Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI–XVII вв.). М., 1958. С. 14.

³ Крижанич Ю. Политика... Прим. С. 703–704.

расписывался как монах ордена Василия Великого, к которому обычно причисляли себя униаты)¹. Симеон не писал политических трактатов, а был придворным стихотворцем и облекал свои мысли в более доступную и приятную для усвоения форму виршей, од, «Рифмологионов» и «Многоцветных вертоградов» учености. Эти произведения свидетельствуют о вкусах, господствовавших при дворе Алексея Михайловича. Начитанность Симеона Полоцкого (его настоящее имя Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович, 1629–1680) была не менее, а может быть, и более внушительной, чем у Крижанича, но она выглядит несколько теснее связанной со средневековой традицией по сравнению с рассуждениями ученого хорвата.

Намерения и направление деятельности у обоих были схожими, но успех Симеона говорит о том, что его образ действий более подходил для Московии, где открытая полемика сводилась чаще не к обсуждению вопросов, а к защите заранее известной истины (кстати, оба автора приняли участие в борьбе с расколом). Наиболее приемлемым путем для усвоения западных новшеств оказывались дидактические наставления и обучение детей, в первую очередь, благородного звания. (Подобной была и деятельность Николая Милеску-Спафария, педагога и переводчика, автора образовательных трактатов².)

Что касается интересующей нас тематики, то увы, нет никаких сведений о том, чтобы Симеону Полоцкому было знакомо имя Макиавелли. Правда, в его библиотеке были

¹ См.: Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 49. В книге П. Бушковича, который замечает, что к ордену Василия Великого относили всех православных монахов, высказано несогласие с подобным доводом в пользу униатства Симеона. *Bushkovitch P. Religion and Society in Russia. The Sixteenth and the Seventeenth Centuries.* N.Y., 1992. P. 164. Однако в Литве с 1617 г. существовал именно униатский орден Св. Василия, который, впрочем, находился в неприязненных отношениях с иезуитами.

² Н.Г. Милеску-Спафарий – ученый, мыслитель, государственный деятель. Кишинев, 1989.

книги Липсия и другие политические сочинения, не всегда поддающиеся опознанию по описям¹. В контексте макиавеллиевской проблематики любопытны возводившиеся на Симеона упреки, что он руководствовался принципом «цель оправдывает средства»². Макиавелли вовсе не был его изобретателем; напротив, он считал эту идею распространенным предрассудком, позволяющим государям легче удерживать в подчинении народы. («Пусть государь позаботится о победе и о сохранении власти, средства же всегда посчитают достойными и всякий их похвалит; потому что толпа бывает захвачена наружностью событий и их исходом, а мир заполнен толпой, и меньшинство имеет вес только тогда, когда у массы нет твердой опоры»³.)

Что касается Симеона Полоцкого, похоже, что главный повод для подобных обвинений дало его пребывание в Виленской иезуитской коллегии: он «...прошел иезуитскую школу с близким духу абсолютизма принципом цель оправдывает средства»⁴. В сочинениях Симеона ничто не подтверждает этого тезиса, а вот с чем он действительно мог познакомиться в стенах Виленской школы, так это со взглядами одного из критиков Макиавелли, который был преподавателем на отделении права в 50-е гг. Незадолго до предполагаемого пребывания Симеона в коллегии (между 1652 и 1654 гг.) Арон Александр Олизаровский обнародовал свои мысли в латинском трактате «О политическом сообществе людей» (Гданьск, 1651), посвятив его Льву Казимиру Сапеге⁵. Олизаровский, шляхтич из Белой Церкви,

¹ См.: Временник ОИДР Кн. 16, М., 1853. С. 53–67. В книгах С. Медведова, унаследованных в значительной части у Симеона и сохранившихся в ЦГАДА, есть сочинения Липсия, Коховского, Фредро.

² Г.Я. Личность и деятельность Симеона Полоцкого (По поводу сочинения о нем И. Татарского). Киев, 1887. С. 76–77.

³ Государь XVIII, ср.: письмо «Фантазии, адресованные Содерини».

⁴ Робинсон А.Н. Борьба идей... С. 40.

⁵ Polski Słownik... Т. XXIII. 1978. S. 822; *Malarczyk J.* La fortuna... P. 15.

выступал за всеобщее равноправие, проповедовал пользу ремесленного труда – этот мотив встречается и у Полоцкого¹.

Симеон Полоцкий, как и большинство его предшественников, был твердым сторонником наследственной монархии². Различие между царем и тираном он проводит, вслед за многими писателями, не исключая и Макиавелли, по Аристотелю: «Он разнствие обою сице полагает: Царь подданным прибытков ищет и желает, Тиран паки прижитий всяко ищет себе, О гражданстей ни мало печален потребе»³. Симеон также использует распространенное сравнение государя с пастырем, заботящемся о стаде, но не забывающем собирать с него дань шерстью. (Траяно Боккалини говорил о том, что Макиавелли дал овцам вставные зубы для защиты от слишком усердных стригалей). Злоупотребления данью поэт осуждает: «Но оле времен развращенных дело! Режут днесь волну, и кожу, и тело»⁴.

Венчанный покровитель Симеона, Алексей Михайлович, был сторонником умеренной строгости, не увлекаемой гневом, хотя, по некоторым свидетельствам он и мог «находить наслаждение» в рассказах об Иване

¹ Поскольку Симеон, как и многие другие деятели русского просвещения XVII – нач. XVIII вв., учился в Киево-Могилянской Академии, любопытно отметить, что в библиотеке одного из ее преподавателей, а в 1642–1646 гг. ректора И. Кононович-Горбацкого был сборник сочинений Макиавелли издания 1599 г. Книга сохранилась в ОРК ГПБ в Петербурге (0–16911), на ней имеется латинская надпись: «Из книг Иосифа Кононович-Горбацкого. После его кончины передана библиотеке Киево-Могилянской коллегии». См. о Кононовиче: *Коркишко А.С.* К характеристике общественно-политических воззрений И. Кононовича-Горбацкого // Исторические традиции философской культуры народов СССР. Киев, 1984. С. 234–242.

² А.И. Белецкий называет Симеона продолжателем Максима Грека и Ивана Пересветова в отношении к идеалу государя. Билецкий О.И. Зибрання праць у п'яти томах. Т. I. Киев, 1965. С. 415.

³ Разнствие. Симеон Полоцкий. Избр. соч... С. 16.

⁴ Там же. С. 12–13.

Грозном¹. Симеон также соединяет идеал «благого начальника» со следованием заветам Христа вплоть до самопожертвования («Истинна», «Философия»). Гораздо суровее высказывается его оппонент, раскольник Аввакум, который так судит о царе и Никоне: «Как бы добрый царь /был/, повесил бы ево (патриарха. – *А.Р.*) на высокое древо...»², «Миленькой царь Иван Васильевич скоро бы указ сделал такой собаке...»³.

Как некогда Максим Грек, Симеон обращается к платоновскому сравнению царского «ремесла» с божественным управлением, причем к совершенству здесь ведет философия: «Блаженно есть царство, в нем же царие философствуют или философе царствуют. Того блаженнее в нем же царие богословствуют или богословие царствуют»⁴. Первая часть этой сентенции взята из перевода «Тестаменты или Завета Василия, царя греческого, к сыну его, Льву Философу», издание которого в Москве 1680 г. подготовил Полоцкий⁵: «Благополучно царство то, в нем же или любомудрые царствуют или цари любомудрствуют»⁶. Интересно, что в этих цитатах с сочинениями Полоцкого близко перекликается анонимное «Предисловие к историческому сочинению» времен Федора Алексеевича, иногда приписываемое Н. Спафарию⁷: «...Платон философ написал, тогда подданные благоденствуют, когда или философ царствует или царь философствует, потому что философия несть иное кроме того, уподобится человек Богу, елико возможно человеческому естеству, философии определяют»⁸. Приводимые здесь в пользу чтения истории аргументы сходны с пропагандой знания у Симеона: «Книги истории возлюби читати, от них бо мощно что бе в мире

¹ См. свидетельство Браге, цит. в кн.: *Робинсон А.Н.* Борьба идей... С. 66.

² Там же. С. 71 (*Робинсон А.Н.* Жизнеописания Аввакума и Елифания: исследования и тексты. М., 1963. С. 458).

³ Там же.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ *Жуков Дм., Пушкирев Л.Н.* Русские писатели XVII века. М., 1972. С. 315.

⁶ Там же.

⁷ См. об этом: *Пушкарев Л.Н.* Общественно-политическая мысль Рос-сии. Вторая половина XVII века. Очерки истории. М., 1982. С. 228–232.

⁸ Предисловие к исторической книге // *Замысловский Е.Е.* Царствование Федора Алексеевича. Ч. I. Спб., 1871. Приложение IV. С. XL.

знати, и по примеру живот свой правити, да бы спасенно и преславно жити. Само чтение многи умудряет, яко бы свещу во тме возжигает»¹:

Вообще мотив знания и просвещения главенствует среди государственных наставлений Симеона Полоцкого, который следует в этом гуманистической политической традиции. Он приводит пример Франциска I, оставившего «варварскую простоту» родителей («Образ») ². Народ во всем подражает государю. «Мало есть правды царю мудру быти, а подчиненных мудрости лишити»³. Любопытный штрих в образ правителя вносит стихотворение «Делати», заставляющее вспомнить том, что сочинения Симеона предназначались для царских детей, в том числе будущего Петра I: «...царем не срам быти, рукама дело честно своима робити»⁴.

Хотя Симеон монах, он, безусловно, признает примат верховной светской власти перед церковной. Его взгляды можно сопоставить с идеями христианского гуманизма, хотя в вопросе о войне Симеон полемизирует с Эразмом Роттердамским. При этом он даже ссылается на то, что закон природы (самозащита) сильнее евангельского: «а занеже то закон есть естества, никако верити мощно есть, еже ему евангелием упразднену бытии»⁵. Политический идеал Симеона Полоцкого можно сформулировать как гармонию власти и веры под началом царя. Если критика действий последнего и мыслится придворным поэтом, то в очень осторожной и мягкой форме, о чем можно судить по одной латинской заметке Симеона, поставленной в виде вопроса: «Следует ли порицать государей? Следует»⁶. Противоположность составляют гораздо более

¹ *Полоцкий С.* Избр. соч... С. 247.

² Там же. С. 17–18.

³ Там же. С. 246.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Цит. по: *Пушкарёв Л.Н.* Общественно-политическая мысль... С. 210.

⁶ *An licet principes arguere? Resp. licet*. Цитируется по кн.: *Білецький О.І.* Зібрання праць... С. 388, где дан неточный перевод от редакции: «Чи треба государям аргументувати (свои вінки. – Ред.)? Відповідь: треба. – Ред.».

радикальные высказывания протопопа Аввакума. Продолжая параллель с западноевропейскими течениями, можно найти аналогии для них у идеологов Реформации, монархомахов, возможно, даже анабаптистов. Аввакум считает, что бог «испразднит всяко начальство и всяку власть и силу»¹. Тем временем он не стесняется назвать царя дураком². Евангельские заветы для него важнее гражданского повиновения. «Господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть божий»³. Совершенно, как некогда Лютер, Аввакум разделяет власть и веру: «Веть мы у тебя не отнимаем царство здесь, но за веру свою стоим, боля о законе своем...»⁴.

В заключение попытаемся высказать обобщенное суждение. В допетровскую эпоху русская публицистика стремилась еще нарисовать образ идеального государя в средневековом духе. Для пессимистических оценок государственного ремесла в целом, с которыми мы встречаемся у Макиавелли, места в ней не было. Точно так же не наступило еще время для подлинной десакрализации власти, для подчинения культа интересам государства. Если такие попытки и делались, то они шли в русле религиозного реформаторства, не чуждого Средним векам, то есть опирались на первенство веры.

В то же время политическая практика на Руси была не менее жестокой, а центральная власть еще более безраздельной, чем в Западной Европе. Поэтому почва для усвоения западных политических идей эпохи абсолютизма вместе с проникновением чужеземной образованности существовала. До теоретического же обсуждения проблемы относительности добра и зла или допустимости

¹ Цит. по Робинсон А.Н. Борьба идей... С. 92.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же. Ср.: цитированные в первой части слова Лютера о его противнике герцоге Георге: «Я, называя его апостолом дьявола, все же не обижаю его и не глумлюсь над его княжеской честью и светским величием...» Источники по истории Реформации. Вып. 1 / Пер. Д.Н. Егорова. М., 1906. С. 45.

безнравственных поступков ради общего блага должно было пройти время.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

Эпоха преобразований составила ключевой момент не только в истории России, но и в русском «макиавеллизме». При Петре был сделан решительный шаг в направлении сближения с Западом, отворено «окно в Европу» – не все знают, что это сравнение принадлежит венецианцу Франческо Альгаротти (1712–1764), поклоннику Макиавелли¹, посетившему двор Анны Иоанновны в 1739 г.² Преграда, разделяющая западноевропейский и русский культурные ареалы, была разрушена, и это открыло доступ русскому читателю наряду с прочим и к макиавеллиевской мысли. Но если на Западе в XVIII в. последняя начинает восприниматься с учетом исторической дистанции, особенно в статьях просветителей, то в России, поначалу с некоторым запозданием усваивавшей авторов XVI–XVII вв. как актуальных, имя Макиавелли служит политическим клеймом и фигурирует даже в судебных процессах. Тем не менее, его упоминание характерно для России этого времени, которая, как заметил в этой связи Ф. Вентури, за несколько десятилетий должна была проделать путь, потребовавший в других странах столетий³.

¹ *Arato F.* Francesco Algarotti storico di Roma antica//Rivista Storica Italiana. Anno CI (1991), fasc. 2. P. 429–430.

² *Graciotti S.* I «viaggi di Russia» di Francesco Algarotti // Ricerche Slavistiche. IX, 1961. P. 142.

³ *Venturi F.* Рец. на: Jan Malarczyk. Političeskoe učenie Makiavelli v Possii... Recensione // Rivista Storica Italiana. Anno LXXV(1963), Napoli, fasc.2. P. 394. Там же Вентури упрекает польского историка, что тот мало уделил внимания в своей статье «...присутствию Макиавелли в России именно в тот период, для которого оно было наиболее важным и исторически значительным, то есть в конце семнадцатого и в первые десятилетия восемнадцатого веков».

Общеизвестно, что в своей преобладающей части знания, поступавшие в Россию с Запада в начале XVIII в., носили прикладной характер и принадлежали к различным отраслям техники, военному делу, судостроению, промышленности и т.п. Общекультурное влияние, наблюдаемое в сфере образования, изучения языков, в быту, архитектуре и искусстве, ограничивалось достаточно поверхностным характером заимствования чужого, не рождало органического усвоения, что предполагало сохранение многих самостоятельных и своеобразных элементов, трудно сочетаемых с новыми. Синтез старорусской и западной (говоря обобщенно) культур, разделенных веками обособленного развития, мог быть лишь итогом более тесного исторического сосуществования, которое только начиналось. Отсюда своеобразная двухслойность культуры петровского времени, поверхностность усвоения западной образованности, в том числе и в смысле ее преимущественного влияния на верхи общества. Это относится прежде всего к гуманитарно-идеологической сфере, к фундаментальным основам народной жизни – иноземное платье, названия и некоторые государственно-административные новшества не могли изменить веками устоявшихся норм поведения, особенно сильных в простом народе. Сохранялись социально-экономические основы, поддерживавшие патриархальный уклад жизни – крепостнические порядки в деревне, распространившиеся и на зачатки капиталистических форм в промышленности и на всю структуру власти. Вера и нравственность почти целиком оставались монополией православной церкви, в которой так и не утвердился (несмотря на никоновские преобразования) дух постоянного обновления и поиска, характерный для западных стран. Церковь по-прежнему стояла на страже старины, хотя и попала под пяту государства.

При всем том эпоха реформ пробудила глубочайший интерес к общественно-политической литературе – юридической, исторической, а также к современным

государствоведческим трактатам, в изобилии выходявшим в Европе на протяжении XVII – в начале XVIII вв. В редком из них не упоминался Макиавелли, причем суждения о нем были чаще всего неоднозначными: противники признавали его талант и остроумие, а поклонники не отваживались публиковать свои хвалы без оговорок. Проникновению итальянских книг на Русь способствовало распространение итальянского языка в конце XVII – начале XVIII вв., связанное с левантинскими интересами держав и важностью для этого времени «турецкого вопроса». Еще в 90-е гг. обучающимся в Италии братьям Лихудам было велено преподавать итальянский в Московской Академии; судя по документам, они занимались этим и в 1717 г.¹ К тому же году относится свидетельство о том, что спутники Петра I в Париже лучше всего владели итальянским языком и свободно на нем говорили². В 1715 г. на русском и итальянском языках вышла книга «Генеральные сигналы в русском гребном флоте»; сохранился экземпляр с пометками царя³. Итальянский был языком международных связей⁴, недаром в 1696 г. в Италию на учебу были посланы 28 из 50 стольников и спальников Петра⁵. В их числе находились и оба крупнейших «макиавеллиста» начала века – Д.М. Голицын (1665–1737) и П.А. Толстой (1645–1729) (выехал в Италию в 1697 г.); впоследствии и тот, и другой побывали в должности посла

¹ *Смирнов С.К.* История московской Славяно-Греко-Латинской Академии. М., 1955. С. 36; *Тимофеев Н.И.* СССР и Италия. Культурные связи. История и современность. М., 1980. С. 11.

² *Шаркова И.С.* Россия и Италия. Торговые отношения XV – I четверти XVIII в. Л., 1981. С. 97; *Крылова Т.К.* Россия и Венеция на рубеже XVII и XVIII вв. // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. Л., 1939. Т. XIX. С. 50.

³ *Тимофеев Н.И.* СССР и Италия... С. 11.

⁴ В частности, в русской дипломатической лексике использовался итальянский термин «пленипотенциарий». *Крылова Т.К.* Россия и Венеция... С. 50.

⁵ *Шаркова И.С.* Россия и Италия... С. 96.

в Константинополе¹. Образованные дворяне могли свести знакомство с Макиавелли по первоисточникам, и эти знания составляют как бы один полюс в макиавеллистике XVIII в.; но существовал и другой полюс, сформировавшийся в недрах тогдашней «массовой культуры» и представлявший флорентийского политика уже в чисто символическом виде. Своим появлением этот образ обязан традиционному присутствию на Руси западно-русской церковной образованности, много позаимствовавшей в польской, в том числе иезуитской публицистике². Свидетельства о таком, «символическом» Макиавелли нам оставил в своих сочинениях выходец из киевских школ, одно время даже префект Славяно-Греко-Латинской Академии Иосиф Туробойский. Весной 1701 г. он прибыл в Москву в числе 6 учителей из Киевской Академии³. Как явствует из заглавий составленных им вместе с другими преподавателями панегириков в честь русского оружия⁴, он

¹ Павлов-Сильванский И.П. Очерки по русской истории XVIII–XIX вв. (Соч. Т. II). Граф П.А.Толстой (Пращур Л. Толстого). Спб., 1910; Корсаков Д.А. Суд над князем Д.М. Голицыным // Древняя и новая Россия. 1879, X и Он же. Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань, 1891.

² См. Бадалич И.М., Кузьмина В.Д. Памятники русской школьной драмы XVIII в. (По загребским спискам). М., 1968. Предисловие. С. 8 и след. О присутствии иезуитов в самой России см.: Письма и донесения иезуитов в России конца XVII и начала XVIII в. СПб., 1904. О распространенности нарицательного употребления имени Макиавелли, вероятно, под влиянием польской литературы, свидетельствует «Летопись Самоила Величка» (т. 1–4. Киев, 1848–1864), относящаяся к концу XVII в. Автор ее называет Мазепу «Макиавель и хитрый лис». См.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М., 1955. С. 248.

³ Бадалич И.М., Кузьмина В.Д. Памятники... С. 7.

⁴ Преславное торжество свободолюбивого Ливонии, отмстителя неправедному хищению... покорителя прегордаго льва свейскаго... Петра Алексеевича... Составлено Иеромонахом Иосифом Туробойским, префектом и учителем философии, и со всеми учителями... М., 1704; Опубликовано в кн.: Панегирическая литература Петровского времени / Серия: Русская старопечатная литература (XVI – I четв. XVIII в.) / Подг. В.П. Гребенюк. Ред. О.А. Державина. М., 1979. С. 150–180. Политиколепная Апофеозис достохвалныя храбрости всероссийскаго Геркулеса... Петра Алексеевича... по преславной виктории над

был иеромонахом и магистром философии, сам занимался гравированием¹, впоследствии стал архимандритом Симонова монастыря. Названные панегирики представляют собой не что иное, как развернутые описания триумфальных ворот, первые из которых были воздвигнуты в декабре 1704 г. Одна из помещенных на них картин «Властолюбие неправедное» включала следующее изображение: «... На правой стороне при властолюбии стоит Махиабель, лукавый советник, муж сед, на главе имей шляпу, знамение чести советническая и минуту часовую, всегда движущуюся – знамение непрестанных друговредительных мыслей и промыслов. Верхняя одежда – сану сенаторскому, сиречь боярскому, в иных странах носить обыкновенна, под нею же укрывается лисия и волчая одежда – знамение хитрости и вредительства. На двух аспидах, вместо цепочки, висит сердце, верхнюю частью вниз висящее – знамение развращенного сердца. В правой руке держит свиток, на нем же написано: кленися, клятву преступи, елижды случай требует. И верхнее храмов ветрило, на всякую страну ветром обращаемое, в знамение хитраго и притворнаго подобострастия народу. Опирает же руку сию на лываре, сиесть на орудие им же и

химероподобными дивами гордынею рекше неправдою и хищением швейским на генеральной баталии в нынешнем 1709 году... под Полтавою... возвращающагося... в Москву... узаконенная от ... Академии 1709... декабря в... день. Иосиф Туробойский, недостойный Архимандрит Симонова монастыря что на Москве, со всею еллинославнолатинскою Аккадемию. М., 1709.

¹ *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Спб., 1895, т. II, стб.1033: Туробойский Иосиф (Touraboyski), воспитанник Киевской Духовной Академии, первый профессор Московской Академии (с 1703 г.), с 1708 г. был архимандритом Симонова монастыря... посвятил Стефану Яворскому гравюру с изображением Христа, поражающего смерть. *Ровинский Д.А.* Обзор иконописания в России до конца XVII в. Описание фейерверков и иллюминаций 1674–1891 г. Спб., 1903. С. 229 – о гравюре Мих. Карновского «Св. Семейство», посвященной магистру философии И. Туробойскому. На С. 313: «Туробойский, киевский монах, гравер на меди XVIII в. ...подписывался «f/rat/re Joseph Turaboiski».

больша бремена оудобь поднимаются и советами народоласкательными вся может, елико хочет. Другую рукою, жезлом оуправления вышереченная словеса на свитце властолюбию показывает, обучая всякой неправде. Другое лице прелесть двоеличная...»¹. П. Пекарский, обнаружив первую половину этого отрывка, делает следующее замечание: «Так изображали у нас в аллегории шведского короля Карла XII в начале XVIII в.»². Карла, может быть, воплощала фигура Властолюбия; Макиавелли же, по-видимому, олицетворяет его советников, причем какие-то, очень отдаленные отголоски его текстов звучат в дозволении нарушать клятву при необходимости, в использовании лисьей и – не львиной, правда, а волчьей шкур и в «народоласкательных» приемах³.

Более подробное разъяснение аллегории дает сам автор описаний (а может быть, и картин) во второй книжке, посвященной Полтавской победе 1709 г. Здесь Макиавелли изображен в одном месте прикованным у ног Петра, нарисованного в виде Геркулеса: «...в середине верхней картины написаном Его Царское Преславное Величество... Геркулеса в храме воинския добродетели, опирающегося на тумбу с львиной кожей... к той же томбе прикованы суть Махиавель с маятником на главе, с ливаром /воротом/ у ног. Мнимая правда, ярости... убийство. Знаменают сии пленницы, Махиавель свейския злыя советы с первейшим министром графом Пипером и прочими советники, мнимая правда, секретаров его королевских Цедергелма и Дибена с

¹ Преславное торжество..., л. 12 об.-13; в кн.: Панегирическая литература... С. 157, здесь вариант: «Махнавел».

² *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. II. Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 гг. Спб., 1862. С. 97–98.

³ Одновременно с триумфальными воротами и их описанием была подготовлена пьеса «Свобождение Ливонии и Ингерманландии» в 3-х частях, содержание которой сохранилось: см. Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 216–227. Однако Властолюбие и его свита здесь отсутствуют.

канцелярию...»¹. Триумфальные ворота, объясняемые в «Апофеозисе»², были одними из семи, через которые проходило торжественное шествие; они были сооружены на Красной площади И. Зарудным и расписаны артелью живописцев под руководством Григория Адольского³. Изображение ворот сохранилось на нескольких современных гравюрах, в том числе на одной, озаглавленной «Врата триумфальные строены трудами школьных учителей»⁴, довольно подробное; картина в верхней части, судя по всему, соседняя с той, где представлен Макиавелли⁵. Авторство гравюры приписывали то Ал. Ростовцеву⁶, то И. Зубову⁷ по последней версии это неизвестный гравер из русских учеников⁸.

Не исключено, что чертами «лукавого советника» Туробойский мог наделить флорентинца, руководствуясь каким-нибудь из готовых пособий, подобных, например,

¹ Политиколепная Апофеозис... С. 89–90. Подробное переложение этой брошюры находится в кн.: *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого. 2-е изд., т. II, М., 1843. С. 314–356 (ср. с. 344).

² Необычность подобных сооружений для москвичей требовала издания пояснительных брошюр. В первой из них Туробойский оправдывает наличие множества мифологических персонажей примером европейских стран, «идеже не токмо духовное, но и политическое учение сияет». См.: *Пьесы школьных театров...* С. 498, прим. В.В. Кускова.

³ *Алексеева А.М.* Гравюра Петровского времени. Л., 1990. С. 77; Русская архитектура I пол. XVIII в. Исследования и материалы. М., 1954. С. 80.

⁴ В ГМИИ имеется два экземпляра гравюры, №№ 86465 и 86466, офорт и резец, 480x645.

⁵ 6-я картина. «Марс, приводящий к Геркулесу Фортуна шведскую и нудящий оную пасть к ногам Ироя, у ее ног шведское копье, в руках рог... Сзади благодарная Польша и Саксония и пр.» См.: *Голиков И.И.* Деяния... С. 343.

⁶ *Макаров В.К.* Русская светская гравюра Петровского времени. Каталог (ротапринт). Л., 1973. С. 65.

⁷ *Борзин Б.* Живописное убранство Триумфальных ворот в честь Полтавской победы // Искусство. М.; Л., 1982. № 7. С. 62–65; Памятники русской культуры I четв. XVIII в. Собрание Гос. Эрмитажа. Каталог. М.; Л., 1966, № 730.

⁸ *Алексеева А.М.* Гравюра... С. 77; См. также: *Пигарев К.* Русская литература и изобразительное искусство XVIII – I пол. XIX в. М., 1966. С. 46–76; Художественные сокровища России. М., 1903. № 2–3. С. 45.

распространенному в начале века переводу сочинения Даниеля Де Ля Фей «Символы и эмблемата»¹, откуда в России брали «некоторые темы для транспарантов и картин на торжественных вратах»² (правда, о Макиавелли там ничего нет). Нет сомнения, что ученый монах, ссылающийся на Гвиччардини и Фредерика Фурия, предполагал большим выбором книг политического жанра. К нему принадлежала и популярная в России «Идея государя, христианского политика, выраженная в ста символах» Диего Сааведры Фахардо, переведенная по велению Петра I Феофаном Прокоповичем в бытность его префектом Киево-Могилянской Академии, то есть до 1715 г.³

Известен и более ранний перевод, «иноземца Андрея Дикинсона», конца XVII вв.⁴

Фахардо упоминает Макиавелли (хотя в итальянском издании, например, это имя просто заменено многоточиями; в испанском оно проставлено полностью⁵) в разделе 43, озаглавленном «Чтобы уметь управлять, умей притворствоваться». Начинается он прямо с кантианской посылки: «Человек оправдывает свои поступки и измеряет их равенством, не желая другому того, чего не желал бы

¹ Символы и эмблемата... Амстердам, Ветстайн, 1705; De La Feuille Daniel. Devises et Emblèmes. Amsterdam, 1691.

² Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий, написанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г. М.; Л., 1958. С. 297.

³ Изображение христиана политического властелина, символами объясненное от Дидака Сааведры Факсарда, ныне же с латинского на диалект русский переведенное. См. Боброва Е.И. Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Л., 1978. С. 41; Николаев С. И. О стилистической позиции русских переводчиков петровской эпохи// XVIII век. Сб. 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 109–122. Указаны 1707–1711 гг. *Соболевский А.И.* Из переводной литературы Петровской эпохи. Спб., 1908. С. 33.

⁴ *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси. 2-е изд. Спб., 1903. С. 103; *Николаев С.И.* О стилистической позиции... С. 119, прим.35.

⁵ *Saavedra Faxardo Diego de.* L'idea di un prencipe politico christiano/ Trad. P. Cerchieri. Venetia, 1648. P. 153, 155; Id., Idea de un prinicipe politico cristiano, representada en cien empresas. Amstelodam, 1659. P. 371, 374.

себе. Отсюда явствует, сколь нечестиво и жестоко намерение... /Макиавелли/, который наставляет своего государя, исходя из противного предположения, о львиной и лисьей природе, каковая позволит приобрести путем насилия и обмана то, что недостижимо с помощью разума»¹. Впрочем, автор довольно благосклонно воспринимает приписываемый Людовику XI афоризм о том, что неумеющий притворяться не умеет царствовать, и склоняется, как его современник Ю. Крижанич, к такому выводу: лгать нехорошо, но умалчивать об истине иногда позволительно.

Сочинение Фахардо наличествовало в библиотеке первого русского императора как в рукописном переводе, так и в латинском издании². Макиавелли упоминается также в другой книге из библиотеки Петра, любопытной брошюре, посвященной, в основном, промышленности и коммерции: «Княжеских сил хитрость, или неисчерпаемый златый кладезь, чрез который государь сильным себя учинит и подданных своих обогатить может... От Генриха фон Бодена, королевского прусского советника и пр.»³. (Кстати, это написание фамилии Боден, вошедшее в литературу из приведенного переводного названия, неточно; судя по книге, правильно по немецкому именительному падежу – Боде⁴.) В РО БАН (П I 587) сохранился рукописный перевод этой книги с пометкой царя Петра: «Сию книгу напечатать немедленно»⁵.

¹ *Saavedra Faxardo D. L'idea...* P. 153.

² *Боброва Е.И.* Библиотека Петра I... С. 41, 147 (Брюссельское издание 1649 г.) Ср. ниже. прим. 82.

³ Там же. С. 23, 112.

⁴ Ср.: *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII – I четв. XVIII в. М., 1976. С. 322. *Fürstliche Machtkunst oder unerschöpfliche Gold-Grube, wodurch ein Fürst sich kan mächtig und seine Unterthanen reich machen/ Durch einen in vielen Wissenschaften Erfahrenen Vornehmen Cavallier entworfen und mit dessen Gutfinden herausgegeben von Heinrich Boden. Königl. Preuss. Rath im Hgtum Magdeb. u. Prof. Juris in Halle / Ed.II. Weissenfels, 1703.*

⁵ Издание не было осуществлено. В библиотеке ЦГАДА сохранился экземпляр из собрания Мос. госуд. архива иностр. дел (МГАМИД) с рукописными пометками.

Советник Бодде утверждает, в том числе и в заглавии (см. прим. 33), что он лишь издатель сочинения некоего кавалера, с которым он познакомился на водах и который пожелал остаться неизвестным¹. Как бы то ни было, в Предисловии сочинитель допускает обидный для Макиавелли выпад: «Благополучие государя состоит в благополучии народа, сей принципиум не может никакой Макиавель опровергнуть»². Перевод, возможно, принадлежит Я. Брюсу (ср. прим. 147).

Наиболее подробные сведения о Макиавелли читатель библиотеки Петра мог почерпнуть из «Всеобщего исторического словаря» И.Ф. Буддеуса (Будде), в котором факты и ссылки на литературу смешаны с ошибками; например, утверждением, что инквизиция запретила «Государя» еще при Льве X, (т.е. при жизни Макиавелли), и сам папа якобы угрожал ссылкой его читателям. Протестант Будде приводит доводы защитников Макиавелли и упоминает о «слепом рвении Поссевина», вместо сочинений флорентийца читавшего Жантийе³. Для перевода этого лексикона Петр посылал в Прагу священника Феофила Кролика⁴.

Как видим, упоминания флорентийского мыслителя, которые с большой вероятностью могли быть знакомы Петру, не дают глубоких сведений о нем и скорее повторяют распространенные стереотипы, нежели пробуждают интерес к его трудам. Это жаль, потому что из всех «макиавеллических» государственных деятелей России Петр Алексеевич был, пожалуй, самым удачливым, вернее,

¹ Fürstliche Machtkunst... S. 6.

² Ibid. S. 10. Цитируется перевод по указанной рукописи.

³ /Buddeus Johann Franz/ Algemeines historisches Lexikon... Bd.2. Lpz.. 1709. S. 399. *Боброва Е.И.* Библиотека... С. 114.

⁴ См.: *Дзюба Е.Н.* Переводческая деятельность воспитанников Киевской Академии (XVIII в.) // Культурные и общественные связи Украины со странами Европы. Киев, 1990. Здесь этот факт явно ошибочно отнесен к 1732 г., но судя по контексту, речь идет о 1716 г. (с. 53–73). См. также: *Куликаускаене Н.В.* Книги переводчика и общественного деятеля петровской эпохи Феофила Кролика в Иркутске // Федоровские чтения 1982 г. М., 1984. С. 149–154.

его делам более сопутствовал успех. Слово «макиавеллический» употреблено здесь отнюдь не для обозначения политических приемов, а как характеристика того «разумного и доблестного» государя, образец которого Макиавелли рисует в своих трактатах. Правда, Петр не был в полном смысле «новым князем»; он, хотя и после долгой борьбы, получил наследственную власть, как из русских преобразователей в свое время Иван IV, Александр II; после революции – *mutatis mutandis*, Сталин и Горбачев; что составляло немалое подспорье.

Другая отличительная черта российских реформаторов – то, что они редко провозглашали своей целью «возврат к началу», разве что такие преемницы Петра на русском троне, как Елизавета и Екатерина II. Впрочем, предлагаемую у Макиавелли идею обновления следует толковать не столько как восстановление известных государственных форм, сколько как частный случай возрождения и возобновления в природе органической жизни через умирание старого¹. В этом смысле всякий преобразователь и новый государь, сколь бы революционен он ни был – а в России новая власть частенько бывала в пиках с предыдущей – есть и восстановитель некой изначальной справедливости.

Итак, в соответствии с критериями Макиавелли, Петр как реформатор, действуя в одиночку, обратился к чрезвычайным мерам, дабы заложить новые основы гражданской жизни.

Социальные, национальные, религиозные стороны петровских преобразований напрашиваются на многие параллели прежде всего с эпохой Ивана Грозного (кстати, Петр осуществил пересветовскую и Макиавеллиеву идею о переносе столицы во вновь завоеванные земли – из Москвы в Санкт-Петербург). Добрый государь, в отличие от тирана, направляет, по словам Макиавелли, свою единоличную власть на общее благо². Подобное оправдание своей

¹ Рассуждения. Кн. III. Гл. 1.

² Рассуждения. Кн. I. Гл. 10.

суровости, приправленное национальными мотивами, приводят как Иван Васильевич, так и Петр; последний, может быть, с несколько большим основанием, чем его жестокий предшественник.

Свое отличие от невежественных, коварных и упрямых тиранов русский монарх (снова, как некогда Иван IV с Тедальди, в беседе с образованным иностранцем, вероятно, с А.И. Остерманом) объясняет так: «Честных, трудолюбивых, повинующихся, разумных сынов отечества возвышаю и награждаю, а непокорных и зловредных исправляю по необходимости...»¹. «Долг велит, – говорит он в другой беседе, наказывать злодеев»². Законная кара, по приводимым в «Рассказах Нартова» словам Петра, нарушает гражданской вольности: «Недоброхоты и злодеи мои и отечеству не могут быть довольны; узда им – закон. Тот свободен, кто не творит зло и послушен добру... не тиранствую, когда правосудие обвиняет злодея на смерть»³. Этот принцип, в макиавеллиевской политике обозначаемый как «казнить сыновей Брута», проводился Петром неукоснительно и был распространен даже на собственного сына.

Отсутствие ограничений своей власти Петр, в точности как некогда Иван Грозный, оправдывает местными особенностями: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, словно как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Английская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять... Доступ ко мне свободен...»⁴. Последние слова, однако, позволяют рассматривать достижение «английской вольности» как некую перспективную задачу. «Весело слышать то, когда

¹ Майков Л.Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. Спб., 1891. С. 28.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 82. Ср.: Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 70.

⁴ Майков Л.Н. Рассказы Нартова... С. 82. Ср.: Робинсон А.Н. Борьба идей... С. 81.

сыны отечества королю говорят явно правду, сему-то у англичан учиться должно»¹. Трудно сказать, в какой мере Петр Великий осознавал противоречие между желанием воспользоваться плодами западной цивилизации и сохранением деспотической власти. Те учреждения, которые выработались в Западной Европе в ходе многовекового развития начиная с античности, через средневековые вольные города и борьбу третьего сословия за свои права в союзе с королевской властью, насаждались в России искусственно. Сенат, коллегии и прочие органы с иностранными названиями не могли играть здесь той роли, что на Западе. Известное вольномыслие, которое в теории допускалось под действием зарубежных веяний, идущих в особенности из протестантских стран, не соответствовало укладу жизни и незыблемым основам государственного строя. Противостояние духовной и светской властей закончилось не отделением, а полным подчинением церкви. Государство хотело застраховать себя от склонности народа слепо верить духовным главам, как говорит петровский Духовный регламент: «...простой народ неведает, како разнствует власть духовная от самодержавной»².

Если вернуться к теориям Макиавелли, петровские реформы были попыткой прививки к русской деспотической модели (все подданные – рабы) элементов западной модели динамического равновесия сословий, то есть строя, основанного на уважении прав «народа», «знати» и отдельных граждан. Попытка эта, что очень характерно для русской истории, была предпринята на самом верху с целью насильно облагодетельствовать общество – «наш народ яко дети»(такой патриархальный стиль) – добровольно учиться не станут, но потом будут благодарить³. В этой связи встает любопытный вопрос о том, почему в России почти все революции

¹ Майков Л.Н. Рассказы Нартова... С. 10.

² ПСЗ. Т. VII, № 4345, п. 2. См.: Попов Н.А. Василий Никитич Татищев и его время. М., 1861. С. 80–81.

³ Там же.

подготавливались и осуществлялись «сверху»¹, не столько даже в среде высших сословий, сколько самой высшей властью, что позволяло ей повернуть дело на пользу себе и вообще «верхам».

Надо сказать, что на самом деле ни одна революция не бывает чистым переворотом (а это и есть слово «революция» в переводе на русский язык), в результате которого социальный верх и низ меняются местами. Напротив, самые удачные революции кончались самой жесткой реставрацией, и в лучшем случае происходило некоторое перераспределение власти и богатств. Благоприятное влияние социальной борьбы и революций Макиавелли видел, можно сказать, не в том, достаточно иллюзорном, переходе от «несвободы» к «свободе», каковой является общим местом всех революций, а во встряске, позволяющей обществу избавиться от накопившихся несправедливостей и «испорченности»; в восстановлении естественных прав групп и личностей путем создания и обновления законного механизма, обеспечивающего общественному организму сносную жизнь на очередной срок. Поэтому революция немыслима без взаимодействия сословий и, по Макиавелли, без великого устроителя указанного механизма.

Но в России дело преобразований было как бы отдано на откуп верхушке в силу пассивности низших слоев и стихийности их протеста. Последний принимал либо характер географического перемещения, благодаря наличию незаселенных окраин; либо слепых бунтов, движущей силой которых были крестьяне. Народ не имел постоянных форм политической организации, возникавших в городах на Западе.

Это сказалось и на определенной слабости и оторванности от реалий реформаторов в России, которых ослепляла кажущаяся восковая податливость ее народной «матери». В большинстве своем эти люди погибали или

¹ См. об этом статьи Н.Я. Эйдельмана в журнале «Наука и жизнь». 1988 г. № 10–12.

приспосабливались к «системе», не сумев заменить ее новой. Петру Великому, как мы уже отмечали, в большой мере сопутствовал успех; он придал движению страны новый поворот и оставил после себя множество единомышленников, обеспечивавших необратимость его реформам. Но события второй четверти XVIII в. подтвердили, во-первых, недостаток монархического правления, приводимый у Макиавелли: достоинства одного царствования прекращаются со смертью государя; во-вторых, они показали поверхностность благих начинаний Петра, продемонстрировав сохранившиеся во всей полноте отрицательные черты деспотического режима. Власть стала игрушкой временщиков в правление цариц, некогда столь же неприемлемое для Ивана Грозного, как и правление многих: «Подобно женскому безумию владение многих... Понеже яко жена не может своего хотения уставити – овогда тако, иногда же инако, тако же убо и многих...»¹.

Что же касается личного знакомства Петра с идеями Макиавелли, то сведения о круге чтения монарха пока недостаточно полны. До нас не дошли, например, такие книги, как «Политик ученый и ученоблагочестивый», переданный польскими «стихами», составленный, возможно, по указанию Петра². Царь уделял много внимания делаемым для него переводам и выказал отсутствие обычных предрассудков. Гавриил Бужинский, будущий иеромонах русского флота при переводе «Введения в историю» Пуффендорфа выпустил следующее место, нелестно характеризующее жителей России: «В письменах неискусны, хотя поклоняются книжности... свирепы и кровежаждущие человецы, ко прибыли и наживе, хитростию собираемой, никий же народ паче удобен есть. Рабский народ рабски смиряется, и жестокостию власти воздержатися в повиновении любят»³. Петр

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 24.

² Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий..., прил.1, № 19. Пекарский П.П. Наука и литература... Т. I. Спб., 1862. С. 526.

³ Цит. по: Пекарский П.П. Наука и литература... Т. I. С. 326.

выбрал переводчика и заставил включить отрывок в книгу, выдержавшую при нем два издания. А.М. Скабичевский объясняет такой поступок царя тем, что в приведенных словах он мог видеть оправдание своих реформ¹. В царствование Анны Иоанновны, во всяком случае, книга находилась под запретом в течение пяти лет.

Для нашей темы очень существенно, что Петр пользовался и библиотеками своих сподвижников, в частности, Дмитрия Михайловича Голицына, которому, кстати сказать, в бытность его киевским губернатором, после 1709 г. Петр поручил организовывать переводы «книг исторических и политических», поскольку в Киеве были пригодные для этого люди². В судьбе Голицына, обладателя крупнейшей русской библиотеки начала XVIII в., Макиавелли сыграл почти роковую роль.

Князь Дмитрий Михайлович Голицын (3.06.1665–14.04.1737) был двоюродным братом знаменитого фаворита царевны Софьи Василия Васильевича (предполагают, что в библиотеку Дмитрия Михайловича попали книги последнего, а также книги отца Михаила Андреевича³). Как мы уже знаем, в возрасте 33-х лет князь Дмитрий был направлен в Италию, в 1701 г. стал послом в Константинополе (до ноября 1702 г.), с 1707 по 1721 гг. занимал пост киевского воеводы, а затем губернатора. В дальнейшем Голицын возглавлял Коммерц-Коллегию, а в 1727–1730 гг. был членом Верховного тайного совета, то есть одним из первых вельмож России. Голицын был сторонником монархии, ограниченной аристократией, и при восшествии на престол Анны Иоанновны составил в этом духе «кондиции», следующие англо-шведским образцам. Неудача плана «верховников» вызвала у князя такие пророческие слова: «Трапеза была уготована, но

¹ Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 6.

² Пекарский П.П. Наука и литература... Т. I. С. 259, прим. 1; т. II. С. 215.

³ Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. О рукописях библиотеки Д.М. Голицына в Архангельском// Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 179.

приглашенные оказались недостойными; знаю, что я буду жертвою неудачи этого дела. Так и быть, пострадаю за отечество; мне уже немного остается жить, но те, которые заставляют меня плакать, будут плакать более моего»¹. Действительно, императрица отомстила Голицыну, остававшемуся и при ней сенатором и одним из первых лиц в государстве, обвинив его в незаконном содействии его зятю, Константину Кантемиру, с которым вела тяжбу из-за наследства мачеха, княгиня Настасья Кантемир. Специально учрежденный для этого дела в 1736 г. Вышний суд подкрепил обвинение ссылками на неосторожные слова сановника, сказанные уже в ходе следствия: «Богу противно сказал, будто совесть подлежит до одного суда Божия, а не человеческого, ведая, что суд гражданский суд Божий есть» (п.12 приговора)². Сей образчик чиновничьего лицемерия дополняется другим любопытным всплеском негодования со стороны обвиняемого (п. 13): «...еще и зляя того яд свой изблевал, объявляя перед судом, что когда б из ада сатана к нему пришел, то бы хотя он пред Богом и погрешил, однако ж и с ним бы для пользы совет советовал, и советов от него требовал и принимал...»³.

Голицын был осужден в январе 1737 г. специальным Генеральным собранием из 20 человек, в числе которых были и те, кому предстояло впоследствии «плакать более» его – А.П. Волынский, П.И. Мусин-Пушкин, Ф.И. Соймонов. После объявления приговора начальник Канцелярии тайных розыскных дел А.И. Ушаков указал собранию на один из возможных источников нечестивых взглядов подсудимого – наличие у него книг Макиавелли и Боккалини⁴. Последние было велено изъять из кон-

¹ Цит по: *Корсаков Д.А.* Суд... С. 21.

² Полн. СОБР. законов Российской империи с 1649 г. Т. X, Спб., 1830. С. 11.

³ Там же. Напоминает желание Макиавелли изучить дорогу в ад, чтобы потом избегать ее (письмо к Ф. Гвиччардини от 17 мая 1521 г.)

⁴ *Корсаков Д.А.* Суд... С. 43.

фискованного имущества особо¹. Князь Дмитрий Михайлович был присужден к смертной казни, замененной на ссылку в Шлиссельбург, где он и умер в апреле 1737 г. Нарочитость обвинения подтверждается тем, что отнятое у Константина Кантемира после этого процесса имущество было почти полностью возвращено еще при Анне, в 1739 г.²

Историки отмечают некоторую противоречивость в качествах Д.М. Голицына³. По словам испанского посла герцога Де Лириа, тот был сторонником старых порядков и врагом чужеземных затей: «Разве мы не можем жить так, как живали наши отцы и деды, которые не пускали к себе иноземцев»⁴. Даже если эта характеристика неточна, не случайно, видимо, Голицын вошел в историю как один из вождей «русской партии»⁵. Бесспорно, однако, и то, что он был одним из образованнейших людей в России, и его идеи об ограничении самодержавного деспотизма на родине восходят к западным политическим источникам. Об этом свидетельствует и замечательная библиотека семьи Голицыных, насчитывавшая, по данным следственного дела, около 6 тыс. книг⁶. Если пренебречь непроверенными сведениями о собрании Меншикова⁷, ее можно считать крупнейшей в России начала XVIII в. Этой библиотекой пользовались Петр I, В.Н. Татищев, Антиох

¹ См.: *Забелин И.Е.* Материалы для русского индекса *librorum prohibitorum*. Переписка о книгах Д.М. Голицына Махиаевелевой и Бокалиновой // Библиографические записки. М., 1861. № 11. Стб. 319–324.

² *Шимко И.* Новые данные к биографии князя Антиоха Дмитриевича Кантемира и его ближайших родственников // ЖМНП, СПб., 1891, № 6. С. 278–281.

³ *Корсаков Д.А.* Суд... С. 21; *Пореш В.Ю.* Князь Д.М. Голицын (верховник) и французские книги его библиотеки // Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979. С. 98.

⁴ *Пекарский П.П.* Наука и литература... Т. 1. С. 262.

⁵ См. об этом: *Черникова Т.В.* Политические процессы 30-х гг. XVIII в. в России: автореф. канд. диссертации. М., 1989.

⁶ ЦГАДА, ф. 6, ОП. 189, ч. 1, лл. 40 и 143 об.

⁷ См.: *Саверкина И.В., Сомов В.А.* Реестр книг А.Д. Меншикова // Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1988. С. 144–160.

Кантемир¹. Конфискованные после суда книги были розданы по разным учреждениям и частью расхищены, что отмечал еще Татищев². После воцарения Елизаветы Петровны имущество Голицына было возвращено его сыну Алексею, в том числе и найденные книги (в конфискационных описях фигурируют до 2,5 тыс. названий). В настоящее время следы голицынской библиотеки отыскиваются в самых разных собраниях страны.

Голицыным, по всей видимости, принадлежала наиболее полная коллекция изданий Макиавелли, а также упоминающих о нем авторов в России первой половины XVIII в. Правда, говорить о «полном собрании» его сочинений, как делают многие авторы вслед за «Библиографическими записками»³, для этого времени некорректно (кстати, и на сегодняшний день собрания сочинений Макиавелли, даже издаваемые у него на родине, являются лишь относительно полными). Очевидно, к такому утверждению подталкивает наличие в описи 1722 г. издания «Всех сочинений» (*Tutte le opere*) Макиавелли, датированного 1550 г., но на самом деле относящегося к началу или середине XVII в.⁴, так называемой «Тестины» – (букв. «головки» – из-за наличия портрета автора). Пять частей этого издания включают наиболее известные произведения флорентийского секретаря. Насколько можно судить по опубликованным розыскным донесениям, всего у отца и сына (Алексея) Голицыных было

¹ Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории архангельской библиотеки Д.М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979. С. 238.

² Там же. С. 180; Голицын Н.В. Новые данные о библиотеке князя Д.М. Голицына (верховника) // Чтения в ОИДР. Кн. 4. М., 1900. Смесь. С. 1–16.

³ «Судя по количеству томов, в домах Дмитрия и Алексея Голицыных было полное собрание Макиавелли» (Забелин И.Е. Материалы... С. 321, прим. ред.); ср.: Корсаков Д.А. Суд... С. 43, прим. 1; Пореш В.Ю. Князь Д.М. Голицын... С. 108, прим. 27.

⁴ Bertelli S., Innocenti P. Bibliografia machiavelliana... P. 78–80; No 203–207a.

конфисковано 16 или 17 томов Макиавелли¹. Так как они были отправлены из Москвы в Петербург экстренно, в более поздние описи конфискованных книг они не вошли, поэтому судить о том, что это были за издания, можно только по описи иностранных книг, хранившихся в Архангельском, составленной собственноручно другим сыном князя, Сергеем Дмитриевичем² в 1722 г. (всего около 1300 названий)³. Кроме вышеназванной «Тестины», находим здесь шеститомное собрание сочинений, изданное в Амстердаме в 1713 г.; отпечатанного там же в 1699 г. «Государя» (упомянут дважды, возможно, по ошибке, или это дублет); «Рассуждения» и «Государя», изданные в 1691 г. в Монбельяре; «Историю Флоренции» 1610 г. (Страсбург); наконец, парижское издание «Рассуждений» 1664 г.⁴ Недостает, как видим, 5 томов (11 в 1722 против 16 в 1737), которые могли быть приобретены после 1722 г. или храниться в других местах.

В библиотеке Д.М. Голицына находился и рукописный перевод Макиавелли на русский язык. Вот как говорил о своей библиотеке князь Д.М. Голицын в следственных показаниях («скаске»): «...собирал и покупал, и списывал которые и детям роздал, а какие имянно порознь сказать не помнит. И в прошлые годы государь Петр I император изволил смотреть из них и взял к себе некоторые, а протчие в Москве есть. А что на русском языке какие имелись или

¹ Забелин И.Е. Материалы.... С. 321–324; Голицын Н.В. Новые данные.... С. 8.

² Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории ... С. 238; Клосс Б.М., Корецкий В.И. Рукописи из библиотеки князей Голицыных в собраниях Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 44. М., 1983. С. 168.

³ ОР РГБ, ф.64, К.80. № 10. Catalogus Bibliothecae Gallytinae.

⁴ Ibid., f. 29r 4° No 110: Tutte le opere di Niccolo Machiavelli (s.l.), 1550; f.54v, 8° № 202: Les oeuvres de Machiavel. Amsterdam, 1713, 6 vv; f.55 No 243: Nicolai Machiavelli Princeps. Amsterdam, 1699 (idem No 459); f.58 No 326: Nicolai Machiavelli Disputationum: ex Italico..., Monpelgarti, 1691 ; Ibid., ejusdem Princeps; f. 64 No 490: N.Machiavelli Historia Florentina, Argentorati, 1610; f. 65 No 529: Discours de l'Etat de la Paix et de la Guerre de Nicolas Machiavel. P., 1664.

и здесь печатны, которых без указа печатать не можно, книга есть Махамелева, которая взята у покойного генерала Апраксина, тако и другая бакалом списанная от Петра Толстого а непечатаные»¹. Удивляет здесь то, что от Толстого, которому приписывают перевод Макиавелли, получен Боккалини, а Макиавелли, напротив, от Федора Матвеевича Апраксина (1666–1728), который как будто бы не был большим книгочеем². Ссылка на Апраксина может объясняться тем, что он приходился Анне дядей, каковое обстоятельство смягчало его предполагаемое обращение к Макиавелли.

Этому же служит, по-видимому, упоминание Петра I. Император, по всей вероятности, не только пользовался книгами Голицына и заказывал ему переводы. Как предполагают Б.А. Градова, Б.М. Клосс и В.И. Корецкий, «...собрание переводных произведений представляло собой своеобразный архив широко задуманного издания литературы по вопросам государственного права, экономики, юриспруденции, философии (в том числе по этике и о нравственном облике правителя) – столь важного для развития новых форм управления в петровскую эпоху»³. Это подтверждается Указом Петра от 30 июня 1712 г. Сенату об издании «прав других государств»⁴.

После конфискации в 1739 г. некоторые переводы западных политических сочинений были отобраны для Академии Наук⁵. В дальнейшем они, вероятно, вернулись к хозяевам и, во всяком случае, попали в число около 200 рукописей из Архангельской библиотеки, приобретенных

¹ ЦГАДА, Ф. 6, оп. 189, ч. 1, л. 387 об. Ср. *Корсаков Д.А.* Суд... С. 44.

² По завещанию Апраксина Голицын получил, между прочим, «полдюжины блюд серебряных»: Духовное завещание ген.-адмирала и кавалера гр. Ф.М. Апраксина в 1728 г. // *Русский вестник*. Спб., 1841, кн. III. С. 214–221.

³ *Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И.* О рукописях... С. 190.

⁴ См. там же. С. 188.

⁵ Материалы для истории Императорской Академии Наук. Т. IV (1799–1841). Спб., 1887. С. 178–190.

после 1812 г. Ф.А. Толстым¹. В настоящее время основной корпус этих сочинений находится в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (бывш. ГПБ). В состав их вошли наиболее распространенные в библиотеках сподвижников Петра авторы, из которых к русскому читателю поступали и косвенные сведения о Макиавелли. В их числе безымянный перевод трактата уже знакомого нам Фахардо под заглавием «Образ христиано-политичнаго владетеля. Перевод иностранного сочинения, изданного в Вильне 1640 г.»². Переведено, собственно, лишь начало книги, 42 лл., но зато есть рисунки тушью 8 символов. Переводчик, очевидно, перепутал Вильну с Веной (Viena), упоминаемой в тексте, судя по мюнхенскому изданию 1640 г. До упоминания Макиавелли здесь текст не доходит, но оно есть в хранящемся здесь же другом переводе Ф. Прокоповича: «Единый человек токмо деания свои исправляет правилом правды, не творя другому, еже себе не хошет. Откуда яве есть коль безбожное и скотие оучение есть Николая Махиавеллия, иже научает начальника да лву и лису оуподобляется, да еже не возможет разумом, то наветом или насилием достигнет»³. Этот экземпляр не имеет отметок Архангельской библиотеки, на титульном листе надпись «Из собрания Петра Фролова». Рукопись в лист переписана каллиграфическим почерком, в конце предисловия – автограф Феофана Прокоповича: «Вашего Царского Священнейшего Величества низжайший раб и недостойный богомolec Феофан Прокоповичь Училищ Киевских

¹ Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в доме тайного советника, сенатора, двора Е.И.В. действительного камергера и кавалера графа Ф.А. Толстова / Издали К. Калайдович и П. Строев. М., 1825; ср.: *Голицын Н.В.* Новые данные... С. 3; *Venturi F.* Op. cit. P. 395.

² ОР РНБ, Q II 36; Обстоятельное описание... Ч. II, № 228.

³ *Дидака Сааведры Факсардо.* Изображение христиана политического властелина, символами объясненное. ОР РНБ, F 1167, л. 119 об.

префект». Судя по всему, это и есть та книга, которая упоминается в реестрах библиотеки Петра¹.

Немало места уделено Макиавелли в частично переведенной книге «Иоанна Павла Фелвингера Норимбергского, учителя Алтдорфинского, дишкурсы политичный о всех образех владетелей добрых и поврежденных»². Перевод неточный, изобилует полонизмами, пропусками и искажениями. Приведем для сравнения начало отрывка из «дишкурса» «О вере данной от князя неомыляющей» (*De fide data, a principe non fallenda*).

«...Макиавель убо наушает (Макиавелли одобряет поступки Ромула брата своего убити Тиция Ромула, устранившего своих Стация в власти ему же противников) «...чтобы ему было сопряженного протчь изгнати даудобнее заложить устои Римского сам в Риме престолствует. Но государства в одиночку. Но также от православного народа Но лучше выслушаем самого граждане (*Politici*) рассудивше открытого провозвестника исполняют тым же образом, аки бы общественных зол. /До этого идут повстазючи народ в градском ссылки на Бузбека и Васкеса, в поучении в послушание своим переводе отсутствующие/. О разумом исправляют. О сей вещи богочитании политики заботятся Макиавель гражданин Флоренции лишь постольку, поскольку они не помнозех летах книжицу написасчитают полезным его для собором утвержденну чти (?)!» (л. 100об.-101).

удержания народов по своему произволу в гражданской дисциплине и подчинении. Об этом флорентийский гражданин (*cives*) Макиавелли не так давно издал книгу, которая тотчас же была справедливо запрещена публичным указом Инквизиции» (р. 173).

¹ На книгах Петра I редко делались книжные знаки. См.: *Хотеев П.И.* Книга о Франции из библиотеки Петра I // Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. Л., 1984. С. 32–51. На данной рукописи имеется запись: «Из книг Петра Фролова». В собрании Прокоповича были книги из библиотеки Петра I, а у последнего – рукописи Прокоповича (Боброва Е.И. Библиотека Петра I... С. 10, 13). См. также выше, прим. 31. Ср. также: прим. 170 – как эта рукопись могла попасть в РНБ.

² *Johanni Pauli Felwinger Norimbergensis Professors Altdorffini Dissertationes politicae de omnibus rerumpublicarum speciebus, tam bonis, quam prolapsis... Altdorffii. Schönherstadt, 1666.*

Далее Фелвингер рассматривает и опровергает четыре аргумента Макиавелли в пользу нарушения данного слова; в переводе этот текст изложен совершенно невразумительно и с ошибками, местами переводчик просто подставляет слова в непонятные для него фразы. Например: «Другого аргумента похитивши причину (*ab arripienda occasione*) Макиавель требует самого себе подает. Хотя же вера противу дана есть, похитити вождь должен есть, позде же дабы не была нага (*ne posthac calva sit futura*)...» (л.110) На самом деле речь здесь идет о необходимости пользоваться случаем (*occasio*), который (в латинском варианте – которую) древние изображали спереди заросшим волосами, а сзади лысым: если не ухватишь его, будет поздно; на эту тему Макиавелли даже написал стихотворение «О случае». Слово «политик» здесь переводится как «гражданин»; «обычай» (*consuetudo*) – как «налог»: «...не знаешь Макиавель, разделения между налогом добрым и злым не всякъ бо налог знает закон, но точию благий, а не злый» (л. 115)¹. Так переводчик, не всегда понимая текст, не забывает связать злокозненного Макиавелли с латинской верой – вместо запрещения Инквизиции, наложенного на его книгу, оказывается, что собор обязал ее читать. Наименование «политика» также приобрело в публицистике XVII в. сомнительный оттенок, и Фелвингер по этому поводу отмечает (в части, не вошедшей в перевод): «Напрасно в просторечии именуются политиками прожженные интриганы и последователи Макиавелли»².

Для России этот термин был еще внове, судя по переводу другого подобного сочинения из голицынской библиотеки: «Николая Вернулей уставлений политичных книги 4, иже вся гражданского учения слоги содержит»³ (переведено только две книги). Здесь также выражается

¹ Ср.: *Felwinger J.P. Dissertationes...* P. 190–200.

² *Ibid.* P. 780: «*Improprie quoque callidi veteratores et Machiavelli sectarii vulgi vocibus Politici circumferuntur*». De Politico, cap.V.

³ *Nicolai Vernulaei/// Institutionum politicarum libri quatuor: qui omnia civilis Doctrinae elementa continent...* Lovanii, 1647.

протест против отождествления «макиавеллистов» с «политиками», но последнее понятие в переводе заменено. «Макиавелистами тыи нарицаются, да бесчестни по имени будут славными... Никто же добронравен (Politicus), кто Макиавель, ибо таков нечист есть и гражданства има отчужден быти» (л. 9-9 об.)¹.

Не более благоприятны для флорентийского секретаря отзывы о нем в книге польского автора «Андрея Максимиана Фредра, воеводы Львовского, наказание нравоучительное или моральное, како подобает жить со немногим народом без повреждения его силы и любви и чести», переведенная также не очень вразумительно неким чернецом (на защитном листе надпись «перевод чернеца в тетраде»). Фредро делит политиков на католических, стоических и лжеполитиков, но сам он, как и другие «политики», искажает мысли Макиавелли. Споря с положением последнего, что нужно быть до конца хорошим или дурным, он по сути повторяет его: «И сего ради лучшей писания слушати. Не хладень ни тепел еси. Начну тебе из уст моих сказывати неподобает же зело благому и зело злomu (по научению ложного учителя Махнавела) (быти? – М. Ю.), ибо горшая беда доброте змышлено(й) добродетели и зла, но подобает всем быти и благими и злыми»². Неясная в переводе идея заключается в том, что открытое зло безопаснее, чем порок под маской добродетели³. В другом месте Фредро просто ссылается на мнение Макиавелли, но снова неудачно:» Еже горее тогда бывает, когда народ нечто благо некому творил то все прилежно един другаго смотряше такожде творят. Аще же зло желал творити, всак за себе прилежно отмстити готов

¹ Vernulaeus N. (De Vernouille, Vernulz) Institutionum... Proemium, cap.IV. Quis dicendus sit vere Politicus?: «Machiavellistae hi apellantur, ut nimirum infami nomine sint famosi, et ex nequitia gloriam colligant... Nemo hinc Politicus, qui Machiavellista; qui talis, improbus est, et a Republica exterminandus».

² РНБ, Ф II 18, л. 16 об. Ср.: Рассуждения, I, 27 и 30.

³ А.М. Fredro Castellani Leopoliensis Monita politico-moralia et icon ingeniorum. Dantisci, 1664. P. 30 (I, 83).

есть, ко злодеянию согласны суть, к благодеянию леностны и несовокупны, таковым же образом Макиавель неблагодарнейший разумел быти народ от лица князя»¹. Если опять-таки посмотреть в оригинал, то Фредро, опираясь на Макиавелли, хочет сказать, что масса менее податлива на доброе дело, чем государь-личность (*unica Principis persona*). Но Макиавелли в гл. XXIX первой книги «Рассуждений» заявляет как раз противоположное: государь более склонен к неблагодарности, чем народ. Приводимая же у Фредро мысль флорентийца сводится к тому, что массу труднее направить на доброе дело, чем на дурное.

В книге Фредро содержится любопытное замечание о вреде слепого рвения: «Соблудеша и наши на Москве безвременную лучше глаголем безчинною веры своею ревностию тогда, когда Димитрий великий князь московский из Полши панну в жену себе поял, ибо ради полской княжны нецьи полаки горделиво хотяше свою веру возвысити и Дмитрия-князя с супругою новою в пагубу введоша, и свою Полшу zelно погубиша бранию и ни во что же обратиша»².

В переводах других политических сочинений из библиотеки Голицына (Лангена, Эберта, Клампария, Фурия-Чериолана, Целлария и др.) мне не удалось найти открытых упоминаний о Макиавелли, хотя, например, немецкая книга Христиана Георга фон Бесселя «Новоумноженный политического счастья ковач»³ содержит множество ссылок на неназванных «итальянцев», а также на итальянские поговорки, впрочем, наряду со ссылками на англичан, французов, испанцев и поляков. Среди таких изречений, которые Бессель

¹ РНБ, Ф II 18, л. 36–36 об. Pars II, 85.

² Там же, л. 34. P. II, 81.

³ РНБ, Ф II 68. Ср.: переводы, хранящиеся в РГБ – «Политического счастья ковач». Ф. 178, № 2849 и Ф. 256, № 17, несколько отличные от этого. Оригинал: *Bessel Ch.G. (Faber fortunae politicae oder) Schmiede des politischen Glücks, darinnen viele nützliche Lehren enthalten neben ausgefügten schönen Traktätlein als 1) des wohlgeborenen und semper freien Herrn zu Limburg Thesaurus paternus, 2) und dann William Cecill... an seinen Sohn gerichtet. Frf u. Hamburg, 1673.*

приводит на итальянском, есть довольно занимательные, скажем: «Пусть государи не позволяют снять с себя мерку»¹ (в русском переводе: «как один некоторой италианец пишет да стерегутся государи да никто меру меру разума их познает и слабости их не явятца ко умалению чести их»²). Или совет придворного Карлу V: «Ежели Ваше Величество имеете душу и совесть, то да сложите с себя кесарство»³.

Ссылка на Макиавелли имеется в рукописи «О рации стата», представляющей собой, очевидно, перевод книги Джованни Ботеро. «В книге второй в «Разговоре у Ливия», в главе 10... Махавел протестует против общего мнения, что не /злато?!/ но салдаты сила есть жила вой/ны/»⁴.

В число переведенных книг из библиотеки Голицына не попали антимакиавеллистические трактаты: «О власти добродетели» Томмазо Боцио Да Губбио⁵, уже знакомого нам, и некоего аббата де Бюкуа, присутствие которых потомок хозяина библиотеки Н.В. Голицын считает «...несомненным доказательством интереса, который возбуждали в Голицыне произведения итальянского мыслителя»⁶ (не совсем понятна следующая фраза: «Большое количество сочинений Пуффендорфа, Гуго Гроция, Локка и Юста Липсия свидетельствуют в пользу того же» – названные писатели в лучшем случае едва упоминают Макиавелли).

Брошюра Бюкуа⁷ «Антимакиавеллизм, или метафизиче-
метафизиче-
ские размышления о власти вообще и о произволе в част-

¹ «Guardinsi i Prencipi non lasciarsi pigliar la misura del giubone». *Bessel Ch.G. Faber...* S. 310.

² РГБ. Ф.256, л. 67.

³ РНБ. F II 68. л. 6: «Se Vostra Maesta tienne Anima, rinuntii l'Imperio». *Bessel Ch.G. Faber...* P. 4.

⁴ РНБ. F XV 19, л. 100.

⁵ РГБ. Ф. 64, к. 80. № 10. 4°, № 226: Th. B. Eugubino de Imperio virtutis... adversus Machiavellum. Roma, 1603.

⁶ Голицын Н.В. Новое о библиотеке... С. 14.

⁷ О нем пишет Ж. Д Нерваль, Дочери огня, новеллы, стихотворения. Л., 1985.

ности...» (у Н.В. Голицына ошибочно – «Антимакиавелист») хранилась в Архангельском в составе конволюта из 16 памфлетов под общим заглавием «Собрание разных исторических и политических сочинений», том II¹. Эта книжка, сохранившая наклейку магазина Букинистической книги Могиза, находится сейчас в ОРК РГБ. Она имеет экслибрис и перечень всех переплетенных в ней сочинений, составленный той же рукой, что и каталог 1722 г., то есть, очевидно, С.Д. Голицыным. Однако на титульных листах отдельных брошюр читается надпись *Serg. Alex. Prince de Gallytzin*. Неясно, то ли это отчество, то ли сокращение «Алекс/ей?/» относится к брату Сергея, осужденному вместе с отцом.

Письма Бюкуа идут под 13 номером, без титульного листа; они неполны, в наличии только сс. 1-2, 7-10 и 15-16, на которых нет даже отдаленных намеков на флорентийского секретаря. Отметим, что в Архангельской библиотеке встречаются и книги, предлагающие более уравновешенные оценки Макиавелли: «Opera omnia» Фр. Бэкона, энциклопедии Бейля, Морери и Буддеуса, книги Жана Бодена. Есть здесь и труды Франческо Гвиччардини, друга и покровителя флорентийского мыслителя, переведенные также и на русский².

Остановимся еще на двух авторах, имеющих отношение как к Макиавелли, так и к истории русского политического вольномыслия первой половины XVIII в. Первый из них – голландец Юст Липсий (Юстус Лепсиус) (1547–1606), известный эрудит, знаток Тацита, предлагавший желающим слушать его чтение наизусть и за каждую ошиб-

¹ РГБ. Ф. 64, к. 80, № 10, л. 53. 8° № 164: Recueil de diverses Pieces historiques et politiques. T.II. No 13. L'Antimachiavelisme ou Réflexions métaphysiques sur l'Authorité en général et sur le pouvoir arbitraire au particulier, au forme de lettres adressees à Mr L.D.B, par Mr l'Abbé de Buquoy; au sujet d'une dispute survenue entre'eux sur cette matière. À la Table de Mr le comte de... Avec l'extrait d'un traité de l'existence de Dieu par le même Auteur.

² РНБ. Ф II 49. Сб. № 2: «Увещения политичныя Франтишка Гвиччардина». В библиотеке была также его «История Италии».

ку штрафовать чтеца ударом шпаги¹. Характерная черта для гуманиста этого времени – Липсий дважды становился протестантом и дважды возвращался в католичество!

О Макиавелли Липсий упоминает в своих «Шести книгах о политике», причем дает ему, что опять-таки характерно, неоднозначную характеристику: «Взгляни на Макиавелли. Что может быть пронизательнее его /сочинений/? Но этот мало достойный и неудачливый советник Цезаря Борджиа всегда оправдывает себя и обвиняет судьбу». В указателе еще добавлено, что «...его учение пагубно как для государей, так и для подданных»².

В Предисловии к этому же сочинению Липсий, который, судя по приведенному отрывку, ошибочно считает Макиавелли советником Борджиа, высказывает о Макиавелли несколько более лестное мнение, сравнивая его с другими писателями: «Единственный автор, чей острый, тонкий, огненный талант я не могу не отметить, это Макиавелли. Если бы он вел своего государя прямо в храм чести и добродетели! Но он слишком часто отклонялся и уходил с правильного пути, упорно следуя тропами пользы»³.

«Шесть книг о политике» в описываемую эпоху на русский язык не переводились, хотя такое утверждение находится в работах Д.А. Корсакова и (возможно, вслед за ним) А.И. Соболевского и М.А. Алпатова⁴. Они полагают,

¹ Пекарский П.П. Наука и литература... Т. 1. С. 218.

² Lipsius J. Opera omnia. T. IV. Politicorum sive civilis doctrinae libri sex, qui ad principatum maxime spectant. Vesaliae, 1675. P. 240: «Machiavellum vide. Quid eo acutius? At parum bonus aut felix ille Caesari Borgiae consiliarius quicquid excuset se et fatum accuset». Index: «Nic.Machiavellus argutus scriptor Principatus, sed... ejusque dogma ad principis perniciem pariter et subditorum».

³ «Nisi quod tamen Machiavelli ingenium non contemno acre, subtile, igneum, et qui utinam Principem suum recta duxisset ad templum illud virtutis et honoris! Sed nimis saepe deflexit. et dum commodi illas semitas intente sequitur, aberravit a regia via». Ibid., f.5.

⁴ Корсаков Д.А. А.П. Вольнский // Древняя и Новая Россия. Спб., 1877. Т. III. С. 230; Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII–I четв. XVIII в.). М., 1976. С. 327; Соболевский А.И. Переводная литература... С. 9.

что переводом «Политики» являются «Увещения и приклады о различных вещах от различных историков», переведенные С. Кохановским в 1721 г.¹ Экземпляр этой рукописи имелся в Архангельской библиотеке Голицыных²; два экземпляра хранятся в РГБ, причем один из них с дарственной надписью канцеляриста Синода Владимира Можайтинова Гавриле Посникову от 29 января 1742 г. – не попала ли она в Синод из книг, конфискованных в 1740 г. у Волынского, которого обвиняли в чтении Липсия³?

Но речь в данном случае идет о другом сочинении Липсия – «*Monita et exempla politica*», написанном позже «*Politicoorum*».

Последняя была внесена в Индекс запрещенных книг, поэтому в дальнейшем Липсий занимался ее переработкой. В «Увещениях» же он и вовсе воздерживается от собственных суждений, ограничиваясь одними историческими примерами (Макиавелли здесь не упоминается). Впрочем, чтение именно этой книги, осуждающей правление женщин, вызвало гнев у обвинителей Волынского, усмотревших в ней связь с современностью (об этом ниже).

Другой автор, фигурировавший в процессе Голицына, лицо, пожалуй, самое важное для русской Макиавеллианы первой половины XVIII в. Это Траяно Боккалини (1556–1613), современник Липсия, во многом похожий на него (в частности, он сочинил комментарии к Тациту, опубликованные через много лет после смерти автора, в 1669 г., и потому также может быть причислен к «тацитистам»). В своем самом известном произведении – «Парнасские ведомости», представляющем жизнь республики наук под руководством Аполлона, Боккалини выводит и Макиавелли, причем двусмысленность данной

¹ Пекарский П.П. Наука и литература... Т. 1. С. 219, прим. 2; Николаев С.И. О стилистической позиции русских переводчиков петровской эпохи// XVIII век; сб. 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 112–113.

² ОР РНБ. Ф II 208.

³ ОР РГБ, ф.178, 2745; ф.354, 233.

ему оценки заставляет предположить скрытую симпатию автора к флорентийцу, выраженную эзоповским языком.

Первые два выпуска «Парнасских ведомостей» (1612 и 1613 гг.) включали по сто глав; дополнительное собрание «Ведомостей» вышло после смерти автора в неполном составе в 1614 г. под названием «Политический пробный камень, извлеченный с горы Парнас, на котором испытываются правительства крупнейших монархий мира (Третья часть «Парнасских ведомостей»)»¹. В переизданиях «Ведомостей» встречается другой вариант третьей части², в котором можно прочесть весьма любопытное упоминание о Макиавелли: «Макиавелли, благодаря своей ожесточенной и отчаянной политике, которой он столь свободно заполнил “Историю”, заслужил осуждения на вечные муки. Он не был лишен ума и остроты, но /ему недоставало/ правды, благочестия и опытности». Последняя фраза почти в точности совпадает с началом «Предостережения» Поссевина, где тот между прочим упоминает о некоем загадочном присутствии этого же суждения в другом месте его сочинений³. Эта вставка в 3-м «Известии с Парнаса», вместе с заимствованием цитаты у иезуитского критика Макиавелли, может принадлежать Дж. Бриани, подражателю Боккалини и составителю «Добавлений к Ведомостям»⁴.

Во всяком случае, упоминания о Макиавелли в первой центурии (сотне) «Ведомостей», хотя и в сочетании с резкими эпитетами, наводит на мысль о полускрытом одобре-

¹ *Boccalini T.* Pietra del paragone politico. Tratta dal Monte Parnaso, dove si toccano i governi delle maggiori monarchie del Universo. Di Traiano Boccalini. (De'Ragguagli di Parnaso Parte terza). Impresso in Cosmopoli per Ambros. Teber, 1615.

² *Boccalini T.* Ragguagli di Parnaso. 10-ma impressione. Amsterdam, Blaeu, 1669. Aggiunta a Ragguagli di Parnaso, intitolata Parte terza. Nella quale si contengono 50 Ragguagli e un solenne convitto... per G. Briani.

³ Antonii Possevini... Iudicium... Cautio de iis quae scripsit turn Machiavellus... P. I. См. об этом: Юсим М.А. Ревностный гонитель памяти Макиавелевой // Средние века. Вып. 56. М., 1993. С. 247.

⁴ Aggiunta a Ragguagli di Parnaso... P. 17. См. *Firpo L.* Boccalini Traiano // Dizionario biografico degli italiani. V.VII. Roma, 1969. P. 16.

нии автором «ума и остроты» флорентийца. Взаимоотношения монархов и народов Боккалини постоянно уподобляет подчинению стада овец пастуху. В 47 «Ведомости» (или «Известии») он пересказывает по сути известный до наших дней анекдот о том, как один пастух приучал своих подопечных голодать, и совсем было приучил, да они подошли. Здесь фигурирует и Макиавелли. Прочитируем по русскому переводу 1728 г., сохранившемуся, в частности, в ОР РГБ; «... и тако **отчаянный** Меналка /имя пастуха, может быть, намек на какого-то государя, или анаграмма Никколо Макиавелли?/ толикими злы оскорбленный, обрушился в последнее нещастие и уверился некоему флорентинцу нечестивому политику хитрецу, который советовал рече ему: что услужение овец чужестранных и непослушных не иным каким лучшим образом догадливые пастыри доставати могли, токмо истомлением их...», откуда и последовал упомянутый плачевный результат¹. В 54 «Известии» (по переводу – 55-м) встречаем уже знакомое нам суждение о Макиавелли, перенесенное впоследствии в III Центурию с добавлением цитаты из Поссевина: «Носится такожде слух, что Макиавелю учинен срамной выговор о его сердитой и бешеной политике, которую толь свободно наполнил историю и другие свои писания, что явно читающих я хотел обрушить в той же беззаконства род, в которой сам срамно провалился»². Наконец, в 89 (90 в переводе) «Известии», почти целиком посвященном Макиавелли, высказано весьма примечательное суждение о нем. Ввиду его важности приведем полностью это «Известие» по тому же переводу Андрея Васильева:

«Ведомость 90-я. Николай Маккиявели под смертную казнию выгнан был из Парнаса, но понеже он нашолся

¹ Ведомости Парнаския, господина Траяна Боккалини римлянина, сотня первая. Сия книга на италианском языке у Иоанна Блаев в Амстердаме 1649 года напечатанная на российский переведена переводчиком коллегии иностранных дел Андреем Васильевым в Санкт-Петербурге 1728 году. ОР РГБ, ф.7, 316, л.121.

² Там же, л. 140 об.

спрятан в библиотеке некоторого своего друга, зато приговорен к казни огненной.

Хотя Николай Маккиявелли был было тому много лет выгнан вон из Парнаса и из уездов его под жесточайшею казнью так ему, как тем, которые дерзнули бы в свои библиотеки принимать ево яко человека вредительнаго, однако

в доме некоего его друга, который секретно держал его в своей либрии пойман и в тюрьму отведен был еще прошлой недели. От судей криминальных немедленно учинен розыск, и сего утра имела быть над ним отправлена огненная казнь, но он домогся у его величества, чтоб прежде дозволено ему было пред трибуналом, который осудил его, нечто выговорить в свою очистку. Аполлон, показав к нему свою обыкновенную милость, велел сказать ему, чтоб прислал своих адвокатов, которых речи приятно выслушаны будут, на сие повторил Маккиявеллий, что он сам хочет очищать дело свое, и что флорентинцы в судах не имеют нужды от адвокатов /колоритная деталь в устах римлянина Боккалини!/, и тако уступлено ему все по требованию его. Маккиявеллий потом был введен в квантантю криминалну, где в свою оборону говорил образом сицевым: «се, о государь и мудролюбец, явился оный Николай Маккиявеллий, который осужден есть како прелестник и развратник рода человеческого, како посеятель соблазнительных заповедей политических. Я, хотя неинако разумеваю оборонять писания свои, токмо явно обвиняю их и осуждаю, яко нечестивыя и яко исполненныя жестоких и поганых к правительствам государственным поводов, однако, ежели то, что я в печать издал, есть научение изобретенное из моей головы, и суть заповеди новыя, прошу велеть сего часа без всякой пощады исполнить приговор, который судом изводилось учинить против меня, ежели же писания мои иногo не содержат, токмо те заповеди политическия и те регулы статския, которые выиял я из действий некоторых принцов, которых без воли вашего величества в сем месте именовати не дерзну, понеже говорить о них злое есть пеня живот, то

кая юстиция, кое право хошет, чтоб те, которые затеяли бешеную и отчаянную политику мною написанную, посчитаны были яко святые, а я б, который токмо что опубликовал ее, яко поганец и атеист.

Воистинну немощно знать, для какой причины было пригоже, подлиннику дела поклоняться яко святому, а списку того сожигаться яко клятому, и како я имел бы быть в толиком гонении, егда чтение историческое, не токмо позволенное, но весма от каждого похваленное, имеет явную добродетель во многих Маккиявеллову обращати тех /здесь ошибка – возможно, переписчика – смысл: имеет силу обращать в многочисленных Макиавелли/, которые прилежат ему «с очками политическими», ибо народы не суть так просты, как многие вероятно думают, будто те самые которые глубокоумием своим возмогли постизать сокровеннейшую натуры тайну, не смыслили бы добираться прямых концов /подлинных целей/, их де принцы имеют в своих поступках, каковы бы оные хитро скрыты не были. И ежели принцы, чтоб где лутче им кажется, мощно было легко ворочать или проводить /здесь переводчиком даны и буквальный перевод, и смысловой слова «aggirare» – дурачить/ подданных своих, соизволят имети их дураками и простаками, то подобало им вознамериться перенимать поступок премеерзко употребленной от турчанина и от москвитянина в возбранение добрых наук яко оных, которыя слепо умных делают аргосами; инакоже, отнюдь не исполнять своего намеренного конца, понеже лицемерство, ныне в миру зело фамильярное /распространенное/ имеет доброту от звезд /«как и звезды»/ токмо чтоб склоняти, а не нудити умы человечества к верованию в то, что угоднее есть тому, кто употребляет его.

Судии от сих словес в великое пришли размышление, и казалось, якобы помолвили отставить приговор, но в то же время адвокат фискал внушил им, что Макиавелли за нечестивыя и поганыя заповеди, каковы читалися в его писаниях, тако по достоинству осужден был. яко паки жесточае надлежало карати его, понеже нощию отыскан он

в некоторой мандре /итал. – стадо/ овец, где хитрствовал наладить в их ртах зубы вставные собачьи, с явным бедствием на износ племени овчарей, персон весьма в сем свете нужных, которым неприлично и досадительно было бы бедствуя от одного нечестивца наряжать себя в нагрудник и в рукавицы железные в то время егда хотели бы овец своих доить или стрыщи; что /ведь/ поднялася бы великая цена на шерсть и сыр, ежели впредь довели бы ся пастырям блюстися от своих овец пуще, нежели от волков, и ежели бы не свистом и не, хлистом уж, но с целым полком собак овцы довелися быть к послушанию щуняемы и ношно караулены: то потребно было бы не делать уже им веревочных оград, но строить грады каменные, болварки и рвы с контрашкарпами по нынешней моде.

Зело досадительны показались судьям толь сильныя улики, а того ради все голосами своими утвердили, вершить онаго соблазнительного человека попрежнему их приговор, и в основательное право опубликовать, чтоб впредь яко бунтовщик рода человеческого содержан был тот, кто дерзнет насвете /свет/ научать делам столь пакостным, понеже все исповедали, что не ради шерсти, не ради сыра, ни ради ягнят, которые от овец емлются, оная скотина человеком любя и дорога бывала, но за многую простоту и за бесконечную ея кротость; которая скотина невозможно чтоб во многом числе управляема от единого токмо пастыря, когда б она не была весьма обезоружена в рогах, в зубах, и в смысле, и что весь свет обратился бы в пожарище, ежели б покушен... делать простаков лукавцами, и вставлявлять глаза оным кротам, которых зело осмотреливо мать натура слепыми сотворила»¹.

То, что автор избрал Эзопов способ защиты наук, подтверждается и «Извещием 71-м» П Центурии, посвященным изобретателю «политических очков» – Тациту, а также многими другими повторяющимися сюжетами, например тем, где снова появляется княжество Московское – в «Политическом пробном камне». Великого

¹ Там же, лл. 233–235 об.

князя Московии здесь упрекают, что в его владениях царит невежество, на что он отвечает: распространение словесности превращает подданных-овец в волков. Эти слова вызывают возмущение литературного сообщества, и вспыхивает вооруженная ссора¹.

Подобных выпадов, надо думать, было достаточно, чтобы вызвать ненависть русского правительства к автору, сочинения которого, как писали «Библиографические записки» в переломном 1861 г., «дышали любовью к свободе и ненавистью к тирании². Поэтому понятно, что книги Боккалини, о которых Голицын отозвался, что «без указа их печатать не можно», были у него немедленно конфискованы (их было 3 или 4, в том числе не менее одного рукописного перевода)³. Какое сочинение хранилось в переводе, списанном у П. Толстого, и что это был за перевод, неясно. (Если речь идет о «Парнасских известиях», то это не мог быть перевод А. Васильева, сделанный в 1728 г., когда Толстой был уже в ссылке. Другой рукописный перевод XVIII века (не Васильева) хранится в СпБОИИ⁴.) Однако еще одно переводное сочинение Боккалини, как раз «Пробный камень», следователи пропустили, видимо, не распознав автора⁵, и оно вошло в последующие описи Голицынской библиотеки⁶.

Интерес к Макиавелли и связанным с ним сюжетам заметен в библиотеке Голицыных, одной из лучших в

¹ *Voccalini T. Pietra del paragone...* P. 123–124.

² *Забелин И.Е. Материалы...*, стб. 321, прим. ред. Ср.: *Корсаков Д.А. Суд...* С. 43, прим. 1.

³ *Забелин И.Е. Материалы...*, стб. 323–324.

⁴ Парнасские Ведомости, благородного и превосходительнейшего г/осподи/на Траяна Бакалина. Архив СпБОИИ, ф. 36, оп. 1 (Библиотека Воронцовых). Ср.: С. 343 и прим. 5.

⁵ Как справедливо отмечают Б.М. Клосс и В.И. Корецкий, О рукописях... С. 189.

⁶ ОР РНБ, Ф XV 22, Камень опыта политического, для чего бы неаполитанцы от гишпанцев чрезвычайно озлоблены и отягчены были. Ср. *Обстоятельное описание...*, I, № 345. Опись опубликована в работе: *Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И. К истории...* С. 240–253.

России. Насколько характерен он был для других современников и сподвижников Петра I?

Вслед за Д.М. Голицыным достоин внимания Петр Андреевич Толстой, «русский Макиавелли»¹. Впрочем, не существует никаких достоверных доказательств его знакомства с трудами флорентийца.

По словам русского историка, в рассказах современников «хитрый Петр Толстой – олицетворение тонкого ума и коварства, своего рода “театральный злодей” драмы Петровского царствования... всегда рисуется человеком умным и в высшей степени коварным, не останавливающимся даже перед убийством для достижения своих целей»². Петр якобы говорил о своем бывшем (до падения Софьи) противнике, что, имея с ним дело, нужно класть в карман камень, «чтобы выбить ему зубы, если вздумает укусить»³. В другой раз будто бы в веселой компании царь снял с Толстого парик «и колотя его по плещи говаривал: голова, голова, как бы не так умна ты была, давно б я отрубил тебя велел»⁴.

Толстой, как мы уже знаем, совершил путешествие в Италию и оставил дневник, куда заносил впечатления о ней, вроде следующего: «...ни от кого ни в чем никакого страху никто не имеет, всякий делает по своей воле, что хочет»⁵. Там он в совершенстве изучил язык и впоследствии по велению Петра переводил с итальянского «Метаморфозы» Овидия и «Историю управления империи

¹ Так его назвал Дж. Преццолини: Prezzolini G. Machiavelli anticristo. Roma, 1954, p. 428. Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 3, 4 и прим.10.

² *Павлов-Сильванский Н.П.* Очерки по русской истории XVIII–XIX вв. Граф П.А.Толстой (Прашур гр. Л. Толстого)// Соч. Т. II. Спб., 1910. С. 7.

³ *Попов Н.А.* Граф Петр Андреевич Толстой (1645–1729). Биографический очерк // Древняя и Новая Россия. Спб., 1875. № 3. С. 244.

⁴ Там же, а также: *Павлов-Сильванский Н.П.* Очерки... С. 8 и прим. 1.

⁵ Цит по: *Попов Н.А.* Граф Петр Андреевич Толстой... С. 228.

Оттоманской»¹. В царствование Екатерины I французский посол Кампредон называл его «умнейшей головой в России», а Татищев именовал Толстого и Меншикова «неистовыми временщиками»². Возникшая между двумя последними вражда привела бывшего однокашника Д.М. Голицына и предка великого русского писателя в Соловки, где он скончался в 1729 г. Итальянский историк Дж. Преццолини утверждает, однако, без каких бы то ни было ссылок, что Петр Толстой перевел на русский язык «Политические советы» Никколо Макиавелли, но от них «...не сыскать никаких следов в библиотеках»³. К сожалению, источник этого утверждения неизвестен (само название сочинения напоминает скорее о Каллимахе, нежели о Макиавелли), а других нитей, связывающих Макиавелли с Толстым, на деле и нет, если не считать признания Голицына о получении от Петра Андреевича перевода, правда, не Макиавелли, а Боккалини.

Коль мы упомянули А.Д. Меншикова (1673–1729), продолжим обзор библиотек сподвижников Петра, о книгах которых сохранились те или иные сведения, с него. Книжное собрание «полудержавного властелина» за рубежом называли крупнейшим в России, но пока известен лишь небольшой «Реестр посланным в Москву книгам, описанным в палатах Меншикова...» после ареста последнего⁴. Реестр насчитывает 177 названий, расшифрованных очень приблизительно; так, книга по публичному праву озаглавлена здесь «юс бубликом» (видно, записывали на слух). В списке встречаются политические трактаты, в частности, № 13: «Одна книга на

¹ Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела БАН / Под ред. М.Н. Мурзановой, Е.И. Бобровой и В.А. Петрова. Т. I. XVIII век. М.; Л., 1956. С. 105, прим.2.

² Попов Н.А. Граф Петр Андреевич Толстой... С. 241, 244.

³ Prezzolini G. Machiavelli... P. 428.

⁴ Арх. СП6ОИИ, ф. 226 (БАН), оп. I, д. 168; Саверкина И.В., Сомов В.А. Реестр книг А.Д. Меншикова // Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1988. С. 144–160.

листу называемая изучение о исправительстве государства на талианском языке создание Дара Инго»/?/¹. Только в одном издании есть упоминание Макиавелли, это № 31 «Одна книга в осмушку на французском языке о действиях послов и министров». По мнению публикаторов реестра, это сочинение Абрахама Викфора «Посол и его обязанности»², и по своей распространенности в русских библиотеках начала XVIII в. оно заслуживает особого внимания, тем более, что итальянский политик получил здесь решительно одобрительный отзыв. «Историю Флоренции» Викфор называет «совершенным (achevé) и почти неподражаемым произведением»³ и чуть ниже встает на защиту ее автора: «Кого-то, возможно, возмутят мои слова о том, что все сочинения Никола Макиавелли могут быть большим подспорьем для посла. Я не собираюсь защищать этого флорентийского политика и признаю, что у него есть места, не отличающиеся особым правоверием, но я полагаю также, что некоторые из них можно истолковать более благосклонно, чем это обыкновенно делают педанты. Надо полагать, что почти повсюду он говорит о том, что государи делают, а не о том, что они должны были бы делать, и сюда иной раз вмешиваются сентенции, которые выглядят несовместимыми с правилами христианского благочестия; но они нужны, чтобы показать, как ими пользуются тираны и узурпаторы в отличие от законных государей. Я полагаю, что посол должен обладать чувством чести и ясно осознавать разницу между добром и злом, что

¹ Там же. С. 153.

² Там же. С. 156.

³ /Wicquefort A. de/ L'Ambassadeur et ses fonctions. Par Monsieur de Wicquefort, conseiller aux Conseils d'Etat et Privé du Duc de Brunswic et Lüneburg Zelle etc. Dernière édition, augmentée des reflections sur les mémoires pour les ambassadeurs de la réponse à l'Auteur et du Discours historique de l'élection de l'Empereur et des Électeurs par le même Auteur. 1 Partie, À Cologne, chez Pierre Marteau, 1690. P. 81. (На деле книга вышла в Голландии.)

позволит ему разобраться в том, и в другом, дабы принять первое и отбросить второе»¹.

Книга Викфора не только часто встречалась в русских библиотеках, но и переводилась на русский язык. Автором перевода (нам известно только его начало, дальше, возможно, дело не пошло²) был первый русский доктор медицины, обучавшийся в Падуанском университете, Петр Васильевич Постников, который в 1702–1710 гг. был российским представителем при французском дворе и привозил на родину чужеземные книги³. Видный дипломат петровского времени Андрей Артамонович Матвеев (1666–1728) называл Постникова «ученым в языках»; свои познания тот приобрел еще, вероятно, обучаясь в Славяно-Греко-Латинской Академии⁴. В библиотеке самого Матвеева, восходящей к собранию его отца, Артамона Сергеевича (1625–1682), наряду с тем же

¹ Ibid. P. 83. Любопытное примечание к этим словам Викфора сделала шведская королева (в ту пору бывшая) Кристина на экземпляре «Государя» издания 1683 г. во французском переводе Амело де ля Уссэ (книга была обнаружена в XIX в.). «Викфор ошибается, – пишет она. – Макиавелли говорил не о том, что делают государи, и не о том, что они должны были бы делать, но он говорил о том, что хотели бы делать государи. Многие из них желали бы быть более связанными в своих поступках, ибо они не так стеснены, как он об этом думает». (Эту фразу можно понять так, что, по мнению Кристины, не все безнравственные поступки государей действительно вызываются необходимостью). «Vicquefort se trompe. Machiavel n'a dit ni ce qu'ils font, ny ce qu'ils devront faire, mais il dit ce qu'ils voudroit faire. Plusieurs prince on envi d'estre contrainsts qui le sont moins qu'il ne pense». Цит. no: *Villari P.* Machiavelli e il suo tempo. T. II. Firenze, 1881. P. 423.

² *Шмурло Е. П. В.* Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев. 1894. С. 164. Прил. 6. «Опыт переведенной бывшим в Париже дворянином Постниковым книги сочинения Викфора о послахе и о делах его». Архив МГАМИД. Сношения с Францией. Дело 1713 г., № 3. Перевод на 24 листах в 4^о сделан по изданию, указанному в прим. 132. Между прочим, в РГАДА хранится экземпляр этого издания с надписью: «Книга французская викфортова о посольстве и их должностях». Б-ка РГАДА, МГАМИД, № 18.

³ *Цветаев Дм.* Медики в Московской России и первый русский доктор. Варшава. 1896. С. 61–62; Библиограф. Спб., 1885. № 4. С. 76–77.

⁴ *Шмурло Е. П. В.* Постников... С. 34.

изданием Викфора мы встречаем немало авторов, так или иначе связанных с Макиавелли: Конринга, Липсия (Собрание сочинений), Фахардо, Фредро, Коховского, Бейля¹. Распространенность «Словаря» последнего в России следует подчеркнуть особо, так как Бейль довольно подробно и документированно рассуждает в нем о творческой биографии Макиавелли и о посмертной судьбе его сочинений, стараясь быть объективным. Любопытно, что Боккалини он критикует за апологию Макиавелли!²

Энциклопедия Бейля вместе с лексиконом Буддеуса имела в библиотеке барона Петра Павловича Шафирова (1669–1739), описанной еще при Петре I, в 1724 г., когда этот известный дипломат был сослан в Нижний Новгород³. В конфискационной описи присутствуют «Пробный камень» Боккалини и обзор его сочинений под названием «Политические весы кастеляна Боккалини» на итальянском языке, фон Бессель, Фахардо в немецком переводе, и самое главное, собрание сочинений Макиавелли 1680 г.⁴

По описям, сделанным в библиотеке Академии Наук, можно судить о собрании еще одного «птенца гнезда Петрова» – Якова Вилимовича Брюса (1670–1735), который по поручению царя занимался редактированием переводов с доступных ему языков: немецкого, английского, голландского, возможно, латыни⁵. Книги Брюса известны по нескольким описям, неоднократно обнаруженным. Преимущественно это сочинения по военному делу, а также по прикладным наукам: астрономии,

¹ Библиотека А.А.Матвеева (1666–1728). Каталог. М., 1985, № 322, 576–577, 849 и др. См. также: *Полонская И.М.* Реконструкция библиотеки А.А.Матвеева // Федоровские чтения за 1982 г. М., 1984.

² *Bayle P.* Dictionnaire Historique et critique. Vol. 3. Ed.4-ème. Amsterdam-Leide, 1730. Т. 3. Р. 247.

³ *Трофимова Н.С., Хотеев П.И.* Книги библиотеки Шафирова// Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1988. С. 161–168.

⁴ СПбО ААН, ф. 158, оп. 1, № 215, л. 6. Tutte le opere di N. Machiavelli, s. l., 1680.

⁵ *Луннов С.П.* О книгах Я.В. Брюса // Сборник статей и материалов БАН по книговедению. Вып. III. Л., 1973. С. 252.

географии, математике. «Политическая литература в библиотеке Брюса была немногочисленной, – отмечает С.П. Луппов, – однако среди этих книг имеется знаменитое произведение Макиавелли “Князь” (Амстердам, 1699)...»¹. В публикациях XIX в. о Брюсе упоминаний о «Государе» нет, как и в описании книг из библиотеки Брюса, сохранившихся в БАН до наших дней, составленном Е.А. Савельевой (около 800 томов)². Тем не менее мне удалось найти эту книгу, правда в РНБ³.

С.П. Луппов полагает, что Брюс не особенно интересовался политикой, «...поэтому, кроме «Князя» Макиавелли мы не находим у него других известных политических трактатов»⁴. Тем не менее в библиотеке знаменитого чернокнижника обнаруживается много уже знакомых нам сочинений. Был здесь словарь Бейля в английском переводе, книга Бесселя, голландское издание «Парнаских ведомостей» Боккалини, немецкий перевод Фахардо⁵, а также «Княжеских сил хитрость, переведенная с немецкого на русский язык»⁶, которая должна представлять собой не что иное, как упоминавшуюся по поводу библиотеки Петра I рукописную книгу фон Боде. Из авторов, достаточно расположенных к Макиавелли, отметим Фрэнсиса Бэкона, имевшегося у Брюса в трехтомном издании, и английский же перевод сочинения

¹ Там же. С. 269, а также: *Луппов С.П.* Книга в России в I четверти XVIII в. Л., 1973. С. 201.

² Библиотека Я.В. Брюса. Каталог / Состав. Е.А.Савельева. Л., 1989; *Забелин И.Г.* Библиотека и кабинет гр. Я.В. Брюса // *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Н. Тихонравовым. Т. I. М., 1859. С. 28–63; *Материалы для истории императорской Академии Наук.* СПб. 1889. Т. 5. С. 152–245. Очевидно, Макиавелли упоминается в неопубликованной части описей. См.: *Луппов С.П.* Книга в России в I четверти XVIII в. ... С. 201.

³ *Machiavelli N. Princeps.* Amstelodamiae. 1699. Полигр. X/xxi/7/138. Принадлежность к библиотеке Брюса устанавливается по экслибрису с гербом и девизом «Fuiimus». Ср.: Библиотека Я.В. Брюса... С. 4.

⁴ *Луппов С.П.* О книгах... С. 272.

⁵ Библиотека Я.В. Брюса... № 66, 76, 108, 591.

⁶ ЦГАДА. ф. 17. оп. 1, д. 10. № 452.

Габриэля Нодэ «Политические размышления» (Лондон, 1711)¹.

Передача книг Макиавелли в Академию Наук вместе с библиотеками Шафирова и Брюса свидетельствует о том, что никаких запретов на них в петровское время не существовало. Более того, труды Макиавелли наличествуют в БАН с самых первых лет ее основания. В алфавитном каталоге конца 20-х гг. перечислены 6 изданий: «Политические рассуждения», 1625 г.; «Рассуждения об истории Ливия» 1620 г., «История Флоренции» 1645 г., «Государь» 1580 г., «О республике» (т.е. «Рассуждения») 1608 г. и 1643 гг.². В 1718 г. вместе с книгами медика Питкерна, кроме упомянутого тома «Рассуждений» 1620 г. поступило лондонское издание сочинений Макиавелли 1675 г.³. Из библиотеки герцога Курляндского были получены «Тестина» 1550 г. и «О военном искусстве» 1623 г. (экземпляры этих изданий имеются в ОРК БАН)⁴. Кроме того, в библиотеке были сочинения Бейля, Бодена, Боккалини, Фредро, Фахардо, Фелвингера, Викфора (из книг А.Виниуса) и другие политические трактаты.

Не менее примечательным фактом следует считать присутствие книг и рукописей, связанных с Макиавелли, в библиотеках церковных иерархов, принадлежавших, как и прежде, к богатейшим книжным собраниям своего времени. Церковные деятели эпохи Петра, распростившиеся с былой монополией на образованность, принимали живое участие в реформах и были людьми не

¹ Там же. № 56, 483.

² СПбО ААН. ф.158. оп. 1. № 3. *Machiavelli*. Discursus politici, 1625; Discursus ad historiam Livii, Marpurgii, 1620; *Historiae Florentinae*. Lugduni Batavorum, 1645; *Princeps*. Basileae. 1580; *De re publica*. Lugduni Batavorum. 1608 et 1643.

³ СПбО ААН. ф.158. оп. 1. № 123. *Catalogus Bibliothecae Pitarnii, receptae anno 1718. No 8. Machiavelli. Works. L., 1675* (The works of the famous Nicolas Machiavel Citizen & Secretary of Florence).

⁴ СПбО ААН. ф.158. оп.1. № 210. *Ex Bibliotheca Ducis Curlandiae. f. 22 v. N. Machiavelli. Opera omnia. 1550; f. 23. N. Machiavelli. Kriegskunst. Mumpelgart. 1623.*

менее разносторонними, чем светские соратники царя. В большинстве своем они, продолжая традицию XVII в., были выходцами с Запада, воспитанниками Киево-Могилянской Академии; таким образом, их подготовка, сочетавшая чужеземную эрудицию с православием, наиболее соответствовала целям преобразователя и задачам просветительской деятельности на Руси. Не случайно на их долю выпала основная часть переводческой работы, увенчавшейся, как мы отчасти могли судить, в первое время довольно скромными успехами. Никто, наверное, не оказывался тогда в таком клубке противоречий, как эти «новые люди» петровского царствования, которые оторвались от привычной обстановки и должны были погрузиться в достаточно далекие от чисто духовных интересы. Впрочем, гибкость, приобретенная в характерной для украинско-белорусско-польской среды религиозной полемике, могла очень пригодиться в Великороссии, тем более, что и здесь, наряду с прочим, требовалось защитить православие от протестантских и католических веяний, проникавших вместе с западными науками и ремеслами.

Вполне естественным образом религиозные споры смешались с политическими, и часть иерархов, безоговорочно отстаивавшая верховенство самодержавной власти, получила поддержку протестантских богословов, а другая, более консервативная, считалась «латинствующей». Главой и столпом последней партии был автор антипротестантского «Камня веры», митрополит, а затем местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский (1658–1722)¹. В молодости он прошел через униатство и иезуитскую коллегия в Вильне, затем учил в Киеве, возглавлял Славяно-Греко-Латинскую Академию в Москве, куда прибыл в 1700 г. Известен каталог библиотеки Яворского (завещанной основанному им Нежинскому монастырю, а затем перешедшей в

¹ См.: *Захара И.С.* Борьба идей в философской мысли на Украине на рубеже XVII–XVIII вв. (Стефан Яворский). Киев., 1982.

Харьковскую духовную семинарию), который был составлен в августе 1721 г. Надо отметить, что в эту библиотеку могли попасть книги другого западника, Палладия Роговского, вывезенные из Италии¹. В каталоге привлекают внимание книги Липсия, Ботеро, Тита Ливия, Никиты Хониата (у последнего встречается «премакиавеллистическое» сравнение государя со львом и лисицей, восходящее к античности)². Наиболее интригует здесь позиция: «Макиавелли Следует ли восставать против тиранов?» (*Utrum licet tyrannis rebellare?*)³. К сожалению, за неимением текста трудно судить, что представляет собой это, по всей видимости, рукописное сочинение⁴.

Сходный со Стефаном Яворским путь проделал Феофилакт Лопатинский (ок. 1680–1741), издатель «Камня веры» (1728). Он обучался не только в Киеве и Львове, но и в Риме, в 1706–1722 гг. был ректором московской Академии, а в 1725 г. стал вице-президентом Синода (первым президентом которого был Яворский в 1721–1722 гг.)⁵. Лопатинский занимался переводческой деятельностью под непосредственным руководством Петра, а в последующие царствования пострадал за свое активное участие в духовной полемике. В 1735 г. он был лишен монашеского чина и пробыл в заключении до конца 1740 г.; его библиотека, насчитывавшая около 1,5 тыс. книг, была конфискована⁶. В описи присутствует одно

¹ *Маслов С.И.* Библиотека Стефана Яворского. Киев., 1914. С. 23.

² *Малярчик Я.* Политическое учение Никколо Макиавелли. Кандидатская диссертация. Л., 1958. С. 359.

³ *Маслов С.И.* Библиотека... С. 35. № 602.

⁴ Остатки библиотеки С. Яворского обнаружены в научных учреждениях Харькова. См.: *Луцкая Ф.И., Мазманьянц В.К.* Судьба библиотеки Стефана Яворского // Книга. Исследования и материалы. Сб. 70. М., 1995. С. 194–199.

⁵ *Лавровский А.Н.* Феофилакт Лопатинский и его библиотека // Ученые Записки Калининского гос. пед. ин-та им. М.И. Калинина. Т. 15. Вып. 1. Ф-т языка и литературы. Калинин, 1947. С. 197–210; Он же. Библиотека Феофилакта Лопатинского // Труды БАН и ФБОН АН СССР. Т. IV. М., 1961. С. 157–166.

⁶ Он же. Феофилакт... С. 201.

название «Маккиавели», эта книга вместе с библиотекой по завещанию владельца попала впоследствии в Тверскую Духовную семинарию, оттуда в пединститут, и наконец, была передана в БАН в Ленинграде, где и хранится в ОРК. Речь идет о венецианском издании «Истории Флоренции» 1550 г. Надо думать, к Лопатинскому оно поступило довольно поздно, так как на титульном листе имеется запись некоего брата Дмитрия Андреевича (?), пожертвовавшего книгу в монастырь Св. Антония Чудотворца 30 июня 1721 г. Есть здесь также пометка предыдущего, вероятно, хозяина, «Камило Санта-Крус, 19 августа (16?) 36», и маргиналии на полях, среди которых отсылки к «Истории» Джованни Виллани¹.

Еще одним сподвижником Яворского был Феодосий Яновский (ок. 1673–1726), занимавший при нем пост вице-президента Синода. Яновский обучался в Москве, достиг титула архиепископа Новгородского, бывал за границей; по смерти Петра I подвергся аресту за брань². Книги его были описаны в Тайной канцелярии (более 400), здесь поименованы труды Гвиччардини, Патрици, а также два названия Макиавелли: «№ 71. Макиавелла институции воинския, на французском, в 4^о» и «№ 114 Николая Макиавеллия Истории флорентийския»³.

Ближе к противоположному лагерю стоял уже упоминавшийся Гавриил Бужинский (ум. в 1731 г.), еще один из петровских переводчиков, выпускник Киевской Академии и преподаватель Московской, с 1719 г. иеромонах российского флота⁴, впоследствии епископ Рязанский и Муромский. Свои книги, числом 356,

¹ Там же. С. 207. ОРК БАН, Феод. Лопатинский, 1732-л.

² *Лунтов С.П.* Книга в России в I четв. XVIII в... С. 255; Подлинное дело Новгородского архиепископа Феодосия // Русский Архив. 1864. № 2. стб. 121–172.

³ *Петров П.Н.* Библиотеки в старину. Собрание книг архиепископа Новгородского, первого вице-президента Св. Синода Феодосия (Яновского) // Российская библиография. Спб., 1880. № 55(3). Хроника. С. 97, 99, 100, 102.

⁴ *Лунтов С.П.* Книга в России в 1 четв. XVIII в... С. 260.

наполовину светские и большей частью иностранные, Бужинский завещал Славяно-Греко-Латинской Академии, чья библиотека был очень скудной. В описях наличествует «Николая Макиавелли флорентина князь и на него некоторые сочинения... в четвертку»¹. Заслуживает внимания также «Царей и князей наставление, безъизвестнаго автора»².

Завершим наш экскурс в книжные хранилища церковных иерархов петровского времени обращением к самой, вероятно, яркой и знаменитой личности из этого ряда, Феофану Прокоповичу (1681–1736). Прокопович, помимо всего прочего, был политическим теоретиком, отстаивавшим неограниченный суверенитет монархической власти, почему в нем и видели продолжателя идей Пересветова и Крижанича³. В политической борьбе Прокопович, по словам Г.В. Плеханова, обладавший «лисьим хвостом и волчьими зубами», был ярким противником олигархии и верховников, Меншикова он называл «величайшим негодяем из всех двуногих» (*omnium bipedum nequissimus*)⁴. Многие положения Прокопович черпал из сочинений Пуффендорфа и других протестантских мыслителей⁵, но круг его чтения был гораздо более разнообразным, и как отмечали неоднократно, в него входил и Макиавелли, по

¹ Описание документов и дел Архива Синода. Т. II. Спб., 1903, стб. 838, 848; *Луппов С. П.* Книга в России в I четв. XVIII в... С. 260; ср.: *Морозов А.А.* Михаил Васильевич Ломоносов. 1711–1765. Л., 1952. С. 152, 153.

² Описание документов..., стб. 832.

³ *Гурвич Г.Д.* «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915. С. 83; *Нічик В.М.* Суспільно-політичні погляди Феофана Прокоповича // *Прокопович Ф.* Філософські твори. Т.1. Кшв, 1979. С. 88.

⁴ *Морозов П.* Феофан Прокопович как писатель. Очерки из истории русской литературы в эпоху преобразования. Спб., 1880. С. 328; *Мавродин В.В.* Классовая борьба и общественная мысль в России в XVIII в. // *Рождение новой России.* Л., 1988. С. 330–331.

⁵ *Гурвич Г.Д.* «Правда воли монаршей» ... С. 109–110.

крайней мере, судя по составу библиотеки¹. Собрание Прокоповича, насчитывавшее более 3 тыс. книг (в свое время ошибочно называли 30 тысяч)², долго хранилось в Новгородской семинарии, затем часть его попала в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина³. Опись библиотеки была опубликована; в последний раз не так давно, в Приложении к «Собранию философских сочинений» Прокоповича в трех томах, хотя не полностью, и с неточностями⁴. Мы находим здесь труды Жана Бодена, Джованни Ботеро, Конринга, Липсия (6 экземпляров «Политики»). Обращает на себя внимание № 385: «Книга о ведомостях Парнасских (письменная) Комедияльная дела. Спб., 17... На итальянском и славянском языках», попавшая в раздел «Поэтика». Это, очевидно, перевод известного нам сочинения Траяно Боккалини.

Здесь отмечено два издания Макиавелли: «Рассуждения» 1599 г., Монбельяр, и страсбургская публикация «Государя» 1630 г.⁵ Судя по указанному в описи количеству страниц, в этих книгах имелись приплеты других сочинений. К названным двум изданиям следует прибавить третье: «Государь», в переводе Сильвестра Теллия Фульгината. Урсель, Сулер, 1600, которое в перечне приписывается Поссевиному; очевидно, книга была описана по приpletу Поссевинова трактата, публиковавшегося вместе с «Государем» и другими

¹ Ничик Валерия Мих. Феофан Прокопович. М., 1977. С. 221; см. также Venturi F. Feofan Procopovic. Cagliari, 1953; Id. J. Malarczyk... P. 396.

² Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского... С. 65.

³ Библиотека Феодана Прокоповича (Витяг з опису) / Підготував М.Д. Рогович // Прокопович Ф. Філософські твори в трьох томах. Т. 3. Київ, 1981. Додатки. С. 374. С собранием Прокоповича в РНБ могла попасть и предполагаемая рукопись из библиотеки Петра.

⁴ Библиотека Феодана Прокоповича... С. 373–450.

⁵ Там же. С. 415. «Machiavelli Niccola. Disputationum de republica quas discursus nuncupavit libri tres. Mompelgarti, apud I.Foilletum. 1599, 631, 326 p., 8°; Machiavellus Nicolaus Florentini. Commentarius de regno aut quovis principatu. Argentorati, apud Zetznerum, 1630, 713 p., 8°».

полемиическими сочинениями¹. Таким образом, собрание Прокоповича по макиавеллистике занимает второе место после библиотеки его политического противника князя Голицына, если не считать академической.

С Прокоповичем мы перешли к более молодому поколению сподвижников Петра I, входивших в так называемую «ученую дружину»; среди них мы остановимся на поэте А. Кантемире и историке В.Н. Татищеве. Но сперва стоит упомянуть о наличии Макиавелли в библиотеке еще одного представителя этого поколения, прадеда А.С. Пушкина, Абрама Петровича Ганнибала (1697–1781). Книги Ган-нибала были конфискованы и описаны, когда он попал в опалу, в 1730 г., и возвращены владельцу только в 1742 г.². В «политическом» разделе описи под № 75 числится «Государь» Макиавелли на французском языке 1714 г. издания³.

Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744) с детства получил возможность приобщиться к итальянской культуре⁴. Его отец, Дмитрий Константинович (1673–1723) в совершенстве знал итальянский и другие языки, был автором сочинений на исторические, политические, духовные темы, причем по своим взглядам был ближе к консервативной партии, нежели к Прокоповичу и другим реформаторам⁵.

¹ Там же. С. 416. «Possevinus, «Princeps» ex Sylvestri Telli Fulginatis traductione. Ursellis, apud Sulerium, 1600, 264, 281 p. 8°. Ср. также о Прокоповиче выше. С. 330, 331.

² *Луннов С.П.* Книга в России в I четверти XVIII в... С. 238; /Ганнибал Анна Сем./ Ганнибалы. Новые данные для их биографий. Спб, 1913// Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. 17–18. С. 231–234; *Фейнберг И.Л.* А.П. Ганнибал, прадед Пушкина. Разыскания и материалы. М., 1983.

³ Ганнибалы... С. 233; *Фейнберг И.Л.* А.П. Ганнибал... С. 16, 107–108.

⁴ *Пумпянский Л.В.* Очерки по литературе 1 половины XVIII в. 1. Кантемир и итальянская литература // XVIII век. Сб. статей и материалов. Вып. 1. М.; Л., 1935. С. 83–132.

⁵ Там же. С. 83–84; *Бабий А.И.* Дмитрий Кантемир. М., 1984. С. 106.

Антиох, в свою бытность послом России в Париже, общался со многими известными итальянцами – певцами, литераторами, политиками; в том числе с графом Альгаротти; был он знаком также и с Монтескье¹. По долгу службы князю Антиоху приходилось принимать участие в делах деликатного, а то и сомнительного свойства²; несмотря на это, а может быть, и вследствие этого, его биографы, начиная с первого, считали своим долгом подчеркнуть размежевание Кантемира с «макиавеллизмом». Политические интриги, пишет В.В. Стоюнин, вызывали досаду у молодого князя: «Собственная политика русского посла, замечает его французский биограф и приятель³, вытекала больше из философии священного писания и интересов человечества, чем из книг Макиавеля и придворных хитростей»⁴. «Князь Антиох был настолько проникнут учением Евангелия – вторит другой автор, что руководствовался им не только в повседневной жизни, но даже и в политических делах и отношениях, причем был противником Макиавелли и его последователей»⁵. Во избежание недоразумений отметим, что Кантемир не разделял клерикальных взглядов, ему были близки идеи Просвещения, как можно судить, например, по приведенному здесь же отзыву его о монашестве – «гнустный/так/ чин»⁶. В числе итальянских

¹ *Nandriş G.* L'influence italienne sur Antioch Cantemir // *Annali dell'Istituto Universitario Orientale. Sez. slava.* V–VI. Napoli, 1963. P. 17–39; Grasshoff H. *Antioch Dmitrievich Kantemir und Westeuropa.* Berlin, 1966.

² См.: *Стоюнин В.В.* Князь Антиох Кантемир в Париже // *Вестник Европы.* Спб/, 1880. Ч. 1–III. С. 577–620.

³ Более поздние исследователи установили, что первым биографом Кантемира был не француз, а итальянец, аббат Гваско, см.: *Майков Л.Н.* Материалы для биографии кн. А. Кантемира. С введ. и прим. проф. В.Н. Александренко (Сб. ОРЯС ПАН, Т. 73). Спб., 1903. С. IX, X, прим. 3.

⁴ *Стоюнин В.В.* Князь Антиох Кантемир... С. 620.

⁵ *Шимко И.* Новые данные к биографии князя Антиоха Дмитриевича Кантемира и его ближайших родственников // *ЖМНП, Спб., 1891. № 4.* С. 395.

⁶ Там же. С. 400.

книг, посланных Антиохом своей сестре Марии, были «Парнаские известия» Боккалини¹.

Один любопытный штрих из переписки с сестрой показывает, что отвращение к «макиавеллизму», по крайней мере, в его распространенном понимании, у Кантемира не было фантазией биографа. Мария (она, кстати, подолгу жила в семье брата Константина, женатого на дочери Д.М. Голицына, а судебное дело Константина против мачехи Кантемиров и послужило поводом для упоминавшегося выше ареста последнего и суда над ним) пересылала Антиоху свои письма поначалу через чиновника коллегии иностранных дел И.П. Суду (де ля Суда), связанного с семьей. Письма, как выяснилось через некоторое время, вскрывались, а то и пропадали, и Мария заподозрила Суду в неблагодарности и в злоупотреблении доверием. В письме к брату она называет его «макиавеллистом», так как слухи обвиняют его в том, что он передает чужие письма, чтобы снискать благоволение нужных людей². Прелесть этой детали заключается в том, что Суда, «способный согладатой Волинского»³, был осужден вместе с последним в 1739 г., в том числе и за чтение Макиавелли!

Как бы то ни было, в парижской библиотеке Кантемира наличествует издание «Князя» во французском переводе и с комментариями А. де ла Уссэ⁴. Непосредственное отношение к Макиавелли имела и составленная Ремиджо Наннини антология «Военные речи», в которой публиковались отрывки из «Истории» великого флорентийца⁵. Здесь присутствуют и другие труды по истории Флоренции: труды Дж. Виллани, Р. Малеспини. Отметим еще

¹ Там же. С. 374–375.

² Там же. С. 370–371.

³ *Корсаков Д.А.* А.П. Волинский и его «конфиденты» // Древняя и Новая Россия. СПб., 1877. № 7. С. 222.

⁴ *Александренко В.Н.* К биографии князя Кантемира // Варшавские университетские известия. Варшава, 1896. Вып. II. С. 18, № 79 «Le Prince de Machiavel traduit et commenté par A. de la Houssaye à Amsterdam, 1684. in 12°».

⁵ *Bertelli S., Innocenti P.* Bibliografia machiavelliana... P. LIV.

сочинения Викфора, Боккалини¹. Если, забегая вперед, обобщить некоторые из сделанных наблюдений, можно заметить, что крупнейшие вельможи петровского и послепетровского времени были читателями, а то и почитателями Макиавелли, как верховники Толстой и Голицын, другие сподвижники Петра старшего поколения, церковные иерархи. Эти люди, которые по крайней мере редко используют политические обвинения в «макиавеллизме» (можно привести только аллегории Туробойского), стали одновременно и сторонниками ограничения самодержавной власти, поборниками «вольности», пусть в аристократическом понимании, как позже и Вольтер.

Выпады против Макиавелли, стремление отгородиться от него мы находим у их политических противников: Кантемира, Татищева, может быть, Прокоповича (который, имея книги флорентинца, нигде не упоминает их, зато переводит антимаккиавеллиста Фахардо) – сторонников абсолютной монархии. Парадокс в том, что эти же люди были провозвестниками Просвещения в России, а Татищев, как в свое время Макиавелли, подвергался упрекам в атеизме. Впрочем, Вольтер тоже помогал Фридриху II писать «Антимаккиавелли» и примерно в те же годы (1739–1740). Конечно, проводимое выше противопоставление очень условно, ведь Кантемира и Татищева считали близкими к кружку Вольтерского².

Если во времена Грозного и Поссевина Макиавелли воспринимался в политической публицистике как писатель, хорошо ли, худо ли оправдывающий действия неограниченного правителя; то в России XVIII в. им интересуются, напротив, люди, стремившиеся ограничить самодержавие: Голицын, кружок Вольтерского; монархисты же открещиваются от подозрительного автора. Дело в том, что Макиавелли стал уже политическим пугалом и своего

¹ *Александренко В.Н.* К биографии... С. 18. № 172, 599.

² *Мавродин В.В.* Классовая борьба... С. 341; *Нічик В.М.* Суспільно-політичні погляди... С. 83.

рода зеркалом, в котором никто не хотел увидеть собственное отражение. Русское самодержавие, от Петра претендовавшее на цивилизаторскую роль, тем более ревниво должно было относиться к любым сближениям с флорентийским циником, и его теоретики не собирались ничему у него учиться.

К числу этих теоретиков следует отнести Василия Никитича Татищева (1686–1750), знаменитого историка, в своей «Духовной» писавшего: «С хвалящими вольности других государств и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуйся, понеже оное государству крайнюю беду нанести может...»¹. Нет сомнения, что у Татищева было немало возможностей познакомиться с сочинениями Макиавелли хотя бы в переводе (он знал немецкий и польский языки², в меньшей степени – латынь и другие)³. В дошедших до нас описаниях татищевских библиотек Макиавелли нет, но есть фундаментальные издания словарей на немецком языке: Иохера, Хюбнера, Бейля и другие, откуда можно было почерпнуть довольно подробные сведения о флорентийском мыслителе⁴. Кроме того, Татищев пользовался библиотекой своего начальника Якова Брюса и голицынской библиотекой, в которой хранились и переводы⁵.

Однако упоминания Макиавелли в сочинениях Татищева совершенно поверхностные и подчеркнута

¹ Цит по: *Морозов П.* Феофан Прокопович... С. 367, прим. 1.

² См.: *Пекарский П.П.* Новые известия о В.Н. Татищеве // Записки Академии Наук. Приложения к т. IV. Спб., 1864. № 4. С. 3.

³ *Попов Н.А.* В.Н.Татищев... С. 93; *Савельева Е.А.* Переводные исторические труды в России // Рукописная и печатная книга в России. Проблемы создания и распространения. Л., 1988. С. 123. О библиотеке Татищева см.: *Астраханский В.С.* Каталог Екатеринбургской библиотеки В.Н.Татищева 1737 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1980 г. Л., 1981. С. 12–37.

⁴ *Пекарский П.П.* Новые известия... С. 56–63. Татищев сам собирался издать энциклопедический словарь в подражание Морери, но довел работу лишь до буквы «К». *Бестужев-Рюмин К.* Биографии и характеристики. Спб., 1882. С. 150, прим.1.

⁵ См.: *Попов Н.А.* В.Н. Татищев... С. 93.

негативные. Он сокрушается о том, что на русском языке нет полезных трактатов по политической философии, подобных переводу из Пуффендорфа «О человеке и гражданине», «...противно тому письменных, но непотребных, со излишком, яко Махиавеллиева о Князе, Гобезиева Левиатан, Лок правление гражданское, Бакколинова и тому подобные более вредительные, нежели полезные находятся, из чего у неразумных странная с мудростию и пользою государства несогласные рассуждения произносятся, а некоторые с великим их собственным и государства вредом непристойное дерзнули, для того я о сем сверх моей исторической должности, кратко вспомянуть запотребно рассудил»¹. Здесь прочитывается явный намек на голицынский библиотеку (и вероятно, на осуждение Голицына), где содержались все названные сочинения, притом упоминание «Князя» служит косвенным подтверждением действительного наличия такого рукописного перевода в библиотеке Д.М. Голицына.

Несогласие Татищева с Макиавелли и другими, по М.А. Алпатову, вытекало из его географической теории (например, «В России демократия невозможна, по обширности страны»²). «Идея “Государя” Макиавелли с культом единой диктатуры и неразборчивостью в средствах... не укладывалась в схему Татищева, по канонам которой для Италии, как страны, защищенной морем и горами, в качестве лучшей формы правления полагалась аристократия»³. Если развить это предположение М.А. Алпатова, культ диктатуры с неразборчивостью в средствах (по традиции приписываемый им Макиавелли) Татищев должен был бы рекомендовать России. Но как пишет советский историк, первый русский историограф исходил в своей теории из понятия естественного права и

¹ *Татищев В.Н.* История Российская: в 7 т. Т. 1. М.; Л., 1962. Ч. 1. Гл.45. С. 359.

² *Бестужев-Рюмин К.* О записке Татищева 1730 г. // Утро. М., 1858. С. 66.

³ *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – I четв. XVIII в.)... С. 405.

учения Аристотеля-Полибия о желательном смешении разных (трех) государственных форм¹. Самое любопытное, что именно Макиавелли – в «Рассуждениях» – выступает провозвестником таких теорий в Новое время! Правда, Татищеву, по всей вероятности, эта книга и этот факт остались неизвестными.

Свод правил Макиавелли Татищев поминает как руководство по лицемерию и притворству в политике при характеристике Василия Шуйского («Указы Судебнику в дополнение»): «Французский историк Туанус поставляет его в коварствах Кромвелю другим также превосходнейшим, и что правила Макиавеллевы никто более, как в действе изъявил. Монах Иосиф говорит, что он тому, котораго погубить намерялся, наиболее ласкал и за великаго приятеля почитал, а погубя, со слезами лицемерно сожалел и тяжкою клятвою свою невинность утверждал. Таковых мне не-сколько случилось знать в наши времена, яко Ив. Милославский, Петр Толстой и Остерман, весьма хитро свое коварство закрывать и погубление на других отводить умеющих»². Как видим, легенда о макиавеллизме Толстого восходит еще к Татищеву, хотя Макиавелли здесь упомянут с чужих слов.

В других местах слово «макиавеллист» употреблено Татищевым для обозначения политика, желающего держать народ в темноте. Осуждая священников, сводящих нравственное образование крестьян к выполнению обрядов, Татищев сравнивает их с помещиком, окруженным невеждами: «На онаго макиавелиста кратче скажу: если бы ему по его состоянию всех служителей, лакеев, конюхов, поваров и дровосеков – всех определили дураков... (никакого порядка не было бы); я же рад рад и крестьян иметь умных и ученых»³. В диалоге «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ» на вопрос: «Люди, в гражданстве искусные, толкуют, народ чем

¹ Там же. Ср.: Татищев В.Н. История... Т. 1. С. 360–362.

² Татищев В.Н. История... Т. VII. М.; Л., 1968. С. 385.

³ Цит по: Бестужев-Рюмин К. О записке... С. 119.

проще, тем покорнее...» Татищев отвечает: «...вы то слышали... от неразумного или мохиавелическими /вариант: мохиавелеучительскими/ плевелы насеенного сердца произнесенное»¹. Как мы помним. Макиавелли придерживался как раз противоположной точки зрения, и у Боккалини даже противостоит в этом смысле российскому деспотизму. Это заставляет усомниться в каком бы то ни было непосредственном знакомстве Татищева с трудами Макиавелли.

Завершает петровскую героическую эпоху один из ярких эпизодов русской макиавеллианы, связанный с так называемым «делом Волынского и его конфиденентов». Артемий Петрович Волынский (1689–1740) начал свою карьеру с низших чинов при Петре, а к концу царствования Анны Иоанновны достиг поста кабинет-министра, т.е. одного из трех важнейших в государстве лиц. Причиной падения Волынского, затронувшего и кружок его единомышленников, была не столько враждебность «немцев»², как часто полагали, сколько чрезмерная самонадеянность Артемия Петровича, в пылу придворных интриг столкнувшаяся с самолюбием не только его соперников, но и императрицы.

Судьба Волынского поразительно напоминает, часто даже в деталях, судьбу Ивана Пересветова, хотя чем кончил последний, дерзнувший наставлять Ивана Грозного, мы так и не знаем. (Кстати, Волынский, как сообщил на допросе его «подельник» Еропкин, называл Грозного тираном³.) Зато до нас дошли сочинения Пересветова, чего нельзя сказать о Волынском. Последний,

¹ *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 83. Алексей Ник. Веселовский утверждает, что Татищев познакомился с сочинениями Макиавелли, будучи за границей: *Веселовский А.Н.* Западное влияние в новой русской литературе. М., 1916 (5-е изд.). С. 45.

² Это отмечает *Черникова Т.В.* «Политические процессы...» С. 13–14.

³ *Корсаков Д.А.* А.П. Волынский... С. 230; *Гоме Ю.В.* Проект о поправлении государственных дел Артемия Волынского // Дела и дни. Кн. 3. Петроград, 1922. С. 26; Записка об Артемии Волынском // ЧОИДР. М., 1858. Смесь. С. 151.

как и его далекий предшественник к Пересвету, возводил свой род к одному из героев Куликовской битвы, Боброку Волянцу, о чем велел сделать соответствующую надпись на сабле, происходящей с Куликова поля¹. Задуманные преобразователем планы известны нам только в самых общих чертах; в «Генеральном проекте о поправлении внутренних и государственных дел» для России предусматривалась, предположительно, монархия, ограниченная представительством высшего дворянства². Во всяком случае, Волянский может считаться одним из первых деятелей российской истории, задумавших переиначить «систему»: «Ой, система, система!» жаловался он своему дворецкому, Василию Кубанцу, одному из главных доносителей, выложившему впоследствии это на допросах³.

С достоверностью можно судить о реакции верховной власти на затеи министра, который гордился, что во всем поступает открыто, «а не скрытно и тайно, как поступал, например, князь Дмитрий Михайлович Голицын»⁴. Недовольство императрицы вызвало письмо Волянского «о притворствах и вымыслах» (просится параллель с латинским *simulare et dissimulare*), направленное против его главного врага и в дальнейшем губителя, А.И. Остермана. Здесь Артемий Петрович объясняет, что «закрытая бессовестная политика» состоит в том, чтобы дискредитировать честных людей и отбивать у них охоту служить; вселять в государей подозрения, раздувать мелкие дела, пугая, «и ничего прямо не изъяснять, но все закрытыми и темными терминами выговаривать и персону свою печальными или ужасными минами показывать...», а затем «себя к разрешению дела предлагать», устраняя соперников. «Вымыслы оных господ политиков, или просто назвать обманщиков» – втереться в доверие к государю, которого можно обмануть, «како бы он премудр

¹ РГАДА, ф. 6, д. 201, л. 211; Записка об Артемии Волянском... С. 152.

² Готье Ю.В. Проект... С. 1–12.

³ Записка об Артемии Волянском... С. 152.

⁴ Корсаков Д.А. А.П. Волянский... С. 222.

ни был» и стать незаменимым, чтобы прочие не могли высказать «и сущей правды»¹. В заключение Волынский предлагает считать за плута того, кто станет проводить «сию богомерзкую политику» «такими дьявольскими каналами», даже если это будет он сам. Все это чуть не дословно напоминает приведенные нами выше «макиавеллические» советы в изображении Крижанича. Изобличаемых Волынским «политиков» так и хочется назвать «макиавеллистами», почему же он этого не сделал? Как бы то ни было, это сделала Анна, побранившая автора письма за то, что он читает ей наставления, словно малолетней, и сказавшая князю Черкасскому: «Волынский знатно взял то из книги Макиавелевой...»². Макиавелли, как мы помним, уже фигурировал в одном политическом деле за три года до этого.

На знакомство Волынского с трудами Макиавелли обращали внимание многие историки³. Было ли оно близким, вызвали ли эти труды сочувствие или осуждение, но уже сам факт был обращен против Волынского, как и чтение Липсия и Боккалини. Был ли действительно Макиавелли доступен русскому сановнику?

В оригинале Волынский иностранные книги как будто бы не читал, хотя некоторые исследователи отмечают, что он изучал языки⁴. Это подтверждается встречающимися в его рукописях латинизмами: «фебра малигна», «изо рта смотрит», «суспиция». В библиотеке Волынского из более 500 названий около половины иностранных, включая

¹ РГАДА, ф. 6, д. 195, лл. 8-10 об.

² Корсаков Д.А. А.П. Волынский... С. 226.

³ Там же. С. 101; *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 5; *Venturi F.* Jan Malarszyk... P. 395. Это нашло отражение и в романах, посвященных заговору Волынского, например: *Пикуль В.* Слово и дело. Роман-хроника времен Анны Иоанновны. Л., 1974–1975, кн. 1, 2; *Томиллин-Бразоль А.* Жизнь и судьба Федора Соймонова. Роман-эссе. Л., 1991.

⁴ *Турбин С.И.* Артемий Петрович Волынский // Русская Старина. СПб., 1872, Т. 5. С. 934; *Луттов С.П.* Книга в России в послепетровское время... С. 176; *Хотеев П.И.* Иностранные книги в библиотеках участников кружка Волынского // Книжное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник научных трудов. Л., 1980. С. 69.

учебники, в том числе 6 итальянских и 49 латинских¹. Интересующих нас книг нет; впрочем, по предположению С.П. Луппова, они могли быть изъяты во время следствия. Некоторые описаны неопределенно как «трактаты на латинском», «Рассуждение о царствах», «Истинная политика» и пр.

Несколько более подробные сведения дают материалы следственного дела, из которых мы узнаем, что Волынский пытался скрыть наличие у него злосчастного рукописного перевода «Государя». 8 мая 1740 г. ему был задан такой вопрос: «При допросе своем во учрежденной комиссии объявлял ты, что будто бы Махевелевой книги никогда ты не читал и не писал, а в писмах твоих не токмо она, но и многие другие той книге подобные сысканы, скажи, имянно какого умысла ты то таил?»² Ответ записан таким образом: «Книгу Николая Махивелея взял он Волынской себе из бывшего вышняго суда, ис книг князь Дмитрия Голицына для любопытства своего, желая ведать, что в той книге написано, но толко оной книги он Волынской читать времени не изличил, и никогда той книги не читывал, в чем шлетца он на человека своего Василия Кубанца, а при допросе в оучрежденной комиссии объявлял он Волынской, что будто бы оной книги никогда он не видал, и у себя не имеет, и то он Волынской говорил, что о той книге не памяти у него Волынскаго вышло, понеже по взятье оной книги ничего в ней он не читал. Да он же Волынской из онаго бывшего вышняго суда ис книг же Дмитрия Голицына взял себе книгу Бакалиниеву под именем Ведомостей Парнаасских, для чтения и списывания себе, скоторой себе и списал, а взятую отдал оной Волынской в кабинет секретарю Андрею Яковлеву. А означенные книги Махивелеву и Бакалиниеву взял он Волынской с собою, а кроме оных двух других никаких книг ис книг

¹ Луппов С.П. О библиотеке Артемия Волынского// Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Архитектура. Ежегодник за 1978 г. Л., 1979. С. 121; *Он же*. Книга в России в послепетровское время... С. 171–180.

² РГАДА, ф. 6, д. 199, л. 163 об.

князь Дмитрия он Волынский себе не бирывал»¹. Здесь же Волынский сообщает, что перевод Липсия списал у Ф.М. Апраксина (опять Апраксин!), читал с другими и давал им списывать, хотя и без предосудительных намерений. Как мы уже знаем, Волынскому в вину вменялось сближение дурных примеров женского правления, приведенных Липсием, с российской действительностью, что следователи формулировали так: «Оная книга фундаментальным основаниям благополучного самодержавства всероссийской империи весьма неприлична»².

В общем, Волынский отперся, хотя и не очень убедительно, от чтения уличающей его рукописи. Но ведь были и обсуждения, совместные с его конфидентами, в частности, утверждают, что Макиавелли и Липсия приносил ему архитектор П.М. Еропкин (1689–1740)³. В сохранившейся описи книг Еропкина присутствует только «Камень политического парагона» Боккалини, вероятно, неузнанный следователями, конфисковавшими остальные вредные сочинения⁴. По словам самого Еропкина, он имел у себя Липсия на итальянском языке, видел его книгу у Волынского и разговаривал с ним о ней, «о книге ж Макевелевой упомянул, которой де Макевелевой книги у оног Волынского он Еропкин не видывал, но токмо де напред сего имел же у себя оную Макевелеву книгу на итальянском языке он Еропкин читывал же». Волынский

¹ Там же, л. 176 об.–177.

² Там же, л. 164.

³ *Еропкина В.В.* Еропкины. Заметки и родословная// Русская Старина. Спб., 1886. Т. 49. С. 566–567; *Луннов С.П.* Книга в России в послепетровское время.... С. 221. На фотографиях в статье Я. Малярчика о Макиавелли в Польше воспроизведены титульный лист и содержание издания «Тестины» со штампом одной из миланских библиотек и надписью «Mst. Eropkine, 1913». Может быть, эта книга принадлежала кому-то из потомков Еропкина, а то и была тем самым итальянским изданием из библиотеки архитектора. См.: *Malarczyk J.* La fortuna.... Р. 11, 14.

⁴ СПбО ААН, ф. 3, оп. 1, л.259 об.; *Луннов С.П.* Библиотека П.М. Еропкина // Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979. С. 142–152; С. 148. Ср. РГАДА, ф. 6. д. 281, ч. 1, л. 336–337.

Липсия хвалил, «а о Макевелевой де книге никакого хваления и рассуждения не было»¹.

Таким образом, утверждение о том, что Еропкин читал свою итальянскую книгу Макиавелли Волынскому, выглядит слишком смелым истолкованием его показаний.

До нас дошли конфискационные описи библиотек всех участников кружка Волынского, за исключением упоминавшегося выше Суды². Все они к настоящему времени рассмотрены в отдельных статьях³. Среди книг третьего казенного вместе с Волынским и Еропкиным, Андрея Федоровича Хрущева (1691–1740), морского офицера, переводчика Локка («О правлении гражданском») и Фомы Кемпийского, к Макиавелли имеет отношение лишь книга Габриеля Нодэ «Политические размышления»⁴. Почти ничего любопытного нет в описи библиотеки Федора Ивановича Соимонова (1692–1781), обер-прокурора Сената, сосланного в Сибирь, а после помилования в 1742 г. при Елизавете Петровне ставшего даже санкт-петербургским губернатором (1757–1763) и сочинявшего труды по истории России⁵. А ведь Соимонов помогал Волынскому в работе над «Генеральным проектом» и переводил для него иностранных авторов. В его книгах находилась «Истинная политика в Санкт-

¹ РГАДА, ф. 6, д. 201, л. 20 об.

² *Фундаминский М.И.* Библиотека кабинет-секретаря И. Эйхлера // Книжное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник научных трудов. Л., 1980. С. 42.

³ *Хотеев П.И.* Иностранные книги...; *Фундаминский М.И.* Библиотека кабинет-секретаря...; *Луппов С.П.* Федор Иванович Соимонов и его библиотека // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI–XIX вв. Л., 1979. С. 13–28; *Он же.* Библиотека П.И. Мусина-Пушкина // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1979 г. Л., 1980. С. 38–41; *Пореш В.Ю.* Библиотека А.Ф. Хрущева (Собрание преимущественно французских книг) // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978. С. 260–267.

⁴ *Луппов С.П.* Новое о библиотеке ... С. 42.

⁵ *Луппов С.П.* Федор Иванович Соимонов ... С. 13–17.

Питербурхе, на российском языке»¹, видимо, та же, что и у Волинского.

Среди книг сенатора Платона Ивановича Мусина-Пушкина имелись «Книжка счастье ковач», т.е. сочинение Фон Бесселя, «Камень опыта политического» Боккалини, тоже без упоминания автора, и некоторые другие переводные политические трактаты, напоминающие о библиотеке Голицына². Можно было бы предположить, что Макиавелли и прочие подозрительные книги были отделены от других и потому не вошли в описи, однако в библиотеке кабинет-секретаря Ивана Эйхлера мы видим два издания Макиавелли (правда, одно анонимное): «Махиавелловы дела и письма на итальянском языке, 4 книги» и «Две комедии и одна история сочиненная от флорентинскаго секретаря на итальянском языке»³, описанные на русском и на языке оригинала⁴. М.И. Фундаминский, опубликовавший опись книг Эйхлера, характеризует его как авантюриста и интригана и отмечает, что он пострадал меньше других участников кружка Волинского. Как бы то ни было, одна недавняя публикация показывает, что бывший кабинет-секретарь не утратил, невзирая на все неприятности, интереса к макиавеллиевской тематике: именно он приобрел продававшиеся в 1750 и 1753 гг. в Московской Академической книжной лавке единственные экземпляры «Анти-Макиавелли» Фридриха II⁵ (в обоих изданиях как

¹ СПбО ААН, ф. 3, оп. 1, л.302 об., № 55.

² РГАДА, ф. 6, д. 211, 4. VI, л. 295–296 об.

³ СПбО ААН, ф. 3, оп. 1, л. 292; *Фундаминский М.И.* Библиотека кабинет-секретаря... С. 42.

⁴ СПбО ААН, ф. 3, оп. 1, л. 268–272 об. /Machiavelli N./ Due comme-die e una novella del segretario fiorentino. Firenze, Trojetto, 1733; Machiavelli N. Opere. 4 Pti. Nell' Naya, 1726.

⁵ *Копанев Н.А.* Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII в. Очерки истории. Л., 1986. С. 58–172. Таблица «Каталог французских книг, проданных в Московской академической книжной лавке в 1749–1760 гг.», С. 89: № 258. Anti-Machiavel. La Hay, 1741; 2 vol. 8°; No 259. Examen du Prince du Machiavel, avec des notes historiques et politiques

автор упоминается только опубликовавший это произведение Вольтер, собрание сочинений которого также было куплено Эйхлером)¹. В связи с делом Вольтинского следует упомянуть еще императорского лейб-медика, португальца Рибейро Саншеса, в 1731–1747 гг. служившего в России. Он знаменит тем, что в 1744 г. вылечил будущую императрицу Екатерину II, а до 1740 г. Саншес был личным врачом Вольтинского и во время следствия имел к нему доступ². В библиотеке высокообразованного врача был, как отмечают историки, и Макиавелли, но автор статьи об этой библиотеке П.И. Хотеев не обнаружил этого издания среди других книг Саншеса, проданных Академии Наук в 1747 г.³ Однако и эта книга сохранилась в ОРК БАН, это один из трех экземпляров известного нам издания «Тестина», с надписью на 1-м защитном листе: «Писал здесь в России Р. Саншес 17 17/1 44» (лат.)⁴. В книге имеются подчеркивания в конце главы XXV «Государя» (сравнение судьбы с женщиной) и в начале «Истории» зелеными чернилами, а также латинские пометки и резюмирующие выжимки в книге I «Рассуждений», обведенные черными чернилами по карандашу (вероятно, они делались человеком или для человека, лучше знающего латынь, чем итальянский). Там, где Макиавелли говорит о надвигающейся на Италию по вине церкви гибели, замечено, что Лютер появился через 24 года (хотя на самом

(avec la traduction du «Prince» par A. de la Houssay). La Hay, Van Duren, 1743.

¹ Там же. В обеих книгах был опубликован параллельный текст «Государя»; в 1752 г. в лавке продавалось французское собрание сочинений Макиавелли в 6 томах с приложением «Анти-Макиавелли» (№ 441). С. 148.

² Хотеев П.И. Лейб-медик Рибейро Саншес и его библиотека // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983. С. 135.

³ Там же. С. 138. Ср.: Миранда Ж. Рибейро Саншес и русско-португальские связи в XVIII в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. М., 1967, № 3. С. 45.

⁴ ОРК БАН. 7212.к./3708. г. Нис Russiae scribebat R. Sanches 17 17/1 44. (17 января 1744 г.).

деле он выступил примерно тогда же, когда писались «Рассуждения»).

Если знание Макиавелли Волынским при ближайшем рассмотрении можно поставить под вопрос, то с большей уверенностью следует говорить о внимании, проявленном к итальянскому политику противниками кабинет-министра при дворе, книги и бумаги которых были в свою очередь конфискованы после переворота Елизаветы Петровны в 1742 г. Прежде всего это относится к А.И. Остерману, который мог быть подлинным источником намеков на «макиавеллизм» Волынского, прозвучавших в устах Анны Иоанновны.

В «Реестре книгам, которыя из пожитков бывшего адмирала графа Остермана сданы в Императорскую библиотеку 1743 года декабря... дня» среди книг «на французском диалекте» находятся «Рассуждения и примечания на книгу называемую Принц Машиавела»¹. Здесь же видим «Политический оселок Траяна Боккалина» на итальянском². Несколько книг Макиавелли отмечены в «Каталоге книгам, которые по силе правительствующего Сената ис Канторы указа 31 июля 1742 г. приняты ис комиссии описи пожитков Остермана и протчих» (т.е. Миниха, Головкина, Менгдена, Левенвольде). Это № 54 и 137 «Макиавел о принцах», № 138 «Полетическия речи Макиавелли на Тита Ливия» и № 155 «Макиавеля Комментарий на Тита Ливия»³. В библиотеках царедворцев были также сочинения Липсия, Викфора, Бейля, Коммина, Паруты, Гвиччардини и другие политические трактаты. Однако каких-либо нареканий по поводу книг репрессированным вельможам при Елизавете высказано не было.

В середине и во второй половине XVIII в. история российского Макиавелли не регистрирует всплесков, подобных политическим процессам Голицына и Волынского. Самым заметным ее событием следует считать, пожалуй,

¹ СПбО ААН, ф. 3, оп.1, № 841, л. 158 об.

² Там же, л. 178.

³ РГАДА, ф. 6, № 322, ч. 3, л. 291–293 об.

издание «Анти-Макиавелли» Фридриха II в переводе Я. Хо-рошкевича 1779 г.¹ Этой теме посвящена статья И.С. Шарковой «Анти-Макьявелли» Фридриха II и его русские переводы»².

Автор отмечает, что речь идет о первом знакомстве русского читателя с жизнью и трудами флорентийского мыслителя, что справедливо с оговоркой – если иметь в виду именно печатную публикацию столь обширного труда. Сочинение Фридриха Великого было опытом критики Макиавелли с позиции просвещенного монарха и в целом являет собой исторический пример еще одной бесплодной попытки благонамеренного перетолкования политической действительности. Однако значение «Анти-Макиавелли» многократно возрастает, если принять во внимание участие в работе над ним Вольтера, который был первым читателем, редактором, издателем, и в какой-то мере даже соавтором венценосного сочинителя³. Это тем более важно, что Вольтер, впоследствии весьма саркастически отзывавшийся об антимакьявеллизме Фридриха, с самого начала далеко не так однозначно, как последний, относился к флорентинцу, которого считал выдающимся писателем и мыслителем⁴. Кстати, в русском переводе переписки Вольтера и Фридриха II, изданном в начале XIX в., достаточно вольном и сокращенном, отношение Вольтера к Макиавелли сильно спрямлено в этом смысле⁵. Сравним, например, отрывок из письма Вольтера к Фридриху от 20 мая 1738 г. в переводе с оригинала и в русском издании (слева):

¹ Анти-Макиавель, или Опыт возражения на Макиавелеву науку о образе государственного правления, сочинен ныне славно владеющим королем прусским Фридериком II. Спб., 1779.

² Шаркова И.С. «Анти-Макьявелли» Фридриха II и его русские переводы // Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979. С. 106–111.

³ *Prezzolini G. Machiavelli...* P. 384.

⁴ *Ibid.* Шаркова И.С. «Анти-Макьявелли»... С. 107, прим.10.

⁵ И.С. Шаркова приводит несколько цитат из этого издания, оговаривая, что они перепроверены по публикации оригинала. См. указ. соч.. С. 107, прим.11.

«Образ мыслей Ваших о Макиавелли превосходит Не удивляюсь, что Вы писали об нем с жаром и негодованием на меня. Как это в самой вещи осмелился я искать хороших мыслей в дурном человеке?»¹

«Первое, о чем я вынужден говорить, это о Вашем образе мыслей по поводу Макиавелли. Как Вам не загореться этим добродетельным негодованием, направленным чуть ли не против меня за то, что я похвалил стиль дурного человека?»²

В переводе пропущена цитата, где Макиавелли назван великим человеком, пропущена следующая мысль Вольтера: «Недостаточно указать людям путь добродетели, следует также пустить в ход пружины интереса, иначе мало кто будет расположен следовать здравым доводам разума»³.

Русский перевод «Анти-Макиавелли» Я. Хорошкевича, изданный в 1779 г., имеет ряд недостатков по сравнению с его источниками, в частности в нем отсутствует текст «Государя» Макиавелли. Книга снабжена посвящением Екатерине II с благодарностью за «матернее попечение» и Предисловием, включающим сокращение «Известий» о Макиавелли. И Предисловие, и перевод текста изобилуют неточностями, иногда нелепыми. Датой написания «Анти-Макиавелли» ошибочно указан 1735 г. Макиавелли, «дышащий геенною», пишет переводчик, развратил управляющих человеческим жребием. Но благодаря Фридриху II «...ныне владычествует повсюду милосердие и человечество, не редко развратным Макиавеля поучением в

¹ Переписка Фридриха Великого, короля прусского с г-ном Вольтером с 1736 по 1778 год. 4.1. Пер. с франц., СПб., 1816. С. 101.

² Voltaire, Oeuvres. T. 21 (Correspondence. T. VI). Berlin, 1853. P. 221 : «La première chose dont je me sens forcé de parler est la manière dont vous pensez sur Machiavel. Comment ne seriez-vous point ému de cette colère vertueuse où vous êtes presque contre moi de ce que j'ai loué le style d'un méchant homme?»

³ См. письма от 17.06.1738 и 16.05.1739 гг.

конец истребляемые»¹. К ошибочным сведениям, почерпнутым Вольтером из справочной литературы, по которой они кочевали в XVII–XVIII вв., Хорошкевич добавляет свои, возможно, порожденные плохим знанием языка и механическим сокращением. Так он утверждает, что при крещении Макиавелли был назван Марцеллом Виргилием, то есть путает его с его учителем Марчелло Вирджилио Адриани. Как пишет И.С. Шаркова: «Наиболее подробно охарактеризована Я. Хорошкевичем сочиненная Макиавелли «Наука о образе Государственного правления», послужившая основой для переводимой им книги Фридриха II»². Однако у Макиавелли такого сочинения нет, разве что имеется в виду «Государь».

Ошибки в переводе Хорошкевича приведены в рецензии на его издание, опубликованной в «Санкт-Петербургском вестнике». Оно отнесено здесь к числу полезных и приятных книг, которые «всякия похвалы достойны, ибо сии споспешествуют народному просвещению, знанию наук и доброму вкусу», однако для их перевода мало «одних здоровых рук и посредственного знания природного и иностранных языков», а нужны «подробные знания разных наук и языков... и сверх того /переводы/ требуют великого прилежания, вкуса и разборчивости»³. «Подлинник настоящей книги, пред многими другими заслуживал быть переведенным на российский язык, в рассуждении чего, выбора г. переводчика хулить никак не можно, но что до российского его перевода, требовавшего... подробные сведения о многих политических делах и происшествиях, на которые увенчанный сочинитель часто ссылается, оный не достигает

¹ Анти-Макиавель... С. XVI; ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение Макиавелли... С. 4.

² *Шаркова И.С.* «Анти-Макьявелли»... С. 109–110.

³ Санкт-Петербургский вестник, содержащий все указы Ея Императорскаго Величества и правительствующаго сената... 4.VII. Спб., декабрь–июнь 1781 г. С. 42.

совершенства подлинника, и во многих местах не верен, темен и не чист»¹.

Далее автор рецензии приходит к выводу, что перевод был сделан с немецкого издания, а не с французского подлинника, хотя Хорошкевич указывает на него², оговаривая, что сверял с другими публикациями для устранения разночтений, которые возникли из-за распространения множества списков. И.С. Шаркова опубликовала сведения об одном рукописном русском переводе «Анти-Макиавелли» середины XVIII в.³ В нем содержится параллельный текст «Государя», переведенный, как и основной, с немецкого языка, о чем можно судить по геттингенскому изданию 1742 г., имеющемуся в Научной библиотеке им. Горького МГУ. (Не располагавшая им И.С. Шаркова высказала в этом сомнение, а также предположила, что анонимный переводчик знал французский. Но в тексте рукописи французские слова пропущены, что свидетельствует о незнании им, или по меньшей мере переписчиком, французского языка⁴.) Автор статьи считает, что данный перевод (в подстрочнике) был первым обнародованием творений Макиавелли на русском языке⁵, но это утверждение неточно, так как мы видели, что уже в петровское время существовал рукописный перевод «Государя», сделанный П.А. Толстым или кем-то еще⁶.

Еще одной неточностью я назвал бы приводимое в статье утверждение о запрещении книг Макиавелли в России XVIII в.⁷ Это мнение, подкрепляемое здесь ссылками

¹ Там же.

² См.: Шаркова И.С. «Анти-Макьявелли»... С. 109, прим. 32.

³ Там же. С. 110–111.

⁴ Там же. С. 110, прим. 39. а также Архив СПБОИИ РАН, ф. 36. оп. 1, № 807. л. 17–17 об.

⁵ Шаркова И.С. «Анти-Макьявелли»... С. 111.

⁶ Там же автор статьи пишет, что следующее знакомство русских читателей с текстами Макиавелли произошло лишь в 1869 г., что, как мы увидим, неверно.

⁷ Там же. С. 109 и прим. 26, 27. На самом деле, при Екатерине II на территории Российской империи, а именно в Риге, по крайней мере,

на Н. Губерти и С.П. Луппова и подтверждаемое, по всей видимости, процессами Голицына и Волынского, получило хождение в литературе с легкой руки Я. Малярчика, написавшего: «Книги Макиавелли были запрещены в России, а их чтение считалось тяжелым политическим преступлением»¹. Если вторая часть этого тезиса подтверждается названными процессами, хотя сами по себе они остаются единичными событиями, то ни в одной из известных публикаций не приводится фактов, доказывающих справедливость его первой части, то есть наличие официального запрета. Н.В. Губерти говорит: «Есть причины предполагать, что русский перевод “Анти-Макиавелли” в последние годы царствования Екатерины II был запрещен, и другого перевода этого сочинения не было...»². Но доискаться, что это за причины, никак невозможно.

Существуют, напротив, наряду с уже приведенными, многие факты, показывающие, что книги Макиавелли читались, привозились, продавались, хранились в библиотеках образованных людей и переводились в разные периоды на протяжении XVIII в. Мы видели их в библиотеках вельмож, но они отыскиваются и в книгохранилищах царственных особ. Если в одном из собраний, принадлежавших Елизавете Петровне, находятся только труды авторов, более или менее снисходительных к Макиавелли – Викфора, Нодэ, Де Ля Уссэ, Бейля (в

судя по выходным данным, было осуществлено издание Machiavelli N. *Istorie florentine*. Riga, appresso Plutarpi. 1768. P. 1–2. Второй том имеется в библиотеке МГУ им. Ломоносова. Ср. Bertelli S., *Innocenti P. Bibliografia...* P. 166. Сегодня в интернете можно найти цифровую копию этого издания: <http://babel/hatritart.org>. Рижский издатель с таким именем неизвестен.

¹ Малярчик Я. Политическое учение Макиавелли... С. 4.

² Губерти Н.В. (составитель). Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия... Вып. II. М., 1881. С. 24.

публикации указаны лишь французские книги)¹, то в такой же библиотеке Петра III (в бытность его великим князем в 1743 г.) имеется большая подборка сочинений флорентинца, прежде всего как военного авторитета: 2 экземпляра латинского издания «О военном искусстве» 1619 г., немецкий перевод этого же трактата 1623 г., 2 собрания сочинений – «Тестина» и четырехтомник 1680 г., «Рассуждения» на французском 1578 г. и, наконец, немецкое издание «Анти-Макиавелли»².

Что касается великой супруги несчастного монарха, то ее, как водится, обвиняли и в макиавеллизме³ и в антимакиавеллизме (в показном смысле по образцу Фридриха II)⁴. Конечно, уже восхождение Екатерины на престол дает пищу для упражнений в этом духе, в зависимости от того, как пишущий относится к Макиавелли. Явных же следов чтения последнего будущей или действительной царицей не обнаруживается, хотя ей были хорошо известны авторы макиавеллиевского круга: Тацит, произведший в Екатерине «странный переворот»; Монтескье, старавшийся не упоминать флорентийца, но

¹ *Копанев Н.А.* Французские книги в Летнем доме императрицы Елизаветы Петровны // Книга и библиотеки в России в XIV – I пол. XIX в. Л., 1982. С. 26–41.

² ОР РНБ, ф. 879/69. Архив Н.Я. Штелина. Оригинальный каталог библиотеки по инженерному и военному делу вел. кн.: Петра Федоровича, лл. 11 об., 13, 19 об., 20 об., 21 об., 29. Ср.: *Лярская Е.П.* Библиотека Петра III в Карточном доме (Ораниенбаум) // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983. С. 165. Автор считает, что Петр не интересовался политикой и набор книг был стандартным – «например, собрания сочинений Макиавелли и Ламберта». Замечание не очень понятное, особенно учитывая, что Ламберов было несколько (в том числе просветитель Д'Аламбер).

³ Академик Грот пишет, что Шлоссер обвинял Екатерину «в последовании политике Макиавеля и философии Дидро». Грот Я.К. Воспитание Екатерины II // Древняя и Новая Россия. Спб., 1875. № 2. С. 111.

⁴ Алексей Ник. Веселовский усматривает в Наказе Екатерины такой же разлад между словом и делом, как в «Анти-Макиавелли» Фридриха II. Веселовский А.Н. Западное влияние в новой русской литературе. М., 1916 (5-е изд.). С. 77. См. также: *Бильбасов В.А.* Дидро в Петербурге. Спб., 1884. С. 25.

немалым ему обязанный¹ (кстати, в эту пору был издан русский перевод самой макиавеллической книги Монтескье)²; очень внимательно будущая Екатерина Великая штудировала словарь Бейля, где была, как мы знаем, большая статья о Макиавелли³. В РНБ до сих пор сохранились некоторые издания сочинений последнего, происходящие из Эрмитажной библиотеки, в том числе и екатерининской эпохи⁴. Шеститомник издания Камбьяджи 1782 г. in quarto, лучшего в свое время, может быть и есть тот самый, на который, по словам Дж. Преццолини, в числе других подписался из Петербурга «Е.И.Величество, великий князь Российский», то есть сын Екатерины и Петра III, будущий Павел I⁵. (Видимо, это произошло во время его путешествия по Европе вместе с супругой под именем графа и графини Северных, когда они побывали и в Тоскане (март 1782 г.)⁶.) Это не покажется особенно удивительным, если принять во внимание, что в числе подписчиков издания, почти официально покровительствуемого великим герцогом Тосканским, был и Его Святейшество папа Пий VI⁷.

¹ См. *Levi-Malvano E. Montesquieu e Machiavelli*. P., 1911.

² *Монтескье Ш.* Размышления о причинах величества Римского народа и его упадка с французского переведенная переводчиком Алексеем Поленовым. Спб., 1769. На вопрос о том, можно ли дозволить издание такой книги, знаменитый архимандрит Платон (Левшин, впоследствии митрополит Московский) сделал следующее мудрое замечание, достойное Макиавелли: «Правительство лучше знает союз общества и оно же иногда основательно сносит таковые злоупотребления, коих истребление может быть произвело бы более худа, нежели самая злоупотребления». См.: *Семенников В.П.* Собрание старающихся о переводе иностранных книг, при Академии наук учрежденное Екатериной II. 1768–1783 гг. Историко-литературное исследование. Спб., 1913. С. 9–10.

³ *Грот Я.К.* Воспитание... С. 121.

⁴ Четырехтомник 1680 г., возможно, тот, что принадлежал ранее Петру III (шифр Полигр. 16.64.7.12) и шеститомник Камбьяджи (Полигр. 17.7.3.19).

⁵ *Prezzolini G. Machiavelli...* P. 396.

⁶ См.: *Кобеко Д.* Цесаревич Павел Петрович. Спб., 1882. С. 209–214.

⁷ *Prezzolini G. Machiavelli...* P. 397.

Другой экземпляр этого собрания сочинений (а может быть, и этот самый?) послужил предметом переписки между издателем, аббатом Реджинальдо Танцини (1742–1825), и Российской Академией Наук¹. Приведем текст двух писем Танцини, сохранившихся в Архиве АН и представляющих исторический интерес:

(Итал.яз.) «Достопочтеннейшие господа академики!

Дерзну преподнести Императорской Академии экземпляр полного издания сочинений Никколо Макиавелли, подготовленного мной.

Этот автор, лучшее украшение своей Родины Флоренции, одаривший всю Европу наиболее разумной системой правления, будет без сомнения благосклонно воспринят сообществом, посвящающим свои труды культурному усовершенствованию огромной нации и прогрессу человеческого знания.

Уверенный в этом, льщу себя надеждой встретить расположение сиятельных членов названного сообщества, каковым имею честь с глубочайшим уважением и поклонением представиться ВВ.Милостей покорнейший слуга, Реджинальдо Танцини

Флоренция, 12 июля 1783 г.»².

Так как это письмо осталось без ответа, аббат написал в Академию повторно:

(Франц. яз.) «Господа!

Я имел честь в прошлом году передать через посредство Е. Сият-ва г-на графа Мочениго экземпляр сочинений знаменитого флорентийского секретаря Никколо Макиавелли, изданных мною под покровительством моего августейшего монарха. Я льстил себя надеждой, что необычайно глубокий писатель, великий толкователь всех рассмотренных им предметов, впервые представивший Европе разумную политическую систему после веков варварства, мрака и ослепления,

¹ Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века. Научное описание. 1783–1800. Л., 1987. Труды Архива АН СССР. Вып. 29. С. 19, 36.

² СПБО ААН, ф. 1, оп. 3, д. 69, л. 6.

достоин быть очищенным от невежественной клеветы перед лицом просвещенного и авторитетного сообщества, посвящающего свои труды совершенствованию культуры и знания огромной нации. Беспокоясь, не затерялась ли моя посылка в долгом странствии, я почел себя обязанным, господа, снова сообщить о ней, в надежде, что вы снисходительно извините меня за причиненное беспокойство, имея в виду мое всегданнее упование получить какой-либо знак вашего любезного одобрения.

Заверяя вас в моем глубоком почтении и уважении, имею честь назвать себя, господа, вашим покорнейшим слугой.

Реджинальдо Танцини Флоренция, 3 ноября 1784 г.»¹

Как явствует из надписей на этих письмах и из протоколов Академии, второе письмо было зачитано 10 января 1785 г. на заседании конференции в присутствии Президента (т.е. Е.Р. Дашковой, еще одной знаменитости в истории русской культуры) секретарем (И. Эйлером). «Секретарь заверил в своем полном незнании относительно этой посылки, о которой не упоминает ни один из протоколов конференций»². Было решено навести справки, возможно, задержка произошла по вине упомянутого в первом письме Дмитрия Мочениго, поверенного России при Тосканском дворе³. Во всяком случае, 14 февраля 1785 г. академическая канцелярия направила вместе с извлечением из журнала заседания за этот день «для представления со стороны издателей и дальнейшего хранения в библиотеке Аккадемии следующие два сочинения: ... 2. Сочинения Никколо Макиавелли, т. I–VI, 4°...» с письмом Танцини от 12 июля 1783 г. Секретарь должен был направить ответ с благодарностью Академии⁴. Таким образом, мы имеем еще одно подтверждение, что по крайней мере до 1785 г. в екатерининской России запрета

¹ Там же, л. 2-2 об.

² Протоколы заседаний конференции императорской АН с 1725 по 1803 годы. Т. III. 1771–1785. СПб., 1900. С. 790 (на франц. яз.).

³ Ученая корреспонденция... С. 259 (Указатель).

⁴ Протоколы заседаний... С. 801.

на Макиавелли не существовало. В последние же годы царствования Екатерины увидело свет справочное издание, в котором впервые на русском языке были приведены сведения о Макиавелли. Это «Словарь исторический», изданный в 14 частях В. Огороковым в качестве приложения к «Московским ведомостям»¹; в основе своей он является переводом французских словарей Л. Шодона и Ж.-Б. Л'Адвока², и так же, как в других энциклопедических изданиях XVII–XVIII вв., словарях Буддеуса, Морери, Бейля, «Энциклопедии» Д'Аламбера и Дидро, в интересующей нас статье факты перемешаны с несурзными выдумками и неточностями. Макиавелли охарактеризован здесь как «славной политик», имевший однако «характер беспокойной и возмутительной... Он был один из тех умов, которые во все проникают и которые надо всем смеются. Действительно он был острой человек, но только он был слишком горд». Поэт Жан Батист Руссо восхищался «Мандрагорой» и сделал ее перевод на французский язык, но «сомнительно, чтобы оригинал и перевод могли нравиться на нашем театре» (т.е. в России). В «Речах на первую декаду Тита Ливия» Макиавелли показал себя ревностным защитником вольности, «Государя» же, которого он написал якобы в старости, автор статьи называет «сокращенной историей гордых обманщиков и злодеев», где объясняется, как чинить преступления и отравлять ядом³.

Итак, если официального запрета и не было, переводные сочинения, подобные вышеописанным, мало способствовали непредвзятому знакомству с Макиавелли и скорее поддерживали привносимое с Запада расхожее представление о нем и о «макиавеллизме». Например, М.В. Ломоносов употребляет эти слова, чтобы обругать

¹ Словарь исторический или сокращенная библиотека, заключающая в себе жития и деяния: патриархов, царей, императоров и королей... Ч. I–XIV. М.: Университетская типография, 1790–1798.

² Сводный указатель русских книг гражданской печати XVIII века. Т. 4. Периодические издания. М., 1966. С. 190.

³ Словарь исторический... Ч. IX. М., 1792. С. 79–82.

своих ученых противников; о зяте и преемнике библиотекаря Шумахера он пишет: «нет к лучшему надежды, пока в науках такой человек действовать может, который за закон себе поставил Макиавелево учение, что все должно употреблять к своим выгодам, как бы то ни было вредно ближнему или целому обществу»¹. В письме (немецком) к Л. Эйлеру следующим образом аттестуется академик Миллер – «невежда и самыми первыми профессорами прозван бичом профессоров, ...он сущий Макиавель и возмутитель мира в Академии, каковым он был и всегда»². Здесь же о Шумахере и Тауберте: «Плутовское правило Шумахера *divide et imperabis* /разделяй и будешь властвовать/ и доньше в превеликом ходу у его преемника»³. В примечании к этому месту издатель заботливо указывает, что «разделяй и властвуй» – «политический девиз, формулированный Макиавелли»⁴, что, как мы уже говорили, ни в коей мере не соответствует истине. А ведь Ломоносов мог познакомиться и с оригинальным текстом флорентийского политика, хотя бы в бытность еще в Заиконоспасской Академии, где был экземпляр «Князя» из собрания Бужинского⁵; в библиотеке же самого русского академика мы видим лишь словарь Бейля и французскую «Энциклопедию», поминающие Макиавелли неоднозначно; положительный отзыв он мог встретить разве что в сочинениях Марка Антуана Мюре, взятых им в 1753 г. из академической библиотеки и до самой кончины не возвращенных⁶.

¹ Цит. по кн.: Морозов А.А. Михаил Васильевич Ломоносов. 1711–1765. Л., 1952. С. 316 (Краткая история о поведении академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени).

² Там же, письмо № 102, не ранее 21 февраля 1765 г. Л. Эйлеру. С. 597 (нем. оригинал на с. 595).

³ Там же.

⁴ Там же. С. 886, прим. 3.

⁵ См.: там же. С. 152–152.

⁶ Коровин Г.М. Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961.

Сходным образом переводчик и педагог Я.П. Козельский (1735 – после 1793) упоминает Макиавелли в своих «Философических предложениях», чтобы приписать ему всевозможные дурные правила: «не терпеть благополучия близкого подле себя соседа», искоренять целые народы, чинить великие беззакония; впрочем, свои познания об учении флорентийца он почерпнул, возможно, из «Анти-Макиавелли» Фридриха Великого¹. К сожалению, мало что известно о знакомстве с трудами великого итальянца русских прогрессистов, которые, по аналогии со своими западными собратьями, должны были бы проявлять к ним интерес. В описи мистических, алхимических и вообще «сумнительных» книг Н.И. Новикова упомянута и «Макиавелева книга, рукопись»² – быть может, таинственный перевод «Государя» начала века. Бумаги Новикова, увы, сгорели вместе с библиотекой Московского университета³.

В собрании А.Н. Радищева было редкое издание, в заглавии которого упоминается Макиавелли: «Французский государственный катехизис, составленный по макиавеллическим максимам, или полный курс правил политической жизни, подготовленный Р. и М. Лейпциг, 1738»⁴. Эта книга, вместе с другими французскими и немецкими изданиями, приобретенными у сына Радищева

¹ Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего Сената секретарем Яковом Козельским в Санкт-Петербурге 1768 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. М., 1952. С. 546, 547, 550.

² Подлинные реестры книгам, взятым, по высочайшему повелению, из палат Н.И. Новикова в Московскую духовную и светскую цензуру// ЧОИДР. М., 1871. Вып. VII–IX, кн. 3, отд. V. С. 42. № 6.

³ Мартынов И.Ф. Частные библиотеки в России XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия... за 1975 г. М., 1976. С. 111.

⁴ Französischer Staats-Catechismus nach Machiavellischen Maximen eingerichtet, oder Vollständige Anweisung, wie man recht politisch leben könne, von R. und M. verfertigt. Lpz, Verlags Jacob Born, Buchhändler auf dem Nicolai Kirchhof, 1738. Vgl.: Gesamtverzeichnis des deutschsprachigen Schrifttums 1700-1916. München-N.Y.-R, Bd. 138, 1985. S. 42.

после его смерти¹, попала в библиотеку Комиссии о составлении законов, а оттуда после революции 1917 г. в РНБ², где и хранится по сей день³. Она была заново переплетена, титульный лист с печатью Комиссии частично оторван. Речь идет об антифранцузском памфлете, направленном против министров Ришелье и Мазарини; к Макиавелли он имеет столь же мало отношения, как и другие подобные брошюры XVII–XVIII вв. Еще один штрих в историю русского антимакиавеллизма внес венецианский чиновник, в 1758 г. перешедший на русскую службу, Георгий (Джорджо?) Дандоло, который перевел «Основания и правления (!) владения Джованни Ботеро, направленные против Макиавелли»⁴.

Наконец, в качестве достойного завершения русской макиавеллианы XVIII в. появляется маленькое, но прелюбопытное стихотворение Гавриила Романовича Державина (1742–1816) «Макиавель»⁵, написанное на рубеже нового столетия, и даже чуть позже (1802 г.):

Царей насмешник, иль учитель
Великих иль постыдных дел!
Душ слабых, мелких обольстителъ,
Поди от нас, Макиавель!
Не надо нам твоих замашек,
Обманов тонких, хитростей:
Довольно полных пуншем чашек
Для счастья честных людей,
Довольно видеть сквозь покалы
Всю нашу внутренность сердец,

¹ Барсков Я.Л. Книги из собрания А.Н. Радищева// Дела и дни. Исторический журнал. Пб., 1920, кн. 1. С. 397–402.

² Мартынов И.Ф. Частные библиотеки... С. 109.

³ РНБ, Полигр. X. 16.8.60.

⁴ Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891–1908, кн. I, ч. II. С. 928; Попов Н.А. Георгий Дандоло, русский лексикограф и переводчик прошлого столетия// Библиографические записки. М., 1863. № 7. С. 195–220.

⁵ Указанием на это стихотворение я обязан М.Т. Петрову.

На бой нас посылать, на балы,
Из лавров плеть и роз венец¹.

По объяснению самого Державина, «писано по случаю примеченных автором правил сего писателя», а из биографии поэта мы узнаем, что поводом явилось проведенное Державиным расследование злоупотреблений калужского губернатора Д.А. Лопухина². Тот пожаловался на самого Державина, и хотя был отдан под суд, в конце концов вышел сухим из воды. Казалось бы логичным предположить, что «Макиавелем» поэт аттестует Лопухина за его козни, однако вторая половина этого стихотворного обращения неявно предполагает, что некто, к кому взывает автор, как бы поставлен над ним, может «посылать на бой» и в случае успеха увенчать лаврами повинующихся ему «честных людей». В то же время честность и прямота этих людей, находящихся, вероятно, на достаточно короткой ноге с ним, открывается повелителю в совместных застольях, через прозрачные бокалы с пуншем, а также и на балах, где художник прославляет его, заслуживая венцы из роз. Не станем, не имея на то оснований, искать конкретный адрес, подставляемый Державиным на место Макиавеля; допустим, что это некий идеальный государь, избегающий окольных путей и тонких обманов в политике и пирующий на равных со своими сподвижниками (это единство поэт выражает в двух случаях из трехкратного употребления местоимения «мы»: «поди от нас», «не надо нам»; в третьем случае – «на бой нас

¹ Державин Г.Р. Стихотворения. М., 1958. С. 407, прим. с. 534.

² Грот Я. Жизнь Державина по его сочинениям, письмам и историческим документам. СПб., 1880: Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованная родной его племяннице, Екатерине Николаевне Львовой в 1809 г. СПб., 1834. Подробнее об этом деле см. в статье: Мосин О.В., Мосина С. А. Зловещий рок рода Лопухиных (zhurnal.lib.ru, без сносок), где сказано, что оно послужило сюжетом для Гоголевского «Ревизора». Державин посвятил этим событиям и любопытную басню «Крестьянин и дуб», история которой (ответ на нее и безнаказанность виновных) наводит на мысль о неискоренимости коррупции.

посылать», оно может относиться уже только к верным слугам).

Но чем все-таки неугоден Макиавелли Державину? С первых строк автор стихотворения демонстрирует свое незаурядное знакомство с предметом: «царей насмешник», говорит Державин, тем самым допуская вероятную правоту Жан Жака Руссо, энциклопедистов и других писателей, которые, как, например, Боккалини, полагали, что флорентиец изобличает тиранов, показывая их тайные приемы. В следующих четырех словах поэт свидетельствует о своей готовности принять еще два толкования Макиавелли: как наставника (видимо, царей же) в великих делах, или наоборот, в постыдных, обе противоречащие друг другу версии не смущают Державина, для него флорентийский политик неприемлем в любом случае, как обольститель слабых и мелких душ. Очевидно, такое неприятие политических тонкостей и хитростей, невзирая на то, ради каких мотивов, великих или постыдных, они употреблены, равнозначно неприятию политики как особого рода деятельности, ведь какая же политика без манипулирования отношениями, без предметного учета как бы отчужденных от людей интересов – таково самое широкое, обиходное значение слова «политика»?

Надо сказать, что в отличие от обычной антиномии «хорошей и дурной», «моральной и аморальной» политики, оценка политики как особой сферы деятельности со своими законами, и Макиавелли как их выразителя, всегда встречалась довольно редко¹ (в XIX в. зашла речь об «отделении политики от морали – но это далеко не то же самое), и только в нашем столетии выявилась тяга к надполитическому, философско-универсальному осмыслению макиавеллиевской проблемы. В качестве свежей параллели державинскому противопоставлению

¹ Ср.: современника Державина, итальянского поэта Дж.-Б. Касти, который жил некоторое время при дворе Екатерины II и даже написал о нем «Татарскую поэму», – отзыв о персонажах Макиавелли, папе Александре VI и его сыне Чезаре Борджиа. В новелле «Булла папы Александра VI» – «он знаток в искусстве был политики, Стоящей выше осуждения и критики».

простого приватно-чувственного и расчетливого важно-государственного быта можно, как ни странно, привести недавнюю статью Л.М. Баткина, анализирующую представление Макиавелли об индивидуальности на основании его частной переписки¹.

Оставляя в стороне вопрос о ренессансном понимании индивидуальности, заметим, что Л.М. Баткин усматривает разграничение политической и приватной сферы уже у самого Макиавелли, в его понимании универсальности. «В политике такая универсальность уместна. И там она противостоит неизменности; самоидентификации индивида, открывая возможности для внеморального, но эффективного вмешательства в ход вещей»². В то же время в частной жизни «нет противоречия между верностью своему особому характеру – и душевной подвижностью»³. В конце концов, по мнению автора статьи, Макиавелли пытается свести воедино расчетливую изменчивость государя и вольную пластичность частного лица. Что ж, этому действительно не стоит удивляться, поскольку главный творческий прием флорентийского мыслителя – постоянство в разнообразии, переливы противоположностей. Но что для нас существенно, это потребность Макиавелли уравновесить иссушающую важность политических дел полнокровной веселостью суетных забав, взаимно оправдать одно другим. Державин удивительным образом также почувствовал такую потребность, чем только и можно объяснить появление «полных пуншем чашек» в его небольшом, но емком стихотворении. При этом он не догадывается, конечно, о полноте самого Макиавелли, который олицетворяет для него только одну сторону жизни, и отношения к жизни. Державин противопоставляет притворство («универсальность») условного Макиавелли, Макиавелли – «политика» –

¹ Баткин Л.М. Понятие об индивиде по переписке Никколо Макьявелли с Франческо Веттори и другими // Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 204–239.

² Там же. С. 234.

³ Там же. С. 235.

прямодушной среде пиров и балов. Настоящий Макиавелли говорит в своих письмах о подражании изменчивой природе и в важных делах, и в забавах.

В общих чертах, в своих колебаниях между предвзятым и непредвзятым отношением к известному ему понаслышке Макиавелли, русский XVIII в. склонялся больше к первому, что естественно для всякого общества, в котором велика потребность скрыть дистанцию между официально декларируемой политической чистотой и невинностью, и реальностью. Отрицание «макиавеллизма» в таком обществе прямо пропорционально подспудному ощущению вины. Но не за горами были и попытки, опять-таки по западным образцам, понять историческую правду, заключенную в учении великого флорентийца.

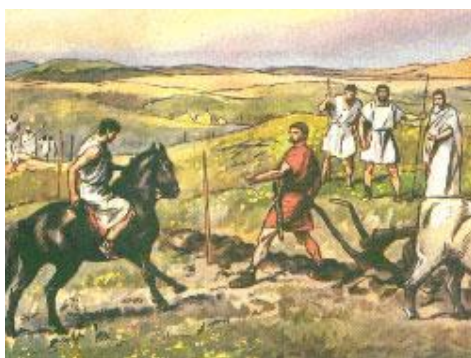
*Брюс**Остерман**Грановский**Кантемир**Державин**Петр Толстой*

ДМ. Голицын

А.П. Волынский

Ромул и Рем

Лев и лисица

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

РОССИЯ ЧИТАЕТ МАКИАВЕЛЛИ. XIX В.

С наступлением XIX ст. нам приходится говорить уже о более или менее очерченных течениях общественной и политической мысли, к которым примыкали читатели и толкователи Макиавелли. Хотя подобное подразделение будет условным, поскольку отдельные прочтения великого флорентийца отражают в первую очередь индивидуальность их авторов, с началом XIX в. появляется возможность говорить о массовом читателе Макиавелли: в периодических изданиях, а затем и отдельно печатаются переводы его сочинений и западных статей о нём; труды Макиавелли наличествуют в библиотеках большинства образованных людей, мы находим их среди книг А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, В.Ф. Одоевского, декабристов.

Характерно, что восприятие Макиавелли было неоднозначным; в разных общественных кругах отыскиваются и защитники и хулители флорентийского автора; преобладают, впрочем, не крайние оценки, а суждения, сопровождаемые оговорками.

Начнём с александровского царствования, составившего в истории России своего рода переходную эпоху, много обещавшую и в политическом, и в культурном смысле, и мало исполнившую. В подобные времена общественная мысль отличается противоречивостью, непоследовательностью и соединением внешне несовместимых крайностей. Не станем забывать, что начало правлению было положено цареубийством, вещь для России не редкая, но всегда придающая особый оттенок разговорам современников о политике и нравственности.

Обратившись к изданиям консервативного, сиречь охранительного лагеря, встречаем здесь, во-первых, трактаты архаического толка, принадлежащие к литературе прошедшего, если не позапрошлого, столетия. Таковы переведённые с латыни «Начала и основания политики» Г. Спилембергера¹, в примечаниях к которым (из другого немецкого автора XVII в.) читаем: «Доброты римского народа перешли, с Югуртинской войны в бесстыдство, нахальство, лицемерие, козни, и в какую-то таинственную мудрость. Такая коловратность быстрыми шагами вступила в Италию, войнами изуродованную, и переменяя язык и всё устройство, как бы прежней величественной простоте не соответствующее, поселила какие-то гнусные тонкости о государственном управлении, а появившийся странный чудный Макиавелля ум, неприметно, растлил нравы и поведение дворов и сопряжённых с ним обществ»². Здесь же помещены символы с политическими истолкованиями приснопамятного «гишпанского дворянина и кавалера Сааведры», содержащие умеренную дозу тщательно процеженного псевдо-«макиавеллизма»: «Государь намерений своих обнаруживать не обязан...»; «Величайший монарх с величайшим искусством должен ограждать чело своё не одною чистотою голубиною, но и змеиною мудростию»³. Последнее пожелание, как известно, Фрэнсис Бэкон почитал возможным удовлетворить только по методу Макиавелли⁴.

¹ *Спилембергер Г.* Начала и основания политики общей и особенной с присовокуплением символов и примечаний / Пер. с лат. яз. А. Урусов. СПб., 1805. (Начало/так/и основания Политики Г. Спилембергером-ректором школ в Померании, нарочито, для обучающихся у него благородных юношей, сочиненные...).

² Начала... С. 7 (Из сочинений учёнейшего мужа Беклера, названных сокровищем, некоторые к тем началам и основаниям примечания).

³ Начала... С. 97, 104.

⁴ «...Нам есть за что благодарить Макиавелли и других авторов такого же рода, которые открыто и прямо рассказывают о том, как обычно поступают люди, а не о том, как они должны поступать. Ведь невозможно соединить в себе знаменитую “мудрость змия” с

В ругательном тоне отзываясь о Макиавелли вкупе с Гоббсом «Инструкция директору Казанского университета» времён Магницкого, в разделе о преподавании политического права¹: «Нравственность сей науки должна быть чиста, почему преподаватель обязан с отвращением указать на правила Махиавеля и Гоба. Он должен изъяснить, что цель гражданства не есть пожертвовать счастьем всех одному, или возвысить только один класс насчёт всех прочих; но что согласно с мыслями Платона и Аристотеля, предмет оного есть сделать людей, в обществе живущих, сколько можно счастливее, доставя каждому личную безопасность, спокойное обладание имуществом, здравие, свободу мысли, прямоту сердца и справедливость; что для получения сих благ необходимы взаимные жертвы»². Автором этой инструкции, утверждённой Александром I 17 января 1820 г., считается сам М.Л. Магницкий³, попечитель Казанского учебного округа, «карьерист и флюгер»⁴. Подписана же Инструкция, столь безоговорочно отлучающая Макиавелли от античных идеалов гражданственности, министром князем А.Н. Голицыным. Любопытно, что в библиотеке князя хранились дошедшие до нас уникальные первопечатные издания Макиавелли⁵.

В РНБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина хранится томик Макиавелли редчайшего издания двух переплетённых его

“голубиной кротостью”», если не познать до самых глубин природу самого зла». *Бэкон Ф.* О достоинстве и приумножении наук. Кн. VII. Гл. II // Соч. В 2-х т. Т. I. М., 1971. С. 420.

¹ Указанием на этот документ я обязан В.П. Пушкиву.

² Материалы для истории образования в России в царствование Александра I.4.2. СПб., 1866. С. 54. См. также: Журнал Департамента народного просвещения. Ч. 2, май 1821 г. С. 49; Сб. постановлений по Мин. Нар. Просв., СПб., 1864, 41. С. 1199–1220.

³ См.: *Феоктистов Е.М.* Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1865. С. 66; *Стеллецкий Н.* Князь А.Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев, 1901. С. 193.

⁴ *Феоктистов Е.М.* Материалы... С. 66.

⁵ Автор благодарит за владельческую атрибуцию этих изданий в ГПБ А.Х. Горфункеля.

сочинений: «Рассуждений» 1531 г. и «Истории» 1532 г., оба – первые публикации и, насколько можно судить, единственные экземпляры в бывшем СССР¹. Книга переплетена в красный сафьян с золотым тиснением и на титульном листе имеет печать с гербом и надписью «Bibliothèque Golytzin». Как сообщил нам А.Х. Горфункель, это экслибрис библиотеки Александра Николаевича Голицына (1773–1844), министра народного просвещения при Александре I. Во многих местах имя Макиавелли замазано, книга изобилует подчёркиваниями и пометками разными почерками на итальянском языке (частью обрезанными), возможно, ещё XVI в. На л.47 «Истории» жестокий поступок правителя Флоренции прокомментирован так: «Заметь, тирания». В конце истории записано: «Здесь Гвичардин начинает отсчитывать свою историю, заметь это точное совпадение»². Н. Стеллецкий сообщает, что Голицын (1773–1844), живя в Москве, пользовался знаменитой библиотекой Д.П. Бутурлина, сгоревшей в 1812 г. и насчитывавшей 40 тыс. томов. В этой библиотеке было много старопечатных книг, «все editiones principes (первые издания)»³. Может быть, страсть к таким изданиям, а то и сами книги Макиавелли, Голицын унаследовал оттуда. Правда, в каталоге 1805 г. среди шести-семи изданий Макиавелли названные палеотипы не упоминаются⁴.

Обратимся теперь к другому официозному автору, переводчику, издателю «Русского вестника», Сергею Николаевичу Глинке (1775–1847), отношение которого к

¹ ГПБ 12.Л.II.45. Discorsi di Niccolo Machiavelli cittadino et secretario fiorentino, sopra la prima Deca di Tito Livio. Sine loco, 1531 (Судя по типографскому знаку А.Благо, издание римское); Historie di Niccolo Machiavelli, cittadino et secretario fiorentino, al Santissimo... Clemente VII. S.L., 1532 (Флоренция).

² Nota, Tirania; Qui comincia il principio della sua storia, si nota bella unione.
³ Стеллецкий Н. Князь А.Н. Голицын... С. 12.

⁴ Catalogue des livres de la bibliothèque de S.E.M. le comte de Boutourline. P., 1805, № 552–554, 2446, 3079, 3080.

флорентийскому секретарю было совершенно иным¹. Этот патриотический писатель начиная с 1809 г. публиковал переведённые с французского языка выдержки из диалогов «О военном искусстве» и «Рассуждений» Макиавелли. Глинка защищает последнего, опираясь на авторитет Бэкона («Бакона») и Ж.Ж. Руссо. Макиавелли «восстаёт на лесть, раболепствующую перед завоевателями и хищниками власти законной»². Глинка находит много общего в суждениях Макиавелли и Суворова. Например, «Макиавель пишет, что в его время храбрые швейцарцы наказывали смертью трусливых воинов, бежавших от огнестрельного оружия. Суворов говаривал часто: «вперёд позволяю 2, 3 и 10 шагов; шаг назад смерть!»³

В 1813 г. после победы над Наполеоном Глинка публикует «Воззвание к жителям Италии, да расторгнут они иго иноплемеников (глава XXVI «Государя»)), правда, в сокращении, и ошибочно датировав его 1492 г. Цитата, заимствованная Макиавелли из стихотворения Петрарки, дана здесь в стихотворном же вольном переводе:

К оружию друзья! восстаньте,
На лютых извергов отмщеньем грозным гряньте;
Ещё у вас в сердцах честь древняя пылает;
Ещё Италия свободной быть желает⁴.

В защиту Макиавелли публикатор проводит такого рода рассуждения: «Не уча коварству и пронырству, он говорит, что есть ли изверги к утверждению беззаконной власти действуют орудиями коварства и пронырства, то почему же к истреблению сих извергов не употребляют благоразумного и твёрдаго великодушия?»⁵.

¹ См.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 6, прим. 17–19.

² Выписки из Макиавеля о войне Римлян; замечания его о силе белого или холодного оружия; мнения о том же Петра Первого, графа де Сакса и Суворова // *Русский Вестник.* М., 1809, № 6. С. 282.

³ Там же. С. 320.

⁴ Воззвание к жителям Италии // *Русский Вестник.* М., 1809. № 6. С. 46.

⁵ Там же. С. 43, прим. 1.

Наконец, в 1817 г. Сергей Глинка обнаруживает выдержки из французской книги под заглавием «Князь, или владелец, сочинение Макиавеля, с заметками Наполеона Бонапарта, писанными им со времени начальства его в Италии до бегства с о. Эльбы, то есть от 1795 до 1814 года»¹ (на деле в ней содержатся не только «Князь» или «Государь», но и другие сочинения Макиавелли). Французская публикация имела открыто антибонапартистскую направленность, а кровожадные и часто довольно плоские замечания, приписываемые императору (да ещё непонятно как проведённое разделение их на четыре периода), заставляют заподозрить подделку. Рукопись, опубликованная анонимным автором, содержит лучший, по его словам, перевод Макиавелли на французский язык. Не сочувствуя Наполеону, автор публикации симпатизирует Макиавелли и пытается доказать, что его ругали смутьяны-антимонархисты, и ценили мудрые сторонники порядка². Таково же мнение Глинки, который следующим образом объясняет свою позицию: «Хотя Макиавелли никогда не был наставником хищников престола, хотя он сильно восставал против утеснителей народов; но он означил все пути, которыми властолюбцы достигают верховного могущества... Он убеждал также, что против врагов общественного блага не только нужна правота, но и благоразумная хитрость»³. Тут он снова, уже в третий раз, ссылается на «Боконна». На Глинку, как на апологета Макиавелли в русской публицистике, указывает автор статьи о Пестеле В.С. Парсамов, противопоставляя

¹ Machiavel commenté par N-on Buonaparte. Manuscrit trouvé dans le carrosse de Buonaparte, après la bataille de Mont-Saint-Jean, le 18 Juin 1815. P., 1816.

² Ibid. Préface de l'éditeur P. IX. P. Ридольфи полагает, что за этим антинаполеоновским памфлетом скрывается «самая горячая и страстная апология Макиавелли, когда-либо появлявшаяся на свет на родине антимакиавеллизма» (т.е. во Франции). Имя предполагаемого автора – аббат Aimé Guillon de Monteleon (1758–1842). См. Ridolfi R. Vita... P. 559.

³ Князь или владелец // Русский Вестник. М., 1817. № 1–2. С. 70.

издателю «Русского вестника» французское сочинение Мазере¹ и статью Стана (так!) Потоцкого².

Этот самый Стан. Потоцкий, то есть Станислав Евстафьевич Потоцкий (1752–1821), сенатор, граф, министр народного просвещения и президент Сената Царства Польского, представляет как будто бы другой лагерь, «прогрессистов», имея репутацию деиста и «философа», хотя в александровскую эпоху, повторим, понятия реакционера и прогрессиста могут быть приложены к одним и тем же людям, и не только по мере продвижения царствования от светлого начала к мрачному концу. На русском языке сочинение Потоцкого было опубликовано в «Вестнике Европы» в 1819 г.³ (был и польский вариант)⁴.

Имя Макиавелли стало нарицательным, говорит Потоцкий, вплоть до того, что, как он слышал, «два фактора Израильского рода, бранясь между собою, один другого называл Макиавелем»⁵. Статья Потоцкого примечательна тем, что в ней приведены значительные выдержки из «Государя», правда, в неточном переводе (гл. VII–IX, XV–XIX, XXIII и XXVI). Хотя это «славнейшее, но не лучшее сочинение» Макиавелли, читать его, по мнению Потоцкого, скучно – мотив устарелости флорентийского политика в дальнейшем не раз встречается у «прогрессистов». Сведения, сообщаемые Потоцким о

¹ Mazères de M. Machiavel et l'influence de sa doctrine, sur les opinions, les moeurs, de la politique de la France pendant la Révolution. P., 1816.

² См.: Парсамов В.С. О восприятии П.И. Пестеля современниками (Пестель и Макиавелли) // Освободительное движение в России. Вып. 13. Саратов, 1989. С. 24.

³ О духе сочинений Макиавеля, сочинение сенатора и воеводы графа Стан. Потоцкого // Вестник Европы, издаваемый Мих. Каченовским. М., 1819. № 13, 14. Ср.: *Маларчик Я.* Политическое учение... С. 7, прим. 22, 23.

⁴ См. там же. Potocki S. Rozprawa o duchu pism Machiavella, z uwagami nad tem zagadnieniem – czyli się z wiekiem świat pogarsza // Pamiętnik Warszawski, v.XI, 1818. См. также: *Malareczyk J.* La fortuna di Niccolò Machiavelli in Polonia... P. 22 e n.33.

⁵ О духе сочинений... № 13. С. 15.

судьбе и сочинениях Макиавелли, отличаются банальностью, как банальны и фактические неточности, столь распространённые ещё в век Просвещения: утверждение, что Макиавелли был до самой смерти секретарём республики и написал «Государя» в преклонных летах, что ему принадлежит трактат «О переселениях северных народов» (это поздний плагиат из «Истории Флоренции») и т.д. С опусами С. Глинки роднит рассматриваемую статью вполне конъюнктурный антибонапартизм, сопровождаемый восклицаниями о вере, с которой «воскреситель Польши избавил Европу»¹. В заключение Потоцкий замечает, что упоминаемые в «Государе» чудеса «в наше время... заставили бы смеяться, как гнусные правила политики века Макиавелева... вызывают омерзение»².

Куда проникательнее и глубже отношение к флорентийскому мыслителю одного из столпов как будто бы идеологии консервативной, защитника самодержавия в споре с самим императором Александром (что навлекло немилость последнего), Н.М. Карамзина (1766–1826). Н.М. Карамзин ставил нравственный закон выше политического³ и верил (в отличие от Пушкина) в его авторитет для государей⁴, но Макиавелли ценил очень высоко и знал, видимо, не поверхностно, цитируя мимоходом, например, отрывок из малоизвестного «Очерка германских дел»⁵. В Предисловии к «Истории государства Российского» в качестве эталона названо «глубокомыслие Макиавелево», а в «Записке о древней и

¹ Там же. С. 30.

² Там же. № 14. С. 113.

³ См.: Шмидт С.О. «История государства российского» Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Всемирная история и Восток. М., 1989. С. 194.

⁴ См.: Эйдельман Н.Я. Пушкин. Из биографии и творчества. 1826–1837. М., 1987. С. 244.

⁵ Карамзин Н.М. Соч. в 2-х т. Т. II. Л., 1984. С. 63.

новой России», ныне столь актуальной, много рассуждений просто проникнутых этим духом¹.

Здесь Карамзин рисует идеал мирной страны, где, однако, «преступления не остаются без наказания». «Кто знает человеческое сердце, состав и движение гражданских обществ, тот не усумнится в истине сказанного Макиавелем, что страх гораздо действительнее, гораздо обыкновеннее всех иных побуждений смертных»². Макиавелли уверял, что в развращённой стране возможна только «подлая» государственная форма – монархия; Карамзин же идёт далее, отдавая предпочтение прочности государства перед свободой: «Мне кажется, что для твёрдости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным...»³. Карамзин сокрушается о странной манере проводить реформы в России: мы гоним прежние имена, но оставляем в целости вещи (написано будто сегодня); хотя следовало бы наоборот: «Если число и власть сановников необходимо должно быть переменено, говорит умный Макиавель, то удержите хотя имя их для народа»⁴.

Карамзин понял Макиавелли как и все, по-своему, но лучше, чем писавший о духе его сочинений Потоцкий, однако ещё глубже проникся теми противоречиями, которые в своё время пытался разрешить великий флорентиец, самый «ренессансный» гений России XIX в. А.С. Пушкин (1799–1837)⁵. Мы уже упоминали о записях в в Table-Talk Пушкина (1835–1836), посвященных

¹ Там же. С. 237. См. также об упоминаниях Макиавелли у Карамзина: *Venturi F. Jan Malarczyk...* P. 397.

² *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России / Под ред. и с пред. В.В. Сиповского. Спб., 1914. С. 120.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ См. по этому поводу: *Хлодовский Р.И.* Пушкин и «Италия золотая» // Россия и Италия. М., 1993. С. 114–115.

«великому знатоку природы человеческой», как очень точно определил Макиавелли русский поэт. Кроме заметки о Поссевине, навеянной чтением французского издания сочинений флорентинца, обращает на себя внимание следующее рассуждение Пушкина: «Divide et impera есть правило государственное, не только макиавелическое (принимая это слово в его общенародном значении)»¹. Н. Эйдельман совершенно справедливо выводит отсюда, что поэт отделяет «общенародное» понимание слова «макиавеллизм» от личности флорентинца, тем самым как бы отменяя обвинения в адрес последнего. Правда, Пушкин, по всей видимости, не настаивая на авторстве Макиавелли относительно принципа «разделяй и властвуй» (а мы не раз подчёркивали мнимость этого авторства), оправдывает сам принцип или, по крайней мере, воспринимает его как необходимый в политике приём, неизбежное зло.

Как бы то ни было, автор Table-Talk знал Макиавелли не только по статье Перьеса. В имевшемся у него издании, осуществленном последним, судя по описанию сохранившейся части библиотеки Пушкина², были разрезаны тома с основными политическими и художественными произведениями Макиавелли, в том числе в т. IX «Описание чумы во Флоренции в 1527 г.», ранее приписывавшееся Макиавелли; «Правила для весёлой компании», «Мандрагора» и «Бельфагор» в изложении Лафонтена, письма к Веттори³. В трактате «Государь» (т. III) лежит бумажная закладка между страницами, где проводится различие между французским

¹ Пушкин А.С. Полн. СОБР. соч. Т. 12. М., 1949. С. 156.

² Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб., 1910; *Он же*. Библиотека Пушкина. Новые материалы. // Литературное наследство. Т. 16–18. М., 1934. См. также: Оксман Ю.Г. К истории библиотеки Пушкина // Сборник статей к 40-летию учёной деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934. С. 443.

³ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина... С. 278, № 1118.

и турецким типами государственного устройства¹. «Глупые карандашные комментарии», наличие которых Пушкин отметил при покупке, не сохранились².

Однако это далеко не всё, что связано с Макиавелли в дошедших до нас книгах Пушкина. У него был двухтомник «Избранных отрывков и мыслей» Макиавелли, правда, неразрезанный³. Есть книги Женгене, Кине, писавших о флорентийце, а в «Антологии итальянской поэзии» (указанной в другой публикации Модзалевского), где, между прочим, помещены эпиграмма на «Ночь» Микеланджело, приписанная здесь Джованбаттисте Строщи, и стихотворения Пиндемонти, находятся стихотворные капитоло Макиавелли «О неблагодарности» и «О случае», а также два варианта его эпиграммы на Пьеро Содерини⁴. Наконец, у Пушкина было собрание английских статей из «Эдинбург Ревью», в котором находилась и знаменитая (анонимная) статья Маколея о Макиавелли⁵.

Увлечённость Макиавелли подметил у Пушкина ещё П.В. Анненков считавший, что поэт подражал флорентийскому историку в своих «Замечаниях на анналы Тацита» (1825, сходство видно уже в названии). «По обыкновению своему, Пушкин стал писать заметки о Тиберии, следя за мыслями кесаря по рассказам знаменитого римского историка и выводя из сжатых его

¹ Там же.

² Б. Модзалевский полагает, что эти комментарии были на утраченном отдельном листке (там же), а Н. Эйдельман, что Пушкин вырвал страницу с ними: *Эйдельман Н.Я.* Пушкин... С. 249, прим. 1.

³ Machiavel, ou morceaux choisis et pensées de cet écrivain. Par Mr. Léon H*** (Halévy). P., 1823.2 vv.

⁴ I quattro poeti italiani con una scelta di poesie italiane dal 1200 sino a nostri tempi pubblicati da A. Buttura. Parigi, 1833. P. 669–671.

⁵ *Machiavelli. His works & character // Baudry's Collection of Ancient & Modern British Authors. V. CI (Selections from the Edinburgh Review. V. II. P., 1835. P. 340–366.* Об оригинале и прижизненном Пушкину русском переводе см ниже. С. 149 и прим. 90, 91.

определений те пояснения, образцы которых находятся у Макиавеля в его рассуждениях о книгах Тита Ливия»¹.

В 1930-е гг. М.Н. Розанов отыскивал истоки изображённых у Пушкина идеального и лицемерного правителей

в ренессансной Италии². Дук в «Анджело», по его мнению, сошёл со страниц Кастильоне и Эразма Роттердамского, а образ самого Анджело начертан по типу «обычного итальянского тирана XV–XVI веков», описанного у Макиавелли³. Об интересе Пушкина к Макиавелли упоминали Я. Малярчик и Ф. Вентури⁴, а не так давно к этой теме обратился Н. Эйдельман, говоря о полемике Пушкина с Карамзиным о закономерности и нравственности в истории⁵.

Преимущество Н.Эйдельмана в том, что он, следуя за Пушкиным, освобождается от стереотипа «общенародного» представления о Макиавелли, хотя, может быть, не во всём соблюдает точность. Сюжет, связанный с Макиавелли, «был для русской печати достаточно трудным, а в течение николаевских десятилетий – как бы не существующим»⁶ – это не совсем так, раз издавались переводы самого Макиавелли и сочинений о нём, как мы вскоре убедимся. Никто не привёл пока доказательств и того, что Екатерина II поощряла издание «Анти-Макиавелли», как полагает

¹ Анненков П.В. Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1883. С. 161.

² Розанов М.Н. Итальянский колорит в «Анджело» Пушкина // Сборник статей к 40-летию учёной деятельности академика А.С. Орлова. Л., 1934. С. 377–389.

³ Там же. С. 385.

⁴ Малярчик Я. Политическое учение... С. 7; Venturi F. Jan Malarczyk... P. 396.

⁵ Эйдельман Н.Я. Пушкин... С. 247–254.

⁶ Там же. С. 252.

Н. Эйдельман¹, хотя перевод и был ей посвящен. Зато вполне справедливы размышления Пушкина о Макиавелли историк связывает с драматическими произведениями первого: «Моцарт и Сальери», «Борисом Годуновым».

Главная мысль Макиавелли, как полагает Н. Эйдельман, состоит в том, что «нелепо рассуждать о благородстве или неблагородстве тех или иных исторических деятелей, не уяснив характера общих законов»². В исторических произведениях, в первую очередь в «Замечаниях на Анналы Тацита», Пушкин склоняется как будто бы к примирению с «силой вещей», старается воспринимать историю как естественный процесс; в драмах же отстаивает приоритет нравственной точки зрения. Так Пушкин, по Эйдельману, развивает линию Карамзина, отвлечённо рассуждающего о государственной мудрости, но наивно требующего от государей «голубиной чистоты»; Пушкин, уходя от «примитивного морализаторства», в то же время утверждает «чувства добрые», высшую мораль»³. Параллель с Макиавелли, который был, на мой взгляд, как раз преобразователем в понимании нравственности, напрашивается здесь сама собой. Но вся острота вопроса заключалась как раз в том, чтобы связать это объективное давление «силы вещей», этот безликий напор исторической необходимости с личной ответственностью деятеля; найти ответ одновременно и нравственный, и правдивый, то есть не приукрашивающий великого человека, как в одном из вариантов пушкинского Наполеона («Герой») – «возвышающий обман» – это тоже из «макиавелической» серии. Кстати, желание видеть героя великим не только в жестоких бранных и государственных трудах, но и в милосердии объясняется столь же ренессансной

¹ Там же. С. 253, прим.1. Мы приводили в предыдущей главе мнение Н.В. Губерты о том, что при Екатерине II «Анти-Макиавелли» был, напротив, запрещён (с. 164).

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 253–254.

потребностью поднять его над «бессмысленной толпой»: «Да будет проклят правды свет, когда посредственности хладной, Завистливой, к соблазну жадной, Он угождает праздно!»¹.

Наполеон, как мы видели, одна из ключевых фигур для «макиавеллизма» начала XIX в. И вот вариация этой темы в «Евгении Онегине»: «Мы все глядим в Наполеоны, Двуногих тварей миллионы, Для нас орудие одно, Нам чувство дико и смешно»². Герой и толпа, выдающаяся личность, которой «всё позволено» (позднее у Достоевского) и бремя общественного мнения – всё это макиавеллиевские проблемы, только обострившиеся с наступлением XIX и XX ст. Профессора истории рассуждали о них с высоких кафедр, всё же отгороженных от внешнего мира книжной стеной, поэтому куда острее заявляют они о себе устами двух гениев русской художественной культуры, Пушкина и Достоевского.

Пушкин ощущает ту грань, за которой добро и зло меняются местами, когда зло бывает морально, а добро аморально. В этом парадоксе, впрочем, нет новизны, мы встречаем его и в Евангелии: «Сберегший душу свою потеряет её; а потерявший душу свою ради Меня сбережёт её»³. В трагедии «Моцарт и Сальери» «злодейство» оправдано всеми возможными способами, какими может его оправдать человек частный, но по сути берущий на себя роль высшего судьи, восстанавливающего справедливость, которой нет не только на земле, но и выше. Однако, доводы Сальери, оправдывающие его собственную, эгоистическую страсть (это не столько зависть, сколько двусмысленная любовь-ненависть к жертве) можно счесть ложными с точки зрения общечеловеческой нравственности. Сложнее узел в

¹ Пушкин А.С. Собр. соч.; в 10 т. Т. II. М., 1981. С. 192.

² Там же. Т. IV. С. 34.

³ Мф. 10, 39.

«Борисе Годунове», где чувства и поступки соизмеряются с тем же общим благом, благом государства.

И здесь слово «страсть» лучше всего подходит к объяснению противоречий трагедии, ибо всякая страсть двойственна (как это в полной мере звучит у Достоевского), а не только иступлённая любовь-ненависть предателя. Описание взаимоотношений человека и власти в терминах нравственных и психологических очень близко к ренессансному ощущению «государственного искусства», столь ярко выраженному у Макиавелли, хотя последнего многие и воспринимают как холодного и расчётливого теоретика.

Подобное восприятие коллизий власти у Пушкина дополняется родственным Макиавелли натурализмом. В одном из монологов царь говорит: «...счастья нет моей душе. Не так ли Мы смолоду влюбляемся и алчем Утех любви, но только утолим Сердечный глад мгновенным обладаньем. Уж охладев, скучаем и томимся?»¹. Это почти физиологическое сравнение встаёт в один ряд с уподоблением государства организму у Макиавелли и одновременно напоминает его строки о том, что судьба – женщина, которая более расположена к молодым и т.д. В том же монологе рассуждения о народе и о черни: «Живая власть для черни ненавистна. Они любить умеют только мёртвых»... В нередко высказываемом у Пушкина презрении к черни, толпе и вместе с тем признании авторитета «мнения народного» также немало общего с Макиавелли, которому не чужд был и вопрос о совести и ответственности правителя.

Трагедия политической жизни людей, как её понимает Пушкин (и в «Борисе Годунове» и, например, в «Анджело») – в противоборстве человеческих страстей и холодного, неумолимого закона, примирить которые в конечном счёте нет возможности. Злодейство у Пушкина несёт наказание в себе самом, в укорах совести и отравляет

¹ Пушкин А.С. Собр. соч. Т. VII. С. 201.

все добрые намерения в отношении подданных его носителя у власти: правление Годунова превращается в кошмар, его мучает постоянный страх, он поощряет доносы и пр. Но неизбежно и преступление во имя общего блага, ответственность за которое не всегда можно списать на закон. Ответственность – безмерно дорогая плата за свободу, которую принимают на себя лишь немногие. Трагедии истории и тяжкой ответственности у Пушкина, как и у Макиавелли, противостоит только воля слабого человека, как бы он ни был велик (а за величие надо платить отчуждением: «Пётр I презирал людей больше, чем Наполеон»¹). Великий деятель всё равно несвободен, настоящая свобода – вне рамок закона («ветру, и орлу, и сердцу девы нет закона»).

Как ни странно, Пушкин не становится ни на сторону человека перед обществом («Цыганы»), ни на сторону общества в лице государства, закона, морали перед человеком («Медный всадник»). В этом, может быть, и заключается его расхождение с декабристами, продолжателями дела просветителей XVIII в., учивших, что «право гражданское повелевает нам предпочитать благосостояние многих людей общества полезных, благосостоянию одного вредного человека»². Пестель полагал, что благоденствие общественное должно считаться выше благоденствия частного³.

Павла Ивановича Пестеля (1793–1826) можно считать одним из претендентов на звание «русского Макиавелли». Его начальник, генерал П.Д. Киселёв, почитал его «человеком умным, но безнравственным; шуткою, по сходству его лица (личности), называл его Макиавелли и в часы отдохновения любил его общество,

¹ Там же. С. 274.

² *Козельский Я.П.* Философические предложения. 1768. С. 115. Цит. по: *Яхин Р.Х.* Государственно-правовые взгляды П.И. Пестеля. Казань, 1961. С. 50.

³ См. там же.

но никогда не замечал вольнодумства»¹. В письме 1822 г. Киселёв так прощается со своим адресатом: «До свидания, Макиавелли»². Теме «Пестель и Макиавелли» посвящена статья В.С. Парсамова, из которой можно заключить, что Пестель не брезговал сомнительными средствами ради исполнения своих задач: обвинил неугодного офицера в вольнодумстве, бросил тень (по мнению Пушкина) на молдавского господаря Суццо в письме к царю, чтобы выслужиться и получить полк, вероятно, в интересах будущего восстания. Тот же Киселёв так отзывался о нём в 1819 г.: отмечал «способности ума, но душа и правила черны, как грязь»³. В этом смысле В.С. Парсамов противопоставляет Пестеля «людям 14 декабря» – у него «трезвый политический расчёт брал верх над романтическим героизмом»⁴. Деятели же Северного общества, типа Рыльева, считали достаточным пролить кровь за свободу, даже без надежды на успех. Такого рода противоположение, особенно если привязывать его к Макиавелли, выглядит очень условным. Романтический героизм был не чужд и великому флорентийцу, напомним хотя бы его «Воззвание об освобождении Италии» – глава XXVI «Государя». А вообще романтизм в революции может быть куда опаснее, чем трезвый расчёт.

О декабристах с определённой можно сказать только, что Макиавелли входил в круг их чтения и воспринимался с интересом – это вполне объяснимо. Один из братьев Тургеневых, Сергей Иванович, в дневнике 1816 г. замечает, что главу VIII «Государя» следовало бы читать Бурбонам⁵. (В.С. Парсамов предполагает, что речь о том

¹ По документам РО ИРЛИ цитируется у: *Парсамов В.С.* О восприятии П.И. Пестеля... С. 22.

² Памяти декабристов Л., 1926. Т. III. С. 181. См. также: *Парсамов В.С.* О восприятии П.И. Пестеля... С. 22; *Venturi F. Jan Malarczyk...* P. 397.

³ Цит по: *Парсамов В.С.* О восприятии П.И. Пестеля... С. 26.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Запись 25 июня 1816 г. цитируется в ст.: *Пугачёв В.В.* Сергей Иванович Тургенев // Учёные Записки Горьковского университета. Серия

месте, где рекомендуется обиды наносить разом, а благодеяния творить постепенно¹.) Другой брат, Александр Иванович (1784–1845), близкий к декабристам, приводит в письме к П.А. Вяземскому слова поэта Василия Андреевича Жуковского: «С Гельвецием, как с Макиавелли. Тот делает дураков ещё глупее, этот приводит ослов и плутов на виселицу»². (Эти слова цитирует в своей рецензии Ф. Вентури, однако он относит к Макиавелли первую часть фразы – о дураках, по-видимому, ошибочно³.) Декабрист Николай Иванович Тургенев (1789–1871), по мнению В.С. Парсамова, отводил от своих сотоварищей обвинение в макиавеллизме: «Цель не оправдывает средства, говорили они» (члены тайных обществ)⁴. Н.А. Крюков, напротив, признавал, что «средства облагораживаются целями»⁵. Это заявление он сделал Следственной комиссии, которой сообщал, что наряду с другими писателями изучал и Макиавелли⁶.

Подобное признание сделал и декабрист Муравьев, только не Никита, как по ошибке пишет Ф. Вентури, а Александр Николаевич: «Вольно-бездумно-думство моё

историко-филологическая. Горький. 1963. Вып. 58. С. 277 и у Парсамова В.С. О восприятии... С. 24–25, прим. 14.

¹ Парсамов В.С. О восприятии... С. 24–25, прим. 14.

² «Es ist mit dem Helvetius wie mit Machiavelli. Thoren macht jener noch närrischsten. Esel und Schelmen bringt dieser an den Galgen». Возможно, эти слова изначально принадлежали академику (швейцарскому историку) И. Миллеру (Мюллеру). По-видимому, в приводимой публикации случайно пропущена значительная часть письма. См.: Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 250.

³ Venturi F. Jan Malarczyk... P. 397. В описи библиотеки А.Тургенева (РО ГБЛ, ф. 507, карт. 4, № 2), составленной в 1808–1809 гг., книга Макиавелли не названо. О знакомстве В.А. Жуковского с произведениями Макиавелли см. в кн.: Жуковский и русская культура. Сб. статей. М., 1988. С. 177. Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск, 1978. С. 467, 507.

⁴ Тургенев Н.И. Россия и русские. Ч. 1. М., 1907. С. 71. Цит. по: Парсамов В.С. О восприятии... С. 25.

⁵ Восстание декабристов. т. XI. М., 1954. С. 372. См. также: Парсамов В.С. О восприятии... С. 25.

⁶ Там же: Venturi F. Jan Malarczyk... P. 396–397.

заимствовал в чужих краях, после войны 1813–1814 гг. начал читать разные политические книги, как-то Макиавелли, Монтескье, Руссо... /плоды/ повреждённого разума человеческого...»¹. Декабрист А.Ф. Бриген в письме к А.И. Михайловскому-Данилевскому радуется покупке «всех сочинений» Макиавелли (по-видимому, однотомника «Тестина»)². Сочинения Макиавелли в издании Перьеса были также в библиотеке Артамона Захарьевича Муравьева³.

Наконец, о непосредственном знакомстве с Макиавелли Пестеля мы знаем из свидетельства полковника Н. Комарова, приводящего совет Пестеля читать наряду с другими (примерно теми же, что у Крюкова) авторами – Беккариа, Гельвецием, Сэем, Смитом – и Макиавелли⁴. Н.И. Лорер вспоминает о том, что Пестель ссылаясь на Макиавелли в политическом споре, приписывая правительству возможность «макиавеллических» ходов⁵. Все приведённые факты не позволяют ещё сделать вывод о каком-то влиянии итальянского мыслителя на декабристов или об усвоении ими его идей, хотя их интерес к Макиавелли являлся подтверждением того, что в России последнему чаще симпатизировали оппозиционные власти деятели, нежели защитники существующего строя. На Западе гораздо чаще можно было видеть среди поклонников Макиавелли монархов и министров, особенно в XVI–XVII вв. Правда, можно привести факты, и не

¹ См.: *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб, 1909. С. 217; *Venturi F. Jan Malarczyk...* P. 397.

² *Бриген А.Ф.* Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 77. Цит. по: *Парсамов В.С.* О восприятии... С. 24.

³ *Степанов А.Н.* К вопросу об изучении библиотек декабристов// Сб. статей и материалов по книговедению к 400-летию АН СССР. Вып. 1. Л., 1965. С. 63.

⁴ *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи... С. 225; *Довнар-Запольский М.В.* Мемуары декабристов. Вып. I. Киев, 1906. С. 28, *Venturi F. Jan Malarczyk...* P. 397.

⁵ *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 74; *Парсамов В.С.* О восприятии... С. 25; *Venturi F. Jan Malarczyk...* P. 397.

отвечающие этому правилу. В жизнеописании М.П. Погодина рассказывается о путешествии за границу Б.Н. Чичерина в качестве преподавателя государственного права цесаревичу Николаю Александровичу (умершему в 1864 г.); здесь отмечено: «Великий князь успел прочесть кой-что из Макиавелли, который произвёл на него сильное впечатление»¹.

Судьбы Макиавелли в николаевскую эпоху странным образом напоминают сталинские годы: выходят переводы его сочинений (в первую очередь, как и через столетие, диалогов «О военном искусстве»), рецензии на них и на иностранные книги о нём, но самостоятельных суждений о Макиавелли мало, может быть, потому, что флорентинец выглядел фигурой двусмысленной и даже одиозной. Первый же полный, не отрывочный перевод одного из сочинений Макиавелли появился в российском печатном издании ещё в 1824 г. – в альманахе «Мнемозина», издаваемом В.Ф. Одоевским и В.К. Кюхельбекером² (в библиотеке князя В.Ф. Одоевского (1804–1869), известного писателя и литературного деятеля, было несколько изданий Макиавелли)³. В третьей части альманаха, вместе с сочинениями А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, Д.В. Давыдова, Е.А. Баратынского, А.С. Грибоедова был напечатан анонимный перевод известной новеллы Макиавелли «Бельфагор» (Бельфегор. Повесть из Макиавеля – с итальянского)⁴.

Эта же новелла была перепечатана, как указывают Я. Мальярчик и другие⁵, в журнале «Галатей»¹, издаваемом

¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888–1910. Кн. 22. С. 5.

² Мнемозина. Собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемое кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером. Типогр. имп. Московских театров: М., 1824.

³ Каталог библиотеки В.Ф. Одоевского. М., 1988, № 2922–2925.

⁴ Мнемозина..., 1824. ч. 3. с. 96.

⁵ Мальярчик Я. Политическое учение... С. 8; Venturi F. Jan Malarczyk... P. 397; Bertelli S., Innocenti P. Bibliografia machiavelliana... P. CCXLVII.

С.Е. Раичем, участником «Мнемозины», со следующим примечанием: «Повесть сия напечатана была в одном из повременных изданий в 1824 году и – искажена без ведома переводчика. Здесь помещается она с поправками сообразно с подлинником. Переводчик». С очень большой долей вероятия можно утверждать, что этот перевод принадлежал перу Михаила Петровича Погодина (1800–1875), известного писателя и историка, славянофила, который занимался и переводческой деятельностью. Из дневника его явствует, что в 1825 г. Погодин «прочёл перевод свой из Макиавеля» на заседании литературного общества, основанного С. Раичем, а в конце 1826 г. собирался переводить из Макиавелли для альманаха под названием «Гермес»². Приехавший в Москву по вызову императора Пушкин предложил издавать постоянный журнал, и альманах не увидел света³. Кстати, в эти же дни

¹ Бельфегор (Повесть о Макиавелли. С итальянского) // Галатея. М., 1830. № 29. С. 145–157. Кстати, цензором журнала был С. Глинка.

² Барсуков Н.П. Жизнь и труды... Кн. 1. С. 303; кн. II. С. 39.

³ Там же. Кн. II. С. 39. Душой журнала («Московский вестник»), который начал издаваться по предложению Пушкина, как и кружка Любомудров, участвовавшего в нём, был Д.В. Веневитинов (1805–1827), в доме которого Пушкин читал свои новые произведения. С Веневитиновым связан ещё один эпизод, имеющий отношение к нашей теме. В 1826 г. поэт перевёл несколько сцен из трагедии Гёте «Эгмонт» (см. Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 181–201, 261–273, а также Маймин Е.А. Д. Веневитинов и его наследие; там же. С. 416 и след.). В них действует некий Макиавель, придворный правительницы Маргариты Пармской, проницательный и дальновидный советник. Известно, что это историческое лицо, упоминаемое в современных источниках (истории иезуита Ф.Страды), агент короля Филиппа, послуживший для Гёте поводом вспомнить его великого однофамильца и использовать в своей пьесе в качестве рупора истории (S. Zimmerman E.Goethes Egmont. Halle a.d. Saale, 1909, 8. 79–80, 144–145; Goethe J.W.Werke. Bd. 4. München, 1974. S. 571, 590. Famiani Stradae Romani e Societate Jesu De Bello belgico Decas prima. Antverpiae, 1649. P. 361, 363). У Гёте этот персонаж выведен с симпатией; возможно, не случайно он фигурирует и в отрывках, переведённых Веневитиновым.

познакомившийся с Пушкиным Погодин был свидетелем авторского чтения «Бориса Годунова» и оставил его известное описание.

Ещё одним подтверждением авторства Погодина может служить хранящийся в его бумагах рукописный перевод (записанный его почерком) «Макиавелли Н. О том, как Бельфагор, архидьявол, посылается Плутоном на землю с повелением жениться»¹. Здесь, как и в публикациях, имеется заголовок: «Повесть Макиавелли. С итальянского». Тексты, правда, отличаются, достаточно сравнить инципит: (в рукописи) «В древних летописях флорентийских упоминается об одном достопочтенном старце...»; в печати – «В древних флорентийских летописях случилось мне читать, что какой-то святой муж...». В этом варианте героя

Кстати, упомянутая пьеса Гёте была, по всей вероятности, источником некоего «кви про кво» в лекциях Т.Н. Грановского, который говорит о Филиппе II следующее: «Правление в Нидерландах он вверил сестре своей Маргарите, герцогине Пармской, женщине умной, образованной, но преданной учению Макиавелли» (*Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья*. М., 1986. С. 171). Скорее всего, эта фраза навеяна смутными воспоминаниями об «Эгмонте» Гёте.

Ещё один драматургический эпизод этого времени связан с постановкой театральной обработки той же новеллы Макиавелли «Бельфагор», которая выдержала несколько представлений в Петербургском Александрийском театре: «Чёртов колпачёк, или Что на уме, то и на языке. Фантастическая сказка-водевиль в I действии А. Дартуа, Ж.А. Сен-Жоржа и Ж. Вернэ. («Belphégor, ou le bonnet du diable»). Сюжет заимствован из рассказа Н. Макиавелли «Belfagor-archidiavolo». Пер. с франц. П.Н. Арапова. СПб., 1838. /Постановка/ Петербург 1838, янв. 26, 30, февр.2». История русского драматического театра: в 7 т. Т. 3. 1826–1845. М., 1978. С. 332–333.

¹ ОР РГБ. Пог/III.8.1.М 3040. 16 лл. В статье А.О.Демина «Макиавелли» для Пушкинской энциклопедии (также в изд.: Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18/19) без дальнейшей аргументации и ссылок сказано: «С.Е. Раич дважды напечатал в разных вар. (Мнемозина. 1824. Ч. 3. С. 62–74; Галатея. 1830. № 20. С. 145–157) свой пер. новеллы М.: «Бельфагор». Между прочим, в записках 1823 г. Раич упоминает о своих планах перевести «Историю Флоренции» Макиавелли. См.: *Королева Н.В. Тютчев и Пушкин // Пушкин: Исследования и материалы*. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 4. – С. 183–207.

зовут Матвей, в рукописном – Маттео. Но перевод, по-видимому, подвергался автором значительной переработке, о чём свидетельствуют и карандашные поправки в рукописи; например, слово «бес» переправлено везде на «злой дух». Кроме того, эта копия относится, вероятно, к более позднему периоду, так как штемпель на ряде листов (лл. 1–7 из 16) рукописи, принадлежащий фабрике Аристархова, указывает, по таблицам, на 1850-е гг.¹

В 1851 г. в издаваемом Погодиным совместно с Шевыревым журнале «Москвитянин» была опубликована рецензия на три иностранные книги, каждая из которых «имеет целью оправдание Макиавелли...»². Автор рецензии обратил внимание на сравнение Макиавелли с Лютером, который, по словам Мундта, «не хотел светской реформы, поэтому с движением духовной свободы он соединил цели политической реакции»³. Рассмотренное здесь же сочинение Маколея, ставшее в своё время важной вехой макиавеллистики, имело немалое влияние на многих читателей Макиавелли в России (об этом пишет П.С. Рейфман, который, правда, ошибочно полагает, что первый перевод статьи Маколея вышел только в 1860 г.)⁴. Рецензент «Москвитянина» довольно дружелюбно отзывался о таланте и патриотизме самого английского историка, признавая правомочным исторический подход к нравственным оценкам. По-другому отзывался в этой связи о Маколее историк права Д.И. Каченовский (1827–1872), утверждавший, что некоторые недовольны «его слишком

¹ См.: *Клетиков С.А.* Филигранные и штемпели. М., 1959. Табл. А, № 9.

² Сочинения Эбелинга, Мундта, Маколея о Макиавелли // *Москвитянин*. М., 1851. Ч. III. С. 216–226.

³ Там же. С. 218.

⁴ *Рейфман П.С.* Макиавелли и литературно-общественная борьба 1860-х гг. Тезисы доклада // *Филологические науки в Тартуском университете*. Тарту, 1982. С. 113–117.

снисходительным взглядом на жизнь и учение Макиавелли»¹.

Мало кому известно, что статья Маколея о Макиавелли была переведена в России ещё в 1828 г. под названием «Макиавель и его век» в журнале «Московский Телеграф», издававшемся Н.А. Полевым². То есть произошло это почти сразу после её первой публикации в «Эдинбург Ревью», где она появилась, между прочим, в качестве рецензии на новое собрание сочинение Макиавелли во французском переводе Перьеса³. В «Московском Телеграфе» статья была ошибочно приписана историку У. Роско, между тем как достаточно сравнить её с находящимся в томе I Собрания сочинений Маколея (1860 г.) очерком последнего о Макиавелли, чтобы убедиться в их тождестве, хотя журнальный вариант сокращён⁴. Было и ещё одно издание этого сочинения Маколея до 1860 г.: в журнале «Отечественные Записки» в 1856 г.⁵ Столь популярная в России статья Маколея примечательна своим непредвзятым подходом к творчеству великого итальянца. С уважением отзываясь о «честности ума» Макиавелли⁶, Маколей делает оговорки о том, что флорентиец «глубже

¹ Каченовский Д.И. Воспоминания о Маколе // Русское слово. СПб., 1860 № 6, отд. I. С. 87.

² Макиавель и его век // Московский Телеграф. М., 1828. № 5. С. 50–76 и 172–203. Ср. *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 7 и прим. 24, где вслед за журналом эта статья приписывается У. Роско, который якобы «высоко оценивает политические идеи Макиавелли» (хотя на деле Роско считал последнего человеком «остроумным, но не великим»).

³ *Macauley Th.B.* Рец. на кн.: *Oeuvres complètes de Machiavel traduites par J. V. Périès* // *The Edinburgh Review or Critical journal for march 1827*. V. XLV. N 90. P. 254–295.

⁴ *Маколей Т.Б.* Полн. собр. соч. Критические и исторические опыты. Т. 1, СПб, 1860, изд. Ник. Тиблена. С. 62–109. Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 14.

⁵ *Маколей Т.Б.* Макиавелли // *Отечественные Записки*. СПб., 1856. Т. CVIII. № 9–10. С. 364–399.

⁶ *Маколей Т.Б.* Полное собрание... Т. I. С. 103.

вникает в средства, нежели в цель»¹ и разделяет пагубное заблуждение полисных граждан, «заботившихся более о благе общества, не думая о благе всех частных лиц». Упрёки в адрес Макиавелли английский историк смягчает ссылками на нравы его времени (что в начале XIX в. еще не выглядело общим местом) и итальянский характер. В целом Маколей явился одним из самых выдающихся апологетов Макиавелли, и его сочинение до сих пор читается с интересом; уже в начале нашего века, однако, А.В. Амфитеатров высказывал сожаление о том, что оно незаслуженно забыто².

Своё знакомство с Макиавелли русский читатель середины XIX в. мог дополнить по его диалогам «О военном искусстве», изданным в 1839 г. в серии «Военная библиотека, с высочайшего соизволения посвященная Российской Армии»³. Перевод был сделан военным историком, в то время капитаном, М.И. Богдановичем (1805–1882). В этом томе имеется небольшое предисловие, в котором Макиавелли как военный теоретик назван предшественником Наполеона и Жомини; впрочем, некоторые из его правил сочтены устаревшими⁴.

Наконец, в дореформенной России впервые прозвучали профессиональные отзывы о Макиавелли отечественных медиевистов, если и не посвятивших ему специальных работ, то по крайней мере хорошо знакомых с западными публикациями своего времени. Прежде всего речь должна идти о профессорах Московского университета Т.Н. Грановском и П.Н. Кудрявцеве. Преподавательская

¹ Макиавель и его век... С. 195.

² Амфитеатров А.В. Собр. соч. Т. XXIX. СПб., 1914. С. 123.

³ Военная библиотека, с высочайшего соизволения посвященная Российской армии. Т. 4. Войны средних времён. Военное искусство, сочинение Макиавелли. Перевод капитана М.И. Богдановича. СПб., 1839. Ср.: Малаярчик Я. Политическое учение... С. 8; Bertelli S., *Innocenti P.* Bibliografia machiavelliana... P. CCXLVII.

⁴ Там же. Предисловие пер. С. П. В ГПИБ имеется экземпляр из библиотеки А.Н. Голицына.

деятельность Грановского (1813–1855), одного из кумиров зарождающегося либерального, «западнического», лагеря, имела, как известно, большой резонанс в образованном слое общества. Макиавелли глубоко интересовал Грановского, который посвящал ему отдельную лекцию в своём курсе¹. Как и многие западные историки, Грановский оправдывает намерения Макиавелли как великого гражданина Италии и считает, что «репутация его восстановлена»². Кроме того, Грановский ценит историческое первооткрывательство Макиавелли, предложившего цельный взгляд на историю народов и её законы, на внутренние пружины общественного развития. Вместе с тем историк делает обычные для своего времени оговорки: в «Государе» нравственность частная резко отделена от политической и гражданской³, идеалы Макиавелли ограничиваются заветами Римской республики. «Внутренние требования отдельного человека», его внутренний мир, как утверждает Грановский, остался чужд Макиавелли⁴. У него, соответственно, «понятие нравственности было политическим, он говорил, что благо народа есть высший закон»⁵ – тот же знакомый нам упрёк, адресуемый Макиавелли как бы «справа». Этот упрёк дополняется традиционным утверждением, что для Макиавелли «все средства, ведущие к достижению общественного блага, оправдываются этой целью»⁶. Эти неосторожные советы,

¹ Лекции Т.Н. Грановского по истории позднего средневековья (Записки слушателей с авторской правкой). М., 1971. Лекции 12, 13. Ср. там же предисловие: *Асиновской С.А.* С. 13 и *Левандовский А.А.* *Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции.* М., 1990. С. 77–79.

² Лекции Т.Н. Грановского... С. 99.

³ Там же. С. 101.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ Там же, с. 101.

⁶ Там же. С. 107. Ср.: *Левандовский А.А.* *Время Грановского...* С. 78.

говорит Грановский, «оказали влияние, о котором, конечно, не думал Макиавелли»¹.

Ещё более заметное место великий флорентиец занимает в творчестве ученика Грановского, также профессора Московского университета, П.Н. Кудрявцева (1816–1858). Кудрявцев следует за некоторыми идеями Макиавелли в своей книге «Судьбы Италии», впервые изданной в 1850 г.²; в своём лекционном курсе по Новой истории он посвящает итальянцу большую часть вводной лекции³. Подход Кудрявцева очень напоминает Грановского, хотя он излагает содержание «Государя» и «Рассуждений» гораздо подробнее, чем его учитель. Кстати, хотя сильная сторона обоих – глубокое понимание источника, в лекциях встречаются фактические неточности (записывали студенты, но текст авторизован) – например, согласно Кудрявцеву Макиавелли служил при дворе Медичи, а герцог Валентино объединил Флоренцию⁴.

Кудрявцев приводит как общепризнанную ту мысль, что «...настоящая политика нового мира в высшем её значении началась с Макиавелли»⁵. Приписываемая флорентийцу «макиавеллистическая система» есть «лишь самое тривиальное истолкование первоначальной мысли

¹ Лекции Т.Н. Грановского... С. 107.

² Кудрявцев П.Н. Судьбы Италии. М., 1850. С. V–VI. Диссертацию на эту тему Кудрявцев защитил в декабре 1850 г.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды..., кн. VI. С. 31. Из дневника М.П. Погодина мы узнаём также, что в 1852 г. кандидатскую диссертацию о Макиавелли готовил А.И. Георгиевский, впоследствии крупный чиновник (там же. С. 322), а в другом месте – о том, что среди 6 бюстов итальянских гениев, украшавших поместье знаменитого министра, графа С.С. Уварова, было и изображение Макиавелли (там же, кн. XII. С. 63).

³ Кудрявцев П.Н. Лекции. Соч. Избр. М., 1991. С. 17–32.

⁴ Там же. С. 18, 29. Вероятно, это описка: Флоренция вместо Романья, так же как в лекциях Грановского вместо Лоренцо Медичи студент Бессонов по ошибке записал Пьеро, что было исправлено Грановским (Лекции... ч. 101, 102).

⁵ Кудрявцев П.Н. Лекции... С. 18.

автора» – почти «искажение этой мысли»¹. Как и Грановского, Кудрявцева Макиавелли привлекает своим отношением к истории: «чтобы судить о современных отношениях, он отправляется от политических начал древности»², это позволяет ему проникать своей гениальной мыслью в будущее³. Русские историки середины XIX в. чувствовали, вероятно, в этом смысле некоторое духовное родство с побуждениями великого итальянца, ибо история и дела минувших дней, оживавшие в университетских лекциях, очень злободневно отзывались в умах современников.

Кудрявцев справедливо замечает, что Макиавелли «не знает совершенного общества, не составляет себе идеала его»⁴. Смысл творчества флорентийца Кудрявцев видит, тем не менее, в утверждении государственного начала, не важно в каком обличи (кстати, для обозначения режима, обрисованного в трактате «Государь» и противоположаемого республике, он употребляет термин «принципат», как и некоторые современники – таким образом, проблема перевода решается калькой с итальянского). Чрезмерное увлечение Макиавелли борьбой за автономию государства заслуживает, по мнению Кудрявцева, осуждения; впрочем, «странное впечатление», производимое трактатом «Государь» на читателя, историк объясняет тем, что некоторые качества, приложимые по сути к отвлечённому понятию, общему представлению о власти, «в особенности же полицейского государства», Макиавелли переносит на лицо государя⁵.

¹ Там же. С. 17.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же. С. 28. К середине XIX в. относятся ещё издания: *Волконский А./Н./ Рим и Италия древних и новейших времён, в историческом, нравственном и художественном отношениях*. Ч. 1, 2. М., 1845, где глава о Макиавелли написана по иностранным источникам, и Блунчли И.Е.

Кудрявцев несколько раз подчёркивает, что Макиавелли – не революционер, в смысле предпочтения одной государственной формы другой, то есть, читай, что он не враг монархии. Но прошло несколько лет, и стали заявлять о себе иные прочтения Макиавелли, как раз революционного толка. Во всяком случае, эпоха реформ в России пробудила чрезвычайный интерес к его личности и трудам. Фактом первостепенного значения явилось издание в 1869 г. двух главных сочинений Макиавелли в однотомнике под редакцией Николая Степановича Курочкина (1830–1884), брата известного поэта демократического направления, Василия Степановича Курочкина¹. По сегодняшний день² эта книга содержит единственный полный перевод «Рассуждений» на русский язык – хотя уже почти сто лет назад А.В. Амфитеатров не мог её отыскать³. Между прочим, несмотря на это он называет перевод Курочкина «великолепным» – может быть, судя по каким-то цитатам. В одной из рецензий этот перевод назван «во всех отношениях хорошим»⁴, в другой – добросовестным, за исключением латинских цитат⁵. Надо

История общего госуд. права и политики от XVI в. по настоящее время. Спб., 1874. (Пер. с нем.)

¹ *Макиавелли Н.* Государь (Il Principe) и рассуждения на первые три /так/книги Тита Ливия/ Пер. под ред. Н. Курочкина. Спб., 1869. Я. Малярчик связывает с этим изданием переломный момент в отношении к Макиавелли в России: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 9. Любопытно, что первые переводы Макиавелли на польский язык появились в печати в те же годы. См.: *Malarczyk J.* La fortuna... Р. 22, п. 43. В 1996 г. перевод под редакцией Курочкина был перепечатан издательством «Мысль».

² Это было написано в 1995 г. Перевод, сделанный автором этих строк, впервые вышел в 2002 г.

³ *Амфитеатров А.В.* Собр. соч. Т. XXIX. С. 121.

⁴ Санкт-Петербургские Ведомости. СПб., 1869. № 243. С. 2.

⁵ Библиограф. Спб., 1869. Т. 1. № 2. С. 88–95. Автор рецензии решил восполнить пробел издания и написать как бы предисловие, без которого сочинения Макиавелли кажутся «самой безнравственной и подлой книжкой» (с. 89). Сам рецензент сообщает такую подробность, что при Анне Иоанновне «Государя» перевёл «кабинет-министр» князь

сказать, что и в переводе с итальянского есть неточности, начиная с заглавия, в котором по какому-то недоразумению говорится о трёх книгах Тита Ливия вместо десяти. Другой пример – отрывок о свободе и необходимости: «Люди действуют по необходимости, или по свободному выбору, чем свободнее они в своих поступках, тем больше обнаруживается их достоинство»¹. Этот вольный перевод фразы из главы I книги I «Рассуждений» переиначивает её смысл, состоящий в том, что «доблести проявляется больше там, где выбор ограничен» – «si vede quivi essere maggior virtù dove la elezione ha meno autorità» (Это можно подтвердить цитатой из того же перевода Курочкина чуть ниже: «люди поступают хорошо только по необходимости; но как скоро им предоставляется выбор и как скоро они могут действовать по произволу, немедленно возникают всевозможные смуты и беспорядки...»²). Во всяком случае, перевод в издании Курочкина отличается достаточно яркими, но не кричащими красками, и уже своим долголетием вошёл в традиции русской «макиавеллианы».

Одновременно с вышеназванным увидел свет ещё один перевод «Государя» на русский язык, на этот раз с немецкого, вместе с предисловием и примечаниями немецкого переводчика Реберга, который, как отмечает Амфитеатров, ещё до Маколея объяснял противоречия Макиавелли особенностями эпохи³. Отношение Реберга к Макиавелли скорее отрицательное, так как он усматривает в учении итальянца, как можно было бы сказать сегодня,

Волконский (!) – читай Волинский; что взято, видимо, из разбираемой ниже статьи В. Попова.

¹ *Макиавелли Н.* Государь... С. 123.

² Там же. С. 131. Также искажена важная фраза из гл. 2 кн. II «Рассуждений» о том, что сильнее всего подданных (колонии) поработает республика. У Курочкина вместо «республика» переведено «государство», может быть, чтобы Макиавелли не выглядел антиреспубликанцем.

³ *Амфитеатров А.В.* Собр. соч. Т. XXIX. С. 176, прим. 1.

реакционно-утопические черты; подобная критика подразумеваемых революционно-тоталитаристских устремлений автора «Государя» звучит справа, и не только справа на протяжении всего XIX в. Увлекаться Макиавелли могут, по мнению Реберга, лишь мечтатели, желающие улучшить человеческий род¹.

Перевод с немецкого на русский довольно тяжеловесный, так, глава XXVI названа «Воззванием к Италии об освобождении себя от чужеземного господства». Автор перевода представляет собой любопытную фигуру, это Фёдор Карлович Затлер (1805–1876), генерал-интендант действующих армий во время Крымской войны, впоследствии судом обвинённый в хищениях и до конца своих дней хлопотавший о реабилитации. Как раз в декабре 1869 г. его усилия отчасти увенчались успехом – он был восстановлен в правах по службе².

Одновременное появление двух переводов трактатов Макиавелли не должно удивлять, оно было подготовлено публикациями предшествовавших лет. Наиболее существенной и знаменательной я бы назвал статью, появившуюся в 4-м и 5-м номерах журнала «Русское слово» за 1859 г.³ Статья принадлежала перу Василия Петровича Попова (1828–1886), штабс-капитана, преподавателя русской словесности в кадетском корпусе, переводчика и драматурга. Попов был другом издателя журнала Благосветлова, а впоследствии и другом самого знаменитого сотрудника «Русского слова» Д.И. Писарева, который в 1861 г. даже жил у него на квартире⁴.

¹ *Макиавелли Н.* Монарх. Сочинение Николая Макиавеля / Пер. с нем. Фёдора Затлера. СПб., 1869. С. 176–177.

² *Русский Биографический Словарь.* Т. 7. Жабокритский-Зиловский. Пг., 1916. С. 270–273.

³ *Попов В.* Макиавелли // *Русское слово.* СПб., 1859. № 4. С. 201–236; № 5. С. 271–320. Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 8 (с ошибкой в указании года); *Venturi F.* Jan Malarczyk... P. 398.

⁴ *Кузнецов Ф.* Журнал «Русское слово». М., 1965. С. 101.

Первая часть статьи Попова посвящена характеристике эпохи Макиавелли и написана, судя по всему, по французским источникам, как и биография великого флорентийца, изложенная подробно и в целом достоверно. Самостоятельный интерес представляют последние разделы, где высказаны соображения автора по поводу учения Макиавелли.

Между прочим, Попов даёт своеобразный ответ на вопрос, почему «Государь» не увидел света при жизни его создателя. Причина, пишет он, заключается в том, что Макиавелли опасался дискредитировать государей открытым обнародованием их политики, чтобы не погубить дело спасения Италии. Эти предосторожности, замечает Попов, были излишни: трактат давно известен всем, а тираны всё теми же путями приходят к власти¹.

Автор статьи признаёт, что Макиавелли «становится везде на сторону истины и судит по общепринятым началам»². В духе времени флорентиец предпринял попытку лечить зло злом³. Проекты объединения Италии как путём утверждения в ней монархии, так и через вступление республик в конфедерацию оказались неосуществимыми. Своё несогласие с Макиавелли Попов сводит к тому же либеральному принципу: итальянец разделял античные воззрения, ставящие высшей целью государства добродетель и допускавшие поглощение личности обществом, «новейшие же требуют безусловной индивидуальной свободы» и счастья для отдельных личностей⁴. Однако автор статьи указывает и дальнейшую перспективу прогресса – социализм, торжество космополитизма и общего братства, когда счастье отдельного человека гарантирует целое человечество, как в национальности нация, а в семействе – семейство.

¹ Попов В. Макиавелли... С. 284.

² Там же. С. 311–312.

³ Там же. С. 311.

⁴ Там же. С. 291.

Общий вывод Попова о теории Макиавелли таков: «Основанная на глубоком знании человеческого сердца и политики, подкреплённая историческими исследованиями, она всегда будет справедлива, по крайней мере, до тех пор, пока сила не будет на стороне права, пока эгоизм не исчезнет перед космополитическим началом»¹. Современную же политику учёный штабс-капитан считает строящейся на голой силе и целиком подтверждающей правоту гениального флорентийца. В числе безоговорочных ценителей Макиавелли русский критик называет Гроция, Пуффендорфа и Лейбница², известных в России, как мы видели, с начала XVIII в. Есть здесь и замечание об отечественных судьбах Макиавелли: «На русском языке, сколько нам известно, существует перевод «Князя», сделанный Волынским и поднесённый Анне Иоанновне. Впоследствии комментарии Волынского послужили одним из обвинительных против него пунктов. Несмотря на все наши старания, мы нигде не смогли отыскать рукописи»³. Неточности Попова ещё более усилены в цитированной нами рецензии на издание Курочкина⁴. Критик «Русского слова» намеревался продолжить характеристику Макиавелли в следующих статьях, но не выполнил этого.

В сходном духе трактован Макиавелли в статье другого публициста левого лагеря – Юлия Галактионовича Жуковского (1833–1907), в то время радикального демократа и поборника экономического материализма, а впоследствии крупного чиновника и критика Маркса⁵. В

¹ Там же. С. 313; Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 8; *Venturi F. Jan Malarczyk...* P. 398.

² *Попов В.* Макиавелли... С. 315.

³ Там же. С. 302.

⁴ См.: прим. 118.

⁵ *Жуковский Ю.Г.* Политические и общественные теории XVI в. // Современник, СПб., 1861. Т. 88. С. 37–98, а также отдельное издание: СПб., 1866. Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 8; *Venturi F. Jan Malarczyk...* P. 397–398.

статье Жуковского, изобилующей, как и другие публикации того времени, опечатками и неточностями (Перуджа здесь спутана с Рагузой, совсем как при архивном прочтении знаменитого письма Макиавелли к Содерини; вместо Боккалини стоит Боковини и т.п.), Макиавелли почти без оговорок поднят на щит как «философ всех времён и народов», который «разве только теперь может иметь школу»¹. Жуковский метко переформулирует мысль Макиавелли о том, что принуждение бывает источником добра; отмечает его разрыв с нравственным дуализмом и с представлением о безусловном естественном праве. Единственный недостаток итальянского мыслителя Жуковский видит в отсутствии анализа семейных, имущественных и экономических отношений в обществе². П.С. Рейфман усматривает в работе Жуковского выражение идей макиавеллиевского утилитаризма и связывает их с теорией «разумного эгоизма» Добролюбова и Чернышевского³.

С большим основанием в утилитаризме можно заподозрить Петра Никитича Ткачёва (1844–1886), народника, творца русского якобинства⁴, написавшего рецензию на статью Ю. Жуковского в «Русском слове»⁵, где он был преемником Писарева. Кстати, опубликование этой рецензии было одной из причин запрета журнала⁶. Ткачёв вошёл в историю как один из первых вульгаризаторов Маркса. Макиавелли он симпатизирует, но толкует его весьма огрублено: «До тех пор, пока представители народных интересов будут добровольно связывать и опутывать себя схоластическими представлениями о добре и справедливости, пока они не проникнутся мыслью, что право и справедливость только

¹ Жуковский Ю.Г. Политические и общественные теории... С. 72.

² Там же. С. 84.

³ Рейфман П.С. Макиавелли и литературно-общественная борьба... С. 114.

⁴ Venturi F. Jan Malarczyk... P. 398.

⁵ Русское слово. СПб., 1865. № 12. Библиографический листок.

⁶ Кузнецов Ф. Журнал «Русское слово»... С. 372.

на той стороне, где есть реальная возможность... для осуществления этого права, до тех пор все их благородные стремления не принесут никакой осязаемой выгоды тем массам людей, интересы которых они думают защитить и оберегать»¹. Такой вывод делает Ткачёв из рассуждений о Макиавелли, суть теории которого он видит, вслед за Жуковским, в девизе «*Salus populi suprema lex*» – «Благо народа высший закон»².

Кроме двух названных статей и перевода сочинений Макиавелли, в демократической публицистике этого времени нет сколько-нибудь развёрнутых суждений о нём. Укажем ещё на издание предшествующего периода, осуществлённое кружком петрашевцев – «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка»³. Автором большинства статей в нём был Валериан Николаевич Майков (1823–1847), брат поэта Аполлона Майкова⁴. В статье «Ирония» Макиавелли фигурирует как республиканец, а его трактат «О монархе» («Государь») приведён в качестве примера сатирического произведения⁵.

Если говорить об отношении к Макиавелли в революционно-демократическом лагере вообще, то его можно охарактеризовать как сочувственное, но довольно поверхностное. Это подтверждается, в частности, примером перечисленных в упоминавшихся статье и докладе П.С. Рейфмана тех мест из сочинений Н.Г.Чернышевского и Н.А.Доб-ролюбова, где они

¹ Ткачёв П.Н. Соч. в 2-х т. Т. I. М., 1975. С. 102.

² Там же. В статье Ткачёва этот девиз переписан с нелепой ошибкой, вместо слова «*salus*» стоит «*volus*», что надо понимать, вероятно, как «воля», Эта ошибка, и не одна, повторена в современном издании сочинений Ткачёва.

³ Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым. СПб., 1845. Вып. I.

⁴ Егоров Б.Ф. Петрашевцы. Л., 1988. С. 64–66.

⁵ Цитировано там же. С. 66.

поминают Макиавелли¹. В неоконченной юношеской повести Чернышевского «Теория и практика», созданной, как и словарь петрашевцев, в 40-е гг., Макиавелли служит поводом, по сути чисто символическим, для размышлений о противостоянии намерений и обстоятельств в человеческих взаимоотношениях; о несовпадении целей, расчётов и реальности².

В тех немногих строках, где говорится о томике Макиавелли, Чернышевский допускает традиционные неточности; он полагает, что итальянский политик «искусно развил главный принцип римлян: «Divide et impera», а Екатерину Медичи помещает в XV в.³ Более любопытны поздние рассуждения Чернышевского о проблеме цели и средств, хотя Макиавелли при этом вовсе не упоминается. Отвечая на вопрос сына, Николай Гаврилович объясняет, что сама формулировка «цель оправдывает средства» скрывает в себе внутреннее противоречие, алогизм: «Дурные средства годятся только для дурной цели, а для хорошей годятся только хорошие... Да, мой милый, историки и вслед за ними всякие другие люди, учёные и неучёные, слишком часто ошибаются самым глупым и гадким образом, воображая, будто когда-нибудь бывало или может быть, что дурные средства пригодны для достижения хорошей цели. В этой их глупой мысли нелепость внутреннего противоречия... (как

¹ Добролюбов Н.А. Собр. соч. М.; Л. 1962. Т. III. С. 469 (Приписывается также Чернышевскому, ПСС, т. VI. С. 176); т. VI. С. 410; т. VII. С. 70. Чернышевский Н.Г. Пол. СОБР. соч. М., 1939–1953. Т. V. С. 176, 661; т. VI. С. 342, 380; т. VII. С. 1003; т. XV. С. 158; т. XI. С. 652, 653, 663. См.: Рейфман П.С. Макиавелли...; Он же. Два упоминания о Макиавелли (Достоевский и Чернышевский) // Тартуский университет. Учёные записки. Вып. 683. Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия. Тарту, 1986. С. 20–31.

² Чернышевский Н.Г. ПСС, т. XI. С. 652, 653, 663; Рейфман П.С. Два упоминания... С. 24–31.

³ Чернышевский Н.Г. ПСС. Т. XI. С. 653, 663.

“треугольник имеет 4 угла”»¹. Не станем ещё раз доказывать, что Макиавелли сознавал эту нелепость, отделяя себя в этом отношении от невежественной толпы.

Тем не менее, в полемике о революционном движении 60-х–70-х гг. то и дело проскальзывают суждения, использующие понятие «макиавеллизм» для характеристики тех или иных его фигур. Чаще всего это относится к С.Г. Нечаеву и М.А. Бакунину в связи с «Катехизисом революционера», где сказано, что для революционера «нравственно всё, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно всё, что мешает ему»². Подобные идеи некоторые авторы связывают с влиянием на Нечаева, который, по-видимому, написал «Катехизис», учения Макиавелли. Так, Н.М. Пирумова считает: «Не следует в этом случае забывать популярности в середине и конце 60-х гг. личности и идей Макиавелли, одним из пропагандистов которых выступал известный революционный поэт И.И. Гольц-Миллер»³. Об этом писал Б.П. Козьмин, ссылаясь на того же поэта: «Макиавелли вообще пользовался большой популярностью среди наших шестидесятников»⁴. Но всё, что известно об отношении Ивана Ивановича Гольц-Миллера (1842–1871), автора песни «Слушай», к Макиавелли, это две строки в посмертно опубликованном его стихотворении «Мой дом» о полках книг, где стоят:

¹ Там же. Т. XIV, М., 1949. С. 684, 685. Письмо из Виллойска сыну Михаилу 15.09.1876. Цитировано в кн. *Володин А.И., Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г.* Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50-х–60-х гг. XIX в. М., 1976. С. 276–277, где слова Чернышевского сопоставляются с фразой Маркса: «...Цель, для которой требуются неправо́е средства, не есть правая цель» (Собр. соч., Т. 1. С. 65).

² Цит. в ст. *Пирумова Н.М.* Бакунин или Нечаев // Прометей. М., 1968. Вып. 5. С. 169.

³ *Пирумова Н.М.* Социальная доктрина М.А.Бакунина. М., 1990. С. 233.

⁴ *Козьмин Б.П.* П.Н.Ткачёв и революционное движение 1860-х гг. М., 1992. С. 89, прим. 2.

Два тома древних мудрецов –
Платон, Аристотель –
И страх вселяющий в глупцов,
Великий Макъявель¹.

Этого слишком мало для далеко идущих выводов; Нечаев же судя по тому немногому, что на сей счёт известно, мог вдохновляться «макиавеллизмом» только понаслышке, как «иезуитских идей» он набрался первоначально от Г.П. Енишерлова². Мы видели, что П.Н. Ткачёв, по некоторым предположениям участвовавший в создании «Катехизиса»³, знал Макиавелли из вторых рук⁴.

Обвинения Нечаева в макиавеллизме восходят, как выяснилось сравнительно недавно⁵, к самому Бакунину. Последний уже в своём письме к Нечаеву (на французском) от 20 июня 1870 г. заявляет: «Вы увлеклись системой Лойолы и Макиавелли, из которых первый предлагал обратить в рабство целое человечество, а второй создать могущественное государство, всё равно монархическое или республиканское, следовательно –

¹ См.: *Гаврилов Н.* Забытый революционный поэт// Каторга и ссылка. М., 1929. № 12. С. 65–81. Стихотворение было опубликовано М.М. Стасюлевичем в некрологе Гольц-Миллера в журнале «Вестник Европы». 1871. № 11. С. 450–454. См. также: *Козьмин Б.П.* П.Н. Ткачёв... С. 90. Продолжение стихотворения:

Вы дали мне – чего другой
Никто не в силах дать:
Дар насмеяться над бедой
И мужество – страдать, –
напоминает о судьбе самого флорентийца.

² *Пирумова Н.* Бакунин или Нечаев... С. 178–181.

³ Там же. С. 176. Речь идёт о работах М. Конфино, опубликовавшего письма М. Бакунина в *Sahieres du monde russe et soviétique*. Р., 1966, № 4; 1967, № 5. О Ткачёве ср.: *Козьмин Б.П.* П.Н. Ткачёв... С. 88–90, 157, где авторство «Катехизиса» приписывалось Бакунину.

⁴ Ср. выше о статье Ю. Жуковского, а также кн.: *Козьмин Б.П.* П.Н. Ткачёв... С. 86–90.

⁵ См. указ. работы Н.М. Пирумовой и публикации М. Конфино.

также народное рабство – влюбившись в полицейски-иезуитские начала и приёмы... поступаете с друзьями, как с врагами...»¹. (По всей видимости, та же пара фигурирует и в начале письма: «Вы по образу мыслей подходите больше к Мецену, более к иезуитам, чем к нам, Вы фанатик...»).

Вместо Мецена, о котором публикатор письма сообщает, что «это неразборчивое имя было, вероятно, неправильно скопировано»², должно стоять, скорее всего, «Макиавелли» /Machiavel/) ³. Любопытны аргументы Бакунина, с которыми мы уже сталкивались в либеральной критике «макиавеллизма»: «никто не в силах победить природу, Вы идеалист, а не материалист...», «Вашим героем должен быть не Бабеф и даже не Марат, а какой-нибудь Савонарола»⁴.

В письме к А.Таландье от 24 июля 1870 г. Бакунин говорит о Нечаеве, который «постепенно пришёл к убеждению, что для организации серьёзного и нерушимого сообщества следует взять за основу политику Макиавелли и полностью усвоить систему иезуитов: для тела одно насилие, для души ложь...»⁵. Наконец, в письме к Н.П. Огарёву от 2 ноября 1872 г. Бакунин упоминает об использовании Нечаевым методов «так называемого “макиавеллизма” и иезуитизма»⁶. Любопытно, что основоположник анархизма незадолго до этого ссылаясь на Макиавелли в своей антигосударственной полемике. «Но что позволено Государству, то запрещено отдельной личности. Таково правило правительств. Макиавелли

¹ Michel Bakounine et ses relations avec Sergej Nečaev. 1870–1872. Écrits et matériaux. Leiden. 1971. P. 126.

² «Le nom, indechiffrable, a probablement été mal recopié». Ibid., n. III.

³ Ibid. P. 114. Немецкое Maecen (меценат) не годится по смыслу.

⁴ Ibidem.

⁵ «/Netchaieff/ est arrivé peu à peu à se convaincre que pour fonder une société sérieuse et indestructible il fallait prendre pour base la politique de Machiavel et adopter pleinement le système des Jésuites: pour corps la seule violence, pour âme le mensonge...». Ibid. P. 151.

⁶ Ibid. P. 167.

высказал это, а история, как и практика всех современных правительств, подтверждает его правоту: преступление есть необходимое условие самого существования государства /которое монополизировало право на него/»¹. Мысль Макиавелли, на мой взгляд, передана верно, хотя она выражает скорее пессимизм итальянского мыслителя в отношении государства².

Бакунин не случайно говорит о «так называемом “макиавеллизме”», поскольку, благодаря одной недавней публикации, мы теперь знаем, что Бакунин отделял «макиавеллизм» от Макиавелли и очень высоко отзывался о последнем. Опубликованные в русском переводе фрагменты относятся к работе Бакунина «Кнутагерманская империя и социальная революция», изданной в 1871 г., то есть к тому же времени, что и цитированный выше памфлет.

Макиавелли в посвященном ему отрывке назван «великим основоположником позитивистской политики» и автором бессмертных трудов³. Не он изобрёл вероломство, «непременное свойство всякой политики», но лишь представил политическую историю в естественном виде как цепь преступлений. Здесь Михаил Александрович высказывает ту же мысль, что и в памфлете, подчёркивая: «Только с помощью преступления можно создать, укрепить и сохранить государственную власть: но с того момента, когда преступление начинает служить орудием государства, оно становится добродетелью».

¹ Les ours de Berne et l'ours de St-Petersbourg. Complainte patriotique d'un suisse humilié et désespéré. Neuchatel, 1870 // Michel Bakounine... P. 56 «Mais ce qui est permis à l'Etat est défendu à l'individu. Telle est la maxime gouvernementale. Machiavel l'a dit et l'histoire, aussi bien que la pratique de tous les gouvernements actuels lui donnent raison: le crime est une condition nécessaire de l'existence même de l'Etat...».

² Бакунин М.А. Коррупция. – О Макиавелли. – Развитие государственности / Предисловие и публикация Н.М. Пирумовой // Вопросы философии. М., 1990. № 2. С. 53–66.

³ Там же. С. 64.

Надо сказать, что у Бакунина нет противопоставления морали и аморальности, в его записях противостояние выстраивается по другой линии – солидарности и коррупции, причём ни та, ни другая не истолкованы в нравственном смысле однозначно. Солидарность выражает общий интерес, но это может быть интерес банды, круговая порука. Коррупция есть проявление эгоизма, но вместе с тем феномен того же порядка, что и индивидуальное раскрепощение, и христианская забота о спасении своей души¹. Таким образом, историю можно истолковать как закономерный процесс «единства и борьбы» индивидуального и группового начал, которые на каждом этапе получают новую санкцию, а государство выглядит как парадоксальное средство борьбы со всеобщей коррупцией, по своей сути, однако, безнравственное и даже асоциальное.

Понятно теперь, что Макиавелли мог импонировать Бакунину как человек, столь же парадоксально мыслящий, и как «позитивистский» мыслитель, видящий в истории естественный процесс, а не борьбу доброго и злого начал.

В этом духе и в согласии со сложившимися уже к этому времени в литературе о Макиавелли взглядами Бакунин говорит о нём как о патриоте и республиканце, который видел везде, однако, лишь интриги и порабощение народных масс. Как позитивист и «один из самых просвещенных людей своей эпохи» он, по мнению русского мыслителя, предчувствовал историческую тенденцию, ведущую к образованию крупных монархий. Поэтому Макиавелли, ради спасения Родины, и стал монархистом, но, в отличие от марксиста А. Грамши, Бакунин считает, что держава его современного Государя основывается «не на политике активного и дружественного сотрудничества с итальянским народом, а на его политическом, социальном и духовном уничтожении»². В

¹ Там же. С. 60.

² Там же. С. 65.

России утверждению принципа центрального абсолютизма, «с великолепной пронизательностью» предсказанного Макиавелли, способствовали, по мнению Бакунина, татарское иго, византийская церковь и германская цивилизация.

Итак, хотя в записях Бакунина и не заметно следов внимательного прочтения Макиавелли, и последний, как бывало часто, служит лишь подспорьем для развития его собственных идей, итальянский мыслитель и здесь является не случайно и как бы участвует в полемике о политике и нравственности, развернувшейся на заре русского революционного движения.

Здесь к месту будет сказать о других свидетелях этой полемики – А.И. Герцене и Н.П. Огарёве. Имя Макиавелли встречается в сочинениях Герцена примерно в том же контексте, что и у других публицистов-демократов. В ранней пьесе в стихах «Вильям Пен» (1839) Макиавелли мимоходом упоминается как авторитет в области права¹. В статье «Несколько замечаний об историческом развитии чести» опубликованной в «Современнике» в 1848 г. Герцен повторяет мысль, прозвучавшую и в «Карманном словаре» петрашевцев: «...обман и ложь были введены в теорию. Совет республиканца Макиавелли был исполнен; иронию его приняли за чистые деньги»². Говоря о публичных чтениях Грановского, Герцен отмечает его внимание к Макиавелли как историку³.

Интересно, что имя Макиавелли появляется в переписке с Бакуниным в 1869 г., когда оба корреспондента приписывают великому итальянцу максимум: «Разделяй и

¹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. I. М., 1954. С. 469. Пьеса в стихах «Вильям Пен». Исключённый вариант. «Доктор юриспруденции: Однако же, позвольте, сир, никто, Ни Гуго Гроций, ни сам Макиавель, Не сомневаются, что право римское...Вильям. Сомневаюсь я».

² Герцен А.И. Несколько замечаний об историческом развитии чести // Собр. соч. Т. II. М., 1954. С. 71.

³ Герцен А.И. Публичные чтения г. Грановского. Письмо II // Собр. соч. Т. XXX. Кн. 2. М., 1965. С. 486.

властуй»¹. 11 ноября 1869 г. Огарёв обещает переслать Герцену вместе с биографией Грановского перевод Макиавелли, привезённый «новым хорошим человеком» от прошлогоднего².

Хотя говорить о серьёзном использовании Макиавелли в общественно-политической полемике 60-х гг. в России всё-таки не приходится, следовало бы дать ответ по существу поставленной Макиавелли нравственно-политической проблемы: как она решалась в русской революционной и общественной мысли. Ход событий неуклонно вёл к зарождению в радикальной публицистике представлений об особой революционной морали («партийной честности» по определению Г. Енишерлова) и о правомерности насильственных способов борьбы. Эти представления в конечном счёте восходили к тезису о первенстве общественных интересов над интересом отдельной личности, служившему нравственным оправданием революционных теорий (как, впрочем, и государственного насилия). Верховенство общественного блага признавал и Макиавелли, грезивший об идеалах античной гражданственности.

В дальнейшем подобные идеи получили своеобразное развитие в деятельности террористических организаций, отчасти были восприняты левой социал-демократией, а в советский период отразились на идеологии и практике социалистического государства. Всё это, разумеется, не означает, что от древних героев, которым было «сладко и почётно умереть за Родину» и итальянских государей, приносящих совесть на алтарь отечества (ведь в этом, как будто бы, узел противоречий Макиавелли, который, впрочем, описывал этих государей с большой долей отстранения) прямая дорожка ведёт к столпам так называемого тоталитаризма. Любую идею

¹ Герцен А.И. Собр. соч. Т. XXX. Кн. I. М., 1965. С. 228, 432.

² Там же. С. 439.

можно извратить, а то и превратить в полную противоположность.

Как бы то ни было, в эпоху Герцена и Чернышевского крайние выражения идеи морального и социального оправдания насилия и обмана служили скорее её собственной дискредитации в глазах общественного мнения, и опорочению самих сторонников революционного изменения общества. Если идеологи революционно-демократического лагеря опровергали «идеализм» мнимых благодетелей человечества: вождей, завоевателей и реформаторов с позиций свободы личности и естественного развития общества, то противники революции использовали все промахи оппонентов, выставляя их в карикатурном виде.

Наиболее ярким публицистом первого направления был, на мой взгляд, Д.И. Писарев; другой же пример являет нам творчество ещё одного, наряду с Пушкиным, гения русской литературы прошлого века, Ф.М. Достоевского. Судя по встречающимся у Писарева мимолётным упоминаниям Макиавелли, он судил о последнем даже не по статье Попова, ибо связывал с итальянским мыслителем всё ту же теорию о цели, оправдывающей средства, и разлучение нравственности и политики¹. По существу же позиции русского журналиста и итальянского политика в споре между «идеализмом» и «реализмом» довольно близки. Уже в одной из первых значительных своих статей «Идеализм Платона» Писарев критикует последнего за реакционный, как можно было бы выразиться сегодня, утопизм: «Перестроить общество на новый лад, заставить целый народ жить не так, как он привык и как ему хочется, а так, как, по моему убеждению, ему должно быть полезно, – это, конечно, такая задача, за которую теперь не взялся

¹ Писарев Д.И. Соч. в 4-х т. Т. 1. М., 1955. С. 65 («Первый винокур»); Он же. Эпизод из истории Нидерландов // Полн. собр. соч. в 6 т. 3-е изд. Т. 1. СПб., 1900, стб. 118; Он же. Исторические идеи Огюста Конта // Полн. собр. Т. 5, стб. 386.

бы ни один здравомыслящий человек»¹. Платон, «запрещая ложь частному человеку, допускает обман как средство управления в руках властителей»². Он «сравнивает правителя с врачом, который должен давать людям «не спрашивая их согласия горькое, но полезное лекарство»³. Согласно Платону, считает Писарев, нравственной опорой правителям должна служить «вывеска народного блага», а материальной – войско⁴; в числе государей, следовавших этому правилу, Писарев называет Тиберию, Людовика XI и Фердинанда Католика.

Все эти стрелы, казалось бы, можно направить и против Макиавелли. Но ведь и флорентиец с сомнением отзывается о «воображаемых республиках», намекая, вероятно, на Платона⁵. Полагали, что по Макиавелли люди дурны от природы, хотя на деле в его теории природа нейтральна, что означает реабилитацию естественного начала; то же мы встречаем у Писарева, когда он осуждает взгляд на добродетель, как нечто чуждое и навязываемое человеческой природе насильно⁶. Макиавелли полагал, что народ умнее и постояннее государя⁷; Писарев в споре народа и великих личностей решительно на стороне первого: «В конце XVIII в. простые смертные заявили, наконец, довольно громко, что им надоели как благодеяния, так и педагогические средства, при помощи которых проводились в их жизнь эти великие и богатые милости»⁸. «Деятельность великих людей была постоянно вредна, потому что претензии этих господ постоянно превышали их силы»⁹. «Те периоды всемирной истории, во

¹ Он же. Идеализм Платона // Соч. Т. I. С. 91.

² Там же. С. 94.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Государь. XV.

⁶ Писарев Д.И. Идеализм... С. 190.

⁷ Рассуждения. I. LVIII.

⁸ Писарев Д.И. Бедная русская мысль (1862) // Соч. Т. II. С. 82.

⁹ Там же. С. 81.

во время которых благодетели человечества никому не позволяли жить своим умом, наводят на нас тоску и досаду»¹.

В этом же духе Писарев истолковывает и теорию Раскольникова из «Преступления и наказания» Достоевского. Идея Раскольникова кажется Писареву ложной, но не потому, что он вообще отрицает насилие, а потому, что историческое насилие не оправдывает уголовного. «В жизни народов революции занимают то место, которое занимает в жизни отдельного человека вынужденное убийство»². Это неизбежное зло, существующее вопреки воле великих личностей. Кровь льётся не благодаря необыкновенным людям, а потому, что они не могут перевесить человеческого неблагоразумия. Решаясь пролить кровь, великие люди компрометируют свою идею³. Итак, те, кто ожидал бы найти в Писареве проповедника «революционной морали», в духе традиционного «макиавеллизма», будут разочарованы, встретив у него настойчивое отрицание последнего. В то же время мы видим, что Достоевский, который должен быть как будто бы совершенно враждебен политическим хитросплетениям мира сего, в чём-то духовно сближается с глубокими мыслями итальянского гения.

Впервые, насколько можно судить, некоторые страницы Достоевского, а именно «Легенду о Великом Инквизиторе» из «Братьев Карамазовых» счёл имеющими отношение к Макиавелли Джузеппе Преццолини⁴. Я. Малярчик в одном из примечаний к своей статье высказал несогласие с ним: «Г. Преццолини считает, что Ф.М. Достоевский является единственным человеком в русской литературе, обнаруживающим понимание духа произведений Макиавелли, и отсюда он делает вывод о влиянии его идей

¹ Там же.

² *Он же*. Соч. Т. IV. С. 228.

³ *Он же*. Борьба за жизнь. («Преступление и наказание») // Соч. Т. IV, С. 348.

⁴ *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 14, прим. 59.

на известный роман указанного писателя “Братья Карамазовы”. Не вдаваясь в полемику с утверждением Г. Преццолини, мы считаем его мнение необоснованным¹. (Не совсем ясно, правда, какое мнение необоснованно – о влиянии Макиавелли, или о том, что Достоевский один понял его.) В дальнейшем П.С. Рейфман в цитированной выше статье разбирает единственный случай упоминания у Достоевского имени Макиавелли – в повести «Село Степанчиково и его обитатели»². Автор делает отсюда довольно далеко идущие выводы о том, что для писателя в один ряд выстраиваются Фома Фомич Опискин, Макиавелли и иезуиты. Что до Фомы Фомича, то с Макиавелли он может соприкасаться лишь тем боком, что в его лице гротескно продемонстрировано саморазоблачение ханжеской морали.

Достоевский, конечно, во многом антипод Макиавелли, по крайней мере, в традиционном представлении. Так полагали и комментаторы полного собрания сочинений писателя, усмотревшие в одном месте ссылку на «Государя»: «Учение о том, что нравственность одного человека – одно, а государства – другое. А стало быть, то, что считается для одной единицы, для одного лица – подлюстью, то относительно всего государства может получить вид величайшей премудрости! Это учение очень распространено и давнишнее, но – да будет и оно проклято»³. В примечании читаем: «Здесь, возможно, подразумевается, «давнишнее» учение о государстве, изложенное в книге «Государь» (1513), принадлежащей

¹ *Prezzolini G. Machiavelli antichristo... P. 429.*

² *Рейфман П.С. Два упоминания о Макиавелли... С. 20–22; см. также: Гозенпуд А. Достоевский в музыке. Л., 1971. С. 91; Он же. Достоевский и музыкально-театральное искусство. Л., 1981. С. 114–115. Фома Фомич называет вместе Макиавелли и современного композитора Меркаданте, которого он, может быть, путает с Данте. См.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30 т. Т. III. М., 1972. С. 90, прим. 513.*

³ *Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. Февраль. Гл. I, IV. Меттернихи и Дон Кихоты // Полн. собр. соч. Т. XXV. Л., 1983. С. 48–49.*

перу... Никколо Макиавелли... Макиавелли защищал в нём /трактате/ необходимость в ту эпоху сильной власти для обуздания эгоизма и установления порядка»¹. Хотя тут приведены как бы оправдательные доводы в пользу автора «Государя», навряд ли можно вычитать в нём указанную теорию в том виде, как её излагает Достоевский, о чём мы не раз говорили. Кроме того, Достоевский мог иметь в виду вовсе и не Макиавелли; только что мы видели, как Писарев упрекал Платона за точно такие же воззрения на нравственность и государство.

Но если здесь русский писатель действительно выступает в качестве оппонента Макиавелли, то он такой его антипод, который как бы симметрично равен ему, то есть при определённом повороте совмещается с противоположной фигурой. Рим, иезуиты, Великий Инквизитор у Достоевского исповедуют идеи, чем-то напоминающие о Макиавелли, особенно в расхожем представлении о нём. Несовершенство «слабого, подлого человека» позволяет этим врагам свободы взвалить на себя её бремя вместо него, принять на себя проклятие познания Добра и Зла, прикрываясь богом, в которого они не верят. Это писаревские «благодетели человечества», отбирающие у него право выбора, можно сказать право духовного первородства, за хлеб земной и усыпляющие его совесть чудом и тайной. Достоевский не приемлет понимания религии как инструмента для достижения каких-то целей (кроме любви), он отрицает существование законов и обстоятельств, которые были бы способны избавить человека от ответственности.

Однако в поисках ничем земным не связанной иррациональной сути нравственности Достоевский приближается к Макиавелли, объясняя для нас кое-что и в нём своими парадоксами. «Иногда нравственнее бывает не

¹ Там же. С. 382.

следовать своим убеждениям», говорит он¹. Основные нравственные постулаты Достоевского – любовь, правда и свобода. Его человек из подполья не хочет навязанного счастья, счастья без воли. Благо без свободы, без жертвы, то есть купленное благо – безнравственно. Отсюда отношение писателя к социализму – любовь, навязанная насильно. Впрочем, эта идея компрометирует себя и чисто логически, рационально. «Революционная партия тем дурна, что нагремит больше, чем результат стоит, нальёт крови больше, чем стоит вся полученная выгода»². Получается, что Достоевский не лишён склонности соединять «понятия истины и справедливости с соображениями о полезном и целесообразном»³?

Для Достоевского правда превыше всего: «выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего, а потому нужно желать одной правды искать её, несмотря на все выгоды, которые мы можем потерять из-за неё, и даже несмотря на все те преследования и гонения, которые мы можем получить из-за неё»⁴. Однако та правда, которая известна Достоевскому и на которой настаивал также Макиавелли, состоит в том, что земной мир лишён бога. Формула: «всё дозволено, если бога нет» вовсе не опирается у Достоевского на идею необходимости загробного воздаяния – это было бы равнозначно признанию утилитарной нравственности. Бог просто есть нравственное начало, то есть любовь не за что-то, а вопреки всему, и его несуществование по Достоевскому означало бы обречённость проповеди ненасилия, обречённость безоружного пророка и замкнутый круг зла.

¹ Литературное наследство. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М., 1971. Т. 83. С. 676 / 1880 – К.Д. Кавелину / (Ср. Тарасов Б.Н. «Закон Я» и «Закон Любви». М., 1991. С. 61.)

² Там же. С. 176.

³ См.: *Твардовская В.А.* Достоевский в общественной жизни России. М., 1990. С. 85, где такое сочетание названо характерным для Макиавелли и идейного противника Достоевского – П.Н. Ткачёва.

⁴ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. XXVI. Л., 1984. С. 198.

Но последнее и утверждает Макиавелли, который ограничивает условные рамки нравственности земной истиной и человеческой природой. Если слезинки ребёнка достаточно для отрицания высшей гармонии, то о какой гармонии может идти речь, когда ежеминутно проливаются и будут проливаться реки слёз, когда люди причиняют друг другу ничем не оправданные и бессмысленные страдания? Ощущение несправедливости мира (пушкинское «но правды нет и выше») у русского писателя сильнее, чем у итальянца, и потому для него труднее искать пути примирения с этим миром.

Не обошёл своим вниманием Макиавелли и Лев Николаевич Толстой, который предстаёт перед нами одновременно и ценителем, и настоящим антиподом флорентийца¹. Толстой обращается к Макиавелли на закате своего творчества, в публицистических работах «Единое на потребу» (1905 г., гл. IV «О государственной власти»), «На каждый день» (1906–1910 гг., книга для ежедневного чтения, 17 июня) «Путь жизни» (1910 г., гл. XVII «Суеверие государства») ². Во всех указанных произведениях он приводит выдержки из «Государя», причём в двух последних случаях в основном из знаменитой главы XVIII, и эти цитаты служат для подкрепления излюбленных мыслей Льва Николаевича о безнравственности государства как общественного института, как впрочем и таких институтов как семья, религия, суд. По-видимому, Толстой, в библиотеке которого было издание «Государя» и «Рассуждений» под редакцией Курочкина ³, обратил внимание только на первый трактат, в котором много его подчёркиваний, и именно в местах, вошедших в публикации.

¹ Указанием на цитаты из Макиавелли у Толстого я обязан Я.С. Лурье.

² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 19–1964. Т. 36. С. 174–177; Т. 43. С. 333; Т. 45. С. 262.

³ Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Библиографическое описание. I. Книги на русском языке. Ч. II. М.; Л., 1975. С. 8–10.

Писатель говорит о Макиавелли, как о признанном авторитете в вопросе о государстве, но берёт у него лишь те мысли, которые иллюстрируют незаконность, преступность государственной власти. В этом смысле Толстой близок Бакунину и дальше от Макиавелли, чем Достоевский, не столь прямолинейный в вопросе о насилии и нравственности. Безнравственность государственного насилия для Макиавелли только одна сторона дела, судя по тем же «Рассуждениям»¹.

Обратимся теперь к учёным читателям Макиавелли в пореформенной России. Небольшой этюд, связанный с флорентийским секретарём, создал в начале своей научной карьеры известный историк литературы Александр Николаевич Веселовский (1838–1906)². В виде статьи опубликована только часть этой работы в газете «Санкт-Петербургские Ведомости» за 1865 г. под названием «Итальянская новелла и Макьявелли»³. Рукопись с таким заглавием (более полная) хранится в Пушкинском Доме в архиве Веселовского. Статью свою автор начинает с тезиса о своеобразии исторических судеб стран и народов, которое делает излишними схематические, крайние и практические суждения – «ни Греки, ни Римляне не помогли ещё никому съесть лишний кусок хлеба»⁴ – мысль, прямопротивоположная излюбленному положению Макиавелли, с которым, правда, Веселовский не имеет в виду полемизировать. Рассмотрев особенности развития Италии, он выводит из них «шатость нравственных устоев» эпохи Возрождения, принявшей для себя «идеал удачи, не

¹ «Когда люди, чтобы попасть в рай, предпочитают скорее переносить побои, чем мстить, мерзавцам открывается обширное и безопасное поприще» (пер. под ред. Н. Курочкина).

² Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 9. Малярчик пишет «Веселовский».

³ *Веселовский А.Н.* Итальянская новелла и Макиавелли // Санкт-Петербургские Ведомости. СПб., 1865. № 65, суббота 13 (25) марта. С. 1. То же в Собр. соч. Т. 3. СПб., 1908. С. 13–22.

⁴ Там же. С. 1.

рассчитывающий средств и ничего не видящий, кроме положенной себе цели» – тут Веселовский идёт по давно проложенному пути. Далее автор, оговорив в начале условность сопоставлений и совпадений, усматривает всё же сходство своего времени с эпохой Макиавелли и делает ряд замечаний, навеянных, вероятно, его пребыванием в тот момент в Италии. В общем, довольно традиционный подход Веселовского не лишён острых формулировок, например: «макьявеллизм пережил Макьявелли, потому что он старше его»¹.

Почти одновременно выходит один из первых обобщающих очерков истории политической мысли, которые Я. Малярчик относит к «донаучным произведениям буржуазной историографии» в силу господствующего в них идеалистического подхода². Тем не менее рассмотрим мнение, высказанное в этих трудах о Макиавелли. Итак, одним их первых подобных сочинений был «Опыт исторического обзора главных систем философии истории» профессора М.М. Стасюлевича, где Макиавелли, не совсем ясно почему, охарактеризован как историк, который «...ищет связать политические и религиозные перевороты с периодами в расположении звёздного неба»³. В 1869 г. выходит в свет первое издание «Истории политических учений» известного русского историка права, представителя государственной школы Бориса Николаевича Чичерина (1828–1902). Чичерин отдаёт дань рассуждениям о неразборчивости Макиавелли в средствах и вместе с тем о его великом знании человеческих страстей, а также бросает упрёк в том, что Макиавелли был равнодушен к нравственному чувству, которое в политике составляет большую силу⁴. Это

¹ Там же.

² Малярчик Я. Политическое учение... С. 13.

³ Стасюлевич М.М. Опыт исторического обзора главных систем философии истории. СПб., 1866. С. 46.

⁴ Чичерин Б.Н. История политических учений. Ч. 1. М., 1868. С. 329.

замечание несправедливо и даже удивительно в устах человека, который, как Чичерин, знал сочинения флорентийца, видимо, не понаслышке. Вместе с тем Чичерин проводит сопоставление нравственности и политики, исходя из единственного источника безусловной нравственности, точно так же как нельзя приложить к государству начал абсолютного права. Над тем и другим господствует высшая цель политической жизни: общее благо. Эта цель сама по себе есть начало нравственное; но она не всегда может быть достигнута безукоризненными средствами. От частного человека можно требовать, чтобы поступки его были безупречны, ибо цель, которую он себе полагает, не есть непременная и необходимая, она должна подчиняться высшим требованиям. Частный человек должен жертвовать своим счастьем своему нравственному достоинству. Но благоденствие народа невозможно приносить в жертву абсолютной строгости нравственных правил. В политике верховный закон есть общее благо (*salus populi suprema lex esto*); для спасения народа приходится иногда жертвовать всем, правитель не может и уклониться от деятельности; он обязан управлять государством, избирая тот путь, который возможен. А так как цель непременно должна быть достигнута, то извинительно, в случае крайней необходимости, употреблять и такие средства, которые не оправдываются нравственностью. Здесь является столкновение двух начал, при котором нравственный закон не может иметь притязаний на безусловное владычество»¹.

Большинство обобщающих трудов по истории философии и права в дореволюционной России приходится на конец XIX – начало XX в. Упомянем работы крупного учёного и в дальнейшем политического деятеля, князя Е.Н. Трубецкого, который начинал свою преподавательскую деятельность в качестве приват-доцента Киевского университета. Свою вступительную

¹ Там же. С. 328–329.

лекцию он посвятил политической мысли эпохи Возрождения¹. За языческий дух и культ государства Трубецкой называет Макиавелли безнравственным сыном Возрождения, и вместе с тем сравнивает с Коперником за то, что он сделал государство центральным светилом в своей системе². За это Трубецкой подвергся упреку как «учёный оправдатель Макиавелли»³.

Последовательно критический и достаточно глубокий взгляд на нравственные воззрения Макиавелли изложил в своей статье «Основания макиавеллизма» уже упоминавшийся выше историк В.Е. Вальденберг⁴. Он доказывает ошибочность утверждений о том, что Макиавелли отделил мораль от политики, подчинил политике нравственность или провёл границу между гражданской и политической моралью⁵. Доктрину Макиавелли, сближая её с философией Спинозы и Декарта, Вальденберг определяет как этический пессимизм и видит её особенность в смешении естественного и политического права, каковое смешение заставляет искать источник права в силе. Полагая этот вывод неправомерным, Вальденберг усматривает в трудах названных мыслителей, по-видимому, справедливо, попытку «построить государственную науку исключительно на опытных началах»⁶.

¹ Трубецкой Е.Н. К характеристике политических идеалов эпохи Возрождения // Киевские университетские известия. Киев, 1893, № 1. С. 1–14, См. также: Он же. Политическое мирозерцание эпохи Возрождения // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимировскому-Буданову. Киев, 1904. С. 331–351.

² Трубецкой Е.Н. К характеристике... С. 14.

³ Фроммет Б. Политика и интрига (По литературным источникам). Пг., 1916. Гл. I. Никколо Макиавелли как безобидный старичок. С. 5–14.

⁴ Вальденберг В.Е. Основания макиавеллизма // Вопросы философии и психологии. М., 1897, март–апрель. С. 219–239. Ср.: Мальярчик Я. Политическое учение... С. 11.

⁵ Вальденберг В.Е. Основания макиавеллизма... С. 222 и след.

⁶ Там же. С. 239.

Со сходных позиций «бесспорной ценности добра», принятых кантианской школой, рисует Макиавелли примерно тогда же другой крупный учёный и теоретик права Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) в своей публичной лекции «Политическая доктрина пессимизма» (1897)¹. Любопытен в ней упор на неверие Макиавелли в возвышающую роль государства по сравнению с Гегелем, Кантом, Платоном и Аристотелем. Как и в других работах этого направления, здесь имеется оговорка об «отзвуках иных воззрений», выразившихся у Макиавелли². В тех современных сочинениях, которые строго придерживались тезиса об имморализме Макиавелли, ему приписываются (например, у Трубецкого), напротив, апофеоз государства и первенство в создании теории государственного интереса.

Это прежде всего общие работы, включающие ряд широко распространенных к этому времени положений о том, что итальянский мыслитель освободил государственную идею от теологии (А.Н. Фатеев)³, о его опытным методе (статья И.В. Лучицкого в словаре «Брокгауз») ⁴, о связи его идей с духом времени (С.П. Сингалевич и др.)⁵. В последней работе проводится сближение Макиавелли с гуманистами по линии индивидуализма, который, однако, у флорентийца смягчён

¹ *Новгородцев П.* Политическая доктрина пессимизма (Опыт характеристики политического учения Макиавелли) // Образование. СПб., 1898. № 1. С. 97–106; № 2. С. 117–124. Публичная лекция, читанная в Твери 11 декабря 1897 г.

² Там же, №2. С. 120. *Фатеев А.Н.* История общих учений о праве и государстве. Харьков, 1909. С. 160–167.

³ *Фатеев А.Н.* История общих учений о праве и государстве. Харьков, 1909. С. 160–167.

⁴ *Лучицкий И.В.* Макиавелли // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон Н. Т. XVIII. СПб., 1896. С. 420–421.

⁵ *Сингалевич С.П.* Эпоха Возрождения. Казань, 1912. С. 204–214; ср. также Лучицкий И.В. Макиавелли...; *Розанов М.Н.* История литературы эпохи Возрождения. Ч. II. М., 1913. (Записки слушательниц Высших женских курсов 1912/1913 гг.). С. 144–166.

гражданскими идеалами¹. Напротив, Н.И. Кареев находит у Макиавелли «полное отрицание индивидуальной свободы» в противовес гуманистическому индивидуализму и почти обожествление государства; впрочем, Макиавелли «был умный эгоист, которого нельзя назвать, однако, бесчестным»². Н.М. Коркунов подробно излагает сочинения Макиавелли и отмечает следующее, на его взгляд, противоречие его мысли: могущество государства покоится на балансе разноречивых стремлений общественных групп, но политическое устройство должно быть создано только единой волей³.

Своей симпатией к итальянскому мыслителю выделяется глава в другой «Истории философии права», принадлежавшей перу Г.Ф. Шершеневича; в ней имеется даже характеристика разных изданий трудов Макиавелли и путей распространения представлений о нём. С великим итальянцем, считает автор, случилось то же, что с древнегреческими софистами; выражение «макиавеллизм» «употребляется свободно в определённом смысле теми, кто никогда не видел в подлиннике сочинений Макиавелли»⁴. Полемика против Макиавелли, включая знаменитую книгу Фридриха II была проникнута в значительной степени тем лицемерием, которое беспощадно вскрывает итальянский мыслитель⁵.

Наконец, в восприятии маститого историка общественной мысли Владимира Ивановича Герье (1837–1919) учение Макиавелли выглядит как «патриотический

¹ Сингалевич С.П. Эпоха Возрождения. Культурно-политическая история итальянского и немецкого Ренессанса... С. 210.

² Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. 4-е изд. Т. 1. СПб., 1908. С. 311.

³ Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. Казань, 1908. С. 110.

⁴ Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПб., 1907. С. 245.

⁵ Там же. С. 244.

утилитаризм»¹. Герье делает ряд тонких замечаний по поводу философии истории Макиавелли и демонстрирует нетрадиционно глубокое знание его текстов. В частности, он говорит о политических симпатиях автора «Рассуждений» к демосу, хотя и считает их политически недалёковидными².

Специальные исследования Макиавелли посвящали чаще люди, более близкие, по крайней мере в этот период, к лагерю радикальной демократии. Из них наиболее существенной по значению и известности является книга Александра Семёновича Алексеева, профессора Московского университета «Макиавелли как политический мыслитель», вышедшая в свет в 1880 г.³ До этого главы из неё были опубликованы в сокращении в журнале «Юридический вестник»⁴.

Алексеев исходил из того, что Макиавелли «не только не отрицал морали, а напротив считал нравственные требования обязательными для политика»⁵. Он даёт подробное и систематизированное изложение мировоззрения итальянского писателя и его политического учения. Основное положение Макиавелли, по Алексееву: «свободная деятельность людей создаёт государства и религии, ею держатся все государственные и религиозные учреждения, она направляет общественную жизнь и является причиною всего того, что не живая природа»⁶. Много внимания русский историк уделил вопросу о нравственном состоянии народа и соответственно

¹ Герье В.И. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915. С. 24–38.

² Там же. С. 31.

³ Алексеев А.С. Макиавелли как политический мыслитель. М., 1880.

⁴ Он же. Политическое учение Макиавелли // Юридический вестник. М., 1879. № 3. С. 316–351; № 4. С. 536–573; Учение Макиавелли о нравственности и утилитаризм // Там же. № 7. С. 3–41; № 9. С. 421–455. Ср.: Мальярчик Я. Политическое учение ... С. 9, прим. 37.

⁵ Алексеев А.С. Макиавелли... С. XI.

⁶ Там же. С. 158.

зависимости от него государственных форм в представлении Макиавелли. Последний впервые в Новое время, как пишет Алексеев, развил мысль о том, что «нравственные начала не прирожденны человеку, то есть не абсолютны, а являются последствием и необходимым условием сожителства людей в обществе»¹. Это один из основных тезисов Алексеева, на наш взгляд, составляющий положительную сторону его труда. Не вдаваясь в подробный анализ последнего, назовём и другие его постулаты, которые рисуют Макиавелли как защитника политической свободы, патриота родного города и вместе с тем предшественника философии утилитаризма и позитивистов XVII–XIX вв.

Книга Алексеева вызвала несколько критических откликов, два из которых принадлежат паладинам «высших нравственных начал» – историку литературы и шекспироведу Н.И. Стороженко и историку права А.Л. Комаровскому². Оба упрекают Алексеева в отсутствии у него указаний на античные источники идей Макиавелли. Стороженко называет ряд мотивов, заимствованных Алексеевым у Паскуале Виллари, итальянского историка, с фундаментальным трудом которого «Макиавелли и его время» монография русского профессора, по его собственному заявлению, полемизирует. Оба критика считают оценку нравственных достоинств учения Макиавелли преувеличенной и пытаются привести свидетельства, отрицательно изображающие человеческие качества флорентийца. Впрочем, Комаровский признаёт,

¹ Там же. С. 229.

² *Стороженко Н.* Новая книга о Макиавелли: Алексеев А.С. Макиавелли как политический мыслитель (рецензия) // Вестник Европы. СПб., 1880. Т. 3, кн. 5. С. 359–372; то же в кн.: *Он же.* Из области литературы. М., 1902. С. 305–324; *Комаровский А.Л. гр., Алексеев А.С.* Макиавелли как политический мыслитель (рецензия) // Сборник государственных знаний. СПб., 1880. Т. 8. С. 45–59. Ср.: *Маларчик Я.* Политическое учение... С. 9.

что у Макиавелли встречаются «даже и в нравственном отношении прекрасные места»¹.

Авторы из лагеря «прогрессистов» – Н.В. Шелгунов (1824–1891) и В. Гольцев отзываются о работе Алексеева в целом с большей похвалой, хотя повторяют сходные критические упрёки². Гольцев не согласен с тем, что Макиавелли был предшественником утилитаризма, Шелгунов призывает обратить внимание на социологию итальянского мыслителя. Приведу ещё одно характерное упоминание из очерка А. Амфитеатрова, сообщающего, что он не помнит никаких истолкований Макиавелли в России, «кроме лекций профессора Алексеева, которые слушал или, вернее, их не слушал в университете... *mea culpa*»³. В современной нам статье по истории русской науки о Возрождении XIX в. даётся такая характеристика работы А.С. Алексеева: «Понимание воззрений великого политика XVI в. делает честь русскому историку, сто лет назад сделавшему наблюдения, которые... разделяют ведущие историки нашей страны»⁴.

Взвешенную и безоговорочно положительную оценку творчество Макиавелли получило в трудах крупнейшего русского социолога и теоретика общины Максима Максимовича Ковалевского (1851–1916). Ковалевский глубоко знал итальянское Возрождение, и в его библиотеке сохранилось много редких книг по истории Италии, в том числе и изданий, связанных с Макиавелли (ныне в Научной библиотеке им. Горького МГУ). Одна из глав

¹ *Комаровский А.Л.* Алексеев... С. 47.

² *Шелгунов Н., Алексеев А.С.* Макиавелли как политический мыслитель (рецензия) // Дело. СПб., 1880. № 4. С. 1–31; *Гольцев В. Алексеев А.С.* Макиавелли... (рецензия) // Русская мысль. М., 1880. Кн. III. С. 1–5. Ср. *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 9.

³ *Амфитеатров А.В.* Собр.е соч. Т. XXIX. С. 272.

⁴ *Чиколини Л.С.* Средневековая и ренессансная культура Италии в русской дореволюционной историографии // Средние века. Вып. 47. М., 1984. С. 225–246. Под ведущими историками Л.С. Чиколини здесь подразумевает В.И. Рутенбурга, Р.И. Хлодовского и К.М. Долгова.

обобщающего труда учёного называется «Происхождение тирании и её теория в “Князе” Макиавелли»¹. Здесь Ковалевский старается развенчать ряд установившихся в отношении флорентийского секретаря стереотипов. В «Государе» («Князе»), как, впрочем, и в «Рассуждениях», Макиавелли, по Ковалевскому, не учит и не разоблачает тиранов, но очерчивает те рамки, удерживаясь в которых единоличное правление не переходит в деспотическое. Для этого необходимо, в краткой формулировке, «оставить возможно больше влияния в делах за народом, воздерживаться от изменений в делах и учреждениях, не править исключительно со своими приверженцами, избегать сосредоточения всей власти в руках оптиматов, сторониться льстецов, не сорить народными деньгами, не делать посягательств на частную собственность, не оскорблять чести жён и дочерей, не бояться вручения оружия подданным и оказывать предпочтение гражданской милиции и народному войску над войсками наёмными или полученными от союзников, умело выбирать своих советников и давать им полную свободу судить и рядить о делах государства. Одним словом, Макиавелли даёт князьям совет править народом при его участии согласно с законом и справедливостью с постоянной заботой о сохранении внутреннего мира и внешней безопасности»².

Ковалевский рассматривает Макиавелли, которого называет «величайшим политическим мыслителем своего времени»³, на фоне других знаменитых и не очень теоретиков государства: Аристотеля, Ботеро, Кампанеллы, Гвиччардини, Джанотти, Паруты, Спинозы, Фридриха II. Вообще, Ковалевский, отрешаясь от сложившейся в его время традиции смотреть «на Англию, как на образец

¹ Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. Т. I. М., 1906. С. 388–434.

² Там же. С. 379.

³ Там же. С. 380.

государственного устройства», напоминает о том, что когда-то «Европа, не исключая и самой Англии, считала нужным учиться политической мудрости в Италии и, в частности, в Венеции»¹.

Столь же непредвзято попытался обрисовать флорентийского политика и Вл. Топор-Рабчинский в своей книге «Макиавелли и эпоха Возрождения», имеющей подзаголовок «Введение в изучение Макиавелли»². Главное место здесь уделено ставшей традиционной для таких сочинений характеристике эпохи, с одобрением отмеченной рецензентом³.

Почти одновременно выходит в свет работа С. Архангельского, истолковывающая деятельность и произведения Макиавелли с позиций теории классовой борьбы⁴. Заметим, что в лекциях Д.Н. Егорова Макиавелли назван предшественником Маркса в смысле «материалистического понимания истории и исторических фактов»⁵.

С. Архангельский находит выражение социальных взглядов Макиавелли в показанной им в «Истории Флоренции» классовой борьбе: сперва в лоне самого дворянства, затем между дворянством и буржуазией (наличие последней автор возводит уже к XIII в.), затем между буржуазией и

¹ Там же. С. 434.

² *Топор-Рабчинский Вл.* Макиавелли и эпоха Возрождения. Введение в изучение Макиавелли. Варшава, 1908. Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 12.

³ *Перцов В.* Топор-Рабчинский Вл. Макиавелли... (рецензия) // Русская мысль. М., 1910, январь, библиогр. отдел. С. 9–11.

⁴ *Архангельский С.* Социальная история Флоренции и политическое учение Макиавелли // Журнал Министерства Народного Просвещения. Н. с., ч. 31. СПб., 1911, январь. С. 1–59. Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 12; *Егоров Д.Н.* Средние века. Историография и источниковедение. Вып. II. М., 913. С. 53, 54. Ср.: *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков. М., 1940. С. 13.

⁵ *Егоров Д.Н.* Средние века. Историография и источниковедение. Вып. II. М., 913. С. 53, 54. Ср.: *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков. М., 1940. С. 13.

низами¹. При этом автор противоречит собственному утверждению, что «Макиавелли молчит о народе» как группе, противопологаемой командным классам². Уже в этой статье Архангельского мы встречаемся с зачатками мифа, получившего впоследствии хождение и в советской историографии, о презрительном отношении Макиавелли к народу (плебсу, *la plebe*), поскольку термин *il popolo* употребляется им якобы в смысле этническом или ограничивающемся верхушечным слоем. Между тем достаточно перелистать «Рассуждения о первых десяти книгах Ливия», чтобы увидеть, что слово «плебс» используется здесь как полный синоним понятия «народ» (*il popolo*), а различия между римской и флорентийской историей в этом отношении Макиавелли не проводит. Соответственно с упомянутым утверждением автора в рассматриваемой статье он причислен к представителям «старых привычных правителей Флоренции», то есть буржуазного патрициата, который, как пишет Архангельский, утратил в это время рычаги правления и начал поиски компромисса с реакционной рефеодализирующей верхушкой (принципат Медичи)³.

Справедливости ради укажем, что в начале века подобная точка зрения могла иметь некоторую прелесть новизны, тем более, что в статье С. Архангельского она сопровождалась подробным знанием описываемых реалий⁴.

Надо полагать, что не без влияния на русского читателя остались переводные труды о Макиавелли и рецензии на них. В 1867 г. сразу двух рецензий удостоилась книга

¹ Архангельский С. Социальная история... С. 52.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 53–58.

⁴ О внимании к Макиавелли в научных кругах говорит приводимый Б.С. Кагановичем факт о том, что, А.И. Хоментовская «занималась в семинаре Э.О. Гримма по “Государю” Макиавелли». В кн. *Хоментовская А.И. Итальянская гуманистическая эпитафия: её судьбы и проблематика*. СПб., 1995. С. 10. Ср.: там же. С. 12.

французского автора Поля Дельтуфа «Опыт о произведениях и учении Макиавелли»¹. Наличие этих рецензий, опубликованных, правда, с грубыми ошибками, отражает возросший в 60-е гг. интерес к великому итальянцу². В 1897 г. в журнале «Северный вестник» была переведена весьма содержательная лекция англичанина Дж. Морли³. В предисловии к ней критик А. Вольтинский (Флексер) высказывает надежду, что эта статья послужит подспорьем в борьбе с современными заблуждениями человеческого духа ницшеанского толка⁴. Морли начинает с перетолкования применительно к Макиавелли слов Вольтера о Данте: последний прославлен потому, говорит французский остроумец, что его никто не читает. Дурная слава Макиавелли порождена той же причиной. Макиавелли, утверждает Морли, – моралист особого рода, и в этом его вечность⁵. Особенности макиавеллиевского морализма английский автор рассматривает, опираясь на тезисы о том, что природа сама по себе безнравственна и что средства вместе с целью составляют одно действие. Подход в целом здравый, хотя Морли полагал, очевидно, ошибочно, что к началу XX в. пессимизм Макиавелли в политике утратил свои корни.

В 1910 г. в «Историческом вестнике» явилась рецензия на сочинение Эд. Ланжерона «Макиавелли и Цезарь

¹ *Deltuf P.* Essai sur les oeuvres et la doctrine de Macchiavel. P., 1867.

² *Дельтуф П.* Опыт... (рецензия) // Вестник Европы. Т. III. СПб., 1867. С. 13–14. Здесь говорится, между прочим, о поездке Макиавелли к «братьям-минерам», читай, францисканцам /Жизнь и творения Макиавелли. Дельтуф П. Опыт.../ (рецензия) // Записки для чтения, издаваемые К. Трубниковым. СПб., 1867. № 8, 9. С. 73–77. Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 14, прим. 63.

³ *Морли Дж.* Макиавелли. Публичная лекция, прочитанная в Шендокском театре, в Оксфорде, 2 июня 1897 г. Джоном Морлеем, членом парламента, почётным доктором Оксфордского и Кембриджского университетов // Северный вестник. СПб., 1897. № 9. С. 71–107. Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 14.

⁴ *Предисловие А. Вольтинского*, см.: там же. С. 72.

⁵ *Морли Дж.* Макиавелли... С. 84.

Борджиа», изобилующая обыкновенными несуразностями¹. Наконец, в 1914 г. вышел из печати первый том перевода на русский язык монографии «Макиавелли и его время» Паскуале Виллари². К сожалению, публикация одной из наиболее фундаментальных в истории макиавеллистики работ осталась незавершённой и ограничилась первым томом. Как отмечали рецензенты, половину его занимает введение, к которому были добавлены ещё шесть страниц предисловия М.М. Ковалевского, по мнению одного рецензента, излишних³. Сочинения Виллари – одна из крупнейших попыток подойти к Макиавелли в духе историзма. Что касается оценки его творчества, то итальянский историк основывает её на противополжении индивидуальной и общественной нравственности, которое было отрицаемо в Средние века, хотя «в те времена люди часто писали, как анахореты, и поступали, как дикари»⁴. Макиавелли, будучи человеком Возрождения, не только признал, но, по утверждению Виллари, и преувеличил этот разрыв.

Подробное изложение исторических перипетий «макиавеллизма» и «антимакиавеллизма» отчасти позаимствовал из непереуведенных томов Виллари А.В. Амфитеатров (1862–1938), популярный в своё время и очень плодотворный, как принято почему-то выражаться, «беллетрист». В 1914 г. он перевёл «Мандрагору» и снабдил её издание обширнейшим комментарием и статьёй

¹ Machiavel et César Borgia. Par Edouard Langeron. La Nouvelle Revue. 1 Dec. 1909 // Исторический вестник. Т. СХІХ. СПб., 1910. № 1. С. 348–355. Ср. *Маларчик Я.* Политическое учение... С. 14.

² *Виллари П.* Никколо Макиавелли и его время. Т. I. Со вступительной статьёй пр. М.М. Ковалевского; пер. с итал. И.М. Кригеля / ред. А.Л. Волинский. СПб., 1914.

³ См.: *Успенский К.Н.* Виллари П. (рецензия) // (Голос минувшего. М., 1916. № 3. С. 278–281; а также *Любович Н.* Виллари П. (рецензия) // Исторический вестник. Пг., 1916. № 3. С. 877–879. Ср.: *Маларчик Я.* Политическое учение... С. 14.

⁴ *Виллари П.* Никколо Макиавелли... С. XXX.

о Макиавелли¹. Правда, узнав об осуществлении русского издания книги Виллари, послужившей одним из главных источников Амфитеатрова, он остановил своё живое перо, вследствие чего русский читатель и в этом случае не получил подробного пересказа названной монографии. Тем не менее стараниями Амфитеатрова был внесён немаловажный вклад в российскую макиавеллиану. В связи с нашей темой представляют интерес прежде всего те параллели, которые писатель проводит с русской литературой и действительностью.

Рассуждения Виллари о «Мандрагоре» (Макиавелли в ней высмеивает зло, которое в «Государе» предлагал искоренять мечом), наводят Амфитеатрова на мысль о сходстве Макиавелли как комедиографа с Гоголем («Ревизор»), который также был автором произведения, начатого сатирой, а законченного мечтанием («Мёртвые души»). В биографии Макиавелли Амфитеатров видит черты, роднящие его с Грибоедовым, который, правда, был менее удачлив в дипломатической карьере, чем его итальянский собрат. К жизни флорентийца Амфитеатров прилагает слова Державина: «За слова меня пусть гложет, за дела сатирик чтит»². Оправдывая посвящение «Государя» Лоренцо Медичи, Амфитеатров сравнивает Макиавелли ещё с одним русским поэтом, Н.А. Некрасовым, ради спасения журнала «Современник» посветившего стихи душеителю июльского восстания М.Н. Муравьёву, называя их «святыми, вынужденными дать взятку чёрту»³.

Перевод «Мандрагоры» по живости языка и сценичности я бы поставил на первое место среди существующих по сей день (кстати, сам Амфитеатров думал, что он в этом отношении первооткрыватель, не зная

¹ Амфитеатров А.В. Собр. соч. Т. XXIX. У Дж. Преццолини, сведения которого часто неточны, годом перевода указан 1910. См.: *Prezzolini G. Machiavelli anticristo...* P. 429.

² Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 126.

³ Там же. С. 175.

о еще не опубликованной к тому времени рукописи А.Н. Островского, что повторяет за ним Дж. Преццолини¹). Правда, некоторые места Амфитеатров перевёл очень эвфемистически, а другие, несмотря на консультации с итальянскими друзьями, так и не смог правильно понять. Верность идеи Макиавелли относительно создания собственного ополчения как бы опровергнута падением Прато в 1512 г., Амфитеатров подтверждает ссылкой на пример Петра I, войско которого было разбито под Нарвой, но победило при Полтаве². Вслед за М. Монтенем и М.М. Ковалевским автор повторяет, что главная способность Макиавелли – «заставлять думать, наводить на мысли, толкать к новым идеям»³. Русский беллетрист, по всей видимости, относится к числу тех, кто ощущает несовпадение позиции автора «Государя» и интересов тех, кому тот, по внешнему смыслу трактата, даёт советы. Отсюда ещё одна параллель – с современным русским философом: «Смесь серьёзной дидактической мысли с внутренним издевательством, тайно позорящим и предмет изложения, и публику, ... и самого автора, имеется – у русских писателей – и в весьма больших размерах – у Владимира Соловьёва, хотя он... маленький человек сравнительно с гигантом, разбудившим политическую мысль Европы на века и века»⁴.

¹ Там же. С. 279, ср.: *Prezzolini G. Machiavelli...* P. 429. Перевод «Мандрагоры» А.Н. Островский закончил зимой 1883/84 гг. и отослал в цензурный комитет, выдавший через некоторое время разрешение на публикацию. Пьеса предназначалась для издания у А.С. Суворина, которое не осуществилось по неизвестным причинам. Рукопись впервые была опубликована с предисловием проф. Д.К. Петрова в сб. Памяти А.Н. Островского. Сборник статей об Островском и неизданные труды его. Пг., 1923. С. 255–276; *Островский А.Н.* Полн. СОБР. соч. Т. 9. М., 1978. Об истории перевода см. там же, прим. Н. Томашевского на с. 646. В библиотеке Островского было несколько книг Макиавелли, см.: Библиотека А.Н. Островского. Л., 1963. С. 176. № 798–800.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 165.

⁴ Там же. С. 181.

Амфитеатров резко осуждает антимаккиавеллистов – Полити, Поссевина, совместный труд Вольтера и Фридриха II, а среди сочувствовавших флорентийцу называет Липсия, Боккалини, Гроция, Иоганна Мюллера, «французского Фукидида» (1752–1809), который высказался так: «Мудрецы кричат против Макиавелли, как воры против изобретателей фонарей»¹. Что касается отношения к Цезарю Борджиа, то Амфитеатров приводит слова французского писателя Франсуа Бенуа Гофмана (1760–1828), оправдывающего поздравление, высказываемое Макиавелли в письме к Синьории после избияния Цезарем своих врагов в Сенигаллии, следующей аналогией. Французский посланник при русском дворе (а Макиавелли был посланником при дворе Цезаря) также не мог высказать своего негодования по поводу казни декабристов в депешах своему правительству². В заключение своего очерка Амфитеатров сообщает о намерении написать большой труд о Макиавелли, которое осталось, насколько можно судить, неосуществлённым.

Появились ещё некоторые переводы из Макиавелли. В 1900 г. краткое изложение «Государя» и «Рассуждений» опубликовал А.Г. Пресс, присяжный поверенный, писатель и книголюб, в своей серии «Общедоступная философия в изложении Аркадия Пресса», в которой выходили также «Пир» Платона и отрывки из Ж.-Ж. Руссо³. В 1910 г. был издан перевод «Государя» («Князь») в исполнении С. Роговина, как и в предыдущем случае, почти без примечаний⁴.

Следуя по стопам Я. Малярчика, упомянем об изображении Макиавелли в русской художественной культуре и критике этого времени. Сюда относится, в частности, упоминавшийся выше своеобразный памфлет Б.Р. Фроммета, (в дальнейшем, при советской власти,

¹ Там же. С. 202.

² Там же. С. 261, прим. 1.

³ *Общедоступная философия в изложении А. Пресса*. Вып. III. СПб., 1900.

⁴ *Макиавелли Н. Князь* / Пер. с итал. С.М. Роговина. Изд. Н.Н. Клочкова. М., 1910. Ср.: *Малярчик Я. Политическое учение...* С. 13, прим.5.

пропагандиста кооперации) «Политика и интрига» (сентябрь 1916 г.)¹. Первая часть его носит заглавие «Никколо Макиавелли как безобидный старичок» и построена на определённом литературном приёме – через малость старинного злодея показать огромность злодеев современных. В нескольких сочинениях Макиавелли появляется на фоне Цезаря Борджиа. Это, во-первых, книжка М. Салтыкова, где Макиавелли аттестован как «великий и даже честный человек» (возможно, неудачно переведенная формула Ипполита Тэна)². Затем пьеса баронессы М.Г. Ливен «Цезарь Борджиа»³, в котором фигура Макиавелли столь же малозначаща. Эта пьеса примечательна скорее любопытной (для 1910 г.) попыткой примирить явное отвращение автора к тирании с каким-то роковым влечением к ней (любовная линия) и признанием её необходимости для освобождения Италии. Кончается действие возгласами народа: «Да здравствует Цезарь Борджиа!», навеянными, вероятно, вариантом пушкинского «Бориса Годунова».

Самый значительный образ Макиавелли в российской художественной литературе нарисован в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист», часть вторая «Воскресшие боги»⁴. Здесь мы находим портрет флорентийца и во внешнем и во внутреннем смысле, хотя и очерченный довольно пристрастно. Главная черта, которая отличает Макиавелли в романе, это расхождение между видимостью и действительностью. По мнению Амфитеатрова, Мережковский приписал Макиавелли страсть к напускному цинизму, внутреннюю слабость при стремлении произвести впечатление, в общем обрисовал его психологически неудачно, куда слабее, чем сам

¹ Фроммет Б. Политика и интрига... С. 5–14. Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 13, прим. 56.

² *Салтыков М.* Цезарь Борджиа. СПб., 1912. См.: *Малярчик Я.* Там же.

³ *Ливен М.* Цезарь Борджиа. СПб., 1910. Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 14. Здесь автор назван «М. Ливень».

⁴ *Мережковский Д.С.* Воскресшие Боги. Т. II. СПб., 1911.

флорентийский секретарь в своих донесениях Синьории о посольстве к герцогу Валентино¹. Вот как Мережковский передаёт устами Цезаря Борджиа новеллу Маттео Банделло о неудачной попытке Макиавелли командовать войском: «Однажды из этой самой книги о военной науке объяснял Никколо моему начальнику лагеря, Бартоломео Капраника и другим капитанам правило для расположения войск в порядке, подобном древней македонской фаланге, с таким красноречием, что всем захотелось увидеть её на опыте. Вышли в поле перед лагерем, и Никколо начал командовать. Бился, бился с двумя тысячами солдат, часа три продержал их на холоде, под ветром и дождём, а хвалёной фаланги не выстроил. Наконец Бартоломео потерял терпение, вышел тоже к войску, и хотя отроду ни одной книги о военной науке не читывал – во мгновение ока, под звук тамбурина расположил пехоту в прекрасный боевой порядок. И тогда-то все ещё раз убедились, сколь великая разница между делом и словом»².

В связи с обсуждаемой темой нельзя умолчать и ещё об одном своеобразном отголоске «макиавеллических» идей в России на рубеже XIX–XX вв. Речь идёт об использовании памфлета Мориса Жоли «Диалог между Макиавелли и Монтескье в аду, или Политика Макиавелли в XIX в.» (1864) в сфабрикованных русской охранкой «Протоколах сионских мудрецов»³. «Остроумное и талантливое»⁴ произведение Жоли достаточно тонко и

¹ *Амфитеатров А.В.* Собр. соч. Т. XXIX. С. 114, прим. 2. У Банделло история происходит в лагере Джованни делле Банде Нере, а не Цезаре Борджиа. Разница во времени – более 20 лет, и Макиавелли в бытность Борджиа наверное, еще и не помышлял о составлении военных трактатов.

² *Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч. Т. III. М., 1914. С. 138.

³ *Бурцев В.* В погоне за провокаторами. «Протоколы сионских мудрецов» – доказанный подлог. М., 1991. В 1990 г. отрывок из «Диалога» Жоли был опубликован в журнале ЦК КПСС «Диалог», без какого либо упоминания о «Протоколах»: Диалог о власти. Макиавелли-Монтескье // Диалог. М., 1990. № 12. С. 25–32.

⁴ *Бурцев В.* В погоне... С. 233.

глубоко излагает некоторые мысли Макиавелли с единственной целью – показать, что и в условиях современной демократии вполне возможно установление и процветание деспотического режима, каковым был режим Наполеона III. Картина, нарисованная французским журналистом, настолько правдива, что её даже трудно назвать пародией, хотя автор, несомненно, ставил себе целью разоблачить цезаризм. Использование Макиавелли в этом смысле можно оправдать, как приём, не чуждый самому автору «Государя», который вживался в образ рисуемого им правителя, не всегда, может быть, разделяя его устремления (хотя сатирой трактат Макиавелли, по моему, не был); кроме того, Жюли достаточно близко следует подлинным мыслям итальянского политика. Есть только «чуть-чуть», досказанное или домысленное французом, но этого «чуть-чуть», естественно, хватает, чтобы удалиться от настоящего Макиавелли, в котором если и жил теоретик сильной власти, то по меньшей мере он уживался с врагом цезаризма и демократом. Иногда Жюли начинает с вполне разумного и бесспорного в устах Макиавелли тезиса, но делает из него сомнительный и не принадлежащий последнему вывод. Например, «всё хорошо или дурно, смотря по употреблению, которое из него делают... Отсюда вытекает то заключение, что злом может быть получено добро, что добра можно достигнуть через посредство зла, всё равно как лечат ядом или как спасают жизнь операционным ножом. Меня больше занимает то, что полезно и необходимо, чем то, что хорошо и нравственно»¹. Точно так же Макиавелли приписаны здесь мысли о способах избежать революции и посеять в народе раздоры, на деле автору «Государя» и «Рассуждений» не свойственные.

Что же касается «Протоколов сионских мудрецов», то их основное содержание сводится к переписанным у Жюли рассуждениям, вложенным в уста сионских заговорщиков.

¹ Там же. С. 236.

Таким образом, «макиавеллизму» и здесь довелось сыграть роль политического пугала, правда, анонимно, через третьи руки. Это не мешает поддельным «Протоколам» использоваться в политических целях до наших дней, что лишь подтверждает живучесть законов политического абсурда, хорошо знакомых Макиавелли.

ЗаклЮчить очерк о восприятии Макиавелли в России XIX века хотелось бы, обратившись к помощи замечательной поэты Максимилиана Волошина «Россия», в 1924 г. подытожившей некоторые черты исторического развития страны. Мы не видели, чтобы имя и учение Макиавелли занимали какое-то исключительное место в политической публицистике России и её общественной мысли, подобно тому, как было во Франции и Польше конца XVI в., или в английской елизаветинской драме. В то же время упоминания о Макиавелли и «макиавеллизме» мелькают на страницах статей и писем публицистов всех направлений, в художественной и исторической литературе. Чаще всего эти упоминания были условными, знаниям о Макиавелли недоставало достоверности, хотя существовали и оригинальные учёные прочтения великого флорентийца, были потаённые читатели, находившие в его книгах гениальные откровения, а выдающиеся умы России бились над макиавеллиевскими «проклятыми вопросами». И что более всего оправдывает взгляд на русскую историю через призму Макиавелли, это выраженный итальянским мыслителем трагизм политического бытия, с небывалой силой продемонстрированный столетиями российской жизни и противоречиями её социальной, государственной, революционной истории, сказавшимися и в послеоктябрьский период.

Может быть, нигде так не сказывалось на отношении к власти понимание её надзаконности и незаконности, равнозначных незаконности, как в России. Отсюда те крайности, которые выразились в представлениях о власти в общественной психологии: обожествление (завышенные требования) и страх перед ней в народе, при проявлениях

слабости с её стороны переходящие в нигилистическое презрение и отрицание вплоть до цареубийства. В самой власти ощущение вины, необходимости оправдания (еще в переписке Грозного с Курбским) и попытки усовершенствования системы сочетались с бесцеремонностью, упрямством, готовностью идти напролом и безответственностью, нежеланием считаться с чем бы и с кем бы то ни было.

Волошин подчёркивает взаимодополняемость и даже сродство власти и бунтовщиков в России: «В России революция была Исконнейшим из прав самодержавья. (Как ныне – в свой черёд – утверждено Самодержавье правом революций)»¹. Эта мысль возвращает нас к макиавеллиевскому «новому государю», государю-революционеру, который должен всё переиначить, а в идеале (чего, по мнению Макиавелли, трудно ожидать) устранить затем в пользу демократии. Правда, Макиавелли не простирает своих мечтаний до того, чтобы осчастливить человечество, о чём грезили лучшие умы России, полагая, что её условия этому очень благоприятствуют. По стопам Герцена, полагавшего, что коммунизм – это Россия минус самодержавие, Волошин пишет: «Великий Пётр был первый большевик, Замысливший Россию перебросить, Склонениям и нравам вопреки, За сотни лет, к ее грядущим далям. Он, как и мы, не знал иных путей Опричь указа, казни и застенка, К осуществленью правды на земле»². Ближе к Макиавелли мысли о вечном круговороте одних и тех же страстей и порядков под другими вывесками: «Все имена сменились на Руси. (Политика – расклейка этикеток, Назначенных, чтоб утаить состав)...»³. «Мы не вольны в наследии отцов, И вопреки бичам идеологий Колеса вязнут в старой колее...»⁴.

¹ *Волошин М.* «Средоточье всех путей...». Избранные стихотворения и поэмы. Проза. Критика. Дневники. М., 1989. Россия. С. 145.

² Там же. С. 141.

³ Там же. С. 143

⁴ Там же. С. 144.

Естественный процесс (дух Истории – «безликий и глухой») сметаает и воздвигает царства, не меняя сути вещей («Грядущее – извечный сон корней: Во время революций водоверти Со дна времён взмывают древний ил И новизны рыгают стариною»)¹.

Не чуждо было Макиавелли понимание трагедии народа («Народ уж знает свычаи царей И свой удел в строительстве империй» – говорит стрелец на плахе)², трагедии царей («Закон самодержавия таков: Чем царь добрей, тем больше льётся крови»)³ и – хотя бы на примере собственной судьбы – трагедии интеллигента, плоти от плоти власти («Оторванный от родовых корней, Отстоянный в архивах канцелярий – Ручной Дантон, домашний Робеспьер, – Бесценный клад для революций сверху»)⁴, её негатива, творца «культуры взрыва», уничтожившей его самого. А вот что пишет Волошин о чужих идеях: «На дне души мы презираем Запад, Но мы оттуда в поисках богов Выкрадываем Гегелей и Марксов, Чтоб, взгромоздив на варварский Олимп, Курить в их честь стираксою и серой И головы рубить родным богам, А год спустя – заморского болвана Тащить к реке, привязанным к хвосту»)⁵. Сам Макиавелли по-настоящему не был в числе этих кумиров, хотя его судьба в России была столь же непостоянной и вызывала как крайние похвалы, так и крайние хулы, и притом в противоположных лагерях. Не менее противоречивым было отношение к нему и по утверждению новой веры: «в матерьялизм и в Интернационал»⁶. Однако об этом в следующей главе.

¹ Там же.

² Там же. С. 137.

³ Там же. С. 140.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ Там же. С. 143.

Писарев

Пестель

Амфитеатров

Бакунин

ГЛАВА ПЯТАЯ

МАКИАВЕЛЛИ В РОССИИ XX В.

Послеоктябрьский период

Прежде чем говорить о непростых судьбах наследия Макиавелли в послереволюционной России, необходимо сделать оговорку о тех обстоятельствах, которые определили особенности этого периода. Во-первых, все сферы общественного сознания сильно политизировались и развивались, по крайней мере, официально, в рамках марксистского учения. Поэтому невозможно говорить о восприятии Макиавелли в Советской России и в СССР, не обозначив тех связей, которые – формально и по существу – протягиваются между Макиавелли и марксизмом. Во-вторых, такой же, как и раньше, а может быть, и ещё больший интерес представляют отношение к Макиавелли главных политических фигур эпохи и оценка их деятельности с точки зрения творчества великого флорентийца.

В-третьих, в сфере научного осмысления наследия прошлого всё чаще приходится иметь дело с тиражированием одних и тех же взглядов, даже стереотипов, как вследствие господства официозных точек зрения, так и в связи с переходом науки и образования на массовые рельсы. И, наконец, в-четвёртых, по этой же последней причине, начинающей действовать уже в предшествующий период, в XIX в., историку, изучающему восприятие Макиавелли и «макиавеллизма», приходится иметь дело с многочисленными и чуть ли не массовыми источниками: популярной литературой, справочниками, учебниками и всевозможными пособиями по разным отраслям знания, так или иначе затрагивающим Макиавелли, – истории, философии, политологии, истории литературы, театра, военного искусства, права и политической мысли и др. Полностью охватить этот материал невозможно, да и не

нужно, поэтому я коснусь только наиболее важных, распространённых и характерных публикаций.

Итак, обратимся прежде всего к идейным взаимоотношениям учения Макиавелли с марксизмом, определявшим духовный климат в России на протяжении почти всего двадцатого века.

Этот вопрос распадается на две основные части: 1) В какой степени можно говорить о философском родстве (или противоположности) двух концепций? 2) Каковы были конкретные знания и суждения о Макиавелли основоположников марксизма, принимавшиеся, разумеется, во внимание более поздними его теоретиками?

Для ответа на первую часть поставленного вопроса удобно воспользоваться собственной формулировкой Маркса относительно новизны его учения, приведенной в известном письме к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. Состоит она, пишет Маркс, «в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определёнными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведёт к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов...»¹.

Отметим, что Маркс выступает здесь как учёный, оценивающий свой вклад в науку, хотя с высоты сегодняшнего дня можно сказать, что степень достоверности его тезисов представляется заметно уменьшающейся от первого к третьему. В контексте этого письма Макиавелли можно причислить к тем «буржуазным историкам» (со всяческими оговорками по поводу слова «буржуазный», которые мы сделаем ниже), ещё до Маркса, по его собственным словам, изложившим «историческое развитие этой борьбы классов»². На сходство между

¹ Маркс К. Письмо И. Вейдемейеру 5 марта 1852 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 28. С. 427.

² Там же.

учениями о классовой борьбе обращали внимание многие историки¹, и действительно, есть даже некое текстуально-стилистическое подобие между словами «якобинца XVI века» в «Рассуждениях»: в любой республике существуют два противоборствующих стана, народа и знати... и все законы, охраняющие свободу, рождаются из этого противостояния»² и началом Манифеста Коммунистической партии: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриции и плебей... вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»³. В «Истории Флоренции» Никколó Макиавелли прослеживает ход борьбы групповых интересов в качестве пружины истории, причём именно социальный антагонизм определяет её политическое (то есть для Макиавелли основное) содержание. Здесь и коренится, на мой взгляд, то методологическое звено, которое соединяет философские подходы Маркса и Макиавелли. Заключается оно в отвлечении от личностных, неповторимых свойств индивида и в рассмотрении его снаружи – как точки приложения неких независимо от него действующих сил, причём результат их действия сказывается одинаково и закономерно на поступках множества людей. Естественно,

¹ См.: Максимовский В.М. Взгляды Макиавелли на общество и классы // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. М., 1933. Вып. 3. С. 225–248; Вып. 4. С. 291–306. Рутенбург В.И. Жизнь и творчество Никколо Макьявелли // Макьявелли Н. История Флоренции. Л., 1973. С. 380; Kłoskowska A. Społeczna teoria Machiavelliego // Paradoxy losów doktryny / Red. A. Tomasiak-Brzost. Warszawa, 1973. S. 130. Masiello V. Classi e stato in Machiavelli. Bari, 1971. По теме «Макиавелли и марксизм» см. также: Aron R. Machiavel et Marx // Études politiques. P., 1972; Schieder Th. Machiavelli im Marxismus // Geschichte in der Gegenwart. Festschrift für Kurt Kluxen. Paderborn, 1972. S. 33–44.

² Рассуждения. I. 4.

³ Маркс К. Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 420.

что при этом принимаются во внимание именно одинаковые их свойства, что и позволяет вычленять в истории повторяющийся и закономерный элемент. Это не означает выведения Макиавелли за рамки ренессансного гуманизма, потому что он всё-таки не сводил личность к «арифметической единице», как думал А.Ф. Лосев, и даже, пожалуй, не растворял её в особом разнообразии ренессансной индивидуальности, к чему склоняется Л.М. Баткин¹. И Макиавелли, и Маркс смотрят на человека как на объект – просто в силу социологичности своего подхода, из желания обобщать.

Но социология Макиавелли специфически ренессанса, антропологична. Для Маркса сущность человека сводится к совокупности общественных отношений, а для Макиавелли субстрат человечности заключается в общей для всех и в то же время разнообразной человеческой природе, которая не столь уж отлична от природы животных (последние добиваются своих целей силой, а люди – с помощью условных правил: законов)². Поэтому флорентийский секретарь больше психолог, чем основоположник научного коммунизма; у первого людьми движут эмоции, настроения, страсти и даже мнения; согласно второму все внешние проявления человеческой природы являются оболочкой, через которую пробивает себе дорогу классовый интерес.

Несколько по-разному решают оба вопрос о свободе человека и о нравственном выборе. Отправной пункт и у того, и у другого примерно тот же: установление научной истины, или как говорил Макиавелли, «настоящей правды вещей»³. Существование такой истины значительно ограничивает как возможность поступать свободно, так и возможность безоговорочно следовать заповедям морали,

¹ См.: Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 563; Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.

² Государь. Гл. XVIII.

³ Государь. Гл. XV.

если только не считать, что сам ход вещей и саму истину направляет сверхъестественная благая воля. Ни Макиавелли, ни Маркс так не считали, поэтому первый утверждает, что государь должен преступать заповеди, если не желает погибнуть; а второй оставляет этику почти вне пределов своего рассмотрения, как нечто вторичное по отношению к глубинным законам истории. В.И. Ленин пишет, соглашаясь с Зомбартом, что «в марксизме от начала до конца нет ни грана этики»¹, ибо он исследует, а не поучает. История в обоих случаях аморальна, и зло на массовом уровне не менее, а то и более дееспособно, чем добро. Но поскольку и Макиавелли и Маркс исходят из гуманистических принципов² и как подлинные интеллигенты исповедуют общечеловеческую мораль, оба приходят к какому-то компромиссу.

Для Маркса торжество человечности обеспечивается идеей прогресса, который через тернии классовой борьбы и диктатуры пролетариата ведёт к установлению царства свободы. Макиавелли, в силу отсутствия подобной всемирно-исторической концепции являющийся большим пессимистом, уповает на мудрого правителя, который в борьбе с судьбой достигает политической вершины и хотя бы на время наводит в обществе относительный порядок; своими законами, лучше всего в республиканской форме, придавая ему ориентир. Таким образом, общее у Макиавелли и Маркса состоит в попытке уйти от «идеализма» в объяснении истории, иными словами, состоит в поиске надчеловеческих и внедуховных сил, управляющих историей. В первом случае это скорее бушующие стихии природы, хотя и подчинённые известной правильности и повторяемости, во втором они сводятся даже к некоторой целесообразности (прогрессу). С точки зрения истории

¹ Ленин В.И. Экономическое содержание народничества // Соч. Изд. 5-е. Т. 2. С. 440–441.

² Ciardo M. Il vitale e il morale nella dottrina del Machiavelli e del Marx // Letterature moderne. Bologna, 1956. No. 1. P. 55–66.

современности, Маркс переоценил всеобщность открытых им законов и запрограммированную направленность социального процесса. Субъективные и случайные факторы пересиливают вскрытые учёным устойчивые тенденции, а стереотипы человеческого поведения оказываются трудно восприимчивыми к изменениям в способе производства и социальной структуре. Поэтому размышления Макиавелли актуальны по сей день.

Если говорить о решении нравственно-политической проблемы, то сходство между Макиавелли и Марксом лежит в плоскости того, что ошибочно называли «отделением политики от морали». Правильнее будет говорить об освобождении науки, а точнее, истории от морализирования, от деления, по выражению Энгельса, исторических деятелей на честных и бесчестных, приводящего к тому печальному выводу, что «честные, как правило, оказывались в дураках, а бесчестные торжествовали»¹. Марксизм отказывается оценивать деятелей по их непосредственным намерениям ради того, чтобы отыскать «движущие силы» побуждений, массовый фактор, классовые интересы, подталкивающие или, наоборот, тормозящие прогресс. Он хочет знать, как выразился один советский автор, «объективную цель»². Цель, таким образом, находится вне поля зрения деятеля (если он не вооружён марксизмом) и подвигает его к ней смутная сила законов истории. Критерий оценки – не честность или бесчестность, а результат, но не сиюминутный успех, а успех с точки зрения прогресса, «всемирно-исторический».

Макиавелли ставит на второе место вопрос о честности или бесчестности государей из тех же познавательных соображений: не эти качества предопределяют земной успех, а загробное воздаяние его, по всей видимости, не

¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. С. 307.

² Бурлацкий Ф.М. Загадка и урок Никколо Макиавелли. М., 1977. С. 240.

интересует. Только в его учении усилиям деятеля противостоят не диалектические законы возвратно-поступательного хода истории с её формациями, способами производства и пр., а жестокая и слепая природа, в которой добро перемешано со злом, своенравная стихия, сложный порядок вещей. Критерий же оценки в конечном счёте тот же – общественная значимость поступков и их итоговая весомость («Среди всех людей, достойных похвалы, достойнейшими являются родоначальники и устроители религий, затем основатели республик и монархий» и т.д.)¹.

Соответственным образом можно показать, что и в столь наболевшем вопросе о нравственном соотношении целей и средств между Макиавелли и Марксом наблюдается некоторое сходство. И тот, и другой сознавали, что правая цель не должна оправдывать неправое средство². Но приводя эту столь общепризнанную сегодня истину, излюбленную публицистами и журналистами, забывают о том, что соразмерность цели и средств состоит именно в том, что первая оправдывает вторые, а если средства начинают компрометировать цель, они тут же перестают быть таковыми и оказываются просто негодными. Кроме того, общественная мораль допускает нравственное противоречие целей и средств в некоторых, чрезвычайных случаях. Жизнь, живое, человеческая жизнь, жизнь общества всегда являются самоцелями, но в хаосе бытия они никогда не достигают абсолюта. И Макиавелли, и Маркс видели закономерность таких нравственных изъятий, которые обычно отдельные люди и сообщества предпочитают делать для себя, но не для других. Макиавелли говорил об изъятиях ради спасения государства и во избежание тех зол, которые влечёт за собой его крушение, последователи Маркса

¹ Рассуждения. I. 10.

² См. Маркс К. Дебаты о свободе печати // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. С. 65. Ср.: Макиавелли Н. История Флоренции. Л., 1973. С. 8.

фактически оправдывали изъятия, вытекающие из теории «классовой морали». Трудно сказать, кто из них менее прав, но Макиавелли в своей доктрине более прагматичен и трезв, более внимателен к человеческой психологии и не так ригористичен, поэтому его принципы не могли бы повлечь в обществе таких разрушений, как известные воплощения научного социализма.

Отношение марксистов к Макиавелли было двойственным. С одной стороны, ему благоприятствовало то, что основоположники знали о Макиавелли больше, чем говорило распространённое словечко «макиавеллизм», хотя и они употребляли его. В этих случаях чаще всего речь шла о псевдомакиавеллизме каких-то политических фигур, об их претензиях на особую политическую мудрость, то есть термин применяется в ироническом смысле, не компрометируя самого флорентийского секретаря¹. В то же время Маркс и Энгельс с симпатией отзывались о Макиавелли как о мыслителе, выводившем законы политики из разума и опыта², титане итальянского Возрождения³, военном теоретике⁴, замечательном историке⁵. Маркс читал его сочинения с карандашом в руке⁶ и делал из них подробные выписки.

Судя по этим выпискам, вышеназванные высокие оценки легко объяснимы близостью некоторых позиций Маркса и Макиавелли, избличавшего никчёмность дворян, обвинявшего церковь в раздробленности Италии и в том, что христианская религия в католической интерпретации предала мир «в жертву мерзавцам»; симпатизировавшего народу и республике и вместе с тем

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 8. С. 341; т. 12. С. 682; т. 13. С. 472, 540; т.32. С. 384; Т. 35. С. 50 и др.

² Там же. Т. 1. С. 111; т. 3. С. 314.

³ Там же. Т. 15. С. 190; т. 20. С. 346.

⁴ Там же. Т. 14. С. 30.

⁵ Там же. Т. 29. С. 154.

⁶ Ex libris K. Marx und F. Engels. Schicksal und Verzeichniss einer Bibliothek. В., 1967. S. 134–136.

познавшего неизбежность и оправданность диктатуры¹. С оценками Маркса не могли не считаться в дальнейшем марксистские историки и политологи, писавшие о Макиавелли, хотя, в свою очередь, дурная репутация флорентийца также повлияла на их суждения, особенно в тех случаях, когда авторы не занимались специально Макиавелли, то есть в общих трудах, отдельные из которых будут упомянуты ниже.

Попробуем теперь подытожить имеющиеся на сегодняшний день данные о знакомстве с Макиавелли тех политических деятелей, которые возглавили проводившийся в России эксперимент по воплощению социализма на практике. К сожалению, о знакомстве В.И. Ленина с книгами Макиавелли почти ничего не известно. В сочинениях Ленина несколько раз мелькает слово «макиавеллистический» примерно в том же контексте, что и у Маркса и Энгельса². Более примечательно упоминание о Макиавелли в письме к В. Молотову от 19 марта 1922 г., где Ленин, не называя флорентийца по имени, приблизительно излагает одну из популярных мыслей трактата «Государь»: «Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что, если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут»³. Это «строго секретное» письмо только недавно было официально опубликовано в партийном журнале и тем самым получило статус подлинности, а до этого цитировалось по эмигрантским

¹ Маркс К. Выписки из сочинений Макиавелли // Архив Маркса и Энгельса. М.; Л., 1929. Т. 4. С. 332–351.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 46; т. 20. С. 125; т. 44. С. 123. Ср. Степанов И.А. Макиавеллизм и политическая мысль США. Минск, 1982. С. 140.

³ Ленин В.И. Письмо В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г. // Известия ЦК КПСС. М., 1990. №4. С. 191–192.

изданиям в последнее время довольно часто как доказательство ленинской кровожадности¹. Один из авторов, М. Поповский, приводит сведения, что якобы «Письму дал отвод Томский. Политбюро указало т. Ленину на неприемлемость методов, рекомендованных Макиавелли... на пятом году советской власти (!)»². Понимать нужно так, что даже Политбюро не вынесло ленинского «макиавеллизма». Но всё-таки цитата из Макиавелли, названного или не названного, не должна бы служить обвинением в силу только одиозного имени. В примечаниях к указанной публикации «Известий ЦК КПСС», во всяком случае, подтверждения версии об отводе нет. Упоминается лишь о том, что на следующий же день, 20 марта, Политбюро в составе Каменева, Сталина, Троцкого и Молотова (Томского вовсе нет) приняло предложенные Лениным директивы об изъятии церковных ценностей, правда, в смягчённом виде. На самом письме есть пометка В.М. Молотова о согласии³. (Все упомянутые члены Политбюро, включая Молотова, будут фигурировать ещё чуть ниже в нашем повествовании). Приведённая Лениным мысль Макиавелли является по существу не чем иным, как развёртыванием его идеи милосердной жестокости: не случайно декабрист С.И. Тургенев в своё время хотел напомнить о ней Бурбонам, см. выше⁴. Если вникнуть в общий тон письма, Ленин предстаёт в нём как человек, полностью погружённый в политическую борьбу не на жизнь, а на смерть и оперирующий исключительно категориями политики («...наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаюсь втянуть нас в

¹ См.: с. 174, ссылку на газету «Русская мысль» (Париж) от 1.04.1971 г., а также: Мороз О., Филлимонов Э. Зачем было ссориться с Богом? // Литературная Газета. 15.07. 1990. № 30. С. 13; Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга // Октябрь. М., 1990. № 2. С. 75.

² Поповский М. Жизнь и житие... С. 100, прим.12.

³ Ленин В.И. Письмо В.М. Молотову... С. 193–195.

⁴ С. 380.

решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна») ¹. Другой вопрос, нужна ли вообще эта политическая борьба и нельзя ли было бы её чем-нибудь заменить, но на этот вопрос история пока не дала ответа ².

В работах Ленина вообще бросается в глаза его цельность, последовательность и одержимость одной идеей, стремление истолковать всё с классовых позиций. При этом нечто, напоминающее Макиавелли, можно видеть в желании сорвать все покровы и проникнуть вглубь, отбросив наружный политический камуфляж. «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» ³. Соответственно, зыбкой и относительной выглядит правота любых сколь угодно устоявшихся истин: «Недаром давно уже сказано, что если бы истины математики задевали интересы людей (интересы классов в их борьбе, вернее), то эти истины оспаривались бы горячо» ⁴.

В описи кремлёвской библиотеки Ленина сочинений Макиавелли нет ⁵, поэтому трудно судить, каким образом и в какой мере они ему знакомы и доступны, ведь вышеприведённую цитату он мог взять и из вторых рук. Несомненно, тем не менее, родство основателя большевизма с флорентийским теоретиком на почве политической

¹ Ленин В.И. Письмо В.М. Молотову... С. 191.

² Из большевиков первой формации стоит упомянуть в нашем контексте всезнающего Луначарского. Он называет учение Макиавелли продуктом «освобожденного от предрассудков разума», «действенного интеллекта», беспощадно трезвого рационализма. Луначарский А.В. Фрэнсис Бэкон // Собр. соч. в 8 т. Т. 6. М., 1965. С. 318, 339. Это глава из книги о Бэконе, начатой Луначарским незадолго до смерти, в 1933 г.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 47.

⁴ Там же. Т. 25. С. 46. Эта мысль приписывается Т. Гоббсу.

⁵ Библиотека В.И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961.

практики, особенно заметное в части создания такой боевой организации, как революционная партия, способная осуществить вооружённое восстание и взять власть в свои руки, а также удержат её чрезвычайными методами, установив свою диктатуру. Не случайно А. Грамши, который представлял себе в роли «пролетарского Макиавелли», в отличие от Б. Кроче, не Маркса, а Ленина, называл «современным государем» именно такую партию, коллективного правителя»¹. Конечно, сходство политических методов не обязательно говорит о прямом влиянии, но оно свидетельствует о принципиальной связи, которую, на мой взгляд, не к похвале или порицанию обоих деятелей, следует видеть и в их радикализме, и в пресловутом «якобинизме» обоих, и, отчасти, в подходе к решению нравственно-политической проблемы.

Очень яркую характеристику ленинских воззрений дал в этом смысле Н.А. Бердяев. Он считает Ленина наследником «русского антигуманизма, связанного с русским государственным абсолютизмом, всегда рассматривавшим человека, как средство. Марксизм считает зло путём к добру... Это – демониакальный элемент в марксизме, который считают диалектикой. Зло диалектически переходит в добро, тьма в свет. Ленин объявляет нравственным всё, что способствует пролетарской революции, другого определения добра он не знает...»². Хотя здесь есть пристрастность и упрощение, но направление решения проблемы указано Бердяевым верно. Уже в цитированном выше письме Ленина видно присутствие основополагающей идеи, заложенной ещё у Маркса, – откупиться от истории одним разом, всей суммой предусмотренного ею зла; идеи, идущей, может быть, ещё от христианского понимания искупления. Но этого недостаточно, чтобы изображать Ленина, как часто

¹ *Грамши А.* Современный государь // Избранные произведения. Т. III. М., 1959.

² *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 149.

теперь делают, политическим чудовищем на практике и догматиком в теории. Сверхпоследовательно проведённая идея классовой борьбы для него не ширма и не схема, а инструмент познания и одновременно политической стратегии и тактики. В лице вождя русской революции это учение сочеталось с политическим гением, позволившим ему добиться громадных политических целей. Ленин становится утопистом (об этом пишет и Бердяев), когда вера в теорию начинает подводить его на практике, когда наука противоречит действительности, но настаивает на своём. Резкие повороты и коррективы, вносимые для согласования с реальным ходом вещей (Брестский мир, НЭП) не могли устранить коренного изъяна концепции. Ленин, как подобало российскому интеллигенту (оставляя в стороне вопрос, в какой мере его следует считать таковым), возможно, верил в прогресс и в лучшее будущее для человечества – но верил с огромной поправкой на косность действительности, на неизбежное зло, на необходимость жертв. Само по себе желание ускорить ход истории, сама по себе доблесть – макиавеллиевская «вирту», владение политическим искусством, умение достигать политических целей не могут и не должны считаться заведомо безнравственными. Безнравственной, однако, оказалась уверенность Ленина и большевиков, что они могут взять на себя ответственность, что они движутся к поставленной цели, потому что эта уверенность оказалась ложной. Ложность цели выяснилась при Сталине, деятельность которого стала опровержением ленинского дела, который довёл теоретические построения своих предшественников до конца и дискредитировал многие предвидения научного социализма, хотя и создал внешне жизнеспособную систему. Суть идеи в этой системе оказалась выхолощенной, осталась в качестве оболочки, из-под которой проступили вековые черты российской империи, а то и тысячелетние – азиатской тирании. Вместе с тем поправки действительности сгладили какие-то чрезмерные нелепости теории и отчасти вернули жизнь на

круги своя. Во всяком случае при Сталине стало ясно, что Ленин и ленинцы попали в ту компанию непрошенных «благодетелей человечества», о которых когда-то писал любимый Ильичём Писарев.

И хотя Сталин стал более проклятием, чем продолжателем ленинского дела, Владимир Ильич был первым в ряду «великих вождей» XX в., и притом, вероятно, искренне пытавшимся взвалить на себя тяжкий груз ответственности «хорошего человека», идущего к власти путём насилия¹. Что касается Сталина, то молва соединяла и его имя с обоюдоострой памятью флорентийского политика, причём в этом он был не одинок в когорте «великих вождей» и диктаторов нашего времени, как впрочем, и государей и деспотов прежних столетий.

Макиавелли увлекался и даже посвятил ему печатные работы Бенито Муссолини², находивший у своего гениального соотечественника подтверждение собственным мыслям о сильной личности в государстве. Об этом мы можем прочесть в романе Марка Алданова, который, между прочим, на редкость точно переводит в своей книге отрывки из «Государя». Восприятие же самого Макиавелли через Муссолини в романе «Самоубийство» трудно считать бесспорным, тем более, что оно, как почти всегда в беллетристике, несёт скорее вспомогательную функцию³.

Существует также свидетельство о том, что «Государь» был настольной книгой Гитлера, который читал и перечитывал его, как «незаменимое для всякого политика пособие. Одно время этот трактат постоянно лежал на его ночном столике»⁴. Гитлер говорил, что это чтение очищает и освобождает его, и признавал себя якобы учеником Макиавелли. Впрочем, предполагают, что многие

¹ Ср.: Рассуждения. I. 18.

² *Mussolini B.* Preludio al Machiavelli II Gerarchia. 1924, V. 8. P. 205–209.

³ *Алданов М.* Самоубийство. Ч. 1 // Октябрь. М., 1991. № 3. С. 30–31.

⁴ *Rauschnig H.* Gespräche mit Hitler. Zürich-N.Y., 1940. S. 249 ff (Der neue Machiavelli).

свидетельства из цитированной книги Раушнинга, секретаря Гитлера, бежавшего в США, вымышлены¹.

Слух о том, что и Сталин внимательно изучал труды Макиавелли, восходит ещё к 30-м гг., когда левый публицист, очевидец репрессий Артур Кёстлер, размышляя в своём романе «Слепящая тьма» (1938) о причинах непротивления сталинизму старых большевиков, называет «Государь» карманной книгой Сталина². Трудно сказать, откуда писатель почерпнул это известие и не явилось ли оно плодом его фантазии, но, как мы убедимся, нет дыма без огня. Главная же мысль Кёстлера сводится к тому, что Сталин сумел заставить служить собственным интересам своих бывших сотоварищей, а ныне противников, коварно навязав им «диалектическую» логику самопожертвования ради партии и великой цели. В рассуждениях большевика Рубашова мы сталкиваемся с уже известными нам доводами или, если угодно, софизмами, в пользу «абсолютной цели», оправдывающей человеческие жертвы: о том, что для Истории важна не добродетель, а последовательная логика, важна «объективная правота», а не субъективная честность; о том, что человечество нужно вести вперёд насильно, через скитания по пустыне; «мы стали неомакиавеллистами во имя всеобщей справедливости...» – говорит Рубашов³. Не будем забывать однако, что перед нами если не пародия, то изобличение, логика, доведённая до абсурда: на самом деле государству незачем прикрываться теорией «цель оправдывает

¹ *Buck A. Machiavelli. Darmstadt, 1985. S. 154; Eisermann G. Machiavelli (1469–1527) // Staat. B., 1988. Bd. 27. Hf. 2. S. 269.*

² «Говорят, что “Государь” Макиавелли – настольная книга Первого». *Кёстлер А. Слепящая тьма. Трагедия «стальных людей».* М., 1989. С. 80. Ср.: выступление чешского историка Л. Сохора на круглом столе журнала «Пламен»: «Злые языки рассказывают, что... Сталин никогда не расставался с этой книгой». Пер. в *Rinascita*. 30.05. 1969. № 22. Р. 19. Ср.: также *Chevalier J.-J. Les grands oeuvres politiques de Machiavel à nos jours.* Р., 1970. Р. 36.

³ *Кёстлер А. Слепящая тьма... С. 80.*

средства», одиозность которой признавалась уже во времена Макиавелли и самим Макиавелли. Игра, которую ведёт власть, проще: на её стороне право и абсолютная истина, а потому её враги всегда окажутся и «объективно» и «субъективно» неправы. В сущности марксизм, в своём примитивизированном практически-политическом приложении, свёлся к усовершенствованию этой схемы с помощью тезиса о жёсткой социальной детерминированности человеческих поступков, когда права и даже право на жизнь индивида зависят от «исторической правоты» группы, в которую он входит. Здесь как бы зеркальное отражение популярного в 1860-е гг. довода «Среда заела», благодаря которому преступления и пороки отдельных лиц оправдывались неправильным устройством общества. Объективная же вменяемость позволяет осудить любого индивида за то, что ему не дано приспособиться к правильному общественному строю. Для властей, предрежащих удобство, тут двойное: если политический противник открыто вступает в противоборство с тиранией, он уничтожается как явный враг, если же он представляет угрозу как потенциальный соперник, его можно осудить из объективных побуждений, скажем, за отход от «партийной линии».

У Макиавелли, практически впервые обнажившего перед обществом корни нравственно-правовой безнаказанности политических деятелей, мы нигде не найдём такого обожествления государства, такого неограниченного произвола и лицемерия в оправдании его методов, как у некоторых революционеров, или бывших революционеров XX ст. Может быть, поэтому они отзываются о флорентийском секретаре несколько свысока, как бы со своего всемирно-исторического постаментов. Л. Троцкий считает, что «XX век возвращает нас... к методам эпохи Возрождения и даже далеко превосходит их по масштабу

своих жестокостей и зверств»¹. Макиавелли он определяет, вслед за Л. Пастором, как самого гениального представителя ложного и безнравственного Возрождения². Троцкий разделял тезис о том, что Макиавелли приносил нравственность в жертву логике; «Вопросы морали не существовали для него, как они не существуют для шахматиста, как они не существуют для бухгалтера, задача которого состоит в том, чтобы сделать наиболее целесообразное в данном положении»³. Сталин тоже руководствовался бухгалтерским расчётом в отношении к людям, но до «сверхчеловека Возрождения» он не дотягивает: «не хватает красок, личности, размаха, соображения, капризного великодушия»⁴.

Сам Троцкий в своих статьях защищает постулаты классового подхода к нравственности и вместе с тем опровергает обвинения в использовании дурных средств ради великой цели. Он справедливо говорит об универсальной неравноценности цели и средств: «Средство может быть оправдано только целью»⁵. Оправдание самой цели, как и все марксисты, Троцкий (о чём сейчас часто умалчивают) ищет в общечеловеческих принципах нравственности: «С точки зрения марксизма, который выражает исторические интересы пролетариата, цель оправданна, если она ведёт к повышению власти человека над природой и к уничтожению власти человека над человеком»⁶. Остаётся только доказать, что именно диктатура пролетариата ведёт к этой цели: тезис, поставленный историей под сомнение. Любопытно, что биограф Троцкого, И. Дойчер, описывает его судьбу

¹ Троцкий Л.Д. Сталин / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. N.Y. Chalidze publications. Т. I. 1985. С. 15.

² Там же. С. 14.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Троцкий Л.Д. Их мораль и наша (Памяти Льва Седова) // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. М., 1992. С. 239.

⁶ Там же. С. 239.

макиавеллиевскими терминами – книги его трилогии носят названия «Вооружённый пророк», «Безоружный пророк», «Отвергнутый пророк»¹.

Судьба другого заслуженного революционера, Л.Б. Каменева, напоминает нам о политических процессах XVIII в., в которых вельмож обвиняли в чтении Макиавелли. Каменев написал предисловие к тому I «Сочинений» Макиавелли, вышедших в 1934 г. в издательстве «Академия», директором которого он был, незадолго до своего ареста, и в этом предисловии имел неосторожность отозваться о Макиавелли с похвалой как о «мастере политического афоризма и блестящем диалектике», который пришёл к убеждению об относительности всех понятий и критериев². Обвинитель Каменева на процессе троцкистско-зиновьевского блока А.Я. Вышинский не преминул воспользоваться удобным случаем упрекнуть подсудимых в макиавеллизме. Макиавелли в речи Вышинского назван «прожжённым плутом», призывавшим подражать зверям в политической борьбе³. «Хорош у вас, Каменев, был учитель, – говорит прокурор, – но вы (в этом надо вам отдать должное) превзошли своего учителя»⁴. «Снаряд громадной взрывчатой силы», созданный флорентийским секретарём, “Зиновьевы и Каменевы”, рядящиеся под марксистов», по словам Вышинского, хотели использовать для подрыва социалистического отечества.

¹ *Deutscher I.* The prophet armed. Trotsky. 1879–1921. L. etc., 1954. Id., The prophet disarmed. Trotsky. 1921–1929. L. etc, 1959. Id., The prophet outcast. Trotsky. 1929–1940. L. etc, 1963.

² См.: публикацию этого предисловия на английском языке со статьёй Abransky Ch. Kamenev's Last Essay // *New Left Review*. L., 1962, May. P. 34–38.

³ *Вышинский А.Я.* Судебные речи. Изд. 3-е. М., 1953. С. 402. Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение Макиавелли в России. С. 18, где слова Вышинского приведены с полным, хотя, вероятно, и вынужденным, сочувствием.

⁴ Там же. С. 403.

На деле же Каменев в своём предисловии, впоследствии вырезанном из всех библиотечных томов Макиавелли, уклоняется от прямого ответа на вопрос, сохраняют ли максимы великого итальянца свою справедливость и в переходную к социализму эпоху, и даже толкует о зоологической борьбе за власть в обществе рабовладельцев. Туманные намёки на современные события можно усмотреть в рассуждениях о том, что Макиавелли показал борьбу внутри узкой правящей верхушки при переходе от феодализма к капитализму¹. Подобный же намёк автор статьи о Каменеве видит в его речи на XVII съезде партии (не опубликованной в стенографическом отчёте), в которой внешне оправдывалась необходимость установления личной диктатуры Сталина особенностями переходного периода². Сам Каменев, может быть, был не лишён склонности примерить к себе не только принципы флорентийца, но и некоторые черты его биографии. Ему было знакомо дипломатическое поприще (должность посла в Риме в 1926–1927 гг.), он, как и флорентийский секретарь, потерпел политический крах, и вероятно, надеялся найти утешение в интеллектуальной деятельности³. Во всяком случае, соприкосновение с Макиавелли для Каменева, как и для многих других, не осталось без последствий⁴.

Что же касается очень соблазнительного сближения Сталина с предполагаемым великим Политиком Макиавелли, то по некоторым чертам советский вождь как будто бы хорошо вписывается в его образ – как вооружённый пророк, поборник державности, знаток психологического руководства массами и в некотором

¹ См. *Paggi L. Machiavelli e Gramsci // Studi Storici. 1969. № 4. P. 872.*

² *Abramky Ch. Kamenev's Last Essay... P. 35.*

³ *Ibid. P. 38.*

⁴ Ф. Бурлацкий пишет (по поводу российских политических процессов): «Не странно ли: все, кто прикасался к этому имени, испытывали нечто похожее на политический ожог?...». *Бурлацкий Ф.М. Загадка... С. 193. Ср.: с. 326.*

смысле основатель новой религии; наконец, хотя бы как деятель, выдающийся по меньшей мере в злодействе. Но на мой взгляд, ни по нравственным, ни по объективным критериям Макиавелли не одобрил бы деятельность Сталина в целом. Он вовсе не симпатизировал тиранам, включая и Чезаре Борджиа, если судить не только по контексту «Государя», но по совокупности макиавеллиевского творчества. Объективным критерием политического действия является успех, который не противоречит нравственной его оценке. Если цель политика нравственна, а средства негодны, то есть не позволяют её достигнуть, либо ведут в конечном счёте к извращению цели, то никакие благородные намерения не позволяют извинить деятеля, взявшего на себя такую ответственность.

В этом смысле, если допустить, что Сталин по-своему искренне принимал коммунистическую цель, состоящую, по формулировке Троцкого, в освобождении людей от классового угнетения, то сталинизм, по всем меркам – марксистской, макиавеллиевской, общечеловеческой, не достиг успеха и скорее нанёс вред движению. Государство, построенное Сталиным, распалось, насаждаемая идеология оказалась скомпрометированной. Если же считать действительной целью «отца народов» установление режима личной власти, в чём он относительно преуспел, то и здесь совпадение с макиавеллиевскими критериями, как мы уже сказали, остаётся под вопросом.

Оценке Сталина в интересующем нас контексте посвящена публикация известного советского журналиста Эрнста Генри (С.Н. Ростовского) «Письмо исторического оптимиста»¹. Ещё в 1956 г. автор письма вступил в полемику с Ильёй Эренбургом, обнаружившим в природе и методах Сталина нечто общее с «блистательными политиками эпохи итальянского Возрождения». Генри

¹ Генри Э. Письмо исторического оптимиста // Дружба народов. 1988. № 3. С. 231–239.

против того, чтобы превращать Сталина в «некоего современного Борджиа или Макиавелли», не потому что тот был более безнравственным, чем они, а именно оценивая его как государственного деятеля. Ошибки Сталина – репрессии командиров, раскол рабочего движения, невыгодные уступки Гитлеру, чего не простил бы Ленин – все это от хитрости, которая мешает быть умным. «Не Макиавелли и не Борджиа он был, а потерявший голову политик...». Сталина едва спас народ, где же тут макиавеллиевское величие, восклицает автор письма¹. «Не было государственного ума, не было величия, была довольно ограниченная хитрость и сила, опиравшиеся на самодержавную власть над огромными человеческими ресурсами. Была авантюристическая игра ва-банк, объяснявшаяся не преданностью идее коммунизма, а невероятным сомнением, сладостной похотью к личной власти...»².

Но всё же знал ли что-то Сталин о Макиавелли? В романе Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» Сталин листает изданный Каменевым том Макиавелли: «Рекомендации Макиавелли устарели... Хлёстко, но поверхностно, не диалектично, схематично»³. Далее следует изменённая цитата из «Государя» о том, что предпочтительнее и надёжнее власть, основанная на страхе, а не на любви народа – по мысли же рыбаковского Сталина через страх нужно суметь внушить любовь к себе, чтобы даже жестокости приписывались не правителю, а исполнителям. Но на самом деле здесь ничего нового по сравнению с Макиавелли нет, а пример второго принципа являет собой описанная в «Государе» казнь Рамиро д'Орко (или Лорка), умерщвленного Цезарем Борджиа за «злоупотребления», допущенные им в качестве орудия «милосердной

¹ Там же. С. 236.

² Там же. С. 237.

³ Рыбаков А. Дети Арбата. Роман. М., 1988. С. 295. Ср.: с. 80.

жестокости» последнего¹. Но автор «Детей Арбата» тоже хочет показать, что Сталин превзошёл Макиавелли². Юлиан Семёнов в своей книге «Ненаписанные романы» расследует «рискованную пересекаемость имён» Сталина и Макиавелли по устным преданиям. Здесь и кинорежиссёр Киселёв, которого вождь за невинную сравнительно хитрость окрестил «Макиавелли в кино», и В.М. Молотов, на покое рассуждающий о реакционном строе мыслей «итальянского философа»: «Сталин говорил правду, а Макиавелли всегда искал путь, чтобы ложь сделать правдой... Впрочем, порою наоборот»³. Обвинение Каменева в макиавеллизме на процессе, полагает Семёнов, было инспирировано Сталиным, который думал, что «выпуск тома Макиавелли с предисловием Каменева направлен против него, дирижёра начинавшегося террора»⁴.

Наконец, в 1992 г. появилась сенсационная, по сути дела, публикация в книге бывшего премьер-министра, Н.И. Рыжкова о пометках Сталина на издании Макиавелли, которое «попало в руки» автору воспоминаний. Судя по цитатам, речь идёт о «Государе и Рассуждениях на первые три /так в оригинале издания/ книги Тита Ливия. Пер. с итал. под редакцией Н. Курочкина. СПб., 1869». Стало быть, именно это старое издание могло быть у Сталина «карманным», а не каменевское, действительно карманного формата. По-видимому, Сталин штудировал Макиавелли ещё до 1934 г., когда вышел томик «Академии». Было бы любопытно поставить вопрос, когда издание Курочкина

¹ Государь. VII.

² Л.М. Баткин полагает, что А. Рыбаков слишком усложнил ход мысли Сталина: «Ибо Сталин был всего лишь практиком «макиавеллизма», но не обладал и граммом гениального политологического мозга Макиавелли. Он был не второй Макиавелли, а тоталитарный, чудовищно разбухший Чезаре Борджиа». *Баткин Л.М. Сон Разума. О социо-культурных масштабах личности Сталина. // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 44.*

³ Семёнов Ю. *Ненаписанные романы. М., 1990. С. 40–42.*

⁴ Там же. С. 43. Об изданиях Макиавелли автор пишет неточно.

попало к владельцу (кремлёвская библиотека Сталина формировалась примерно с 1925 г.)¹, но, к сожалению, в остатках сталинской библиотеки в РЦХИДНИ (книги с пометками, ф. 558, оп. 3) такой книги нет – по предположению хранителей, она находится в Президентской библиотеке в Кремле².

По впечатлению Николая Ивановича, подчёркивания Сталина дают неизмеримо больше для его понимания, чем все биографии, фильмы и воспоминания³. Вот несколько отчёркнутых Сталиным мест, приведённых у Рыжкова. «Неестественно, чтобы вооружённый стал покоряться невооружённому». «Без боязни могут быть государи жестокими в военное время». «Что полезнее, вопрошал Макиавелли, чтобы государя любили или чтобы его боялись? И Сталин подчёркивал ответ: «Я нахожу, что желательно было бы, чтобы государи достигали одновременно и того, и другого... но полезнее держать подданных в страхе»⁴. Кажется, здесь сам Сталин подправляет неточность А. Рыбакова, выделяя пожелание Макиавелли сочетать и любовь, и страх. По нескольким цитатам трудно судить, разделял ли сам Иосиф Виссарионович манию приподнять наш век

¹ См.: *Спирин Л.* Глазами книг. Личная библиотека Сталина // Независимая газета. 25 мая 1993 г. С. 8.

² Такое мнение высказала Г.В. Горская. Книга, возможно, осталась у Рыжкова. См.: о библиотеке Сталина также: *Симонов Н.* Размышления о пометках Сталина на полях марксистской литературы // *Коммунист*. 1990. №18. С. 71–78. О пометках Сталина на томе Макиавелли упоминается в книге: *Борев Ю.* Сталиниада. М., 1990. С. 31. По сведениям, восходящим к тому же Каменеву, Сталин зачитывался Макиавелли ещё до революции. «Рассказывали, что в последней сибирской ссылке он провел многие часы за чтением книги Макиавелли “Государь” – этого классического руководства для лиц, стремящихся к власти». *Такер Р.* Сталин – путь к власти: 1879–1920. История и личность. М., 1990. С. 196. Прим. 57: «Из личной беседы автора в 1965 г. с Николаевским Б.И., который слышал эту историю от Каменева Л.Б.».

³ *Рыжков Н.* Перестройка: история предательства. М., 1992. С. 354.

⁴ Там же. С. 354–356.

в его злодействе над прошлыми веками и стояло ли его «невероятное самомнение» за выпадами Вышинского, обозвавшего мудрого флорентинца «щенком» и «деревенщиной», либо чтение сочинений Макиавелли выработало в нём должный пиетет. Во всяком случае, в книге Н. Рыжкова наличествует обуревающее и других наших современников стремление «возвысить» нынешних злодеев. Сталин, утверждает Николай Иванович, создал целую систему, «до которой не додумался наивный Макиавелли». Тем не менее в «Государе» Рыжков находит объяснение любого шага Сталина, который якобы положил в основу своего правления «знаменитый учебник тиранов» – тут мы, пожалуй, переходим от фактов на легендарную почву. В целом, по мнению Рыжкова, Сталина роднили с Макиавелли державное мышление и тяга к централизации власти¹.

Но и других правителей нашей страны бывший премьер оценивает с помощью максим Макиавелли, подчёркнутых Сталиным. Так, Н.С. Хрущёв, хотя, скорее всего, «Государя» не читал, «крестьянским своим умом» дошёл

¹ В 1993 г. появилась, наконец, статья посвященная специально сопоставлению «макиавеллизма» и «сталинизма» как стилей мышления. Её автор, Е.Е. Несмеянов, задался целью установить степень знакомства Сталина с сочинениями Макиавелли и наличие у них идейных точек соприкосновения. Если ответ на первый вопрос у Несмеянова, который приводит веские доводы в пользу знакомства Сталина с трудами флорентийца, выглядит убедительно, то параллель между великим теоретиком (всё же) и великим тираном, проводимая на основании присущего обоим феноменалистического типа мышления, вызывает множество сомнений. Главное из них следующее. Автора можно понять так, что и Макиавелли и Сталин принимают идеальные, утопические цели, но в качестве ширмы или инструмента, на деле же погружены в практическую политику. Здесь скорее заметно различие обоих: Макиавелли теоретик опыта. Сталин же приспособливает к своему политическому опыту нужные ему абстрактные теоретические схемы, упрощая их. Несмеянов Е.Е. Сталинизм и макиавеллизм: стили мышления // Социально-политический журнал. М., 1993. № 9/10. С. 120–127. Подробнее см. в моей статье: Сталин и Макиавелли. Заметки о политике и морали // Новая и Новейшая История. 2008, № 4. 152–165.

до мысли, сформулированной в нём: «То, что хорошо в одно время, может быть дурно в другое»¹. К сожалению, Хрущёв остался в неведении относительно другой сентенции, подчёркнутой Сталиным: «Если честный человек станет рассчитывать на народную привязанность и станет думать, что народ вступится за него в случае его преследований врагами его или правительством, такой расчёт часто оказывался ошибочным...»². («Крестьянскому уму» Н.С. Хрущёва не чужды были размышления о власти и нравственности, как свидетельствует рассказанный им в неподражаемом стиле эпизод одного выступления, где он ссылался на «Моцарта и Сальери» Пушкина: «...Моцарт, не подозревая, что Сальери готовится его отравить, говорит: “Гений и злодейство несовместимы”. Так и Сталин. Нельзя иметь гения и злодея в одном лице»³. Если не обращать внимания на некоторую корявость изложения, то по существу можно заметить, что со времён Макиавелли и поныне этот вопрос как раз в применении к политике остаётся открытым.)

Пишет Н.И. Рыжков и о зачинателе перестройки, М.С. Горбачёве, жестоко обманувшем его ожидания. Бывший соратник сожалеет о том, что первый и последний Президент СССР не соответствовал роли, обрисованной Макиавелли в следующей фразе, подчёркнутой Сталиным: «Тот же, кто получает власть из рук народа, обыкновенно прямо делается самостоятельным, он ни с кем не разделяет власти и не встречает кругом себя никого или почти никого, кто не был бы привычен к повиновению»⁴. Мысль о том, что Горбачёв не обладал необходимой решимостью, что у него отсутствовали качества «лисицы и льва в их властном сочетании», почему-то кажется Рыжкову крамольной. Но сегодня очевидно, что проповедник

¹ Рыжков Н. Перестройка... С. 359.

² Там же. С. 360.

³ Н.С. Хрущёв вспоминает // Аргументы и факты. 8 апреля 1989 г. № 14.

⁴ Рыжков Н. Перестройка... С. 369.

перестройки принадлежит к политическим деятелям типа заклеянного Макиавелли Пьеро Содерини, которого в эпиграмме флорентийского секретаря не хотят принимать ни Ад, ни Рай; то есть который, как писали словами апостола в старинных переводах политических трактатов, цитированных нами в главе о XVIII в., «ни хладен, ни тёпел». Попытка вернуть социализм к общечеловеческим ценностям оказалась пагубной для первого в мире социалистического государства, и очередной «безоружный пророк» ушёл в политическое небытие.

На фоне сегодняшних политических событий мысли Макиавелли выглядят всё так же актуальными и его имя то и дело поминается, чаще всуе, на страницах журналов и газет. Но к ним мы вернёмся ниже, после обзора советской макиавеллистики с 20-х гг. по нынешнее время.

Первые публикации, посвященные Макиавелли после революции, появились, насколько можно судить, только в связи с 400-летием со дня смерти великого флорентийца, исполнившимся в 1927 г. Первая из них, статья В.Н. Дурденевского, в целом примыкает к сложившейся на рубеже веков историографической традиции и в своём толковании Макиавелли напоминает работы Алексея и Герье¹. Дурденевский демонстрирует обширные познания особенно в области литературных интерпретаций Макиавеллиевой судьбы, цитируя Шекспира, Вольтера, Гёте и Альгаротти. В то же время у него много мелких неточностей и попадают неверно понятые цитаты. Дух Макиавелли уловлен русским профессором права довольно успешно, и хотя он причисляет флорентинца к утилитаристам, но делает оговорку, что «в преклонении перед успехом, как таковым, /тот/ повинен менее многих»². Вообще Дурденевский защищает Макиавелли от

¹ Дурденевский В.Н. Макиавелли и государственная наука (К четырёхсотлетию со дня смерти) // Советское право. М.; Л., 1927. № 3. С. 68–95. Ср.: Малиарчик Я. Политическое учение... С. 15.

² Там же. С. 82.

обвинений в безнравственности и в устранении морали из политики, и что очень примечательно, предлагает видеть в нём, вслед за старинной (1849 г.) книжкой Дж. Феррари, «судью революций нашего времени». Макиавелли, пишет он, был противником революций, но как исторический психолог, и даже психиатр, сознавал их неизбежность¹. С другой стороны, симптоматично, что Дурденевский видит в итальянском мыслителе предшественника экономического направления и теории классовой борьбы, а некоторым образом (через французский материализм) и марксизма².

К этому же времени относятся две рецензии, во многом похожие друг на друга, написанные немецкими марксистами коммунистического толка на немецкие же книги социал-демократического толка, трактующие Макиавелли в свете современных политических проблем³. Здесь мы сталкиваемся с уже сложившимися стереотипами марксистской историографии о раннебуржуазном характере макиавеллиевского учения, которое не может быть «разгадано» буржуазными историками. У К. Шмюкле при этом высказано несколько больше симпатии к этому раннебуржуазному писателю, который, по его мнению, был «трезвым теоретиком террора» (этот треск так и напоминает о Кёстлеровском Рубашове).

Сходные положения довольно подробно были разработаны в публикациях историка В.М. Максимовского

¹ Там же. С. 74, 79.

² Там же. С. 85. Ср.: *Покровский М.* Экономический материализм. Харьков. 1924. С. 4–6.

³ *Шмюкле К.* Загадка Макиавелли. Пер. с нем. рец. на кн.: *Schubert J.* Machiavelli und die politischen Probleme unserer Zeit. Zum 400 Todestag des grossen Florentiners. Berlin, 1927 // Историк-марксист. М., 1928. Т. 9. С. 159–163; *Корн Ф.* Рец. на кн.; *Vorländer K.* Von Machiavelli bis Lenin. Neuzzeitliche Staats-und Gesellschaftstheorien. Leipzig, 1926 // Советское право. М.; Л., 1928. № 5 (35). С. 88–90.

конца 20-х – начала 30-х гг.¹ Максимовский видит гениальность Макиавелли в том, что тот «продумал все перспективы своей эпохи и своего класса до конца» и «впервые в Западной Европе построил теорию нового буржуазного государства»². Итоговую оценку этой теории можно видеть в следующих словах советского историка: «Будучи республиканцем по своим программным взглядам, даже сторонником убийства монархов, Макиавелли считал необходимым, с точки зрения политической стратегии и тактики, учреждение единоличной власти, которая должна была быть по существу ничем иным, как буржуазной революционной диктатурой, переходной формой от феодального государства к государству капиталистической эпохи»³.

Таким образом, в отношении общей оценки Макиавелли в советской историографии довольно скоро сложилось несколько неустойчивое, но удобное по своей двойственности мнение, позволяющее, с одной стороны, неограниченно критиковать любые стороны его учения как буржуазного и «для нас» неприемлемого, и вместе с тем, в полном соответствии с высказываниями классиков, причислять его к «прогрессивным», революционным мыслителям реннебуржуазной эпохи, которые провозглашали идеалы не только политической свободы и борьбы с феодализмом, но даже и экономического

¹ Максимовский В.М. Идея диктатуры у Макиавелли // Историк-марксист. Т. XIII. М., 1929. С. 55–94; *Он же*. Взгляды Макиавелли на общество и классы // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Л., 1933. № 3. С. 225–248; № 4. С. 291–305. Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 15–16.

² Максимовский В.М. Идея диктатуры... С. 58.

³ *Он же*. Вступительная статья в изд.: *Маркс К.* Выписки из сочинений Макиавелли // Архив К.Маркса и Ф. Энгельса. Кн. IV. М.; Л., 1929. С. 332–351. М.А. Гуковский в своём отзыве почему-то посчитал, что Максимовский «идеализирует образ слабого, хитрого, нерешительного, кабинетного секретаря флорентийской республики». *Гуковский М.А.* Советская литература по итальянскому Возрождению // Исторический сборник. М.; Л., 1934. С. 324.

равенства. Об этом говорит и Максимовский: «В отношении своего политического идеала Макиавелли – последовательный буржуазный демократ»¹. Указанную двойственность мы обнаруживаем и в научно-популярных изданиях того времени: Макиавелли – основоположник научного подхода к истории, но «макиавеллизм» – политика всех буржуазных правительств².

Не явился в этом смысле исключением и самый значимый вклад в довоенную макиавеллистику – упоминавшееся выше несчастливое издание «Сочинений» Макиавелли в 1934 г. с предисловием Л.Б. Каменева и большой вступительной статьёй А.К. Дживелегова³. Последний, историк ещё дореволюционной формации и известности, постарался изобразить флорентийца не только как политика и государственного теоретика, но и как человека, талантливого писателя и историка, причём сделал это с всегда присущей ему эрудицией и с симпатией к Макиавелли. Что же касается социологических построений, которых статья Дживелегова, разумеется, не была лишена, то он не только не попытался смягчить схематизм своих предшественников, но и пошёл дальше их в этом направлении. А.К. Дживелегов не преминул подчеркнуть заслуги Макиавелли как теоретика борьбы классов и основоположника политической науки: «Лишь один Макиавелли сумел придать своим высказываниям такую глубину при всей их яркой злободневности и классовой определенности, что его теория не только сделалась политической доктриной Возрождения, но и положила начало политике, как научной

¹ Максимовский В.М. Идея диктатуры... С. 68.

² Баскин М.П. Идеология общества зарождающегося капитализма. М.; Л., 1930. С. 43–46.

³ Макиавелли Н. Соч. Вст. статья и ред. А.К. Дживелегова. Пред. Л. Каменева; пер. А.Г. Габричевского, А.К. Дживелегова, М.А. Петровского, М.С. Фельдштейна. С.В. Шервинского. Т. I. М.; Л.: Academia, 1934.

дисциплине»¹. Вместе с тем он пытается привязать учение флорентийца не просто к потребностям ранней итальянской буржуазии, а к одной из более узких групп правящего класса, и при этом приходит даже к противоположным, по сравнению с Максимовским, выводам: Макиавелли «был и остался до конца последовательнейшим идеологом торгово-промышленной буржуазии, и демократом отнюдь не был»².

Все рецензенты в своих откликах на книгу так или иначе высказали своё неудовольствие по этому поводу, хотя никто из них не усомнился в самой правомерности привязки учения гениального мыслителя, хотя бы и политического, к интересам одной социальной группы. В представлении Ю. Спасского (позднее с ним не соглашается Я. Малярчик³), Макиавелли был идеологическим вождём всей итальянской буржуазии, которая вместе с крестьянством пыталась выступить на арене истории в роли объединённой нации⁴. То есть идеи Макиавелли питались интересами всего народа. Недостаточно выясненным в «огромной статье-монографии» Дживелегова показалось отношение Макиавелли к плебейству Я. Матвееву⁵. Ц. Фридлянд посчитал даже, что автор вступительной статьи недооценил «разработку вопросов народного восстания у Макиавелли»⁶. Абстрактно-схематичные утверждения Дживелегова, по словам рецензента, модернизируют Макиавелли и не дают представления о его историческом своеобразии. Наконец, О.Л. Вайнштейн в своей работе по историографии средних

¹ Дживелегов А.К. Никколо Макиавелли // *Макиавелли Н.* Соч. С. 88.

² Там же. С. 75.

³ Ср.: *Малярчик Я.* Политическое учение... С. 17, прим. 77.

⁴ *Спасский Ю.* На заре туманной юности // *Литературная Газета.* 20.03.1935. № 16 (507) /у Малярчика неточно/. С. 2.

⁵ *Матвеев Я.* Наследство великого флорентийца // *Художественная литература.* М., 1934. № 7. С. 46–49.

⁶ *Фридлянд Ц.* (Г.С.) Никколо Макиавелли. Сочинения /Рецензия/ // *Известия.* Суббота 2 июля 1934 г. №127 (5375). С. 4.

веков, первое издание которой вышло в 1940 г., «исправил» Дживелегова в том смысле, что флорентийский секретарь был и вовсе далёк от народа, а на самом деле «примыкал к консервативной буржуазии»¹. Надо сказать, что такой разноголосице мнений немало способствует, по всей видимости, отсутствие у Макиавелли склонности к систематическому изложению своих взглядов, его ренессансная тяга к «проигрыванию» разных точек зрения и талант замечательно вживаться в психологию тех персонажей, которым эти точки зрения могут принадлежать – хрестоматийный пример – речь предводителя чомпи в «Истории Флоренции», фигурирующая и у А.К. Дживелегова.

Печальная судьба тома I «Сочинений» Макиавелли не привела к тому, что путь для итальянского политика на пороги советских издательств оказался закрыт. Как и за сто лет до того, в царствование Николая I, являющее немало всякого рода параллелей со сталинской эпохой, увидел свет новый перевод трактата «О военном искусстве», опубликованный в 1939 г. Воениздатом². Качество перевода в рецензиях не встретило большого одобрения³, Макиавелли же характеризуется традиционно двояко: с одной стороны, как прогрессивный политик и провидец в военной теории, с другой как «довольно трусливый деятель бюргерской оппозиции», который не понимал, что дурные средства могут дискредитировать цель⁴.

В довоенное время, а точнее, ещё в начале 20-х гг. на русском языке дважды издавалась «Мандрагора» – в неопубликованном дотолем переводе А.Н. Островского в

¹ Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М.; Л., 1940. С. 61–62.

² Макиавелли Н. О военном искусстве. М.; Гос. воен. изд. Наркомата обороны СССР, 1939. Ср.: *Маярчик Я.* Политическое учение... С. 18.

³ См.: *Казарин А.И.* Никколо Макиавелли. «О военном искусстве» // Военная мысль. М., 1940. № 7. С. 121–126; *Зубков И.* Искусство войны Макиавелли // Военно-исторический журнал. М., 1940. № 7. С. 129–133.

⁴ *Казарин А.И.* Никколо Макиавелли... С. 123, 126.

уже упоминавшемся нами сборнике (1923 г.¹) и в 1924 г. за границей, в серии «Театр», где был помещён довольно удачный перевод В.Н. Равкинта (встречается вариант фамилии – Ракинт)². Издателям были известны и предыдущие переводы³. Эта же версия комедии, под редакцией и с примечаниями Н. Томашевского воспроизведена в книге «Комедии Итальянского Возрождения» (1965 г.)⁴, несмотря на наличие других, в том числе более позднего перевода А.К. Дживелегова (опубликованного в Т. I «Сочинений» Макиавелли, 1934 г., и отдельно с послесловием И.П. Володиной в 1958 г.⁵) Кстати, Н. Томашевский является автором ещё одного довольно смелого перевода «Мандрагоры» вместе с «Клицией», вошедшей в состав «Избранных сочинений» Макиавелли, (1982 г.) Таким образом, знаменитая комедия Макиавелли, возможно, как произведение художественное, политически нейтральное и пользующееся славой антиклерикального, была, по крайней мере до 70-х гг., наиболее доступной советскому читателю. На протяжении десятилетий её сопровождал преимущественно комментарий А.К. Дживелегова, впоследствии в соавторстве с Г.Н. Бояджиевым, акцентирующий её социальное и прогрессивное значение⁶. Авторы приводят высказывание

¹ Памяти А.Н. Островского (Сборник статей об Островском и неизданные труды его). Пг., 1923.

² *Макиавелли Н.* Мандрагора (Серия «Театр» под ред. Д.К. Петрова и Я.Н. Блоха. Памятники мирового репертуара. Вып. 6.) Комедия в 5-ти действиях / Пер. с итал. В.Н. Равкинта. Вст. статья Я.Н. Блоха. Берлин, 1924.

³ Там же. С. 35.

⁴ Комедии Итальянского Возрождения / Пер. с итал., сост. и вст. статья Г. Бояджиева. Ред. переводов и примечания Н. Томашевского. М., 1965.

⁵ *Макиавелли Н.* Мандрагора / Пер. А.К. Дживелегова. Послесловие и примечания И.П. Володиной. Л.; М., 1958.

⁶ См.: *Дживелегов А., Бояджиев Г.* История Западно-Европейского театра. М.; Л. 1941. С. 105–106; *Итальянская народная комедия. Commedia dell'arte.* М., 1956. С. 167–171; *Бояджиев Г.Н.* Вечно прекрасный театр эпохи Возрождения. Италия, Испания, Англия. Л., 1973; *Он же.*

П. Виллари (запаятовав источник), что «Мандрагора» – комедия того общества, трагедией которого является «Государь»¹. Пафос этой комедии советские историки театра видят в изображении свободного естественного чувства, которое пробивает себе дорогу, не стесняясь никакими способами. Восстановление прав естества, однако, оказывается чревато индивидуализмом и гедонизмом. Может быть, поэтому комедии Возрождения «оставались вне поля зрения наших режиссёров»², хотя в отношении «Мандрагоры» попытки предпринимались; в частности, была её радиопостановка году в 1990³. Упомянем ещё свидетельство о том, что к Макиавелли обращался знаменитый режиссёр С. Михоэлс, когда готовился в 1948 г. к постановке пьесы «Реубени – князь иудейский»⁴.

Здесь же уместно сказать о более близких к нам по времени интерпретациях «Мандрагоры», принадлежащих Р.И. Хлодовскому и М.Л. Андрееву. Р.И. Хлодовский, о котором мы будем ещё говорить ниже, связывает мироощущение Макиавелли с кризисом ренессансного «титанизма» и подчёркивает его трагические черты даже в

Вступительная статья в кн. Комедии итальянского Возрождения. М., 1965. С. 33–38.

¹ Дживелегов А., Бояджиев Г. История..., 1956. С. 168.

² Винтер Ю. У истоков и вершин комедии Нового времени (Рец. на кн. Комедии итальянского Возрождения. М., 1965) // Театр. М., 1966. № 9. С. 100.

³ И.П. Володина сообщает, что «на русской сцене “Мандрагора” была поставлена в двадцатые годы артистами студии М.Н. Ермоловой под руководством Е.К. Лешковской»: Володина И.П. Никколо Макиавелли и его комедия «Мандрагора». В кн.: *Макиавелли Н. Мандрагора*. Л.; М., 1958. С. 67. «Мандрагора» в постановке В. Беляковича много лет (с июня 1986 г.) шла в московском театре на Юго-Западе с неизменным успехом. За некоторыми злободневными нотами проступает главная «загадка» Макиавелли: насколько он отождествляет себя со своими героями? (Режиссёр даже вложил в уста мессера Ничи цитаты из «Рассуждений».)

⁴ *Вовси-Михоэлс Н. Мой отец – Соломон Михоэлс* // Новый мир. М., 1990. № 3. С. 245.

комедии, где торжествует циничный Лигурио¹. Не забывает Р.И. Хлодовский и социальный мотив макиавеллиевской сатиры: «отрицание нового мира тупых самодовольных богачей», который отвернулся уже от ренессансного гуманизма². М.Л. Андреев истолковывает фабулу «Мандрагоры» в струк-турно-архетипическом духе: обновление жизни через смерть и очищение, победа молодости над старостью³. Карнавальные черты, опрокидывание стереотипов М.Л. Андреев находит и в обращении Макиавелли с античной и новеллистической традицией, особенно в расстановке и ролевых функциях привычных персонажей комедии⁴. (Но вообще читателей Макиавелли сбивает с толку разноречивость многих мест его сочинений, где высказывается как бы авторская позиция; это связано с присущей ему манерой вживаться в своего героя). Из всех персонажей в центре оказывается одна Лукреция, проявившая, в отличие от других, способность перестраивать своё поведение⁵. (Построения М.Л. Андреева созвучны современным итальянским исследованиям Дж. Феррони и Э. Раймонди, о которых он упоминает).

В период примерно с середины 30-х гг. и почти до конца 60-х гг. можно говорить скорее о разрозненных публикациях, посвященных или как-то связанных с Макиавелли, что объясняется, скорее всего, амбивалентностью фигуры великого флорентийца, которая, невзирая на буферную роль цитат основоположников, не поддавалась

¹ Хлодовский Р.И. Никколо Макиавелли // История Всемирной литературы. Т. III. М., 1985. С. 130–137.

² Там же. С. 136.

³ Андреев М.Л. Комедия: жанр и его судьба // Андреев М.Л., Хлодовский Р.И. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. М., 1988. С. 188, 189.

⁴ Андреев М.Л. Мандрагора (Примечания) // Макиавелли Никколо. Избр. соч. М., 1982. С. 453–456.

⁵ Там же. С. 456.

однозначной трактовке с точки зрения официальной идеологии. Кроме упомянутых работ по истории театра и других общих трудов, таких как «История философии»¹, в собствен

но сталинский период я могу назвать только диссертацию З.Л. Шефтель с характерным названием «К вопросу об исторических трудах Н. Макиавелли» (1948 г.). Автор полагает, что Макиавелли отражал «интересы широких слоев средней буржуазии» и ставил анализ событий выше разбора достоверности источников, почему «История Флоренции» сохраняет своё значение только как памятник историографии XVI в.² Невольно хочется вспомнить упоминавшуюся работу О.Л. Вайнштейна (1940 г.), где это произведение охарактеризовано наоборот как «замечательное и даже в настоящее время не кажущееся устарелым»³.

Некоторое оживление наблюдается к середине 50-х гг., когда вышли новое издание «Мандрагоры», ряд статей в общих трудах, стал обсуждаться вопрос о судьбе наследия Макиавелли в России – в связи с дискуссией о Пересветове в книге А.А. Зимина, цитированной в первой главе, и в работах Я. Малярчика. К этому времени относится и упоминаемая в некоторых историографических трудах книга эмигранта Н.Н. Алексеева, вышедшая в Нью-Йорке, но не очень далёкая от рассматриваемой традиции, благодаря своему отчасти социологическому уклону. Макиавелли в труде Алексеева предстаёт как теоретик «вождизма», не особенно благоволящий к демократии, и создатель этики «государственного интереса», подчиняющего себе

¹ История философии / Под ред. Т.Ф. Александрова. М., 1941. Т. II. С. 72–73.

² Шефтель З.Л. К вопросу об исторических трудах Н. Макиавелли. Тбилиси, 1948 (Дисс. на соискание степени канд. ист. наук). С. 175.

³ Вайнштейн О.Л. Историография... С. 60.

индивидуума¹ (одним словом, здесь заметно влияние Ф. Майнеке). При некотором сходстве оценок общетеоретической позиции Макиавелли (утилитаризм), в аналогичной советской работе А.М. Деборина итальянский политик изображён с большей симпатией (Ф. Вентури находит в послесталинской интерпретации Макиавелли у Деборина больше объективности, чем прежде, но и «большую усталость») ². В обрамлении традиционных рассуждений о прогрессивной антифеодальной диктатуре буржуазии Деборин защищает тезис о республиканизме Макиавелли и даже утверждает, что все его симпатии на стороне престоляродья³.

На рубеже 50–60-х гг. существенный вклад в советскую макиавеллистику внесли работы польского историка Яна Мальярчика, который защитил в ЛГУ диссертацию на русском языке, посвященную политическим взглядам Макиавелли ⁴. Она содержала подробный историографический раздел, получивший в дальнейшем своё развитие в ряде опубликованных работ⁵, в том числе на затронутые нами темы. В статье, впервые специально

¹ Алексеев Н.Н. Идея государства. Очерки по истории политической мысли. Нью-Йорк, 1955. С. 259–276.

² «...più staccata, ed anche più stanca, interpretazione». Venturi F., Malarczyk J. Politicesкое ucenie... P. 398.

³ Деборин А.М. Социально-политические учения Нового времени. Т. 1. М., 1958. С. 81, 87.

⁴ Мальярчик Я. Политическое учение Никколо Макиавелли. Л., 1958. (Дисс. на соискание степени канд. ист. наук). В дальнейшем польский историк опубликовал ряд работ о Макиавелли на польском и итальянском языках, часть из которых перечислена в его работе: Malarczyk J. La fortuna di Niccolò Machiavelli in Polonia. Wrocław-Warszawa-Krakow, 1969. P. 6, 7; n. 3.

⁵ Мальярчик Я. Политическое учение Макиавелли в России... (цитировано выше); 1959 (1960); *Он же*. Политическое учение Никколо Макиавелли в Польше // Правоведение. М., 1959. №2. С. 153–162. (Расширенный вариант на итальянском языке вышел в 1962 г. и затем в 1969 г. – см. предыдущую сноску); Id., Machiavellismo e antimachiavellismo nell'Eu-ropa Orientale del Cinquecento // Machiavellismo e antimachiavellici nel Cinquecento. Firenze, 1969 (Il pensiero politico. 1969, a. 2, № 3). P. 106–114.

посвященной истории восприятия Макиавелли в России (и многократно цитированной выше), Малярчик сопровождает тщательно собранный им большой материал обобщённой характеристикой учения Макиавелли, которая не даёт ему строго однозначной оценки и, следовательно, претендует на объективность. По сути дела, это сложившееся к этому времени в марксистской историографии «уравновешенное» восприятие великого флорентийца как идеолога буржуазной диктатуры, теоретика сильной власти и вместе с тем патриота и республиканца, служившего «положительной и прогрессивной исторической задаче»¹. Реакционные элементы, которые Малярчик обнаруживал во взглядах Макиавелли, сводятся, судя по всему, к приятию любых средств для достижения цели «буржуазных правителей» – торжества абсолютизма². При этом автор не замечает, что для оправдания Макиавелли он сам использует этот способ, когда говорит, что принципы макиавеллизма были поставлены на службу прогрессу³. Трудно, конечно, оспаривать, что Макиавелли хорошо вписывается таким образом в марксистскую схему смены формаций путём классовой борьбы; другое дело, что сама по себе классификация ещё не обеспечивает научности. Несмотря на то, что работа Малярчика писалась в годы хрущёвской оттепели и могла быть свободна по крайней мере от некоторых официальных реверансов, похоже, что польский историк искренне осуждает Л. Каменева и его соратников по «антипартийному блоку» за использование «макиавеллистических» уловок в их борьбе против народа⁴.

В этой связи статья Я. Малярчика подверглась справедливой критике со стороны известного итальянского

¹ *Малярчик Я.* Политическое учение Макиавелли в России... С. 2, 20.

² Там же. С. 1.

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же. С. 17, 28.

историка России Франко Вентури, который увидел в выпадах Вышинского «новый трагический пример звучания имени Макиавелли в вековой истории России»¹.

Современный период изучения и восприятия Макиавелли в нашей стране, который характеризуется устойчивым интересом к великому флорентийцу и нарастанием числа публикаций о нём, я бы начинал с конца 60-х гг., совпадающего с очередным юбилеем – пятисотлетием со дня рождения Макиавелли (3 мая 1969 г.). Правда, официально приурочена к этому событию лишь одна из известных мне статья, принадлежащая перу В.Д. Зорькина, советского юриста, впоследствии некоторое время возглавлявшего Конституционный суд России². Эта статья 1969 г. характеризует Макиавелли как «Основателя новой, светской буржуазной политической науки», и такая постановка вопроса передаёт основное её содержание. Помимо указанного стандартного тезиса, в статье В.Д. Зорькина присутствуют некоторые нюансы, отличающие её; в частности, напоминание о том, что Макиавелли стал соединительным звеном между «античной и буржуазной наукой»³. Кроме того, автор видит в Макиавелли предшественника теории разделения властей (В.Д. Зорькин говорит о разделении у Макиавелли суверенитета между народом, аристократией и монархом)⁴. Значение теории флорентийского политика он видит в том, что тот предугадал развитие европейских государств уже не к абсолютизму, а от абсолютизма к конституционной

¹ *Venturi F.* Op. cit. P. 398. См. также рецензию: *Cordiè C.* La diffusione del Machiavelli in Russia // *Rivista di letterature moderne e comparate.* F., 1961, № 1–2, P. 125–126 и отклики: *Berardi G.F.* Di alcune ricerche sul Machiavelli // *Critica marxista.* R., 1969, a.7, No 3, P. 220–221, *Procacci G.* Machiavelli rivoluzionario // *Machiavelli N.* Opere scelte. Roma, 1973. P. XIV.

² Ныне вновь занимающего этот пост.

³ *Зорькин В.Д.* Политические взгляды Никколо Макиавелли // *Вестник МГУ Право.* М., 1969. № 6. С. 13,15.

⁴ Там же. С. 23.

монархии¹. Любопытно, что в сравнительно недавней публикации на ту же тему, в учебнике по истории политических учений 1988 г. В.Д. Зорькин повторяет примерно всё те же положения. Что касается нравственно-политической проблемы, то он полагает, что принципы Макиавелли «были отчуждены от его учения»² и трактует их в духе революционной целесообразности: эти идеи Макиавелли, которые «можно понять лишь в контексте его теории диктатуры как средства революционного преобразования государства, приобрели затем универсальное значение под именем макиавеллизма»³. На самом деле, говорит историк права, не очень ловко защищая Макиавелли, «коварство и насилие для него отнюдь не абсолютные(!) ценности»⁴.

Тезис об отделении политики от морали более взвешенно рассматривается в другой статье историко-политологического плана, принадлежащей В.Г. Графскому⁵. Ссылаясь на известные слова Маркса и Энгельса о том, что со времен Макиавелли и других мыслителей Нового времени сила рассматривалась как основа права и политическая теория была освобождена от морализирования⁶, этот автор пишет: «Освобождение (а не устранение) политики от морали у Макиавелли, как и у других упомянутых мыслителей нового времени, происходит лишь при «теоретическом рассмотрении»; при этом освобождение от морали служит лишь целям самостоятельной и обособленной трактов-

¹ Там же. С. 25.

² Там же. С. 21. Ср.: Зорькин В.Д. Политико-правовое учение Н. Макиавелли // История политических и правовых учений: учеб. / под ред. В.С. Нерсесянца. 2-е изд. М., 1988. С. 176.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Графский В.Г. Никколо Макиавелли // Политические учения: история и современность. М., 1976. С. 230–261.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч., 2-е изд. Т. 3. С. 314.

ки политики, отнюдь не игнорирующей нравственных вопросов»¹.

Поскольку, говоря о новейшем периоде российской макиавеллистики, мы вынуждены придерживаться не столько хронологического, сколько «цехового» порядка изложения, то скажем здесь ещё об одной работе, которую можно зачислить по историко-юридическому ведомству, тем более, что в ней много заимствований не только у А. Грамши, но и у только что цитированных авторов. Это брошюра Е.И. Темнова из серии «Из истории политической и правовой мысли» (1979). Так, по стопам В.Г. Графского Е.И. Темнов идёт, когда выступает против «извращения действительной преемственности диалектико-материалистической политической теории с прогрессивной политической мыслью прошлого», то есть против проведения параллелей между Макиавелли и Марксом². Положение же о том, что Макиавелли «впервые стал употреблять понятие государство (*stato*) для обозначения политически организованного общества»³, Е.И. Темнов взял, по всей вероятности, у В.Д. Зорькина, который вступил по поводу этого термина в полемику с А.К. Дживелеговым⁴. (Тезис о терминологическом новаторстве Макиавелли В.Д. Зорькин повторяет и в своём позднейшем очерке⁵.) Этот же тезис защищал ещё в 1927 г. В.Н. Дурденевский⁶. Между тем он был оспорен (в применении именно к книге Темнова) И.П. Медведевым, который показывает, ссылаясь при этом и на других историков, что понятие *status* как «государство» в латинском варианте встречается уже в поздней античности, у Тертуллиана и Орозия, а в XV в. было распространено

¹ Графский В.Г. Никколо Макиавелли... С. 244.

² Там же. С. 261; Темнов Е.И. Макиавелли. М., 1979. С. 56.

³ Там же. С. 39.

⁴ Зорькин В.Д. Политические взгляды... С. 16.

⁵ Зорькин В.Д. Политико-правовое учение... С. 170

⁶ Дурденевский В.Н. Макиавелли... С. 74.

повсеместно¹. В 1996 г. профессор Е.И. Темнов написал предисловие к переизданию трактатов Макиавелли «Государь» (перевод 1934 г.), «Рассуждения» (1869 г.), «О военном искусстве» (1939 г.). В этой обширной статье приведены многочисленные и разнообразные сведения о предмете, но есть и спорные места – хотя бы тезис о том же термине *stato* и ошибки (слово *Palleschi* принято за фамильное имя)².

Обратимся теперь к собственно историческим работам о Макиавелли последнего периода. В начале я хотел бы упомянуть об авторе, принадлежащем по сути дела к предшествующей эпохе, – Евгении Алексеевиче Косминском, лекционный курс которого «Историография средних веков» был опубликован в 1963 г., но читался им в Московском университете в конце 30–40-х гг.³ Косминский был учёным старой, фактически дореволюционной формации, и его позиции, в том числе и по отношению к Макиавелли, близки позициям, высказанным в своё время А.К. Дживелеговым. Очерк о Макиавелли в курсе Косминского написан внятнм, человеческим слогом (что на самом деле встречается не так уж часто), на основании внимательного прочтения оригинальных произведений и почти лишён стереотипных решений по рассматриваемым вопросам. В объяснении тех или иных противоречий Косминский прибегает к ссылкам на те или иные человеческие качества изучаемого им писателя, что также выгодно отличает его от многих других советских историков. Вместе с тем здесь достаточно силён социологический уклон в исследовании, что имеет как свои

¹ *Медведев И.П.* Идея общественного договора в эпоху Ренессанса и её античные корни (в связи с книгой П. Брюнеля) // *Античное наследие в культуре Возрождения*. М., 1984. С. 138–139. С. 140, прим. 5.

² *Темнов Е.И.* Макиавелли – политический писатель // *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 5–36.

³ *Косминский Е.А.* Историография средних веков. V в. – середина XIX в. М., 1963. С. 3.

достоинства, так и недостатки. С одной стороны, он позволяет ярко характеризовать общественную жизнь колыбели Ренессанса, о которой Косминский пишет: «нигде в Италии не сменилось большего числа конституций, нигде не было столь ожесточённой социальной и политической борьбы и нигде не выдвигалось столько бесполезных рецептов для спасения родины, как во Флоренции. Можно сказать, что Флоренция была своего рода огромной лабораторией политического опыта...»¹. С другой стороны, Косминский выдвигает спорное положение о том, что для Макиавелли «народ» сводится к зажиточным бюргерам, обладающим правами избрания на должности, и что плебс совершенно исключается из этого понятия. Все противоречия макиавеллиевского учения – между республиканским идеалом и монархической реальностью, между восхвалением свободы и принятием жестокости, лицемерия и насилия, Е.А. Косминский объясняет готовностью итальянской буржуазии «идти на компромисс с феодальной тиранией» ради спасения Италии². В то же время он говорит об интуитивном понимании борьбы классов у Макиавелли и приводит перевод речи вождя чомпи из «Истории Флоренции»³.

С середины 60-х гг. к творчеству Макиавелли обращается известный советский историк В.И. Рутенбург. Сначала он обсуждал вопрос о близости взглядов Макиавелли и его вечного исторического спутника – Франческо Гвиччардини, и пришёл к выводу о том, что нет смысла искать социальную базу первого среди торгово-промышленной, а второго – феодализирующейся буржуазии – «политические проекты обоих... близки и соответствовали интересам обоих слоев правящей

¹ Там же. С. 56.

² Там же. С. 56, 58, 59, 62, 69.

³ Там же. С. 67–68.

верхушки»¹. В 1973 г. В.И. Рутенбург написал очерк «Жизнь и творчество Макьявелли» (он предпочитал такую транскрипцию имени флорентийского секретаря) в качестве послесловия к первому изданию на русском языке «Истории Флоренции». Здесь (как и впоследствии) историк сохраняет обычные оговорки о классовой ограниченности Макиавелли, отрицательном отношении к низам, которые не помешали ему быть «прогрессивным мыслителем» противоречивой эпохи становления буржуазных отношений². Но основное внимание здесь В.И. Рутенбург обращает на конкретно-историческую передачу обстоятельств жизненного пути флорентийского секретаря и создания его главных сочинений, в первую очередь исторических. Подобно рассмотрены в этом очерке исторические судьбы наследия Макиавелли и дан обзор истории «антимакиавеллизма» в XVI–XVII вв.³

Свои соображения по поводу Макиавелли В.И. Рутенбург излагает также в работе «Италия и Европа накануне нового времени»⁴, а затем в книге «Титаны Возрождения»⁵, которая недавно была переиздана вторично⁶. Замысел этой книги выглядит сегодня примечательным вдвойне: во-первых, она должна была наполнить конкретно-историческим содержанием известную фразу Ф. Энгельса о Возрождении как времени, породившем гигантов⁷. В этой связи историк несколько смягчает традиционно-социологизированную

¹ Рутенбург В.И. Гвиччардини. Заметки о позднем Возрождении // Итальянское Возрождение: сб. ст. Л., 1966. С. 110.

² Рутенбург В.И. Жизнь и творчество Никколо Макьявелли // Макьявелли Н. История Флоренции. Л., 1973. С. 380.

³ Рутенбург В.И. С. 365–376.

⁴ Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне нового времени (очерки). Л., 1974. С. 110–115.

⁵ Напоминаю, что здесь и далее речь идет о начале 90-х гг. XX в.

⁶ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 346.

⁷ Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. Л., 1976; 2-е изд., СПб., 1991.

характеристику Возрождения как раннебуржуазной культуры, которой он придерживался, ссылаясь на то, что в ней присутствовали разные общественные течения¹. Вторых, В.И. Рутенбург выступает здесь против отчётливо звучащей в последнее время морализирующей критики ренессансного «титанизма» и индивидуализма², к которой мы вернёмся ниже. Применительно к Макиавелли этот протест выливается в книгу в опровержение «фантастических обвинений» последнего в безнравственности и беспринципности, размежевание Макиавелли и «макиавеллизма» и в некоторые принципиальные формулировки: «Лучше жестокая правда, чем добренькая ложь»³.

Одно из наиболее оригинальных и самостоятельных концептуальных прочтений Макиавелли в отечественной историографии принадлежит Л.М. Баткину, исследовавшему своеобразие ренессансного типа мышления в целом⁴. Собственно, работы Л.М. Баткина о Макиавелли можно отнести к историко-философскому жанру, поскольку в них гуманистический образ мысли рассматривается и в плане теории познания, и с точки зрения восприятия природы и истории, и применительно к этической сфере и, главным образом, как новое понимание человеческой индивидуальности. Почти все эти вопросы были намечены уже в статье «Макиавелли: опыт и умозрение» (1977 г.).

Здесь Л.М. Баткин, который включает Макиавелли в гуманистическую традицию, хотя бы в качестве некоего предела, говорит об особенностях ренессансного

¹ *Рутенбург В.И.* Титаны..., 1991. С. 129.

² Там же. С. 107–108. Ср.: Петров М.Т. Послесловие // *Рутенбург В.И.* Титаны... 1991. С. 136–138

³ Там же. С. 108.

⁴ *Баткин Л.М.* Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978.

«реализма», обращавшегося к действительности¹ и к опыту, но понимавшего под ними идеальный опыт и книжную действительность. Природа человека и общества определяется набором неизменных свойств и правил, но в истории эти правила проявляются как бесконечное разнообразие повторяющихся событий². Смысл истории заключается не в отвлечённых законах и процессах, а в самих индивидуальных поступках, поэтому трактаты флорентийца предстают и как художественные произведения.

Позднее Л.М. Баткин обратился к анализу возрожденческого понимания индивидуальности, в частности, на примере знаменитого письма Макиавелли к Содерини, которое он справедливо считает ключевым в творчестве флорентийского мыслителя (это письмо Баткин считает, как было принято раньше, адресованным Пьеро Содерини и привязывает обстоятельства его написания к 1512 г., что, как установлено ныне, ошибочно³. Впрочем, основной ход рассуждений в статье об этом письме не зависит от указанной привязки)⁴. В этой статье, как и в последующих публикациях, Л.М. Баткин исходит из особого ренессансного представления об «универсальном человекобожии», утверждавшем не столько самоценность личности, сколько свободу её самоопределения, а стало быть, и известную неопределённость. Поэтому автор говорит лишь о возрожденческом «предоущении»

¹ Баткин Л.М. Макьявелли: опыт и умозрение // Вопросы философии. М., 1977. № 12. С. 109–110.

² Там же. С. 111–112. Ср.: Баткин Л.М. К проблеме историзма в итальянской культуре Возрождения // История философии и вопросы культуры. М., 1975. С. 177–186.

³ См. об этом письме: Юсим М.А. Письмо с необычной судьбой // Культура и общество Италии накануне нового времени. М., 1993. С. 167–176.

⁴ Баткин Л.М. Макьявелли об индивиде как субъекте исторического действия: Письмо к Пьеро Содерини // Идеи Возрождения и философия нового времени. М., 1993. С. 167–176.

новоевропейской личности¹. Следствием нового мироотношения Л.М. Баткин считает десакрализацию, радикальное преобразование морали², поскольку бремя выбора ложится целиком на индивида, и он становится единственным источником нравственности³. Точнее будет сказать, единственной её опорой, поскольку нравственные нормы не отменяются, но переосмысливаются в действии. Замечания Л.М. Баткина об этическом содержании Макиавеллиева творчества весьма метки, но они составляют как бы побочный продукт размышлений историка, который развил свои положения о «протеизме» макиавеллиевского «Государя» в книге «Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности» (1989 г.). Ренессансной концепции индивидуума присущи, по мнению Л.М. Баткина, две крайности, которые никак не приводят к полноценной личности: «недоличное» и «сверхличное». Применительно к автору «Государя» это выглядит как безликость идеального политика, который всё подчиняет достижению внешней цели (власти) и вынужден бесконечно изменять свои черты, чтобы приспособиться к обстоятельствам⁴.

Наиболее полно этот тезис изложен в статье Л.М. Баткина, посвященной частной переписке великого флорентинца. Эта работа имеет прежде всего ту несомненную заслугу, что в ней, впервые в российской историографии, содержится тщательный и тонкий анализ богатейшего материала корреспонденции Макиавелли, и в подробных извлечениях приведены отрывки, зачастую

¹ Баткин Л.М. Макьявелли об индивиде... С. 80–81.

² Он же. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. С. 218.

³ Баткин Л.М. Макьявелли об индивиде... С. 99.

⁴ См. об этом: Юсим М.А. Рец. на: Баткин Л.М. Итальянское Возрождение... // Средние века. Вып. 54. М., 1991. С. 239–242.

весьма пространные, из наиболее интересных писем¹. В этой статье Л.М. Баткин снова исходит из понимания ренессансной универсальности как возможности всеобщего в конкретном человеке. Макиавелли и его корреспонденты много говорят о переменчивости («варьета») человека в подражание природе. Это свойство быть разным в себе, по мнению Баткина, Макиавелли ставит во главу угла при оценке политического поведения: оно позволяет победить судьбу и обстоятельства, – если государь владеет своими качествами и становится как бы безликим². В то же время в частной, обыденной жизни, где «варьета» также приветствуется, Никколó настаивает на пользе и допустимости личной «фантазии», своеобразности. Автор статьи усматривает здесь противоречие (присущее ренессансному мироощущению) между требованием полного отказа от себя в политике и поощрением оригинальности во всём остальном. Но любопытно, что в заключение сам Л.М. Баткин высказывает устами Макиавелли гипотезу, что «есть не две сталкивающиеся универсальности индивида, а одна; будто рациональная «высвобождённость «мудрого государя» и непринуждённость индивидуального самоопределения – одно и то же. «Возможно, не так уж это нелепо», говорит Л.М. Баткин³. На мой взгляд, это вовсе не нелепо, потому что выстроенное им противоречие покоится на чересчур жесткой и теоретичной конструкции, которая во многом служит опорой себе самой. Ведь и в политическом, и в обыденном варианте варьета, разнообразие и переменчивость приветствуются, только в первом случае речь идёт о вынужденном чередовании или даже изменении природных наклонностей и бла-

¹ *Баткин Л.М.* Понятие об индивиде по переписке Никколо Макьявелли с Франческо Веттори и другими // *Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры.* М., 1990. С. 204–239.

² *Баткин Л.М.* Понятие об индивиде... С. 223.

³ Там же. С. 235.

гоприобретённых «установок» для достижения политических целей, а во втором – о произвольном, или как бы произвольном следовании различным побуждениям собственной натуры, в подражание природе вообще, которая позволяет сочетать «высокое» и «низкое», серьёзное и смешное (вспомним Державина, не очень знавшего Макиавелли). Проблема, видимо, всё же не в расщеплённости ренессансного концепта индивидуальности, раздваивающегося между сверхличным универсализмом, которому всё дозволено, и безликой закреплённостью социальными функциями, не оставляющими места свободе. Проблема в противоречии между личностью, осознающей свою самостоятельную ценность, и посягательствами на неё как жертву в свою пользу со стороны государства, народа, а позднее – «Истории», о чём пишет Л.М. Баткин, вспоминая по этому поводу поэму «Медный всадник» Пушкина¹.

Л.М. Баткин, казалось бы, бесконечно далёк от встраивания Макиавелли в социологическую схему, от уравнивания меры его «прогрессивности» и «реакционности». Но при всех оговорках о самооценности и неповторимости существовавших культурных эпох он, по сути, тоже выстраивает некоторую восходящую линию, пусть только в развитии ментальных структур, ведущую от «традиционалистских» обществ к новоевропейской идее самодовлеющей личности. И в этой системе координат «Государь» Макиавелли есть не только апофеоз ренессансной антропоцентрической модели универсального индивида, но и её деформация, её вырождение², откуда его «ужасающая» двуликость. То есть в своём жанре, принципиально не допускающем выставления оценок, Л.М. Баткин вынужден всё же произносить суждения, и тут Макиавелли оказывается опять-таки нравственно амбивалентным: «хотя у

¹ Там же. С. 224.

² Баткин Л.М. Итальянское Возрождение... С. 221.

Макиавелли свобода самоопределения индивида сразу же приняла безнравственный и даже внеличностный характер, всё же сама эта свобода составляла новое, поистине ренессансное и ценное условие... возникающей личности (...и её нравственности)»¹.

Любопытно сравнить эти построения с другой оригинальной концепцией современной макиавеллистики, принадлежащей Р.И. Хлодовскому. Хотя формально его работы относятся к истории литературы, в них образ Макиавелли и его творчества нарисован с полнотой и цельностью, выходящими за её узкие рамки. Уникальность этих работ на сегодня заключается в том, что они продолжают предлагать решение Макиавеллиевых коллизий в традиционном социологическом ключе с последовательным прочерчиванием связей между общественной средой и творческой гениальностью писателя, между «базисом и надстройкой», что пытался делать ещё А. Грамши, идеями которого Р.И. Хлодовский, не в последнюю очередь, вдохновлялся. При всём том мнения Хлодовского не банальны и отнюдь не лишены новизны и самостоятельности.

В центре рассуждений Р.И. Хлодовского, если попытаться изложить их вкратце, находится понятие кризиса – в кризисе находилось общество эпохи Макиавелли². В социальном плане подоплёкой этого кризиса явилась утрата итальянской буржуазией (или ранней буржуазией – Р.И. Хлодовский предпочитает термин «пополанство») её революционности и способности вести за собой нацию³.

¹ Там же. С. 217.

² См.: *Хлодовский Р.И.* Кризис в ренессансной Италии и гуманизм Макиавелли: трагедия «Государя» // Из истории социальных движений и общественной мысли. М., 1981. С. 133–157; *Он же.* Кризис пополанской культуры в зеркале поэзии флорентийского секретаря // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 188–195.

³ *Он же.* Кризис пополанской культуры... С. 194.

В этом смысле абсолютистские политические идеалы выражают слабость этого класса и готовность его идти на компромисс. Ренессансный индивидуализм, который на первом этапе обеспечивал цельное восприятие общества и человека, выливается теперь в анахроническую утопию или беспринципный конформизм, уход от действия¹. Макиавелли, однако, не разделяет исторических заблуждений того класса, к которому он, казалось бы, принадлежит по рождению. Он сохраняет политический идеал республиканца, который Р.И. Хлодовский считает наследием Средневековья² (при этом гражданский гуманизм XIV–XV вв. выглядит как вершина средневековой мысли, а политические теории XVI–XVII в. должны считаться или по крайней мере быть побочным продуктом его буржуазного вырождения). Макиавелли симпатизирует крестьянству, которое составляет естественную основу нации и отождествляется у Р.И. Хлодовского с понятием «народ» (хотя «пополо», то есть пополаны, бюргеры или «ранняя буржуазия» по-итальянски и есть «народ») скорее всего в его простонародной ипостаси³. (Но, кстати, ополчение Флоренции, созданное во многом усилиями Макиавелли, было не столь «буржуазным» – оно набиралось не из «жирного народа», а из тех самых крестьян, и было не так уж небоеспособно: оно взяло Пизу в 1509 г.⁴.) Справедливо во всяком случае замечание Р.И. Хлодовского, что понятие «чернь» у

¹ *Он же*. Кризис в ренессансной Италии... С. 134, 137; *Он же*. Никколо Макиавелли... С. 22.

² *Он же*. Кризис в ренессансной Италии... С. 148; *Он же*. Трагический гуманизм Н. Макиавелли. Политика, поэзия, человек // Андреев М.Л., Хлодовский Р.И. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения, М., 1988. С. 95.

³ *Он же*. Кризис пополанской культуры... С. 188.

⁴ См.: *Он же*. Трагический гуманизм... С. 86. Ср.: Gilbert F. Machiavelli e il suo tempo. Ed.2. Bologna, 1977. P. 265.

Макиавелли не имеет выраженной классовой окраски, а означает «толпу», профанов¹.

Макиавелли, продолжая ход мысли Р.И. Хлодовского, отказывается от «самодовлеющей ценности личности» и подчиняет последнюю (в «Рассуждениях») интересам родины и государства². Контраст между гуманистическим идеалом и опровергающей его современной действительностью порождает трагизм мироощущения Макиавелли, выразившийся, наряду с прочим, и в «Мандрагоре»³. Здесь нет положительного героя, но есть социальная и антиклерикальная сатира; вовсе нет воспевания «естественного чувства», а есть торжество абсолютного зла⁴. Таким образом, комедия превращается в трагедию (по крайней мере, для Лукреции и для автора пьесы), а Макиавелли – в желчного резонёра. При том, что Р.И. Хлодовский справедливо протестует против отождествления Макиавелли с его героями, делать из него моралиста было бы, на мой взгляд, крайностью и натяжкой. Ведь отсюда недалеко от того, чтобы вернуться к заклятиям против флорентийского секретаря как против исчадия Ада: вопрос лишь, насколько мы пожелаем объединить его с теми, кого он изображает.

И действительно, хулы на Макиавелли с позиций абсолютной морали в последние годы не замедлили обрушиться. У Л.М. Баткина безнравственность ренессансного индивидуализма обернулась «непересечением» макиавеллиевской концепции личности с общепринятой моралью; у Р.И. Хлодовского Макиавелли отделён от ренессансной безнравственности тем, что выставляет её в карикатурном виде, по третьей версии Макиавелли является высшим и последним звеном

¹ Хлодовский Р.И. Трагический смех «Мандрагоры» // Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 207; *Он же*. Трагический гуманизм... С. 96.

² Там же. С. 101; *Он же*. Никколо Макиавелли... С. 28.

³ *Он же*. Трагический смех «Мандрагоры»... С. 206–211.

⁴ Там же. С. 209.

возрожденческого аморального индивидуализма и титанизма. Эта точка зрения изложена в работах, посвященных Возрождению, знаменитого историка античной эстетики А.Ф. Лосева. В них содержится немало глубоких и своеобразных наблюдений, но преобладает стремление развенчать «буржуазно-либеральный» миф о Ренессансе, почему эти высказывания не лишены противоречивости. «Во-первых, великое деяние возрожденческого титанизма должно быть принято нами совершенно безоговорочно... Во-вторых, однако, в тех случаях, когда возрожденческий титанизм становился абсолютным индивидуализмом, доходившим до аморального анархизма и духовного приключенчества, в этих случаях никакое Возрождение не может служить для нас примером; игнорирование подобного рода уклонов исторически известного нам Возрождения характерно для буржуазной лакировки всей этой эпохи, оно несовместимо с марксистско-ленинским историзмом»¹.

В этом духе А.Ф. Лосев характеризует и Макиавелли, в учении которого, пишет он, «Ренессанс отказывается от самого себя. Это действительно значит что Макиавелли был “революционером”, но то была “революция” против возрожденческих религиозно-моралистических и эстетических ценностей»². Для иллюстрации «аморальной, беспринципной и бездушной политики» Макиавелли Лосев приводит несколько популярных мест из «Государя», но во многом повторяет где-то слышанные им фантастические байки о «страшных чертах» личности флорентийского секретаря, о его полной беспринципности, лишавшей его друзей и близких (!) и о том, что в своих сочинениях он «нагло и цинично рассказывает о своём безобразном поведении»³. Столь же безосновательно утверждение о

¹ Лосев А.Ф. История философии как школа мысли // Коммунист. М., 1981. № 7. С. 62–63.

² Он же. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 557.

³ Там же. С. 558, 559.

том, что «для устройства своего народа и горячо любимой им родины Макиавелли был готов на любые ужасы абсолютистски-полицейского государства и на любые кошмары в обращении с отдельными личностями и группировками»¹.

Гуманизм здесь присутствует, считает А.Ф. Лосев, но гуманизм антивозрожденческого типа. И все же в эстетическом отношении взгляды Макиавелли продиктованы «идеалами полноценного Ренессанса»: «Общество и история, возникающая как упорядоченное множество этих безличных, бездушных и аморально понимаемых арифметических единиц, если угодно, есть самый настоящий гуманизм, поскольку речь здесь только и идёт о создании правильного человеческого общества»². Такое рассогласование тезисов вызвано, по-видимому, желанием историка, с одной стороны, пересмотреть традиционную оценку Ренессанса, а с другой – его увлечённостью материалом и заявленным стремлением обойтись без морализирования, избежать которого, увы, не удалось.

Попытка объяснения позиции А.Ф. Лосева была предпринята в рецензии на его книгу П.П. Гайденко, которая оспаривает тезис, что «к истории неприменимы те оценки, какие мы даём событиям нашей современности»³. В либеральной историографии XIX в. точка зрения, различающая добро и зло, якобы считалась «сниженно-мещанской». А.Ф. Лосев же совмещает труд учёного и человеческий подход, он «и научно объясняет феномен макиавеллизма, и нравственно осуждает его. Одно другому не противоречит – и одно другое не подменяет»⁴. Но нельзя ли слить воедино научную и нравственную оценку, и возможен ли беспристрастный суд истории? Как оценить учёного, который открывает людям глаза на противоречия

¹ Там же. С. 558.

² Там же. С. 563.

³ *Гайденко П.П.* Коллизия возрожденческого титанизма // Вопросы литературы. М., 1980. С. 277.

⁴ Там же. С. 278.

действительности, на неизбежность зла; не помогает ли он добру бороться с ним? Главный вопрос заключается в том, как соотносится нравственность с действительностью, в чём её жизненная опора? В сознании человека верующего мораль есть свод заповедей, данных навечно и исходящих от высшего существа, без которого она вовсе невозможна. Критиковать Макиавелли с позиций абсолютной морали взялся недавно доктор философии Ю.Н. Давыдов¹. В качестве материала для своих построений он избрал статью автора этих строк², однако вступать в развёрнутую полемику с ним в данной работе не представляется уместным, поэтому ограничимся изложением нескольких принципиальных пунктов позиции Давыдова, характерных, на мой взгляд, для всего нравственно-учительного направления, о котором мы сейчас говорим.

Сама мысль о том, что моральные постулаты могут быть в какой-то мере условными, кажется Ю.Н. Давыдову настолько абсурдной, что упоминание об элементах нравственного релятивизма у Макиавелли он принимает за попытку критики флорентийца с моей стороны³. Почему-то слова о том, что моральные истины представляют собой определённые мнения, он считает утверждением о мнимости этих истин. Но ведь даже арифметическое «дважды два четыре» является в некотором смысле мнением и определяется обстоятельствами, а уж нравственные-то критерии – для тех, разумеется, кто не верит в загробное воздаяние, – суть продукт истории, подверженный весьма запутанным превращениям в человеческих головах, что не мешает ему быть общезначимым и в какой-то мере объективным. Как раз

¹ Давыдов Ю.Н. Этика и перестройка// Опыты. Литературно-философский ежегодник. М., 1990. С. 6–48; Ср.: Петров М.Т. Ренессанс как проблема современного нравственного и исторического сознания // Культура и общество Италии накануне нового времени. М., 1993. С. 92.

² Юсим М.А. Истина у Макиавелли и у гуманистов // Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979. С. 73–84.

³ Давыдов Ю.Н. Этика... С. 35–36.

заслуга Макиавелли в том, что он оценил весомость этих продуктов мнения в человеческой истории; через эти мнения и пристрастия у него действуют вечные законы общественного коловращения; никакого техницизма или отделения политики от морали, где-то вычитанных Ю.Н. Давыдовым, здесь нет.

Очень удобно, конечно, назваться защитником Добра и с позиций «трудовой этики» побивать камнями всех, кто в добре не стоек: Ницше за любование Злом, Набокова за испорченность, Рабле за воспевание праздных бездельников; только к науке, требующей хотя бы малого сомнения в собственной абсолютной правоте, все это отношения не имеет; впрочем, к евангельским заветам тоже.

В какой-то мере оправдывающим флорентийского секретаря в глазах Ю.Н. Давыдова мог бы быть его патриотизм, но ставка на Чезаре Борджиа, который был испанцем по крови, а потому на роль объединителя Италии не годился, выдаёт Макиавеллиеву слабость¹. Венчают концепцию Ю.Н. Давыдова ссылки на увлечение «макиавеллизмом» в застойные годы (возможно, он имеет в виду книги Ф.М. Бурлацкого и К.М. Долгова, вхожих в коридоры власти, но в его статье прямо не упомянутых), и цитаты из тогдашнего Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва, о новом политическом мышлении².

Полемический запал антититанистской критики во многом направлен против тех историков, которые проводят параллель между попыткой Макиавелли строить представления об обществе на рационально-эмпирической основе и революцией в естествознании, произведённой Коперником и Галилеем. Такой объективистский уклон П.П. Гайденко усмотрела в книге Б.Г. Кузнецова «Идеи и образы Возрождения», где переход от «статических моральных канонов» к динамическим уподоблен переходу

¹ Там же. С. 39.

² Там же. С. 49.

от статической системы мира к подвижной¹. Однако советский историк естествознания вовсе не пытался разделить науку и нравственность, говоря о секуляризации норм морали и о том, что Макиавелли освобождает их от «диктатуры вневременной вечности и внепространственной бесконечности»². Напротив, он разрабатывает при этом свой тезис о соединении в ренессансной мысли эстетического и нравственного начала с познавательным³. Свобода индивидуального самоопределения заключалась, по его мнению, не просто в постижении данной извне истины (Декартово «мыслю, следовательно существую»), а в усвоении критериев добра и красоты. Но абсолютного тождества между знанием и благом, это отмечено ещё в Экклезиасте, нет. Макиавелли, как мы уже имели случай говорить, это хорошо знал, в отличие от своих старших современников-неоплатоников. Поэтому считать его государственную науку продуктом чистой и строгой логики может лишь человек, поверхностно с этой наукой знакомый. Образчик такого подхода встречается в книге физика Е.Л. Фейнберга, посвященной сопоставлению «интуитивного»-аксиоматического и «дискурсивного» – логического способов познания. «Государь» Макиавелли, по его мнению, является примером уникального дискурсивного построения в этике, основанного на одной аксиоме: «все дозволено ради основной цели» (власти)⁴. Автора смущает при этом, что «критерий практики» как будто подтверждает правоту названной аксиомы и единственный выход он видит в привлечении второго критерия – внутреннего «удовлетворения» или убеждения⁵. Трудно

¹ Кузнецов Б.Г. Идеи и образы Возрождения. М., 1979. С. 145; см.: Гайденок П.П. Коллизия... С. 278.

² Кузнецов Б.Г. Идеи и образы... С. 147.

³ Кузнецов Б.Г. Данте, Галилей. Эйнштейн // Философские науки. М., 1976. № 1. С. 128–134.

⁴ Фейнберг Е.Л. Кибернетика, логика, искусство. М., 1981. С. 72–73.

⁵ Там же. С. 73.

указать другой столь же яркий случай, демонстрирующий неприменимость «инженерного» подхода к Макиавелли. Последний вовсе не отметал «любые этические ограничения»¹, но лишь говорил о губительности следования определённым нормам в определённых обстоятельствах. Рассуждения же его основываются не на одной, а на тысячах аксиом, и несут в себе огромный субъективный заряд, что не раз доказывалось в последнее время².

Продолжая наш обзор советской литературы о Макиавелли в отраслевом порядке, мы подошли к авторам, писавшим по философии, к каковым принадлежат вышеупомянутые хулители великого флорентийца. Специальных работ, посвященных ему, в нашей философской литературе почти нет. В соответствующем разделе «Очерков о философии эпохи Возрождения» В.В. Соколова (1962) теория Макиавелли предстаёт как выражение юридического мировоззрения буржуазии и присущего ей цинизма, хотя подразумевает высокую патриотическую цель³. В более позднем издании этой книги основные пункты учения Макиавелли изложены более подробно, со ссылками на некоторые современные отечественные работы. В историко-философском плане В.В. Соколов считает флорентийца наследником «антично-атомистической социологии» и приверженцем теории общественного договора, преодолевшим средневековую созерцательность⁴. Однако завершает этот раздел несколько натянутый вывод о том, что «Политика СССР и социалистического государства полностью гар-

¹ Там же. С. 72.

² *Barberi-Sguarotti G.* La forma tragica del Principe e altri saggi sul Machiavelli. Firenze, 1966.

³ *Соколов В.В.* Очерки философии эпохи Возрождения. М., 1962. С. 143–148.

⁴ *Он же.* Европейская философия XV–XVII вв.: Учеб. пособие. М., 1984. С. 71–82.

монизирована с моралью – о чём не мог мечтать Макиавелли»¹.

Обстоятельный обзор политической философии Макиавелли в её связи с особенностями ренессансного мировосприятия (сочетанием художественных и познавательных элементов) принадлежит перу доктора философских наук К.М. Долгова. Первоначально он был опубликован в двух номерах журнала «Новый мир» в 1981 г.², затем в качестве предисловия к сочинениям Макиавелли в 1982 г.³ и, наконец, в сборнике К.М. Долгова «Итальянские этюды» в 1987 г.; под названием «Литературная Одиссея политики», с дополнениями и изменениями⁴. В весьма обширной статье К. Долгова затронуты все главные стороны творчества Макиавелли, а построена она как сопоставление мнений о нём преимущественно известных мыслителей, писавших о флорентийце с симпатией.

Так, общую характеристику учения Макиавелли, опровергающую негативные стереотипы, автор подкрепляет выдержкой из сочинения Джузеппе Мадзини, а затем отзывами классиков марксизма⁵. Далее он обращается к оценке гуманизма и Возрождения в целом и подробно излагает воззрения А. Грамши о «культурном» и «прогрессивном» гуманизмах (к последнему, как считал Грамши, и принадлежал Макиавелли)⁶. Излагая содержание «Государя» в грамшианском духе, К. Долгов

¹ Там же. С. 82.

² Долгов К. Ренессанс и политический философия Макиавелли // Новый мир. VI, 1981. № 7, 8.

³ Он же. Гуманизм. Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 3–128. Совершенно пустая рецензия: Лукин Ю.А. Один из титанов (Рец. на Макиавелли Н. Избранные сочинения / Вступ. статья К. Долгова. М., 1982) // Знамя. М., 1982. № 9. С. 238–240.

⁴ Долгов К.М. Итальянские этюды. Человек и история: поиск истины и красоты. М., 1987. С. 22–168. Резюме на 6 языках.

⁵ Там же. С. 22–26.

⁶ Там же. С. 34.

предваряет его суждениями Спинозы и Гегеля. Соответственно, «Государь» истолкован здесь как выражение коллективной воли итальянского народа к созданию единой национальной державы и как книга, предназначенная для «непосвящённых» (что достаточно спорно, судя хотя бы по истории создания и обнародования трактата). Особенностью Макиавелли К.М. Долгов считает присущий ему всегда конкретный историзм, в этом смысле он противопоставляет его Данте – «метафизику»¹.

Подробно и достаточно традиционно автор говорит об отношении Макиавелли к религии и церкви, к дворянству, о его военной доктрине. В отношении художественных произведений он разделяет мнение о флорентийском секретаре как посредственном поэте и великом драматурге. В «Мандрагоре», которая, по уверению К.М. Долгова, «не сходит и со сцен советских театров»², он обращает внимание на новаторство и парадоксальность Макиавелли, а также приводит суждения историка литературы И.Н. Голенищева-Кутузова, видящего в пьесе сатиру на флорентийское общество³. Затем автор ставит вопрос о художественном обаянии трактата «Государь», который, идя по стопам Р.И. Хлодовского, он называет трагическим выражением социального и нравственного кризиса Италии. Любопытно, что в отличие от, например, Л.М. Баткина или А.Ф. Лосева, К. Долгов полагает, что Макиавелли детально и скрупулёзно разрабатывает духовный мир нового государя⁴. Видя в Макиавелли предшественника феноменального духа Гегеля и драматургии Шекспира,

¹ Там же. С.83, 103–108.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 140–142. Ср.: *Голенищев-Кутузов И.Н.* Романские литературы. Статьи и исследования. М., 1975. С. 186–187. В своём толковании пьесы этот советский литературовед близок А. Дживелегову и Г. Бояджиёву.

⁴ *Долгов К.* Итальянские этюды... С. 154.

который «сам жил среди народа»¹, К.М. Долгов присоединяется, однако, к Р.И. Хлодовскому, делающему оговорку о том, что нельзя делить Ренессанс на демократический и аристократический. Завершает свой очерк автор утверждением, что мысли Макиавелли будут актуальны не во все времена, как думают буржуазные идеологи, а лишь пока существуют буржуазное общество, буржуазное государство и буржуазная политика².

Неординарным событием в истории макиавеллистики в России можно считать публикацию в середине 1970-х гг. первой советской книги о флорентийском секретаре – «Загадка и урок Никколо Макиавелли» Ф. Бурлацкого (1977). Книга эта, по внешней форме напоминающая (и включающая в себя) беллетризованную биографию Макиавелли, написана как бы на стыке жанров, что, по мысли её автора, должно было помочь всесторонней оценке этой гениальной личности, не поддающейся одномерному анализу. Публикации предшествовала одноимённая статья, в которой Ф. Бурлацкий осуществил, можно сказать, пробу пера на эту тему³. (Надо заметить, что многочисленные ошибки и неточности, к сожалению, присущи книге не в меньшей степени, чем статье, на что рецензенты почему-то не обратили внимания.) Здесь автор совершенно определённо приписывает Макиавелли (в «Государе») «ужасную формулу» о цели, оправдывающей любые средства⁴.

В книге он не столь категоричен, вероятно, в силу того, что избранная им форма – сопоставление, точнее, параллельное изложение трёх «цеховых» точек зрения – Историка, Писателя и Социолога – позволила собрать воедино множество разнообразных суждений и мнений о

¹ Там же. С. 155–160.

² Там же. С. 168.

³ *Бурлацкий Ф.М.* Загадка и урок Никколо Макиавелли // Новый мир, М., 1975. № 6. С. 277–281.

⁴ Там же. С. 279.

Макиавелли, в том числе и плохо согласующихся между собой. Эта всеохватность и общее сочувственное отношение к флорентийскому секретарю сближает книгу Ф. Бурлацкого с работой К.М. Долгова. Вышеназванный приём – многоликость Автора – сделал книгу достаточно насыщенной и содержательной, но лишил её цельности, так что чтение «Загадки Макиавелли» оставляет странное впечатление собрания общих мест и метких наблюдений, серьёзного владения материалом и газетного полужнания.

При всей полноте затронутых Ф. Бурлацким тем, главные вопросы вертятся вокруг одного стержня: личность и деятельность, «Государь» и «Рассуждения», Макиавелли и «макиавеллизм». Именно здесь советский публицист усмотрел основное противоречие и загадку. Отвечая на эти вопросы, он проявил, на мой взгляд, больше информированности, чем последовательности и определённости. Между прочим, пишет он и о российских читателях Макиавелли Д.М. Голицыне и А.П. Волынском: «Не странно ли: все, кто прикасался к этому имени, испытывали нечто похожее на политический ожог?»¹ Цитировано также выше. Любопытно также напоминающее старое речение О. Томмазини об Иисусе и иезуитах сравнение судьбы Макиавелли и его наследия с историей папства по контрасту с «чистотой подвига человека, который обрёл себя на Голгофу во имя торжества того, что ему мнилось добром и истиной»² – пассаж даже отчасти вольнодумный для тех лет. Неровность книги на уровне авторских масок сказала в том, что Писатель и его художественные главы скорее малоудачны и посредственны, несмотря на дифирамбы, расточаемые этим главам в рецензии Г. Ашина³. В общей историко-

¹ Бурлацкий Ф.М. Загадка и урок Никколо Макиавелли. М., 1977. С. 195.

² Там же. С. 215.

³ Ашин Г. Рец. на кн. Ф.М. Бурлацкого «Загадка и урок Н. Макиавелли // Новый мир. М., 1978. № 12. С. 275–278. Автор рецензии почему-то считает, что до этой книги в советской литературе не было цельного анализа творчества Макиавелли.

социологической оценке Ф. Бурлацкий высказался, по собственному его счёту, трояко: одобрил исследовательские качества Макиавелли и его демократический пафос, но пожурил за генерализацию преходящих политических норм¹. Однако читатели обратили больше внимания на те оговорки, которые сделал Ф. Бурлацкий при всех похвалах флорентийцу – он осудил «Государя» как отступление от общих принципов творчества Макиавелли и как выражение теории «цель оправдывает средства». Рецензент В. Коваленский увидел в Макиавелли законченного утилитариста², а один из участников дискуссии в «Лит. Обзрении» решил, что флорентиец отождествлял разумное и благое³. В общем, ничего нового для решения «загадки» Ф.М. Бурлацкий не предложил, вопреки утверждению А. Левандовского, который считает открытиями мысли о единстве «Государя» и «Рассуждений» и об особом значении главы XXVI первого из этих трактатов⁴.

Обобщая суждения своих персонажей о Макиавелли и его учении, Ф. Бурлацкий не удержался от традиционного «заверения в преданности», подтверждающего как раз неискоренимость макиавеллиевской проблемы: «Социализм в теории, а затем и реальный социализм впервые продемонстрировали совместимость возвышенных целей и достойных средств по их достижению»⁵. Тем не менее нельзя отрицать, что «Загадка

¹ Бурлацкий Ф.М. Загадка и урок..., 1977. С. 235.

² Каленский В.Г. Рец. на кн. Ф. Бурлацкого «Загадка и урок Н. Макиавелли» // Советское государство и право. М., 1979. № 6. С. 81–83.

³ Афанасьев А. В чём же урок Никколо Макиавелли? – Отклик читателя // Литературное обозрение. М., 1978. № 5. С. 50.

⁴ Левандовский А. Разгаданная загадка // Литературное обозрение. М., 1978. № 5.

⁵ Бурлацкий Ф.М. Загадка и урок... 1977. С. 240–241. Книга Ф. Бурлацкого вышла также на итальянском языке: *Burlackij F.M. L'enigma Machiavelli (Novelle storiche e sociologiche)*/ Trad. dal russo di Sav.Reggio. М., 1986. Здесь эта фраза отсутствует, см.: Р. 322.

Макиавелли», будучи популярной книгой, поставила эту проблему во всей её остроте и в довольно увлекательной для читателя форме. К тому же она была первой ласточкой, предвещавшей обращение к Макиавелли только зарождавшейся отечественной политологии.

Интерес к нему в этой среде на рубеже 80-х гг. оживился, может быть, не в последнюю очередь в связи с тем, что «в 1979 г. на XI Всемирном конгрессе Международной Ассоциации политических наук некоторые американские политологи оценивали научный уровень докладов в зависимости от наличия ссылок на Макиавелли»¹. Автор приведённой цитаты, философ из Белоруссии И.А. Степанов, написал о Макиавелли книгу, которая совпадает по жанру с настоящей работой, только посвящена она судьбам Макиавелли не в России, а в Америке². В обрамлении традиционных положений о буржуазной прогрессивности его теории и цитат из Генерального секретаря книга И. Степанова предоставляет читателю подробное и в целом добросовестное изложение основных работ американских авторов о Макиавелли, начиная от основания США и до наших дней. (В сочинении Степанова есть неточности и ошибки: А. Ницо он относит к «английским макиавеллистам»; понятие государственного интереса переводит как «разум государства»; невнятно истолковывает правильную датировку знаменитого письма о Савонароле 1498 г. как версию «большинства историков»³.)

Пафос И.А. Степанова в основном направлен на то, чтобы отвести обвинения в «макиавеллизме» от марксистов, поэтому немало места он уделяет Максиму Лернеру, который сравнил «Государя» и «Рассуждения» Макиавелли с «Капиталом» и «Манифестом» Маркса и

¹ *Степанов И.А.* Принципы Макиавелли о соотношении внутренней и внешней политики и их современное применение // Сов. ассоциация полит. наук. Ежегодник, 1980 г. М., 1982. С. 115.

² *Он же.* Макиавеллизм и политическая мысль США. Минск, 1982.

³ Там же. С. 13, 35, 61.

усмотрел у обоих мыслителей склонность к демократическим целям и тоталитарным средствам¹. Напротив, в политике американского империализма, силовой политике т.наз. «реализма» автор усмотрел настоящие элементы современного макиавеллизма, который он, впрочем, с Макиавелли не отождествляет².

Ещё более сурово оценены взгляды Макиавелли применительно к международному праву в депонированной в ИНИОН в том же 1982 г. статье С.Н. Чебышева, который не усматривает в трудах флорентийца признания каких бы то ни было международных норм³. В этом же году в Баку был опубликован доклад И.Р. Мамед-Заде о социально-этических (т.е. социальных и этических?) взглядах Макиавелли; к сожалению, он маловразумителен, возможно, из-за неудачного перевода на русский язык, например, автор пишет: «Под “моралью” Маркс понимал участие народных масс в политике»⁴. В изданной там же в 1988 г. книге И.Р. Мамед-Заде излагает свои соображения несколько отчётливее; правда, они от этого не становятся более справедливыми и оригинальными, ибо он считает, что Макиавелли однозначно отделил политику от морали, «хотя она и так была отделена»⁵. Самому Макиавелли автор симпатизирует, потому что тот выдвигал свои идеи только для конкретно-исторических условий, и даже

¹ Там же. С. 43–46.

² Ср.: *Бови В.* Разоблачая «крестоносцев» антикоммунизма // Коммунист Белоруссии. Минск. 1983. № 7. С. 90–96 (Рецензия).

³ *Чебышев С.Н.* Политические воззрения Макиавелли и их интерпретация в буржуазной доктрине международного права. Казань, 1982. 28 с. Деп. ИНИОН 14037.

⁴ *Мамед-Заде И.Р.* Социально-этические взгляды Н. Макиавелли // Ин-т философии и права. Науч. конф. молодых учёных. Июнь 1982 г. Материалы. Баку, 1982. С. 77.

⁵ *Он же.* Политика и мораль. Баку, 1988. С. 19.

защищает его от известных антикоммунистов и ренегатов, как-то: Кёстлер, Каутский, П. Сорокин и пр.¹

Немногим отличается от вышеперечисленных трудов и статья А.В. Резника о концепции политического лидерства у Макиавелли². Говоря о возможности «макиавеллического» истолкования Макиавелли, этот автор сравнивает его с Франкенштейном, как будто бы флорентийский секретарь был изобретателем своего демонического государя. С поправкой на время, однако (статья вышла в 1989 г.), А. Резник смягчает заявление Ф. Бурлацкого о гармонии между политическими целями и средствами при социализме и говорит лишь о «потенциальной возможности» такой гармонии. Кроме того, он допускает, соответственно, некоторую пригодность макиавеллиевых концепций и сегодня³.

Выделяется среди политологических работ вышедшая тоже в 1989 г. книга Л.С. Мамута об этатизме и анархизме⁴. В отличие от шаблонных и спекулятивных сочинений, она ставит вполне оправданную и насущную задачу: дополнить марксистскую историю политических идей элементами ценностного подхода; к тому же автор опирается на знакомство с обширным и тщательно подобранным кругом литературы, в том числе и дискуссионной отечественной. Но что касается Макиавелли, то тут Л.С. Мамут исходит из представлений о нём, как одном из столпов этатизма, что связано, очевидно, с ограниченным знанием его творчества – только по трактату «Государь». Впрочем, даже из «Государя», при его внимательном прочтении, можно извлечь сведения, опровергающие тезис П. Новгородцева о том, что у

¹ Там же. С. 114, 139, 150. Похожие перлы читатель найдет в заметке Э. Корниловича «Читая Макиавелли» // *Беларуская думка*. Минск, 1995. № 8–9. С. 18–21.

² *Резник А.В.* Концепция политического лидерства в трудах Н. Макиавелли // *Проблемы теории политики и права*. М., 1989. С. 128–143.

³ Там же. С. 143.

⁴ *Мамут Л.С.* Этатизм и анархизм как типы политического сознания (домарксистский период). М., 1989. Резюме на нем. яз.

Макиавелли (вкуче с Гоббсом и Руссо) государство стало источником нравственной жизни людей¹. Ведь те вынужденные отклонения от «пути добра», которые государь принимает пусть ради общественного блага, не составляют нравственной нормы, а скорее вписываются в понятие наименьшего зла. Парадоксальным образом, будучи «государственником», Макиавелли в меньшей степени оказывается и антиэтатистом. Поэтому не совсем справедливо утверждать, как это делает свежий учебник политологии, что для него «создание и сохранение государства» оправдывают любые средства². Приятно, тем не менее, отметить, что этот курс лекций отходит от ранее принятых стереотипов в отношении флорентийского секретаря и не приписывает ему проповеди политической безнравственности и насилия. Более того, здесь есть намёк, хотя и несколько смутный, на возможность иной трактовки соотношения целей и средств: «Для него утверждение «цель оправдывает средства» не абсолютно, он принимал во внимание законность любой цели»³.

Пока готовилась эта публикация, увидели свет ещё некоторые работы, пытающиеся разрешить «загадку Макиавелли» уже в постсоветских условиях. Видимо, политизация сегодняшнего общества и появление в нём политиков – «профессионалов», то есть людей, готовых за большие деньги отстаивать чьи бы то ни было интересы, побудили авторов статьи с таким заглавием искать разгадку Макиавелли в том, что он изобрёл «политизм» – «идеологическую концепцию, призванную оправдывать политику как форму специализированной духовной деятельности, доказывать её право на автономное существование и функционирование»⁴. Не знаю, насколько

¹ Там же. С. 147.

² Основы политологии. Курс лекций под ред. проф. В.И. Пугачёва. М., 1992. Лекция 2 (автор Т.П. Лебедева). С. 25.

³ Там же.

⁴ *Никитин Е.П., Никитина А.Г.* Загадка «Государя» (политизм как идеология политики) // Вопросы философии М., 1997. № 1. С. 47. Похожую

приятным сюрпризом для самого Макиавелли была бы эта седьмая вода на киселе многовековых абстракций, познакомься он с такой формулировкой. Но похоже, что авторы названной довольно пространной статьи полагают слово «политизм» новым словом в науке о Макиавелли.

Более раскованной выглядит работа под названием «Другой Макиавелли», в которой, впрочем, творчество флорентийского секретаря также рассматривается в едином ключе – как «философия свободы». С увлечением решая эту задачу, авторы статьи, по-видимому, сознавали и ограниченность, заложенную в ее постановке, отсюда оговорки: идея свободы составляет «метафизическую основу» политических воззрений Макиавелли, но это «не отрефлектированная и облагороженная «социологическая» свобода в духе Просвещения, а антропологическая «свобода» в духе Ренессанса, не всегда артикулированная, но всегда рискованная»¹.

Кроме работ, характеризующих творчество Макиавелли в целом, в нашей литературе был опубликован за последние годы ряд статей, посвященных отдельным вопросам, и некоторые из них, связанные непосредственно с предметом нашего рассмотрения, мы уже неоднократно цитировали². Прибавим к ним статью С.С. Парсамова о столпах немецкой макиавеллистики Герхарде Риттере и Фридрихе Майнеке, которые истолковывали сочинения флорентийского секретаря с большим или меньшим

формулу – «цель власти – сама власть» – выводит для Макиавелли еще один автор, который ссылается, в частности, на совсем уж далекую от подлинных мыслей флорентийца публикацию (перевод) американского популяризатора: *Эбенстайн В.* Государь, государство, общество. Макиавелли и Локк // *Знание-сила*. М., 1990. № 9. С. 68–72. См.: *Царьков И.И.* Концепция Макиавелли о сущности власти // *Юриспруденция*. Тольятти, 1995. № 3. С. 47–50.

¹ *Виноградов В.Д., Иванов Д.В.* Другой Макиавелли // *Вестник СПбГУ*. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право. СПб., 1994. № 3. С. 38–47.

² Это статьи И.С. Шарковой, П.С. Рейфмана, В.С. Парсамова, книга Н.Я. Эйдельмана.

приближением к политическим коллизиям и нуждам своего времени¹. Работа А.Х. Горфункеля написана по материалам итальянской историографии и посвящена путанице, возникшей из-за того, что одновременно с нашим Никколо ди Бернардо Макиавелли во Флоренции был его тёзка и однофамилец – тоже Никколо ди Бернардо².

В 1979 г. к 450-летию со дня смерти флорентийского гения вышло несколько статей, в том числе упоминавшаяся работа И.С. Шарковой, статья А.А. Касаткина «Никколо Макиавелли как теоретик языка», в которой «Диалог о языке» рассматривается в свете национальной идеи; очерк В.П. Комаровой о макиавеллизме в английской драматургии XVI в.³. Одновременно в другом сборнике появилась ещё одна статья на последнюю же тему: «Герой и жанр в елизаветинской трагедии» А. Дроздовой⁴. Оба автора отталкиваются от принципиального расхождения между учением самого Макиавелли и его восприятием в Англии, особенно в елизаветинской драматургии, где образ демонического «Макиавеля», теоретика зла, стал как бы непременной жанровой принадлежностью.

Аналогичное исследование, только применительно к итальянской трагедии того времени, конца XVI в., опубликовал М.Л. Андреев⁵. Драматические произведения в его статье также рассматриваются как поле, на котором проходят испытание политические идеи, где сталкиваются

¹ Парсамов С.С. Макиавелли в оценке Г. Риттера и Ф. Мейнеке // Средние века. Вып. 40. М., 1976. С. 234–247.

² Горфункель А. Никколо Макиавелли – банкир или гуманист? // Возрождение: культура, образование, общественная мысль. Иваново, 1985. С. 76–84.

³ Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979; Касаткин А.А. Никколо Макьявелли как теоретик языка. С. 85–92; Комарова В.П. Макьявелли и макьявеллизм в некоторых английских драмах эпохи Шекспира. С. 93–105.

⁴ Дроздова А. Герой и жанр в елизаветинской трагедии // Проблемы стиля и жанра в театральном искусстве. М., 1979. С. 56–68.

⁵ Андреев М.Л. Итальянская трагедия позднего Возрождения и *ragion di stato* // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 76–86.

«государственный интерес и человеческая природа». Но применительно к Италии речь идёт уже не о «макиавеллизме», а о послемакиавеллиевской ситуации, в которой утрачена вера в доблестного героя и государство отчуждается от человека. В трагедиях Помпонио Торелли «индивид, сохранивший весь ренессансный утопизм самосознания и самооценки, сталкивается с внеличными силами, в которых ничего не осталось от ренессансного антропоцентризма, пытается в борьбе с ними утвердить и оправдать свои иллюзии и закономерно гибнет»¹.

В заключение, прежде чем сказать несколько слов о массовом восприятии Макиавелли в сегодняшней России, зададимся вопросом: а знает ли Макиавелли российский читатель и может ли он вообще познакомиться с ним непосредственно? Если не говорить об отрывочных публикациях в хрестоматиях и приложениях², то за послевоенные годы вышло всего два оригинальных издания сочинений Макиавелли (не считая «Мандрагоры»): «История Флоренции» в 1973 г. (переиздана в 1988 г.)³ и «Избранные сочинения» в 1982 г. с новыми переводами пьес – Н. Томашевского, стихотворений – Е. Солоновича, глав из «Рассуждений» – Р.И. Хлодовского и, наконец, «Государя» – Г.Д. Муравьёвой. Последний перевод в 1990 г. полумиллионным тиражом был переиздан в издательстве «Планета». Г.Д. Муравьёва предложила современный, очень тщательно обработанный и удобочитаемый вариант перевода трактата, но литературные достоинства этого

¹ Там же. С. 85.

² Хрестоматия по истории средних веков. Т. II. М., 1950. С. 231–241 (Отрывок о восстании чомпи из «Истории Флоренции»). *Темнов Е.И.* Макиавелли... С. 57–65 (гл. 2 и 5. кн I. «Рассуждений») Источники по истории политических и правовых учений. М., 1981. С. 43–55. (главы из книги III «Рассуждений»). Обе последние публикации по переводу Н. Курочкина (1869 г.).

³ *Макьявелли Н.* История Флоренции / Пер. Н.Я. Рыковой. Общ. ред., послесловие и комментарии В.И. Рутенбурга. Л., 1973 (Памятники исторической мысли).

перевода иногда оборачиваются проигрышем в точности, что заметно в тех случаях, когда он используется для цитирования другими авторами. Это видно на примере упоминавшейся статьи А.В. Резника¹, где дело усугубляется ошибками или опечатками; подобное же замечание о работе Г.Д. Муравьевой высказал Л.М. Баткин, который в ряде случаев заменяет в своей книге этот перевод своим собственным².

В общем, при желании тексты Макиавелли можно найти, хотя в книжной торговле они редкость³, и это говорит о том, что флорентийского мыслителя в России вообще-то читают и ценят (то же впечатление выносишь из разговоров на эту тему с образованными людьми), но, конечно, необходимы переиздания его сочинений, особенно «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия»⁴. Тем более, что знают Макиавелли у нас мало, и на это знание, даже в тех случаях, когда речь идёт о людях, может быть, историках, читавших «Государя», но специально Макиавелли не занимающихся, сильно влияет «макиавеллический» миф. В этом убеждают подшивки периодических изданий, в которых за последний десяток лет имя флорентийского секретаря встречается довольно-таки часто.

По привычке, с Макиавелли нередко связывают всё дурное в политике («Злой гений достойных учеников

¹ Резник А.В. Концепция политического лидерства... С. 134–136.

² Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности... С. 183, 267 (прим. 4 к гл. 5).

³ За прошедшие 12 лет, в связи с преобразованием структуры книжной торговли, дело коренным образом изменилось, сочинения Макиавелли переиздавались в разном виде множеством издательств и стали непременным пунктом ассортимента книжных магазинов.

⁴ В 1996 г. перевод 1869 г. был переиздан в сборнике издательства «Мысль», упоминавшемся выше. В 2002 г. автор этих строк опубликовал свой полный перевод «Рассуждений» и «Государя», который с тех пор неоднократно переиздавался.

Макиавелли...») ¹, теорию о цели, оправдывающей средства ², принцип «разделяй и властвуй» ³, утончённое коварство (по поводу формулировки референдума о судьбе СССР) ⁴. Более информированные авторы говорят о вековом споре гуманистов с Макиавелли – «флорентийским хитрецом» ⁵, о том, что последний отделил политику от морали ⁶, наконец, о том, что он был выразителем интересов буржуазии ⁷. Иногда имя Макиавелли используется для характеристики конкретных лиц – как литературных героев («индивидуализм Яго») ⁸, так и политических персонажей ⁹.

Чаще всего это связано со Сталиным и сталинизмом ¹⁰. Некто Борис Ланин в начале 1992 г. сделал подборку выдержек из «Государя» под заголовком: «Советник Сталина – Никколо Макиавелли» ¹¹, тем самым

¹ Выступление Т. Абуладзе на II Съезде нар. деп. СССР // Известия. 23.12.1989 г. С. 10.

² *Баглай М.* Мораль и политика // Советская культура. 27.07.1989. С. 3.

³ *Капустин М.* Камо грядеши? // Октябрь. М., 1989. № 8. С. 153.

⁴ *Панченко А.* Куда там Макиавелли! // Куранты. 15.03.1991, №49(64).

⁵ *Гайдар Е.Т.* Три вопроса кандидату (интервью) // Литературная Газета. 28.02.1990. С. 2.

⁶ *Eidelman N.* The Polish tragedy // Moscow news. 24.09.1989. №39.

⁷ *Вильчек В.* Правая, левая где сторона? // Литературная Газета 31.01.1989 (№ 42/5264/). С. 10.

⁸ *Иванов Вяч.Вс.* «Сестра моя – жизнь» // Литературная Газета. 31.01.1990. №5(5279). С. 5.

⁹ *Авторханов А.* X съезд и осадное положение в партии // Новый мир. М., 1990. № 3. С. 205; *Он же.* Происхождение партократии // Октябрь. М, 1991. № 3. С. 80 (О К. Радеке). Крайний случай – в одной статье читаем о «кремлёвском маккевиализме (так!)» (Газета «Сегодня» от 12.10.96, автор Т. Малкина. Но вероятно, ошибка корректора). На отечественном рынке появилась также компьютерная игра «Макиавелли: «Государь», по свидетельству газеты «Сегодня», 17 августа 1996 г.

¹⁰ *Кучкина О.* Что бы ни было // Комсомольская правда. 14.06.1987. С. 4 (О романе А.Рыбакова «Дети Арбата»).

¹¹ «Советник» Сталина – Никколо Макиавелли // Московские Ведомости. Февраль 1992. №3(40). С. 11.

предвосхитив почти одновременную публикацию Н.И. Рыжкова с подчёркиваниями самого вождя. Б. Ланин похвалил Макиавелли за остроумие и лёгкий слог и приложил к его трактату ленинскую цитату: «Очень своевременная книга». На втором месте в конце 80-х – начале 90-х гг. в этом смысле «казался, что вполне естественно, М.С. Горбачёв, получивший в макиавеллиевском контексте как лестные сравнения (С. Коэн – о трудностях великого реформатора¹), так и не очень – смотри скрытую цитату в статье М. Соколова, где Михаилу Сергеевичу досталась роль лисицы, тогда как Б. Ельцину – льва². В последнем случае неназванный по имени Макиавелли выступает просто как классический авторитет, и подобные, не имеющие отрицательного груза отзывы о нём тоже просачиваются в нашу печать, как, например, в статье о голландской писательнице русского происхождения, увлечённой Макиавелли (правда, журналистка, по обыкновению, внесла в свою статью много фактических неточностей)³.

Эту картину можно дополнить тем образом, в котором Макиавелли приходит к русскому читателю через художественную литературу. Во-первых, он фигурирует в переводных романах, начиная с изданного на заре Советской власти, между прочим, под редакцией Е. Замятина «Нового Макиавелли» Г. Уэллса, к флорентийцу относившегося без особой симпатии; впрочем, о самом Макиавелли там почти ничего нет⁴. Из других переводов⁵ заслуживает упоминания прежде всего роман Сомерсета Моэма «Тогда и теперь», целиком

¹ Коэн С. Партия на перекрёстке дорог // Литературная Газета 4.07.1990. 327 (5301). С. 3.

² Коммерсант, 30.10–01.11.1991. №3(40). С. 11.

³ Владина К. Женщина вне времени // Советская культура. 7.11.1989. С. 6.

⁴ Уэллс Г. Новый Макиавелли. (The new Machiavelli). Роман / Пер. с англ. О.И. Подячей. Под ред. Е.И.Замятина. Л., 1926.

⁵ См. также: Крайтон Р. Тайна Санта-Виктории. М., 1970. Указана у Степанова И.А. Макиавеллизм и политическая мысль США... С. 120.

посвященный Макиавелли. Публикуется второй перевод этой книги¹. Издание в переводе В.Вебера сопровождается предисловием Н.Е. Покровского, который вполне в духе времени выводит свой урок из предполагаемых заблуждений флорентийца: служение общему благу может быть пагубным, если оно не опирается на постулат об абсолютной ценности отдельной личности (каждой личности, разумеется, в равной мере)².

В произведениях отечественных писателей флорентийский секретарь является лишь в эпизодах. Мы уже упоминали о романе Н. Шмелёва «Сильвестр», где Иван Грозный расспрашивает А. Адашева о книге «Государь» из его библиотеки, наставлении «великому князю флорентийскому» (простим Адашеву анахронизм в титуле). Адашев вычитал в трактате утверждение, что «коли цель твоя благая – все средства хороши»³. Сановный читатель сам с этой мыслью не согласился, но царь заинтересовался и попросил сделать для него перевод с латыни (увы, первый известный перевод «Государя» на латынь относится к 1560 г., когда Адашев уже был в опале, он умер в 1561 г.)⁴. В общем, художественный вымысел...

Во время работы над фильмом «Иван Грозный» фигура Макиавелли привлекла внимание С. Эйзенштейна. В статье об этой работе он писал: «Перед зрителем пройдут образы русских князей... по политической интриге равных

¹ *Мозм У.С.* Тогда и теперь. Роман / пер. с англ. Г. Крымов // Звезда. Спб., 1994. № 1, 2.

² *Мозм У.С.* Тогда и теперь (Роман о Н. Макиавелли) / Пер. В.А. Вебера. Предисловие Н.Е. Покровского. М., 1989. С. 15. Ранее издана частично: *Мозм В.С.* Миссия флорентийского секретаря: Главы из романа «Тогда и теперь» / Пер. с англ. В. Вебера / Наука и религия. М., 1985. № 8. С. 43–49; № 9. С. 44–51; № 10. С. 47–54.

³ *Шмелёв Ник.* Сильвестр // Знамя. М., 1991. № 6. С. 67.

⁴ *Bertelli S., Innocenti P., Bibliografia...* P. LIX. 47.

Макиавелли и Лойоле, русских женщин, не уступающих Екатерине Медичи и Марии Кровавой»¹.

Таким образом стала Ефросинья Старицкая, которую Эйзенштейн называет «Макиавелли в юбке»². В её уста он вкладывает слова из «Государя» Макиавелли: «Государь не должен уклоняться от пути добра, ежели возможно, но должен вступать на путь зла, ежели сие необходимо»³. Они служат здесь не столько для характеристики отрицательного персонажа, сколько выражением размышлений о цене прогресса. Кстати, в уста Грозного Эйзенштейн вкладывает слова Ивана Пересветова «Царствие без грозы, что конь без узды».

В повести Вл. Орлова «Аптекарь», события которой происходят в тех самых местах, где пишутся эти строки, вдруг всплывает цитата из дживелеговского издания (строка Кардуччи): «Чистую вынашивал мечту Макиавелли скорбный...»⁴. Напоследок приведём ещё одну цитату, из стихотворения Александра Межирова «Без кандидатского стажа»:

Человеческое существо
И греховную сущность его
Не идеализировал
разве что Макиавелли,
Но в его философских метафорах
смысла не уразумели
А точнее восприняли их напрямик
Те, которыми яростно повелевала
Утопическая высота идеала,
Отражённая в стихотворениях моих⁵.

¹ 1942 г. *Эйзенштейн С.М.* Иван Грозный. Фильм о русском Ренессансе XVI в. // Избранные произв.: в 6 т. Т. 1. М., 1964. С. 194.

² Там же. Т. 6. С. 470.

³ Там же. С. 549.

⁴ *Орлов В.* Аптекарь. Роман. М., 1994; С. 103.

⁵ *Межиров А.* Без кандидатского стажа // Литературная Газета. М., 25.07.1990. № 30. С. 3.

Макиавелли здесь как будто бы и прав с его философскими метафорами и всемирно-историческим пессимизмом и вместе с тем допускает иное толкование – в духе коммунистической утопии (стихотворение написано в защиту другого произведения поэта – «Коммунисты, вперёд!»). Тоже очень актуально и даже глубоко – две равноценные правды. Ильфо-петровский акробат пера написал бы: «Макиавелли на переднем крае борьбы!» – но получается, что это иногда смахивает на истину¹.

¹ Свежие примеры: Р. Хасбулатов, выйдя из Лефортовской тюрьмы, заявил, что «Макиавелли – ребёнок перед современными политиками» (Газеты «Куранты», «Сегодня» от 1.03.1994). По телевидению 28.02.1994 был показан в передаче «За Кремлёвской стеной» сюжет о том, как Макиавелли, «введённый в компьютер», отвечает на вопросы по современной истории России. Правда, судя по театрализованному ответу, в котором Макиавелли рассуждает о гражданской войне как о неслыханном и невиданном злодеянии всех времён, содержание этого ответа больше на совести автора идеи, Л. Пронского. В дополнение к сказанному приведём подпись к заметке в газете «Сегодня» от 14.06.1996 «На Никольямской улице появился свой Макиавелли», «Вчера во внутреннем дворе библиотеки иностранной литературы установлен скульптурный портрет Никколо Макиавелли работы итальянского скульптора Джампьеро Кудина». Судя по фотографии, скульптура обладает большим сходством со своим автором, чем с известными изображениями Макиавелли. Любопытную параллель процессу над Макиавелли, устроенному парнасскими небожителями у Боккалини, являет «Суд над Никколо Макиавелли» – один из театрализованных диспутов, проходивших в Историко-архивном институте (ныне РГГУ) при участии студентов и под руководством Н.И. Басовской. Приговор, выдержанный в «реакционно-прогрессивистской» терминологии, несколько мягче, чем на пародийном суде XVII в.: «Учитывая последовательный антиклерикализм Макиавелли, защиту им объективно прогрессивного, хотя и нереального в тех условиях политического идеала, а также принимая во внимание то, что реакционные политические деятели прошлого опирались на учение Макиавелли без его ведома, оставить Макиавелли в числе великих мыслителей, приговорить Макиавелли к глубокому нравственному порицанию (условно)». Замечательно это слово в скобочках! См.: *Столярова Л.В.* «Суд» над Никколо Макиавелли // *Зеркало истории: 20 лет кружку истории древности и средневековья.* Сб. ст. М., 1992. С. 28.

* * *

В советской России традиционное вмешательство государства в жизнь общества ещё усилилось, поэтому Макиавелли, видевший во власти инструмент сглаживания потрясений, возникающих на ухабах истории, мог бы восприниматься с особой остротой, особенно в связи с его идеями о переходе к народовластию через диктатуру и об ответственности основателя государства, о познании законов политических изменений.

Но двусмысленная слава флорентийнца, несмотря на одобрительное отношение к нему основоположников марксизма, настораживала советского читателя, а то и оборачивалась против него, как в случае с Каменевым. Государство не нуждалось в постановке проблемы оправдания насилия: идеологи всех идеологий всегда справлялись с таким оправданием лучше теоретиков.

Усвоение тех уроков, которые можно было извлечь из размышлений Макиавелли о социальной полезности и одновременно социальной опасности государства, о личном выборе перед лицом аморальности истории, оказалось заслонено более отвлечённым вопросом – о классовой природе его учения, как и Возрождения в целом. Очевидно и этот – один из возможных уровней восприятия исторического деятеля несёт в себе какое-то знание в своей системе координат. Но оригинальный мыслитель всегда говорит, во-первых, от себя, а во-вторых, от лица всего человечества, потому что он обращается ко всем. Наличие в его творчестве каких-то групповых интересов далеко не обязательно объясняет это творчество. Учение Макиавелли, в частности, имеет ту глубину, которая ставит

Что здесь безусловно, – зеркало истории воистину правдиво всегда отражает взгляд смотрящего в него зрителя.

Еще одно свежее дополнение - изданный в Ростове-на-Дону перевод популярной книжки о Макиавелли в виде американского дайджеста-комикса: *Карри П., Зарате О.* Макиавелли. Серия «Экспресс-эрудит». Ростов-на-Дону, 1997. Макиавелли здесь также выносит суждения (с помощью авторов, разумеется) о современной истории и политике.

его выше и вне партийных и пристрастных мнений и которая и даёт возможность разных его толкований. Поэтому не имеет смысла дискуссия о том, была ли «раннебуржуазность» Макиавелли революционной, как полагали авторы 20-х – 30-х гг., или компромиссной, как думали позднее, или она выражала кризис ренессансной идеологии, как полагают некоторые наши современники. Эти оценки служат только для подкрепления определённых авторских установок. Сегодня Макиавелли заставляет задумываться над другим вопросом: насколько возможно и допустимо воздействие на жизнь общества, кому можно его доверить и как совместить декларируемые политиками цели с желанными для общества результатами.

Косминский

Граммш

Троцкий (слева)

Лосев

Эйзенштейн

Дживелегов

МИФ О МАКИАВЕЛЛИ В ЭПОХУ РЕФОРМ (Россия на рубеже XXI века)¹

Предмет данной книги в широком смысле вписывается в проблему исследования исторической памяти, то есть проблему восприятия прошлого обществом в целом, а не только историками как его профессиональными исследователями. Научное исследование и массовое сознание, истина и мифологизированные стереотипы, – вот те полюсы, между которыми обращаются наши идеи и представления о прошлом². Принимая во внимание обе крайности, мы можем подойти к фактам и текстам прошлого не только как к завершенным данностям, но и как к ценностям, продолжающим жить сегодня.

Историческая фигура Макиавелли представляется в этом отношении, как мы уже видели, одной из самых интересных. Это и один из наиболее характерных типов итальянского Ренессанса, и основатель современной политической науки, и создатель «макиавеллизма», понятия, до сих пор используемого в политической терминологии и практике, у него много других ипостасей – и все эти воплощения противоречивы, они получали и

¹ В основу этой главы положено выступление на одном из заседаний конференции Американского общества по изучению Ренессанса, состоявшейся в Кембридже (Великобритания) в апреле 2005 г.

² Научное знание предполагает в данном случае представление об установлении неких относительно устойчивых и соответствующих заданным критериям истинности положений, которые подлежат изменению и уточнению в зависимости от принимаемых точек зрения. Мифу, напротив, приписывается здесь образность и символичность (то есть неполное совпадение означающего и означаемого), неподвижность, сведение явления к формуле, часто односторонней и ценностно однозначной. Научные истины, становясь распространенными стереотипами, приобретают все большую мифологичность по мере их тиражирования и упрощения, поэтому они нуждаются в постоянном пересмотре и обновлении. Миф статичен, истина динамична в своих проявлениях.

получают совершенно противоположные оценки, (что особенно заметно в эпоху социальных и прочих сдвигов, которые переживает современная Россия.)

Как «реальное», так и символическое содержание творчества Макиавелли имеет собственную историю восприятия¹, подразделяющуюся на разные традиции: европейскую, «атлантическую»², даже восточную; немало исследований посвящено истории прочтений Макиавелли в разных странах. Эта тема является вполне самостоятельной, потому что символическое и наносное применительно к Макиавелли давно уже пытается перевешивать реальное и сказанное собственно им. Как бы то ни было, хотим ли мы очищать это «собственное» ядро от наносов или сосредотачиваемся заведомо на изучении «макиавеллистической традиции», высказать какие-то принципиально новые суждения о Макиавелли трудно, если не невозможно. С другой стороны, всякое новое обращение к этому будоражащему умы автору, даже если оно продиктовано сугубо приземленными мотивами – допустим, заказом на статью о «макиавеллизме» в полстранички для научно-популярного словаря, пробуждает, как правило, хотя бы искру авторской мысли, которая, может быть, заслуживает внимания.

К сожалению, огромный объем не только высказываний о Макиавелли вообще, но даже специально посвященных ему публикаций, не позволяет говорить о них подробно³. Поэтому задача настоящего дополнения к монографии, основанного на материалах, относящихся к периоду после ее написания (примерно с 1995 по 2005 гг.), которая

¹ Она иногда прямо характеризуется как история мифа о Макиавелли, в частности, в цитированной в 1 гл. книге Barycz H. *Myśl i legenda Machiavella w Polsce w/ XVI i XVII // Spójrzenia w przeszłość polsko-włoską*. Warszawa, 1965. 2 изд.

² Pocock J.G.A. *The Machiavellian moment: Florentine political thought and the Atlantic republican tradition*. Princeton-London, 1975.

³ Чтобы не загромождать текст, библиографические указания также сведены здесь к минимуму.

формулируется на первый взгляд довольно просто: что пишут (и говорят) о Макиавелли в сегодняшней России? упирается в проблему выбора и обобщения.

С момента выхода монографии прошло примерно 7 лет, но только число отдельных переизданий трудов Макиавелли (на первом месте, естественно, «Государь», на втором «Государь» вместе с «Рассуждениями о первой декаде Тита Ливия») составляет более 10 (для сравнения – за предыдущие 150 лет, до 1996 г., всего 17, больше всего «Мандрагора») ¹. Количество публикаций, посвященных специально Макиавелли, за этот период исчисляется десятками.

Поэтому предлагаемый обзор не только не будет исчерпывающим, но по необходимости оказывается обобщенным, отнюдь не претендующим на подробный индивидуальный разбор публикаций, и весьма субъективным. Заложенные в нем критерии отбора и подхода к текстам – те же, что и в основной части монографии, где были прослежены основные направления и критерии восприятия Макиавелли в советский и более ранний периоды. Это идеологемы, сложившиеся на основе высказываний классиков марксизма: «раннебуржуазная прогрессивность» и буржуазная же ограниченность взглядов, приписываемый Макиавелли научный подход к политике и одновременно авторство теории «цель оправдывает средства», тезис об отделении политики от морали и восхваление его итальянского патриотизма.

Конечно, литература, претендующая на звание научной, не сводила свои оценки к названным постулатам: исторические воззрения Макиавелли серьезно анализировались в работах В.И. Рутенбурга и М.А. Барга,

¹ В последние годы высказывались пожелания более обширного издания наследия Макиавелли, в том числе в новых переводах (см. упоминаемую ниже работу И.Д. Вылегжанина), хотя конечно, легче делать репринты; а также совместного издания «Государя» и «Рассуждений» как единого целого. И той, и другой задаче удовлетворяет издание Росспэна (М., 2002), подготовленное автором (еще в 1990 г.).

под знаком трагического исхода Возрождения рассматривал его творчество историк литературы Р.И. Хлодовский, с точки зрения зарождения новоевропейского представления о личности исследовал тексты Макиавелли Л.М. Баткин. (Некоторые работы этих авторов издавались и переиздавались и в последние годы).

Вместе с тем в 70–80-е годы прошлого века зародились или возродились и иные концепции, по своему, как я полагаю, мифологизирующие Макиавелли и связанные в первую очередь с пересмотром традиционного для марксизма отношения к Ренессансу как эпохе раскрепощения личности и освобождения ее от «религиозных пут» (А.Ф. Лосев, Ю.Н. Давыдов). Эти концепции, осуждающие аморальный и безграничный индивидуализм Возрождения, выразили новые и еще усилившиеся за последние годы неоконсервативные и националистические тенденции.

Что касается политиков и общественного мнения в целом, то, как мы уже не раз отмечали выше, традиционное отношение к имени Макиавелли еще в дореволюционной России было также двойственным, или в некоторых случаях амбивалентным. Практикующие политики скорее чурались этой темы, особенно учитывая горький опыт тех «советников государей», которые в России поплатились в свое время за подобные амбиции и за проявленный ими интерес к Макиавелли (Д.М. Голицын, А.П. Волынский, отчасти декабрист П.И. Пестель, в сталинское время Л.Б. Каменев). Имеются относительно глухие свидетельства о внимании к флорентийскому политику вождей, Ленина и Сталина, но до последних 10–15 лет этот предмет оставался почти без обсуждения, так же как и в политической публицистике, существовавшей в очень жестких параметрах, сомнительное имя Макиавелли встречалось нечасто.

Сегодня у российского читателя имеется относительно большой спектр выбора разнохарактерных публикаций, как с точки зрения жанра, так и качества или уровня трактовки

или постановки вопросов. Как уже упоминалось, имеются многочисленные переиздания сочинений Макиавелли (зачастую предваряемые старыми или свежими введениями составителей), и по отдельности, и в составе хрестоматий и антологий, а также издания и переиздания сочинений о нем, включая переводные, в частности труды сэра Исаяи Берлина¹ или роман С.Мозма «Тогда и теперь», неоднократно переиздававшийся на русском языке. Из историографических сборников нельзя не упомянуть многостраничную петербургскую антологию «Макиавелли. Pro et contra» (2002), в которой собран ряд трудов отечественных историков, начиная с XIX века. Надо сказать, что такое изобилие не приводит, а возможно, и наоборот, отрицательно сказывается на взаимной цитируемости авторов. Как правило, пишущие о Макиавелли, особенно авторы публицистических сочинений ограничиваются набором примерно одних и тех же, порядка десяти-двадцати, цитат из трудов флорентинца по имеющимся под руками изданиям, и 5–10 сносками на более или менее случайно подобранные образчики критики.

Если говорить о работах академического характера, то наибольший интерес у автора этих строк вызвало, как это ни парадоксально, дипломное сочинение студента философского факультета СПбГУ, трагически погибшего в год окончания университета, И.Д. Вылегжанина, довольно традиционно названное «Эскиз политической философии» Макиавелли. Оно опубликовано посмертно в посвященном

¹ Берлин И. Оригинальность Макиавелли // Человек. Иллюстрированный научно-популярный журнал. М., 2001. № 3–5. См. также Риклин А. Никколо Макиавелли. Искусство властвовать. СПб., 2002; комиксы Карри и Зарате, переиздания переводов сочинений Де Санктиса, Б.Рассела и др. В издательстве «Молодая Гвардия» вышла биографическая книга о Макиавелли К.Жиль, которая старается показать, что Макиавелли был обычным чиновником и своей известностью обязан стечению обстоятельств. См. мою рецензию в журнале Новая и Новейшая история, 2006. № 5.

ему сборнике «Жизнь и текст», 2001. Надо сказать, что подобные темы входят в стандартные списки для курсовых и дипломных работ на исторических и других гуманитарных факультетах университетов, и этот опыт нередко пробуждает интерес к Макиавелли, сопровождающий затем бывших студентов многие годы. В данном случае эта яркая работа сулила многообещающее продолжение, будучи основанной на тщательном анализе текстов и уже предлагающей любопытные результаты. Ее автор подробно проанализировал имеющиеся у Макиавелли ссылки на греческих и римских авторов и проделал сопоставление текстов, также он выписал 57 употреблений флорентийским секретарем слова «*stato*» и пришел к выводу о довольно расплывчатом понимании этого термина у Макиавелли – выводу существенному, учитывая утвердившееся мнение о том, что флорентинец якобы впервые стал употреблять его в значении «государство»¹. Что касается концепции Макиавелли, то И. Вылегжанин усматривает в ее основе «модель политического лицедейства», которая вписывается им в общий контекст ренессансного понимания «человека как животного лгущего». Он выделяет три стратегии миропонимания ренессансных героев-обманщиков: представление о мире как обители порока, о делении людей на мошенников и простаков и, наконец, о пользе обмана, которая четко продемонстрирована в «Мандрагоре». Как бы ни относиться к выводам И. Вылегжанина², нельзя не признать, что они основаны на популярных сегодня методах лингво-семантического и культурологического анализа и заметно выделяются на фоне многих более или менее стандартных упражнений на тему Макиавелли.

¹ См. об этом выше, с. 477.

² Он считает, что «споры об антиномиях Макиавелли отшумели», но все же предлагает в своей работе ряд способов их разрешения, в частности, перечисляя варианты решения «морально-политической» проблемы.

Апелляция к марксистским ценностям сегодня если и не канула в небытие, то по меньшей мере перебралась на задний план тех посвященных Макиавелли сочинений, где сохранился прежний критерий оценки писателя в зависимости от степени его «буржуазности». Великий флорентинец – не тот писатель, который оставляет равнодушным, поэтому отношение к нему выражается, как и раньше, преимущественно в мифологемах, обладающих большей или меньшей новизной. Реже всего ему приписывают теперь, – по крайней мере, без серьезных оговорок, – авторство теории «цель оправдывает средство». Есть даже специальная статья, где это авторство опровергнуто на основе филологического анализа ряда текстов, в первую очередь принадлежащих его современникам-иезуитам ¹. Тем не менее, «макиавеллизм» с положительным или отрицательным знаком кладется в основу тех или иных оценок макиавеллиевского наследия. Вполне логично, что «реалистические» или натуралистические постулаты Макиавелли соотносятся с утопиями или трактатами об идеальном государстве, в первую очередь с «Утопией» Т.Мора и с «Государством» Платона. Любопытно при этом, что анализ одних и тех же текстов приводит иногда к полностью противоположным выводам и оценкам. Так, в новой статье уже упоминавшегося проф. Ю.Н. Давыдова ² Макиавелли рассматривается как основоположник «деэтизации» политики, что практически означает все то же «отделение политики от морали», а также перевод науки на уровень технологии власти, ее превращение из «царской науки» в политологию. Флорентийский секретарь, по мнению Ю. Давыдова, повторяет софизмы Калликла из «Горгия»

¹ *Латина М.С.* О происхождении афоризма «цель оправдывает средства» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 5. С. 24–36.

² *Давыдов Ю.Н.* Макиавеллизм и дегуманизация социальной философии (К истории обособления политологии от гуманитарного знания) // Науковедение. Научный журнал. М., 2001. № 3. С. 168–188.

Платона, но идет гораздо дальше своего античного предшественника, предлагавшего изгнать из своей республики поэтов, и покушается уже на философов.

Совершенно противоположные выводы из сопоставления Платона и Макиавелли делает автор другого философского журнала, Е.В. Глебов, согласно которому флорентийский политик был антиподом великого древнегреческого философа не только по своим социальным и историческим взглядам, но и в практической деятельности, где ему противостояли неоплатоники, симпатизировавшие режиму Медичи¹. Родоначальником психологического манипулирования людьми выставлен здесь именно Платон, использовавший в своем «Государстве» прием «нейролингвистического программирования», а не Макиавелли. Но и для этого тезиса в нашей литературе находится противоположная параллель – монография, посвященная «технологиям манипулятивного управления» в России, направленным на достижение «тотального контроля над социальной реальностью», называется именно «Истоки российского макиавеллизма»². Впрочем, собственно о Макиавелли здесь речь не идет, слово «макиавеллизм» служит просто синонимом негативного отношения к «насилию над историей» (читай, к большевизму *ante litteram*) со стороны российских социологов и психологов XIX века – Н.Н. Михайловского, В.М. Бехтерева, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева.

Желание привязать свои мысли по поводу «макиавеллизма» и Макиавелли к отечественной и актуальной проблематике характерно для многих авторов.

¹ Глебов Е.В. Макиавелли как оппонент платонизма//Философия: история и современность. Новосибирск, 2001–2002. С. 227–244.

² Бледный С.Н. Истоки российского «макиавеллизма»: управление политическими процессами в общественной мысли России во второй половине XIX и XX в. М., 2003.

Оно заметно и во второй статье Е.Глебова¹, основывающего здесь свои пространные рассуждения («анализ русской политики в трудах и деятельности Макиавелли») на одной фразе флорентинца о том, что в Скифии происходят перемещения татар и что Европу от них защищают Польша и Венгрия. Фантастические выводы Е.Глебова клонятся к тому, что идеи Макиавелли подтолкнули русских публицистов к обоснованию формулы «Москва – третий Рим» и что флорентинец желал бы «обратной унии», иными словами, видел в православии образец для католичества! Велика сила национального чувства, но, увы, часто она обращается все же против Макиавелли.

Таков пафос статьи Р.Ш. Мухамадиева «Первая русская трагедия» («Борис Годунов» Пушкина), опубликованной в «журнале русской культуры» «Москва» (№8 за 2000 г.). Здесь тексты великой пушкинской драмы и «Государя», действительно предоставляющие немало параллелей, сопоставляются в контексте разных подходов к проблеме цели и средств на Востоке и на Западе. Западная мысль, в отличие от православной Церкви, русской философии и Пушкина, допускает возможность пойти на преступления ради великой цели. Подлинно великий государь видит во власти не цель, а средство – такой нравоучительный (и якобы антимакиавеллический) вывод делает автор. Тему актуальности Макиавелли или хотя бы его роли как «предтечи», с положительным или отрицательным знаком, не обходит почти никто². Своего рода попури из теорий,

¹ Глебов Е.В. Метод исследования истории. Макиавелли: пример конкретной реализации проекта возвращения к доблести Древнего Рима // Философия: ... Новосибирск, 2003. С. 52–70.

² Разве что в чисто исторических работах она остается за бортом, напр., Брагина Л.М. Особенности исторического познания в Италии в эпоху Высокого Возрождения // Проблемы исторического познания М., 1999, с. 215–244. (Сопоставление исторических подходов Макиавелли и Гвиччардини). Работы И.Я. Эльфонд (Макиавелли, макиавеллизм и антимакиавеллизм во Франции второй половины XVI в. // От средних

объясняющих значение макиавеллизма для Нового времени, представлено в брошюре «Феномен «макиавеллизма» и формирование политологии как науки» (СПб., 1998), своеобразно сочетающей апелляцию к тезису времен Я. Буркхардта и Э. Фукса о ренессансном упадке нравов с отсылками к мнениям М.Фуко о разном понимании ценности тела дворянством и буржуазией¹. Макиавеллизм, говорится здесь, не есть беспринципность и аморальность, но выражение властвующей воли к могуществу в политико-экономической реальности. Богатство, сила и знание становятся синонимами власти, сметающей все препятствия: под эту рубрику подпадают и новоевропейский монархизм, и революционизм, большевизм и сталинизм, и даже «американизм». (Последнее – это, с одной стороны, «ковбойское» понимание права как силы, а с другой – государственное искусство поддержания согласия в обществе на основе законности).

К сожалению, философские размышления о политике, морали, современном государстве и гуманизме слишком часто сочетаются, как и прежде, со слабым знанием истории и с равнодушием к документальной точности, несмотря на улучшившуюся, казалось бы, в последние годы ситуацию с изданием источников и книг по Макиавелли. В качестве примера можно привести очерк, посвященный очередному сопоставлению прагматика и утописта, в данном случае, Макиавелли и Мора, в очередном сборнике «Личность и политическая культура»².

веков к Возрождению. СПб., 2003. С. 287–301) поневоле имеют дело с «мифом о Макиавелли», хотя бы преимущественно в момент его зарождения.

¹ Автор этой брошюры М.О. Мухадаев странным образом (а может, и логически объяснимым) оказывается связан с упоминавшимся выше И.Д. Вылегжанином: он был директором студенческого общежития, откуда последний был выселен накануне гибели. Подобные мистические повороты нередки в контексте истории Макиавелли и макиавеллизма.

² *Коваль Б.И.* Личность и политическая культура: Два корифея эпохи Возрождения. Т. Мор и Н. Макиавелли. М., 1999.

Это еще один образчик современной политической публицистики в духе «просвещенного социализма», начало которой положили, по меньшей мере, применительно к Макиавелли, работы Ф.М. Бурлацкого еще в 70-е годы¹. Достаточно взвешенные суждения автора очерка, Б.И. Коваля, о «макиавеллизме», не всегда, правда, исходящие из первых рук², дополнены его перепиской, в духе книги Бурлацкого, с Гитлодеем, жителем острова Утопия, где, как и в России, случилась перестройка. Корреспондент Гитлодея начинает свой очерк с оговорки о том, что оставляет фактографические поправки за специалистами, но что мешало ему поставить правильную дату рождения Никколо – 1469 вместо 1465, как в тексте? Вслед за Б. Расселом он почему-то сближает Борджа и Медичи и полагает, что упоминание Ч. Борджа в «Государе» должно было снискать их благосклонность. В своем желании объяснить «пресмыкательство» перед ними флорентийского секретаря, Б.Коваль, как впрочем, очень многие другие, совершенно не думает об историческом контексте, который просто исключает такую постановку вопроса. С автором очерка можно согласиться относительно того, что «этатизм» Макиавелли по сути дела – один из мифов, созданных на его счет, но здесь его подводит уже неточность в переводе того места, которое он использует как аргумент в пользу критического отношения флорентийца к государству. «Из всех видов жестокого рабства жесточайшее то, которое на тебя налагают республики», – говорит Макиавелли («Рассуждения», II, 2). Здесь уместен именно такой перевод, потому что в этой главе республика как раз противопоставляется монархии, а в этом месте –

¹ «Макиавеллиан» Бурлацкого дополнилась еще одной книгой – «Советник государя» (М., 2002).

² Так, он приводит удачную формулу о десакрализации морали у Макиавелли, не ссылаясь на источник. Между тем эту формулировку мы встречаем у Л.М. Баткина, при том, что сама по себе мысль присутствует у разных авторов.

в их отношении к завоеванным землям. Но в некоторых изданиях Макиавелли (в старом переводе 1869 г.) «республика» переведено как «государство», что может быть справедливо в иных случаях, в том числе и для Макиавелли, – государство в широком смысле, – но не здесь. Кстати, еще один пример такого недоразумения находится в упоминавшейся статье Ю.Давыдова, который усматривает противоречие между «свирепым политическим реализмом» Макиавелли и его же «непреднамеренными отступлениями в область утопической дидактики»¹. Одно из таких отступлений Ю.Давыдов видит в его апелляции к «добродетели» при выходе из политических кризисов («История Флоренции», книга пятая)². Для всякого читателя, знакомого с литературой о Макиавелли и Ренессансе вообще, очевидно, что здесь речь идет не о моральной добродетели, а знаменитом качестве ренессансного человека, приблизительно передаваемом в большинстве случаев на русский язык как «доблесть». То есть и здесь ошибочное толкование связано с неточностью перевода.

При наличии таких сложностей даже с переводами, чего же мы можем требовать от научно-популярных или публицистических статей, которыми изобилуют во множестве выпускаемые ныне журналы соответствующих направлений? Одна из них начинается с упоминания книги М. Пьюзо «Первый дон», посвященной Чезаре Борджа, который, как пишет автор статьи, историк А. Евлахов, в 1422 (!) году стал папой Александром VI³. Из нее мы можем почерпнуть до сих пор неизвестную ценную информацию о биографии Макиавелли, который, оказывается, «получил

¹ Давыдов Ю. Указ. соч. С. 183.

² Там же. С. 186. *Макьявелли Н.* История Флоренции / Пер. Н. Рыковой. Л., 1973. С. 175.

³ *Евлахов А.А.* Время Макиавелли // Власть. Общенациональный научно-политический журнал. М., 2004. № 1. С. 57.

прекрасное образование во флорентийском университете»¹. Фактографическая слабость статьи компенсируется наличием суждений о современных макиавеллистах – испанском диктаторе Ф. Франко, М. Тэтчер и Дж. Буше старшем («Буря в пустыне»), добившихся успеха в отличие от нерешительных политиков, таких как М. Горбачев и Б. Клинтон. Этот прием всегда был и остается довольно популярным в макиавеллической литературе, например, статья «Гениальный секретарь» в журнале «Парадокс» (2000, № 4) сопровождает цитаты из Макиавелли ссылками на современных правителей, воплотивших его советы в жизнь. В этом списке Клинтон фигурирует уже наравне с Бушем (он повысил свою популярность бомбардировками Ирака и Югославии на 10–15%) и Кеннеди с Рейганом, которые подбирали себе советников из ученых-гуманитариев. Здесь названы еще Карл XII (занимавший народ военными предприятиями и экстравагантными поступками, – как и автогонщик К. Менем и летчик В. Путин, пловцы Мао Цзэдун и Саддам Хусейн), Ш. де Голль (вопреки обещанию на выборах он предоставил Алжиру независимость), Ф. Миттеран, скрывший свою болезнь, У. Черчилль, который соразмерял свою щедрость с обстоятельствами, тот же Франко, объединивший нацию после захвата власти, Дэн Сяопин, сохранивший, в отличие от Горбачева, старый политический строй, «все атрибуты коммунистического государства», и, наконец, И. Сталин, перекладывавший ответственность за свои «перегибы» на других².

Сталин является одним из популярнейших

¹ Ср. ошибки в цитированной выше статье Е. Глебова. Георгий Схоларский, *De bello civilico* Цезаря, Максима Грека пригласил якобы некий Василий IV.

² Практически все эти персонажи и многие другие: Муссолини, Киссинджер, Ельцин фигурируют в небольшой, но емкой книжке П. Карри и О. Зарате «Макиавелли», составленной в виде комиксов и переизданной в России дважды. Вообще, невозможно, по-видимому, назвать сколько-нибудь заметного политика, к которому не были бы применимы те или иные замечания флорентийского секретаря. С. 36–38.

«макиавеллистов» в России, и отношение к нему неоднозначно: после перестроечной эйфории конца 80-х – начала 90-х годов ностальгия по сильной власти опять дает о себе знать. В качестве свежего образчика чисто мифологического употребления понятия «макиавеллизм»¹ в этом контексте можно привести относительно свежую статью в сборнике, изданном Ярославским университетом, цель которой «обратить внимание студентов на пограние законности» Сталиным, обосновавшим в 1937 году массовые репрессии. Голос автора приобретает здесь прямо библейское звучание: «Многим миллионам невинных людей пришлось изведать зелье из чаши Иосифа»².

Сталинская тема волновала и участников встреч Флорентийского общества, в деятельности которого Макиавелли, по стечению обстоятельств, занял центральное место. Речь идет о деятельности нескольких поклонников великого флорентийца и его родного города, который стал колыбелью Ренессанса. С их помощью в Москве был установлен бюст Макиавелли, издано несколько сборников, содержащих статьи, библиографические обзоры и цитаты из произведений Макиавелли и ему посвященных³. Как видно уже из названий, здесь подчеркивается актуальность идей флорентийца и их предполагаемая полезность для сегодняшней России. На собраниях общества, куда

¹ «использование коварных средств борьбы: вероломство, обман и предательство, убийства во имя достижения своих /даже не сказано – великих!/ целей». Химович Е.М. Сталинский макиавеллизм: февральско-мартовский (1937) пленум ЦК ВКП(б) // Век нынешний, век минувший. Вып. 1. Ярославль, 1999. С. 73.

² Там же. С. 83.

³ *Максима Макиавелли. Уроки для России XXI века. М., 2001; Флоренция в Москве. Идеи Макиавелли в России XXI века. М., 2002 и др.* Значительную часть первого из этих сборников занимают цитаты, позаимствованные из данной монографии, а также обширная библиография. Читатель может почерпнуть в ней некоторые дополнения к списку литературы, помещенному ниже.

приглашались и люди, причастные к власти, в том числе депутаты Государственной и Московской городской думы, члены Конституционного суда, звучало предложение распространить новоизданные сочинения Макиавелли среди депутатского корпуса. В дискуссиях звучали совершенно разные мнения, но в отзывах о самом Макиавелли преобладали скорее положительные ноты. Здесь я бы отметил только преувеличения, связанные с другой крайностью, с желанием сделать из Макиавелли своего рода ангела без крыльев, или, как это сейчас популярно, глубоко верующего, благочестивого политика, не столько полемизировавшего с христианской этикой, сколько трагически переживавшего ее разлад с действительностью¹. В этом смысле его «Увещание о покаянии»², переведенное о. Г. Чистяковым и дважды переизданное, должно выглядеть чуть ли не как главное в макиавеллиевском наследии. Другой пример – сетования составителя сборника «Максима Макиавелли» П. Баренбойма на отсутствие политической риторики при инаугурации российского президента в отличие от американского: там проповедник молился за то, что нация сделала свой выбор в пользу морали, а не материализма, а религия и мораль, по Макиавелли, якобы опоры демократии³. Интересно также, что звучали и дифирамбы в адрес семьи правителей Медичи, просвещенных государей и меценатов, покровительствовавших платонизму, здесь уже Макиавелли не противопоставляемому.

Можно было бы намного расширить вышеприведенный

¹ Любопытно в этом контексте суждение о Макиавелли православного писателя и священника о. А. Меня: «Выступая против статуса христианства как государственной идеологии, он фактически оказал ему важную услугу и освободил от чужеродной мирской стихии...» *Мень А. Трудный путь к диалогу.* М., 1992. С. 159.

² Слово увещательное о покаянии // Максима Макиавелли... С. 101–107; То же // Вестник Европы. М., 2001. № 2.

³ *Баренбойм П.Д.* Конституционные уроки Флоренции и Макиавелли для России первой декады XXI столетия // Максима Макиавелли... С. 14.

беглый обзор сегодняшних изданий, посвященных о Макиавелли, и продолжать до бесконечности разбор заключенных в них текстов, что не только нереально, но и излишне¹. Если вернуться к формулировке поставленной нами задачи, то она заключается не столько в изложении разных точек зрения, бытующих в этой литературе и обладающих разной степенью оригинальности у разных авторов. Задача заключалась, скорее, в том, чтобы наметить подход к такой теме, как бытование идеи в социальной среде, начиная от попыток научного и исторического анализа конкретных текстов персонажа эпохи Возрождения, и заканчивая символическими и предельно удаленными от истории бледными отражениями таких понятий, как «Макиавелли» и «макиавеллизм», давно проникших и в массовую культуру. Эта сфера «малого мира» по своему тоже показательна, потому что и здесь, как и в газетных статьях или в интервью политиков² заметны сдвиги от резкого негатива к новому пониманию Макиавелли как носителя некоторого особенного знания, в каком-то смысле элитарной политической премудрости, хотя, может быть, двусмысленной и окрашенной пессимизмом. Имя Макиавелли используется в компьютерных играх и телепередачах, оно стоит в названии PR агентства политических технологий и магазина модной одежды³, в Интернете можно найти посвященные ему страницы и полуфантастические цитаты из сочинений флорентийца⁴.

¹ Сегодня эта задача отчасти облегчается, но в то же время усложняется во много раз благодаря электронным публикациям в Интернете.

² Например, в радиоинтервью еще одного бывшего премьер-министра страны, В.С.Черномырдина: Макиавелли читал еще до избрания премьером, жалеет, что не успел использовать «его постулаты» (16.10.1998. Российское радио, передача «Персона грата», 15.50)

³ См. Флоренция в Москве... С. 31; Жизнь и текст... С. 181–182.

⁴ Например, популярный в свое время психолог В. Леви приводит такое высказывание, якобы принадлежащее Макиавелли: «Государь, обманывает своих подданных настолько, насколько они сами желают обманываться, но не более».

Венцом такой популярности Макиавелли я считаю набор подобных псевдоцитат, который встретился мне на стене конторы автосервиса, почему-то с аллюзией на их украинское происхождение (Микола Макиавелли) – содержание сводилось примерно к тому, что человек, желающий быть князем, должен скрывать свои мысли от окружающих и не ждать благодарности.

Остается ответить на вопрос – имеет ли все это отношение к Макиавелли, к Ренессансу и к истории в целом? По-видимому, имеет, по крайней мере, не меньшее, чем рассуждения о макиавеллизме и сталинизме и тому подобные, которые не чужды и сочинениям, претендующим на научность. В каждом случае не всегда можно отличить, что является мифом, а что истиной, трудно также судить о том, прибавилось ли в современной России «макиавеллистов» или «антимакиавеллистов». Единственное, что можно констатировать определенно, это растущее умножение точек зрения, и, к сожалению, плохо обоснованных, а то и вовсе безграмотных утверждений. Свобода порождает безответственность. Вместе с тем это еще одно подтверждение редкостной жизнеспособности ренессансного мыслителя, потому что и новые мифы служат таким подтверждением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Избранный нами подход затрудняет подведение итогов: главное содержание работы заключается в самом её материале, в галерее исторических фигур, которых мы касались в их связи с Макиавелли. Отбор этих фигур был в какой-то степени произвольным, но вместе с тем достаточно полным, так что вследствие многочисленности указанных связей они прочерчивались иногда буквально штрихами, и общая картина получилась мозаичной, дробной.

Тем не менее на её основе можно высказать несколько соображений по существу рассмотренных нами фактов историко-культурного взаимодействия. В случае с Макиавелли напрашиваются два характеризующих их образа. Во-первых, образ матрёшки – каждый новый уровень прочтения Макиавелли прячет под собой другой, более глубокий. Речь идёт именно о глубине проникновения, а не о простой смене позиций в зависимости от времени или политических взглядов читающих. Тексты Макиавелли таковы, что они действительно дают основание как для самых поверхностных, так и для самых глубоких суждений. Есть резон, например, и в том, что «Государь» можно рассматривать как учебник тиранов – если найдутся настолько умные тираны, чтобы чему-то научиться в нём. Можно говорить и о том, что флорентийский секретарь рассуждает в своих книгах как безбожник. Но не меньше оснований найдётся, чтобы сказать, ссылаясь на те же книги, что он ненавистник тиранов или человек, высоко ставивший религию, а то и, как полагают некоторые новейшие авторы, внутренне благочестивый¹.

¹ В частности: *De Grazia S. Machiavelli in hell.* Princeton (N.Y.), 1989. Ср. рецензию *Berardi G.F.* II «pentito» ser Niccolo // *Rinascita. Nuova Serie.* Roma, 1991. № 7. P. 69–70; *Di Maria S. Machiavelli in America...* P. 80–88.

Поэтому при углублённом чтении возникает желание примирить подобные очевидные противоречия с помощью более изощрённой трактовки – скажем, республиканец Макиавелли написал апологию монархии из патриотических или просто профессионально-политических побуждений. Или, скажем по-другому, идеолог флорентийского пополанства Макиавелли выразил в такой форме исторически обусловленный компромисс между новым капиталистическим и несдающимся феодальным миром. Как мы уже говорили, такие мнения имеют право на существование, и на своём уровне, в своей системе координат они могут быть справедливы, они действительно объясняют «загадку» Макиавелли, которую старались разгадать поколения исследователей.

Ещё один уровень понимания Макиавелли – это стремление объяснить его с позиций историзма, изнутри его эпохи и изнутри личности. Этот метод требует уже не просто прочтения автора, но того или иного прочтения всего Ренессанса, по меньшей мере, ренессансной Италии.

Он был в моде у историков лет сто назад, но и сейчас такие попытки делаются.

Наконец, следующий уровень, это прочтение, которое можно назвать философским, то есть встраивание Макиавелли в контекст всей истории культуры и в определённую концепцию мироздания, желание объяснить его фигуру как символ отвлечённой идеи, как вечный спутник человечества: выражение неумолимости политической логики, или вечного нравственного проклятия политики, или несовместимости деятеля и теоретика в одном человеке.

Как бы то ни было, все эти уровни не исчерпывают полноту возможностей и снятие каждого из них открывает новую перспективу, что связано со вторым из упомянутых образов взаимодействия – образом зеркала. Он характеризует на этот раз не предмет, а скорее того, кто предмет изучает и находит в нём отражение собственных взглядов и чаяний. Для Макиавелли этот образ особенно

подходит, поскольку он вызывает у читателя желание занять определённую позицию, он задаёт ему прямой вопрос, требующий решения.

К тому же в политике человеческие пристрастия действуют ещё сильнее, чем в искусстве или допустим, в гастрономии, поэтому читающий Макиавелли и судящий о нём политик или человек, имеющий вкус к политике, всегда невольно выражает и себя.

В большинстве случаев, однако, Макиавелли бывал истолкован чересчур пристрастно, даже если не говорить о стереотипах его восприятия в массовой культуре, в том числе интеллигентской. Уже в том, что мы прочитываем на раскрытой перед нами странице, и в том, что привлекает на ней наше внимание, проявляются ожидания, внушённые и продиктованные традицией. С её помощью работает приводной механизм истории – через преобладающие мнения, через модные цитаты.

Давление традиции сказывалось на тех наборах цитат, которые служили в разные эпохи для общего восприятия Макиавелли. В них попадали и совершенно ему чужие принципы, как *divide et impera*, в чём повинны такие антимаккиавеллисты, как Антонио Поссевино, составивший свой трактат ещё в конце XVI в. Но и в наш век дайджестов общественное мнение не уходит от стереотипов, что естественно, необходимо, и наверное, даже полезно, только не всегда приближает его к истине. Больше всего во все века читателей привлекали слова Макиавелли о правильном применении «жестокостей», его *dubbio* (диспут с самим собой) о том, важнее ли для правителя любовь или страх, донныне до конца не понятая глава XV «Государя» с её дихотомиями человеческих качеств, иногда – его глава XXVI; в нашей историографии – отрывок из «Истории Флоренции» с речью чомпи и т.д.

Всегда Макиавелли оказывается в центре самых острых общественно-политических споров и всегда читатели Макиавелли ощущают его актуальность, приложимость к сегодняшним болевым точкам. Но определённого ответа,

что же хотел сказать Макиавелли и каков его совет, они не получают никогда, потому что такого ответа не существует. Сколь справедливо ни было бы говорить о том, что историческое призвание Макиавелли оказывалось связано с вопросом о соотношении целей и средств, о том, что разные пути ведут к одному результату, о сочетании нравственности и целесообразности – всё это не исчерпывает его сути. Макиавелли может помочь думающему читателю находить во всём сильные и слабые места, но сам он (как мыслитель, а не как действовавший в своё время политик) не даёт рецептов, а показывает возможные продолжения ситуации, грядущие подъёмы и спады, он размышляет, помогая взглянуть на себя и общество со стороны.

Применительно к русской истории, в частности, которую в самое последнее время стало модным выстраивать по разным моделям, чтение Макиавелли приводит прежде всего к вопросу о роли в ней лидеров и вождей, «новых государей». Последние в России особенно остро ощущали проблему выбора: управлять или быть управляемым, обозначенную и у флорентийца. Личное начало власти и склонность к произволу здесь всегда преобладали над правовым началом и законностью. Государя, пытавшиеся пойти навстречу общественному самоуправлению, «свободе» в понимании Макиавелли, то есть главенству закона и невмешательству в дела граждан, воспринимались как слабые, «готовили собственный крах», выражаясь словами «Государя». Поэтому правители так ревностно и подозрительно относились к попыткам поучать их, к несчастью для непрощенных наставников, которые повторяли судьбу самого флорентийского секретаря, как Пересветов, Крижанич, Волынский.

Более решительные и проницательные люди, знавшие «как надо» и ощущавшие это как свой долг, пробовали взять власть и ответственность на себя «чрезвычайным» путём, хотя и безуспешно (Пестель). Ленину впервые удалось как будто поменять местами верх и низ в России,

используя хорошо знакомые Макиавелли методы: переворот, диктатуру, понимание психологии масс, групповых интересов. Но создать принципиально новое общество не удалось, «материя», как называл это Макиавелли, оказалась непригодной для «благородной формы», исторические обстоятельства снова оказались сильнее благих пожеланий, хотя и подкреплённых силой. Усилия другого удачливого реформатора, Петра Великого, оказались в своё время более плодотворными, впрочем, и переворот, совершенный этим наследственным государем, не был столь радикальным.

По результатам наших разысканий, изложенным в отдельных главах ¹, можно заметить следующее:

¹ В ходе предпринятой работы были получены некоторые новые данные дополняющие, уточняющие или исправляющие фактические ошибки предшествовавших исследователей, а также устанавливающие ранее неизвестные факты; более подробно они изложены в отдельных статьях. По XVI в. в их число входят разыскания по семье Тедадьди, западным знакомствам И. Пересветова, установление прямых заимствований из Макиавелли в записках папы Иннокентия IX. Применительно к XVII в. было сделано дополнение к опубликованной части рукописи Ю. Крижанича, обнаружены некоторые книги из библиотеки С. Полоцкого-С. Медведева.

Для XVIII в. идентифицирован подносный экземпляр рукописного перевода Ф. Прокоповича из библиотеки Петра I и отдельные книги из библиотек Д.М. Голицына, Р. Саншеса, А.Н. Радищева. Наконец, факты из литературной жизни XIX в.: установлено авторство М. Погодина (перевод) и Т. Маколея в анонимных публикациях. Опубликованы также несколько служебных писем, составленных Макиавелли, из коллекции Н.П. Лихачева. Некоторые публикации автора по теме:

1. Machiavelli nello specchio della critica sovietica degli anni 70 // *Storia e Politica*. A.22. fasc.2 Milano, 1983. P. 339–352.

2. Макиавелли в советской литературе последнего десятилетия // *Средние века*. Вып. 49. М., 1986. С. 183–194.

3. *Этика Макиавелли*. М., 1990.

4. Ревностный гонитель памяти Макиавелевой // *Средние века*. Вып. 56. М., 1993. С. 233–250.

5. Письмо с необычной судьбой // *Культура и общество Италии накануне нового времени*. М., 1993. С. 167–176.

применительно к XVI в. мы могли говорить о «макиавеллических» фигурах, сверстниках и младших современниках флорентийца, имевших то или иное отношение к России и одновременно вызывающих сравнения с его творчеством (Пересветов, Максим Грек, Иван Грозный, Поссевин). Но проследить какие-то прямые связи для этого времени не удаётся.

XVII в. в нашем контексте представляется переходным от почти полного незнания западной политической литературы к постепенному включению в западноевропейский культурный ареал, происшедшему уже при Петре.

В XVIII в., хотя и очень приблизительно, намечаются противоположные тенденции восприятия Макиавелли в двух группах высшего класса: фрондирующие сановники и первые вельможи России относятся к нему с симпатией и интересом (Голицын, Вольнский, возможно, Толстой), дворянские же писатели и просветители, как Татищев и Кантемир, безоговорочно стоящие за самодержавие, отзываются о нём негативно. Так, Макиавелли оборачивается к России более своей ипостасью революционера, чем наставника государей. В то же время его имя сразу стало приобретать известность в России как готовый элемент политической культуры Запада, символ дурного политика, что не могло не сказаться в дальнейшем.

Указанные тенденции, также весьма условно, прослеживаются и в XIX в. – большой интерес Макиавелли вызывал у писателей и публицистов революционного лагеря, некоторые историки даже сочли его антиэтатистом. В трудах флорентийского секретаря оказались заложены и вопросы, волновавшие людей XIX в. – наполеоновская

6. Макиавелли. Из неопубликованных служебных бумаг // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1992 г. М., 1993 г. С. 8–15.

7. Макиавелли и марксизм // Средние века. Вып. 58. М., 1995 г. С. 112–132.

8. Сталин и Макиавелли. Заметки о политике и морали // Новая и Новейшая История, 2008. № 4. 152–165.

проблема героя и толпы; противоречия между долгом и нравственностью, свободой и грузом ответственности, общим благом и приносимыми ему жертвами.

Для советского XX в. наиболее существенно заложенное в марксистской теории стремление заменить морализирование «наукой». Отсюда общее сочувственное отношение у некоторых новейших авторов к Макиавелли, сопровождаемое, однако, оговорками, которые сводят на нет все разговоры о «правде вещей». К сожалению, наука в наше время слишком часто бывала средством насаживания индивидов на булавки, как это делают с насекомыми энтомологи, хотя должна бы быть средством преодоления человеческой ограниченности.

Другая сегодняшняя тенденция – оценивать великого итальянского мыслителя в его связи с эпохой Ренессанса, в зависимости от того, считать ли её началом всемирно-исторического кризиса нравственности, временем выработки, напротив, системы общечеловеческих гуманистических ценностей, или особым этапом в истории культуры, предполагающим выработку новых мыслительных структур. Это позволяет воспринимать Макиавелли совершенно по-разному, часто в полностью противоположных друг другу категориях. Но такова уж его историческая судьба. По крайней мере политическая действительность обещает книгам Никколо Макиавелли долгую жизнь.

РЕЗЮМЕ **второй книги**

Sommario

Il tema della fortuna delle opere machiavelliane nelle aree storico-nazionali é diventato tradizionale per la storiografia moderna. Anche gli storici della Russia non hanno trascurato quest' argomento il quale nel modo più ampio fu trattato nell'articolo di J.Malarczyk circa 40 anni fa.

Il ritorno al tema di Machiavelli oggi permette di osservare la storia russa sotto l'angolo della morale e la politica, il cui conflitto per generazioni si concentrava nella figura ambigua del Segretario fiorentino.

Ciascuno degli ultimi cinque secoli di storia russa era marcato da un atteggiamento particolare verso Machiavelli.

Nella Moscovia del XVI contemporanea al grande italiano, dove si conosceva poco il pensiero occidentale, certi paralleli e riferimenti sua opera si tracciano a proposito di tali personaggi come Ivan Peresvetov, Massimo il Greco, Ivan il Terribile, Antonio Possevino. Qui si svolgeva il dibattito sui rapporti fra legge e potere, sul problema della giustificazione della violenza statale, sul posto della chiesa nello stato, – ma piuttosto nei limiti del modello turco (secondo Machiavelli) e non quello occidentale, con maggiore indipendenza di singoli ceti e individui.

Le prime notizie sui Machiavelli giungono in Russia nel XVII attraverso l'Europa Orientale, particolarmente grazie all' influenza polacca e ad alcuni libri occidentali arrivati fin qui: Lipsio, Saavedra Faxardo, Fr.Bacon, Traiano Boccalini, W.Kochowski; li troviamo ad esempio nella biblioteca di Simeon Polotski, un' «occidentalista» del XVII.

Un giudizio più dettagliato sul «machiavellismo», ispirato dalla polemica fra cattolici e protestanti si vede nel libro manoscritto «La Politica» («Razgovory ob vladatelstvu») del croato letterato Yurij Krizanic il quale proponeva i suoi servizi allo zar.

La possibilità della conoscenza diretta della cultura occidentale e fra l'altro delle opere originali di Machiavelli si era aperta al lettore russo sotto Pietro il Grande. I frati dall'Ukraina istruiti nei collegi gesuiti hanno portato in Russia l'immagine di un Machiavelli perfido politico, così rappresentato nelle allegorie trionfali delle vittorie di Pietro il Grande. Contemporaneamente nelle biblioteche di più celebri collaboratori di questo «principe nuovo» si custodivano i libri del Segretario fiorentino.

Secondo alcune testimonianze, a questo periodo risale la prima traduzione de «Il Principe» in russo. Unica fu la storia di questo manoscritto (finora non ritrovato): la lettura di quello era fra le accuse contro il principe D.M.Golitzyn, uno dei «verchovniki» (capi dello stato), processato sotto l'imperatrice Anna Ioannovna nel 1737, e poi contro un ministro di quella, A.P.Volynskij, suppliziato nel 1740. Volynskij fu uno dei giudici di Golitzyn e s'impossessò del manoscritto sequestrato, come disse, «per curiosità»; d'altronde, le opere di Machiavelli si trovavano nelle raccolte dei suoi «confidenti».

L'ambiguità dell'interpretazione del Machiavelli ormai nel XVIII consisteva non soltanto nella divergenza fra il concetto «comune» (secondo un'espressione di Puškin) del «machiavellismo» e la comprensione delle opere machiavelliane dall' élite intellettuale. E da notare che il Machiavelli fu ripudiato piuttosto dai fedeli servitori dell'autocrazia i quali vedevano in lui il famigerato precettore dei tiranni, mentre l'interesse per il fiorentino dimostrano i riformatori e i rappresentanti dell'opposizione.

Nel XIX le idee profonde sulla sostanza del problema machiavelliano espressero due geni della letteratura russa – Puskin e Dostoevskij, nelle loro riflessioni sopra la natura umana. La conferma di suoi pensieri sullo stato trovavano negli scritti del fiorentino Leone Tolstoj e rivoluzionario-anarchista Michele Bakunin.

Machiavelli fu letto dai decabristi e rivoluzionari-democriti, ma anche dai pubblicisti del campo di «protezione». Dalla metà del secolo cresce il numero di studi sul Segretario fiorentino il quale viene trattato per lo più con rispetto; vedono la luce le traduzioni delle sue opere. Con la diffusione della cultura di massa, d'altronde, vengono stereotipate, fra l'altro' grazie alle belle lettere, le immagini correnti del Machiavelli - perfido politico e istruttore di tiranni. Nele stesso tempo al varco dei secoli XIX e XX non mancano ad apparire delle interpretazioni originali dell' opera sua (Kovalevskij, Aleksejev etc.)

Dopo la rivoluzione d'Ottobre del 1917 gli studi storici come pure tutta la cultura procedono sotto il dominio dell'ideologia ufficiale marxista. Per quanto riguarda Machiavelli, i pochi riferimenti fatti a lui dai classici del marxismo sono positivi. La concezione filosofica machiavelliana é affine al marxismo, in quanto sottomette la sfera della morale alla necessità storica. Il punto forte di tali dottrine sta nella scoperta delle realtà di interessi sotto qualsiasi ideologia, ma nel loro aspetto positivo corrono il rischio di mettersi incautamente dalla parte di cosiddetti «benefattori dell' umanità». Machiavelli, però, si esprime contrario a simili utopie.

Questa malattia si era manifestata già nell'attività di Lenin, e soprattutto in quella di Stalin. Si diceva che il «Principe» fu il suo libro di tasca (recentemente, secondo alcune notizie, fu ritrovato un volume di Machiavelli con sottolineamenti dalla mano di Stalin). D'altro canto, il procuratore Vyscinskij accusando gli oppositori al processo del blocco «trozkista-zinovjeviano» trattava Machiavelli come «sbarbatello» e «villano» in confronto con quelli. Negli studi di storici, filosofi, giuristi, filologi si confermò un'interpretazione ambigua del Machiavelli, visto come un pensatore «primo borghese», rappresentante da un lato, del carattere «progressivo» di questa classe, ma dall' altro lato, storicamente limitato.

Negli ultimi anni le riflessioni originali su Machiavelli hanno proposto L.Batkin che ha compreso «Il Principe» come il culmine del modello rinascimentale dell'individuo, con il suo proteismo, e lo storico della letteratura R.Chlodovskij il quale porto avanti la tradizione dell'interpretazione sociale dell'opera creativa del Segretario fiorentino seguendo le orme di A.Gramsci.

Con tutto questo, nella stampa di massa il nome di spesso annoverato Machiavelli rimane legato più che atro alla teoria del «fine che giustifica i mezzi».

In Russia, come dappertutto, l'interpretazione dell'opera di Machiavelli può essere paragonata a un'immagine a specchio di processi storici interni, attraverso le riflessioni di lettori le quali vanno classificate a gradi, della maggiore o minore profondità.

Malgrado la diffusione pur comprensibile di stereotipi riguardanti l'opera di Machiavelli, la sua esplosività implicita genera ogni tanto l'interesse sempre nuovo per lui, soprattutto a causa dell'importanza del principio personale del potere in Russia, e con tutta la probabilità così sarà nel futuro visibile.

Machiavellian Myth in the time of reforms (Russia on the eve of XXI century)

The work of Machiavelli is a subject of historical studies which have particular actuality. It was always connected with moral ambivalence of political action.

Ideas of the past are living in the minds of people as stereotypes or myths. On one side, historical research creates new myths, on the other it corrects the old ones. Every environment has treated Machiavelli on the base of several contradictory stereotypes: between

his utopianism and scepticism, monarchism and respublicanism, piety and atheism, political unluckiness and perspicacity and so on.

Soviet Russia added to this list a contrast between the bourgeois progressive role of Florentine Secretary and his historically determined narrow-mindedness. In Russia at all times the attitude towards Machiavelli was rather wary, because of his political double-edged reputation from which suffered many statesmen (in XVIII century Golitsyn, Volynskij; in XIX Pestel, in XX Kamenev).

Instability and crisis of contemporary Russia have raised much interest to Machiavelli that can be nourished today on more information. Many editions and reprints of new and old translations have been published. Russian reader can make acquaintance with the points of view of different foreign authors, often chosen by chance, from classical political scientists (I. Berlin) to the biography and comics. There are many anthologies, review's sketches, extracts and discussions, reflections in fiction with fantastic references to the Muscovy of XVI century.

What about academic research, there are not so much new ideas about Machiavelli; he is considered as typical Renaissance man, as the inventor of pure politics, on the other side his authorship of the maxim «The end justifies the means» is being denied.

A new tendency is to represent Florentine Secretary no more as an atheist, but as quite pious thinker (publications of his «Exhortation to penitence» translated in Russian).

Even in mass culture cold be found traces of the fashion on Machiavelli, from an inscription in car repair shop to the name of a PR agency and pseudo-Machiavellian citations on Internet sites.

Interesting are the manifestations of this fashion in political life. Mention of Machiavelli is of good style to the politicians. It seems to be a handbook to the deputies of Parliament. Some representatives of «elite» were trying to introduce the knowledge of Machiavelli, organizing discussions within new Florentine Society which collected scholars, politicians, functionaries, businessmen keen of Italian culture and especially of Machiavelli. They published several books (The Maxim of Machiavelli – Lessons for Russia in XXI century; Florence in Moscow – Ideas of Machiavelli in Russia of XXI century, and other) and discussed problems of modern history with the particular stress on Machiavelli (Machiavelli and Stalin, rulers and advisers, tradition of «family» government, Machiavelli and actual politics of Russia, USA and so on). As they say, «We are living in the same age with Machiavelli».

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

І. Издания Макиавелли в России

1. *Istorie florentine*. Riga, appresso Plutarpi. 1768. Parte prima e seconda.
2. Выписки из Макиавеля о войне римлян; замечания его о силе белого или холодного оружия; мнения о том же Петра Первого, графа де Сакса и Суворова // *Русский вестник*. М., 1809. №6.
3. Воззвание к жителям Италии // *Русский вестник*. М., 1813, № 6.
4. Князь или владелец // *Русский вестник*. М., 1817. № 1–2.
5. Бельфегор. Повесть из Макиавеля – с итальянского // Мнемозина. Собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемое кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером. М., типогр. имп. Московских театров, 1824. Ч. 3.
6. Бельфегор. (Повесть из Макиавелли. С итальянского) // Галатея. М., 1830. № 29.
7. Чёртов колпачок, или Что на уме, то и на языке. Фантастическая сказка-водевиль в I действии А. Дартуа, Ж.А. Сен-Жоржа и Ж. Вернэ («Belphegor, ou le bonnet du diable») / Пер. с франц. П.Н. Арапова. СПб., 1833.
8. Военное искусство, сочинение Макиавелли / Пер. капитана М. И. Богдановича (Военная библиотека, с высочайшего соизволения посвященная Российской армии. Т. 4. Войны средних времён). СПб., 1839.
9. Государь (Il Principe) и рассуждения на первые три книги Тита Ливия / Пер. под редакцией Н. Курочкина. СПб., 1869. Рецензии: Санкт-Петербургские Ведомости. СПб., 1869. № 243. С. 2; Библиограф, Спб., 1869. Т. I, № 2. С. 88–95.
10. Монарх. Сочинение Николая Макиавеля / Перевёл с нем. Фёдора Затлера. СПб., 1869.
11. /Государь, Рассуждения о первых 10 книгах Тита Ливия / Общедоступная философия в изложении А. Пресса. Вып. III. СПб., 1900.
12. Князь / Пер. с итал. С.М. Роговина. Изд. Н.Н. Ключкова. М., 1910.
13. Мандрагора / Пер. А.В. Амфитеатрова // Собр. соч. А.В. Амфитеатрова. Т. XXIX. СПб., 1914.
14. Мандрагора / Пер. А.Н.Островского / Памяти А.Н. Островского (Сборник статей об Островском и неизданные

труды его). Пг., 1923. Переиздано в Полн. собр. соч. А.Н. Островского. Т. 9. М., 1978.

15. Мандрагора. Комедия в 5 действиях / Пер. с итал. В.Н. Равкин-та. Вст. Ст. Я.Н. Блоха (Серия «Театр» под ред. Д. К. Петрова и Я.Н. Блоха. Памятники мирового репертуара. Вып. 5). Берлин, 1924.

16. Сочинения. Вст. ст. и ред. А.К. Дживелегова. Предисловие Л. Каменева. Пер. А.Г. Габричевского, А.К. Дживелегова, М.А. Петровского, М. С. Фельдштейна. С.В. Шервинского. Т. 1. М.-Л., Academia, 1934.

Рецензии: Матвеев Я. Наследство великого флорентийца // Художественная литература. М., 1934. №7. С. 46–49; Фридлянд Ц. Никколо Макиавелли. Сочинения // Известия. 2 июля 1934 г., №127 (5375). С. 4; *Спаский Ю.* На заре туманной юности // Литературная газета. 20 марта 1935 г. М., 1935. № 16 (507). С. 2.

17. О военном искусстве. М., Госвоениздат Наркомата обороны СССР, 1939. Рецензии: *Казарин А.И.* Никколо Макиавелли. О военном искусстве // Военная мысль. М., 1940. № 7. С. 121–126; *Зубков И.* Искусство войны Макиавелли // Военно-исторический журнал. М., 1940. № 7. С. 129–133.

18. Отрывок из «Истории Флоренции» о восстании чомпи // Хрестоматия по истории средних веков. Т. II. М., 1950. С. 231–241.

19. Мандрагора / Пер. А.К. Дживелегова. Послесловие и примечания И.П. Володиной. Л.; М., 1958.

20. Мандрагора // Комедии Итальянского Возрождения / Сост. и вст. статья Г. Бояджиева. М., 1965.

21. История Флоренции / Пер. Н. Я. Рыковой. Общ. ред., послесловие и комментарии В.И. Рутенбурга. Л., 1973. Переиздано в 1988 г.

22. Избранные сочинения / Пер. Г. Муравьевой, Е. Солоновича, Р. Хлодовского, Н. Томашевского и др. М., Художественная литература, 1982.

23. Государь (Пер. Г.Д. Муравьевой). М., Планета, 1990.

24. Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. М., 1991. Отрывки из «Рассуждений» (С. 251–259).

25. Жизнь Никколо Макиавелли (сб.) / Сост. Ю.В. Артемьева. Вкл. «Государь» в пер. Г. Муравьевой и главы из «Рассуждений» в пер. Р. Хлодовского.

26. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве М., Мысль, 1996.

II. Литература, касающаяся судеб Макиавелли в России

27. *Амфитеатров А.В.* Никколо Макиавелли // Собр. соч. А.В. Амфитеатрова. Т. XXIX, СПб., 1914. С. 113–315.
28. *Бурлацкий Ф.М.* Загадка и урок Никколо Макиавелли. М., 1977. С. 192–198.
29. *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958.
30. *Малярчик Я.* Политическое учение Макиавелли в России, в русской дореволюционной и советской историографии // *Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodovska. Sectio G. Lublin*, 1960. Vol. 6. P. 1–20.
31. *Несмеянов Е.Е.* Сталинизм и макиавеллизм: Стили мышления // Социально-политический журнал. 1993. № 9/10. С. 120–127.
32. *Парсамов В.С.* О восприятии П.И. Пестеля современниками (Пестель и Макиавелли) // Освободительное движение в России. Вып. 13. Саратов, 1989. С. 23–33.
33. *Полосин И.И.* О челобитных Пересветова // Учёные записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 35. Кафедра истории СССР. Вып. II. М., 1946. С. 25–55.
34. *Рейфман П.С.* Макиавелли и литературно-общественная борьба 1860-х гг. Тезисы доклада // Филологические науки в Тартуском университете. Тарту, 1982. С. 113–117.
35. *Рейфман П.С.* Два упоминания о Макиавелли (Достоевский и Чернышевский) // Тартуский университет. Учёные записки. Вып. 683. Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия. Тарту, 1986. С. 20–31.
36. *Шаркова И.С.* «Анти-Макьявелли» Фридриха II и его русские переводы // Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979. С. 106–111.
37. *Эйдельман Н.Я.* Пушкин. Из биографии и творчества. 1820–1837. М., 1987. С. 247–254.
38. *Cordié C.* La diffusione del Machiavelli in Russia (Рецензия на статью Я. Малярчика) // *Rivista di letterature moderne e comparate*. F., 1961 / № 1–2. P. 125–126.

39. *Danti A.* Machiavelli e l'Europa Orientale // *Accademie e biblioteche d'Italia*. R., 1970. Maggio-giugno. № 3. P. 180–189.

40. *Malarczyk J.* Machiavellismo e antimachiavellici nell'Europa Orientale del Cinquecento // *Machiavellismo e antimachiavellici nel Cinquecento*. Firenze, 1969. P. 106–114 (II *Pensiero politico*. 1969, a, 2, N 3).

41. *Procacci G.* Machiavelli rivoluzionario // *Machiavelli N. Opere scelte*. Roma, 1973.

42. *Tamborra A.* Machiavelli nell'Europa Orientale nei secoli XVI–XVII // *Cultura e Scuola*. A.IX. F., 1970, N 33–34, p. 142–146;

43. *Id.*, *Studi storici sull'Europa orientale: Raccolta per il 70 compleanno del Pautore*. R., 1986. P. 47–67.

44. *Venturi F.* Malarczyk J. *Politieskoe uchenie Machiavelli v Rossii* // *Rivista storica italiana*. A. LXXXV. Napoli, 1963. fasc. 2. P. 394–396.

45. *Abransky Ch.* *Kamenev's Last Essay* // *New Left Review*. L., 1962, may. P. 34–38.

III. Сочинения о Макиавелли, изданные в России или на русском языке

46. *Алексеев А.С.* Политическое учение Макиавелли // *Юридический вестник*. М., 1879, № 3. С. 316–351. № 4. С. 536–573.

47. *Алексеев А.С.* Учение Макиавелли о нравственности и утилитаризм / *Юридический вестник*. М., 1879. № 7. С. 3–41; № 9. С. 421–455.

48. *Алексеев А.С.* Макиавелли как политический мыслитель. М., 1880.

Рецензии: *Дело*. СПб., 1880. № 4. С. 1–31; *Русская мысль*. М., 1880. Кн. 3. С. 1–5; *Сборник государственных знаний*. СПб., 1880. Т. 8. С. 45–59; *Стороженко Н.* Новая книга о Макиавелли // *Вестник Европы*. СПб., 1880. Т. 3. Кн. 6. С. 259–372 и он же. *Из области литературы*. М., 1902. С. 305–324.

49. *Алексеев Н.Н.* *Идея государства. Очерки по истории политической мысли*. Нью-Йорк, 1955. С. 259–276.

50. *Алисова Т.Б.* Особенности становления норм итальянского письменного-литературного языка в XVI в. // *Труды института языкознания*. М., 1960. Т. 10. С. 177–203.

51. *Андреев М.Л.* Итальянская трагедия позднего Возрождения и *ragion di stato* // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 76–86.

52. Анти-Макиавель, или Опыт возрождения на Макиавелеву науку о образе государственного правления, сочинён ныне славно владеющим королём прусским Фридериком II. СПб., 1779. Рецензия: Санкт-Петербургский вестник, содержащий все указы Ея Императорского Величества и правительствующаго сената... Ч. VII, декабрь–июнь 1781 г.

53. *Архангельский С.* Социальная история Флоренции и политическое учение Макиавелли // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 4. 31. СПб., 1911. Январь. С. 1–59.

54. *Бакунин М. А.* Коррупция. О Макиавелли. Развитие государственности / Предисловие и публикация Н.М. Пирумовой // Вопросы философии. М., 1990. № 2. С. 53–66.

55. *Баткин Л.М.* Макьявелли: опыт и умозрение // Вопросы философии. М., 1977. № 12. С. 105–118.

56. *Баткин Л.М.* Макьявелли об индивиде как субъекте исторического действия: Письмо к Пьеро Содерини // Идеи Возрождения и философия нового времени. М., 1986. С. 77–101.

57. *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.

58. *Баткин Л.М.* Понятие об индивиде по переписке Никколо Макьявелли с Франческо Веттори и другими // Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 204–239.

59. *Блезник Д.В.* Реакция в Испании на Макиавелли в XVI–XVII вв. Реферат статьи из *Journal of history of ideas*. Т. 19. N 4 // Вестник истории мировой культуры. М., 1959, №3. С. 183–184.

60. *Бурлацкий Ф.М.* Загадка и урок Никколо Макиавелли // Новый мир. М., 1979. № 6. С. 81–83.

61. *Burlackij F.M.* L'enigma Machiavelli (Novelle storiche e sociologiche) / Trad, dal russo di S. Reggio. М., 1986.

62. *Вальденберг В.Е.* Основания макиавеллизма II Вопросы философии и психологии. М., 1897, март-апрель. С. 219–239.

63. *Веселовский А.Н.* Итальянская новелла и Макьявелли // Санкт-Петербургские Ведомости СПб., 1865, № 65, 13(25) марта. С. 1. То же в Собр. соч. Т. 3. СПб., 1908. С. 13–22.

64. *Виллари П.* Никколо Макиавелли и его время. Т. I. Со вступительной статьей пр. М.М. Ковалевского. Пер. с итал.

И.М. Кригеля. Ред. А.Л. Волынский. СПб., 1914. Рецензии: Голос минувшего. М., 1916, № 3. С. 278–281; Исторический вестник. Пг., 1916, № 3. С. 877–879.

65. *Виноградов В.Д., Иванов Д.В.* Другой Макиавелли // Вестник СПбГУ. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право. СПб., 1994, № 3. С. 38–47.

66. *Горфункель А.* Никколо Макиавелли – банкир или гуманист? // Возрождение: культура, образование, общественная мысль. Иваново, 1985. С. 76–84.

67. *Грамиши А.* Современный государь // Избранные произведения. ГЛИ. М., 1959.

68. *Грановский Т.Н.* Лекции Т.Н. Грановского по истории позднего средневековья (Записи слушателей с авторской правкой). М., 1971.

69. *Графский В.Г.* Никколо Макиавелли // Политические учения: история и современность. М., 1976. С. 230–261.

70. *Давыдов Ю.Н.* Этика и перестройка // Опыты. Литературно-философский ежегодник. М., 1990. С. 6–48.

71. *Дельтуф П.* Рец. на кн.: Deltuf P. Essai sur les oeuvres et la doctrine de Machiavel. P., 1867 // Вестник Европы. ТЛИ. СПб., 1867. С. 13–14.

72. *Джисвелегов А.К.* Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. Сочинения Т. I. М.; Л., Academia, 1934. С. 5–88.

73. *Долгов К.М.* Ренессанс и политическая философия Макиавелли // Новый мир. 1981. № 7, 8.

74. *Долгов К.М.* Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 3–128. Рецензия: Знамя. М., 1987. С. 22–168.

75. *Долгов К.М.* Итальянские этюды. Человек и история: поиск истины и красоты. М., 1987. С. 22–168.

76. *Дроздова А.* Герой и жанр в елизаветинской трагедии // Проблемы стиля и жанр в театральном искусстве. М., 1979. С. 56–68.

77. *Дурденевский В.Н.* Макиавелли и государственная наука (К четырёхсотлетию со дня смерти) // Советское право. М.; Л., 1927. № 3. С. 68–95.

78. *Жуковский Ю.Г.* Политические и общественные теории XVI в. // Современник. СПб., 1861. Т. 88. С. 37–98 и отд. издание СПб., 1866.

79. *Зайцев В.К.* «Князь» Макиавелли и «Осман» Гундулича // Советское славяноведение. М., 1972, № 3. С. 31–37.

-
80. *Зорькин В.П.* Политические взгляды Никколо Макиавелли // Вестник МГУ. Право. М., 1969. № 6.
81. *Карри П., Зарате О.* Макиавелли. Ростов-на-Дону, 1997.
82. *Касаткин А.А.* Никколо Макиавелли как теоретик языка // Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979. С. 85–92.
831. *Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. Т. I. М., 1906. С. 388–434.
84. *Комарова В.П.* Макьявелли и макьявеллизм в некоторых английских драмах эпохи Шекспира // Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979. С. 93–195.
85. *Корн Ф.* Рец. на кн.: Vorlander K. Von Machiavelli bis Lenin. Neuzzeitliche Staats-und Gesellschaftstheorien. Leipzig, 1926 // Советское право. М.; Л., 1928. №5(35). С. 80–90.
86. *Корнилович Э.* Читая Макиавелли // Беларуская думка: Минск, 1995. № 8–9. С. 18–21.
87. *Кравченко А.И.* Макиавелли: технология эффективного лидерства // Социологические исследования. 1993. № 6. С. 135–142.
88. *Кудрявцев П.Н.* Лекции. Сочинения. Избранное. М., 1991. С. 17–32.
89. *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 557–563.
90. *Маколей Т.Б.* Макиавель и его век // Московский Телеграф. М., 1828; № 5. С. 50–76 и 172–203.
91. *Маколей Т.Б.* Полное собрание сочинений. Критические и исторические опыты. Т. 1. СПб.: изд. Ник. Тиблена, 1860. С. 62–109.
92. *Маколей Т.Б.* Макиавелли // Отечественные Записки. СПб., 1856. Т. CVIII, № 9–10. С. 364–399.
93. *Максимовский В.В.* Выписки К.Маркса из сочинений Макиавелли // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. IV. М., 1929. С. 55–94.
94. *Максимовский В.В.* Идея диктатуры у Макиавелли // Историк-марксист. Т. XIII. М., 1929. С. 55–94.
95. *Максимовский В.В.* Взгляды Макиавелли на общество и классы II Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Л., 1933, № 3. С. 225–248; № 4. С. 291–306.
96. *Малярчик Я.* Политическое учение Никколо Макиавелли. Диссертация на соискание степени канд. ист. наук. Л., 1958.
97. *Малярчик Я.* Политическое учение Никколо Макиавелли в Польше // Правоведение. М., 1959. № 2. С. 153–62.

98. *Мамед-Заде И.Р.* Социально-этические взгляды Н. Макиавелли // Ин-т философии и права. Научная конференция молодых учёных. Июнь 1982 г. Материалы. Баку. 1982. С. 76–82.

99. *Медведев И.П.* Идея общественного договора в эпоху Ренессанса и ее античные корни (В связи с книгой П. Брюнеля) // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 136–140.

100. *Морли Дж.* Макиавелли. Публичная лекция, прочитанная в Шендокском театре, в Оксфорде, 2 июня 1897 г. № 9. С. 71–107.

1018. *Моэм У.С.* Тогда и теперь (Роман о Н. Макиавелли) / Пер. В.А. Вебера. Предисловие Н. Е. Покровского. М., 1989.

102. *Моэм В.С.* Миссия флорентийского секретаря: главы из романа «Тогда и теперь» / Пер. с англ. В. Вебера // Наука и религия. М., 1985. № 8. С. 43–49; № 9. С. 44–51; № 10. С. 47–54.

103. *Моэм У.С.* Тогда и теперь. Роман / Пер. с англ. Г. Крылов // Звезда. СПб., 1994. № 1. С. 71–95; № 2. С. 78–132.

104. *Нестеров Ф. Г.* Античные тираны в оценке Никколо Макиавелли // Идеология и политика в античной и средневековой истории. Сб. науч. ст. Барнаул, 1995. С. 123–131.

105. *Никитин Е.П., Никитина А.Г.* Загадка «Государя» (политизм как идеология политики) // Вопросы философии. М., 1997. № 1. С. 43–55.

106. *Новгородцев П.* Политическая доктрина пессимизма (Опыт характеристики политического учения Макиавелли) // Образование. СПб., 1898. № 1. С. 97–106, № 2. С. 117–124.

107. *Парсамов С.С.* Макиавелли в оценке Г. Риттера и Ф. Мейнеке // Средние века. Вып. 40. М., 1976. С. 234–247.

108. *Попов В.* Макиавелли // Русское слово. СПб., 1859. № 4. С. 201–236; № 5. С. 271–320.

109. *Потоцкий С.* О духе сочинений Макиавеля, сочинение сенатора и воеводы графа Стан. Потоцкого // Вестник Европы, издаваемый Мих. Каченовским. М., 1819. № 13. 14.

110. *Резник А.В.* Концепция политического лидерства в трудах Н. Макиавелли // Проблемы теории политики и права. М., 1989. С. 128–143.

111. *Рутенбург В.И.* Жизнь и творчество Никколо Макьявелли // Макьявелли Н. История Флоренции. Л., 1973. С. 365–380.

112. *Рутенбург В.И.* Титаны Возрождения. Л., 1976; 2 изд. СПб., 1991.

113. *Рыжков Н.* Перестройка: история предательств: М., 1992.

114. Словарь исторический или сокращённая библиотека, заключающая в себе жития и деяния: патриархов, царей, императоров и королей... Ч. IX. М., Университетская типография, 1792. С. 79–82.

115. Сочинения Эбелинга, Мундта, Маколея о Макиавелли // Москвитянин. М., 1851. Ч. III. С. 216–226.

116. *Степанов И.А.* Принципы Макиавелли о соотношении внутренней и внешней политики и их современное применение // Сов. ассоциация полит. наук. Ежегодник, 1980 г. М., 1982. С. 115–120.

117. *Степанов И.А.* Макиавеллизм и политическая мысль США. Минск, 1983. № 7. С. 90–96.

118. *Темнов Е.И.* Макиавелли. (Сер. «Из истории политической и правовой мысли»). М, 1979.

119. *Топор-Рабчинский В.* Макиавелли и эпоха Возрождения. Введение в изучение Макиавелли. Варшава, 1908. Рец.: Русская мысль, 1910, январь, библиогр. отдел. С. 9–11.

120. *Трубецкой Е.Н.* П К характеристике политических идеалов эпохи Возрождения // Киевские университетские известия. Киев, 1893. № 1.

121. *Трубецкой Е.Н.* Политическое миросозерцание эпохи Возрождения // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 331–351.

122. Фридрих II, см.: Анти-Макиавель....

123. *Фроммет Б.* Политика и интрига (По литературным источникам). Пг., 1916. С. 5–14.

124. *Хлодовский Р.И.* Кризис в ренессансной Италии и гуманизм Макиавелли: трагедия «Государя» // Из истории социальных движений и общественной мысли. М., 1981. С. 133–157.

125. *Хлодовский Р.И.* Трагический смех «Мандрагоры» // Античная культура и современная наука. М., 1985.

126. *Хлодовский Р.И.* Никколо Макиавелли // История Всемирной Литературы. Т. III. М., 1985. С. 130–137.

127. *Хлодовский Р. И.* Кризис пополанской культуры в зеркале поэзии флорентийского секретаря // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 188–195.

128. *Хлодовский Р.И.* Трагический гуманизм Н. Макиавелли. Политика, поэзия, человек // Андреев М.Л., Хлодовский

Р.И. Итальянская культура зрелого и позднего Возрождения. М., 1988.

129. *Царьков И.И.* Концепция Макиавелли о сущности власти // Юриспруденция. Тольятти, 1995. № 3. С. 47–50.

130. *Чебышев С.Н.* Политические воззрения Макиавелли и их интерпретация в буржуазной доктрине международного права. Казань, 1982. Деп. ИНИОН 14037.

131. *Шефтель З.Л.* К вопросу об исторических трудах Н. Макиавелли (Диссертация на соискание степени канд. ист. наук). Тбилиси, 1948.

132. *Шмюкле К.* Загадка Макиавелли. Пер. с нем. Рец. на кн.: Schubert J. Machiavelli und die politischen Probleme unserer Zeit. Zum 400 Todestag des grossen Florentiners. Berlin, 1927 // Историк-марксист. М., 1928. Т. 9. С. 159–163.

Аннотированное содержание второй книги

Введение

Макиавелли в мире. Литература о восприятии Макиавелли в России. Определение жанровых, хронологических и исторических границ темы. Основные задачи.

Глава первая. Вокруг Макиавелли. О некоторых путях и проводниках западного влияния в Русской публицистике XVI в.

Мысль Макиавелли и легенда о нём. Нравственно-политическая проблема. Первые издания сочинений Макиавелли. Переводы, посвященные полякам.

«Премакиавеллизм». Иван III. «Повесть о Дракуле». Ф. Курицын и А. Бонфини. Ф. Буонаккорси (Каллимах), его связи с семейством Тедальди и пребывание в Польше. П. Джовио. Макиавелли в Польше и Литве. А. Ротундус. Политические дискуссии конца века. Я. Замойский, Ф. Крыйский, Л. Госьлицкий, К. Варшевицкий. А. Поссевино, его участие в антимакиавеллиевской кампании. Вопрос об авторстве «Суждения против Макиавелли». Дж. Тедальди и другие представители этой семьи, их связь с Макиавелли.

Русские публицисты: Максим Грек, его пребывание в Италии, знакомство с А. Нифо, Савонаролой. Параллель с отрывком из Макиавелли. Общие исторические тенденции в Европе: централизация власти, религиозно-национальное размежевание. Светские защитники самодержавия. Ф. Карпов. И. Пересветов и приписанное ему знакомство с сочинениями Макиавелли (И. Полосин). Мнение А.А. Зимина и А. Данти. Жизненный путь Пересветова. Его предполагаемые связи с поклонниками Макиавелли в Восточной Европе – А. Вранчицем, А. Транквиллом, братьями Ласкими. Идеи Пересветова о военном призвании государя, о перенесении столицы, предпочтение царской «грозы» и правды вере. «Воинники» Пересветова вместо «народа» у Макиавелли.

Иван IV. Сомнительность наличия книг Макиавелли в Московии. Защита царём самодержавной власти в полемике с Курбским. Политические парадоксы: божественное

происхождение и несовершенство власти, «обозрительность», необходимость насилия, «милосердная» жестокость и обман. Иван Грозный как «новый государь» – создание режима личной власти. Политические минусы самодержавия.

Глава вторая XVII в. Отголоски мнений чужеземных эрудитов

Отгороженность от Запада и потребность в контактах с ним. Отход западных публицистов от возрожденческих проблем. Макиавелли становится именем-символом. Распространение понятия «макиавеллизм» в польской политической полемике. Западные веяния в России. «Привилегия» на создание Академии. Переводчики и переводы. Эпиграммы В. Коховского.

Ю. Крижанич. Его суждение о «макиавеллизме» и сходство с теоретиками «государственного интереса». Симеон Полоцкий и его книги. Его суждения о просвещённом царе (в сравнении с Аввакумом).

Глава третья. XVIII в.

Петровская эпоха. Характер источников сведений о Макиавелли: зарубежные издания и переводы.

Изображение Макиавелли в праздничных панегириках И. Туробойского. Политические трактаты в библиотеке Петра Г. Сааведра Фахардо, Г. фон Боде, «Лексикон» Будде. Преобразовательная деятельность Петра в свете учения Макиавелли. Д. М. Голицын и его библиотека. Книги Макиавелли и обвинение Голицына при Анне. Первый перевод «Государя» на русский язык. Переводы Фахардо, Фелвингера, Вернуэй, Фредро, фон Бесселя, книги Бюкуа и Ю. Липсия. Т. Боккалини: отрывок из перевода «Парнасских ведомостей» о Макиавелли.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ

Тетра

И.А. Голстой, А.Д. Меншиков. Мнение Викфора о Макиавелли. Перевод П. Постникова. Книги, принадлежавшие П.П. Шафирову, Я.В. Брюсу. Библиотека Академии наук. Библиотеки церковных деятелей: С. Яворского, Ф. Лопатинского, Ф. Яновского, Г. Бужинского, Ф. Прокоповича.

Младшие соратники Петра: А.Ганнибал, А.Кантемир, В. Татищев, отрицательные отзывы о «макиавеллизме». Дело

А. Вольтского. Его «макиавеллическое» письмо Анне Иоанновне. Книги Макиавелли у него, у П. Еропкина, И. Эйхлера, библиотеки других «конфидентов». Экземпляр сочинений Макиавелли придворного врача Р.Саншеса. Книги, конфискованные у Остермана и его сообщников. Середина и конец XVIII века. Издание «Анти-Макиавелли» Фридриха II в переводе Я. Хорошкевича. Рецензия на него в «Санкт-Петербургском вестнике». Вопрос о запрете Макиавелли в России. Его книги в библиотеке Петра III, возможное знакомство с ними Екатерины II, подписка Павла Петровича. Переписка издателя Тандина с Российской Академией наук.

«Словарь исторический» В. Острокова. Упоминания Макиавелли у М. Ломоносова, Я. Козельского, среди рукописей Н. Новикова, книга из библиотеки А. Радищева.

Стихотворение Г.Р. Державина. «Лавры» и «розы». Поверхностно-предвзятое любопытство XVIII века к Макиавелли.

Глава четвёртая. Россия читает Макиавелли. XIX в.

Макиавелли и разные течения общественной мысли. Перевод Спиленбергера. «Инструкция» М.Л. Магницкого. Палеотипы из библиотеки А.Н. Голицына. Патриотические отзывы С. Глинки о Макиавелли. «О духе сочинений Макиавелли» гр. С. Потоцкого. Н.М. Карамзин. Глубокое понимание Макиавелли А.С. Пушкиным. Книги его библиотеки. «Замечания на “Анналы” Тацита». «Анджело», драмы. «Герой» и наполеоновская тема. Трагическое восприятие политики. Декабристы: П.И. Пестель, и его «макиавеллический» практицизм, братья Тургеневы, А.Муравьёв. Перевод новеллы «Бельфагор» М.П. Погодина. Д.Веневитинов. Рецензии. Статья Т.Б. Маколея и три её перевода. «О военном искусстве» 1839 г. Лекции Т.Н. Грановского и П.И. Кудрявцева, актуальность Макиавелли.

Переводы сочинений Макиавелли, вышедшие в 1869 г. Н. Курочкина и Ф. Затлера. Статьи революционно-демократического лагеря: В.П. Попова, Ю.Г. Жуковского, П.Н. Ткачёва; словарь петрашевцев. Повесть Н. Г. Чернышевского. Стихотворение И.И. Гольц-Миллера. Нечаев и Бакунин. Макиавелли как основоположник современного «этатизма» в глазах М. Бакунина. А.И. Герцен. Проблема оправдания насилия. Взгляд Д.И. Писарева. Достоевский и его конгениальность

великому флорентийцу. Его подсознательная склонность к атеизму. Макиавелли в исторических сочинениях: А.Н. Веселовский, М.М. Стасюлевич; Б.Н. Чичерин фактически признаёт примат «блага народа» над нравственностью. Е.Н. Трубецкой, В.Е. Вальденберг, П.И. Новгородцев и др. Г.Ф. Шершеневич, В.И. Герье.

«Макиавелли как политический мыслитель» А.С. Алексеева и отзывы на эту книгу с разных сторон. М.М. Ковалевский – оправдание Макиавелли. Социологический подход С. Архангельского. Переводные труды. Лекция Дж. Морли. Первый том монографии П. Виллари. А.В. Амфитеатров – перевод «Мандрагоры» и очерк о Макиавелли. Новые переводы Макиавелли. Д. Мережковский и другие изображения Макиавелли в художественной литературе.

Диалог М. Жоли и «Протоколы сионских мудрецов». Власть в России в поэме М. Волошина. Её «неприкасаемость» и незаконность, насильственное решение политических проблем развития страны, «искусственность» этого развития. «Волонтаризм» и максимализм.

Глава пятая. Макиавелли в России XX в. Послеоктябрьский период

Макиавелли и марксизм. Учение о классовой борьбе. Закономерность истории. Вопрос о прогрессе и о зле как инструменте развития. Правда результатов. Отзывы Маркса о Макиавелли.

Ленин – единственная цитата из Макиавелли. Искусство компромисса. Проклятие «великого вождя».

Гитлер, Муссолини и Сталин. Макиавелли в романе А. Кёстлера. Л.Троцкий о целях революции. Л. Б. Каменев и А. Вышинский на процессе антипартийного блока. Сталин в предполагаемой оценке Макиавелли. Статья Э. Генри, «Дети Арбата», Ю. Семёнов. «Государь» и «Рассуждения» с подчёркиваниями Сталина. Другие советские руководители.

Послереволюционные публикации о Макиавелли. В. Дурденевский. В.М. Максимовский, А.К. Дживелегов и первый том «Сочинений» Макиавелли 1934 г. Отзывы о нём. «О военном искусстве» 1939 г. Судьбы «Мандрагоры».

Исторические труды о Макиавелли. Я.Малярчик и его работы о судьбах наследия Макиавелли. Работы 60–70-х гг. Историки правовой мысли: В.Д. Зорькин, В.Г. Графский, Е.А. Темнов.

Лекции Е.А. Косминского. В.И. Рутенбург, концепции Л.М. Баткина и Р.И. Хлодовского. Морализирующая критика Возрождения: А.Ф. Лосев, «Опыт» Ю.Н. Давыдова. Естествоведы о Макиавелли. Макиавелли в советской философии. Очерк К.М. Долгова. Книга Ф.М. Бурлацкого о загадке флорентийца. Статьи и книги советских политологов. И.А.Степанов о Макиавелли в Америке. Специальные исторические работы о Макиавелли. Новые переводы и издания. Макиавелли в массовой культуре. Газеты и журналы. Художественные произведения. Актуальность Макиавелли – он не укладывается в классификации.

Заключение

Образы восприятия Макиавелли. Многоуровневость и отражение. Приложимость Макиавелли к российской истории. Тенденции макиавелистики в России за пять веков.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абуладзе Т.
Аввакум
Август Цезарь
Августин
Авторханов А.
Агафокл
Адам
Адашев А.
Адольский Г.
Адриани М.В.
Аквинат Ф.
Алданов М.
Александр I
Александр II
Александр VI
Александр Македонский
Александренко В.Н.
Александров Г.Ф.
Алексеев А.С.
Алексеев Н.Н.
Алексеева А.М.
Алексей Михайлович
Алисова Т.Б.
Алкивиад
Аллен Дж.
Алпатов М.А.
Альберт Великий
Альберти Б.
Альбертини Р. фон
Альгаротти Ф.
Альдерицио Ф.
Альфьери В.
Альшиц Д.Н.
Амосов А.А.
Амфитеатров А.В.

Андреев М.Л.
Анна Иоанновна
Анненков П.В.
Аполлон
Апраксин Ф.М.
Апушкин А.
Арапов П.Н.
Аристархов
Аристотель
Аросена Л.А.
Арсеньев А.В.
Артемьева Ю.В.
Архангельский С.А.
Асиновская С.А.
Астраханский В.С.
Афанасьев А.
Ашин Г.

Б

Бадалони Н.
Білецький О.І.
Бабеф Г.
Бабий А.И.
Баглай М.
Бадалич И.М.
Бакунин М.А.
Бальбо Ч.
Бальони Дж.
Банделло М.
Бантыш-Каменский Н.Н.
Баратынский Е.А.
Барбери-Скваротти Дж.
Барби А.С.
Барон Х.
Барсков Я.Л.
Барсуков Н.П.

Барыч Х.
Баскерк Р.
Баскин М.П.
Басовская Н.И.
Баткин Л.М.
Баторий С.
Баттер Х.
Бейль П.
Беккариа Ч.
Бекки Р.
Беклер
Белоброва О.А.
Белокуров С.А.
Беляева Л.Н.
Белякович В.
Бентивольо Дж.
Бердяев Н.А.
Бероальдо Ф.
Бертелли С.
Бессель Х.-Г. фон
Бессонов П.А.
Бестужев-Рюмин К.
Бильбасов В.А.
Бладо А.
Блау И.
Блезник Д.
Блох Я.Н.
Блунчли И.Е.
Боброва Е.И.
Боброк
Бовш В.
Богданович М.И.
Боде Г. фон
Боден Ж.
Боккалини Т.
Боккаччо Дж.
Болингброк Р.
Бона Сфорца
Бонадео А.

Бонфини А
Боргош Ю.
Борджиа Ч.
Борев Ю.
Борзин Б.
Ботеро Дж.
Боцио да Губбио Т.
Бояджиев Г.Н.
Браге Т.
Брагина Л.М.
Бриани Дж.
Бриген А.Ф.
Брикнер А.
Брут Децим Юний
Брюнель П.
Брюс Я.В.
Буассе Ж.
Будде И.Ф.
Бужинский Г.
Бузбек
Буонаккорси Б.
Бурбоны
Буркхардт Я.
Бурлацкий Ф.М.
Бурцев В.
Бутурлин М.Д.
Бушкович П.
Быкова Т.А.
Бьондо Ф.
Бэкон Ф.
Бюкуа

В

Вагнер Р.
Вайнштейн О.Л.
Валентино см. Борджиа
Валла Л.
Вальгаузен
Вальденберг В.Е.

Варшевицкий К.
 Василий III
 Василий, царь греческий
 Васильев А.
 Васкес
 Вебер В.
 Ведрин Элен
 Вейдемейер И.М.
 Велизарий
 Величко С.
 Веневитинов Д.Н.
 Вентури Ф.
 Вергилий
 Вернуи Н.
 Вернэ Ж.
 Веселовский Александр
 Ник.
 Веселовский Алексей Ник.
 Веспуччи
 Агостино
 Бартоломео
 Ветстайн
 Веттори Ф.
 Викфор А.
 Виллани Дж.
 Виллари П.
 Вильчек В.
 Виниус А.
 Виноградов В.Д.
 Винтер Э.
 Виппер Ю.
 Вителли Вителлоццо
 Вишневецкий М.
 Владимирский-Буданов
 М.Ф.
 Властина К.
 Владислав IV
 Вовси-Михоэлс Н.
 Возницын П.

Войно-Ясенецкий, арх.
 Лука
 Волан А.
 Волин Шелдон
 Володин А.И.
 Володина И.Л.
 Волошин М.
 Вольнский А.П.
 Вольнский (Флексер) А.Л.
 Вольтер Ф.М.А.
 Вранчич А.
 Вреден Э.
 Вульфюис А.Г.
 Вышинский А.Я.
 Вяземский П.А.

Г

Габричевский А.Г.
 Габсбург см. Фердинанд I
 Габсбург
 Гаврилов Н.
 Гадди Я.
 Гайдар Е.Т.
 Гайденко П.П.
 Галилей
 Галкин А.
 Галличет Кальветти Карла
 Гамлет
 Ганнибал А.П.
 Ганнибал, полководец
 Ганнибалы
 Гарэн Э.
 Гвидобальдо да
 Монтефельтро
 Гвиччардини Л.
 Гвиччардини Ф.
 Гвоздев С.П.
 Гегель Г.В.Ф.
 Гельвеций

Генри Э.
 Генрих III Валуа
 Генрих IV Наваррский
 Георг, герцог Саксонский
 Георгиевский А.И.
 Герасимов Дмитрий
 Герберштейн С.
 Гервинус Г.Г.
 Герцен А.И.
 Герье В.И.
 Гёте И.В.
 Гиймен Б.
 Гилберт А.Г.
 Гилберт Ф.
 Гильери П.
 Гитлер А.
 Глинка С.Н.
 Гоббс Т.
 Гоголь Н.В.
 Годунов Б.Ф.
 Гозенпуд А.
 Голенищев-Кутузов И.Н.
 Голиков И.И.
 Голицын А.И.
 Голицын А.Д.
 Голицын Д.М.
 Голицын Н.В.
 Голицын С.Д.
 Голицыны
 Головкин М.Г.
 Гольдберг А.И.
 Гольцев В.А.
 Гольц-Миллер И.И.
 Гомер
 Горбачев М.С.
 Горская Г.В.
 Горфункель А.Х.
 Гослицкий Л.
 Готье Ю.В.

Гофман Ф.Б.
 Градова Б.А.
 Грамши А.
 Грановский Т.Н.
 Графский В.Г.
 Гребенюк В.П.
 Грибоедов А.С.
 Гримм Э.О.
 Гритти А.
 Грот К.Я.
 Гроций Г.
 Губерти Н.В.
 Гуковский М.А.
 Гундулич И.
 Гурвич Г.Д.
 Гуревич М.М.
 Гуттен У. фон
 Гучковски Я.
 Гуччи, семья

Д

Давид, царь
 Д'Аламбер Ж.
 Давыдов Д.В.
 Давыдов Ю.Н.
 Дандоло Г.
 Даниил, митрополит
 Данте Алигьери
 Данти А.
 Дантон Ж.
 Дарвин Ч.
 Дартуа А.
 Дацюк Б.
 Дашкова Е.Р.
 Де Лириа Я.
 Де Ля Уссэ А.
 Де Ля Фей Д.
 Деборин А.М.
 Декарт Р.

Дельтуф П.
 Демосфен
 Державин Г.Р.
 Державина О.А.
 Де Санктис Ф.
 Джанотти Д.
 Джевицки М.
 Джей Э.
 Джентиле А.
 Джентиле Дж.
 Дживелегов А.К.
 Джоберти
 Джунта Б.
 Джовио П.
 Дзюба Е.Н.
 Дибен
 Дидро Д.
 Дикинсон А.
 Димитрий Андреевич
 Дмитриев Л.А.
 Добролюбов Н.А.
 Довнар-Запольский М.В.
 Дойчер И.
 Долгов К.М.
 Дон Кихот
 Доринья Ж.
 д'Орко Р.
 Достоевский Ф.М.
 Дракула (Влад Цепеш)
 Дрбоглав Д.А.
 Дроздова А.
 Дурденевский В.Н.
 Дювернуа Ж.Ф.
 Дюма-отец А.

Е

Егоров Б.Ф.
 Егоров Д.Н. - исправить в
 первой кн. печатку в

прим. «Русский перевод
 сочинений Лютера... Пер.
 Д.И.Егорова»

Екатерина II
 Екатерина см. Медичи
 Екатерина I
 Елена Стефановна
 Елизавета I, королева
 Англии
 Елизавета Петровна,
 императрица
 Ельцин Б.Н.
 Енишерлов Г.Н.
 Еремин М.П.
 Ермолова М.Н.
 Еропкин П.М.
 Еропкина В.В.
 Еропкины
 Есманович (Иван)
 Ефросинья Старицкая

Ж

Жантгий И.
 Жданов И.Н.
 Женгене П.-Л.
 Жоли М.
 Жомини Анри
 Жуков Дм.
 Жуковский В.А.
 Жуковский Ю.Г.

З

Забелин И.Е.
 Заборовский С.
 Зай Ф.
 Зайцев В.К.
 Замойский Я.
 Замойский Т.

Замысловский Е.Е.
 Замятин Е.
 Запольяи Я.
 Зарате О.
 Зарубин Н.Н.
 Зарудный И.
 Затлер Ф.К.
 Захара И.С.
 Захарьин М.Ю.
 Збонский А.
 Зебжидовский М.
 Зильберман И.Б.
 Зимин А.А.
 Золотухина Н.М.
 Зомбарт В.
 Зорькин В.Д.
 Зубков И.
 Зубов И. 81

И

Ибсен Г.
 Иван IV (Грозный)
 Иван III
 Иванов Вяч.Вс.
 Иванов Д.В.
 Иероним Блаженный
 Изабелла,
 дочь Сигизмунда I
 Иисус Христос
 Иконников В.С.
 Иннокентий IX
 Иоаким, патриарх
 Иосиф, монах
 Иохер Х.Г.
 Ирод, царь
 Иуда

Й

Йенсен да Ламар

Йохер Х.Г.

К

Каганович Б.С.
 Казарин А.И.
 Калайдович К.Ф.
 Каленский В.Г.
 Калликл
 Каллимах Ф.
 Кальвани, семья
 Камбьяджи
 Каменев Л.Б.
 Кампанелла Т.
 Кампани П.
 Кампредон А. де
 Кант И.
 Кантемир А.Д.
 Кантемир Д.К.
 Кантемир К.Д.
 Кантемир М. Д.
 Кантемир Н.
 Кантимори Д.
 Канту́ Д.
 Капраника Б.
 Капустин М.
 Карамзин Н.М.
 Кардуччи Д.
 Кареев Н.И.
 Карл V
 Карл XII
 Карли П.
 Карнковский С.
 Карновский М.
 Карпов Ф.М.
 Карри П.
 Карякин Ю.Ф.
 Касаткин А.А.
 Кассирер Э.
 Касти Дж. Б.

-
- Кастильоне Б.
Кастракани К.
Катилина Луций Сергей
Каттани Дж
Каутский К.
Каченовский Д.И.
Квадри Г.
Кемотти С.
Кёстлер А.
Кине Э.
Киней
Кир
Кириллов Н.
Киселёв П.Д.
Кларк Р.
Клепиков С.А.
Клибанов А.И.
Климент VII
Климент VIII
Клосковска А.
Клосс Б.М.
Клочков Н.Н.
Ключевский В.О.
Кобеко Д.
Ковалевский М.М.
Козельский Я.П.
Козимо III
Козьмин Б.П.
Колонна Ф.
Комаров Н.
Комарова В.П.
Комаровский А.Л.
Коммин Ф. де
Комулович А.
Кононович-Горбацкий
И.
Конринг Г.
Константин из
Островицы
- Конт О.
Конфино М.
Копанев Н.А.
Коперник Н.
Копиевский И.
Корвин М.
Корецкий В.И.
Корженевский И.
Коркишко А.С.
Коркунов Н.М.
Корн Ф.
Корнилович Э.
Коровин Г.М.
Корсаков Д.А.
Космико Л.
Косминский Е.А.
Кох Р.
Кохановский С.
Коховский В.И.
Коэн С.
Кравченко А.И.
Крайтон Р.
Кригель И.М.
Крижанич Ю.
Крист И.Ф.
Кристаллер П.О.
Кристина Шведская
Кролик Ф.
Кромвель О.
Кроче Б.
Крыйский Ф.
Крылов Г.
Крылова Т.К.
Крымов Г.
Крюков Н.А.
Кубанец Василий
Кудина Д.
Кудрна Я.
Кудрявцев П.Н.

Кузнецов Б.Г.
 Кузнецов Ф.
 Кузьмина В.Д.
 Куликаускене Н.В.
 Куоко В.
 Курбский А.
 Курочкин Н.С.
 Курочкин В.С.
 Кусков В.В.
 Кучкина О.
 Кьеркегор С.
 Кьяппелли Ф.
 Кэги В.
 Кюхельбекер В.К.

Л

Лабриола А.
 Л'Адвока Ж.Б.
 Лавровский А.Н.
 Ланжерон Э.
 Ланин Б.
 Лану Ф.
 Ласки, братья
 Лафонтэн Ж.
 Лебедева Т.П.
 Лев Х
 Лев Миротворец
 Лев Философ
 Левандовский А.
 Левенвольде Р.-Г.
 Левшин, архим.Платон
 Лейбниц Г.-В.
 Ленин В.И.
 Ленчицкий П.
 Лернер М.
 Лефор К.
 Лешковская Е.К.
 Лжедимитрий
 Ливен М.

Ливий Тит
 Липсий Ю
 Лихачев Н.П.
 Лихуды , братья
 Лойола И.
 Локк Дж.
 Ломоносов М.В.
 Лопатинский Ф.
 Лопухин Д.А.
 Лорер Н.И.
 Лорихий Р.
 Лосев А.Ф.
 Лот
 Лукин Ю.А.
 Луккезини Л.
 Лукреций Кар Тит
 Луппов С.П.
 Лурье Я.С.
 ЛуцкаяФ.И.
 Лучицкий И.В.
 Львова Е.Н.
 Любович Н.
 Людовик XI
 Лютер М.
 Лярская Е.П.

М

Мавродин В.В.
 Магмет (Мехмед II)
 Магницкий М.Л.
 Мадзини Дж.
 Мазарини
 Мазепа И.
 Мазере
 Маззелло В.
 Мазманьянц В.К.
 Майков А.Н.
 Майков Л.Н.
 Маймин Е.А.

Майнеке Ф.
Макаров В.К.
Макиавелли
 Бернардо ди Никколо
 Гвидо ди Никколо
 Никколо ди Бернардо
passim

Маколей Т.Б.
Максим Грек
Максимилиан I
Максимовский В.Н.
Малеспини Р.
Малкина Т.
Малярчик Я.
Мамед-Заде ИР.
Мамут Л.С.
Манлий Капитолин
Марат Ж.-П.
Маргарита Пармская
Мариана Х.
Марини Ф. см. Сахс
Маритэн Ж.
Мария Кровавая (Гюдор)
Маркс К.
Марло К.
Марсилий Падуанский
Мартелли М.
Мартынов И.Ф.
Марцел Виргилий см.
Адриани
Маслов С.И.
Матвеев А.А.
Матвеев Я.
Маттингли Г.
Машон
Медведев С.
Медведев И.П.
Медичи

Медичи
 Джованни делле Банде
Нере
 Джулиано
 Екатерина
 Козимо
 Лоренцо Великолепный
 Лоренцо, герцог Урбино
Межиров А.
Менар П.
Мейнеке Ф. см. Майнеке
Менгден К.-Л. фон
Меншиков А.Д.
Мережковский Д.С.

М

Мережковский Д.С.
Меркаданте
Микельанджело
Миллер И.
Милославский И.
Миних Б. К.
Миранда Ж.
Михаил Романов
Михайлов О.
Михайловский-
Данилевский А.И.
Михозлс С.М.
Модзалевский Б.Л.
Можаитинов Г.
Моисей
Молвянинов Я.
Молотов В.М.
Моль Р. фон
Монтень М.
Монтескье Ш.
Мор Т.
Морери
Морли Дж.

Морнэ Ф.
 Мороз О.
 Морозов А.А.
 Морозов Б.Н.
 Морозов П.
 Моцарт В.А.
 Мочениго Д.
 Моэм У.С.
 Мундт Т.
 Мунен Ж.
 Муравьев А.З.
 Муравьев А.Н.
 Муравьев М.Н.
 Муравьев Н.
 Муравьева Г.Д.
 Мурзанова М.Н.
 Мусин-Пушкин П.И.
 Муссолини Б.
 Мюллер Иоганн
 Мюре М.А.

Н

Наир Сами
 Нічик В.М.
 Набоков В.В.
 Наннини Р.
 Наполеон I
 Наполеон III
 Нартов А.К.
 Некрасов А.Н.
 Нери Ф.
 Несмеянов Е.Е.
 Нестеров Ф.Г.
 Нечаев С.Г.
 Никитин Е.П.
 Никитина А.Г.
 Никколо' из Флоренции
 Николаев С.И.
 Николаевский Б.И.

Николай I
 Николай Александрович
 Никон
 Нифо А.
 Ницше Ф.
 Новгородцев П.И.
 Новиков Н.И.
 Нодэ Г.
 Нортон П.Е.

О

Овидий
 Огарёв Н.П.
 Одоевский В.Ф.
 Окороков В.
 Оксман Ю.Г.
 Олизаровский А.А.
 Ольджати Дж.
 Ольшки Л.
 Опалиньский Л.
 Ордин-Нащокин А.Л.
 Ориани
 Орлов А.С.
 Орлов В.
 Орозий П.
 Осмульский Я.
 Оссовский А.
 Остерман А.
 Островский А.Н.
 Отелло

П

Павел I
 Павел IV
 Павел V
 Павел VI
 Павел митрополит
 Павлов И.П.
 Павлов-Сильванский Н.П.

- Падджи Л.
Паисий Лигарид
Палеолог София
Панноний А.
Панченко А.М.
Папарелли Дж.
Парсамов В.С.
Парута П.
Пастор Л. фон
Патрици Ф.
Паузини А.Дж.
Пекарский Кшиштоф
Пекарский П.
Пен У.
Пересвет
Пересветов И.С.
Перцов В.
Перье Ж.
Пестель П.И.
Петр I
Петр III
Петрарка Ф.
Петров В.А.
Петров Д.К.
Петров М.Т.
Петров Н.И.
Петров П.Н.
Петровский М.А.
Пигарев К.
Пий IV
Пий VI
Пико делла Мирандола
 Джованни
 Джованни Франческо
Пиккуль В.
Пилат
Пиндемонта И.
Пипер К.
Пирлинг П.
Пирумова Н.М.
Писарев Д.И.
Питкин Хана Ф.
Плавт Тит Макций
Платон
Плеханов Г.В.
Плимак Е.Г.
Погодин М.П.
Покровский М.
Покровский Н.Е.
Пол Р.
Полевой А.Н.
Поленов А.
Полибий
Полити А.К.
Полициано А.
Полонская И.М.
Полосин И.И.
Помпонацци П.
Попов В.П.
Попов Н.А.
Поповский М.
Пореш В.Ю.
Посников Г.
Поссевино (Поссевин) А.
Постников П.В.
Потоцкий С.Е.
Пресс А.Г.
Преццолини Дж.
Прокаччи Дж.
Прокопович Ф.
Пронский Л.
Пташник (см. также
Ptašnik) Я.
Пугачёв В.И.
Пугачёв В.В.
Пумпянский Л.В.
Пуффендорф
Пушкарев Л.Н.

Пушкин А.С.
Пушков В.П.

Р

Рааб Ф.
Рабле Ф.
Равкинт В.Н.
Радек К.
Радзивилл Н.
Радишев А.Н.
Раич С.Е.
Раймонди Э.
Райнов Т.И.
Райс Е.
Ранке Л. фон
Рареш П.
Раушнинг Г.
Реберг
Резник А.В.
Рейтенфельс Я.
Рейфман П.С.
Ржига В.Ф.
Рибаденейра П.
Ридольфи Р.
Риттер Г.
Ричард III
Риччи
Риччи Дж.
Ришелье А. дю Плесси де
Робеспьер М.
Робинсон А.Н.
Ровинский Д.А.
Рогов А.И.
Роговин С.
Рогович М.Д.
Роговский П.
Розанов М.Н.
Роско У.
Росси А.

Ростовцев А.
Ротунд А.
Руссо Ж.Б.
Руссо Ж.Ж.
Руссо К.
Руссо Л.
Рутенбург В.И.
Рыбаков А.
Рыжков Н.И.
Рыкова Н.Я.
Рылеев К.Ф.
Рышка Ф.
Рэйли У.

С

Сааведра см. Фахардо
Савельева Е. А.
Саверкина И.В.
Савонарола Дж.
Сакс де, граф (Мориц
Саксонский)
Салтыков М.
Сальери А.
Саллюстий Гай Крисп
Салютати К.
Сангвинетти Ф.
Сансовино Ф.
Санта-Крус К.
Саншес Р.
Сапега Ф.
Сапега Лев Казимир
Сапунов Б.В.
Саролли Дж.Р.
Сассо Дж.
Сахс Я.
Сегюр Ф.
Седов Л.
Семевский В.И.
Семенников В.П.

- Семёнов Юл.
Сен-Жорж Ж.-А.
Серристорн А.
Сеян
Сигизмунд I
Сигизмунд II
Сигизмунд III
Сильвестр
Симеон Полоцкий
Симонов Н.
Сингалевич С.П.
Сиповский В.В.
Скабичевский А.М.
Скаля Дж.Б.
Скоретти Ф.
Смирнов С.К.
Смирнова Т.И. 44
Смит А.
Соболевский А.И.
Содерини
 Джованбаттиста
 Пьеро
 Франческо, кард.
Соймонов Ф.И.
Соколов В.В.
Соколов М.
Сократ
Соловьёв С.М.
Соловьёв В.С.
Солонович Е.
Сомов В.А.
Сорокин П.
Софья Алексеевна
Сохор Л.
Спасский Ю.
Спафарий
Спилембергер Г.
Спиноза Б.
Спирин Л.
Сталин И.В.
Станкевич А.
Старовольский Ш.
Стасюлевич М.М.
Стеллецкий Н.
Степанов А.Н.
Степанов И.А.
Стивенс Дж.Н.
Столярова Л.В.
Стороженко Н.И.
Стоюнин В.В.
Страда Ф.
Строев П.
Строцци Дж. Б.
Стрыйковский М.
Ступан
Суворин А.С.
Суворов А.В.
Суда де ла И.
Сухомлинов М.И.
Суццо М.
Сфорца
 Галеаццо Мария
 К.
 Франческо
Сципион Публий Корнелий
Африканский
Сэй Ж.Б.
Сэйссель К.
- Т**
Такер Р.
Таландье А.
Талейран Ш.М.
Тамборра А.
Танцини Р.
Тарасов Б.Н.
Татарский И.
Татищев В.П.

- Тауберт И.
 Тацит Корнелий
 Твардовская В.А.
 Тедадьди
 Джованни
 Джованни, посол
 Джованни Баттиста
 Джованни ди Бальдо ди
 Пьероццо
 Латтанцио
 Тезей
 Тельо Сильвестро да
 Фолиньо
 Темнов Е.И.
 Тененти А.
 Тенчинские
 Тенчинский А.
 Теренций Публий
 Тертуллиан
 Тиберий
 Тиблен Н.
 Тимотео
 Тимофеев Н.И.
 Тит, император
 Тихомиров М.Н.
 Ткачев П.Н.
 Толстой Л.Н.
 Толстой Ф.А.
 Томашевский Н.
 Томилин-Бразоль А.
 Томмазини О.
 Томский М.П.
 Топорков (Василий)
 Топоровский Т.
 Топор-Рабчинский Вл.
 Тоскано Дж.М.
 Тоффанин Дж.
 Транквилл Андроник
 Триволис Михаил (см.
 также Максим Грек)
 Трофимова Н.С.
 Троицкий Л.Д.
 Трубецкой Е.Н.
 Трубников К.
 Туан Ж.
 Турбин С.И.
 Тургенев А.И.
 Тургенев И.С.
 Тургенев Н.И.
 Тургенев С.И.
 Туробойский И.
 Тяпкин В.М.
- у
- Уваров С.С.
 Уокер Л.Дж.
 Урусов А.
 Успенский Б.А.
 Успенский К.Н.
 Ушаков А.И.
 Уэллс Г.
- Ф
- Факсардо см. Фахардо
 Фатеев А.Н.
 Фахардо
 Федор Алексеевич
 Фейербах Л.
 Фейнберг Е.Л.
 Фейнберг И.Л.
 Фелвингер И.Л.
 Фельдштейн М.С.
 Фельштинский Ю.Г.
 Феоктистов Е.М.
 Фердинанд I
 Фердинанд Католический
 Феррари Дж.
 Феррони Дж.

Фидо Ф.
Филикайя А. да
Филимонов Э.
Филипп В.
Филипп II
Фихте И.Г.
Фичино Марсилио
Флейшер М.
Фома Аквинский
Фома Кемпийский
Фомин И.
Фосколо У.
Франс А.
Франциск I
Франциск Ассизский
Франческо, граф, правитель
Милана, см. Сфорца
Фрати Л.
Фредро А.М.
Фридлянд Ц. (Г.С.)
Фридрих II Прусский
Фролов Петр
Фроммет Б.
Фукидид
Фундаминский М.И.
Фурий Кориолан Ф.
Фурнье Л.

Х

Хасбулатов Р.И.
Хекстер Дж.
Хлодовский Р.И.
Хозий С.
Хоментовская А.И.
Хониат Н.
Хорошкевич Я.
Хотев П.И.
Хрисидис Н.
Хрущев А.Ф. (Хрушов)

Хрущёв Н.С.
Хьюбнер

Ц

Царьков И.И.
Цветаев Дм.
Цедергелм
Цицерон Марк Туллий

Ч

Чан В.
Чебышев С.Н.
Черкасский А.М.
Черникова Т.В.
Чернышевский Н.Г.
Черняк И.Х.
Чечулин Н.Д.
Чиккарини М.
Чиколини Л.С.
Чилиберто М.
Чичерин Б.Н.

Ш

Шабо Ф.
Шакловитый Ф.
Шаркова И.С.
Шафиров П.П.
Шевалье Ж.Ж.
Шевригин И.
Шевырев С.П.
Шекспир У.
Шелгунов Н.
Шервинский С.В.
Шерель А.
Шершеневич Г.Ф.
Шефтель З.Л.
Шимко И.
Шлоссер Ф.К. Шмелёв
Ник.
Шмидт С.О.

Шмурло Е.Ф.
 Шмюкле К.
 Шодон Л.
 Шоппе Г.
 Штелин Н.Я.
 Штраусс Л.
 Штупарих Дж.
 Шуйский В.
 Шумахер И.Д.

Э

Эбелинг Ф.В.
 Эденстайн В.
 Эйдельман Н.Я.
 Эйзенштейн С.М.
 Эйлер Л.
 Эйнштейн А.
 Эйхлер И.
 Энгельс Ф.
 Эпикур
 Эразм Роттердамский
 Эренбург И.
 Эрколе Ф.
 Эскулап

Ю

Юлий II
 Юлий Цезарь
 Юстиниан

Я

Яворский С.
 Ягве
 Яковлев А.
 Яновский Ф.
 Яхин Р.Х.

А

Abransky Ch.
 Aleksejev A. S.
 Algarotti F.
 Alonso F.S.
 Anna Ioannovna
 AratoF.
 Aron R.

В

Bacon F.
 Bakounine M.A.
 Barberi-Sguarotti G.
 Barbi A.S.
 Barycz H.
 Baryczowa M.
 Basa D.
 Batkin L.M.
 Battista A.M.
 Bayle P.
 Benoist Ch.
 Berardi G.F.
 Bertelli S.
 Bessel Ch.G. von
 Bielak F.
 Bocalini T.
 Boczek B.
 Bode H. von
 Bodin J.
 Bona Storza
 Borgia C.
 Born J.
 Botero G.
 Boutourlin D.P. Bozio T.
 Briani G.
 Buck A.
 Buddeus J. F.
 Buonaccorsi F. v.
 Kallimach

Buonaparte N.
 Buquoy
 Burlackij F.M.
 Bushkovitch P.
 Buttura A.

C

Cantemir A.
 Cecill W.
 Cerchieri P.
 Cherel A.
 Cherniavsky M.
 Chevalier J.J.
 Chiappelli F.
 Chlodovskij R.J.
 Ciaconius A.
 Ciampi S.
 Ciardo M.
 Clemens VIII
 Conring H.
 Cordié C.
 Cronia A.

D

Danti A.
 De Grazia S.
 De La Feuille D.
 De la Houssay A.
 De Mattei R.
 Deltuf P.
 Denisoff E.
 Deutscher I.
 Di Maria S.
 Dorigny J.
 Dostoevskij F.M.
 Durand-Cheynet Caterine

E

Eidelman N.

Elsermann G.
 Engels F.
 Estreicher S.

F

Falconi E.
 Felwinger J.P.
 Firpo L.
 Foillet J.
 Fournier L.
 Frati L.
 Fredro A.M.
 Freidank D.

G

Gaddi J.
 Gamurrini E.
 Garbacik J.
 Gilbert F.
 Giovanni delle Bande Nere
 v. Medici
 Goltzyn D.M.
 Graciotti S.
 Gramsci A.
 Grasshoff H.
 Guicciardini F.
 Guillon de Monteleon A.
 Gukowski M. A.
 Gimnicus J.

H

Hartleb K.
 Helvetius

I

Innocenti P.
 Ivan il Terribile (le Terrible)

J

Jakubowski P.
Jarra E.
Jovius P.

K

Kaegi W.
Kallimach
Kamenev L.B.
Kaposi M.
Karttunen Liisi
Kastner E.
Kluxen K.
Kochowski W.
Korytkowski J.
Korzeniowski J.
Kot S.
Kovalevskij M.M.
Kurbskij A.M.

L

Langeron E.
Lempicki S.
Lenin V.I.
Levi-Malvano E.
Lipsius J.

M

Macauley Th.B.
Machiavelli B.
Malarczyk J.
Marini F. (Sachs J.)
Marteau P.
Martelli M.
Marx K.
Masiello V.
Masloh A.
Massimo il Greco, Maxime
le Grec

Mastellone S.
Mazères de M.
Medici Giovanni
Michelotto
Modrzewski A.F.
Montesquieu
Mornaues Ph.
Mussolini B.

N

Nua Ph.

O

Orzechowski S.

P

Paggi L.
Paprocki B.
Pastor L. von
Pausini A.J.
Peresvetov I.
Pesman Cooper, Roslyn
Philipp W.
Pierling P.
Pierre-le-Grand (Pietro il
Grande)
Pitcarn
Pociecha W.
Potocki S.
Praz M.
Prezzolini G.
Procacci G.
Procopovic F.
Ptašnik J.

R

Raab F.
Rauschning H.
Ridolfi R.

Rotundus A. (Mieleski)

S

Saavedra Faxardo

Sasso G.

Schieder Th.

Schubert J.

Scoretti F.

Segur de Ph.

Simeon Polotski

Soderini F.

Sorrentino A.

Sorrento L.

Stalin I.V.

Starowolski S.

Strozzi G.B.

Stuparich G.

Suler

T

Tamborra A.

Tazbir J.

Tellius Fulginatus S.

Teslar J.A.

Theiner A.

Tolstoj L.N.

Tomasiak-Brzost A.

Tommasini O.

Trotsky L.D.

Turowski K.J.

V

Varsevitius v. Warszewicki

Venturi F.

Veress A.

Vernulaeus N. (De

Vernouille, Vernulz)

Villari P.

Voltaire F.M.A.

Volynskij A.P.

Vorländer Karl

Vyscinskij A.J.

W

Waille V.

Warszewicki K.

Waugh D.C.

Wicquefort A.de

Z

Zebrzydowski M.

Zeissberg von H.B.

Zernecke J.H.

Zimmerman E.

Zygmunt August

Аннотированный список книг издательства «Канон+»
РООИ «Реабилитация» вы можете найти на сайте
iph.ras.ru/kanon или <http://journal.iph.ras.ru/verlag.html>
Заказать книги можно, отправив заявку по электронному адресу:
kanonplus@mail.ru

Научное издание

М. А. ЮСИМ

МАКИАВЕЛЛИ.

Мораль, политика, фортуна

**Этика Макиавелли.
Макиавелли в России**

Серия «Из истории мировой культуры»

Директор издательства *Божко Ю.В.*
Ответственный за выпуск *Степанов М.С.*
Художник *Клюйко М.Б.*
Корректор *Жарская С.В.*
Верстка *Соколова П.Л.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.07.2011.
Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 26,5. Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация»
111672, Москва, ул. Городецкая, д. 8, корп. 3, кв. 28.
Тел./факс 702-04-57.
E-mail: kanonplus@mail.ru
Сайт: iph.ras.ru/kanon или <http://journal.iph.ras.ru/verlag.html>

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство “Белорусский Дом печати”».
220013, Минск, пр. Независимости, 79.

Политики, как и другие люди часто говорят одно, а поступают по-другому. Все знают, например, что нехорошо брать взятки, но коррупция процветает. Макиавелли часто воспринимают как человека, который теоретически узаконил принцип «не пойман – не вор». Автор двух переиздаваемых монографий показывает, что это представление, по меньшей мере, поверхностно; он также опровергает расхожее положение о разделении политики и морали у Макиавелли. Отправным пунктом служит тезис о том, что флорентийский секретарь впервые на заре Нового времени стал учитывать фактор человеческой субъективности, общественного мнения, расхождений между сферой действия и сферой оценки в политике и в жизни; в рамках ренессансных этических представлений переосмыслил феномен власти как одновременно и нравственного, и безнравственного учреждения.

Первая часть, озаглавленная «Этика Макиавелли», может служить введением к чтению сочинений итальянского мыслителя, здесь рассматриваются ключевые проблемы его творчества. Во второй части, «Макиавелли в России», дан обзор мнений о Макиавелли, высказывавшихся в нашей стране или имеющих отношение к ее истории, начиная со времен Ивана Грозного и Петра Первого и до середины истекающего десятилетия.

ISBN 978-5-88373-259-0

9 785883 732590

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАНОН-ПЛЮС**